

Эрл Земке



ОТ СТАЛИНГРАДА  
ДО БЕРЛИНА

ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК  
И ВЕРМАХТА

1942—1945

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО БЕРЛИНА

Эрл Земке



**Эрл Земке**

**ОТ СТАЛИНГРАДА  
ДО БЕРЛИНА**



**Earl F. Ziemke**

**STALINGRAD  
TO BERLIN**

**THE GERMAN DEFEAT  
IN THE EAST**

**Эрл Земке**

# **ОТ СТАЛИНГРАДА ДО БЕРЛИНА**

**ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК  
И ВЕРМАХТА**

**1942—1945**



**Москва  
ЦЕНТРОЛИГРАФ**



УДК 94"1941/1945"  
ББК 63.3(0)62  
3-51

Охраняется законодательством РФ  
о защите интеллектуальных прав.  
Воспроизведение всей книги или любой ее части  
воспрещается без письменного разрешения издателя.  
Любые попытки нарушения закона  
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника  
И.А. Озерова*

**Земке Э.**  
3-51 От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск  
и вермахта. 1942—1945 / Пер. с англ. А.Л. Андреева. — М.:  
ЗАО Центрполиграф, 2009. — 604 с.

ISBN 978-5-9524-4271-9

Начальник отдела военно-исторической службы армии США Эрл Земке в своей книге рассказывает о важнейших сражениях Второй мировой войны и тех факторах, благодаря которым Советский Союз стал доминирующей державой Европы. Автор последовательно, день за днем проследил ход важнейших боев между советскими войсками и немецкими армиями от Сталинграда до Берлина, осветил все аспекты партизанского движения, поведал об операциях, которые призваны были изменить ход войны.

В книге нашли отражение материалы из трофейных архивов германских сухопутных войск и военно-морских сил. Использованы мемуары и другие письменные свидетельства очевидцев, принимавших участие в боевых операциях на Востоке.

УДК 94"1941/1945"  
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9524-4271-9

© Перевод, ЗАО  
«Центрполиграф», 2009  
© Художественное оформление,  
ЗАО «Центрполиграф», 2009

---

---

## Глава 1

### ВТОРЖЕНИЕ

К началу сентября 1942 г., на четвертый год войны, немецкий фюрер Адольф Гитлер, который также занимал должности Верховного главнокомандующего германскими вооруженными силами и главнокомандующего немецкой армией, был полностью поглощен планами проведения второй летней кампании против Советского Союза<sup>1</sup>.

В течение последних полутора месяцев он лично руководил военными действиями на южном фланге Восточного фронта из ставки «Вервольф», расположенной в небольшом лесу в 10 км северо-восточнее украинского города Винница. Там же, на строго охраняемой территории ставки, которую он покидал очень редко, в комфортабельных сборных домиках и бетонных бункерах располагался весь личный штаб фюрера. В состав штаба фюрера входили: начальник ОКВ (Oberkommando der Wehrmacht) генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель и группа управления Оперативного штаба (WFSt — Wehrmachtfuehrungsstab) во главе с генерал-полковником Альфредом Йодлем. В Виннице, жарком и пыльном провинциальном городе, располагалась также ставка Верховного командования сухопутных войск (Oberkommando des Heeres (ОКХ)), которой руководил начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер. Через штаб ОКХ осуществлялось командование группами армий и армиями на Восточном фронте.

В течение лета немецкие группы армий «А» и «Б» значительно продвинулись на советском фронте в направлении реки Волга в районе города Сталинград, а также к западной части Кавказских гор. 21 августа немецкие егеря (горные стрелки) водрузили германские флаги на самой высокой вершине Кавказа — священной горе арийцев двуглавым Эльбрусе (на 5642 м и 5621 м). Однако еще до конца месяца

---

<sup>1</sup> Как фюрер, Гитлер одновременно занимал посты президента, рейхсканцлера и руководителя национал-социалистической партии Германии.



появились признаки того, что наступление начало стопориться в обширных засушливых районах юга СССР. При этом не было и речи о выполнении ни одной из его стратегических задач, а именно: окончательном разгроме Советского Союза, захвате крупных нефтяных месторождений на Северном Кавказе (Грозный), в районе Каспийского моря (Баку) и открытии пути через Кавказ на Ближний Восток (относительно небольшие нефтяные промыслы в районе Майкопа немцы захватили, но полностью выведенными из строя. — *Ред.*). Гитлер пребывал в состоянии раздражения и подавленности. На регулярных совещаниях его споры с представителями германского военного руководства по поводу хода наступления неизменно заканчивались едкими репликами относительно компетентности генералитета и понимания им основ военного искусства.

Во второй половине дня 9 сентября, после особенно мощного взрыва недовольства, днем ранее обрушившегося на генерал-фельдмаршала Вильгельма Листа, которого фюрер на протяжении вот уже нескольких недель неоднократно обвинял в невыполнении приказов и неэффективном управлении войсками, Гитлер направил в Винницу В. Кейтеля, поручив ему поставить в известность Ф. Гальдера о том, что В. Лист должен официально обратиться с просьбой о своей отставке с поста командующего группой армий «А»<sup>1</sup>.

Гитлер в те дни вознамерился лично возглавить командование группой армий. В ходе беседы В. Кейтель «намекнул» Ф. Гальдеру о том, что вскоре должны произойти изменения и на других постах военного руководства, в том числе и на том, который занимал сам Ф. Гальдер<sup>2</sup>.

Фактически Гитлер уже принял решение освободить Ф. Гальдера от выполнения обязанностей начальника Генерального штаба, поскольку, как заявлял фюрер, «состояние психики Гальдера более не позволяло ему занимать эту должность». Фюрер также рассматривал возможность избавиться и от своего ближайшего советника по военным вопросам А. Йодля, вина которого заключалась в том, что он позволил себе поддержать В. Листа.

В августе 1942 г. Германия находилась на пике своих военных завоеваний во Второй мировой войне. Эта страна владела Европой от Пиренеев до Кавказа, от Крита до мыса Нордкап. Танковая армия «Африка» вторглась на территорию Египта. В ходе летних боев в южной части СССР конечно же совершались ошибки, вину за которые Гитлер пытался полностью возложить на своих генералов. Но не только эти ошибки служили причиной обстановки всеобщей подавленности в среде немецкого военного руководства. Ее корни крылись в куда более значительных просчетах германского генералитета.

<sup>1</sup> *Гальдер Ф.* Kriegstagebuch des General-obersten Franz Halder (далее по тексту — Военный дневник), записи от 23 июля, 22, 29, 30 августа и 8 сентября 1942 г. (Цитируется по записям Управления военной истории армии США.)

<sup>2</sup> Там же. Запись от 9 сентября 1942 г.

В директиве о наступлении 1942 г. Гитлер указывал в качестве основной задачи «...окончательное сокрушение военной мощи Советского Союза путем лишения его последних оставшихся людских ресурсов». Он полагал, что Советский Союз бросит все свои оставшиеся силы на защиту нефтяных месторождений, а затем, потеряв и то и другое, будет поставлен на колени. Однако этого не случилось. В конце августа сотрудники отдела Генерального штаба германских сухопутных сил, занимавшегося ведением разведки на Востоке, попытались проанализировать обстановку, в которой окажется противник после немецкого наступления. В заключении они сделали вывод о том, что целью противника является сведение к минимуму потери новых советских территорий; в то же время Советский Союз стремится сохранить достаточно людских ресурсов и материальных средств для организации зимнего наступления. Кроме того, там говорилось о том, что в Советском Союзе осознают возможность потери в результате нового немецкого наступления Северного Кавказа и Сталинграда, а может быть, и Ленинграда и Москвы. Таким образом, территориальные потери, какими бы значительными они ни были, не станут для противника неожиданностью. Кроме того, потери советских войск оказались значительно ниже тех прогнозов, которые были сделаны на основе опыта немецкого наступления 1941 г. Исходя из этого отдел «Иностранные армии Востока» делал вывод, что потери советских войск «остаются на уровне, позволяющем им сохранить боеспособность для будущих боев», а также что потери самих наступающих немецких войск «нельзя считать незначительными».

### **Германское командование**

24 сентября 1942 г. генерал пехоты Курт Цейцлер сменил Ф. Гальдера на посту начальника Генерального штаба сухопутных войск (ОКХ). В своем прощальном обращении к последнему, сделанном наедине после состоявшегося в тот день совещания, Гитлер заявил, что нервы Ф. Гальдера на пределе и нервы самого фюрера в ненамного лучшем состоянии; таким образом, им следует расстаться. Далее он добавил, что теперь настало время воспитывать офицеров Генерального штаба в духе «фанатичной преданности идее» и что он, Гитлер, решил навязать свою волю и армии. Тем самым фюрер небезосновательно подразумевал, что под началом Ф. Гальдера в сухопутных войсках слишком упрямо пытались цепляться за то, что осталось от принципов независимости от политики, что традиционно проповедовалось в военных кругах<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Гальдер Ф. Военный дневник. Запись от 24 сентября 1942 г.



Назначение К. Цейслера стало сюрпризом для всех, в том числе и для него самого. Это был грамотный штабной офицер, не обладавший, однако, особенно выдающимися качествами. Возглавляя штаб группы армий «Д» и отвечая за оборону Бельгии, Нидерландов и побережья Ла-Манша, за свой энергичный характер и округлую фигуру К. Цейслер получил прозвище Генерал Шаровая Молния. Во время одного из длинных монологов за ужином, получивших название «застольные беседы», состоявшегося в июне 1942 г., Гитлер заметил, что Голландия должна стать «твердым орешком» для врага, так как К. Цейслер «подобно ястребу молниеносно переносится с места на место и тем самым не дает войскам впасть в спячку при отсутствии контакта с противником». Очевидно, Гитлер посчитал, что новый начальник Генерального штаба должен был обладать большей физической активностью, а не высоким интеллектом и личной популярностью в среде генералитета, что отличало Ф. Гальдера.

Отставка Ф. Гальдера и назначение на пост начальника Генерального штаба ОКХ К. Цейслера явились очередным этапом в произошедших по инициативе Гитлера изменениях в структуре командования вооруженными силами Германии, которые осуществлялись с начала 1938 г. Тот период был также отмечен большим количеством отставок среди военных руководителей высшего эшелона. Именно тогда в Германии было упразднено военное министерство, а функции главнокомандующего вооруженными силами страны переданы лично фюреру. Для руководства повседневной деятельностью вооруженных сил страны был создан личный штаб Гитлера — Главное командование вермахта (ОКВ), начальником которого был назначен В. Кейтель. По мере того как страна стремительно сползала в войну, оперативному штабу ОКВ, являвшемуся одним из его подразделений под руководством его талантливого руководителя генерала А. Йодля, пришлось взять на себя задачи планирования, которое осуществлялось параллельно и зачастую подменяло собой деятельность соответствующих структур в родах войск в германских вооруженных силах. Надеясь добиться более эффективного руководства деятельностью армии, Гитлер одновременно назначил на должность главнокомандующего сухопутными войсками генерал-полковника (позднее — генерал-фельдмаршала) Вальтера фон Браухича, а генерала Ф. Гальдера — на должность начальника штаба сухопутных войск. Являясь начальником штаба ОКХ, Ф. Гальдер автоматически встал во главе наиболее важной и влиятельной группировки внутри немецкой армии, которую представлял собой ее Генеральный штаб.

С самого начала войны Гитлер дал понять, что намерен принять активное участие в управлении ведением военных операций. Официальным средством контроля при постановке стратегических задач и определении целей проведения той или иной операции стали директивы фюрера. По крайней мере, на начальном этапе войны они

суммировали мыслительную работу целого ряда штабов и воплощали ее в форме приказов, утвержденных Гитлером лично. Такие директивы поступали из оперативного штаба ОКВ, что сделало этот орган официальным рупором фюрера, передающим все наиболее важные решения по военным вопросам. В то же время штаб фактически не нес за эти решения никакой ответственности.

Новый порядок в планировании деятельности вооруженных сил был фактически принят в апреле 1940 г. после вторжения в Норвегию и Данию. Отныне его соблюдение приняло силу закона. Теперь функции планирования и оперативного контроля были прочно закреплены за оперативным штабом ОКВ, то есть за личным штабом Гитлера. В ведении командований родов войск остались лишь вопросы комплектования войск, обеспечения матчастью и организации работы тыловых служб. Такие изменения в долгосрочной перспективе должны были в первую очередь затронуть деятельность командования сухопутными войсками при планировании и управлении наземными операциями. Это объяснялось тем, что ни сам Гитлер, ни А. Йодль с его оперативным штабом не были готовы взять на себя все аспекты деятельности люфтваффе или ВМС и, как следствие, склонялись оставить эти вопросы в компетенции соответствующих штабов. К лету 1941 г. ОКВ (обычно через командующих армейскими группировками на отдельных театрах военных действий) сосредоточило в своих руках руководство войсками в Норвегии, Западной Европе (Франции и Нидерландах), на Балканах и в Северной Африке. В компетенции командования ОКХ осталось руководство немецкими войсками на Восточном фронте (СССР). При этом командование группировкой германских войск в Финляндии и вопросы взаимодействия с финской армией находились в ведении подразделения ОКВ, отвечающего за Северный театр военных действий.

К концу лета 1940 г., времени, когда стали вынашиваться планы проведения кампании против Советского Союза, Гитлер и германская армия уже успели одержать три блестящие победы: в Польше, в Норвегии и Дании, а также во Франции. Казалось, что немецкие войска непобедимы, а Гитлер приобрел репутацию настоящего военного гения даже в глазах скептиков. Вероятно, в той обстановке в высших военных эшелонах установилась атмосфера небывалого единства, какого не наблюдалось ни ранее, ни в последующем. Основной трудностью при планировании операций на территории Советского Союза считался географический фактор. Эта проблема была очевидной, а ее решение не обещало стать легким. В первую очередь это относилось к резко континентальному климату страны с его коротким жарким летом и чрезвычайно холодной зимой. Кроме того, пугала огромная протяженность территории страны с севе-



ра на юг. Фактор климата диктовал необходимость покончить с Советским Союзом в ходе одной летней наступательной кампании продолжительностью не более пяти месяцев, поскольку в противном случае вермахт был бы поставлен перед риском участия в затяжной войне с зимней кампанией, к которой он не был подготовлен и для которой он не был оснащен. Руководствуясь этими соображениями, Гитлер еще на ранней стадии планирования кампании в конце июля 1940 г. назначил вторжение на будущее лето<sup>1</sup>.

Период распутицы, куда относится время таяния снега весной и осенних дождей, во время которого большинство дорог на территории Советского Союза на несколько недель превращались в непроезжие грязевые «болота», внесли еще более жесткое ограничение в сроки проведения кампании.

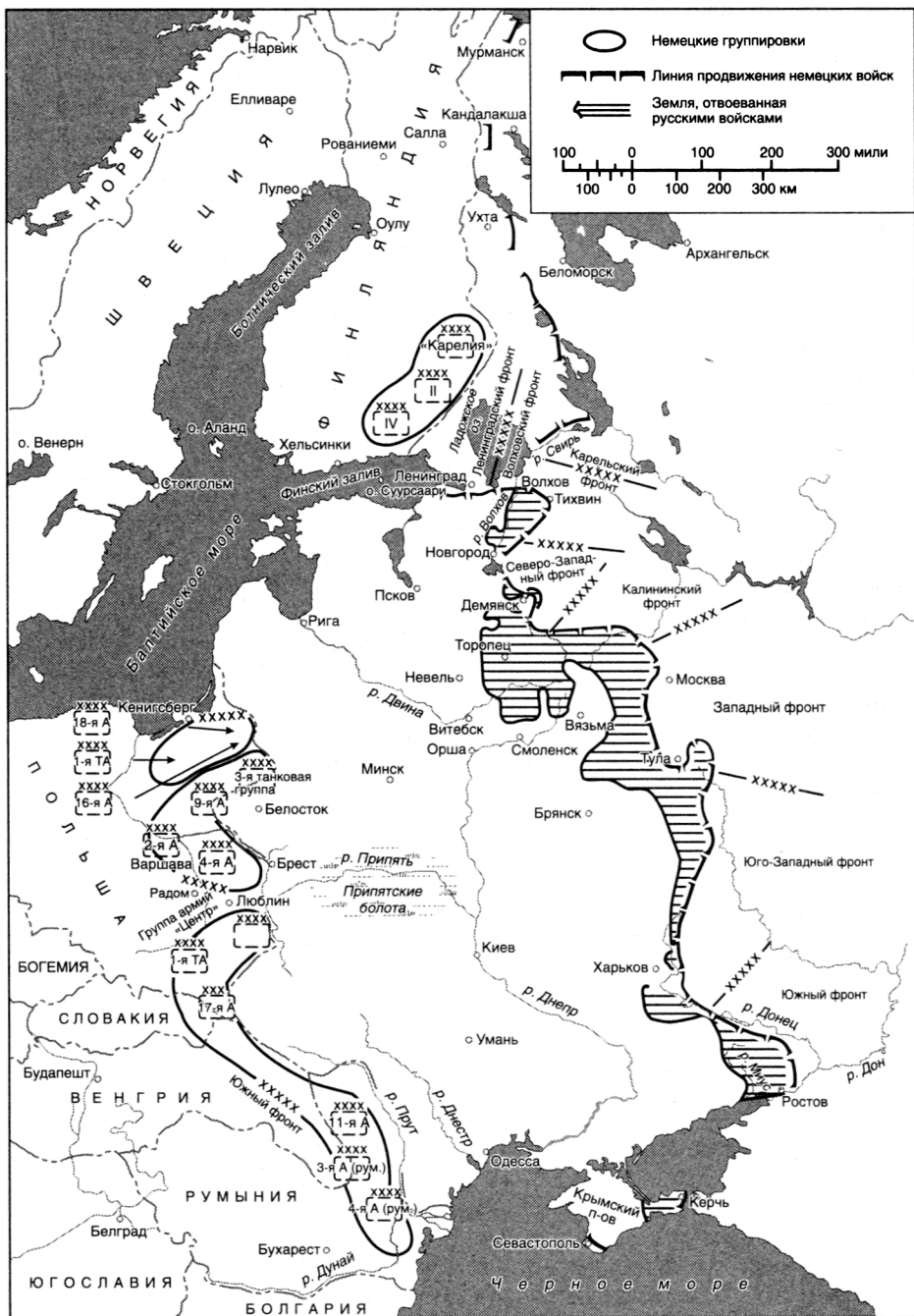
Основной проблемой, которая стояла перед будущими завоевателями, была необходимость достижения военной победы в кратчайшие сроки над страной, раскинувшейся на огромной территории. За исключением обширных Припятских болот и нескольких широких рек, сам ландшафт европейской части СССР не создавал значительных препятствий для передвижения современной армии. Однако тыловое обеспечение войск в глубине территории страны представляло собой сложную, порой трудновыполнимую задачу. Общая протяженность железнодорожной сети с более широкой, чем в Германии и странах Восточной Европы, колеей составляла всего примерно 70 тыс. км. Из примерно 1,3 млн км дорог около 1 млн км было приспособлено для движения только грузового транспорта. Предполагалось, что примерно 230 тыс. км дорог обеспечивают движение транспорта в любую погоду, однако лишь 65 тыс. км представляли собой дороги с твердым покрытием<sup>2</sup>.

Гитлер и его генералы пришли к решению, что выход заключался в том, чтобы окружить и разгромить основные силы Советского Союза вблизи границы. Однако к декабрю 1940 г., когда стратегический замысел был воплощен в форме директивы фюрера, между Гитлером и немецким генералитетом наметились разногласия по вопросу о том, как после этого перейти к последующему этапу, на котором Советский Союз будет разгромлен окончательно. Ф. Гальдер и В. фон Браухич предлагали сосредоточить основные усилия в наступлении на Москву. На этом направлении была наиболее развита дорожная сеть. Кроме того, как полагали генералы, Советский Союз будет вынужден бросить свои последние силы на защиту столицы, которая, помимо всего прочего, являлась наиболее важным промышленным центром, а также основным узлом, куда сходились все шоссейные и железные дороги. В то же время Гитлер не был убежден в том, что исход войны

---

<sup>1</sup> *Гальдер Ф.* Военный дневник. Запись от 31 июля 1940 г.

<sup>2</sup> *Жорре Дж.* Советский Союз. Лондон, 1961. С. 183—184, 192.



**Карта 1. Кампания 1941 г. и зимнее наступление советских войск**

будет определяться под Москвой. Он имел на этот счет собственное мнение. В директиве фюрера № 21, известной как план операции «Барбаросса», от 18 декабря 1940 г. предусматривалось одновременное наступление на Ленинград, Москву и Киев. Кроме того, в ней предполагалась приостановка наступления на Москву и переброска сил для удара на Ленинград. На тот момент различие во взглядах на определение стратегических целей войны лишь несколько омрачало обстановку всеобщего оптимизма. Проведенный в штабах анализ подтвердил, что Советский Союз будет разгромлен в течение восьми, максимум десяти недель.

Приказ о подготовке армии к операции «Барбаросса» был отдан в начале февраля 1941 г. Вскоре после этого началось постепенное сосредоточение войск на восточной границе (см. карту 1). По планам ОКХ в операции должны были участвовать 149 дивизий (с учетом войск союзников 190 дивизий, в том числе 24 в резерве. — *Ред.*), в том числе 19 танковых и моторизованных.

Общая численность войск, участвующих в кампании, должна была составить 3050 тыс. человек. Кроме того, из Норвегии планировалось перебросить на север Финляндии еще 4 дивизии общей численностью 67 тыс. солдат и офицеров. Группировка финской армии в составе 14 дивизий и 3 бригады насчитывала до 500 тыс. солдат и офицеров. Еще 14 пехотных дивизий и 3 бригады (все неполного состава) общей численностью 150 тыс. человек должна была выставить Румыния. На начальном этапе наступления в рамках операции «Барбаросса» силы вторжения располагали 3350 танками, 7184 артиллерийскими орудиями, 600 тыс. автомобилями и 625 тыс. лошадьми (общая численность 5,5 млн, около 4300 танков, свыше 47 тыс. орудий, около 5 тыс. самолетов. — *Ред.*).

Наиболее важным преимуществом немецких войск перед началом Восточной кампании был их опыт и умение вести маневренную войну. Еще во время ведения боевых действий во Франции в 1940 г. германская армия успешно применяла танковые корпуса, которые затем с учетом приобретенного опыта были сведены в еще более крупные подвижные войсковые объединения — танковые группы. Четыре такие группы находились на острие группировок, нацеленных на Советский Союз. Фактически танковые группы представляли собой мощные танковые армии, однако вплоть до конца 1941 г. царивший в среде германского генералитета консерватизм не позволял называть вещи своими именами.

Семь полевых армий (а также две румынские армии. — *Ред.*) и четыре танковые группы входили в состав трех групп армий, каждой из которых была поставлена задача наступления на одном из основных стратегических направлений. Группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Вильгельма фон Лееба должна была наступать из Восточной Пруссии через страны Прибалтики на

Ленинград. Группа армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Федор фон Бок, была сосредоточена на границе восточнее Варшавы для нанесения удара через Минск и Смоленск на Москву. Группе армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Герда фон Рундштедта был назначен сектор между Припятскими болотами и Черным морем. Она должна была наступать на Киев и на Днепровский рубеж. Финская армия действовала самостоятельно под руководством Верховного главнокомандующего страны маршала Карла Маннергейма. Ее задачей было наступать на юг по обеим сторонам от Ладожского озера и отвлечь на себя часть советских войск, оборонявших Ленинград, тем самым обеспечивая успешное наступление группы армий «Север». Армии в составе двух немецких и одного финского корпусов, сосредоточенных в Норвегии, подчинявшихся непосредственно ОКВ, была поставлена задача наступать из Северной Финляндии на Мурманск и Мурманскую (Кировскую) железную дорогу. Приданным группе армий «Юг» 3-й и 4-й румынским армиям первоначально ставилась ограниченная задача оказывать содействие немецким войскам в наступлении в Бессарабии (и Украине. — *Ред.*).

Главное командование ВВС (*Oberkommando der Luftwaffe*) (ОКЛ) сосредоточило для участия в операции «Барбаросса» около 2770 самолетов из всего самолетного парка в 4300 машин. Количество самолетов, предназначенных для ведения боев на Восточном фронте, было примерно на 700 машин меньше, чем использовалось во Французской кампании. В течение первых пяти месяцев 1941 г. люфтваффе пришлось продолжать бросать свои силы против Великобритании. Предполагалось, что бои над Англией в несколько уменьшенном масштабе продолжатся и после начала наступления по плану «Барбаросса». Именно из-за необходимости вынужденно дробить свои силы на два далеко расположенных друг от друга театра военных действий, что не могло не сказаться на организации и ресурсах, главнокомандующий ВВС Германии рейхсмаршал Герман Геринг активно выступал против начала войны на Восточном фронте. Весенняя кампания 1941 г. на Балканах еще более осложнила обстановку как для немецких ВВС, так и для некоторых соединений из состава сухопутных войск.

В связи с опасностью демаскировать планы наступления резким падением активности воздушных атак на Великобританию авиационные части до самого последнего момента не могли быть переброшены на восток. Перед этим планировалось проведение широкой операции по передаче по радио ложных данных, имитирующих подготовку вторжения в Англию. Но несмотря на эту и другие проблемы, немецкие летчики с оптимизмом ждали начала Восточной кампании. Немецкие ВВС превосходили своего будущего противника в новейшей авиационной технике и боевом опыте. Кроме того, на их стороне был фактор внезапности.

Авиационные соединения, развернутые на советско-германской границе между Балтийским и Черным морями, были сведены в следующие оперативные объединения: 1-й Воздушный флот, силы которого должны были поддерживать наступление войск группы армий «Север»; 2-й Воздушный флот, авиации которого ставилась задача поддерживать группу армий «Центр»; 4-й Воздушный флот должен был действовать на фронте наступления группы армий «Юг»; 5-й Воздушный флот, предназначенный главным образом для обеспечения ПВО на территории Норвегии, должен был выделить часть сил и средств для поддержки действий части группировки немецких сухопутных войск в Норвегии и финской армии, наступающих с территории Финляндии. В соответствии с принятой в германских вооруженных силах практикой, взаимоотношения между воздушными армиями и группами армий сухопутных войск сводились лишь к координации действий и взаимодействию.

Основной задачей германского военного флота в рамках операции «Барбаросса» было обеспечение контроля над акваторией Балтийского моря. Кроме того, ему ставились ограниченные задачи в Северном Ледовитом океане и на Черном море. Однако, как полагали представители Верховного командования германских ВМС (Oberkommando der Kriegsmarine (ОКМ)), две последние задачи не могли быть выполнены до тех пор, пока действия армии и люфтваффе не позволят покончить с превосходством советского ВМФ<sup>1</sup>.

Немецкие ВМС так же, как и авиация, были широко задействованы в операциях против Великобритании, поэтому их главнокомандующий гросс-адмирал Эрих Редер, как и Г. Геринг, предпочел бы уклониться от выполнения других задач.

### **План «Барбаросса»**

С началом 22 июня 1941 г. наступления немецких войск по плану «Барбаросса» центр военно-политического руководства страной стал смещаться из Берлина в леса Восточной Пруссии. Здесь, недалеко от железной дороги, ведущей из Растенбурга на восток, была построена ставка фюрера «Вольфшанце» («Волчье логово»), представлявшая собой тщательно замаскированные бетонные бункеры, защищенные рядами колючей проволоки, заборами и земляными валами. В одном из таких тщательно охраняемых сооружений жил и работал в окружении ближайших военных и политических советников Гитлер; в другом бункере, находившемся по соседству, располагался оперативный штаб ОКВ и центр связи. Командный центр

---

<sup>1</sup> Земке Э. Северный театр военных действий Германии. Вашингтон, 1959. С. 131.

ОКХ был развернут в окрестностях Растенбурга, в полчаса езды от ставки фюрера по железной дороге. Движение поездов по железной дороге к востоку от Растенбурга было закрыто для всех, за исключением тех, которые перевозили офицеров, курсировавших между штабом ОКХ и ставкой фюрера, а также курьерских поездов, следовавших в Берлин и обратно.

С самого начала Гитлер дал понять, что не намерен полностью доверить управление операциями профессионалам. В течение первых же дней его вмешательство приняло форму в основном нервной заинтересованности в ходе событий и регулярных попыток навязать применение на поле боя тактических приемов, больше характерных для далекого собственного боевого прошлого. Ф. Гальдер, демонстрируя редкостную проницательность и, возможно, даже не вполне понимая, насколько он был точен в своем определении, охарактеризовал поведение фюрера как симптом болезненного недоверия профессионализму высшего военного руководства и полную неспособность уловить главное в системе управления германской армией. Ее сутью было обеспечение действий офицеров всех звеньев в соответствии с общими положениями военной доктрины, при этом позволяя командованию на каждом уровне выполнять свои обязанности при минимальном вмешательстве вышестоящих инстанций<sup>1</sup>.

К сожалению, главнокомандующий немецкими сухопутными войсками В. фон Браухич более не мог (если он вообще когда-либо был к этому способен) отстаивать этот принцип. Сознвая, что фюрер использует его, Браухича, интеллект, при этом презирая его как личность, главнокомандующий бессмысленно метался, с одной стороны, полностью подчиняясь воле Гитлера, а с другой — пытаясь отстоять свои убеждения профессионала. Как правило, в результате первая сторона натуры генерала брала верх; при этом он пытался оправдать себя тем, что должен выполнять указания Верховного главнокомандующего.

На практике вторжение осуществлялось даже более быстрыми темпами (по сравнению с предварительными прогнозами и расчетами, сделанными на командно-штабных играх). К концу второй недели боевых действий могло показаться, что ближайшая задача, а именно уничтожение главных сил Красной армии в приграничном сражении, была выполнена. В двух котлах — в районе Белостока и под Минском — по данным командования группы армий «Центр», было захвачено свыше 300 тыс. пленных. Несмотря на то что в начале наступления войска группы армий «Юг» продвигались вперед довольно медленно, в дальнейшем темпы наступления всех трех групп армий значительно выросли. К середине июля войска групп армий «Север» и «Центр» вышли к рекам Западная Двина и Днепр

---

<sup>1</sup> Гальдер Ф. Военный дневник. Запись от 3 июля 1941 г.

и форсировали их. По немецким оценкам, восточнее этих рубежей все главные промышленные центры русских теперь оставались без защиты. Силами группы армий «Центр» было осуществлено еще одно окружение крупной группировки советских войск в районе Смоленска. Войска группы армий «Юг» приступили к выполнению грандиозной операции по охвату и окружению группировки Красной армии на Украине, западнее Днепра.

Теперь Ф. Гальдер даже выражал надежду на то, что вскоре фронт должен был стать настолько нестабильным, что Гитлер с его мышлением тактика просто не будет успевать за ходом боевых действий. Однако этого не произошло. Фактически Гитлер уже достиг такой высоты своего положения, которая избавляла его от всякой опеки со стороны профессионалов. 19 июля 1941 г. он издал свою очередную директиву без всякой предварительной консультации с руководством ОКХ. К тому же, несмотря на то что она, как обычно, вышла за подписью А. Йодля и В. Кейтеля, содержание директивы свидетельствовало о том, что оперативный штаб ОКВ не принимал сколько-либо значительного участия в работе над ней. В этом документе Гитлер вновь подтверждал, что не рассматривает захват Москвы в качестве главной стратегической задачи. Фюрер отдал приказ, что на следующем этапе наступления сильнейшая из трех наступающих группировок немецких войск, группа армий «Центр», должна будет продолжать движение на Москву силами одной только пехоты. Ее подвижные соединения должны были оказать содействие группе армий «Север» в районе Ленинграда и группе армий «Юг» в овладении Украиной. В результате наступление на Москву пришлось приостановить. Гитлер высказывал эту мысль еще при разработке директивы по плану «Барбаросса». Однако немецкие генералы предполагали, что теперь, после начала вторжения, когда обстановка указывала на то, что русские намерены сосредоточить основные силы на Московском направлении, сама логика развития событий заставит фюрера изменить свое мнение.

В течение последующего месяца Ф. Гальдер и В. фон Браухич дружно пытались использовать все возможные аргументы для того, чтобы заставить фюрера отказаться от изменения стратегического плана. Им удалось заручиться поддержкой А. Йодля и двух командующих группами армий. Время от времени Гитлер демонстрировал попытки изменить прежнее решение на основе сложившейся обстановки и частично даже пересмотрел директиву. Однако в директиве от 21 августа он вновь подчеркнул: «Предложения руководства ОКХ по вопросу о продолжении операций на Востоке не отвечают моим намерениям». Далее он указал, что Москва не должна считаться главной целью наступления. По приоритету захват русской столицы должен рассматриваться вслед за захватом Крыма, угольных месторождений Украины на юге и Ленинграда на севере.



Свидетельством тому, насколько командование ОКХ ослабило свои позиции, могут послужить два произошедших в те дни инцидента. В тот же день, 21 августа, Гитлер обвинил генерала В. фон Браухича в том, что тот недостаточно четко придерживается линии фюрера при руководстве наступлением войск. Через три дня в ставку Гитлера был вызван генерал-полковник Гейнц Гудериан. 2-я танковая группа из состава группы армий «Центр», которой он командовал, должна была повернуть на юг. Г. Гудериан настаивал, что такой маневр невозможен. Генералу была предоставлена последняя возможность попытаться убедить Гитлера отказаться от этого решения. В присутствии Гитлера генерал повел себя прямо противоположным образом, позднее сбивчиво стараясь объяснить такое свое поведение тем, что пытаться противиться решению фюрера означало «пытаться сделать невозможное возможным»<sup>1</sup>.

К 6 сентября Гитлер, заключив, что фланговым группировкам немецких войск оказана достаточная поддержка, принял решение возобновить наступление силами группы армий «Центр» на Москву. К тому времени группе армий «Север» удалось охватить Ленинград с юга, однако ей не удалось замкнуть кольцо окружения, соединившись с финнами. Гитлер решил буквально уморить население города голодом. Войска группы армий «Юг» при поддержке танков Г. Гудериана завершали гигантское окружение советских войск восточнее Киева, но им было еще очень далеко до овладения Донецким бассейном и Крымом. Гитлер приказал группам армий «Север» и «Юг» завершать операции собственными силами и вернуть назад войска, которые они получили из группы армий «Центр».

2 октября (с 30 сентября на Брянском направлении и со 2 октября на Вяземском. — *Ред.*) 1941 г. войска группы армий «Центр» совершили рывок вперед и в течение недели прорвали советский фронт западнее Москвы, сформировав при этом два огромных кольца окружения. Победа, казалось, была так близка, что командование ОКВ даже отменило наступление из Северной Финляндии, целью которого было перерезать Мурманскую железную дорогу, по которой осуществлялись перевозки грузов, отправляемых в помощь Советскому Союзу из-за рубежа. Затем, в конце первой недели октября, в районах действий групп армий «Центр» и «Север» начались дожди. Не прекращавшиеся в течение всего месяца и в начале ноября дожди, снегопад, периоды заморозков, которые сменялись оттепелями с таянием снега, превратили большинство дорог в вязкие грязевые пути. В период со 2 по 10 октября 1941 г. темпы продвижения войск группы армий «Центр» иногда доходили до 40 км в день. В течение последующих двадцати дней темпы наступления

---

<sup>1</sup> Гальдер Ф. Военный дневник. Записи от 23—31 июля 1941 г. и 1—24 августа 1941 г.

упали до 3—7 км в день. В течение первых двух недель ноября немецкие войска практически стояли на месте на рубеже Калинин—Тула, в 60—80 км к западу от Москвы.

В середине ноября (15—18 ноября. — *Ред.*), через несколько дней после того, как установилась ясная морозная погода, группа армий «Центр» возобновила наступление. Сразу же стало очевидно, что она перестала представлять собой грозную боевую машину, как это было прежде. После почти пяти месяцев боев войска были измотаны. Их моральный дух еще не был сломлен, однако и солдаты, и офицеры стали проявлять признаки беспокойства, участвуя в наступлении, которому, казалось, не было видно конца. Техника изнашивалась, а предметы снабжения, включая запасные части, приходилось доставлять издалека, при отсутствии надежной системы тылового обеспечения. Потери с начала кампании составляли почти 750 тыс. солдат и офицеров, при этом прибывающее пополнение покрывало не более половины убыли личного состава. Численность пехотных рот сократилась до 25—30% от положенной по штату; некоторыми батальонами командовали обер-лейтенанты.

В начале четвертой недели ноября командование группы армий «Центр» бросило в наступление все имеющиеся в его распоряжении силы. Оставалось надеяться на то, что русские находились в таком же бедственном положении<sup>1</sup>.

То, что это было совсем не так, стало ясным в конце месяца, когда советские войска предприняли мощное контрнаступление против группы армий «Юг», вынудив немцев оставить Ростов, ворота на Кавказ.

5 декабря 1941 г. из группы армий «Центр», на северном участке наступления которой солдаты уже видели Москву, поступило донесение, что войска находятся на пределе своих сил и не в силах больше наступать<sup>2</sup>.

На следующее утро при снегопаде и морозном тумане и температуре минус 40 градусов началось русское контрнаступление (5—6 декабря. — *Ред.*).

### **Гитлер принимает на себя командование**

В декабре 1941 г. длившийся более двух лет период военных побед Германии закончился таким ударом, который потряс ее армию до основания. Суровым ударам впервые за долгое время подверглось руководство армии. Переживший в ноябре сердечный приступ В. фон Браухич в начале декабря попросил об отставке. К этому моменту его положение было практически сведено к работе «маль-

---

<sup>1</sup> Гальдер Ф. Военный дневник. Записи от 18—22 ноября 1941 г.

<sup>2</sup> Там же. Запись от 5 декабря 1941 г.

чика-посыльного»; по всем важным вопросам Гитлер предпочитал обращаться напрямую к командующим группами армий<sup>1</sup>.

19 декабря 1941 г. Гитлер принял на себя должность главнокомандующего сухопутными войсками. Тем самым он лишил армию остатков ее формальной самостоятельности как рода войск.

Вопреки мнению своих советников, Гитлер направляет в войска приказ стойко удерживать занятые позиции, призывая солдат к фанатичному сопротивлению. На самом деле у них просто не было иного выхода. В тыловых районах не было оборудовано запасных позиций, да и проведение таких работ не было возможно на земле, которая настолько замерзла, что попадание артиллерийского снаряда достаточно крупного калибра оставляло сравнительно мелкую воронку. Никто и не предполагал, что придется воевать в условиях русской зимы. Оружие, которое не было приспособлено к сильным морозам, заклинивало. Отсутствие зимней одежды, антифриза и зимних смазок парализовало действия как солдат, так и техники. Командиры, которым не хватало стойкости и силы духа для фанатичного сопротивления, как это предписывалось приказом фюрера, удалялись из армии. После первой же размолвки с Гитлером, случившейся из-за отступления под Ростовом, был снят с поста командующего группой армий «Юг» старейший и опытнейший фельдмаршал фон Рундштедт. В середине декабря под предлогом болезни был освобожден от командования группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок. Позже пришлось оставить свой пост и фон Леебу — за то, что войска группы армий «Север» при попытке соединиться с финнами были сначала остановлены под Тихвином, а затем и отброшены назад в результате советского контрнаступления. Для того чтобы отучить генералов отдавать приказы об отступлении, фюрер отстранил от командования танковыми группами генерал-полковников Г. Гудериана и Г. Гепнера, причем последний был уволен из вооруженных сил с лишением воинского звания и всех привилегий, в том числе права ношения военной формы.

Воли Гитлера и его неоднократных призывов к войскам об упорном сопротивлении оказалось недостаточно для того, чтобы помешать развитию советского наступления с глубокими фронтальными прорывами на нескольких участках обороны групп армий «Центр» и «Север». К концу года прорыв северного фланга обороны группы армий «Центр» и все более глубокое вклинение на ее южном фланге заставили немцев с удивлением и ужасом осознать, что русские пытались не более и не менее как полностью окружить эту группировку. 15 января 1942 г. Гитлер впервые за все время войны отдал приказ о крупном отступлении. Он разрешил командованию группы армий «Центр» отвести войска на Московском направлении на новый рубеж

---

<sup>1</sup> Там же. Запись от 7 декабря 1941 г.

обороны, протянувшийся с севера на юг примерно в 150 км к западу от советской столицы. Это не ликвидировало полностью угрозу окружения, однако сокращало линию фронта, на котором действовала группа армий, и тем самым позволяло перебросить часть сил для защиты флангов. Указание фюрера стойко оборонять занятые позиции оставалось в силе.

С середины января и до самого февраля кризис на Восточном фронте продолжал углубляться. Несмотря на то что группе армий «Центр» удалось несколько восстановить положение на южном фланге, ее командование в течение нескольких недель оставалось беспомощным перед лицом прорыва советских войск на северном участке; немцам с трудом удавалось сохранять линии коммуникаций и тылового обеспечения по шоссе и железной дороге к востоку от Смоленска. Кроме того, на стыке между группами армий «Центр» и «Север», от Ржева до озера Ильмень, образовалась брешь шириной до 250 км. Южнее озера Ильмень, в районе Демянска, были полностью окружены два немецких армейских корпуса численностью более 100 тыс. солдат и офицеров. Снабжение войск окруженной группировки приходилось осуществлять по воздуху.

После середины февраля советское наступление стало терять темп; похоже, что с этого момента единственной целью, которую оно преследовало, стало освобождение как можно большей территории и нанесение противнику максимального ущерба. В первую неделю месяца группе армий «Центр» удалось закрепиться на северном участке в районе Ржева; в течение второй и третьей недель свежие дивизии, прибывающие из Германии, начали выдвижение с запада с целью прикрыть брешь, образовавшуюся на стыке с группой армий «Север». В марте немецкие войска продолжали постепенно восстанавливать положение, а затем наступивший период весенней распутицы вынудил обе стороны временно приостановить активные боевые действия.

Зимний кризис 1941/42 г. стал для Гитлера временем личного триумфа: он приказал армиям остановить отступление, и они выполнили приказ. Некоторые полагают, что решение Гитлера о претотвращении общего отхода войск было вызвано не военной необходимостью, а бессмысленными соображениями сохранения собственного авторитета непогрешимого лидера. Тем не менее позже многие из его самых усердных критиков были вынуждены признать, что немецкая армия, оказавшаяся в то время без подготовленных оборонительных позиций, не имевшая даже зимней одежды и с техникой, не приспособленной к зимней войне, получив приказ на отступление, могла перейти от организованных действий к беспорядочному бегству<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> *Типпельскирх К. фон. Geschichte des Zweiten Weltkrieges.* Бонн, 1956. С. 209, 215.

Авторитет фюрера не только не пострадал, а, наоборот, еще более вырос, по крайней мере среди рядового состава. Укрепились и его вера в собственный военный талант, что в конечном счете привело к полному изменению в системе военного руководства. Как следствие, с этого момента для ведения боевых действий немецкой стороной стало характерно наличие противоречия между принципами военных профессионалов, исповедующих гибкость и мобильность, и жесткой линией Гитлера; между инициативой командиров и слепым исполнением приказов фюрера.

### **Операция «Блау»**

15 мая 1942 г. Гитлер выступил в Берлине с обращением к нации, посвященным Дню поминовения. Он обещал, что этим летом с «большевизмом» будет покончено, а «большевицкий колосс» никогда больше не ступит на священную землю Европы». На самом деле ни фюрер, ни его ближайшее окружение не смотрели в будущее так оптимистично. Министра пропаганды Йозефа Геббельса, как и Г. Геринга, терзали гнетущие мысли по поводу действительной мощи Советского Союза. В беседе с Й. Геббельсом Гитлер заявил, что в ходе будущей летней кампании он намерен захватить только Кавказ, Ленинград и Москву, да и то не одновременно, а по очереди. Он добавил, что решил сразу же, как только этого потребуют обстоятельства, отойти на зимние квартиры. Затем он обвинил В. фон Браухича, которого назвал «бесхребетным дураком и трусом», в затягивании кампании 1941 г.<sup>1</sup>

26 апреля Гитлер выступил с отчетной речью в рейхстаге. В ней он с пафосом заявил, что в дни зимнего кризиса «был готов лично отправиться на фронт и там встретить то, что уготовила ему Судьба». Далее он поблагодарил солдат, унтер-офицеров, офицеров и «тех генералов, которые, сознавая опасность, тем не менее с риском для жизни увлекали за собой солдат». Единственным, кроме этого, упоминанием о генералитете было то, что «в отдельных случаях у некоторых из них сдавали нервы, падала дисциплина и демонстрировалась недостаточная сила духа». В таких случаях ему приходилось сурово вмешиваться в ход событий. Гитлер попросил у рейхстага право, которое было ему тут же предоставлено, на неограниченные полномочия увольнять или понижать в звании и должности по своему усмотрению гражданских и военных руководителей любого ранга. Таким образом, было окончательно покончено с остатками административной самостоятельности немецкого правительства и вооруженных сил.

---

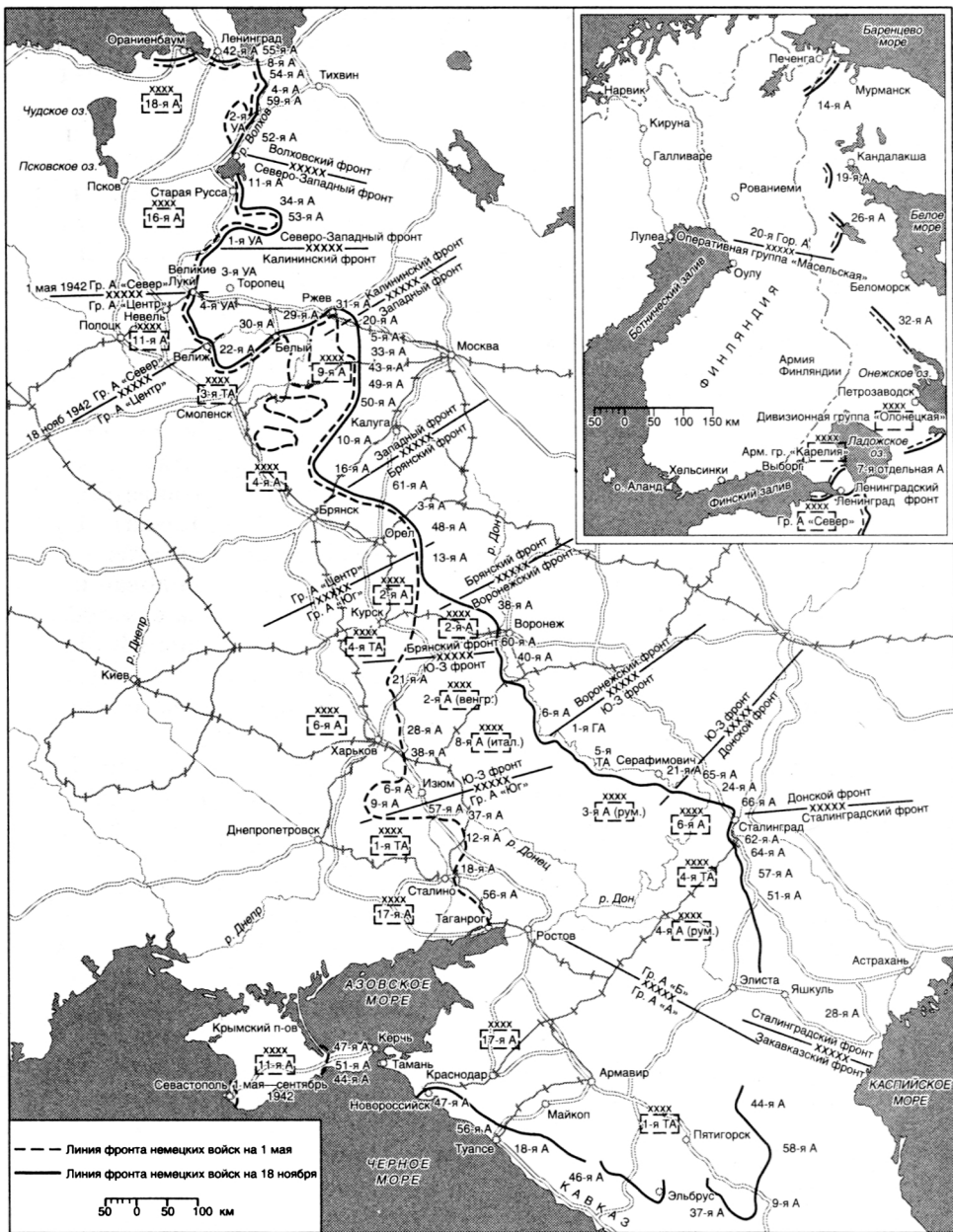
<sup>1</sup> *Геббельс Й.* Дневники. Нью-Йорк, 1948. С. 129, 137, 142.

В директиве на проведение летней кампании 1942 г. говорилось, что операция «Блау» предусматривает широкое наступление только на южном участке Восточного фронта в сторону Дона, Сталинграда и нефтяных месторождений на Кавказе (см. карту 2).

Гитлер взял на себя всю полноту военного руководства. Ф. Гальдер и офицеры его штаба готовили директиву, следуя подробным указаниям фюрера. Гитлер затем лично отредактировал окончательный вариант документа. Первоначально наступление на Кавказ планировалось скорее как рейд, хотя и с привлечением крупных сил. Именно таким образом оно было впервые запланировано осенью 1941 г. В директиве по плану «Блау» Гитлер расширил прежний замысел, придав ему характер стратегического наступления с решительными целями. Наступление должно было осуществляться в два этапа. На первом этапе в результате ряда последовательных охватывающих ударов с севера на рубеже Курск—Воронеж должен был быть снят южный фланг советских войск, а линия фронта — откатиться к реке Дон. Далее наступление должно было развиваться в сторону Сталинграда и через нижнее течение Дона на Кавказ. Для осуществления этого замысла группа армий «Юг» была разделена на группы армий «А» и «Б». Группа армий «Б» под командованием Ф. фон Бока должна была первой начать наступление на северном фланге. Наступление группы армий «А» под командованием В. Листа предполагалось начать несколько позднее. Основной целью было нанесение удара через нижнее течение Дона и дальнейшее продвижение на Кавказ.

После проведенной перегруппировки в состав группы армий «Б» вошли 2-я, 4-я танковая (переданные из группы армий «Центр») и 6-я армии. В состав группы армий «А» входили 1-я танковая, 11-я и 17-я армии. Впервые в серьезных боях на Восточном фронте принимали участие по одной армии союзников Германии Италии, Венгрии и Румынии (позже еще одна румынская армия. — *Ред.*). Все союзные армии были недостаточно оснащены и подготовлены; к тому же, например, румынские и венгерские солдаты предпочли бы скорее воевать друг с другом, чем с русскими. Однако в то время участие союзников было нужно Гитлеру только для того, чтобы прикрывать фланги наступающих немецких войск и придать реальный вес заявлению фюрера о беспрецедентном «крестовом походе против большевизма».

Решение Гитлера ограничиться в ходе кампании 1942 г. наступлением на одном участке фронта было вынужденным. После тяжелых боев и потерь наступления 1941 г. и только что закончившегося зимнего отступления даже при планировании операции «Блау» ощущалась значительная нехватка войск. Из 65—67 дивизий, которые должны были принять участие в наступлении, добрых две трети приходилось пополнять личным составом и техникой прямо на фронте,



Карта 2. Обстановка на период с 1 мая по 18 ноября 1942 г.



и только одна треть представляла собой вновь сформированные или доукомплектованные в тылу соединения. По состоянию на 1 мая 1942 г. пехотные дивизии были укомплектованы примерно на 50%. К началу наступления численность была доведена до штатной. Однако в связи с тем, что все пополнения направлялись на юг, соединения групп армий «Центр» и «Север» до августа 1942 г. так и оставались укомплектованными в среднем лишь на 55%. В составе танковых дивизий, участвовавших в наступлении, было по три танковых батальона, в то время как аналогичные соединения на других участках имели в своем составе всего по одному танковому батальону. Дивизии, наступавшие в первом эшелоне, были укомплектованы автотранспортом на 85%; в остальных дивизиях этот процент был значительно ниже. Наступающие части были полностью дооснащены артиллерией, как противотанковой, так и зенитной, правда, в некоторых случаях она поступала со складов трофейного оружия. Однако начавшую ощущаться прошедшей зимой нехватку боеприпасов планировалось преодолеть лишь к осени 1942 г.

Лишь мощь немецкой авиации, по сравнению с 1941 г., практически не изменилась. Еще зимой переброска 2-го Воздушного флота на Средиземное море для поддержки планировавшегося захвата Мальты и операций в Северной Африке привела к сокращению общего количества авиации, действовавшей на Восточном фронте, до 1700 машин (только боевые самолеты. — *Ред.*). Значительно ослабляла ударную мощь авиационной группировки и необходимость отвлекать часть сил для выполнения задач по снабжению ряда отрезанных и окруженных частей. Однако весной, накануне летнего наступления, численность авиации, действовавшей на Востоке, была доведена до 2750 машин (по другим данным, к маю 1942 г. 3395 боевых самолетов. — *Ред.*). Значительная его часть, примерно 1500 самолетов, входила в состав 4-го Воздушного флота, задачей которого было прикрытие наступления немецких войск на южном участке фронта.

На рассвете 28 июня 2-я армия и 4-я танковая армия перешли в наступление. Они прорвали советский фронт восточнее Курска и нанесли удар в восточном направлении на Воронеж. Через четыре дня немецкие войска вышли на окраины города, а 6 июля заняли его (линия фронта прошла через город. — *Ред.*). Затем 4-я танковая армия совершила маневр на юго-восток и стала продвигаться вдоль реки Дон навстречу 6-й армии, которая 30 июня начала наступать из района восточнее Харькова. Немецкие армии вновь продемонстрировали свои лучшие качества, однако после двух ударов, на Воронеж и восточнее Харькова, в результате которых планировалось создать два грандиозных кольца окружения, как это случилось в 1941 г., в плен попало менее 100 тыс. советских солдат (в мае под

Керчью и Харьковом в плен попало свыше 300 тыс. человек. — *Ред.*) Разочарованный Гитлер 13 июля сместил Ф. фон Бока с поста командующего группой армий «Б», заменив его генерал-фельдмаршалом Максимилианом фон Вейхсом.

Первоначально Гитлер намеревался провести внутри излучины Дона еще одну операцию на окружение и только после того, как этот район будет полностью очищен от противника, начать наступление на Сталинград и Кавказ. Однако 13 июля он изменил свое решение и приказал группе армий «А», в состав которой он передал 4-ю танковую армию, повернуть на юг, форсировать Дон в нижнем течении и окружить русских в районе Ростова. Ростов пал 23 июля, но захватить значительное количество пленных, как это планировалось, опять не удалось.

В тот день Гитлер издал еще один приказ, который явился последним фактором, обусловившим неудачу летнего наступления. Он расположил две группы армий таким образом, что им пришлось наступать на расходящихся направлениях. Группа армий «Б» двигалась на восток в сторону Сталинграда, а группа армий «А» — на юг, через Ростов на Кавказ. Одновременно он отдал приказ группе армий «А» о переброске после взятия Севастополя управления, всей артиллерии и половины соединений 11-й армии, которая готовилась присоединиться к главным силам группы армий «А», на другое направление. 11-я армия перенацеливалась на север, где она должна была попытаться взять Ленинград, а затем принять участие в совместном с финскими войсками наступлении с целью перерезать Мурманскую железную дорогу. Как и в 1941 г., Гитлер принялся расплывать силы немецкой армии.

Группа армий «А» находилась у ворот Кавказа, однако ей все еще предстояло преодолеть огромные расстояния: примерно 320 км до нефтяных скважин Майкопа и 650 км до Грозного. Для того чтобы выйти к Баку и Тбилиси, было необходимо пересечь горные хребты Большого Кавказа. Гитлер издал очередную директиву. В ней он отмечал, что русские ничего больше не смогут сделать для защиты Кавказа, однако они будут вынуждены бросить последние резервы на защиту Сталинграда и жизненно важной артерии реки Волга. Фюрер приказал 4-й танковой армии совершить поворот на 180 градусов и наступать на город с юга.

Наступление продолжалось весь август и сентябрь; при этом не была достигнута ни одна из главных целей. Войска группы армий «А» захватили Майкоп, однако выяснилось, что нефтяные скважины разрушены. Два танковых корпуса продвигались к Грозному, но были вынуждены сначала замедлить темпы наступления, а затем и совсем остановиться на несколько недель из-за нехватки горючего. (Они были встречены контрударами и понесли тяжелые потери. — *Ред.*) Грузовики с горючим вынуждены были совершать долгий путь

из Ростова; при этом сами они сжигали почти такое же количество топлива, какое могли перевезти. Первые эшелоны германских войск рвались на Кавказ, но русские продолжали упорно сдерживать этот натиск. 6-я армия и 4-я танковая армия, наступавшие на Сталинград с запада и с юга, соединились в районе города, но для прикрытия флангов им приходилось отвлекать значительные силы, что снижало наступательную мощь и темпы наступления.

8 сентября 1942 г. в докладе организационного отдела Генерального штаба немецких сухопутных войск отмечалось: «При любом планировании необходимо учитывать тот непреложный факт, что нехватка войск на поле боя к 1 ноября 1942 г. составит 800 тыс. человек, а нехватка войск от запланированной штатной численности (около 3200 тыс. солдат и офицеров) составит 18% и что преодолеть этот разрыв больше не представляется возможным»<sup>1</sup>.

Уже становилось ясно, что немцы могли рассчитывать только на то, что имевшихся резервов хватит для восполнения потерь, которые армия понесет в зимний период, и не допустить дальнейшего падения ее численности к весне 1943 г. Далее в докладе подчеркивалось, что «при сохранении прежней штатной численности дивизий, без учета огромных потерь личного состава, может создаться ложное впечатление об их реальной мощи». Организационный отдел предлагал перевести больше половины дивизий, действовавших на русском фронте, с трехполкового на двухполковой состав.

Гораздо более серьезной и трудноразрешимой проблемой были поиски путей предотвращения дальнейшего сокращения численности войск. Начиная с мая 1942 г. генерал пехоты Вальтер фон Унрух, получивший от Гитлера специальные полномочия, прочесывал тыловые учреждения в поисках дополнительных источников пополнения для Восточного фронта. В. Унруху, посещения которого всегда встречали с тревогой и даже с ужасом, получившему прозвище «генерал Хельденклау» (герой-полицейский), на первом этапе удалось значительно сократить некоторые из тыловых штабов. Однако через три-четыре месяца таких визитов стало очевидно, что, несмотря на то что генерал делает полезную работу, она не окажет существенного влияния на решение проблемы. Осенью 1942 г. организационный отдел предложил заменить примерно 180 тыс. военнослужащих

---

<sup>1</sup> По состоянию на первую неделю сентября 1942 г. немцы имели на Восточном фронте 163 дивизии общей численностью 2490 тыс. солдат и офицеров без учета 6 дивизий в составе 20-й горной армии, дислоцированной на севере Финляндии. Войска союзников Германии (Италии, Румынии и Венгрии) насчитывали 48 дивизий, в том числе одну испанскую и одну словацкую — всего 648 тыс. человек. Действовавшая самостоятельно финская армия имела 17 дивизий и бригад — всего около 400 тыс. солдат и офицеров.

служб тыла на вспомогательные войска, которые должны были набираться из русских военнопленных для несения вспомогательной службы и выполнения работ за линией фронта. Кроме того, предполагалось, что еще 80—90 тыс. солдат может дать сокращение штатов тыловых организаций.

Потенциальным источником пополнения для армии могли стать ВВС, в которых ощущался значительный избыток личного состава. В сентябре 1942 г. Гитлер согласился использовать этот резерв, однако по настоянию Г. Геринга решил не направлять личный состав в качестве пополнения в армейские подразделения, а сформировать особые авиаполевые дивизии люфтваффе, в которых службу будут нести исключительно солдаты и офицеры ВВС. В сентябре—октябре он приказал создать двадцать таких дивизий общей численностью примерно 200 тыс. человек. С точки зрения представителей командования армии, трудно было придумать более неудачное решение. Военнослужащие ВВС не были подготовлены к ведению сухопутных боев, а Г. Геринг сделал все для того, чтобы свести к минимуму вмешательство армейских офицеров в подготовку авиаполевых дивизий, мотивируя это тем, что хочет «исключить появление реакционного духа армии» среди своих подчиненных, проникнутых идеями национал-социализма. Поэтому использовать в ближайшее время солдат Г. Геринга на Восточном фронте не представлялось возможным. И что было еще хуже, армейскому руководству пришлось потратить немало усилий на то, чтобы обеспечить формируемые двадцать дивизий новой боевой техникой. Одна только передача в люфтваффе автомобилей обусловила значительную задержку в доукомплектовании до штатной численности четырех-пяти танковых дивизий.

Другим важным мероприятием (также являвшимся полумерой) было повышение оснащения войск тяжелым и автоматическим оружием. Оперативный отдел Генерального штаба предложил направлять в войска первого эшелона новые, более эффективные образцы оружия по мере их появления, не снимая при этом с вооружения и более старые системы. Таким образом, планировалось повысить эффективность и плотность огня в подразделениях. Однако наиболее перспективные новинки, такие как, например, танк «Тигр», поступали в производство очень медленно. Проведенные в июле 1942 г. испытания двух образцов продемонстрировали, что эти танки не будут пригодны для использования на поле боя, по крайней мере до конца года.

Вряд ли, меняя в сентябре 1942 г. руководство Генерального штаба, Гитлер ожидал, что такая перестановка поможет ему решить или, по меньшей мере, значительно смягчить стоящие перед ним проблемы. Тот ограниченный круг старших офицеров, который он ввел

в состав высшего руководства армии вместе с К. Цейцлером после замены Ф. Гальдера, также не включал в себя особо выдающихся военачальников. Скорее наоборот, этот символический жест привел к обесцениванию высших командных постов сухопутных войск, поскольку на них были назначены молодые генералы. Тем не менее эта замена явилась не просто выражением личной неприязни фюрера к Ф. Гальдеру. Возможно, то, что хотел продемонстрировать Гитлер, отражало более глубоко укоренившуюся в нем враждебность ко всему тому, что олицетворяли собой немецкий офицерский корпус, Генеральный штаб армии и в особенности высший генералитет. Именно туда он и решил влить свежую кровь. Для того чтобы обеспечить себе свободу действий, в том числе и в вопросах кадровых перестановок, Гитлер взял под свой личный контроль деятельность Управления личного состава армии, поставив во главе его своего старшего адъютанта генерал-майора Рудольфа Шмундта. Фюрер поставил перед Р. Шмундтом задачу скорейшего продвижения по служебной лестнице на самые высокие посты в первую очередь молодых офицеров, прошедших проверку на поле боя. Примером такой карьеры мог послужить сам Р. Шмундт, которому в то время было всего сорок семь лет и который получил звание генерала менее года назад. Кроме того, Гитлер предложил отказаться от традиционной для Генерального штаба политики подготовки хороших полевых командиров из числа офицеров Генерального штаба и, наоборот, необходимости прохождения каждым офицером Генштаба практики в качестве войсковых командиров. Фюрер вообще говорил, что намерен упразднить характерные для формы офицеров Генерального штаба красные лампасы и серебряные петлицы.

Вступив на должность начальника Генерального штаба сухопутных войск, К. Цейцлер сразу же дал понять, что не намерен принимать роль марионетки фюрера. Уже в первые дни своего пребывания на этом посту он одержал важную победу в той необъявленной войне, которая велась среди высшего военного руководства. В армии и ее руководстве уже долгое время рассматривали вмешательство А. Йодля и возглавляемого им оперативного штаба ОКВ в работу над директивами фюрера, особенно теми, которые напрямую касались стратегических задач на Восточном фронте, как на нежелательное и даже вредное вмешательство в ее дела. Такое раздражение особенно усилилось после того, как фюрер принял пост главнокомандующего сухопутными войсками, тем самым превратив Генеральный штаб армии в свой второй личный штаб. Недовольство действиями ОКВ еще более усугублялось тем, казалось бы, непоколебимо недостижимым положением, которое В. Кейтель и А. Йодль занимали в военной иерархии. Воспользовавшись тем, что А. Йодль попал в опалу, К. Цейцлер немедленно после своего назначения потребовал, чтобы штаб ОКВ отныне не принимал участия в разработках директив фюрера, касаю-

щихся Восточного фронта, и добился своего. Отныне эти директивы должны были облекаться в форму оперативных приказов ОКХ. Кроме того, он добился изменения порядка проведения ежедневных совещаний у фюрера, посвященных анализу обстановки. Вместо доклада А. Йодля, на котором он освещал ход боевых действий на всех театрах, как это было принято раньше, теперь совещание открывал начальник Генерального штаба армии своим докладом об обстановке на Восточном фронте. Только после него слово получал А. Йодль, которому оставалось ввести присутствующих в курс дела о том, что происходило на других театрах. И наконец, под предлогом того, что каждый «должен знать только то, что ему необходимо», К. Цейцлер в дальнейшем добился, чтобы офицерам оперативного штаба ОКВ был закрыт доступ к подробной информации относительно операций, проводившихся на Восточном фронте. В конечном счете он достиг очень важной цели. Теперь, хотя об этом нигде не заявлялось официально, Восточный фронт становился заботой исключительно командования армии, а за ОКВ оставались прочие театры военных действий, такие как Западная Европа, Балканы, Италия и Северная Европа. Таким образом, исключалась жестокая конкуренция и соперничество между двумя военными ведомствами, что, несомненно, было на благо Германии.

14 октября 1942 г. Гитлер издал оперативный приказ № 1, в котором он заявлял, что «летняя и осенняя кампании этого года, за исключением продолжающихся операций на некоторых участках фронта, завершены». Сутью приказа было начало перехода к обороне перед началом зимы. Однако на деле все вышло наоборот. Гитлер приказал группам армий «Север», «Центр» и «Б» переходить к обороне на занятых рубежах, однако 6-й армии предписывалось продолжать наступление в районе Сталинграда, а группа армий «А» должна была ждать дальнейших указаний. Это означало, что по крайней мере в двух районах, где немецкие войска продвигались вперед, фюрер намеревался продолжить наступление.

В оперативном приказе № 1 и дополнении к нему, изданном через несколько дней, Гитлер возвел в ранг официальной доктрины необходимость упорной обороны занятых рубежей, формы ведения боевых действий, опробованной им в зимней кампании 1941—1942 гг. Он настаивал на стойком удержании занятых к зиме позиций. Фюрер не оставлял войскам места для маневра и отступления; каждый участок фронта должен был отстаиваться любой ценой. Отрезанные и окруженные части должны были продолжать обороняться до того момента, пока не будут деблокированы. Каждый командир нес личную ответственность за «неукоснительное выполнение» этого приказа. В дополнении Гитлер распространил ответственность за выполнение

приказа и на нижестоящие звенья. «Каждый офицер, — предписывалось в дополнении к приказу, — вплоть до командира взвода должен осознать свой священный долг выстоять в любой обстановке, даже если противник обойдет его на флангах, вклинится на одном из участков, окружит, даже если фронт будет прорван вражескими танками, а оборонительные позиции будут окутаны дымом или подвергнуты газовой атаке». Приказ должен был быть несколько раз зачитан всем офицерам и унтер-офицерам.

## Глава 2

### ОТСТУПЛЕНИЕ

Если к концу лета в высших военных эшелонах Германии царил напряженная обстановка, едва ли меньшая напряженность ощущалась в советском военном руководстве. 30 августа немецкие войска прорвали внешний рубеж обороны вокруг Сталинграда, вынудив русских отойти на внутренние оборонительные позиции, которые проходили почти в черте города<sup>1</sup> (еще 23 августа 14-й танковый корпус немцев вышел к Волге севернее города. — *Ред.*).

Два дня спустя советское командование обратилось к войскам с призывом стойко оборонять город. 3 сентября советский Верховный главнокомандующий И.В. Сталин объявил, что Сталинград «со дня на день может быть захвачен врагом», если советские войска между Доном и Волгой немедленно не перейдут в контрнаступление<sup>2</sup>.

5 сентября советское командование спешно бросило в контрнаступление три резервные армии, состоявшие из необученного пополнения<sup>3</sup>.

Ф. Гальдер через несколько дней отметил в своем дневнике, что наступающая на Сталинград 6-я армия значительно продвинулась вперед, успешно отразив контрнаступление на северном участке<sup>4</sup>.

Русские еще не знали, каких жертв от них потребует очередная летняя кампания. Цена войны для советской стороны уже была колоссальной. К 6 млн (а возможно, и 8 млн) потерянными убитыми и пленными (за 1941 г. и первые три квартала 1942 г. до 1 октября потери Красной армии (убитые и пропавшие без вести, попавшие в плен) составили 5 531 539 человек (Россия и СССР в войнах XX в. / Под ред. Г.Ф. Кривошеева) добавились миллионы жертв среди граж-

---

<sup>1</sup> *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.* / Институт марксизма-ленинизма. М., 1961 (далее цитируется как ИВОВ). Т. 2. С. 438.

<sup>2</sup> *Еременко А.И.* Сталинград. М., 1961. С. 159—163.

<sup>3</sup> ИВОВ. Т. 2. С. 517.

<sup>4</sup> *Гальдер Ф.* Военный дневник, запись от 10 сентября 1942 г.

данских жителей, а также 1 млн или более погибших от голода прошлой зимой в одном только Ленинграде. Советский Союз потерял 47% своей обжитой территории, на которой до войны проживало около 80 млн человек. В этих районах выплавлялось до 71% чугуна и 58% стали, добывалось до 63% каменного угля, производилось 42% электроэнергии<sup>1</sup>.

К концу немецкого наступления 1941 г. в руках оккупантов оказались территории, на которых выращивалось примерно 38% зерновых и скота, производилось 84% сахара<sup>2</sup>.

### **Советское командование**

Однако такая цена не казалась советскому режиму чрезмерной. Сталин вел поединок не на жизнь, а на смерть и понимал, что не стоит считать жертвы тогда, когда речь идет о том, падет коммунистическая система или останется у власти. На самом деле способность жертвовать территориями и жизнями своих граждан исторически была характерна для русской военной стратегии. Однако вопрос выживания в войне с более подготовленным в военном отношении противником в конечном счете стал диктовать новые условия. То, что они окажутся еще более жесткими, стало ясно сразу же, как только прошел первый шок после начала вторжения. С этого времени советское руководство не покладая рук работало над преодолением кризиса, вызванного потерями территорий. В тяжелые дни лета 1942 г., когда всем снова стало казаться, что немецкие армии способны пройти маршем в глубь территории коммунистической Родины куда только ни пожелают, вновь назрел болезненный вопрос: а не окажутся ли все эти усилия бессмысленными на фоне падения воли народа к сопротивлению? Моральный дух как в войсках, так и среди гражданского населения снова стал падать. Бремя страданий, поражений, совершенных ошибок казалось, как никогда, невыносимым. Вера и надежда, порожденные успехами, достигнутыми прошлой зимой, рассеялись. Казалось, настал предел терпению людей, которые больше не желали иметь командование, столько раз уже ставившее их на грань катастрофы.

С самого начала Второй мировой войны в сентябре 1939 г. до середины 1941 г. политика Советского Союза представляла собой странную смесь амбиций и осторожности. Агрессивное и одновременно нерешительное руководство страны раздувало в военных кру-

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 7.

<sup>2</sup> Там же. С. 166.



гах наступательный дух, но вместе с тем всеми способами старалось избежать прямого военного столкновения. Подписание советско-германского договора в августе 1939 г. и добавленных к нему в сентябре секретных протоколов дало Советскому Союзу значительные новые территории на западе, свободу действий в соседних странах Восточной Европы и формальный иммунитет от агрессии со стороны Германии. Достигнутая в зимней войне с Финляндией 1939—1940 гг. победа и некоторые территориальные приобретения достались стране ценой потери как международного политического, так и военного авторитета. Победы Германии в 1940 г. во Франции и Голландии привели к сомнениям той и другой стороны в целесообразности пакта. Почти наверняка Иосифу Сталину не нравилась перспектива внезапно оказаться в Европе один на один с Гитлером. В Германии справедливо рассматривали как шантаж и угрозу действия Советского Союза в Прибалтике и Бессарабии и подготовку новой агрессии против Финляндии. После середины 1940 г. росло обоюдное недовольство договором, однако только Германия была готова предпринять в связи с этим конкретные шаги. В ноябре советский министр иностранных дел Вячеслав Молотов отправился в Берлин с целью добиться новых уступок для своей страны, но в ответ получил почти не завуалированное предупреждение о том, что Германия не намерена более терпеть экспансию русских на запад. Предупреждение возымело действие: в апреле 1941 г. Советский Союз ничего не предпринял в связи с захватом Германией Балкан, традиционной сферы российских интересов. Вплоть до дня немецкого вторжения советская сторона скрупулезно соблюдала график поставок в Германию, оговоренных экономическим соглашением с Германией. Немецкая сторона, в отличие от русской, проявляла в этом гораздо меньше рвения.

В конце апреля 1941 г., в дни, когда кампания на Балканах близилась к завершению, посол Германии в Советском Союзе проинформировал Гитлера о том, что «Сталин готов пойти на новые уступки»<sup>1</sup>.

6 мая И.В. Сталин, который прежде предпочитал осуществлять свои полномочия, находясь за политической ареной, впервые принял официальный пост руководителя Советского государства, став председателем Совета народных комиссаров. Немецкий посол прокомментировал этот шаг тем, что, сознавая нарастающую угрозу, советский лидер решил занять официальную должность в правительстве и получить возможность лично заниматься проблемами сохранения добрососедских отношений с Германией<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Зонтаг Р., Бедди Д. Советско-германские отношения. 1939—1941 гг. Вашингтон, 1948. С. 332.

<sup>2</sup> Там же. С. 336.

Накануне войны оба диктатора решительно и стремительно вели свои народы к катастрофе. Гитлер, который пока еще не полностью подмял под себя всех своих советников, отбрасывал все аргументы против готовящейся авантюры в России. Подчиненные И.В. Сталина вряд ли имели возможность высказывать ему то, чего он не хотел слышать. Тем не менее ему тоже приходилось предпринимать значительные усилия для того, чтобы придерживаться выбранного курса. Развертывание немецких войск на Востоке, которое к весне 1941 г. приняло невиданный размах, можно было игнорировать или трактовать по-своему, однако оно не могло укрыться от внимания широко разветвленной разведывательной сети Советского Союза. Об этом свидетельствует приказ о повышении боеготовности в военных округах на западной границе, отданный 10 апреля 1941 г.<sup>1</sup>

Тем не менее немецкий посол заверил Гитлера в том, что эти меры представляют собой ответную реакцию советской стороны, обусловленную «хорошо известным стремлением русских застраховать себя на 300%»<sup>2</sup>.

При правильной оценке советским руководством причины немецкого развертывания те же соображения безопасности, несомненно, должны были заставить его принять куда более действенные меры и отдать приказ совершенно иного содержания, по сравнению с тем, который получили в войсках. Но И.В. Сталин предпочел хранить завесу непроницаемости, холодно игнорируя официальные предупреждения Великобритании и США. Очевидно, он не до конца отдавал себе отчет в надвигающемся военном конфликте между Германией и Советским Союзом, слухи о котором, по наблюдениям немецкого посла, уже ходили по стране, а конкретные факты, подтверждающие эти слухи, могли быть получены от любого лица, совершившего поездку из Германии в Москву<sup>3</sup>.

14 июня 1941 г. советское официальное агентство новостей ТАСС опубликовало коммюнике, в котором заявлялось, что по информации, имеющейся у советского правительства, Германия так же строго соблюдает договор о ненападении, как и Советский Союз, а для слухов о намерениях немецкой стороны нарушить этот договор не было никаких оснований<sup>4</sup>.

Советский Союз тоже не жил мирной жизнью: во второй половине 1930-х гг. он воевал в Испании, на Дальнем Востоке и в Финляндии. Нельзя сказать, что он был настолько же не готов к войне, как, например, Великобритания или США. Однако он был плохо подготовлен к войне. Это было связано в основном с пороками системы управления,

---

<sup>1</sup> Эриксон Дж. Советское Верховное командование. Нью-Йорк, 1962. С. 574.

<sup>2</sup> Зонтаг Р., Бедди Д. Советско-германские отношения... С. 331.

<sup>3</sup> Эриксон Дж. Советское Верховное командование. С. 574; Зонтаг Р., Бедди Д. Советско-германские отношения... С. 334.

<sup>4</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 10.

которые, несмотря на значительные успехи, не позволили достичь такого уровня боеготовности, какой к началу 1940-х гг. был достигнут Германией, поднявшей военное искусство до настоящих высот.

Главной и постоянной слабостью советских вооруженных сил было отсутствие инициативы во всех звеньях, что приводило к догматизму, рабской зависимости от приказов сверху и приверженности четким утвержденным схемам даже тогда, когда они противоречили здравому смыслу и приобретенному опыту<sup>1</sup>.

Эта слабость еще более усугубилась после массовых чисток 1930-х гг., когда из армии были удалены наиболее опытные и независимые командиры (в 1938—1941 гг. для усиления боеготовности Красной армии было сделано очень много. Но, безусловно, не все и с недочетами. — *Ред.*), а почти абсолютным условием выживания стал конформизм. Определенное негативное влияние на обстановку в армии оказал и так называемый культ личности, связанный с именем И.В. Сталина, однако представляется сомнительным, что этого явления можно было полностью избежать при сложившейся советской системе.

Несмотря на то что советское командование имело возможность изучить опыт первых кампаний Второй мировой войны на Западе, некоторые самые важные уроки были либо неверно истолкованы, либо в некоторых случаях неправильно усвоены. На основе опыта гражданской войны в Испании были сделаны выводы о бесполезности крупных танковых соединений, а также о том, что в будущей войне боевая авиация будет использоваться только для непосредственного прикрытия поля боя. Как следствие, были расформированы механизированные корпуса Красной армии, а авиационные предприятия сосредоточились на производстве истребителей и самолетов непосредственной огневой поддержки<sup>2</sup>.

С 1939 г. (когда ошибочно были расформированы старые мехкорпуса, с 1938 г. назывались танковыми) и до 1940 г., когда было создано девять новых мехкорпусов, самой крупной советской войсковой единицей, имеющей на вооружении танки, была танковая бригада. Согласно советской военной доктрине того времени, танк рассматривался как оружие, предназначенное главным образом для поддержки пехоты. Со второй половины 1940 г., очевидно под влиянием опыта немецких войск во Франции, механизированные корпуса и танковые дивизии были восстановлены, однако в связи со стремлением получить большее количество таких соединений лишь немногие из них были укомплектованы полностью<sup>3</sup>.

Для советского командования война с Финляндией явилась тяжелым уроком. Она вскрыла глубоко укоренившуюся слабость во-

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 1. С. 439.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. С. 457.

енной структуры. Финский маршал Карл Маннергейм метко сравнил действия советских войск с игрой оркестра под управлением плохого дирижера, в котором музыканты не способны придерживаться общего ритма. Как позже признали сами русские, многие из офицеров «не имели ясного представления о современной войне» и не могли ни планировать, ни командовать, ни организовать взаимодействие войск<sup>1</sup>.

Военному престижу Советского Союза за рубежом был нанесен огромный урон, который, возможно, стал еще более болезненным после недавних успешных боев против японской армии на озере Хасан и на реке Халхин-Гол на Дальнем Востоке.

Возможно, именно опыт войны с Финляндией побудил И.В. Сталина настойчиво пытаться любой ценой избежать столкновения с Германией. Вскоре после нее Советский Союз начал демонстрировать открытое стремление не дать вовлечь себя в крупный военный конфликт на любой стороне. Когда в апреле 1940 г. немецкие войска заняли Норвегию под предлогом опередить в этом англичан и французов, которые намеревались через Норвегию направить войска в помощь финнам, в Германии были уверены, что придется объяснять этот шаг русским. К безмерному удивлению немецкой стороны, это вторжение вызвало у русских «огромный вздох облегчения», даже несмотря на то, что советско-финская война к тому времени уже закончилась<sup>2</sup>.

Насколько значительными были недостатки, выявленные в ходе той войны, продемонстрировали последовавшие за ней реформы в Красной армии. В апреле 1940 г., сразу же после окончания боевых действий, в армии отказались от прежних схематичных и чересчур упрощенных уставов и наставлений и приступили к созданию системы подготовки командных кадров, ориентированной на реальные боевые действия. В мае были восстановлены генеральские и адмиральские воинские звания и отменены некоторые другие пережитки уравниловки, остававшиеся в армии со времен революции. В августе был упразднен институт комиссаров. Тем не менее на состоявшемся в декабре 1940 г. совещании командного состава отмечалось, что подготовка офицеров в значительной степени продолжает оставаться шаблонной и что в вопросе развития инициативы и гибкости удалось добиться лишь незначительных успехов<sup>3</sup>.

Советскому Союзу удалось добиться впечатляющих успехов в разработке новых вооружений. Так, были созданы реактивные системы залпового огня знаменитые «Катюши», оснащенный дизельным двигателем средний танк Т-34, скорость, броня и вооружение которого превосходили любой из немецких аналогов. Кроме того, на вооруже-

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 1. С. 462.

<sup>2</sup> Зонтаг Р., Бедди Д. Советско-германские отношения... С. 140.

<sup>3</sup> ИВОВ. Т. 1. С. 463.

ние Красной армии поступил самый тяжелый в то время танк КВ («Климент Ворошилов») также с дизельным двигателем и весом почти 60 тонн (КВ-1 весил 47,5 тонны, КВ-2 — 54 тонны. — *Ред.*). Однако ко времени начала немецкого вторжения новые танки и ракетные системы, а также новые модели боевых самолетов еще не были запущены в массовое производство (запущены были, но выпущено было недостаточно, хотя и не так мало — к 22 июня 1942 г. РККА имела 1225 Т-34 и 639 КВ. — *Ред.*). Производство вооружений, как это предусматривалось пятилетним планом, находилось на высоком уровне и постоянно росло, но при этом не уделялось должного внимания выпуску новых образцов<sup>1</sup>. (В 1939—1941 г. были предприняты чрезвычайные меры по внедрению и производству именно новейших образцов техники. — *Ред.*)

Очевидно также и то, что советское командование не смогло сделать правильных выводов из побед, одержанных Германией в Европе. В качестве главной причины поражения Польши и Франции виделось отсутствие у войск воли к сопротивлению, а также деятельность в этих странах так называемой «пятой колонны»<sup>2</sup>.

Такие объяснения, спроецированные на период крупных поражений Советского Союза, порождали обстановку всеобщей бессмысленной подозрительности, а временами и парализующего страха. Кроме того, советское командование не имело четкого представления о том, как будет проходить начальный период войны. Предполагалось, что сначала обе стороны должны провести мобилизацию и стратегическое развертывание, следовательно, в течение нескольких недель не будут в состоянии проводить крупные операции. Из этого следовало, что войска пограничных округов в состоянии сами сдержать наступление противника до тех пор, пока не будут завершены мобилизационные мероприятия в Красной армии, и она не будет в состоянии перейти в наступление<sup>3</sup>.

В июне 1941 г. оборона западных областей Советского Союза была возложена на Ленинградский, Особый Прибалтийский, Особый Западный, Особый Киевский и Одесский военные округа<sup>4</sup>.

В случае начала войны командования военных округов преобразовывались во фронтовые командования (аналог немецких групп

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 1. С. 415—416, 453.

<sup>2</sup> Там же. С. 441.

<sup>3</sup> Там же. С. 441, 471.

<sup>4</sup> Районы ответственности делились между военными округами следующим образом: Ленинградский военный округ — от границы с Финляндией на побережье Арктики до Карельского перешейка; Прибалтийский Особый военный округ — вдоль границы с Восточной Пруссией; Западный Особый военный округ — от южной границы Литовской ССР до северной границы Украинской ССР; Киевский Особый военный округ — от северной границы Украинской ССР до границы с Румынией; Одесский военный округ — от границы с Румынией до устья Дуная.

армий). Всего в составе фронтов предполагалось иметь 12 армий, три из которых дислоцировались в районе советско-финской границы, а остальные девять должны были прикрывать территорию страны от Балтийского до Черного морей<sup>1</sup>.

Трудно поверить в то, что западные военные округа перед войной находились в том плачевном состоянии (как это было принято считать в постсталинские времена при Хрущеве. — *Ред.*), вряд ли они были готовы к подобным испытаниям. Почти на всем протяжении границы войска располагались в районах, которые еще два года назад (а некоторые — Северная Буковина и Бессарабия — и год назад) не принадлежали Советскому Союзу. Пограничные укрепления и линии коммуникаций все еще находились в стадии строительства. Гораздо лучше оборудованная так называемая линия Сталина, проходившая за старой границей страны, к тому времени была заброшена (преувеличение. — *Ред.*) и даже не упоминалась в военных планах<sup>2</sup>.

Более глубокий анализ позволяет сделать вывод о том, что в то время Красная армия представляла собой громоздкий механизм с непредсказуемыми результатами применения даже в самых благоприятных условиях и очень малой надеждой на успешные действия при неожиданном нападении. Она была поставлена перед необходимостью действовать в обстановке почти полной внезапности, что характерно для всех современных войн. Директива, оповещающая военные округа на границе о том, что страна находится на пороге войны, была передана туда в 00.30 22 июня. Через три часа, прежде чем это предупреждение дошло до войск на границе, германская армия вторглась на советскую территорию<sup>3</sup>.

Поскольку советская сторона неохотно публиковала данные статистики, почти все данные, касающиеся численности советских войск (и, в гораздо большей степени, данные о потерях) в тот период, являются приблизительными. Наиболее авторитетные советские источники говорят о том, что к 1941 г. численность вооруженных сил СССР составляла 4207 тыс. солдат и офицеров<sup>4</sup>.

Общее количество советских военнослужащих в западных округах можно оценить как 3 млн солдат и офицеров (2680 тыс. — *Ред.*). Вне всякого сомнения, планы мобилизации предусматривали немедленный массовый призыв в армию сразу же после начала боевых действий. Не подлежит сомнению и то, что эти планы удалось частично выполнить даже в условиях, в которых оказалась страна после немецкого нападения.

---

<sup>1</sup> Платонов С. П. Вторая мировая война. 1939—1945 гг. М., 1958. С. 178.

<sup>2</sup> ИВОВ. Т. 1. С. 473.

<sup>3</sup> Там же. Т. 2. С. 11.

<sup>4</sup> Там же. Т. 1. С. 460.

В технике и вооружении Красная армия имела впечатляющее количественное превосходство, однако качественно и то и другое в основном уступало немецким образцам. Например, из дислоцированных в Европе примерно 6 тыс. самолетов (6500. — *Ред.*), а весь парк боевой авиации вооруженных сил СССР состоял из примерно 8 тыс. машин (всего имелось 16 тыс. боевых самолетов, но часть требовала ремонта, а 5 тыс. находилось на Дальнем Востоке и на южной границе. — *Ред.*), только 1100 были самолетами новых типов. По данным немецкой разведки, на вооружении танковых частей и соединений близ границы Советский Союз имел 10 тыс. танков (на самом деле 12 378. — *Ред.*), а всего в Красной армии было 15 тыс. танков (на самом деле около 23 тыс. — *Ред.*)<sup>1</sup>.

Подавляющая часть этой техники представляла собой машины устаревших типов, однако в западных военных округах имелось примерно 1475 новых танков КВ и Т-34, каждый из которых превосходил любой танк противника<sup>2</sup>.

Производство новейших образцов вооружения росло стремительными темпами. Так, за первые пять с половиной месяцев 1941 г. было выпущено 1500 танков КВ и Т-34 (в предыдущем году было произведено всего 400 единиц этой техники).

Подводя итог, можно сказать, что в начальный период войны Советский Союз не столь уж явно уступал Германии (за исключением господства в воздухе), а в течение очень короткого времени имел все возможности превзойти противника в численности войск и, возможно, в производстве вооружений.

Испытав шок от вторжения, советское правительство приняло ряд вполне предсказуемых решений, направленных на централизацию военно-политического руководства страной и дальнейшее повышение роли коммунистической партии. 23 июня 1941 г. была создана Ставка Главного командования Красной армией, которую возглавил народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко<sup>3</sup>.

В тот же день был восстановлен институт армейских комиссаров, которые получили равные полномочия с командирами. Спустя неделю вся государственная власть, включая контроль над вооруженными силами, была сосредоточена в руках Государственного Комитета Оборона (ГКО) в составе пяти человек, который возглавил И.В. Сталин. Важный пост в ГКО занимал нарком внутренних дел Лаврентий Берия, подчиненные которому войска НКВД (тайная полиция) занимали позиции за линией фронта с целью вылавливать дезертиров и не допускать отступления без приказа<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Гальдер Ф. Военный дневник. Запись от 2 июля 1941 г.

<sup>2</sup> ИВОВ. Т. 1. С. 475.

<sup>3</sup> Там же. Т. 2. С. 21.

<sup>4</sup> Там же. Т. 1. С. 57; Эрикссон Дж. Советское Верховное командование. С. 598.

В первый же день войны пять военных округов на западной границе были преобразованы в Ленинградский, Северо-Западный, Западный, Юго-Западный и Южный фронты.

В районе границы внезапность нападения немцев вызвала замешательство, а кое-где и панику. Основным принципом советской стратегии, несмотря на его нереальность в сложившейся обстановке, оставалось удержание позиций первыми эшелонами до тех пор, пока не будет подготовлено контрнаступление. Сформированный на третий день войны на самом угрожаемом направлении, в районе западнее Москвы, резервный фронт в составе четырех армий первоначально был нацелен на проведение контрнаступления. Однако уже с 1 июля его пришлось объединить с войсками разбитого Западного фронта<sup>1</sup>.

Все еще пытаясь остановить отступление, И.В. Сталин приказал расстрелять командующего Западным фронтом Павлова и его штаб, а через несколько дней применил те же драконовские меры и в отношении командования Северо-Западного фронта<sup>2</sup>.

Впредь командир, допустивший отступление подчиненных ему войск, должен был заплатить за это жизнью. Для офицера любого ранга постоянным риском стала возможность окончить жизнь в результате выстрела из пистолета в основание черепа сзади. В течение первых двух недель июля 1941 г. советское руководство, которое под давлением реальных событий на фронте избавилось от прежних иллюзий, приступило к организации отчаянной, упорной и жестокой борьбы. 3 июля И.В. Сталин, никогда прежде не делавший публичных выступлений, в обращении к народу по радио призвал к «отечественной» войне против чужеземного агрессора, к применению тактики «выжженной земли» в районах, которым грозит оккупация, к ведению партизанской борьбы на захваченных территориях. Создание Ставки Верховного главнокомандования (вместо Ставки Главного командования) во главе со Сталиным продолжила централизацию власти, начатую после немецкого вторжения. Этот процесс был завершён после того, как И.В. Сталин принял пост народного комиссара обороны (19 июля 1941 г.) и Верховного главнокомандующего советскими вооруженными силами (8 августа 1941 г.).

На протяжении всей войны Ставка Верховного главнокомандования оставалась высшим советским органом военного планирования и контроля. Подчинявшаяся Государственному Комитету Обороны, Ставка представляла собой скорее комитет стратегического планирования, нежели Генеральный штаб, хотя она и обладала правом отдавать приказы через Генеральный штаб Красной армии, штабы родов вооруженных сил или фронтовым командирам напрямую. В число ее примерно двенадцати членов входили начальник Гене-

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 2. С. 35.

<sup>2</sup> Эрикссон Дж. Советское Верховное командование. С. 626.



рального штаба армии, начальник штаба ВМФ, высокопоставленные представители командования и видные эксперты технических родов войск.

Более настоятельной необходимостью, чем реорганизация в высших эшелонах командования, что было прежде всего в интересах укрепления власти И. В. Сталина, было создание эффективной системы управления на поле боя. Трое из пяти первых командующих фронтами продемонстрировали свою непригодность на занимаемых постах. Таким же и даже большим был уровень некомпетентности командиров более низкого звена. В результате чисток пострадало слишком много опытных командиров (основные чистки офицерского корпуса, помимо братоубийственной Гражданской войны, произошли в начале и в конце 1920-х гг., а не в конце 1930-х, как принято считать. — *Ред.*), а многие другие слишком быстро были выдвинуты на высшие командные должности (Красная армия быстро увеличивала численность. — *Ред.*). Единственным решением в сложившейся обстановке стало привести штатную организацию соединений и объединений в соответствие с возможностями командного состава. К середине июля стрелковые и механизированные корпуса были упразднены, а количество дивизий в армиях сократилось до пяти-шести. Численность личного состава стрелковой дивизии, которая в мирное время составляла 12 тыс. человек, в результате потерь и кадровой реорганизации сократилась до 6—9 тыс. солдат и офицеров. Танковые дивизии были разбиты на более мелкие части, которые теперь напрямую подчинялись командующим армиями. Роль танковых войск вновь была ограничена непосредственной поддержкой пехоты.

Единственным исключением из общего правила централизации и сокращения штатной численности соединений стало создание 10 июля трех так называемых командований стратегическими направлениями: Северо-Западным, Западным и Юго-Западным. Предполагалось, что они будут координировать ведение боевых действий на широких участках, сравнимых с секторами, назначаемыми для немецких групп армий. Появление таких командований должно было позволить избежать запаздывания по времени в поступлении в войска приказов и указаний из Москвы<sup>1</sup>.

Эти приказы передавались главнокомандующим на направлениях маршалам К. Е. Ворошилову (Северо-Западное направление), С. К. Тимошенко (Западное направление) и С. М. Буденному (Юго-Западное направление), получившим боевой опыт еще во времена Гражданской войны. Высокие звания этих людей отражали скорее их политический вес, нежели профессиональный опыт. Как и следовало ожидать, создание командований на стратегических направлениях не оправдало себя, и все они были вскоре ликвидированы,

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 2. С. 29.

за исключением Юго-Западного командования, которое просуществовало до начала 1942 г.

В середине июля, когда немецкая группа армий «Центр» устремилась в брешь в советской обороне, образовавшуюся между реками Западная Двина и Днепр, открывавшую путь на Московском стратегическом направлении, и провела несколько крупных операций на окружение севернее и южнее Смоленска, Ставка развернула к востоку от Смоленска новый Резервный фронт в составе шести армий<sup>1</sup>.

Советское командование поступало именно так, как этого хотели немцы: оно требовало от войск стоять насмерть и ни в коем случае добровольно не отступать в глубь страны. Кроме того, как это предвидели Ф. Гальдер и В. фон Браухич, основные усилия было решено сосредоточить в центре, на Московском направлении<sup>2</sup>.

В то время как войска группы армий «Центр» в августе и сентябре стояли на месте в ожидании возвращения своих танковых соединений, временно перенацеленных на другие стратегические направления, советская сторона продолжала укреплять этот участок фронта. К концу сентября перед фронтом возобновившей наступление группы армий «Центр» было сосредоточено до 40% численности личного состава советских сухопутных войск, столько же артиллерии, до 35% боевых самолетов и танков<sup>3</sup>.

Тактика оставалась прежней: встретить противника в лоб, остановить и измотать его, а затем контратаковать. И вновь она продемонстрировала свою несостоятельность. В течение одной недели немцы окружили большую часть советских шести армий, создав котлы в районах Брянска и Вязьмы. 10 октября командование Западным фронтом, в который вошли войска Резервного фронта, принял начальник Генерального штаба Красной армии генерал армии Г.К. Жуков. Тем самым он взял на себя ответственность за оборону Москвы<sup>4</sup>.

Октябрь 1941 г. стал для Советского Союза, пожалуй, самым черным месяцем за всю войну. Ленинград сжимало кольцо блокады; Москва находилась под угрозой; Харьков пал; немецкие войска вплотную подошли к Донецкому промышленному району. Потери в людях были ужасающими: немцы заявляли о том, что количество только пленных составляло 3 млн человек.

В то же время в течение четырех месяцев непрерывных боев немцы должны были противостоять и другим факторам, вызывавшим перенапряжение личного состава и техники, таким как осенние дожди и вызванная ими распутица. Они стали терять свои преимущества. Во второй половине октября советское командование сформировало три новые армии. В течение первых двух недель ноября оно развер-

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 2. С. 69.

<sup>2</sup> Там же. С. 61.

<sup>3</sup> Там же. С. 234.

<sup>4</sup> Там же. С. 241.

нуло еще шесть армий, образовывавших целый фронт заслона на рубеже Онежское озеро—Горький—Сталинград—Астрахань. К концу ноября пять резервных армий, в том числе две вновь сформированные, были сосредоточены в Москве и прилегающих районах<sup>1</sup>.

Сначала слабость немецких войск стала ощущаться на флангах. В ноябре в районе Тихвина было остановлено наступление группы армий «Север»; группе армий «Юг» пришлось остановиться в районе Ростова, а затем к концу месяца отступить до рубежа по реке Миус. В конце ноября Ставка передала в распоряжение Западного фронта три резервные армии и еще более десяти дивизий. Утром 6 декабря войска Г.К. Жукова перешли в контрнаступление<sup>2</sup>.

Это был момент, которого русские ждали с июня. Однако Ставка действовала осторожно, передав в состав Западного и Калининского (создан 17 октября) фронтов из резервов такое количество войск, которое обеспечивало превосходство над немцами в живой силе, танках и артиллерии в соотношении 1,5 к 1, а в самолетах — 2 к 1<sup>3</sup>.

В декабре 1941 г., когда войска советских Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов вели бои с целью ликвидировать угрозу Москве, по приказу Ставки было начато контрнаступление на всем протяжении фронта от Тихвина на севере до Керченского полуострова на юге. К концу года были разработаны планы и подготовлены резервы для общего наступления с целью уничтожения группы армий «Центр», деблокирования Ленинграда и освобождения территорий в Донском бассейне и Крыму. 7 января 1942 г. Западный, Калининский и соседние с ними фронты получили приказ не просто окружить, но также расчлнить и уничтожить по частям главные силы группы армий «Центр»<sup>4</sup>.

Приняв решение на наступление по всему фронту, Ставка переоценила собственные силы. 10 января она обратила внимание на серьезные тактические ошибки, которые были допущены в ходе декабрьского контрнаступления, такие как неспособность сосредоточить достаточные силы на главном направлении, массированно применять танки и артиллерию, слабое взаимодействие родов войск<sup>5</sup>.

Однако одно дело было понимание Ставкой своих ошибок и совсем другое — не допустить их повтора, задача, которая ложилась на фронтовых командиров. Во время общего наступления фронты и армии снова впуская растрачивали свои резервы и, несмотря на частые напоминания, не придерживались принципа сосредоточения и

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 2. С. 271.

<sup>2</sup> Там же. С. 274.

<sup>3</sup> Там же. С. 277.

<sup>4</sup> Там же. С. 320.

<sup>5</sup> Там же. С. 317.

массированного применения войск, артиллерии и танков. 1 февраля в попытке достичь целей наступления хотя бы частично Ставка поручила Г.К. Жукову лично возглавить операцию против группы армий «Центр». Но было уже слишком поздно. К тому времени все резервы были уже израсходованы. Еще через полмесяца наступательный порыв в войсках начал угасать<sup>1</sup>.

Несмотря на то что целей зимнего наступления 1941—1942 гг. полностью достичь не удалось, противнику был нанесен ощутимый урон. Прежде всего, удалось развенчать миф о непобедимости Германии. Кроме того, значительно выросли военный престиж Красной армии за рубежом и авторитет правительства внутри страны. Победа вселила надежду в народ, а руководству вновь была обеспечена поддержка населения по обе стороны фронта. Армия получила неоценимый опыт, который мог быть использован при разработке действенной наступательной доктрины. Эта возможность не была упущена. В Генеральном штабе, штабах видов вооруженных сил и родов войск, а также в военных академиях, при фронтах и армиях были созданы специальные отделы, которым был поручен сбор и оценка информации и разработка на ее основе уставов и наставлений<sup>2</sup>.

## **1942 год. Отступление и новое наступление**

Вдохновленная успехом зимнего наступления, Ставка планировала и далее удерживать инициативу и после весеннего таяния снега провести наступательные операции в районе Ленинграда, Демянска, Орла, Харькова, в Донецком бассейне и в Крыму — с целью упредить немцев и создать условия для нового общего наступления советских войск<sup>3</sup>.

Было принято решение укрепить оборону на центральном участке фронта, так как ожидалось, что немцы снова сосредоточат основные усилия на Московском направлении. Возможность немецкого наступления на южном фланге также принималась во внимание, однако советское командование считало, что оно будет нацелено на север, на Москву, а не на юг, в направлении Кавказа и Сталинграда. Соответственно, вместо того чтобы сосредоточить большую часть резервов на Юго-Западном и Южном фронтах, Ставка направила их на центральный участок и в распоряжение Брянского фронта, который, как планировалось, должен был обеспечивать прикрытие Москвы с юга<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 2. С. 327, 328.

<sup>2</sup> Там же. С. 359, 612.

<sup>3</sup> *Платонов С.П.* Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 288.

<sup>4</sup> ИВОВ. Т. 2. С. 404.

Такая неверная оценка обстановки Ставкой поставила страну почти в такое же опасное стратегическое положение, как и годом ранее.

12 мая 1942 г. войска Юго-Западного фронта начали в районе Харькова первую из запланированных наступательных операций. План предусматривал охват города с севера и юга; при этом главный удар наносился на юге — с плацдарма (Изюм-Барвенковского выступа), созданного в ходе зимних боев на реке Донец в районе Изюма. Операция планировалась при полном игнорировании противника и пренебрежении теми осложнениями, с которыми связана организация наступления с неукрепленного плацдарма и при отсутствии поддержки. Возможно, именно благодаря этим двум факторам, а не по какому-либо другим причинам наступление с западного участка плацдарма в течение первых четырех дней развивалось успешно. Однако использование Изюмского плацдарма предусматривалось и планами летнего наступления группы армий «Юг». 17 мая немцы нанесли удар под основание выступа с юга, а затем с севера и в течение следующей недели превратили его в котел, в который попали 240 тыс. советских военнослужащих<sup>1</sup>.

Советское летнее наступление вылилось в харьковскую катастрофу; Юго-Западный фронт понес тяжелейшие потери как раз в то время, когда должно было начаться наступление немецких войск<sup>2</sup>.

В конце концов, первая же неудача (не первая — первой в летний период стала катастрофа под Керчью (8—16 мая), виновником которой стал представитель Ставки Мехлис, парализовавший действия командования Крымского фронта. В результате около 200 тыс. наших воинов погибли или попали в плен. — *Ред.*), которую Ставка организовала сама для себя, заставила советское командование отказаться от прежних планов летней кампании. В июле вовремя был отдан приказ спасти от окружения войска Юго-Западного и Южного фронтов. В период с 28 июня до 24 июля Брянский, Юго-Западный и Южный фронты отошли назад на 130—200 км, оставив крайне важную для страны территорию восточной части Донбасса. Отступление серьезно сказалось на моральном духе населения, но тем не менее немцам не удалось одержать победу того масштаба, на которую они рассчитывали<sup>3</sup>.

При полном отсутствии с советской стороны ясных объяснений относительно стратегии на лето 1942 г. представляется, что она основывалась на неправильном понимании намерений Германии, что повлекло за собой тяжелые последствия, которые едва не стали катастрофическими. Со свойственным ему упрямством, которое уже было продемонстрировано годом ранее, советское командование продолжало держать свои основные силы на центральном участке

---

<sup>1</sup> Герлиц У. Паулюс и Сталинград. Нью-Йорк, 1963. С. 183.

<sup>2</sup> ИВОВ. Т. 2. С. 411—417.

<sup>3</sup> Там же. С. 422.

фронта. В конце июня 1942 г. 28 армий было сосредоточено между Ленинградом и Тулой и только 18 армий — между Тулой и Кавказом (сюда входили и 5 армий Брянского фронта, основной задачей которого было прикрытие Москвы с юга). В составе Юго-Западного и Южного фронтов было 10 армий, три из которых были практически разбиты во время Харьковского сражения. Развернутые на непосредственных подступах к Москве Калининский и Центральный фронты имели в своем составе 15 армий. Такого развертывания войск советская сторона придерживалась в течение почти всего лета. Усиление южного участка фронта осуществлялось за счет вновь сформированных частей и соединений из резерва, а не за счет переброски сил с других участков фронта, как того ожидали немцы.

Важнейшей характерной чертой летней кампании 1942 г. явилось то, что, несмотря на то что обе стороны при планировании боевых действий исходили из ложных оценок, пожинать горькие плоды этого в итоге пришлось немцам. В августе—сентябре советские армии отступили еще на 130—550 км, однако немецкие войска при этом оказались слишком растянутыми и далеко обогнали свои тылы. В то же время на нижнюю Волгу и на Кавказ начали перебрасываться советские резервы<sup>1</sup>.

К осени 1942 г. сочетание таких факторов, как обширность территории, сопротивление советских войск и неспособность немецкой стороны соблюсти баланс между поставленными задачами и имеющимися для их выполнения средствами, во второй раз привело к опасной растянутости немецкой армии. Россия боролась с немецким нашествием теми же способами, какими в свое время противостояла вторжениям Наполеона и Карла XII; однако растворить захватчиков в русских просторах не было умышленным намерением советской стратегии — ведь в предвоенный период советская военная доктрина основывалась на принципе «разгрома врага на его собственной территории»<sup>2</sup>.

Несмотря на то что в послевоенную сталинскую эпоху стратегическое отступление пытались задним числом представить как заранее продуманную военную доктрину, во время первых двух летних кампаний она таковой не являлась. Тем не менее как в 1941-м, так и в 1942 г. она являлась наиболее эффективным из всех возможных вариантов действий советского командования.

В течение второго стратегического отступления советских войск летом 1942 г. был, наконец, преодолен кризис страны как военной державы. Несмотря на падение основных производственных мощностей, обусловленное потерей Донецкого бассейна, и резкий спад добычи нефти, был отмечен общий рост военного производства.

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 2. С. 438—444, 462.

<sup>2</sup> Там же. Т. 1. С. 440.

Так, выпуск самолетов увеличился по сравнению с 1941 г. на 60% и составил к концу 1942 г. 25 тыс. машин. Производство танков выросло почти в четыре раза. По советским официальным данным, в этот год было выпущено более 24 тыс. танков, две трети из которых составляли Т-34. В 1942 г. было произведено более 3 тыс. реактивных ракетных установок, по сравнению с несколькими сотнями, выпущенными в предыдущем году<sup>1</sup>.

В армии были вновь сформированы танковые корпуса, а также, по примеру немцев, танковые армии. В численности войск Советский Союз имел преимущество. По данным немецкой стороны, по состоянию на 20 сентября Советский Союз имел в составе своих вооруженных сил на германском фронте 4 255 840 солдат и офицеров, в том числе 3 013 370 человек на переднем крае и 1 242 470 в резерве. Немецкие группы армий «Север» и «Центр» имели перед своим фронтом превосходящего их численно противника, а с учетом имевшихся в Красной армии резервов можно было с полной уверенностью заявлять о количественном перевесе советской стороны на всех участках фронта (у немцев и их союзников также имелись резервы. — *Ред.*). Сравнительные данные по количественному составу сил сторон, по данным отдела «Иностранные армии Востока», представлены в следующих таблицах:

#### Немецкие войска и войска союзников:

Группа армий «Север»	708 400
Группа армий «Центр»	1 011 500
Группа армий «Б»	1 234 000
Группа армий «А»	434 800
Итого:	3 388 700*
* Немецкие данные составлены на основе штатной численности войск, которая в некоторых случаях превышала реальный состав на 250 тыс. солдат и офицеров.	

#### Советские войска, противостоявшие немецким группам армий:

	На фронте	В резерве	Всего
Группа армий «Север»	916 700	84 910	1 001 610
Группа армий «Центр»	1 012 070	344 270	1 356 340
Группа армий «Б»	818 250	561 050	1 379 300
Группа армий «А»	266 350	252 240	518 590
Итого:	3 013 370	1 242 470	4 255 840

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 2. С. 504—515.

В дальнейшем эта разница все более усугублялась: например, призывной контингент 1925 года рождения составлял в Советском Союзе 1,4 млн человек, в то время как в Германии эта цифра была втрое ниже.

В ходе второго немецкого стратегического наступления в Советском Союзе, наконец, была завершена военная реформа, начатая в 1940—1941 гг. и приостановленная после начала войны. В конце лета, в период, на который пришелся наибольший размах немецкого наступления, офицеры и комиссары получили полномочия на проведение казней «трусов и предателей». Проведение таких казней фактически поощрялось вышестоящими инстанциями. Вскоре эти меры отчаяния пришлось несколько смягчить. Еще одним жестом отчаяния с точки зрения партийной этики, но необходимым с точки зрения здравого смысла стало введение в армии традиционных принципов армейского строительства, которые в партийных кругах считались пережитками феодализма и реакции. Однако именно они, как выяснилось, помогают армии выстоять на поле боя. И вот неожиданно в Красной армии начинают проводить политику столь долгое время презираемой жесткой военной иерархии: строгое и безоговорочное подчинение младших по званию старшим командирам, как основа воинской дисциплины, точное соблюдение воинских уставов, выделение особой касты офицеров, которые имели особые привилегии и носили обмундирование и знаки различия, отличавшие их от рядового состава. В противоположность прежней революционной (марксистско-ленинской. — *Ред.*) риторике была провозглашена политика русского патриотизма. В армии были введены новые награды (например, ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Ушакова, Богдана Хмельницкого. — *Ред.*). В то же время такие личности, как К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный, которые достигли вершин военной иерархии благодаря политическим, а не только (и не столько) военным заслугам, были потихоньку отодвинуты в сторону. Наиболее важным шагом в сторону большего профессионализма в армии стал возврат 9 октября 1942 г. к принципам единоначалия. Комиссары, которые прежде пользовались по крайней мере равными с командирами полномочиями, стали заместителями командиров; отныне их деятельность сводилась к политическому воспитанию личного состава с целью поднять его моральный дух<sup>1</sup>.

Представители командного состава высшего звена быстро обрели и накапливали военный опыт. Во время отступления лета 1942 г. армейские командиры демонстрировали гибкость, которой прежде не было и в помине. Год войны воспитал среди высшего генералитета когорту закаленных, грамотных командующих. Двое

---

<sup>1</sup> *Верм А.* Россия в войне. Нью-Йорк, 1964. С. 414—428.



лучших из них, Г.К. Жуков и генерал-полковник А.М. Василевский, во время летней кампании находились на фронтах в качестве представителей Ставки. Практика назначения таких представителей началась с лета 1941 г. и продолжалась в течение всей войны. Она давала Ставке эффективные средства контроля обстановки на важнейших участках фронта и позволяла проводить стратегические замыслы Ставки в жизнь на оперативном уровне. В конце августа 1942 г. германская разведка сделала вывод, что советское военное руководство овладело тактическими принципами современной войны и способно в полном объеме применять их на практике не хуже, чем немецкая сторона; в то же время уровень подготовки нижестоящих штабов все еще оставляет желать лучшего.

### **Глава 3**

#### **СТАЛИНГРАД. ОКРУЖЕНИЕ**

Город Сталинград до революции носил имя Царицын, а после проведения хрущевской «десталинизации» в середине 1950-х — начале 1960-х гг. стал называться (с 1961 г.) Волгоград. Город расположен на более высоком западном берегу реки Волга, примерно в 850 км от Москвы и 2400 км от Берлина. Вокруг города повсюду протянулись лишенные древесной растительности жаркие, засушливые и пыльные летом степи. Зимой же здесь стоят холода, временами морозы весьма суровы. В течение более полугода (с 17 июля по 2 февраля) при палящем августовском солнце и морозной январской стуже в городе и вокруг его шло сражение армий общей численностью полтора миллиона и даже более человек. На поле битвы площадью 100 тыс. кв. км сошлись, по советским данным, около 2 тыс. танков, 25 тыс. артиллерийских орудий и 2300 боевых самолетов<sup>1</sup>.

Сам по себе имевший некоторое стратегическое значение, частично по воле случая, частично в силу расчетов противоборствующих сторон, Сталинград превратился в ключевой участок одной из решающих битв Второй мировой войны. Население в полмиллиона человек, большой тракторный завод, переключившийся на выпуск танков, оружейный завод, металлургическое и химическое предприятия, железная дорога и нефтехранилища обусловили роль Сталинграда как важного военного объекта. Не менее важным было и то, что город занимал господствующее положение в нижнем течении реки Волга, основной водной артерии, по которой осуществлялась транспортировка нефти с Кавказа. К концу лета 1942 г. немецкие войска добились гораздо более впечатляющих успехов, чем могло

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 424.

стать взятие Сталинграда. Немецкому руководству хотелось объявить о своей новой победе, какой они считали захват города.

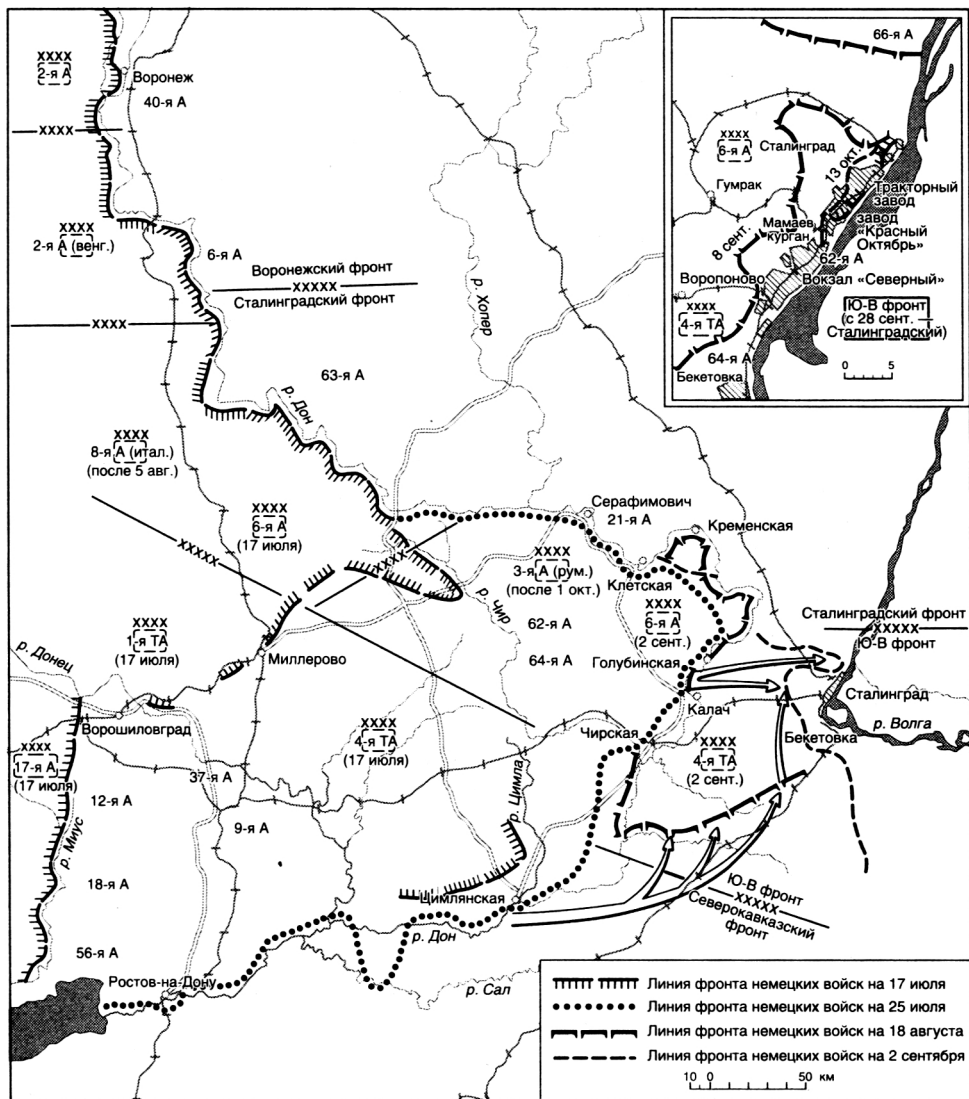
С точки зрения стратегии Сталинград далеко не был равен Москве; тем не менее как символ победы он занимал умы немецкого командования. Одно название города побуждало к ожесточенной личной борьбе за обладание им как советского диктатора, так и его немецкого соперника. Гитлер сделал Сталинград конечной целью летнего наступления и не мог говорить о его полном успехе, не захватив город. Напротив, удержание города означало для советского командования очередной шанс продемонстрировать миру, что немцы не полностью вернули себе контроль над событиями.

Под Сталинградом должно было произойти то же самое, что год назад случилось под Москвой. Когда бои были в самом разгаре, соотношение сил наступавшей и оборонявшейся сторон начало меняться, и от того, насколько значительными и быстрыми будут перемены, зависел исход битвы.

### **Наступление на Сталинград**

В советской истории принято считать датой начала Сталинградской битвы (или битвы на Волге, как она иногда стала называться в послесталинские времена) 17 июля 1942 г. В тот день Сталинградский фронт, который сменил расформированный 12 июля Юго-Западный фронт, ввел в бой вновь сформированные 62-ю и 64-ю армии. Первые эшелоны армий были выдвинуты в район рек Чир и Цимла на излучине Дона, в 160 км к западу от Сталинграда (см. карту 3).

Дата близка по времени с изменением хода немецкого наступления, которое с вводом в бой свежих советских армий перешло в новую фазу. За четыре дня до этого Гитлер приказал начать наступление на Ростов и повернул 4-ю танковую армию на юг, предоставив 6-й армии наступать на Сталинград самостоятельно. В течение последующих нескольких недель Гитлер манипулировал подвижными соединениями, пытаясь определить оптимальный минимум сил, с помощью которых город окажется в его руках. Первоначально командующий немецкой 6-й армией генерал танковых войск Фридрих Паулюс имел в своем распоряжении против советских войск, развернутых за Чиром и Цимлой, один пехотный корпус на подходе к Чиру и два других корпуса, которые медленно подтягивались туда же. 18 июля Гитлер перебросил из района севернее Ростова, где уже ощущался переизбыток людей и техники, один пехотный корпус и XIV танковый корпус. Передав эти соединения Паулюсу, фюрер приказал как можно скорее начинать наступление на Сталинград с тем, чтобы не дать советскому командованию времени на укрепление обороны города. За два дня XIV танковый корпус вышел к реке



Карта 3. Наступление на Сталинград 17 июля — 18 ноября 1942 г.

Чир и 21 июля захватил плацдарм на ее берегу. Однако в дальнейшем из-за нехватки горючего корпус был вынужден приостановить наступление. 23 июля в той же директиве, в которой группе армий «А» предписывалось наступать на Кавказ, Гитлер объявил о передаче Паулюсу еще одного, XXIV танкового корпуса из 4-й танковой армии и впервые отдал четкий приказ о взятии Сталинграда.

К 25 июля 6-я армия полностью заняла излучину Дона, за исключением двух хорошо укрепленных плацдармов советских войск, расположенных на флангах дороги на Сталинград, и еще одного небольшого плацдарма, расположенного выше по течению, в районе Серафимовича. Затем армия остановилась из-за нехватки горючего и почти полного отсутствия боеприпасов. Тогда Гитлер решил сосредоточить усилия на участке наступления группы армий «А». Поэтому квартирмейстер ОКХ был вынужден изъять из группы армий «Б» часть автомобильного транспорта и передать его группе армий «А». При этом оставшихся в 6-й армии автомобилей едва хватало на обеспечение дальнейшего продвижения войск в глубь степи, на большом удалении от железных дорог. Нехватка горючего также явилась причиной снижения темпов перегруппировки войск перед наступлением на Сталинград. Венгерская 2-я армия получила сектор ответственности на Дону ниже Воронежа. В то же время Ф. Паулюс все еще был вынужден держать в среднем течении Дона лучшую часть двух своих корпусов; он не мог направить эти войска на восток, пока на их замену не подойдет 8-я итальянская армия. Все еще продолжая свои манипуляции с войсками, Гитлер приказал генерал-полковнику Герману Готу совершить в районе Цимлянской поворот 4-й танковой армией, которой тот командовал, и, двигаясь по восточному берегу Дона, нанести удар в направлении на Сталинград с юга. Для выполнения этой задачи в распоряжении Гота был только XXXXVIII танковый корпус, который в течение летней кампании уже прошел с боями более 600 км, а также один немецкий пехотный корпус и один румынский корпус. Расстояние от Цимлянской до Сталинграда составляет около 200 км.

В то же самое время Ставка бросила против наступающей 6-й армии только что сформированные 1-ю и 4-ю танковые армии<sup>1</sup>.

Соединения итальянской 8-й армии прибыли на замену немецких дивизий, развернутых в верхнем течении Дона; однако Ф. Паулюс докладывал фюреру, что при существующих темпах пополнения запасов горючего и боеприпасов в его войсках (по 200 тонн в день) он сможет начать наступление против двух крупных советских плацдармов не ранее 8 августа. Гитлер потребовал, чтобы наступление было начато днем ранее — для того чтобы не допустить эвакуации русских войск на другой берег реки.

7 августа войска 6-й армии атаковали более крупный из двух советских плацдармов в районе западнее Калача; еще до исхода дня в окружение попали первые эшелоны 62-й армии и 1-й танковой армии. В течение последующих четырех дней окруженная группировка была уничтожена; при этом в плен попало примерно 50 тыс. советских военнослужащих (немецкие данные о советских потерях завышены. Здесь

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 2. С. 429.

были окружены 4 дивизии, сражавшиеся несколько дней, часть окруженных прорвалась к своим. — *Ред.*) Затем 6-я армия стала наступать на менее укрепленный советский плацдарм севернее Калача. Русские и на этом участке сражались упорно, однако не повторили ошибки предшественников и не позволили противнику окружить себя.

Поражения войск на западном берегу Дона вызвали крайне нервную реакцию советского командования. 5 августа с целью сократить сильно растянувшийся участок ответственности фронта и тем самым улучшить управление войсками Ставка приняла решение о создании за счет южной половины Сталинградского фронта нового Юго-Восточного фронта. 10 августа в это решение была внесена поправка, согласно которой командование Сталинградского фронта переходило в подчинение штабу Юго-Восточного фронта. Еще через два дня представителем Ставки на этот участок был назначен А.М. Василевский. 13 августа командующим обоими фронтами был назначен А.И. Еременко, а членом Военного совета (то есть комиссаром) — Н.С. Хрущев. Прежний командующий Сталинградским фронтом стал заместителем командующего фронтом<sup>1</sup>.

К 18 августа 6-я армия захватила плацдармы на восточном берегу Дона, однако войска, в первую очередь пехота, были измотаны и понесли тяжелые потери в боях на излучине Дона, и поэтому немцы не смогли с ходу совершить 50-километровый рывок на Сталинград. 21 августа XIV танковый корпус прорвал советскую оборону и 23 августа небольшими силами вышел севернее Сталинграда к реке Волга. Для того чтобы удержать позиции на Волге, с которой артиллерийским огнем немцы обстреливали движущиеся по реке советские суда, корпусу пришлось оторваться от главных сил 6-й армии и занять круговую оборону.

24 августа советские 21-я, 63-я и 1-я гвардейская армии нанесли 6-й немецкой армии сильные удары по левому флангу с небольших плацдармов в районах Серафимовича и Кременской. Ф. Паулюс вынужден был осознать, что не сможет выделить достаточно пехоты для того, чтобы пробить коридор в сторону XIV корпуса, по крайней мере до тех пор, пока его войска на правом фланге не соединятся с армией Г. Гота<sup>2</sup>.

В то время такая перспектива виделась не очень благоприятной. Г. Гот, как и Ф. Паулюс, вынужден был наступать на узком фронте. Армия Г. Гота наносила удар вдоль цепи соляных озер, протянувшихся строго южнее Сталинграда. Такое наступление грозило войскам советских 62-й и 64-й армий окружением и в то же время оставляло 60-километровую брешь между левым флангом 4-й танковой армии и армией Ф. Паулюса.

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 431.

<sup>2</sup> Там же. С. 436.

26 августа, после того как XIV танковый корпус отразил мощный, хорошо организованный контрудар советских войск, его командир понял, что вряд ли войска смогут устоять, если русские повторят атаку. Однако в течение последующих двух дней обстановка внезапно разрядилась. Удары против войск XIV танкового корпуса ослабли, а моральный дух русских, похоже, стал падать. Из 6-й армии поступали донесения об участвовавших случаях дезертирства из Красной армии. Иногда, что было необычно, экипажи танков сдавались вместе с машинами.

Вскоре нечто подобное стало ощущаться и перед фронтом наступления 4-й танковой армии, которая провела перегруппировку и бросила свои танки на соединение с армией Ф. Паулюса.

30 августа, после того как генерал Г. Гот убедился в том, что русские отступают в сторону Сталинграда, его войска совершили маневр на восток, и через три дня немецкие танки прорвались через Питомник к станции Воропоново, непосредственно к западу от Сталинграда. К полудню 2 сентября 6-я армия вновь перешла в наступление в направлении на Сталинград. В тот день был установлен надежный контакт с XIV танковым корпусом, а днем позже войска 6-й армии в районе Питомника соединились с 4-й танковой армией.

## Осада

25 августа Ставка приняла решение объявить Сталинград на осадном положении и начать полную эвакуацию гражданского населения. В городе работало всего несколько магазинов и промышленных предприятий, обеспечивавших ремонт боевой техники. Сталинград выглядел непрезентабельно. Город представлял собой типичную для русских смесь каменных и бетонных административных зданий, разбросанных повсюду фабрик и грязно-коричневых некрашенных преимущественно деревянных жилищ населения. Все эти строения, вытянувшиеся на участке 4 на 19 км вдоль обрывистых берегов Волги, вскоре навсегда войдут в историю.

В течение ночи 2 сентября советские 62-я и 64-я армии отошли к внутреннему кольцу обороны города. Передовые корпуса 6-й армии были нацелены на 100-метровый Мамаев курган (102 м над уровнем моря. — *Ред.*), основную достопримечательность города, его центр и господствующую высоту. Войска 4-й танковой армии приближались к городу со стороны южных пригородов.

В ответ на призыв И.В. Сталина от 3 сентября о контрнаступлении Сталинградский фронт, который в ходе боев был отеснен от города в сторону северного фланга 6-й армии, спешно развернул свои 1-ю гвардейскую и переданные из резерва 24-ю и 66-ю армии на узком участке фронта западнее от Волги и 5 сентября нанес удар в южном направ-

лении. Несмотря на то что контрудар был осуществлен без соответствующей подготовки, его оказалось достаточно для того, чтобы на несколько дней привести войска 6-й армии в замешательство<sup>1</sup>.

В течение трех дней с 8 по 10 сентября 4-я танковая армия пробилась на южной окраине города к берегу Волги, который достиг головной мотопехотный батальон. Несмотря на то что этому батальону пришлось отойти назад примерно на 2 км и для очередного прорыва к реке немцам понадобилось еще пять дней, советская 62-я армия под командованием генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова оказалась практически отрезанной на плацдарме в черте города.

13 сентября 6-я армия начала наступление в центр города через Мамаев курган и вокзал, находившийся примерно в 2 км от Волги. С того дня битва приняла тот характер, который уже не менялся в течение последующих двух месяцев: кровавые непрекращающиеся уличные бои, в которых важнейшими военными целями стали каждый квартал или отдельное здание. Иногда одну часть здания или отдельные этажи занимали немцы, а другую — русские. В течение нескольких последующих дней бои за Мамаев курган и вокзал приняли настолько ожесточенный характер, что было невозможно определить, какая из сторон в действительности наступает, а какая обороняется. Войскам 6-й армии потребовалась неделя на то, чтобы выдавить оборонявшихся здесь русских к реке<sup>2</sup>.

К этому времени командование ОКХ передало в распоряжение Ф. Паулюса XXXXVIII танковый корпус для оказания содействия в зачистке южной части города. После того как был осуществлен прорыв к реке, на выполнение этой задачи потребовалось еще пять дней. 26 сентября Ф. Паулюс доложил, что его войска водрузили знамя со свастикой над зданием администрации города на местной Красной площади.

На исходе месяца Сталинградский плацдарм был сведен к участку шириной 10 км и глубиной максимум 15 км. Ни одна из сторон не имела свободы маневра. Такое положение было на руку оборонявшейся стороне, готовой оплачивать защиту города большой кровью. К этому была готова и Ставка. В период с середины сентября до начала октября 62-я армия получила пополнение, равное по численности девяти стрелковым дивизиям, двум танковым и одной стрелковой бригаде. Командование стало более жестким и организованным. Командование Сталинградским фронтом, переименованным 28 сентября в Донской фронт, принял генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский. Генерал-полковник А.И. Еременко стал командующим Юго-Восточным фронтом, переименованным в Сталинградский фронт<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 438.

<sup>2</sup> Чуйков В.И. Битва за Сталинград. Нью-Йорк, 1964. С. 120.

<sup>3</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 442—444.

Ближе к концу сентября Ф. Паулюсу удалось полностью сосредоточиться на решении задачи на восточном направлении. Это произошло благодаря тому, что на участок западнее Дона была перебросена 3-я румынская армия. Румынские войска не были ни достаточно подготовлены, ни экипированы для ведения боев на Восточном фронте. В течение трех последних дней сентября на участке 4-й танковой армии немцам пришлось убедиться в их возможностях, что явилось мрачным предзнаменованием будущей катастрофы. 28 сентября румынские дивизии на правом фланге армии вдоль гряды холмов южнее Сталинграда не выдержали атаки даже незначительных советских сил и обратились в беспорядочное отступление, которое продолжалось два дня, до тех пор, пока не была брошена в бой немецкая дивизия. Генерал Г. Гот докладывал по этому поводу: «Командирам немецких подразделений, вместе с которыми действуют румынские части, необходимо быть готовыми к тому, что даже просто артиллерийский огонь умеренной плотности при отсутствии наступления противника может вынудить румынские войска к отступлению. Представляемые румынами доклады об обстановке бесполезны, поскольку они никогда не знают, где находятся их собственные подразделения, не говоря уже о том, что силы противника в них многократно преувеличиваются». Он рекомендовал предоставлять румынам узкие участки фронта, а каждые четыре румынские дивизии усиливать одной немецкой.

Немецкие войска все еще владели инициативой, однако для ее удержания им приходилось вести кровавые уличные бои за каждый дом. Здесь преимущество давало лишь индивидуальное мастерство солдат, толщина бетона и камня, сила духа. В период с 20 сентября по 4 октября Ф. Паулюс четырежды докладывал Гитлеру о том, что численность его пехоты в городе тает быстрее, чем успевает прибывать пополнение. Он предупреждал, что если не восполнить потери, то исход битвы станет непредсказуемым.

С точки зрения стратегии 6-я армия выполнила свою задачу к концу сентября. Она вышла к Волге. Половина Сталинграда была в руках немцев, а вторую половину можно было подвергать артиллерийскому обстрелу. Осмотрительность диктовала необходимость прекратить наступление, укрепить фронт и постепенно изматывать русских. Гитлер сам всегда выступал против напрасных потерь солдат в уличных боях. Ф. Паулюс тоже рекомендовал избегать их. 4 октября он предупредил командование о том, что больше не имеет резервов, и в случае контрудара русские сумеют прорвать фронт. Однако амбиции Гитлера к тому моменту нельзя было обуздать никакими доводами рассудка. 28 сентября он начал свою речь в Спортхалле о планах зимней кампании с того, что едко высмеял все публикации мировой прессы последнего времени. Он жаловался, что газеты преподносят булабочные уколы западных союзников, такие



как высадка десанта в Дьепе, как блестящие победы, в то время как игнорируют марш немецких войск от Дона на Волгу и Кавказ. Отстаивая свою позицию перед аудиторией, он добавил: «Когда мы возьмем Сталинград — и вы можете быть уверены в этом, — мы им покажем». Словно забивая гвоздь, он во второй раз поклялся взять Сталинград и заверил присутствующих: «Можете быть уверены в том, что никто не сможет заставить нас уйти оттуда».

6 октября Ф. Паулюс временно приостановил наступление на Сталинград. В его войсках осталось слишком мало пехоты. В одной из дивизий средняя численность батальонов составляла 3 офицера, 11 унтер-офицеров и 62 рядовых.

Начинала сказываться также и нехватка боеприпасов. Только за сентябрь армия израсходовала 25 млн патронов, более полумиллиона противотанковых и три четверти миллиона осколочных снарядов. Потери армии со времени переправы через Дон составили 7700 убитыми, 30 200 ранеными и 1100 пропавшими без вести.

Получив в качестве пополнения пять специальных штурмовых батальонов из резерва ОКХ, перебросив с одного из флангов пехотную дивизию и получив из 4-й танковой армии одну танковую дивизию, 14 октября Ф. Паулюс возобновил наступление на Сталинград. Советские историки описывают последующие две недели как самый драматичный период во всей битве. На второй день боев немцы заняли тракторный завод на севере города и вышли к Волге, расчленив оборонительные позиции советских войск<sup>1</sup>.

С левого берега Волги советская артиллерия вела массированный огонь по немецким позициям всюду, в пределах дальности стрельбы.

С характерной для России внезапностью стала меняться погода. После нескольких холодных дней 18 октября прошли проливные дожди, а на следующий день выпал мокрый снег. Доставка предметов снабжения в степи затруднялась распутицей на дорогах. Тем не менее, хотя немцы уже не смогли повторить успеха первых двух дней октябрьского штурма, в городе они продолжали удерживать инициативу и действовали даже с более мощным напором, чем в начале наступления. В особенно удачный для них день 23 октября им удалось захватить металлургический завод «Красный Октябрь», несколько жилых кварталов и большую часть развалин городского хлебоуточного комбината. Но уже через неделю в войсках стала сказываться нехватка боеприпасов, что сделало невозможным ведение наступления с прежней интенсивностью.

В начале ноября резко похолодало, что сильно осложнило возможности оборонявшейся стороны. Всего за несколько дней полностью замерзли реки. Правда, этого не случилось с Волгой. Сначала там

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 444–445.

образовалась ледяная жижа, затем появились огромные льдины, которые устремились вниз по течению. В конце концов переправа через Волгу стала представлять опасность даже для крупных судов. В той широте, на которой расположен Сталинград, река полностью замерзает в течение недель и даже месяцев. Это было крайне важно для 62-й армии, прибытие пополнения и предметов тылового обеспечения полностью зависело от поставок с противоположного берега.

К тому времени, когда Волга полностью замерзла, участок земли в Сталинграде, который обороняли войска В.И. Чуйкова, сузился до двух плацдармов, один из которых был 10 км в ширину и 1,5 км в глубину, а второй, расположенный на северной окраине города, — примерно в два раза меньше. 11 ноября немецкие войска прорвались на северном фланге более крупного участка обороны к реке, отрезав там целую дивизию<sup>1</sup>.

17 ноября Гитлер писал в своем приказе 6-й армии: «Мне известны трудности битвы за Сталинград и тот упадок сил, которые испытывают войска. Но сейчас благодаря ледоходу на Волге русские испытывают еще большие трудности. Если мы сумеем воспользоваться этим, то тем самым сэкономим больше жизней». Далее он призвал «к еще одной решительной попытке».

### **Планы немецкой стороны**

Когда в отделе ОКХ «Иностранные армии Востока» сделали вывод о том, что к зиме советские войска сохраняют достаточно сил для перехода в стратегическое наступление, его офицеры попытались предугадать наиболее вероятный участок, на котором оно может состояться. Им представлялось, что с этой точки зрения для советской стороны наиболее перспективными являются участки фронта группы армий «Б» и группы армий «Центр». На участке группы армий «Б» относительно слабо укрепленный немецкий фронт и благоприятные условия местности способствовали операции по освобождению Сталинграда. Далее открывались перспективы нанесения удара к западу от Сталинграда через Дон на Ростов; в случае успеха оказывались разгромленными большая часть войск группы армий «Б» и вся группа армий «А». Однако в отделе «Иностранные армии Востока» больше склонялись к мнению, что русские, скорее всего, предпочтут отвести угрозу от Москвы, над которой все еще нависали передовые части группы армий «Центр». Вероятно, новое наступление начнется с выступов в районах Торопца и Сухиничей и будет осуществляться по сходящимся направлениям на Смоленск. Целью наступления будет разгром 9-й армии, 3-й танковой армии и 4-й ар-

---

<sup>1</sup> Чуйков В.И. Битва за Сталинград. С. 206; ИВОВ. Т. 3. С. 448.

мии. Предполагалось, что русские еще не научились планировать и вести наступление с постановкой задач в глубине обороны противника, например на Ростов или Балтийское побережье. Поэтому они нанесут удар там, где конфигурация линии фронта создает для их наиболее явные преимущества. К тому же такое наступление не требует от командования большой тактической грамотности. Казалось бы, развертывание советских войск в течение последующих двух месяцев подтверждало прогнозы ОКХ, сделанные в августе. В течение всего лета русские имели более мощную группировку, нацеленную на войска группы армий «Центр», по сравнению с той, которая была развернута против двух групп армий на южном направлении. (Здесь, на центральном участке советско-германского фронта, советскими войсками 30 июля — 23 августа проводилась Ржевско-Сычевская наступательная операция; с сентября снова шла борьба за Ржев, где немцы смогли устоять, наконец, 8 декабря началось мощное советское наступление, которым командовал Жуков, закончившееся неудачей (и поэтому малоизвестное). — *Ред.*) В сентябре началась перегруппировка советских войск на северном фланге группы армий «Центр» в районе Торопца. Ко второй неделе октября эти мероприятия зашли так далеко, что Гитлер уже подумывал о нанесении встречного удара. Немцы считали, что наступление начнется сразу же после периода осенних дождей (дожди начались с 16 октября; ожидалось, что они продлятся две-три недели). Сразу же после середины октября немецкой разведкой была зафиксирована подготовка к наступлению и перед фронтом группы армий «Б». Однако, как показалось, эти мероприятия велись не слишком активно и вряд ли могли свидетельствовать о том, что русские намерены нанести удар в ближайшее время. 15 октября в разведке ОКХ пришли к выводу о том, что советские войска, возможно, сделают попытку наступать на фронте группы армий «Б», однако при этом основной целью такого наступления может быть не что иное, как отвлечение возможно большего количества немецких войск с целью в дальнейшем нанести удар на фронте группы армий «Центр».

В последние две недели октября данные разведки свидетельствовали о том, что сосредоточение советских войск перед фронтом группы армий «Б» ограничено плацдармом в районе Серафимовича на участке, где оборону держит румынская 3-я армия. 31 октября из разведывательного отдела ОКХ поступил доклад о том, что характер проводимых на плацдарме мероприятий не позволяет прогнозировать крупное наступление русских, а скорее указывает, что на этом участке запланировано наступление с ограниченными целями. В то же время на фронте группы армий «Центр» с участка 9-й армии поступали сведения о том, что по состоянию на 30 октября до начала русского наступления оставалось не более одной недели, за которую предполагалось провести перегруппировку сил армии.

Гитлер оценивал активность советской стороны перед фронтом группы армий «Б» менее оптимистично, чем офицеры отдела «Иностранные армии Востока». Еще в середине августа он начал высказывать беспокойство о том, что И. В. Сталин попытается, по его собственному выражению, провести «типично русское наступление», то есть нанести удар на Ростов через Дон из района Серафимовича. Подобное сокрушительное наступление большевики уже осуществили в начале 1920 г. против русской Белой армии генерала П. Н. Врангеля. (Видимо, все же А. И. Деникина, имеется в виду Ростово-Новочеркасская операция 3—10 января 1920 г. — *Ред.*) 26 октября Гитлер вновь выразил озабоченность возможностью нанесения русскими мощного удара по армиям союзников с дальнейшим развитием наступления через Дон и приказал усилить оборону итальянских, венгерских и румынских войск на Дону за счет переброшенных на этот участок авиаполевых дивизий.

2 ноября, после того как поступили данные авиаразведки о наведении русскими новых мостов через Дон в районе Серафимовичского плацдарма, Гитлер снова предсказал крупное наступление советских войск на Ростов. Понимая, что в случае возникновения настоящей кризисной обстановки от авиаполевых дивизий будет немного толка, он отменил прежний приказ об их переброске. 4 ноября был отдан новый приказ о переброске 6-й танковой дивизии и двух пехотных дивизий с побережья Ла-Манша и развертывания их в качестве резерва за боевыми порядками итальянской 8-й и румынской 3-й армии. Из того факта, что на дооснащение этих дивизий требовалось время, а значит, они не могли прибыть на Восточный фронт ранее, чем через четыре-пять недель, следует, что Гитлер не ожидал начала советского наступления до начала декабря.

В течение первых двух недель ноября новые свидетельства замыслов русских поступали практически ежедневно. К 4 ноября стало ясно, что советское командование готовит удар против 4-й танковой армии южнее Сталинграда. 8 ноября было обнаружено, что одна из дивизий советской 5-й танковой армии, которая, как считалось прежде, дислоцировалась в районе Орла и Сухиничей, переброшена на позиции перед фронтом румынской 3-й армии. Спустя еще два дня было установлено появление на этом участке фронта еще одной дивизии 5-й танковой армии, а также выявлено новое оперативное объединение русских — Юго-Западный фронт. Это было важным признаком надвигающихся событий, поскольку прежде все советские войска, противостоящие группе армий «Б» к северу от Сталинграда, входили в состав одного Донского фронта и его участок был слишком растянут для организации там крупного наступления.

Несмотря на все эти тревожные данные, еще 6 ноября отдел «Иностранные армии Востока» пребывал в уверенности, что главные события должны были произойти на фронте группы армий «Центр», а

наступление на Дону начнется позже. 12 ноября для немецкой стороны общая картина обстановки была слишком неясной для того, чтобы делать однозначные прогнозы, поэтому вместо этого было сделано одно уклончивое заявление: «Тем не менее в ближайшем будущем следует принимать во внимание возможность перехода противника в наступление против румынской 3-й армии с целью перерезать железную дорогу на Сталинград; это может создать угрозу для немецких войск еще далее на восточном направлении и вынудит их оставить Сталинград».

Признавая, что отдел «Иностранные армии Востока», возможно, был прав, предполагая, что русские готовят крупное наступление, возможно главное за зимнюю кампанию, против группы армий «Центр», ко второй неделе ноября командование группы армий «Б» было уверено в том, что советские войска нанесут удар по румынской 3-й армии и, возможно, 4-й танковой армии. Любая возможность наступления, даже ограниченного, против румынских войск не могла не вызвать серьезной озабоченности. 9 ноября командующий группой армий «Б» фон Вейхс, принимая во внимание такую возможность, планировал развернуть за позициями румынских войск 29-ю моторизованную дивизию из состава 4-й танковой армии. Однако позже он отказался от этого замысла, поскольку наступление противника ожидалось и против 4-й танковой армии. Вместо этого 16 ноября он решил перебросить с участка итальянской 8-й армии на позиции румынской 3-й армии 22-ю танковую дивизию. Вместе с румынской 1-й танковой дивизией немецкое соединение должно было войти в состав XXXXVIII танкового корпуса, переданного в резерв из 4-й танковой армии. Формально XXXXVIII танковый корпус должен был представлять собой грозную силу, однако фактически ничего подобного не было и в помине. 22-я танковая дивизия едва ли по численности превышала нормальный танковый полк. В ее составе было 46 танков, из которых к 19 ноября в рабочем состоянии осталось только 38 машин. Румынская 1-я танковая дивизия, которая к тому времени еще не принимала участия в боях, имела в своем составе 122 машины, 21 из которых были устаревшими модификациями немецкого танка Pz III с 50-мм пушкой, а остальные — трофейные чешские танки с 37-мм орудием (кстати, неплохие танки. — *Ред.*).

### **Планы советской стороны**

4 октября представители Ставки Г.К. Жуков и А.М. Василевский возглавили совещание, на котором началось планирование советского контрнаступления под Сталинградом (см. карту 4). В течение октября и первых двух недель ноября, в то время когда 6-я армия с

предельным напряжением сил вела бои за окончательное овладение городом, советская сторона завершила оперативное развертывание войск на ее флангах. 28 октября Юго-Западный фронт под командованием генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина в составе 6-й, 1-й гвардейской, 63-й, 5-й танковой и 21-й армий получил приказ нанести удар вниз по течению Дона из района Клетской. Донской фронт, участок которого сократился более чем вдвое, сохранил за собой 65, 24 и 66-ю армии; ему была назначена полоса наступления от Клетской до Волги. В составе Сталинградского фронта остались 62, 64, 57 и 51-я армии, которые держали оборону в самом городе и перед фронтом немецкой 4-й танковой армии. Самая сильная из прибывших для пополнения фронтов 5-я танковая армия, имевшая в своем составе шесть стрелковых дивизий, два танковых корпуса, гвардейскую танковую бригаду, кавалерийский корпус, артиллерийский, зенитный и минометный полки, начала выдвижение на передний край перед фронтом румынской 3-й армии в конце октября и закончила развертывание примерно к 6 ноября<sup>1</sup>.

Помимо 5-й танковой армии, на Сталинградском направлении войска были усилены свежими корпусами и дивизиями<sup>2</sup>.

Возросла численность пехоты, а на направлениях главных ударов армиям были приданы танковые, механизированные и кавалерийские корпуса<sup>3</sup>.

Ко времени завершения развертывания Красная армия имела в районе Сталинграда 4 танковых и 3 механизированных корпуса, 14 отдельных танковых бригад и 3 отдельных танковых полка — всего около 900 танков, или примерно 60% всех советских танковых войск. Кроме того, по решению Ставки сюда была переброшена примерно треть из всех имевшихся у советской стороны реактивных ракетных установок, всего 115 дивизионов. Были значительно усилены артиллерия и авиация (согласно Советской военной энциклопедии, наши войска имели 1463 танка и САУ, 1350 боевых самолетов, 15 500 орудий и минометов. — *Ред.*)<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Численность советской стрелковой дивизии составляла примерно 10 тыс. человек; танковый корпус (примерно соответствовал по численности американской бронетанковой дивизии) имел в своем составе 10,5 тыс. солдат и офицеров и 189 средних и тяжелых танков; кавалерийский корпус насчитывал 19 тыс. человек, имел около 100 бронемашин.

<sup>2</sup> Сборник материалов по изучению опыта войны / Генеральный штаб Красной армии. 1943. № 6. Апрель—май.

<sup>3</sup> Штатная численность советского механизированного корпуса составляла 16 тыс. человек и 186 танков. Некоторые из танковых и механизированных корпусов, возможно, были переданы из состава 1-й и 4-й танковых армий. 4-я армия не упоминается в документах Сталинградской битвы после сентября 1942 г. 1-я танковая армия перестала там значиться после окружения в районе Калача. В тех боях армия была сильно потрепана или даже, как утверждают немецкие источники, разгромлена.

<sup>4</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 20.

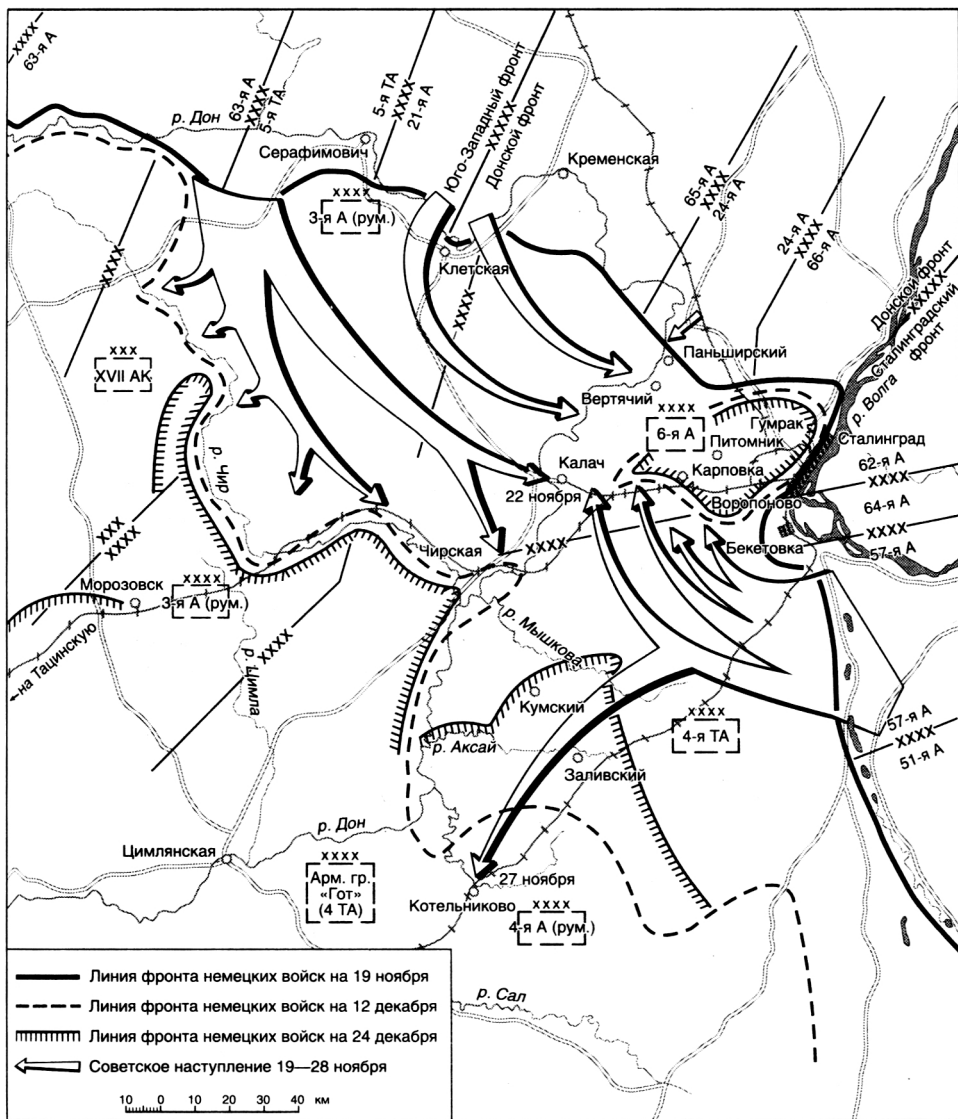
Всего в наступлении в районе Сталинграда с советской стороны принимали участие более 1 млн солдат и офицеров (1106 тыс.). По данным советских источников, соотношение сил сторон было примерно равным по численности войск (1,1 к 1); советская сторона имела незначительное преимущество в боевой технике в следующих соотношениях: 1,3 к 1 по танкам (2,2 к 1 по СВЭ), 1,3 к 1 по артиллерии (1,5 к 1 по СВЭ), 1,1 к 1 по авиации<sup>1</sup>.

Такое соотношение нельзя считать справедливым даже приблизительно. Советская группировка войск численностью примерно 1 млн солдат и офицеров была примерно равной по численности всей группировке группы армий «Б», из которой в районе Сталинграда было развернуто немногим более половины сил и средств. Предположив, что советская сторона приводит точные данные относительно своих войск в этом районе, можно считать, что советские войска имели общее преимущество в личном составе в соотношении примерно 2 к 1. (Автор ошибается: нашим войскам, конкретно Юго-Западному, Донскому и Сталинградскому фронтам, противостояли конкретные 3-я румынская, 6-я и 4-я танковая и 4-я румынская армии — соотношение сил указано выше. — *Ред.*) С учетом соотношения сил сторон на главных направлениях, а также принимая во внимание качество войск Германии и ее союзников на флангах, можно говорить о подавляющем преимуществе Красной армии (на решающих направлениях! — *Ред.*). Несомненно, что те же оценки следует применить и в определении соотношения количества боевой техники сторон. Численность всех танков, имевшихся на тот момент в группе армий «Б», не могла превышать 500 машин (675 танков и штурмовых орудий. — *Ред.*); по крайней мере одну треть из этого количества составляли устаревшие чешские танки, а также танки Pz II и Pz III. (В наших войсках также было немало легких танков, таких как Т-70. — *Ред.*) Что касается расчета соотношения сторон в авиации, похоже, что расчеты делались с учетом всех немецких боевых самолетов, действовавших на Восточном фронте.

Планом советского командования предусматривалось связать боями 6-ю армию на центральном участке фронта между Доном и Волгой и в самом Сталинграде, разгромить румынские войска на ее левом и правом флангах и нанести удар по тылам армии, перерезав ее коммуникации через Дон. Основные усилия предполагалось сосредоточить на участке наступления 5-й танковой армии, шесть стрелковых дивизий которой (четыре из них действовали в первом и две — во втором эшелоне) должны были пробить брешь в обороне румынской 3-й армии. Затем в эту брешь бросались два танковых корпуса, которые должны

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 26.



Карта 4. Сталинград. Обстановка на ноябрь—декабрь 1942 г.

были развить успех в направлении на Калач, к западу от Сталинграда. За танковыми корпусами следовали кавалерийские корпуса и стрелковые дивизии с задачей веером наступать на правый фланг с целью обеспечения флангов основной группировки и создания оборонительного рубежа на реке Чир. Действуя внутри дуги, образованной наступающими танковыми корпусами, 21-я и 65-я армии должны были пробиться



на одном из флангов в районе Клетской и замкнуть кольцо окружения вокруг четырех дивизий немецкой 6-й армии западнее Дона. Им оказывали содействие войска 24-й армии, задачей которых было не допустить переправы окруженных немецких дивизий через Дон в районе Паньшино и Вертячего и прорыва к главным силам 6-й армии. Для завершения окружения противника 57-я и 51-я советские армии должны были прорвать оборону 4-й танковой армии южнее Сталинграда и наступать в северо-западном направлении для соединения с войсками 5-й танковой армии в районе Калача-на-Дону<sup>1</sup>.

Наступление советских войск в районе Сталинграда ознаменовало собой новый этап в ведении русскими наступательных боев. Теперь советское командование демонстрировало равное немецкой стороне умение планировать грамотные в тактическом отношении операции, а войска Красной армии показали свою способность достаточно эффективно воплощать эти замыслы в жизнь в противостоянии с противником, достигшим пика своих сил. Наиболее характерным являлось использование масс пехоты на узком участке фронта для прорыва обороны противника с последующим развитием успеха с помощью мощных, самостоятельно действовавших танковых соединений, осуществлявших вклинение в оборону противника на большую глубину. Прежде русские почти всегда практиковали смешанные фронтальные атаки пехоты и танков, которые, несмотря на то что были менее эффективными и вели к большим потерям, не требовали особого искусства командования. Новая тактика Красной армии продемонстрировала, что советское Верховное командование достигло зрелого уровня тактической грамотности и способно идти на оправданный риск, что характерно для ведения маневренной войны. Возросший уровень подготовки командного состава стал ощущаться на всех этапах проведения операции. Так, развертывание войск перед началом наступления было осуществлено быстро, грамотно и скрытно, без предварительного долговременного поиска слабых мест в обороне противника и длинных артиллерийских дуэлей, что было характерно для действий советских командиров при организации прежних наступательных операций и что зачастую сводило на нет эффект внезапности.

### **Окружение 6-й армии**

Дождавшись высадки войск союзников в Северной Африке, что связывало немцев на Западе, и прихода холодов, 19 ноября 1942 г. русские начали наступление в районе Сталинграда. В полночь того дня пошел настолько сильный снег, что видимость снизилась прак-

---

<sup>1</sup> Сборник № 6.

тически до нуля. Температура воздуха составляла примерно 5 градусов ниже нуля. В 08.50 после артиллерийской подготовки, которая продолжалась примерно полтора часа, 5-я танковая и 21-я армии бросили свою пехоту в наступление на позиции румынской 3-й армии.

Вскоре после полудня оборона румынской армии была прорвана, и в прорыв устремились два танковых и один кавалерийский корпус 5-й танковой армии. Спустя еще час один танковый и один кавалерийский корпуса были брошены в наступление для развития успеха на участке 21-й армии. Румынская 3-я армия после первого же штурма оказалась в катастрофическом положении. После того как на ее позиции стали наступать советские танки, против которых у румын не было противотанковой артиллерии калибром более 47 мм, румынские войска были окончательно деморализованы. Утром 19 ноября начала наступление и 65-я армия, однако на левом фланге 6-й армии ей противостояли немецкие соединения, и русским практически не удалось продвинуться вперед, за исключением участка на правом фланге, который обороняла румынская кавалерийская дивизия. 65-й армии удалось продвинуться вперед всего примерно на 5 км, в то время как на других участках русским удалось преодолеть 20—22 км<sup>1</sup>.

На следующий день войска 57-й и 51-й армий прорвали фронт румынского 6-го корпуса южнее плацдарма в районе Бекетовки. Документы немецкой 4-й танковой армии свидетельствуют о том, что румынский корпус был настолько быстро деморализован, что никакие меры, которые пытались предпринять немецкое командование, не поспевали за стремительным бегством румынских войск. К исходу дня командование 4-й танковой армии поняло, что румынский корпус перестал существовать как воинское соединение. Г. Гот отмечал, что все то, на завоевание чего ушли недели, было потеряно в течение одного дня; на многих участках румыны вообще не оказывали сопротивления наступавшим русским, пав жертвой «неописуемой танкобоязни». Он был намерен оттянуть назад румынский 7-й корпус, который занимал оборону на правом фланге армии, южнее участка 6-го румынского корпуса; однако командование группы армий «Б» не утвердило этого решения, объясняя это тем, что, если румынские солдаты побегут, их уже ничто не остановит.

Незадолго до полуночи 19 ноября командование группы армий «Б» распорядилось, чтобы Ф. Паулюс прекратил наступление против очагов советской обороны в Сталинграде и вывел из города три танковые и одну пехотную дивизии на отражение наступления русских на левом фланге. На следующий день эти дивизии в составе XIV танкового корпуса были переброшены на западный берег Дона. Здесь вместе с уже находившимися на этом участке тремя дивизиями им

---

<sup>1</sup> Сборник № 6.

удалось воспрепятствовать войскам советских 21-й и 65-й армий создать еще один котел окружения в районе к западу от реки. Однако под натиском превосходящего противника потерявшие возможность маневра из-за нехватки горючего немецкие соединения не смогли помешать действиям советских войск на внешнем охватывающем направлении. Единственным препятствием на пути наступавшей 5-й танковой армии были XXXXVIII танковый корпус и остатки войск румынской 3-й армии. На румын уже нельзя было рассчитывать, за исключением некоторых частей, которые, как, например, дивизия под командованием генерала Михаила Ласкара, сражались достойно. Сам XXXXVIII корпус, на который Гитлер вначале возлагал все свои надежды, не смог организовать взаимодействие между своими двумя дивизиями и, в конце концов, был вынужден поспешно отойти на западный берег реки Чир<sup>1</sup>.

Самое большее, чего удалось добиться на этом участке немцам и румынам, это то, что 5-я танковая армия стала отставать от графика наступления почти на сутки; последнее тоже является скорее «заслугой» командования 5-й танковой армии, которая вместо того, чтобы выполнять поставленные ей задачи, вязалась в бои местного значения. Соответственно, два танковых корпуса армии продолжали двигаться на Калач, в то время как кавалерийский корпус при поддержке нескольких пехотных дивизий увлеклись зачисткой от противника рубежа реки Чир, восточнее которого немецкие и румынские войска все равно не имели ни малейшей надежды закрепиться.

На южном фланге 4-й танковой армии обстановка складывалась не лучше. Советское наступление рассекло армию надвое. IV армейский корпус и 29-я моторизованная дивизия оказались внутри кольца окружения, которое почти сомкнулось вокруг Сталинграда. Все, что осталось в распоряжении Г. Гота, — это румынские 6-й и 7-й корпуса и 16-я моторизованная дивизия<sup>2</sup>.

16-я моторизованная дивизия, задачей которой было обеспечение правого фланга 4-й румынской армии, в первый же день наступления оказалась отрезанной в районе Хулхуты и была вынуждена с боями пробиваться в район западнее Яшкуля. В этих условиях 4-я танковая армия не только не могла задержать наступавших рус-

---

<sup>1</sup> 26 ноября XXXXVIII танковый корпус вместе с примерно 6 тыс. румынских солдат дивизии Ласкара, которых он спас от окружения, отошел на западный берег реки Чир. Гитлер, который пребывал в уверенности, что корпус достаточно силен для того, чтобы остановить наступление советской 5-й танковой армии, вызвал его командира генерал-лейтенанта Фердинанда Гейма в Германию, где тот был без суда лишен воинского звания и посажен в тюрьму. В августе 1943 г. так же без рассмотрения дела в суде он был освобожден и восстановлен в звании, а позднее назначен комендантом крепости Булонь.

<sup>2</sup> В конце октября командование на правом фланге 4-й танковой армии было передано румынской 4-й армии, в состав которой входили румынский 7-й армейский корпус и три дивизии.

ских, стремившихся замкнуть кольцо окружения вокруг Сталинграда с юга, но и не имела надежды предотвратить русское наступление в юго-западном направлении вдоль левого берега Дона.

Фактически, хотя это и стало известно позднее, армия была спасена, скорее благодаря тактическим промахам советского командования, чем в результате собственных успешных действий. После осуществления прорыва 57-я армия имела ограниченную задачу совершить маневр во фланг 6-й армии, в то время как 51-я армия была должна направить свои главные силы, а именно один танковый и один кавалерийский корпус, в широкий рейд на северо-запад для завершения окружения противника в районе Калача. Одновременно ее пехотные дивизии должны были наступать в юго-западном направлении на Котельниково с целью прикрытия флангов. С учетом шаткого положения 4-й танковой армии такое распыление сил не сулило проблем для наступающих. Однако командование 51-й армии не было достаточно подготовлено для осуществления управления войсками, двигавшимися по расходящимся направлениям. В результате наступление на Калач и на Котельниково осуществлялось не так быстро и решительно, как было запланировано. Например, в районе Котельниково русские первоначально добились значительных успехов, но затем стали действовать слишком осторожно. Но даже тогда немецкая 4-я танковая армия находилась в смертельно опасном положении. 22 ноября, докладывая о действиях румынских войск, Г. Гот описывал это как «фантастическую картину бегства оставшихся солдат».

Внезапное окружение современной армии является катастрофическим событием, которое можно сравнить с землетрясением или другим стихийным бедствием. На картах позиции окруженных армий часто имеют форму правильной геометрической фигуры. В реальной боевой обстановке рубежи обороны окруженных войск непрерывно рассекаются на части; находящийся в окружении вынужден сражаться в обстановке постоянного шока при самой неблагоприятной обстановке. Линии его коммуникаций отрезаны, штабы не имеют связи с войсками, снабжение нарушено; нападение противника может последовать со всех сторон. С момента, когда смыкается кольцо окружения, каждый находящийся в кольце чувствует себя пленным. Смерть находится и впереди, и сзади; дом представляется далекой мечтой. Повсюду царят паника и ужас. Как командиры, так и подчиненные думают только о бегстве, однако вырваться из кольца совсем не просто. Со всех сторон находится враг; необходимо переправляться через реки, обходить армии противника, в которых сотни тысяч солдат, огромное количество боевой техники, транспортных средств, складов и т. д.; каждый день

приходится проделывать по 15, 30 или даже 40 км тяжелого и опасного марша.

С первого же момента окружения во много раз возрастает обычное в бою чувство замешательства, поскольку противник атакует именно те участки, на которых сложнее организовать оборону. По мере развития наступления противника находящиеся в окружении все больше перестают контролировать обстановку, способность организовать свои силы для согласованного противодействия. Все это имело место и в 6-й армии в первые дни окружения. От участка с окруженными немецкими войсками в районе Серафимовича до их товарищей по несчастью в районе Калача было примерно 120 км; еще несколько километров было до железнодорожной станции на реке Чир. На территории между реками Чир и Дон располагались армейский и корпусные штабы, склады боеприпасов, горючего и другого имущества, госпитали, ремонтные мастерские — весь механизм, обеспечивающий управление войсками и их жизнедеятельность. Все это сплелось в запутанный клубок людей, лошадей и автомашин, откатывающийся в южном направлении с целью спастись от советских танков. Река Дон замерзла и, возможно, была способна выдержать даже движение грузовых автомобилей, однако немногие предпочитали путь отступления на восток другим направлениям. Немногие когда-либо прежде видели советские танки, многие хотели бы такой встречи и немногие в нее верили, однако ходили слухи, что русские были повсюду. К чувству замешательства примешивалось недоверие; ведь русским никогда прежде не удавалось операции глубокого прорыва.

В ставке фюрера картина обстановки была неясной, но всем были понятны ее возможные последствия. Если не произойдет чуда, придется либо разрешить 6-й армии оставить Сталинград, что с точки зрения фюрера было невысказано, либо будет необходимо организовать операцию по ее спасению. 20 ноября Гитлер принял решение о создании группы армий «Дон» в составе 6-й армии, 4-й танковой армии и остатков 3-й и 4-й румынских армий. Командующим был назначен генерал-фельдмаршал Фридрих Эрих фон Манштейн. В то время Э. Манштейн командовал 11-й армией, и на переезд его штаба на новый участок требовалась примерно одна неделя.

С назначением фон Манштейна завершилось создание «сталинградского триумвирата», в состав которого входил он сам, а также Гитлер и Ф. Паулюс. Этим трем людям придется в дальнейшем сыграть определяющую роль в цепи последующих событий.

Гитлер не выносил вида раненых или больных животных и не мог спокойно смотреть на страдания людей, раненных на поле боя. Однако в своей ставке, вдали от полей сражений, где он сам и его подчиненные имели дело с графическими изображениями на картах в виде геометрических фигурок, он с легким сердцем отдавал при-

казы, которые стоили многих тысяч человеческих жизней. Идущий на поводу своих эмоций и привыкший полагаться более на интуицию, чем на доводы рассудка, фюрер не мог спокойно и хладнокровно обдумывать события, ход которых мог сказаться на его авторитете, и, следовательно, не мог допустить и мысли о поражении. Он публично поставил свой престиж в зависимость от исхода Сталинградской битвы. Прошлой зимой он уже нашел и успешно применил решение, определяющее действия войск в случае наступления противника, отвечавшее особенностям его характера, а именно жесткую оборону.

Как профессионал, Э. Манштейн был примерно таким же эгоистом, как Гитлер, только без его непоследовательности. В 1930-х гг. он последовательно занимал две высшие командные должности, следующие за постом начальника Генерального штаба сухопутных войск, и до того, как в 1938 г. у руля германской армии по воле случая встали В. фон Браухич и Ф. Гальдер, сам был ближайшим кандидатом на пост начальника Генерального штаба армии. Переведенный с понижением на должность начальника штаба группы армий, Э. Манштейн предложил внести изменения в план Французской кампании 1940 г., которые были без энтузиазма восприняты в Генеральном штабе, но сумели пробудить энтузиазм самого Гитлера и впоследствии обусловили молниеносную победу германских войск. Э. Манштейна не любили в руководстве ОКХ: В. Браухич считал его слишком заносчивым и склонным преувеличивать собственные достижения. Поэтому в начале Русской кампании Э. Манштейн получил под свое начало всего лишь LVI танковый корпус (который, надо сказать, действовал блестяще, форсировал Западную Двину и молниеносным броском захватив Псков. — *Ред.*). Однако Гитлер, который высоко ценил талантливого генерала, в сентябре 1941 г. назначил его командующим 11-й армией, а в июле 1942 г., после победы в Крыму, завершившейся блистательным взятием Севастополя, присвоил ему звание генерал-фельдмаршала. К тому времени, когда он принял командование группой армий «Дон», Э. Манштейн уже имел репутацию военачальника, который способен удержать и даже расширить достигнутые успехи; он был хладнокровным и мужественным командиром и опытным полководцем. Гитлер доверял ему. Если бы фюрер собирался назначить нового главнокомандующего сухопутными войсками, вероятно, Э. Манштейн был бы одной из первых кандидатур на этот пост. Похоже, что в своих мечтах сам Э. Манштейн уже видел себя на посту начальника Генерального штаба и хотел играть при Гитлере роль Людендорфа при Гинденбурге (с августа 1916 г. и до конца Первой мировой войны Гинденбург был начальником Генерального штаба, фактически главнокомандующим, а Людендорф — его непосредственным помощником, фактически руководя действиями войск на фронтах. — *Ред.*).

Ф. Паулюс был идеальным штабным офицером, высокообразованным, добросовестным, трудолюбивым и сдержанным. Вся его военная служба прошла в штабах, а ее кульминацией стало назначение в 1940 г. на должность первого обер-квартирмейстера штаба ОКХ, отвечающего за вопросы планирования. Получив под свое начало 6-ю армию, он впервые занял командную должность, а летнее наступление 1942 г. стало для него первой кампанией на поле боя. Ф. Паулюс не обладал способностями вызывать личную преданность подчиненных командиров, чем могли похвастать некоторые из его коллег — командующих армиями, но он руководил войсками умело, руководствуясь своими знаниями профессионала. Как и Э. Манштейн, Ф. Паулюс находился на взлете своей военной карьеры. Как считали многие, после Сталинграда фюрер был намерен поставить его во главе своего личного штаба на место А. Йодля, который уже долго находился в опале.

21 ноября Гитлер отдал приказ 6-й армии оборонять занятые позиции «даже в случае опасности временно попасть в окружение». В то же время он обещал передать Э. Манштейну шесть пехотных и четыре танковые дивизии, одну авиаполевую дивизию и зенитную артиллерию. Правда, из всего перечисленного в распоряжение Э. Манштейна немедленно поступали только две пехотные дивизии, а прибытие остальных соединений следовало ожидать не ранее первой недели декабря.

Приказ фюрера застал Ф. Паулюса на зимних квартирах 6-й армии в Нижнечирской, за рекой Чир и вне замыкавшегося кольца окружения. Почти до полудня он находился на передовом командном пункте в Голубинской, расположенной на Дону в 25 км к северо-западу от Калача, до тех пор, пока в степи не показались советские танки, наступавшие на Калач с запада. Штаб XIV танкового корпуса переместился в Голубинскую и отсюда руководил действиями части сил 14-й и 16-й танковых дивизий, которые пытались вовлечь передовые танковые части русских в позиционный бой. Но эти попытки не увенчались успехом, и русские танки, не обращая внимания на немцев, с грохотом прошли дальше. Правда, русский 4-й танковый корпус несколько снизил темп наступления; находившийся западнее 26-й танковый корпус совсем не принимал участия в бою. Перед рассветом 22 ноября один из батальонов 26-го танкового корпуса смелым рейдом захватил мост через Дон в районе Калача и организовал его оборону. В то же утро Ф. Паулюс вылетел в окруженную группировку своих войск. С аэродрома Гумрак он по радио проинформировал Гитлера о том, что русские захватили Калач, и 6-я армия оказалась в окружении. Строго говоря, этот доклад был неверен. Немцы удерживали Калач до следующего дня. Только к вечеру 23 ноября зеленые опознавательные огни возвестили о том, что русский 4-й танковый корпус переправился через Дон и, прой-

дя еще 15 км, соединился в районе Советского с 4-м кавалерийским корпусом, тем самым замкнув кольцо окружения<sup>1</sup>.

22 ноября в своем докладе Гитлеру Ф. Паулюс также отметил, что у него отсутствует линия фронта на южном фланге окруженной группировки, между Калачом и Карповкой. Поэтому он будет вынужден отвести назад XIV танковый корпус и использовать его дивизии для прикрытия образовавшейся брешы. При достаточном снабжении войск по воздуху после закрытия брешы (что представлялось сомнительным в связи с нехваткой горючего) Ф. Паулюс намеревался попытаться создать сплошной фронт обороны вокруг Сталинграда. Если же на юге не удастся создать сплошную линию обороны, единственным решением будет эвакуировать армию из Сталинграда, отвести войска с северного участка, собрать всю армию в кулак и организовать прорыв в юго-западном направлении для соединения с 4-й танковой армией. Командующий 6-й армией просил предоставить ему чрезвычайные полномочия для принятия в случае необходимости такого решения.

Безрезультатно прождав в течение всего дня 23 ноября ответа от Гитлера и поняв, что русские успели закрыть последний разрыв в кольце окружения, поставив там свои заслоны, Ф. Паулюс в ту ночь передал в ОКХ еще одну радиограмму, в которой сообщал, что при открытом южном участке фронта армия обречена на скорое уничтожение, если не будет предпринята попытка прорыва. В качестве первого шага он предлагал оголеть северный участок фронта и перебросить оттуда войска на южный фланг с целью подготовить прорыв. Командующий 6-й армией вновь просил предоставить ему свободу действий, подкрепляя свою просьбу тем, что все пять командиров корпусов разделяют его оценку обстановки. В отдельном рапорте к просьбе Ф. Паулюса присоединился М. фон Вейхс. В течение ночи командир LI армейского корпуса генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах, который считал, что прорыв необходим и что Гитлера следует поставить перед свершившимся фактом, начал отвод некоторых своих частей на северо-восточном участке кольца окружения. Это сразу же вызвало резкий протест Гитлера<sup>2</sup>.

В. Зейдлиц, которому судьба уготовила уникальную роль среди всех немецких генералов, находившихся в Сталинградском котле,

---

<sup>1</sup> Шретер Х. Сталинград. С. 80; ИВОВ. Т. 3. С. 40—49.

<sup>2</sup> 24 ноября Гитлер потребовал рапорт по поводу отхода LI армейского корпуса и впредь запретил предпринимать любые действия, противоречащие оперативному приказу № 1. М. Вейхс попытался замаять дело, объяснив, что войска отошли на заранее подготовленные позиции с целью освободить одну из дивизий для действий на другом направлении. Однако это объяснение не удовлетворило Гитлера, который заподозрил Ф. Паулюса в том, что тот отдал В. Зейдлицу соответствующий приказ (на самом деле Ф. Паулюс ничего не знал о действиях В. Зейдлица), который давал ему полномочия командовать всеми войсками на северном участке.



по своему характеру, импульсивному, темпераментному и деятельному, был полной противоположностью Ф. Паулюсу.

Фон Манштейн, который, как и Ф. Паулюс и М. фон Вейхс, неправил свою оценку обстановки в ОКХ, не был так же категоричен, как его коллеги. Он согласился с тем, что прорыв является самым надежным способом решения проблемы и что попытка удержать занимаемые позиции чревата крайней опасностью. Однако Э. Манштейн не поддержал мнение о необходимости немедленного прорыва. Он полагал, что в начале декабря может начаться операция по деблокированию окруженной группировки — в случае если подойдут обещанные дополнительные силы. В то же время он отметил, что если не удастся собрать необходимые для деблокирования окруженных войск силы, 6-й армии все же придется пойти на прорыв.

Вскоре стало ясно, что Гитлер не обращает внимания на мнения, высказанные его подчиненными. 24 ноября он отдал приказ 6-й армии немного отойти назад на северо-западном и юго-западном участках и продолжать удерживать занятые позиции. Он пообещал снабжать 6-ю армию по воздуху<sup>1</sup>.

Несмотря на постоянно высказываемые К. Цейцлером сомнения, Г. Герингу удалось убедить Гитлера в том, что его авиация сможет ежедневно доставлять осажденным войскам до 600 тонн грузов. Кроме того, Гитлер приказал 4-й танковой армии остановить русское наступление севернее Котельниково и быть в готовности контратаковать в северо-восточном направлении для восстановления контакта с 6-й армией.

Двумя днями позже в послании к Э. Манштейну Гитлер изложил детали своего плана. Он пишет, что «эвакуировать Сталинград означает отказаться от самого важного результата летней кампании 1942 г.». Следовательно, город должен быть удержан любой ценой, особенно с учетом того, что его повторный захват в 1943 г. потребует еще больших жертв. 4-я танковая армия должна была «протянуть руку помощи» 6-й армии из района Котельниково; кроме того, ей необходимо удерживать плацдарм в районе слияния Дона и Чира, который в последующем будет использован для повторного наступления на Сталинград с запада. После восстановления контакта с 6-й армией и налаживания ее снабжения, что поможет удержать город, группа армий «Дон» сможет начать подготовку к наступлению в северном направлении с целью окончательно очистить от противника район прорыва между Доном и Чиром.

После принятия решения Гитлер пребывал в уверенности в том, что оно будет выполнено. Но на фронте не разделяли этой уверен-

---

<sup>1</sup> Одновременно Гитлер объявил Сталинград крепостью. С военной точки зрения такое определение означало лишь то, что осажденные должны отстоять свои позиции любой ценой.

ности. 24 ноября, после получения приказа Гитлера, В. Зейдлиц заявил Ф. Паулюсу, что не может быть и речи о том, чтобы удержаться на занятых позициях: армии придется либо идти на прорыв, либо она очень быстро погибнет. Он полагал, что решающим фактором здесь станет тыловое снабжение, которое не могло обеспечить нужды армии еще в то время, когда русские и не думали наступать. Надежды на снабжение с воздуха он сравнивал с попыткой ухватиться за соломинку, поскольку в распоряжении армии имеется всего 30 самолетов Ju-52 (по состоянию на 23 ноября); даже если удастся собрать еще сотни таких машин, что очень сомнительно, то и этого количества будет недостаточно для покрытия нужд армии. Ф. Паулюс резко заметил в ответ, что В. Зейдлиц вмешивается в вопросы, которые не относятся к его компетенции. Однако, в сущности, он сам был согласен с этими доводами и поэтому 26 ноября в личном послании к Э. Манштейну он вновь запросил предоставления полномочий действовать при необходимости по собственному усмотрению, подчеркнув, что за первые три дня окружения ВВС смогли лишь частично выполнить свои обещания о ежедневных поставках по воздуху 600 тонн груза и о задействовании в интересах 6-й армии 300 самолетов Ju-52. Э. Манштейн, который 27 ноября принял командование группой армий «Дон», знал о намерениях Гитлера и поэтому не ответил на послание.

Какой бы сложной ни была обстановка в районе Сталинграда, все могло бы быть гораздо хуже. Как только русские замкнули кольцо окружения, они сосредоточили все усилия на том, чтобы затянуть удавку вокруг 6-й армии, и практически прекратили наступление на реке Чир и перед фронтом 4-й танковой армии. К 28 ноября против 6-й армии действовало 94 дивизий и бригад и только 49 соединений и частей, из которых всего двадцать находилось в первом эшелоне, были сосредоточены против остатков войск румынской 3-й армии и 4-й танковой армии.

С немецкой стороны рубеж по реке Чир на севере оборонял немецкий XVII корпус, а на юге, ближе к району слияния Дона и Чира, — румынская 3-я армия. В составе XVII корпуса было две немецкие дивизии и значительное количество румынских войск. Фактически от румынской 3-й армии осталось одно название; ее штаб теперь состоял в основном из немецких офицеров, а участок обороны удерживали наскоро собранные подразделения немецких войск<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> В немецкой армии во всех звеньях было широко распространено презрительное отношение к румынским союзникам; вплоть до 1943 г. командующим группами армий и Гитлеру лично неоднократно приходилось издавать специальные приказы, запрещавшие открыто выражать такое отношение. Наблюдатели, которым удавалось сохранить беспристрастность, отмечали, что по отдель-

На фронте 4-й танковой армии остатки ее войск, а также румынских 6-го и 7-го армейских корпусов были объединены в армейскую группу «Гот»<sup>1</sup>.

Румынская 4-я армия, которая подчинялась штабу Г. Гота, имела под своим командованием два румынских корпуса. Этими силами и оставшимися в его распоряжении немецкими частями второго эшелона Г. Гот попытался остановить русское наступление севернее Котельниково; однако 24 ноября он доложил, что не смог бы ничего сделать, если бы русские продолжали настойчиво атаковать на этом направлении. К 27 ноября Котельниково находилось в досягаемости огня советской артиллерии. Но войска Сталинградского фронта и 51-й армии действовали слишком осторожно, а в последние четыре дня месяца на этот участок стали прибывать и сосредотачиваться для контрудара первые немецкие резервы.

### **«Зимняя гроза»**

Решение Гитлера оставить 6-ю армию в Сталинграде предполагало соблюдение двух условий: а) наличие достаточных сил для успешного проведения операции по деблокированию окруженной группировки; б) поддержание достаточного уровня боеспособности 6-й армии путем снабжения ее войск по воздуху до тех пор, пока не будет проведена операция по деблокированию войск.

Считалось, что организация снабжения армии по воздуху сводилась к решению арифметической задачи: от количества выделенных для ее решения самолетов зависели объемы поставок необходимых грузов. Это было не совсем так, но даже чисто математические расчеты показывали, что задача является неразрешимой. В конце ноября 1942 г. на плечи немецких ВВС легла, пожалуй, самая тяжелая нагрузка за все время войны. Под Сталинградом и в Северной Африке немецкая авиация честно пыталась выполнить свою задачу сразу на двух фронтах. К концу ноября 400 боевых самолетов были переброшены с территории СССР в Северную Африку; при этом общая численность ВВС на Восточном фронте со-

---

ности румыны были неплохими солдатами, однако они были плохо обучены, ими неграмотно командовали, их оснащение было на нищенском уровне. Румыны в ответ отмечали, что никогда не делали из этого секрета. В одном пункте немцы и румынский рядовой состав проявляли единодушие: и те и другие считали, что румынские офицеры, за очень редким исключением, были абсолютно некомпетентны и продажны, их разделяли различные политические взгляды. В донесениях командования группы армий «Б» отмечалось, что, как только началось наступление русских, штабы корпусов и дивизий бросились спасаться бегством, нисколько не беспокоясь о подчиненных войсках.

<sup>1</sup> Такое изменение планировалось еще до русского наступления. Его целью было обеспечение более действенного контроля над румынскими частями.

кратилась на одну шестую, а ее действительный боевой состав — почти на одну треть. Из оставшихся на Востоке примерно 2 тыс. самолетов к 29 ноября в исправном состоянии, по оценкам ОКВ, было около 1120 машин.

25 ноября командующий 4-м воздушным флотом генерал-полковник Вольфрам фон Рихтгофен доложил, что в его распоряжении имеется 298 трехмоторных транспортных самолетов Ju-52. Для того чтобы обеспечивать Сталинградскую группировку немецких войск, было необходимо иметь 500 таких самолетов. Фон Рихтгофен также рекомендовал разрешить 6-й армии прорываться из окружения; это предложение было сразу же отклонено Гитлером. Принятое позже решение об использовании двухмоторных бомбардировщиков He-111 в качестве транспортных самолетов привело к снижению числа бомбардировщиков, выполнявших боевые задания, не оказав существенного влияния на улучшение положения со снабжением 6-й армии. Кроме того, не удалось организовать надежного воздушного моста через контролируемую русскими территорию, в условиях противодействия советской авиации, при нестабильных погодных условиях и при отсутствии надежной поддержки на земле. 29 ноября 38 самолетов Ju-52 (полезная нагрузка 1 тонна) (2 тонны и выше. — *Ред.*) и 21 He-111 (максимальная нагрузка около 500 кг) («Хейнкель-111» мог брать на борт 200 кг. — *Ред.*) взяли курс в сторону окруженных войск 6-й армии. Из них 12 Ju-52 и 13 He-111 совершили посадку внутри кольца окружения. На следующий день из 39 самолетов Ju-52 и 38 He-111 30 и 36 машин, соответственно, приземлились на территории, где находились окруженные войска. Если 6-ю армию действительно собирались спасать, то делать это нужно было срочно.

1 декабря в группе армий «Дон» началась подготовка операции по спасению 6-й армии под названием «Зимняя гроза». Основные усилия предполагалось предпринять на участке 4-й танковой армии, где удар из района Котельниково на Сталинград должен был нанести LVII танковый корпус, имевший в своем составе две свежие танковые дивизии (6-ю и 23-ю). Фланги обеспечивали 6-й и 7-й румынские армейские корпуса. Для нанесения удара на вспомогательном направлении в 4-ю танковую армию был передан XXXXVIII танковый корпус. Его войска должны были наступать на Калач с небольшого плацдарма в районе слияния рек Дон и Чир. В составе XXXXVIII танкового корпуса по-прежнему находились 22-я танковая дивизия и 1-я румынская танковая дивизия, развернутые на реке Чир. Кроме того, корпус был усилен еще тремя дивизиями: 11-й танковой, 336-й пехотной и 7-й авиаполевой. Ф. Паулюс должен был сосредоточить все свои подвижные войска на юго-западном участке и находиться в готовности при необходимости нанести удар навстречу LVII танковому корпусу. Кроме того, он должен был подгото-

виться нанести удар на Калач; при этом 6-я армия одновременно должна была обеспечивать периметр обороны на северном участке и в самом городе. Э. Манштейн планировал начать операцию в любой день после 8 декабря.

Перспективы операции «Зимняя гроза» с самого начала не казались слишком благоприятными, и с каждым днем надежд на ее успех становилось все меньше. Как и было приказано, командование 6-й армии сосредоточило на юго-западном участке две моторизованные и одну танковую дивизию (всего 80 танков) для осуществления прорыва, однако утром 2 декабря войска Сталинградского и Донского фронтов начали широкомасштабную операцию по ликвидации окруженной группировки, и все три немецкие дивизии оказались связаны оборонительными боями. 3 декабря советские войска активизировались и на реке Чир в полосе обороны румынской 3-й армии; в связи с этим Э. Манштейн был вынужден перебросить на этот участок дивизии, предназначенные для усиления XXXXVIII танкового корпуса. Сразу стало ясно, что теперь корпус вряд ли сможет принять участие в наступлении на Сталинград. Далее выяснилось, что дивизии усиления LVII танкового корпуса задерживаются с прибытием. Поэтому командование ОКХ распорядилось, чтобы группа армий ввела в бой две авиаполевые дивизии, одну в полосе XXXXVIII танкового корпуса, вторую — на участке 4-й танковой армии, причем эти соединения должны были использоваться только в оборонительных боях.

К 9 декабря операция «Зимняя гроза» практически свелась к наступательной операции силами двух дивизий. Тем не менее на следующий день Э. Манштейн решил форсировать наступление, начало которого он назначил на утро 12 декабря. Очередная задержка была вызвана тем, что только что снова установилась морозная погода — после нескольких дней оттепели и дождей, которые сделали дороги непроходимыми. Дальнейшее промедление, по его мнению, было невозможным, так как окруженные войска испытывали значительные трудности со снабжением; к тому же перед фронтом 4-й танковой армии разведка засекла перемещение советских танковых частей. Из 6-й армии поступали тревожные донесения о том, что ежедневно с помощью авиации ей удавалось доставить не более 70 тонн грузов, что запасы боеприпасов тают, а запасы продовольствия в основном иссякнут к 19 декабря.

Гитлер оценивал обстановку оптимистично. 3 декабря, комментируя мрачные прогнозы командующего группой армий «Дон», он призвал Э. Манштейна учитывать, что советские дивизии всегда оказывались меньше и слабее, чем ожидалось, что советское командование, скорее всего, само растерялось от собственных успехов. Спустя неделю эта уверенность фюрера еще более окрепла, и он заметил, что

первую фазу советского зимнего наступления можно считать законченной; при этом противнику не удалось достичь решительных целей. Убедив себя в этом, Гитлер вновь стал вынашивать мысль о повторном занятии рубежа по реке Дон. К 10 декабря он настолько укрепился в этой мысли, что стал планировать передать на левый фланг группы армий «Дон» 7-ю и 17-ю танковые дивизии и использовать их в первом эшелоне в наступлении с Чира на Дон. На следующий день он приказал фон Манштейну развернуть 17-ю танковую дивизию на участке XVII армейского корпуса и тем самым окончательно похоронил мысль об использовании этой дивизии для поддержки наступления 4-й танковой армии на Сталинград.

Утром 12 декабря, как и планировалось, началось наступление в рамках операции «Зимняя гроза»; при этом наступавшие немецкие войска по силам были примерно равны оборонявшимся русским. LVII танковому корпусу удалось продвинуться вперед, однако его успех вряд ли можно было назвать значительным. Во время ежедневного совещания у фюрера во второй половине дня К. Цейцлер попытался убедить Гитлера задействовать в ходе операции «Зимняя гроза» 17-ю танковую дивизию. Но тот ответил отказом, поскольку русские начали опасное наращивание сил на левом фланге группы армий «Дон», на стыке с правым флангом итальянской 8-й армии. Гитлер снова подтвердил свою решимость удерживать Сталинград, заявив: «Я уже принял решение, Цейцлер. Мы не можем ни при каких обстоятельствах уйти оттуда (имеется в виду Сталинград). Мы не будем заново завоевывать его. Мы знаем, что это может означать... если мы оставим (город), все жертвы этой кампании станут напрасными. Даже представить, что в будущем мне придется снова отвоевывать его, было бы безумием».

На второй день операции «Зимняя гроза» LVII танковый корпус вышел к реке Аксай и захватил мост через реку в районе Заливского. В то же время на плацдарме в районе слияния Чира и Дона XXXXVIII танковый корпус едва удерживал позиции под натиском 5-й танковой и 5-й ударной армий, пытавшихся еще туже затянуть петлю вокруг 6-й армии и оттеснить немецкие войска еще дальше на запад. Еще утром Э. Манштейн доложил Гитлеру, что сложная обстановка на реке Чир делает невозможным нанесение удара с плацдарма силами XXXXVIII танкового корпуса, а без такого удара LVII танковый корпус не сможет соединиться с 6-й армией восточнее Дона. Командующий группой армий хотел, чтобы 17-я танковая дивизия предприняла наступление с плацдарма, а 16-я моторизованная дивизия (в то время она прикрывала стык между группой армий «Дон» и группой армий «А») поддержала наступление LVII танкового корпуса. Что касается намерений Гитлера наступать к Дону се-

вернее Сталинграда, Э. Манштейн заметил, что этот план не может быть выполнен по крайней мере до 10 января 1943 г., если он вообще осуществим. Сейчас же следовало сосредоточить все имеющиеся силы для успешного выполнения операции «Зимняя гроза». Гитлер дал разрешение использовать только 17-ю танковую дивизию, запретив трогать 16-ю моторизованную дивизию. Решение относительно 17-й танковой дивизии далось легче, поскольку создавалось впечатление, что русские просто имитируют построение для наступления перед левым флангом группы армий «Дон».

В течение последующих четырех дней операция «Зимняя гроза» продолжалась, но при отсутствии того импульса, который сулил бы ее немедленный успех. 14 декабря пришлось эвакуировать немецкие войска с части плацдарма между Чиром и Доном на участке восточнее Дона. От наступления с плацдарма в любом случае пришлось отказаться, поскольку даже ту дивизию, которую Гитлер первоначально согласился передать для усиления группировки на плацдарме, пришлось перебросить на участок LVII танкового корпуса. 17 и 18 декабря LVII танковый корпус, который после прибытия 17-й танковой дивизии имел в своем составе уже три соединения, оказался связан боями в районе Верхнекумского, на полпути между реками Аксай и Мышкова. 19 декабря LVII танковый корпус неожиданно вырвался на оперативный простор, резко повысил темп наступления и вышел к реке Мышкова, в 50 км от осажденной 6-й армии. И все же Э. Манштейн докладывал Гитлеру, что LVII корпусу может не удастся соединиться с 6-й армией, а о создании постоянного коридора к окруженной группировке не может быть и речи. Теперь он считал прорыв единственным выходом. Армия должна была постепенно отводить свои войска с северных участков и из города и пробиваться навстречу LVII танковому корпусу. Это, по его мнению, должно было, по крайней мере, спасти большую часть войск и ту технику, которая была еще на ходу. Э. Манштейн даже успел послать в 6-ю армию предварительное распоряжение готовиться к прорыву. Задачей армии, считал Э. Манштейн, сначала должно стать пробитие коридора к реке Мышкова, к позициям LVII танкового корпуса, где уже заготовлено до 3 тыс. тонн грузов, которые автоколоннами следует переправить оставшимся в окружении войскам. Затем 6-я армия, захватив всю технику, которую сможет, должна вывести осажденные части из котла и отойти в юго-западном направлении. Армия должна находиться в готовности, но ничего не предпринимать, пока не последует соответствующего приказа.

Однако Гитлер, вдохновленный успехом LVII корпуса, отказался утвердить этот план. Вместо этого он приказал перебросить из группы армий «А» в 4-ю танковую армию моторизованную дивизию СС «Викинг». 6-я армия, настаивал фюрер, должна удерживать позиции до тех пор, пока не будет установлен прочный контакт с деблокирующими соединениями. Только после этого можно будет начать планомерный

отвод частей армии. До этого необходимо перебросить осажденным войскам с помощью авиации достаточное количество предметов снабжения, в первую очередь горючего, с тем чтобы обеспечить 6-й армии запас мобильности 50 км. Гитлер знал, что имевшихся на тот момент в армии запасов топлива могло хватить не более чем на 30 км хода.

21 декабря, после того как LVII танковый корпус в течение двух дней вел безуспешные бои, пытаясь переправиться через реку Мышкова, начальник штаба группы армий «Дон» генерал-майор Фридрих Шульц провел по только что установленной дециметровой радиосети переговоры с начальником штаба 6-й армии генерал-майором Артуром Шмидтом. После того как А. Шмидт, отвечая на запрос ОКХ, доложил о том, что в армии осталось запасов горючего на 20 км хода, Ф. Шульц заговорил о прорыве. Он заявил, что командование не дало разрешения на прорыв и отвод войск. Однако, поскольку выяснилось, что LVII корпус не сможет продвинуться далее в северном направлении, Э. Манштейн хотел бы получить такое разрешение как можно скорее. А. Шмидт ответил, что прорыв может начаться 24 декабря, однако он не уверен, что войска, которые несут большие потери, смогут удерживать занятые позиции после этого дня. Если командование планировало удерживать Сталинград, то должно позаботиться о достаточных объемах поставок необходимых войскам грузов по воздуху; в этом случае армия могла бы держаться сколь угодно долго. Он и Ф. Паулюс считают, что эвакуацию войск следует провести сразу же после прорыва, но оба сознают, что эвакуация является актом отчаяния, которого нужно попытаться, по возможности, избежать. На такой неопределенной ноте и закончились радиопереговоры.

Э. Манштейн доложил их содержание в штаб ОКХ. От себя он добавил, что не может гарантировать установления контакта с 6-й армией, если та будет оставаться на занятых позициях. Надежды, которые питал Гитлер на прорыв LVII танкового корпуса, не оправдались. Операция «Зимняя гроза» фактически провалилась. На следующий день Гитлер провел долгое совещание с начальниками штабов ОКХ и ОКЛ, однако у того и другого создалось впечатление, что «фюрер не может принять решение».

## **Глава 4**

### **СТАЛИНГРАД. ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ**

#### **6-я армия в кольце**

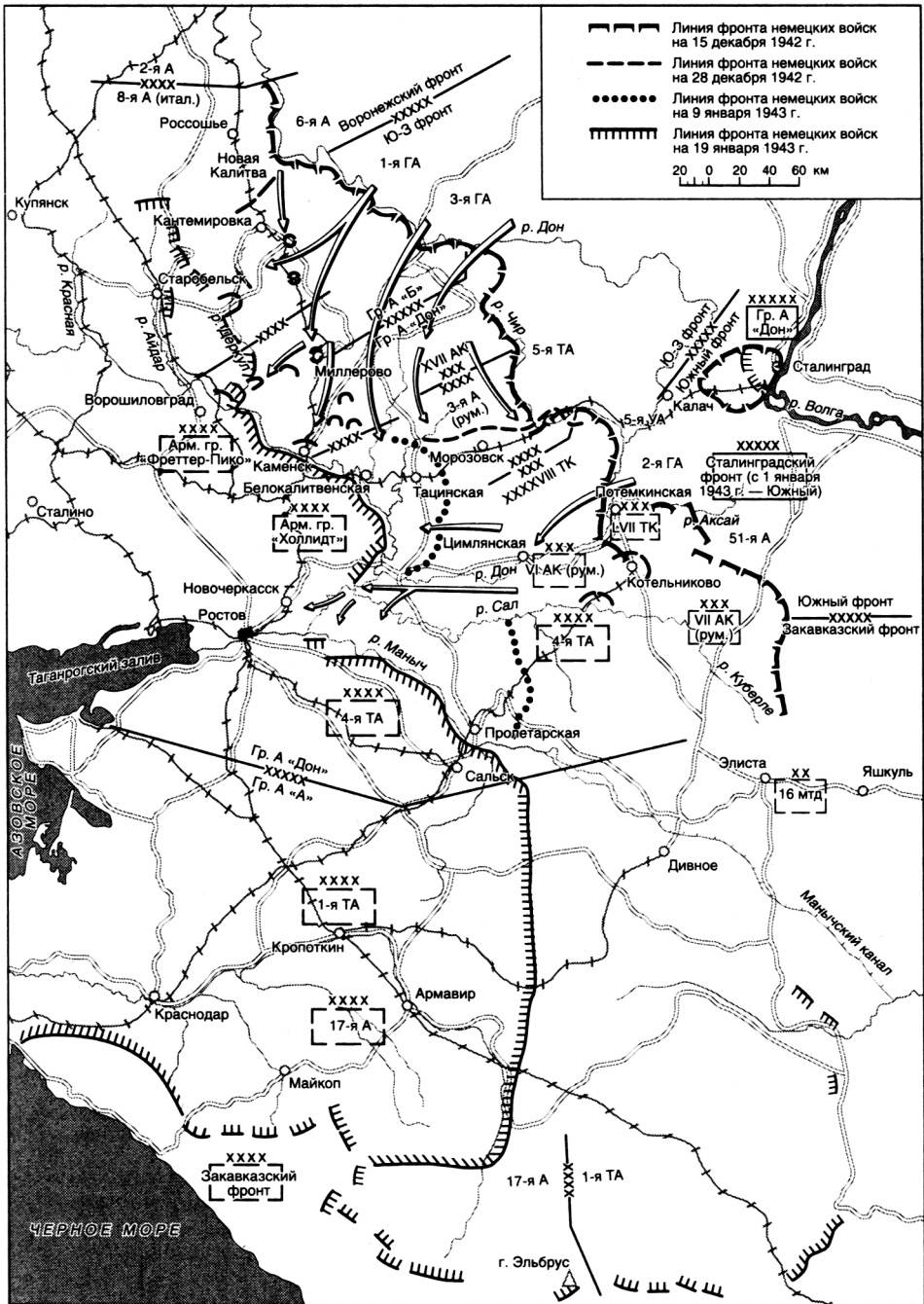
К концу летней кампании 1942 г. южный фланг Восточного фронта был разделен между двумя группами армий. Группы армий «А» и «Б» были развернуты практически спиной к спине на рас-



стоянии примерно 600 км друг от друга; первая была нацелена на юг, в сторону Большого Кавказа; вторая — на северо-восток, в основном вдоль западного берега Дона. Создание фронта группы армий «Б» на Дону имело одну цель: обеспечить защиту немецких войск, расположенных южнее, — сначала 6-й армии и группы армий «А», позднее — группы армий «Дон». Выполнение этой задачи, не настолько важной, как ведение наступательных боев, было возложено в основном на войска союзников Германии. В середине декабря венгерская 2-я армия и итальянская 8-я армия все еще удерживали 300-километровый участок фронта южнее Воронежа. То, насколько на них можно рассчитывать, было предсказуемо: из трех армий союзников лучшей считалась румынская.

Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, насколько уязвимыми были группы армий «Дон» и «А». Подобно марионеткам, они зависли на тонких нитках нескольких железнодорожных веток, которые вели через степь к Дону в районы восточнее Северского Донца (см. карту 5). Особо важными участками на железной дороге были мосты через реки. Вся территория восточнее излучины Днепра в этом смысле зависела от мостов в районе Днепропетровска и Запорожья. Расстояние от Днепропетровска до русского оборонительного рубежа в районе Новой Калитвы, в самом центре участка ответственности итальянской 8-й армии, составляло 380 км; от Днепропетровска до участка фронта группы армий «Дон» на реке Чир — 500 км, а до левого фланга группы армий «А» — 900 км. Войска на левом фланге группы армий «Дон» имели в своем распоряжении три переправы через Северский Донец на расстоянии примерно 125 км: у Ворошиловграда, Каменска-Шахтинского и Белой Калитвы. Расстояние от левого фланга группы армий «Дон» до Ростова-на-Дону составляло примерно 230 км. Снабжение как группы армий «А», так и 4-й танковой армии зависело от железной дороги через Ростов. Левый фланг группы армий «А» находился от Ростова на расстоянии 550 км, а правый фланг 4-й танковой армии — на расстоянии 350 км. Несмотря на то что советская Ставка еще не чувствовала себя достаточно уверенно для того, чтобы попытаться окружить в одном котле сразу две группы армий, характер местности, состояние немецких войск и полководческое искусство Гитлера, казалось, сами обуславливали необходимость такой попытки.

В конце ноября, когда стало понятно, что немецкие войска попытаются оставить Сталинград, Ставка распорядилась, чтобы Юго-Западный фронт нанес массированные удары в юго-западном и западном направлении по участкам 8-й итальянской и 3-й румынской армий на рубеже от Новой Калитвы до устья реки Чир.



Карта 5. Два удара на Ростов (16 декабря 1942 — 19 января 1943 г.)

Планированием операции и организацией взаимодействия в качестве представителя Ставки занимался Г.К. Жуков. Представителем Ставки в Сталинграде остался А.М. Василевский<sup>1</sup>.

Наступление планировалось на большую глубину: до нижнего течения Калитвы, к Северскому Донцу и Деркулу. Когда началось планирование операции, в состав Юго-Западного фронта входили 1-я гвардейская и 5-я танковая армии. В последующем 1-я гвардейская армия была усилена, а затем разделена: ее правый фланг вошел в состав 3-й гвардейской армии. Кроме того, из Воронежского фронта Юго-Западному фронту была передана 6-я армия.

В декабре, когда фронт в районе Сталинградского кольца стабилизировался, русские стали проявлять нервозность, которая еще более усугубилась после неудачного наступления 5-й танковой и 5-й ударной армий в нижнем течении реки Чир и после начала операции «Зимняя гроза» южнее Сталинграда. Наступление Юго-Западного фронта, которое планировалось как вспомогательная операция, теперь стало казаться чуть ли не спасением. В соответствии с новыми указаниями Н.Ф. Ватутин изменил направление главного удара с юго-западного на юго-восточное и наполовину сократил глубину операции<sup>2</sup>.

16 декабря русские снова пошли вперед. Советская 6-я армия провела оборону итальянцев восточнее Новой Калитвы и буквально смела итальянский корпус со своего пути. В последующие дни Н.Ф. Ватутин ввел в бой 1-ю и 3-ю гвардейские армии для расширения прорыва вниз по течению Дона. 20 декабря дивизии правого фланга итальянской 8-й армии Celere и Sforzesca побежали, увлекая за собой две румынские дивизии левого фланга группы армий «Дон». В течение следующих четырех дней русские пробili в обороне союзников брешь шириной 150 км и нанесли удар в южном направлении на Миллерово и переправу через Северский Донец, в тыл группе армий «Дон».

Главной проблемой для немцев стало каким-то образом прикрыть растянувшийся северный фланг группы армий «Дон». Командование ОКХ перебросило сюда из группы армий «Север» корпусное командование во главе с генералом артиллерии Максимилианом Фреттер-Пико с тем, чтобы на его базе создать армейскую группу «Фреттер-Пико» с задачей обеспечения правого фланга группы армий «Б»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Советская официальная история отмечает, что 27 ноября И.В. Сталин распорядился, чтобы А.М. Василевский полностью сосредоточился на Сталинграде. Что касается наступления Юго-Западного фронта, он заявил: «Пусть Ватутин и Кузнецов (командующий 1-й гвардейской армией генерал-лейтенант В.И. Кузнецов) занимаются им сами» (ИВОВ. Т. 3. С. 43). Маловероятно, чтобы на этом этапе войны И.В. Сталин доверил планирование столь важной операции командующим фронта и армии.

<sup>2</sup> Сборник № 6.

<sup>3</sup> В немецкой практике «армейская группа» (Armeegruppe) представляло собой временное войсковое объединение в составе двух или более корпусов при отсутствии полного армейского штаба со всеми его службами.

В состав армейской группы была передана одна свежая пехотная дивизия, части и штаб 3-й горнострелковой дивизии и остатки ослабленных немецких корпусов, которые пытались остановить отступление итальянцев. Задачей группы «Фреттер-Пико» была оборона мостов через Северский Донец восточнее Ворошиловграда и в районе Каменск-Шахтинского, создание оборонительного рубежа по берегу реки и обеспечение контакта с группой армий «Дон».

23 декабря Э. Манштейн проинформировал Гитлера, что для ликвидации прорыва русских на левом фланге группы армий необходима срочная переброска минимум одной, а лучше двух дивизий из состава LVII танкового корпуса. Это означало отказ от мысли срочного деблокирования 6-й армии и необходимость обеспечения планомерных поставок грузов окруженным войскам. 6-й армии требовалось ежедневно примерно 550 тонн грузов, однако, по расчетам командующего 4-м воздушным флотом В. фон Рихтгофена, его самолеты могли доставлять не более 200 тонн в день. Поскольку, как выяснилось, обеспечить достаточное снабжение 6-й армии по воздуху оказалось невозможно, Э. Манштейн убедился, что единственным выходом для окруженных является прорыв, несмотря на всю его рискованность. Он подчеркнул, что появление на реке Мышкова свежих советских соединений означало, что русские вскоре тоже смогут перейти в наступление на этом участке. Складывалось чрезвычайно опасное положение, поскольку защита флангов 4-й танковой армии была возложена на румынские войска.

Гитлер принял решение, которое по сути таковым не являлось, на следующий день утром. Он разрешил переброску частей LVII танкового корпуса на левый фланг группы армий для обороны Морозовска и Тацинской, аэродромы которых играли крайне важную роль в переброске грузов в 6-ю армию. В то же время главные силы LVII танкового корпуса должны были оставаться в районе Мышковы до тех пор, пока корпус не сможет возобновить наступление на Сталинград. Так, будто это могло иметь большое значение, фюрер проинформировал Э. Манштейна о том, что в группу армий отправлен по железной дороге один батальон новейших тяжелых танков «Тигр», который должен был уже пересечь границу с Россией (СССР. — *Ред.*) близ Брест-Литовска (Бреста. — *Ред.*).

Для окруженных войск один месяц — это очень большой срок. Части не получают достаточной моральной и психологической поддержки, они начинают слабеть. Этот процесс затрагивает всю структуру войск; особенно драматично то ужасающее влияние, которое он оказывает на людей. В 1941 г. немцы отмечали (а затем сами об этом забыли), что значительное количество русских, захваченных в плен в больших котлах, внезапно умирали без всяких видимых при-

чин. (Согнанные в огромные загоны, почти без еды и воды, на солнце пеке, советские пленные у немцев умирали «без видимых причин». — *Ред.*) В декабре, по поступавшим из района Сталинграда донесениям, та же картина стала наблюдаться и среди окруженных немецких солдат. Вылетевший в район окружения с секретным заданием провести вскрытие умерших патологоанатом обнаружил, что недоедание, истощение и обморожения приводили к полной потере жировой ткани, изменениям во внутренних органах и костном мозге. Непосредственной причиной смертей было сокращение размеров сердца, за исключением его правого желудочка, который, наоборот, значительно увеличивался. Такое сердечное заболевание в нормальной медицинской практике встречается у людей преклонного возраста. Позже выяснилось, что оно стало характерным для немецких солдат в осажденном Сталинграде, как умерших, так и выживших. В Сталинградском котле смерть не была чем-то из ряда вон выходящим. С 22 ноября по 23 декабря 6-я армия потеряла убитыми 28 тыс. человек.

18 декабря командование армии докладывало о ее общей численности, которая составляла 246 тыс. солдат и офицеров, в том числе 13 тыс. румын, 19 300 русских из состава вспомогательных войск и 6 тыс. раненых. Однако эти цифры далеко не отражали реальной боевой мощи. Еще в середине октября командование армии доносило, что численность пехотных частей сократилась до 56 500 человек. В пехоту переводили военнослужащих технических войск и тыловых служб, однако, как показала практика, даже в кризисных условиях боев в окружении такой перевод, который довольно сложно выполнить, не является целесообразным с точки зрения боевой эффективности.

К концу первого месяца боев в окружении еще не начала сказываться суровая зима. Температура слегка колебалась вокруг точки замерзания: то несколько дней немного выше, то немного ниже нуля. Морозные дни в основном выдавались ясными, и только иногда погода была снежной и ветреной. Более теплые дни приносили облака, туман, небольшой дождь или снег и, как следствие двух-трех таких дней, грязь. Даже эта не слишком суровая погода являлась тяжелым испытанием для солдат, которые не были соответствующим образом обмундированы и укрыты и чей скудный рацион состоял из небольшого количества хлеба и супа, очень редко конины. Нестабильная погода серьезно затрудняла доставку грузов по воздуху. Встретившиеся в начале зимы над районами нижнего Дона и Волги континентальные и морские воздушные массы привели не только к быстрой и частой смене погоды, но и к ее варьированию на относительно небольших территориях. Например, когда небо над аэродромами Тацинской и Морозовска было ясным, Сталинград мог быть находиться под шапкой тумана.

Попытка деблокирования 6-й армии провалилась. Следующая попытка, а также возможность ее дождаться с каждым днем становились все более сомнительными. Во второй половине дня 23 декабря Э. фон Манштейн провел с Ф. Паулюсом совещание по телеграфу. Он спросил командующего 6-й армией, считает ли тот, что если не останется другого выхода, то армия сможет совершить прорыв кольца окружения (что автоматически подразумевало и эвакуацию из города), с учетом того ограниченного количества горючего и продовольствия, которое сможет быть доставлено войскам в ближайшие несколько дней? Ф. Паулюс ответил, что теперь осуществить прорыв будет сложнее, поскольку русские успели укрепить свои позиции. Но если уж прорываться, то лучше сделать это сейчас, чем позже. Затем он спросил: «Даєте ли вы мне полномочия начинать приготовления? Как только они начнутся, их уже нельзя будет отменить».

Э. Манштейн ответил: «Таких полномочий я сегодня дать не могу. Надеюсь, что решение будет принято завтра. Главным вопросом является то, считаете ли вы армию способной прорваться к Готу, если мы больше не сможем гарантировать ее снабжение?» Ф. Паулюс ответил: «В таком случае нам не остается ничего другого». По его расчетам, армия сможет в течение шести дней подготовиться к прорыву, если ей будет доставлено 1200 тонн горючего и 500 тонн продовольствия.

Через час Э. Манштейн докладывал обстановку Гитлеру. При этом он обратил внимание фюрера на три возможных варианта развития событий: 1) оставить армию на занимаемых позициях, обеспечив доставку туда ежедневно 500 тонн грузов; 2) отдать Ф. Паулюсу приказ на прорыв, принимая риск того, что он может не удался; 3) немедленно передать в 4-ю танковую армию для возобновления наступления на Сталинград 16-ю моторизованную и две танковые дивизии из состава 1-й танковой армии (группа армий «А»). И снова Гитлер не смог ничего решить; на следующий день вместо того, чтобы отдать конкретные распоряжения, он так же продолжал донимать генералов вопросами: возможен ли прорыв в сложившихся условиях? Будет ли он успешным? Когда он может начаться? Как долго войска Ф. Паулюса способны продержаться при теперешнем снабжении или при условии, что доставка грузов по воздуху «будет несколько увеличена»? Когда сможет начаться операция по деблокированию 6-й армии при условии, что Э. Манштейну будут переданы танковая дивизия СС «Викинг» и 7-я танковая дивизия? Не считает ли Э. Манштейн, что русские вскоре сами прекратят наступление в связи с проблемами тылового обеспечения и нехваткой топлива? Будет ли Э. Манштейн удовлетворен, если ему, помимо группы армий «Дон», будет передано командование группой армий «А» в свете того, что дальнейшие события потребуют при-

нятия решений чрезвычайной важности? (22 ноября Гитлер отказался от личного командования группой армий «А» и передал его генерал-фельдмаршалу Эвальду фон Клейсту.)

Э. Манштейн отвечал, что, как он докладывал ранее, операцию прорыва можно начинать через шесть дней. Что касается ее успеха, то никто не может его гарантировать; но даже при наличии лишь некоторых шансов на успех необходимо передать группе армий «Дон» еще две дивизии из 1-й танковой армии. Дивизия СС «Викинг» и 7-я танковая дивизия понадобятся на левом фланге группы армий. Нет никаких оснований предполагать, что русские испытывают трудности со снабжением. Что касается передачи ему командования группой армий «А», в сложившихся обстоятельствах речь идет не о чем-либо «удовлетворении», а о том, что такое решение неизбежно. Но даже при условии его выполнения может оказаться, что для 6-й армии, а также для групп армий «Дон» и «А» упомянутые «решения чрезвычайной важности» будут приняты слишком поздно. В заключение Э. Манштейн заметил: «Я просил бы вас поставить себя на место противника и с учетом этого попробовать предсказать дальнейшее развитие событий».

24 декабря войска Н.Ф. Ватутина захватили Тацинскую (уничтожили здесь сотни немецких самолетов, пройдя перед этим за 5 дней 240 км. — *Ред.*) и подошли к Морозовску на дистанцию артиллерийского огня. В тот же день 2-я гвардейская армия стремительным броском опрокинула части LVII танкового корпуса на реке Мышкова и отбросила их обратно к реке Аксай. Для того чтобы удержать аэродром в Морозовске и вернуть Тацинскую, Э. Манштейну пришлось забрать из 4-й танковой армии, которая сама испытывала сильное давление со стороны противника, 11-ю танковую дивизию. По его приказу была создана армейская группа «Холлидт» под командованием генерала пехоты Карла Холлидта, которой был назначен участок на северном фланге групп армий. Войска румынской 3-й армии Э. Манштейн перебросил за Донец для перегруппировки и организации обороны ниже по течению от Каменск-Шахтинского.

Для того чтобы стабилизировать обстановку к северу от Тацинской и Морозовска, Э. Манштейну пришлось на одну треть сократить боевой состав 4-й танковой армии. Несмотря на все эти события, Гитлер все еще пребывал в уверенности, что после переброски 7-й танковой дивизии и дивизии СС «Викинг» можно будет возобновить наступление на Сталинград. Доклад Э. Манштейна на совещании 25 декабря продемонстрировал, насколько иллюзорными были эти надежды. Через один или два дня, отметил он, русские силами 51-й и 2-й гвардейской армий попытаются окружить 4-ю танковую армию на реке Аксай. От румынских 6-го и 7-го корпусов ожидать нечего, а в двух

дивизиях LVII танкового корпуса осталось всего 19 танков. Чтобы 6-я армия не осталась навсегда в руинах Сталинграда, необходимо перебросить из группы армий «А» в 4-ю танковую армию как минимум танковый корпус (две дивизии) и одну пехотную дивизию; кроме того, еще одну пехотную дивизию следует передать на левый фланг группы армий «Дон».

В течение двух последующих дней стало ясно, что Э. Манштейн никоим образом не пытался сгустить краски. 26 декабря Ф. Паулюс доложил, что потери, морозы (в тот день температура составляла минус 15 градусов по Фаренгейту — минус 26 градусов по Цельсию. — *Ред.*) и голод настолько ослабили армию, что прорыв и эвакуация могут быть осуществлены только после того, как будет налажен коридор для снабжения войск. На следующий день прикрывавший с востока фланг LVII танкового корпуса румынский 7-й корпус (корпус Понеску) начал беспорядочное отступление, оголив тем самым правый фланг немецких войск. Г. Гот надеялся отвести корпус назад в Котельниково, где он надеялся организовать временный оборонительный рубеж.

27 декабря Гитлер в поисках самого легкого выхода приказал группам армий «Дон» и «А» оставаться на занимаемых позициях, а группе армий «Б» — снова захватить рубеж по железной дороге Россось—Миллерово и тем самым обеспечить прикрытие тыловых районов на Дону. Он заявил Э. Манштейну, что группа армий «А» не сможет выделить ни одной дивизии, поэтому группе армий «Дон» придется довольствоваться дивизией СС «Викинг», 7-й танковой дивизией и батальоном танков «Тигр». Единственной уступкой военным с его стороны было распоряжение группе армий «А» начать эвакуацию раненых и разведать местность для организации плацдарма на Таманском полуострове. Э. Манштейн пробовал протестовать, заявив, что двум танковым дивизиям и 16-й моторизованной дивизии 4-й танковой армии противостоят в общей сложности 43 соединения противника (отдельных бригад, дивизий, танковых, кавалерийских и механизированных корпусов), тогда как 1-я танковая армия на хорошо оборудованном рубеже держит оборону против равного ей числа советских соединений, а 17-й армии приходится иметь дело не более чем с 24 соединениями противника. Он добавил, что убежден в том, что события требуют переброски сил из группы армий «А» на Дон. Чем быстрее будет принято это решение, тем эффективнее будут его результаты в перспективе.

В ответ фюрер огласил свой оперативный приказ № 2, согласно которому группа армий «А», продолжая удерживать позиции на побережье Черного моря и на Кавказе, должна постепенно сместить свой правый фланг обратно к Сальску, где войска смогут сами позаботиться о своих флангах. Если этого потребует обстановка, 4-я танковая армия также сможет отойти на рубеж Цимлянская—



Сальск. Для того чтобы координировать эти маневры, Э. Манштейн должен в любое время по своему усмотрению принять командование группой армий «А». Гитлер молчаливо игнорировал раннее заявление Э. Манштейна о том, что передача ему командования над обеими группами армий имеет смысл только в том случае, если он получит полную свободу действий.

В последние дни года разразился еще один кризис. 28 декабря 4-й танковой армии пришлось спасать LVII танковый корпус, разрешив его командованию отвести части от Котельниково к реке Сал. Это открыло противнику путь по южному берегу Дона до Ростова и глубоко обнажило правый фланг армейской группы «Холлидт». На следующий день русские предприняли наступление с небольшого плацдарма в районе Потемкинской; для того чтобы остановить его, генералу К. Холлидту пришлось перебросить на 100 км вниз по течению, в район Цимлянской, 11-ю танковую дивизию. В связи с нарастающей опасностью Гитлер отдал приказ 7-й танковой дивизии, которая удерживала позиции в районе Ростова, в случае необходимости удерживать город любой ценой.

28 декабря Э. Манштейн доложил Гитлеру, что 4-я танковая армия больше не в состоянии держать оборону на широком фронте южнее Дона, а позиция армейской группы «Холлидт» может быть в любой момент прорвана как с севера, так и с юга. Он попытался развернуть 4-ю танковую армию на восток южнее реки Сал для обеспечения защиты тылов группы армий «А» в случае, если русские будут наступать через Ростов между реками Сал и Дон. Армейскую группу «Холлидт» придется отвести назад на рубеж, расположенный либо несколько восточнее реки Дон, либо (что наиболее вероятно) на саму реку.

В канун Нового года Э. Манштейн заявил Ф. Паулюсу, что деблокирование 6-й армии является главной задачей группы армий, однако войскам придется продержаться еще какое-то время. Он добавил, что Гитлер приказал Герингу увеличить ежедневный объем поставок до 300 тонн. Догадывался об этом сам Э. Манштейн или нет, но в тот день он практически попрощался с 6-й армией. С этого времени группе армий «Дон» придется сражаться за собственное спасение. Армии советского Юго-Западного фронта после того, как они выполнили свои ближайшие задачи, устремились через Миллерово на восток и запад в направлении на Донец между Ворошиловградом и Белой Калитвой. Сталинградский фронт, передав свои три армии на южный фас охватывающей 6-ю немецкую армию группировки Донского фронта, с 1 января был переименован в Южный фронт, который получил задачу силами 5-й ударной, 2-й гвардейской и 51-й армий начать наступление на Ростов по обоим берегам Дона.

В первый день Нового года, проигнорировав донесение Э. Манштейна от 28 декабря, Гитлер объявил в дополнении к оперативно-

му приказу № 2, что собирается выделить для проведения операции по спасению сталинградской группировки дивизию «Великая Германия», дивизии СС «Адольф Гитлер», «Рейх» и 7-ю дивизию СС. Группы армий «Дон» и «Б» должны были удерживать выгодные позиции для будущего удара. Все положения оперативного приказа № 2 оставались в силе. Армейской группе «Холлидт» разрешили отойти не далее рубежа Морозовск—Цимлянская.

Даже Гитлер не надеялся, что удастся сосредоточить дивизии для деблокирования сталинградской группировки раньше, чем в середине февраля. Вообразить, что судьба и русские дадут ему столько времени, было чистой воды самообманом.

В самом конце года было выполнено немного из того, что планировалось. Отвод войск, который разрешил Гитлер, являлся лишь полумерой; он продолжал говорить об «окончательном рубеже» и вынашивал расплывчатые планы будущего контрнаступления. Решение выпрямить дугу левого фланга группы армий «А» было важным шагом, но после того, как был обнародован приказ, выяснилось, что Гитлер не выказывает особого желания, чтобы данный пункт был своевременно выполнен; напротив, казалось, он рад происходившим задержкам.

2 января в своей депеше К. Цейцлеру Э. Манштейн уже больше не пытался скрывать свое раздражение. Он сердито указал, что несмотря на то, что сразу после окружения 6-й армии стали ясны дальнейшие намерения русских подготовить крупное наступление на южном фланге Восточного фронта и нанести удар в тыл группе армий «А», вплоть до последних нескольких дней никто и не думал что-нибудь предпринять для эвакуации с Кавказа раненых и тяжелой техники. Последствия такой небрежности приведут к снижению темпов движения (отступления. — *Ред.*) группы армий «А» и потере большого количества техники. Поскольку ОКХ (а значит, Гитлер) контролирует все шаги группы армий «А», в передаче ее под командование Э. Манштейна нет никакого смысла. И раз уж командование ОКХ приняло решение о передаче предназначенных для 4-й танковой армии 7-й и 11-й танковых дивизий на другое направление, все, что могло сделать командование группы армий «Дон», — это приказать Г. Готу как можно дольше удерживать свои фланги. А группе армий «А» придется ускорить отвод своих соединений к Сальску. В отличие от прочих, это заявление Э. Манштейна дало эффект: Гитлер больше не упоминал о передаче под его командование группы армий «А».

В первую неделю нового, 1943 г. армейская группа «Холлидт» начала поспешный 150-километровый отход к реке Северский Донец. 3 января командование армейской группы «Фреттер-Пико» доложило, что 304-я пехотная дивизия не может справиться с поставленной

задачей поддерживать контакт с левым флангом группы «Холлидт». Личный состав дивизии недостаточно подготовлен и не имеет боевого опыта; паника распространилась даже среди офицерского состава. Восточнее разграничительной линии между группами «Холлидт» и «Фреттер-Пико» русские сосредоточили два танковых корпуса с задачей нанести удар по переправе через Северский Донец в районе Белой Калитвы. 4 января Гитлер был вынужден выделить для предотвращения прорыва противника на этом участке 4-ю танковую дивизию. 5 января, после того как в течение шести дней войска К. Холлидта отступили на 60 км, его армейская группа оставила Морозовск, где располагался ближайший к Сталинграду аэродром. На следующий день Гитлер попытался призвать войска остановиться «для сохранения морального духа и сбережения сил войск». Но после того, как русские форсировали Дон южнее, и сложилась угроза их наступления вниз по течению реки Северский Донец с севера, у К. Холлидта не осталось шансов удерживать рубеж на любом участке восточнее Северского Донца дольше, чем в течение нескольких дней.

На другой стороне Дона 4-я танковая армия развернула две свои танковые дивизии и дивизию СС «Викинг» вдоль южного притока Сала реки Куберле. Советский 3-й гвардейский танковый корпус устремился вдоль южного берега Дона в брешь в немецкой обороне, образовавшуюся между реками Дон и Сал; в конце первой недели января его передовые части вышли на рубеж в 30 км от Ростова. Гитлер посоветовал Э. Манштейну ввести в бой танки «Тигр», которые, по его расчетам, должны были сокрушить советский корпус. Однако первый бой с участием танков «Тигр» не оправдал ожиданий. Их экипажи доложили об уничтожении 18 танков противника, однако половина из 20 «Тигров» получила повреждения. Генерал Г. Гот пожаловался на то, что экипажи новых машин были недостаточно обучены; им не хватало опыта.

6 января советские механизированный и гвардейский стрелковый корпуса начали наступление на правом фланге. Гитлер был вынужден разрешить Э. Манштейну отвести 16-ю моторизованную дивизию от Элисты. Э. Манштейн предупредил, что дивизия способна лишь на время стабилизировать оборонительный рубеж 4-й танковой армии. Он снова потребовал передать ему танковый корпус из состава группы армий «А» и горько пожаловался, что все должна делать группа армий «Дон», а группа армий «А» будто бы ни на что не способна.

На второй неделе января, даже в условиях углубляющегося кризиса, обе группы армий южного фланга Восточного фронта начали налаживать некоторое взаимодействие. Армейская группа «Холлидт», перебрасывая свои части для отражения угрозы то с севера, то с юга, продолжала отход к реке Северский Донец. Гитлер раз-

решил 4-й танковой армии отойти на рубеж Маныча и развернуться на север. 1-я танковая армия, несмотря на то что ее движение было замедлено наличием большого количества тяжелой техники, а также чрезмерными, с точки зрения Э. Манштейна, опасениями по поводу возможных действий противника, постепенно сужала брешь между двумя группами армий.

Между 15 и 19 января, наконец, наступило время принятия решений, которые фактически уже опоздали. Армейская группа «Фреттер-Пико», успешно избежав окружения своих 14 тыс. солдат в районе Миллерово, отошла на рубеж за рекой Донец. Части армейской группы «Холлидт» также сумели обеспечить пусть непрочную, но оборону рубежа по берегу замерзшей реки. 4-я танковая армия организовала устойчивую оборону на Маныче между Доном и Пролетарской; 1-я танковая армия растянула свой левый фланг на север и соединилась с 4-й танковой армией восточнее Сальска.

### **Разгром 6-й армии**

К началу года 6-я армия умирала медленной смертью от голода и истощения. Грузов, которые тонким ручейком поступали осажденным войскам, было достаточно для того, чтобы продлить агонию, но не облегчить страдания солдат. В период с 1 по 23 декабря армия получала в среднем по 90 тонн грузов в день. В первые три недели января их объем удалось увеличить до 120 тонн в день. Но только в один день, 7 декабря, объемы поставок по воздуху достигли обещанной нормы 300 тонн, что представляло собой половину ежесуточных потребностей войск.

Тем не менее 6-я армия пока еще не сдавалась на милость противника. Первоначального успеха под Сталинградом советской стороне удалось добиться благодаря танковым войскам, а не пехоте. После того как, сформировав кольцо окружения, 5-я танковая армия и другие танковые соединения были переброшены на другие участки, выяснилось, что русская пехота намного уступает танкистам по своим боевым качествам. К январю погода, голод и усталость стали собирать свою дань и среди русских. Фактически оказалось, что осажденная 6-я армия имеет даже некоторые преимущества перед противником. Главное из них состояло в том, что в кольце окружения оказались все постройки в Сталинграде и вокруг него; следовательно, немецкие войска имели крышу над головой и могли использовать деревянные постройки в качестве топлива. У русских ничего подобного не было. Вторым фактором было то, что плоская местность, на которой почти не было деревьев, была изрезана глубокими балками (оврагами), что также создавало более благоприятные условия оборонявшимся. И наконец, помимо полевых укреплений, построенных самими немцами,

им «по наследству» перешли некоторые из тех, которые ранее построили для обороны города русские.

После того как советские войска возобновили наступление западнее Сталинграда, задача уничтожения окруженной группировки была возложена на Донской фронт, представителем Ставки в котором был назначен генерал-полковник Н.Н. Воронов<sup>1</sup>.

По советским данным, численность войск Донского фронта в начале января составляла 281 тыс. солдат и офицеров и 250 танков<sup>2</sup>.

Последний штурм, который должен был продлиться семь дней, первоначально был запланирован на 6 января. Фактически наступление началось 10 января, после того как командование армии отвергло ультиматум, который был предъявлен ему за два дня до этого.

Как казалось, наступление не могло не увенчаться успехом. Удары наносились главным образом на западном и южном участках, которые были самыми слабыми, так как создавались в спешке уже после того, как кольцо окружения замкнулось. Вечером 10 января Ф. Паулюс докладывал, что после боев этого дня стало ясно, что больше нет никакой надежды на то, что войска сумеют продержаться до середины февраля; помощь извне должна поспеть скорее; нужно обеспечить армию обещанным количеством грузов; кроме того, необходимо срочно доставить по воздуху батальоны пополнения.

12 января 6-я армия оставила Питомник, лучший из имевшихся в ее распоряжении двух аэродромов. Шести из четырнадцати базировавшихся на нем истребителям удалось взлететь под огнем противника. Пять из них попытались совершить посадку на аэродром Гумрак и потерпели крушение. Пилот шестого увел свою машину на запад. Так осажденные остались без последнего истребительного прикрытия<sup>3</sup>.

На северо-западном и южном участках немецкой обороны были пробиты бреши. Армия была уже не в состоянии обеспечить их защиту из-за нехватки войск или горючего для переброски резервов. 13 января Ф. Паулюс докладывал, что к концу дня должны закон-

---

<sup>1</sup> В состав Донского фронта входили 21, 24, 57, 62, 64, 65 и 66-я армии.

<sup>2</sup> В «Сборнике № 6» отмечается, что в январе 1943 г. немецкая 6-я армия имела над советскими войсками превосходство в артиллерии (6200 орудий против 3770), пулеметах (13 700 против 7300), танках (1800 против 250) и автотранспорте (18 000 против 9400). Там допускается, что в этих цифрах учтена и та техника, которая была выведена из строя задолго до начала последней фазы Сталинградской битвы; кроме того, часть техники и вооружений немецкая сторона не могла использовать из-за нехватки горючего и боеприпасов. В начале декабря командование 6-й армии докладывало о наличии в ней примерно 100 танков; скорее всего, к январю многие, если не большинство из них, были повреждены, уничтожены или не пригодны к эксплуатации в связи с нехваткой запчастей и горючего.

<sup>3</sup> Шретер Х. Сталинград. С. 166.

читься артиллерийские снаряды, и орудия придется бросить прямо на позициях.

Тем не менее, с советской точки зрения, первый этап решительного штурма закончился разочаровывающими результатами. Он не дал того сокрушающего эффекта, как ожидалось; после первых двух дней боев наступление потеряло темп. Советское командование обвинило в неудаче наступления разведку, которая дала заниженные данные о действительном количестве окруженных немецких войск<sup>1</sup>.

Очевидно, войска Донского фронта находились в состоянии, близком к тому, в котором находилась армия Ф. Паулюса в сентябре и октябре прошлого года. Пять из семи армий генерала К.К. Рокоссовского с середины лета вели непрерывные бои. Если верить советским данным, некомплект личного состава армий составил как минимум 150 тыс. человек. Сталинград давался совсем недешево и русским. (Только с июля по ноябрь 1942 г. немцы здесь потеряли 700 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести, советские войска — 644 тыс. человек. — *Ред.*)

15 января Гитлер после многочисленных обращений к нему Ф. Паулюса назначил ответственным за воздушные поставки 6-й армии генерал-фельдмаршала Эрхарда Мильха с предоставлением ему права отдавать приказы представителям всех видов вооруженных сил и родов войск вермахта.

Впервые по приказу Гитлера было образовано командование, обладавшее полномочиями отменять все прочие запросы на самолеты, горючее и экипажи. Оно было способно организовать воздушные поставки в объемах, необходимых для войск Ф. Паулюса. Но было уже слишком поздно. Дневные полеты в Сталинград становились слишком опасными. 17 января, после того как один из пилотов доложил, что немецкие войска отходят в сторону города по обеим сторонам от аэродрома, 4-й воздушный флот на время приостановил полеты в Гумрак. Еще через два дня советские войска заняли Тацинскую (где ранее, 24 декабря, наши танки уничтожили сотни немецких самолетов, о чем автор молчит. — *Ред.*), и авиации пришлось базироваться на аэродромах Ростова и Новочеркаска, на расстоянии более 300 км от окруженной группировки.

20 января, после того как советские войска начали решительный штурм города, Ф. Паулюс сообщил в ставку, что «крепость» не удастся удерживать более, чем в течение еще нескольких дней. На некоторых участках обороняющиеся были выбиты со своих позиций, и русские могли совершать любые маневры по своему усмотрению. В течение следующей ночи немцы оставили Гумрак и тем самым лишились единственного аэродрома, куда могли доставляться грузы.

---

<sup>1</sup> Сборник № 6.

22 января можно назвать днем начала агонии окруженной группировки немецких войск. Русские, наступавшие вдоль железной дороги с юго-запада на фронте шириной 5 км, прорвались к внешнему кольцу обороны города в районе станции Воропоново и с развернутыми флагами вошли на западную окраину Сталинграда. Закрывать образовавшуюся брешь было нечем. У оборонявшихся этот участок солдат 6-й армии кончились боеприпасы, и не было возможности перебросить сюда боеприпасы или резервы с других направлений.

В тот вечер Ф. Паулюс через ОКХ отправил Гитлеру телеграмму следующего содержания:

«Продовольствие кончилось. В котле находится более 12 тыс. раненых, которым не оказывается медицинская помощь. Какие приказы я могу отдавать солдатам, у которых больше нет боеприпасов и которые подвергаются массированным атакам со всех направлений при поддержке огня тяжелой артиллерии? Необходимо срочно принимать решение, поскольку на некоторых участках уже проявляются признаки разложения войск. Тем не менее они пока еще сохраняют веру в свое командование».

Гитлер написал в ответ:

«О сдаче не может быть и речи. Солдаты должны бороться до конца. Если это возможно, размеры крепости следует сократить настолько, чтобы имеющихся войск, которые еще могут сражаться, хватило для ее обороны.

Мужество и стойкость защитников крепости позволило создать новый фронт и начать подготовку контрнаступления. Тем самым 6-я армия внесла свой исторический вклад в величайшую борьбу немецкого народа».

По мере того как войска на западном участке откатывались назад, сам город, который после нескольких месяцев бомбежек стал напоминать адский ландшафт, пережил еще одну ужасающую сцену. По данным 6-й армии, в ней находилось 20 тыс. раненых, оставшихся без медицинского ухода, такое же количество истощенных, обмороженных и безоружных, отставших от своих подразделений. Те, кто мог, занимали подвальные помещения под руинами зданий, где тонны камней сверху защищали от непрекращающегося дождя осколков снарядов. Там, в темноте и холоде, больные, сошедшие с ума, мертвые и умирающие сбивались в общую кучу; те из них, кто еще мог двигаться, из страха не решались покидать эти места. Над самым высоким из разрушенных зданий в центре города солдаты 6-й армии водрузили боевое знамя рейха «как символ того, что они готовы к последней битве под этим флагом».

26 января 62-я армия отбила у немцев Мамаев курган, а танки 21-й армии соединились с ее войсками с запада, разрезав тем самым окруженную группировку надвое. XI армейский корпус организовал круговую оборону в северной части города, в районе тракторного завода; командование 6-й армии и вместе с ним LI и VIII армейские корпуса, а также XIV танковый корпус заняли оборону вокруг железнодорожного вокзала и в районе к северо-западу от него. IV танковый корпус, который удерживал южный участок фронта, в тот день был уничтожен в результате удара советских войск с юга, через реку Царица. Днем ранее 6-я армия попросила сбрасывать ей с самолетов только продовольствие: в боеприпасах больше не было необходимости, так как в войсках осталось слишком мало артиллерии.

Конец просматривался очень ясно. 28 января 6-я армия прекратила выдачу пайков раненым — для того чтобы поддержать силы тех, кто еще был способен носить оружие. В тот день темой состоявшегося в полночь совещания у фюрера было намерение Гитлера как можно скорее воссоздать 6-ю армию; при этом в новое воинское объединение должно было быть включено максимальное количество спасенных солдат из первоначального состава армии.

К 29 января Южный котел, в свою очередь, был расколот; при этом на небольшом южном участке осталось командование и штаб армии; остатки LI и VIII армейских корпусов оказались изолированы севернее. XIV танковый корпус в тот же день прекратил свое существование. Ночью десять небольших групп предприняли отчаянную попытку прорваться на запад через почти 300 км занятой противником территории. К следующей ночи LI и VIII корпуса оказались зажатыми на небольшом участке в районе инженерного общежития, где они и сдались на следующий день. Штаб армии и остатки 194-го гренадерского полка все еще удерживали территорию примерно 300 м по периметру вокруг Красной площади.

В 06.15 31 января из штаба 6-й армии, находившегося в подвале универмага на Красной площади, по радио было передано следующее сообщение: «Русские уже очень близко. Мы готовимся уничтожить (радиоаппаратуру)». Еще через час было передано последнее радиосообщение из штаба 6-й армии: «Мы уничтожаем радиоаппаратуру». Ф. Паулюс не успел даже ощутить себя в присвоенном ему за день до этого звании генерал-фельдмаршала, как уже стал первым немецким военачальником такого ранга, оказавшимся в советском плену. Гитлер прокомментировал это так: «Прямо у порога в бессмертие Паулюс решил сделать поворот кругом».

В Северном котле в районе тракторного завода 33 тыс. солдат XI корпуса под командованием генерала пехоты Карла Штрекера продержались еще 48 часов. 1 февраля Гитлер призвал корпус сражаться до последнего солдата: «Каждый выигранный день и час ока-



зывает нам решающую помощь на других участках фронта». В 08.40 на следующий день группа армий «Дон» получила от командования корпуса последнее сообщение:

«Все шесть дивизий XI корпуса до конца выполнили свой долг. Да здравствует фюрер! Да здравствует Германия!

*Штрекер».*

В Сталинградском котле немцы потеряли свыше 200 тыс. человек. Общее количество их потерь, наверное, так никогда и не удастся определить. Во время боев за город из него удалось вывезти самолетами около 30 тыс. раненых. По последним уточненным данным советской стороны, которые сильно уступали первоначальным оценкам, но тем не менее были очень значительными, немецкие потери под Сталинградом составили 147 200 убитыми и ранеными и свыше 91 тыс. взятыми в плен, в том числе 24 генерала и 2500 офицеров<sup>1</sup>.

Сведений о собственных потерях советская сторона не приводит. (Сейчас все данные можно найти в книге под редакцией Кривошеева. — *Ред.*) Об их примерном уровне могут свидетельствовать данные 8-го и 3-го кавалерийских корпусов, потерявших в период с 19 ноября по 2 декабря 36 и 45% личного состава соответственно. Эти цифры, будучи экстраполированы на соединения всех фронтов, принимавших участие в операции, свидетельствуют о том, что и в советских войсках потери были очень высокими. Представление о том, какой ценой досталась эта победа, могут также дать и цифры, касающиеся расхода боеприпасов во время операции в период с 10 января по 2 февраля: 911 тыс. артиллерийских снарядов всех калибров до 152 мм, 990 тыс. мин к минометам и 24 млн патронов к автоматическому оружию и винтовкам<sup>2</sup>.

Гитлер неоднократно заявлял, что 6-я армия выполнила очень важную задачу, связав в районе Сталинграда несколько сотен тысяч советских солдат. С другой стороны, вполне можно представить себе гораздо менее катастрофическое развитие событий на южном фланге Восточного фронта в ходе зимней кампании 1942/43 г., если бы армия вовремя получила разрешение вывести свои 20 дивизий (22 дивизии и много отдельных частей. — *Ред.*) из Сталинграда. И все же значимость этого поражения несколько не умаляет тот факт, что оно было вызвано скорее просчетами Гитлера, чем военным искусством советских генералов. С исторической точки зрения Сталинград, как и события в районе Гуадалканала и высадка войск союзников в Северной Африке, ознаменовали собой начало общего отступления стран оси на всех

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 62.

<sup>2</sup> Сборник материалов по изучению опыта войны / Генеральный штаб Красной армии. 1944. № 9.

фронтах Второй мировой войны. (В боях за Гуадалканал (Соломоновы острова) с июля 1942 по февраль 1943 г. японцы потеряли 24,6 тыс. человек, 2 линкора, авианосец, 5 крейсеров и др.; союзники, в основном американцы — 6,7 тыс. убитыми и ранеными, 2 авианосца, 8 крейсеров и др. Как видим, кроме сроков, никакого сходства в масштабах со Сталинградской битвой — потери Германии и ее союзников 1,5 млн убитыми, ранеными и пленными, потери СССР 1,03 млн. — *Ред.*)

## Глава 5

### ПОВОРОТ НАЗАД

#### Бои за выживание

В районе Сталинграда немецкая сторона потеряла армию (6-ю, кроме того, были полностью разгромлены и фактически выбиты 4-я танковая, 3-я и 4-я румынская и 8-я итальянская армии. — *Ред.*) и проиграла кампанию. То, ради чего Гитлер заставлял солдат 6-й армии жертвовать собой, а именно плоды летнего наступления, выскользнуло из его рук с гибелью армии. На берегах Дона и Волги были похоронены немецкие амбиции.

После середины декабря командующий группой армий «Б» М. фон Вейхс мог лишь беспомощно наблюдать за тем, как русские сосредотачивают к северу от излучины Дона, в районе Новой Калитвы, против двух армий его левого фланга свою наступательную группировку. В начале января подтвердились его самые худшие опасения, когда в район южнее Новой Калитвы из-под Брянска была переброшена 3-я танковая армия. Утром 13 января русские в третий раз вышли к Дону и нанесли удар по венгерской 2-й армии. Первым же ударом войска 40-й армии Воронежского фронта снесли левый фланг венгров. Севернее 2-я немецкая армия спешно осуществляла перегруппировку своего фланга для обороны Воронежа. На юге, в районе между Лисками и Новой Калитвой, венгерский 7-й корпус и итальянский корпус *Alpini* при поддержке наспех сколоченных немецких соединений в течение одного или двух дней совсем не вели боев. Но как только 3-я танковая армия ударом с юга вышла в тыл их оборонительного рубежа, рассыпался и этот участок фронта.

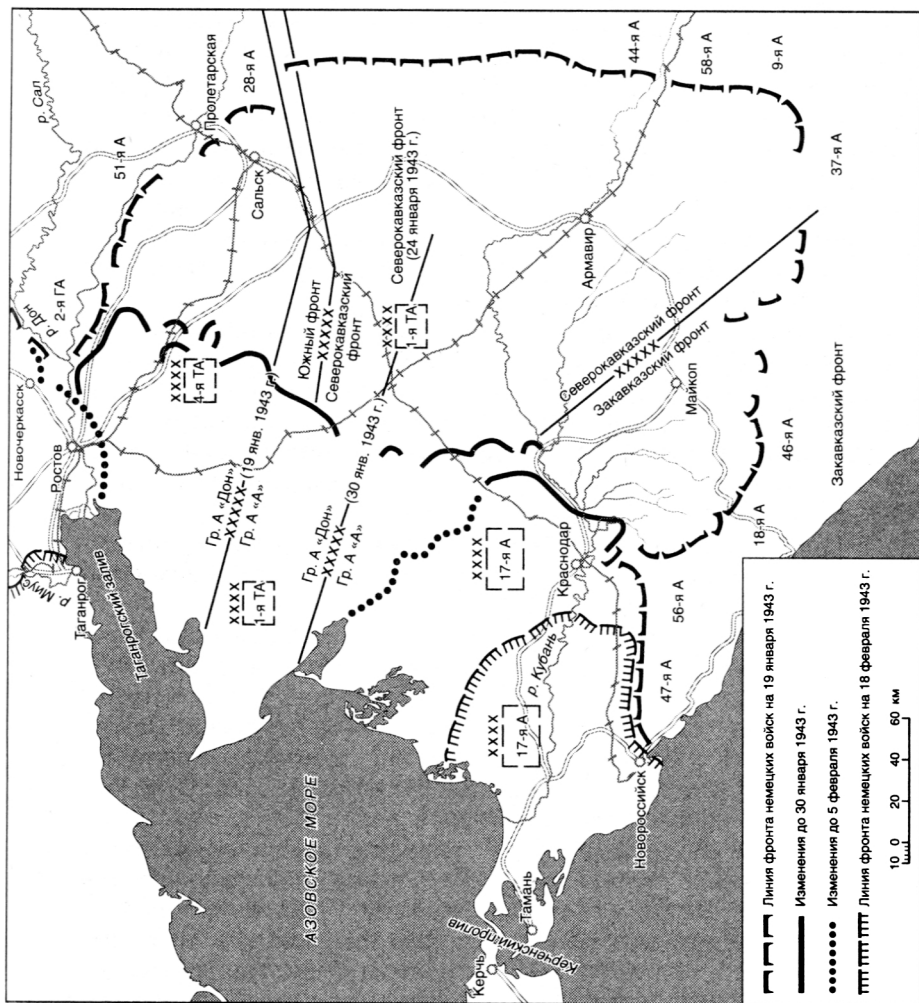
К концу третьей недели января оборона групп армий «Б» была прорвана на фронте 300 км от Воронежа до Ворошиловграда. Фон Вейхс докладывал Гитлеру, что он не видит способа остановить русских и обеспокоен судьбой немецкой 2-й армии, которая с ее открытыми флангами и резко вогнутой линией фронта на севере подвергалась риску быть взятой в двойной охват. Причем случиться это должно было еще до окончания месяца.

В то время когда русские начинали свой глубокий рассекающий удар в юго-западном направлении, группа армий «Дон» была связана на реке Северский Донец и в районе Ростова-на-Дону, где обеспечивала тыл группы армий «А» (см. карту 6). Хотя Гитлер и объявил в конце декабря о своем намерении отвести группу армий «А» на плацдарм на Таманском полуострове, на самом деле он лишь разрешил командованию группы армий выпрямить линию фронта на левом фланге, отведя войска с образовавшегося там выступа, для обеспечения контакта с группой армий «Дон». 13 января Э. фон Клейст запросил командование, как ему действовать дальше. Он планировал эвакуировать большую часть своих войск через Ростов и удерживать только небольшой Таманский плацдарм. К. Цейцлер ответил, что в тот момент было очень сложно требовать принятия решения от Гитлера, который заявлял, что занят другими проблемами, и считал, что обстановка на участке фронта группы армий «А» дает ему время обдумать такое решение.

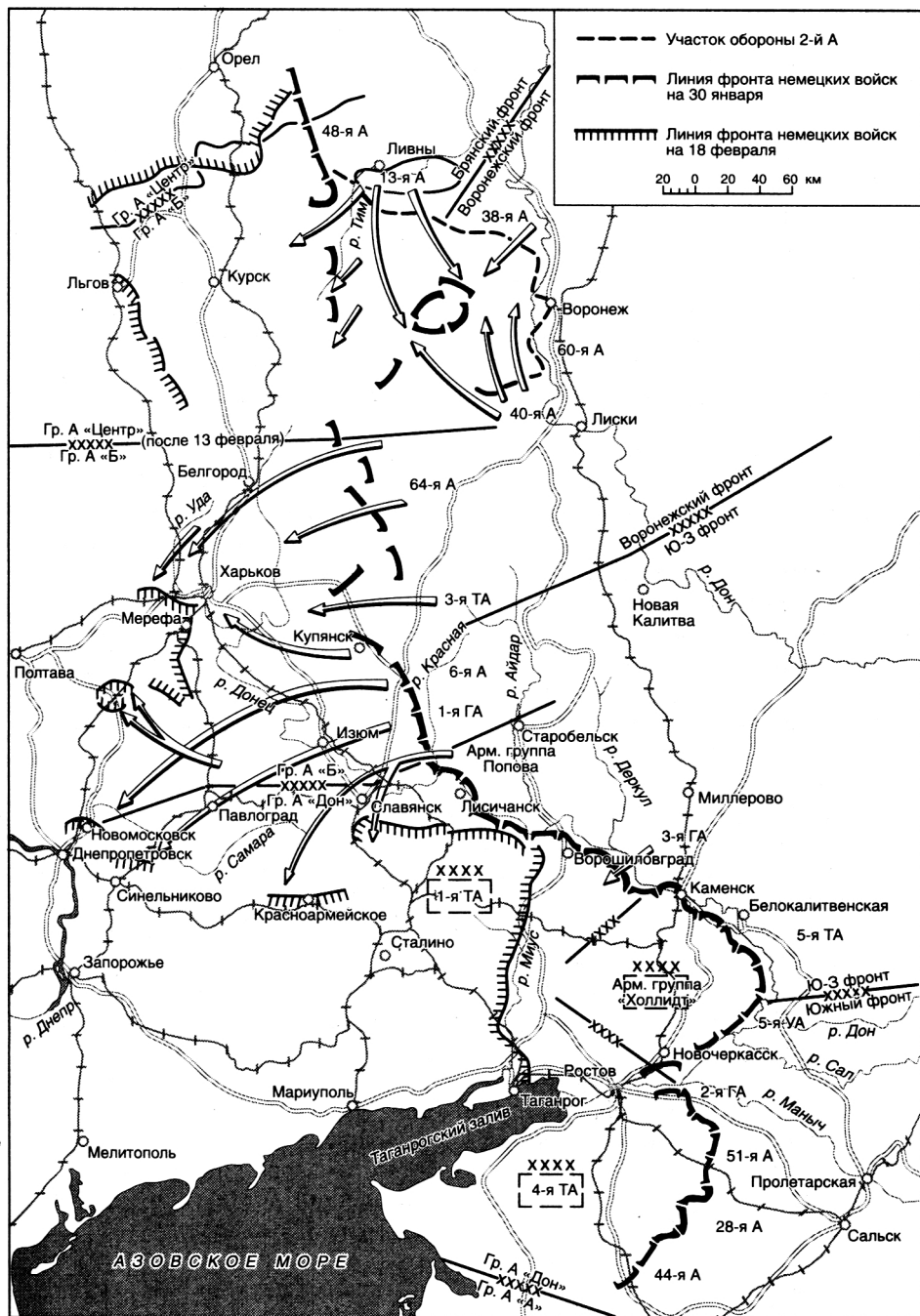
К. Цейцлер добавил, что, по его мнению, уже слишком поздно отводить войска через Ростов, и от своего имени советовал фон Клейсту как можно скорее отходить на немецкий плацдарм *Gotenkorf* на Таманском полуострове. Не дав внятного подтверждения этому решению, Гитлер тем не менее 21 января обмолвился К. Цейцлеру, что было бы хорошо включить в плацдарм *Gotenkorf* еще и нефтяные месторождения в районе Майкопа.

Э. Манштейн, который только что избежал для своей группы армий угрозы одного окружения, сразу же оказался перед лицом угрозы следующего (см. карту 7).

19 января левый фланг его войск севернее Северского Донца все еще прикрывали два слабых рубежа обороны группы армий «Б» и армейской группы «Фреттер-Пико» на реке Деркул. Однако группа «Фреттер-Пико» была вынуждена отойти к реке Северский Донец севернее и западнее Ворошиловграда, а остатки группы армий «Б» стали отступать к реке Айдар, в 60 км западнее. Э. Манштейн поставил Гитлера перед выбором: либо остановить советское наступление, направленное в разрыв, образовавшийся в немецком фронте между Воронежем и Ворошиловградом как можно восточнее, с тем чтобы обеспечить защиту флангов 2-й армии в районе Воронежа и группы армий «Дон» на реке Северский Донец, либо подготовить мощное контр наступление с севера и юга на фланги наступающей советской группировки. В первом варианте могут быть использованы дивизии СС, в случае если они будут вовремя переброшены на этот участок. Для осуществления второго варианта необходимо заблаговременно отвести группу армий «Дон», чтобы она не оказалась отрезанной, прежде чем войска перегруппируют для наступления. Через два дня Э. Манштейн предупредил, что через четыре-пять дней он намерен забрать из 4-й танковой армии две дивизии (кото-



Карта 6. Положение группы армий «А» с 19 января по 18 февраля 1943 г.



Карта 7. Группы армий «Б» и «Дон» (после 13 февраля — группа армий «Ю»). Обстановка с 30 января по 18 февраля 1943 г.

рым Гитлер отдал приказ оборонять железную дорогу южнее Ростова до тех пор, пока по ней перевозятся грузы для плацдарма (Gotenkopf) и перебросить их на северный фланг с целью не допустить переправы советских войск через Северский Донец западнее Ворошиловграда.

Пока Э. Манштейн забрасывал ставку фюрера докладами об обстановке, большинство из которых остались без ответа, русские продолжали наступать. Южнее Дона они форсировали Маныч и стали угрожать Ростову и тылам 4-й танковой армии. Пришлось перебросить на этот участок 11-ю танковую дивизию из армейской группы «Холлидт» с задачей оттеснить наступавших русских обратно к реке Маныч. 23 января перед левым флангом группы армий «Дон» авангарды 1-й гвардейской армии переправились через реку Айдар, форсировали Северский Донец западнее Ворошиловграда и стали наступать вверх по его течению на Лисичанск. Восточнее Ворошиловграда три советские армии, бросив в бой весь личный состав, который они смогли собрать, в том числе солдат тыловых служб и даже вооруженных гражданских лиц, попытались на нескольких участках мощными ударами форсировать Донец. Некоторые из этих атак немцам удалось отразить только в самый критический момент.

С приходом настоящей зимы реки потеряли свое значение как оборонительные рубежи. Причуды русской природы стали еще одной заботой для немецких войск. 24 января началась оттепель, и на дорогах образовались лужи воды. Той же ночью снова пришли заморозки, и днем дороги покрылись коркой скользкого льда. 27 января с севера пришла метель, и через три дня земля покрылась глубокими сугробами.

25 января русские расширили свое наступление севернее, на левый фланг группы армий «Б»; здесь оборона 2-й армии, опиравшаяся на берег Дона западнее Воронежа, была неустойчивой. Гитлер разрешил армии отойти на новый рубеж по реке Тим. В то же время он настоял, чтобы отступление осуществлялось поэтапно; при этом войска должны были забрать всю технику и имущество. 25 января, после того как из Воронежского плацдарма были выведены последние войска, 2-я армия едва начала отход с Дона, как советская 40-я армия перешла в наступление и прорвала слабо укрепленный южный фланг обороны немецких войск. На следующее утро Брянский фронт нанес удар на север южнее города Ливны. Представителем Ставки здесь был генерал А.М. Василевский. Когда из-за глубины снежного покрова доставка грузов автотранспортом стала невозможной, русские начали доставлять горючее для авангардов своих танковых войск по воздуху самолетами-бипланами У-2, которые ночью садились прямо на снег в местах, обозначенных сигнальными кострами. В течение двух дней в окружение попали два из трех корпусов 2-й армии. Третий корпус, который

на севере примыкал к группе армий «Центр», был сильно потрепан. Пока окруженные корпуса пытались вырваться из кольца, армия могла противопоставить наступающим на запад русским только одну ослабленную танковую дивизию.

К концу месяца советское наступление было в полном разгаре. Основные усилия русские сосредоточили против группы армий «Дон». Юго-Западный фронт под командованием Н.Ф. Ватутина нанес удары по переправам через Северский Донец в среднем течении. Южный фронт генерала Р.Я. Малиновского наступал с востока. Операции двух фронтов координировал Г.К. Жуков. На фронте группы армий «Б» наступали Брянский фронт генерал-лейтенанта М.А. Рейтера и Воронежский фронт генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова — соответственно, на запад (Курск) и юго-запад (Харьков)<sup>1</sup>.

Гитлер снова был поставлен перед необходимостью принятия неприятных решений. И снова он попытался ограничиться полумерами. 27 января он приказал направить в группу армий «Дон» через Ростов армейское управление и 1-ю танковую армию, два корпусных штаба, одну танковую дивизию, одну пехотную дивизию и две охранные дивизии<sup>2</sup>.

Э. фон Клейст, обеспокоенный возможной зависимостью от тылового снабжения через Керченский пролив, обратился с просьбой отвести всю группу армий через Ростов. Однако было уже слишком поздно. Как ни нуждались немцы в войсках севернее, фон Клейсту пришлось отвести 400 тыс. солдат на плацдарм *Gotenkopf*, где вся их дальнейшая задача сводилась к поддержанию иллюзии угрозы Кавказу.

То, что немецкое командование пока еще имело относительную свободу на фронте группы армий «А», объяснялось тем, что наступление советских войск на этом участке носило скорее символический характер. Советская Ставка, очевидно, планировала организовать гигантское кольцо окружения для группы армий «А» с юга и востока силами Закавказского фронта. Однако организационные и транспортные проблемы, а также нерешительное руководство командующего фронтом генерала армии И.В. Тюленева не дали войскам действовать достаточно инициативно для того, чтобы создать противнику действительно серьезные проблемы.

За несколько дней до этого Э. Манштейн запросил командование, что может быть сделано для того, чтобы ослабить давление на

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 106—107.

<sup>2</sup> Немецкие охранные дивизии не были предназначены для ведения боевых действий на переднем крае. Личный состав набирался, как правило, из призывного контингента старших возрастов. В дивизии не было артиллерии и тяжелого вооружения, как в обычных пехотных дивизиях.

левом фланге его войск, так как предназначенные для этого войска получили приказ оставаться южнее Дона и удерживать Ростов. 27 января Гитлер обещал организовать удар из района Харькова силами дивизий СС «Рейх» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Их наступление было запланировано на 12 февраля. Э. Манштейн сомневался, что из этого наступления выйдет что-либо хорошее; по его мнению, этим дивизиям все равно придется перейти к обороне. К тому же они дислоцировались слишком далеко от его войск и не обладали достаточными силами для того, чтобы как-то повлиять на обстановку на флангах группы армий «Дон».

К концу месяца на северном участке сложилась критическая обстановка, так как практически каждый день войскам приходилось растягиваться к западу для того, чтобы противостоять наступающим русским. Юго-Западный фронт создал плацдармы на южном берегу Северского Донца западнее Ворошиловграда, а также между Ворошиловградом и Каменск-Шахтинским. На реке Красная одна из дивизий группы армий «Б» все еще пыталась прикрыть левый фланг группы армий «Дон» севернее Лисичанска. 1 февраля оборона дивизии была прорвана, и вновь созданная группа генерала М. М. Попова в составе четырех танковых и одного стрелкового корпуса вошла в 60-километровый разрыв в линии фронта, форсировала Донец в районе Лисичанска и устремилась на запад в сторону Славянска. Между Ворошиловградом и Каменск-Шахтинским территория, занятая советскими войсками, росла подобно раздувающемуся гигантскому воздушному шару, который вот-вот должен был лопнуть.

Генерал кавалерии Эбергард фон Макензен перебрасывал свои войска с юга с целью занять рубеж, который прежде занимала армейская группа «Фреттер-Пико», и создать новый фронт в сторону запада, однако предназначенные ему в качестве основного усиления 3-я и 11-я танковые дивизии задержались в районе Ростова из-за снежных заносов. Севернее Северского Донца группа армий «Б» передала свои потрепанные дивизии в состав армейской группы под командованием генерала горнострелковых войск Губерта Ланца. Группе была поставлена непосильная задача защищать Харьков и прикрывать северный фланг группы армий «Дон».

Гитлер планировал контрнаступление. 3 февраля он объявил свой оперативный приказ № 3. Вновь созданное соединение, танковый корпус СС, силами дивизии СС «Рейх» и частями дивизии СС «Адольф Гитлер» должно было выдвигаться из района южнее Харькова на Купянск, а затем нанести удар на юг в тыл советским войскам, переправившихся через Северский Донец в тылу группы армий «Дон». Общее руководство наступлением было возложено на командование группы армий «Дон».

Э. Манштейн, который не верил в успех контрнаступления силами одной дивизии, не подчинился этому приказу, ответил, что



группа армий «Дон» не может руководить наступлением до тех пор, пока противник не будет отброшен из района западнее Купянска. Возвращаясь к более насущным проблемам, он отметил, что Юго-Западный фронт сосредоточил крупные силы в готовности наступать в среднем течении Северского Донца на участке восточнее Ворошиловграда, а также между Славянском и Лисичанском; в связи с этим он будет вынужден забрать из 4-й танковой армии и перебросить на север последние танковую и моторизованную дивизии, после чего у Г. Гота не осталось достаточно сил для удерживания рубежа на нижнем Дону. Кроме того, Манштейн запросил разрешение вернуть армейскую группу «Холлидт» назад на рубеж Каменск-Шахтинский—Новочеркасск, а при необходимости отвести весь восточный участок фронта группы армий назад на 70 км на рубеж реки Миус.

5 февраля советские войска заняли Изюм, последний опорный пункт группы армий «Дон» на левом фланге. Э. Манштейн доложил, что противник обходит его войска с флангов в западном направлении; при этом ни он, ни М. Вейхс не обладают никакими средствами для того, чтобы воспрепятствовать этому маневру. Если войскам Н.Ф. Ватутина удастся продвинуться еще на 100 км, они смогут перерезать обе железнодорожные ветки на участке группы армий «Дон». Э. Манштейн призвал принять неотложные меры: перебросить в Сталино 7-ю авиаполевую дивизию для обеспечения защиты железной дороги Днепропетровск—Сталино; обеспечить возможность снабжения группы армий «Дон» по воздуху; увеличить грузоперевозки через Харьков в группу армий «Дон» за счет группы армий «Б» (при этом потребности итальянских и венгерских войск вообще не принимались в расчет). Кроме того, он потребовал перебросить по воздуху из группы армий «А» в Днепропетровск еще две дивизии.

Для Гитлера, который все еще с болью вспоминал о сдаче (ликвидации. — *Ред.*) немецкой группировки в районе Сталинграда, перспектива оказаться перед лицом еще одного крупного окружения своих войск была невыносимой. 6 февраля он отправил на южный участок фронта скоростной транспортный самолет «Кондор», который должен был доставить в ставку фюрера в Растенбурге Э. Манштейна. При встрече с Э. Манштейном Гитлер признал, что только он несет ответственность за катастрофу под Сталинградом. Э. Манштейн ехал на эту встречу с намерением предложить фюреру сложить командование войсками и передать его в руки грамотного профессионала (самого Манштейна?). Однако он был настолько тронут осознанием Гитлером своей вины, его нежеланием возложить эту вину на кого-нибудь из тех, кто участвовал в планирова-

нии кампании, а также той любезностью, с которой он его принимал, что ограничился лишь тем, что предложил Гитлеру назначить себе в помощь заместителя из числа военных. Последний должен был иметь большие полномочия, чем имел, например, начальник Генерального штаба.

Гитлер увел разговор в сторону, поделившись чувством разочарования, которое он испытал от деятельности В. фон Браухича, а затем перешел к обсуждению обстановки на фронте.

Как только заговорили о делах на фронте, тон Гитлера снова стал уклончивым. Как только Э. Манштейн заговорил о необходимости, не теряя времени, отводить войска на рубеж на реке Миус, Гитлер снова стал прятаться за целый ряд абстрактных контраргументов: сокращение линии фронта приведет к освобождению такого же количества русских войск, как и немецких; если русским придется бороться за каждую пядь земли, то они вскоре будут измотаны; Германия не может позволить себе остаться без донецкого угля (перед тем как отправиться на встречу с Гитлером, Э. Манштейн узнал, что уголь, добываемый на месторождениях к востоку от Миуса, не был пригоден для коксования и не мог использоваться в качестве топлива для паровозов).

После 4-часового разговора Гитлер неохотно позволил Э. Манштейну отвести войска на Миус, попросив его все же подумать, нельзя ли каким-то образом отложить выполнение этого решения.

8 февраля армейская группа «Холлидт» приступила к отходу на Миус. Затем в течение девяти дней она вместе с 4-й танковой армией проделала марш в 150 км. Отступление сопровождалось оглушительными взрывами, результатом работы саперов, которым было поручено уничтожение русских промышленных предприятий. В течение всего пути армии Малиновского буквально наступали на пятки отступавшим немцам. Несколько русских подразделений были спущены в угольные шахты Донбасса с задачей создания опорных пунктов в тылу у немцев. Вместе с отступавшими немецкими войсками на запад уходили несколько сотен тысяч гражданских лиц: беженцы с Кавказа, специалисты, мужчины призывных возрастов, которых немцы эвакуировали из городов, персонал немецких предприятий. 18 февраля войска армейской группы «Холлидт» и 4-й танковой армии переправились через Миус и заняли позиции, которые годом раньше были оборудованы солдатами группы армий «Юг». В течение ближайших нескольких дней никто не мог с уверенностью сказать, удастся ли удержать новый оборонительный рубеж. Ночью 18 февраля советский 3-й гвардейский механизированный корпус форсировал Миус и совершил 30-километровый марш на запад. Только неожиданная оттепель дала немцам передышку и позволила им отвести все свои корпуса и построить оборону на Миусе до подхода к русским подкреплений.

На северном участке группы армий «Дон» армейская группа «Ланц» всеми силами пыталась задержать советские войска, наступающие на Харьков. Еще в начале февраля Гитлер объявил Харьков крепостью, игнорируя все возражения Губерта Ланца о том, что в городе отсутствуют укрепления, что у него недостаточно сил для его обороны. 6 февраля Гитлер вызвал Г. Ланца в свою ставку, где лично поставил перед генералом две задачи: оборонять Харьков, а также силами двух дивизий из состава танкового корпуса СС нанести контрудар на юго-запад, в направлении северного фланга войск Э. Манштейна.

К тому времени танковый корпус СС в течение нескольких дней испытывал неослабевающее давление противника и безуспешно пытался собрать достаточно сил для контратаки. 7 февраля из группы армий поступило предупреждение о том, что дальнейшие задержки невозможны, так как М. Вейхс дал слово Гитлеру. Однако на следующий день танковому корпусу СС пришлось оставить Белгород, северо-восточнее Харькова и на всей линии фронта отойти к реке Северский Донец. 10 февраля Г. Ланц назначил контрудар на следующий день. В то же время он доложил М. Вейхсу, что в его распоряжении осталось всего три дивизии: «Адольф Гитлер», «Рейх» и «Великая Германия». Все они были связаны боем, и от них невозможно было требовать одновременно отразить наступление четырех советских армий на Харьков и нанести контрудар. Если командование будет настаивать на нанесении контрудара, ему следует смириться с возможностью потери Харькова.

Как вскоре выяснилось, у Г. Ланца были и другие причины для волнения. Для недавно сформированного командования танкового корпуса СС были характерны одновременно недостаток военного опыта и самоуверенность. Военнослужащие СС зачастую считали свое подчинение армейскому командованию досадным недоразумением и при первой же возможности использовали собственные каналы связи с фюрером для того, чтобы первыми доложить о своих успехах и свалить на военных неудачи, если таковые имели место.

11 февраля танковый корпус СС нанес удар на юг из района Мерефы. За три дня ему удалось преодолеть примерно 50 км, однако при отсутствии грамотного командования корпусу не удалось нанести русским существенного урона. Сильные снегопады затрудняли движение немецких танков. Русские, в основном кавалерия, у которой имелись сани, ухитрились через леса.

13 февраля северный фланг танкового корпуса СС был вынужден снова отойти к окраинам Харькова. На следующее утро Гитлер приказал любой ценой удерживать фронт в районе Харькова, даже если контрнаступление южнее города было временно приостановлено.

В тот день командование армейской группой «Ланц» было передано группе армий «Дон». Гитлер отозвал с фронта командование группы армий «Б», переподчинив находившуюся на северном участ-

ке 2-ю армию командованию группы армий «Центр». Затем он переименовал группу армий «Дон» в группу армий «Юг». Первое, что сделал Э. Манштейн, приняв новый пост, был запрет командованию танкового корпуса СС вести свою собственную переписку с вышестоящим командованием. Он не без основания подозревал, что именно эсэсовцы внушили Гитлеру мысль о том, что Харьков можно будет удержать.

14 февраля начались бои непосредственно в Харькове (с северо-востока город штурмовала 69-я армия, с северо-запада — 40-я, с юга — 3-я танковая. — *Ред.*); в тот же вечер, проигнорировав прямой приказ генерала Г. Ланца, командир корпуса СС обергруппенфюрер (генерал-лейтенант) Пауль Хауссер принял решение об эвакуации войск из Харькова. Примерно в полночь, после напоминания о приказе Гитлера, П. Хауссер передумал и доложил о своей решимости «защищать Харьков до последнего солдата». На следующее утро Гитлер объявил Г. Ланцу, что его единственной задачей является оборона Харькова. Но было уже слишком поздно. К полудню коридор из города на юго-запад сузился до ширины чуть больше 1,5 км; вопреки приказу подразделения дивизии СС «Рейх» устремились к этому проходу из северных пригородов Харькова. Г. Ланц оказался в таких условиях, что ему не осталось ничего иного, как разрешить отход танкового корпуса СС к реке Уды. В течение следующих суток войска СС полностью оставили город и стали отходить на юго-запад и на юг. (Советские войска, имея всего 80 танков против 200 у немцев, выбили тем не менее эсэсовцев из города. — *Ред.*) Потеря Харькова, который, как и Сталинград, был важен для престижа Гитлера, стала для него болезненным ударом. Срочно нужно было найти козла отпущения. 20 февраля он снял с должности Г. Ланца, заменив его генералом танковых войск Вернером Кемпфом.

В серии последовательных ударов, которые русские наносили правым флангом на южном участке немецкого Восточного фронта, последний был особенно опасным. К тому времени, когда 1-я танковая армия, армейская группа «Холлидт» и 4-я танковая армия отводили свои войска на рубеж рек Северский Донец и Миус, мощные советские танковые и кавалерийские силы устремились наперерез тыловым коммуникациям немцев. 13 февраля группа М.М. Попова заняла Красноармейское и перерезала железную дорогу Днепропетровск—Сталино. К 19 февраля танки 1-й гвардейской армии форсировали реку Самара и заняли Новомосковск и Павлоград, а затем вышли к Синельниково, узловой железнодорожной станции в 40 км восточнее Днепропетровска.

Советское наступление было в самом разгаре. Но несмотря на то, что темпы наступления пока выдерживались, теперь в развитие со-

бытий стали примешиваться новые, ранее неучтенные факторы. Группа армий «Юг», ранее «Дон», отступала, не неся существенных потерь в личном составе и сохраняя высокий моральный дух. Войска просто сокращали линию фронта и не считали себя обязанными прикрывать северный фланг группы армий «А». Танковый корпус СС представлял собой свежую мощную группировку войск, пусть иногда она и не была достаточно организованной. В то же время русские, наступавшие группировки которых оказались значительно растянутыми, пока не смогли выполнить свою задачу, заключающуюся в уничтожении немецких армий на южном участке фронта. В последние недели, когда, казалось, за каждым углом их ожидали блестящие перспективы достижения быстрой победы, они стали демонстрировать поразительную тенденцию выбирать именно те направления, на которых наталкивались на самое ожесточенное сопротивление противника.

В своем оперативном приказе № 4 Гитлер предпринял очередную попытку остановить наступление противника. Он приказал группе армий «Юг» создать прочный фронт на рубеже Миус—Северский Донец и закрыть брешь между армейской группой «Ланц» и 1-й танковой армией. Возвращаясь к предложению, которое Э. Манштейн сделал еще в январе, фюрер рассуждал о создании двух новых «штурмовых армий». Одну из них следовало развернуть в тылу группы армий «Юг» в районе Павлограда, а вторую — на южном участке группы армий «Центр». План был, мягко говоря, утопичен. В нем игнорировался тот факт, что русское наступление продолжало идти полным ходом. И вопрос стоял совсем не в том, чтобы прикрыть брешь в линии фронта, а затем перейти в наступление силами двух армий, развернутых на огромных территориях.

Однако, отдав в начале марта приказ о переброске в группу армий «Юг» семи свежих дивизий с Запада, Гитлер передавал в распоряжение Э. Манштейна силу, с помощью которой тот мог бы остановить советское наступление и, возможно, при благоприятном стечении обстоятельств и умении даже перехватить инициативу.

Во второй половине дня 17 февраля Гитлер в сопровождении А. Йодля, К. Цейцлера и свиты, куда входил и личный повар фюрера, прибыли в штаб группы армий «Юг» в Запорожье. Гитлер редко выезжал на фронт, даже в штабы групп армий, находившиеся в значительном отдалении от передовой. Следовательно, эта поездка была обусловлена необычными обстоятельствами. С одной стороны, он стремился покончить с полосой неудач на фронте, преследовавших немецкие войска в ту зиму; в то же время, хорошо поняв смысл предложений Э. Манштейна от 6 февраля относительно Верховного командования, он был почти готов вручить тому уведомление об отставке.

Если у Гитлера и были какие-то сомнения по этому поводу, то только потому, что он сознавал, что обстановка, в которой оказа-

лась группа армий «Юг», действительно была такой, что от этого, по выражению одного из генералов, «волосы вставали дыбом». К 18 февраля советские танки находились в 50 км от Запорожья, и перед ними не было немецких войск. Между правым флангом армейской группы «Кемпф» и левым флангом немецкой 1-й танковой армии образовалась брешь шириной примерно 150 км, через которую войска советских 1-й гвардейской и 6-й армий могли по своему выбору наносить удары на юг и на запад. Они уже перерезали железную дорогу восточнее Днепропетровска, а находящиеся к востоку от Запорожья танки 1-й гвардейской армии могли в течение примерно одного дня отрезать все немецкое высшее военное руководство. Восточнее советские 3-я танковая и 5-я ударная армии на отдельных участках прорвали немецкий оборонительный рубеж на реке Миус.

Очевидно, время было совершенно неподходящим для того, чтобы избавиться от фельдмаршала Манштейна, поэтому Гитлер вскоре оказался совершенно поглощенным вопросами военного планирования. Более того, для него был желателен и необходим значительный успех на поле боя, о котором заговорили бы во всем мире, а человеком, который мог обеспечить такой успех, без всякого сомнения, был именно фельдмаршал Э. Манштейн. Однако, по мнению Э. Манштейна, в первую очередь необходимо было закрыть брешь между армейской группой «Кемпф» и 1-й танковой армией. Харьков, заявлял он, может подождать. Но если вовремя не закрыть брешь, чему может воспрепятствовать весенняя оттепель, которая может наступить в любой момент и парализовать любое движение войск, группа армий прекратит свое существование. Гитлер не уступал, и, в конце концов, только очередное стечение обстоятельств помогло решить исход спора. 18 февраля из дивизии СС «Мертвая голова» поступило донесение о том, что техника застряла на бездорожье восточнее Киева, и Э. Манштейну удалось убедить фюрера, что, если танковому корпусу СС не удалось удержать Харьков силами двух дивизий, он не сможет вновь захватить его, не имея третьей.

Ночью 18 февраля поезд, в котором находилось командование 4-й танковой армии, прибыл в Запорожье. Днем ранее Г. Гот, который получил приказ о переброске своих войск в Днепропетровск, передал участок фронта армии на реке Миус армейской группе «Холлидт». В штабе группы армии «Юг» Э. Манштейн устно поставил задачу Г. Готу. Он объяснил, что намерен сформировать для прикрытия бреши между армейской группой «Кемпф» и 1-й танковой армией новую 4-ю танковую армию. Ее основная задача — остановить восточнее Днепропетровска наступающие советские 1-ю гвардейскую и 6-ю армии и отбросить их назад за реку Самару. Левый фланг на западе и северо-западе должна была обеспечивать

1-я танковая армия под командованием Э. фон Макензена. В состав новой 4-й танковой армии передавались два корпусных управления, две танковые и две пехотные дивизии из армейской группы «Холлидт» и 1-й танковой армии. Кроме того, из армейской группы «Кемпф» туда передавалось управление танкового корпуса СС и танковые дивизии СС «Рейх» и «Мертвая голова». Позже Э. Манштейн планировал усилить 4-ю танковую армию еще тремя-четырьмя пехотными дивизиями.

19 февраля, прежде чем покинуть Запорожье, Гитлер вызвал Э. фон Клейста и приказал ему эвакуировать как можно больше солдат группы армий «А» с Таманского укрепленного района и передать их в состав группы армий «Юг». В течение следующих восьми дней оттуда по воздуху было переброшено около 50 тыс. человек, а к 6 марта их количество достигло 100 тыс. человек. Но группа армий «Юг» выиграла от этого меньше, чем могло показаться, так как транспортные самолеты могли перевозить только людей, но не технику и вооружение.

И все же, несмотря на то что решение Гитлера исправить свою прошлую ошибку, когда он оставил в районе Таманского полуострова в изоляции примерно полумиллионную группировку, было принято слишком поздно, группе армий «Юг» удалось извлечь по крайней мере одну важную выгоду из всех катастроф прошлых месяцев. С декабря 1942 г. командование люфтваффе осуществляло доукомплектование 4-го воздушного флота, действовавшего в интересах группы армий «Юг» («Дон»). К началу февраля в его состав входило 950 самолетов, или 53% из действовавших в то время на Восточном фронте 1800 боевых самолетов. Эта цифра могла бы стать еще более впечатляющей, если бы учитывала качество и техническое состояние самолетов. В первые месяцы советского наступления по целому ряду причин 4-й воздушный флот не мог действовать в полную силу: неблагоприятные погодные условия, невозможность нанесения сосредоточенных ударов, потеря передовых аэродромов. К середине февраля В. Рихтгофен произвел реорганизацию и перегруппировку сил. Оставив большинство дальних бомбардировщиков под контролем собственного штаба, дислоцированного в Запорожье, он разделил оставшиеся авиационные части на три группировки, расположив их штабы западнее Полтавы (в тылу армейской группы «Кемпф»), в районе Днепропетровска (в тылу 4-й танковой армии) и в районе Сталино, где действовала 1-я танковая армия. В период с 20 февраля по 15 марта авиация В. Рихтгофена совершала в день в среднем по 1000 вылетов, намного превысив январские показатели, когда в день осуществлялось примерно 350 вылетов. В последний раз в России немецким летчикам удалось продемонстрировать авиационную поддержку войск с такой же эффективностью, как это было в дни «блицкрига» в 1940 и 1941 гг.

## Немецкие танковые армии атакуют

К моменту переезда штаба 4-й танковой армии в Днепропетровск немецкое контрнаступление началось. Сосредоточившись в районе Краснограда, на правом фланге армейской группы «Кемпф», дивизия СС «Рейх» начала стремительный марш на юг, в тыл наступавших восточнее Днепропетровска советских 1-й гвардейской и 6-й армий (см. карту 8). 20 февраля дивизия заняла Новомосковск, а на следующий день, совершив поворот на восток, ворвалась в Павлоград. Благодаря этим молниеносным ударам была ликвидирована угроза переправам через Днепр. Кроме того, значительные силы русских из состава передовых частей попали в ловушку в районе южнее Самары. В течение двух последующих дней дивизия легко разгромила некоторые из них и, форсировав реку Самара, продолжила движение на север.

23 февраля дивизия СС «Мертвая голова» начала наступление севернее реки Самара на восток, в направлении реки Орел. Восточнее Павлограда 6-я и 17-я танковые дивизии перегруппировали свои силы, сформировав правый фланг 4-й танковой армии, и начали продвигаться на север. Затем Э. Манштейн отдал приказ 1-й и 4-й танковым армиям разгромить группу Попова (в так называемой подвижной группе генерала Попова еще 29 января насчитывалось всего 137 танков, т. е. танковые корпуса имели огромный комплект техники и личного состава. — *Ред.*) южнее рубежа Павлоград—Лозовая—Барвенково. В своем приказе 4-й танковой армии Г. Гот отметил, что основной задачей в тот момент был не захват территории, а уничтожение примерно шести танковых корпусов и одной гвардейской стрелковой бригады, входивших в группу Попова. После этого немецким соединениям открывался путь на север.

На восточном фланге Э. фон Макензен бросил 1-ю танковую армию в столь стремительное и мощное наступление, что оно полностью застигло русских врасплох. Эвакуировав Славянск и тем самым освободив танковую дивизию, фон Макензен у железной дороги в районе Красноармейского ввел в бой против русских дивизию СС «Викинг»; еще две танковые дивизии он направил совершить широкие охватывающие маневры с востока и запада с целью сформировать к северу от города мешок, в который попало значительное количество советских войск. В течение нескольких дней М. Попов и его штаб неверно оценивали обстановку. 22 февраля немцы перехватили его донесение по радио, в котором он сообщал, что пытается блокировать «попытку отступления немецких войск». Для Э. Макензена он не мог сделать лучшего подарка. Самым большим опасением немецкого генерала было то, что советские подвижные соединения (все вместе имевшие танков меньше одной немецкой танковой дивизии. — *Ред.*) сумеют выскользнуть из кольца окруже-



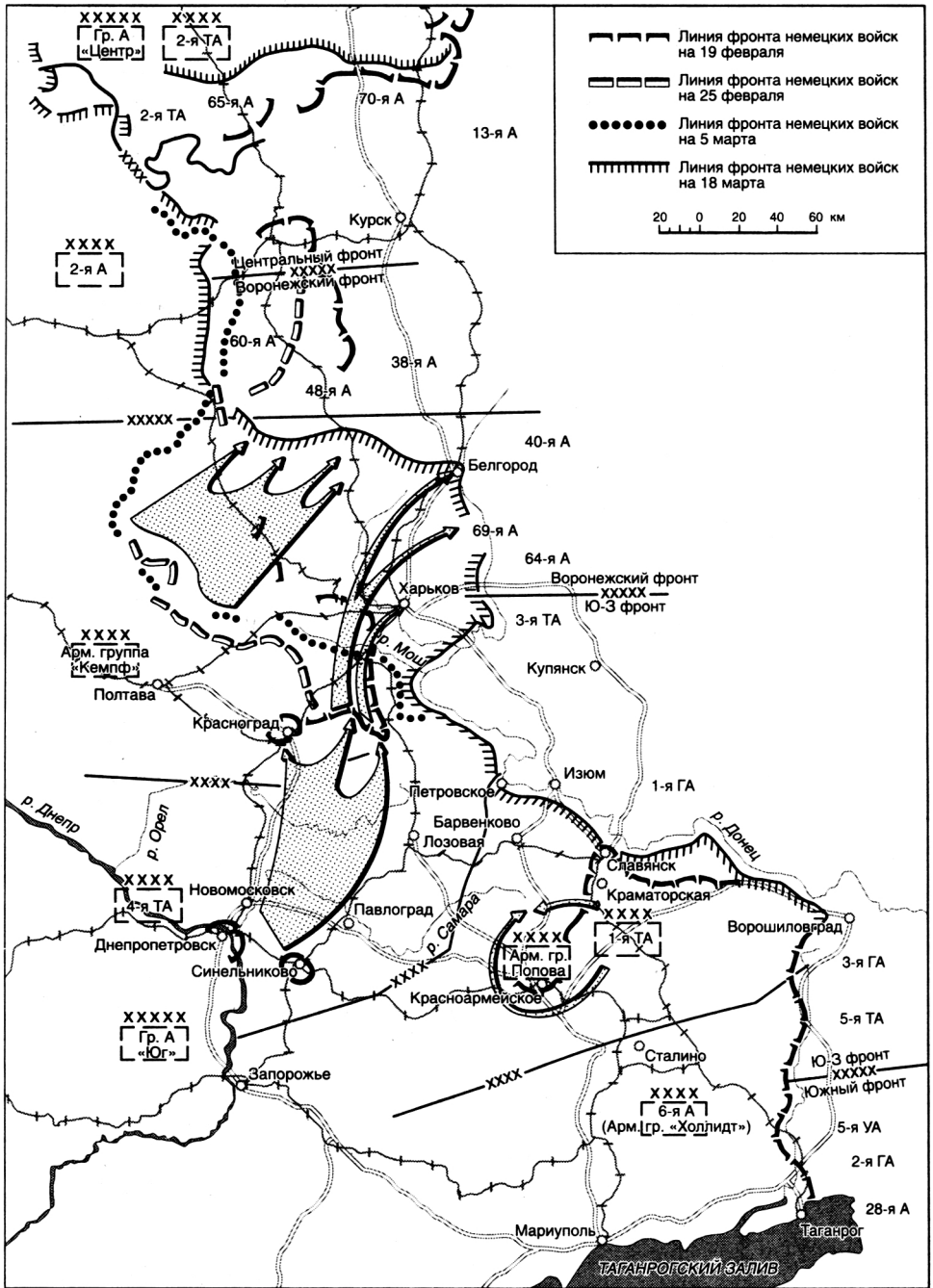
ния. На следующий день в группе Попова поняли, какой опасности подвергаются советские войска. Ее командование доложило, что большая часть коммуникаций была перерезана, что в одной из частей панику удалось подавить лишь после принятия «самых жестких мер». 24 февраля русские безуспешно пытались совершить маневр на прорыв кольца окружения, и в тот же день котел был рассечен на несколько меньших мешков. Группа Попова потерпела жестокое поражение, однако смогла вывести из окружения достаточно солдат и техники для того, чтобы организовать следующий оборонительный рубеж севернее, близ Барвенково.

Результаты первого этапа немецкого контрнаступления превзошли все ожидания. Две танковые армии наголову разбили войска советского Юго-Западного фронта. Западнее Харькова армейская группа «Кемпф» пока еще отступала, и в тот момент с этим ничего нельзя было поделаться, однако, как показали последующие события, это отступление оказалось даже на руку немецкой стороне. 25 февраля Э. Манштейн отдал войскам приказ подготовиться к удару по южному флангу Воронежского фронта западнее Харькова. 1-й танковой армии предстояло занять Петровское и Изюм и обеспечить контроль над переправами через Северский Донец. 4-я танковая армия должна была продвигаться на северо-восток, а затем, захватив Лозовую, быть готовой главными силами совершить маневр на север для нанесения удара вдоль железной дороги в направлении на Харьков.

26 февраля передовые части 4-й танковой армии вышли к Лозовой. Восточнее так же стремительно наступал левый фланг 1-й танковой армии. Через два дня войска Г. Гота заняли Петровское на Северском Донце, а Э. Макензен начал разворачивать армию на север на рубеже Лозовая—Петровское. На фронте 1-й танковой армии русские все еще продолжали оказывать ожесточенное сопротивление в районе Барвенково. В группе Попова кончилось горючее, и у солдат не оставалось другого выхода, кроме как сражаться до конца на занятых позициях. Далее к востоку передовые части 1-й танковой армии стремительно приближались к Славянску с юга и с востока.

28 февраля Э. Манштейн приказал Г. Готу начинать наступление на Харьков, а Э. Макензену — продвигаться к реке Северский Донец восточнее Петровского. Время текло стремительно. На несколько дней дневные температуры превысили точку замерзания. Вынужденные преодолевать грязь и талую воду, войска начинали уставать. Вскоре дороги должны были стать совсем непроходимыми.

Несмотря на оттепель, обе армии продвигались на удивление быстрыми темпами. Начиная с 1 марта 4-я танковая армия за пять дней преодолела до 80 км и 5-го числа вышла к реке Мош, в 15 км от Харькова. Восточнее Краснограда, перед фронтом группы «Кемпф», она окружила и разгромила три стрелковые дивизии и три танковые бригады советской 3-й танковой армии (на самом деле — несколько



**Карта 8. Контрнаступление группы армий «Юг» (19 февраля — 18 марта 1943 г.)**

тысяч бойцов и несколько десятков танков! — *Ред.*) Противник практически не оказывал сопротивления; исключение составили только сильно потрепанные части 1-й гвардейской армии, которые в ходе боев за Лозовую и Петровское оказались отрезанными от тыловых коммуникаций. 1-я танковая армия к 5 марта вышла к реке Северский Донец всеми своими корпусами. На некоторых излучинах реки русские все еще имели плацдармы, но из-за оттепели командование армии решило приостановить наступление и ликвидировать плацдармы после того, как установится благоприятная для этого погода.

Для командования 4-й танковой армии было важно принять решение о том, продолжать ли наступление на Харьков с риском, что в любой момент движение может быть остановлено из-за оттепели. Перспектива выглядела заманчивой, особенно в связи с тем, что русские, по-видимому, не были готовы вести бои севернее реки Мош. Поэтому после 7 марта, когда снова похолодало, Э. Манштейн и Г. Гот приказали войскам продолжать наступление, но для того, чтобы не потерять контакт с армейской группой «Кемпф», удар должен был наноситься западнее города, а не восточнее, как это планировалось ранее. Немецкое командование намеревалось отрезать советские оборонительные рубежи западнее города, а затем окружить город ударом с севера.

И вновь наступление проходило на удивление удачно. Танковый корпус СС, прорвав оборону русских на реке Мош, вырвался на оперативный простор. 9 марта, когда корпус вышел правым крылом на западные окраины Харькова, генерал СС П. Хауссер доложил, что принял решение на следующий день взять город неожиданным ударом. Однако Г. Гот не хотел, чтобы войска были втянуты в уличные бои, и приказал П. Хауссеру действовать по плану. Но 11 марта командир корпуса, который мечтал о лаврах победителя, вопреки прямому приказу командования не входить в город, приказал одной дивизии войти в Харьков с запада, а другой — с севера. После трех дней упорных боев дивизии СС отвоевали город. (Отборные эсэсовцы, имея подавляющее преимущество в танках и значительное в личном составе, потеряли здесь 11 тыс. убитыми и много техники, советские войска — 20 тыс. убитыми. — *Ред.*) Одновременно они совершили охват Харькова с севера, что позволило немцам так же быстро замкнуть кольцо окружения с востока (советские войска вырвались из окружения. — *Ред.*). Исходя из этих соображений Г. Гот отказался выдвигать против П. Хауссера обвинения в невыполнении приказа.

После падения Харькова сопротивление советских войск западнее реки Донец было сломлено. Воронежский фронт, очевидно опасаясь, что немцы могут форсировать реку, начал спешно строить оборонительный рубеж на восточном берегу (попытки немцев наступать на Волчанск и Обоянь были отражены контрударами. — *Ред.*).

Советское зимнее наступление закончилось. В его результате были достигнуты значительные успехи, но было понятно, что планами Ставки предусматривалось достичь намного большего. Во второй половине февраля северо-западнее Курска был развернут Центральный (бывший Донской) фронт, который должен был наступать на Брянск. Воронежский фронт получил приказ наступать через Харьков на Полтаву и далее к реке Днепр в районе Киева и Кременчуга. Основной задачей Юго-Западного фронта было нанесение удара на Мелитополь и Мариуполь и освобождение Донецкого бассейна<sup>1</sup>.

Утром 18 марта танковый корпус СС, который наступал вдоль железной дороги на север от Харькова, преодолел 50 км до Белгорода и после четырех часов боя захватил город. 21 марта Э. Манштейн предложил форсировать Донец и выпрямить линию фронта, которая в тот момент повторяла очертания излучин реки южнее Харькова. Но Г. Гот выступил против этого предложения, объясняя свою позицию тем, что войска были измотаны, а преимущества построения оборонительного рубежа по берегу реки были важнее, чем сокращение линии фронта, которая к тому же должна была проходить по открытой степи.

17 марта Э. Манштейн объявил о завершении контрнаступательной операции. Южнее Белгорода группа армий «Юг» теперь стояла примерно на том же рубеже, с которого началось наступление немецких армий летом 1942 г. К северу от города русские занимали огромный выступ, простиравшийся к западу от Курска; но и на этом участке фронт стабилизировался. Долгое время совершавшей отход немецкой 2-й армии после того, как стали сказываться результаты контрнаступления группы армий «Юг», удалось сначала замедлить темп советского наступления, а затем в начале марта даже несколько потеснить русских на флангах.

## **Глава 6**

### **ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» И «СЕВЕР»**

#### **В конце лета 1942 г.**

Группе армий «Центр» пришлось принять на себя основной удар во время советского наступления зимой 1941/42 г. По обе стороны от разграничительной линии между группами армий «Север» и «Центр» русским удалось продвинуться на расстояние до 250 км и более; в какой-то момент они почти окружили немецкие 9-ю армию и 3-ю танковую армию. В результате упорных боев, которые про-

---

<sup>1</sup> Платонов С.Л. Вторая мировая война. С. 429—430.

должались до самого начала лета, немецким войскам под командованием генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге удалось уничтожить или отбросить большую часть передовых частей русских и стабилизировать фронт на рубеже Великие Луки—Велиж—Белый—Ржев. В результате в руках русских оказался гигантский выступ в районе Торопца, примерно одна треть которого (Демянск—Холм) находилась на участке группы армий «Север», а еще две трети — на территории, занятой войсками группы армий «Центр» (см. карту 9). На западном участке выступа, от разграничительной линии между группами армий до точки, расположенной в нескольких километрах восточнее Демидова, оборонялся LIX армейский корпус, который в октябре 1942 г. был переименован в группу Шеваллери, под командованием генерал-лейтенанта Курта фон дер Шеваллери. Имея в своем составе всего пять дивизий и участок ответственности более 150 км, группа не могла построить сплошную линию фронта и была вынуждена организовать систему опорных пунктов. На левом фланге оборона была особенно слабой. Летом лесистая заболоченная местность и плохие дороги делали советское наступление на этом участке маловероятным, однако зимой могли сложиться благоприятные условия для нанесения нового глубокого удара в стык между двумя группами армий.

На восточном участке 9-я армия обороняла выступ в районе Ржева. Справа от 9-й армии немецкая 3-я танковая армия на узком участке удерживала шоссе Варшава—Москва (Минское шоссе. — *Ред.*) в 130 км от Москвы. Еще правее до самой разграничительной линии группы армий «Центр» в районе Орла на юг тянулся оборонительный рубеж, который занимали 4-я армия и 2-я танковая армия. На разграничительной линии между этими двумя армиями русские имели западнее Сухиничей глубокий выступ. По размерам он значительно уступал выступу на севере, однако и его площади было достаточно для того, чтобы в результате ударов с севера и юго-востока была создана угроза окружения восточнее Смоленска 9-й, 3-й танковой и 4-й немецких армий. Летом русские наносили мощные удары на участках 9-й, 3-й танковой и 2-й танковой армий. Когда эти удары не увенчались успехом, советские войска в начале сентября прекратили атаки на фронте 3-й танковой и 2-й танковой армий, но вплоть до 7 октября продолжали непрерывно атаковать на участке 9-й армии в районе Ржева и южнее.

К тому времени, когда бои в районе Ржева затихли, стало очевидно, что русские готовят новое наступление после того, как закончатся осенние дожди.

Одна ударная группировка разворачивалась в районе западнее Сухиничей, а вторая — на северном фланге выступа в районе Торопца. Более опасной, несомненно, была концентрация советских войск в районе Торопца. 5 октября Г. фон Клюге обещал передать



в распоряжение К. фон дер Шеваллери одну танковую дивизию, переброшенную из группы армий «Север», и три авиаполевые дивизии. Личный состав авиаполевых дивизий должен был предварительно пройти курс подготовки, поскольку эти соединения были только что сформированы и не имели опыта участия в наземных боях. 14 октября Гитлер приказал К. Шеваллери начать готовить упреждающий удар в восточном направлении из района Великих Лук на Торопец. В конце месяца в группу Шеваллери были переданы еще три дивизии; кроме того, туда из района Ленинграда было переброшено управление 11-й армии, на которое было возложено планирование и управление предстоящей операцией.

После не очень удачного завершения наступления 1941 г. и советского зимнего наступления обстановку на фронте группы армий «Север» нельзя было назвать благоприятной. На левом фланге 18-я армия занимала рубеж, который в виде арки охватывал Ораниенбаум и Финский залив, а затем в форме дуги проходил южнее Ленинграда с опорой на Ладожское озеро и Шлиссельбург. Восточнее Шлиссельбурга армия удерживала 10 км побережья Ладожского озера. Далее линия фронта резко поворачивала на юго-восток к реке Волхов, проходила по берегу реки на юг до северной оконечности озера Ильмень. Южнее озера Ильмень 16-я армия обороняла фронт, очертания которого имели зубчатую форму; в районе Демянска немцы глубоко вклинились в оборону русских. Этот выступ, напоминавший уродливый большой палец, был тем, что превратилось в Демянский котел (временно — с 25 февраля по 23 апреля 1942 г. — *Ред.*). Южнее Демянска линия фронта делала изгиб на запад и опиралась на Холм. Далее от Холма до разграничительной линии группы армий, проходившей к северу от Великих Лук, фронт не имел сплошной линии и представлял собой цепь отдельных опорных пунктов.

В июле 1942 г. Гитлер приказал командующему группой армий «Север» генерал-фельдмаршалу Георгу фон Кюхлеру готовить наступление на Ленинград. Он хотел, чтобы город был взят к началу осени — с тем чтобы освободившиеся финские войска могли быть использованы в операции на Мурманской (Кировской) железной дороге. В августе Гитлер отстранил Г. фон Кюхлера от планирования наступления на Ленинград и поручил его Э. фон Манштейну, который ранее уже провел аналогичную операцию по захвату Севастополя. Э. Манштейн, который привез с собой на этот участок армейское управление 11-й армии и два корпусных штаба и которому были переданы четыре пехотные дивизии, принял под свое командование фронт, нацеленный на Ленинград, и перешел в прямое подчинение командования ОКХ. Но еще до того, как подготовка операции была завершена, русские перешли в наступление в западном

направлении с рубежа юго-восточнее Ладожского озера и быстро прорвались в глубь немецких позиций, создав угрозу всему немецкому фронту в районе Ленинграда. 4 сентября Э. Манштейн принял командование немецкими войсками в районе прорыва; теперь его главной задачей стало восстановление положения. Однако сопротивление советских войск было настолько упорным, что до 15 октября Манштейн так и не смог ее выполнить. К тому времени стало очевидным, что запланированное наступление финских войск, на которое возлагалось столько надежд, не состоится. Поэтому было принято решение о переносе сроков начала наступления на Ленинград до времени, когда начнутся морозы. 20 октября командование ОКХ объявило о том, что штурм города откладывается на неопределенный срок. Пока же тяжелая осадная артиллерия, которая тоже была перебросена из района Севастополя, получила задачу разрушать оборону города для того, чтобы немцы могли постепенно продвигать линию фронта вперед. В результате задержки сроков наступления на Ленинград освобождено управление 11-й армии, которое было переведено в район Великих Лук.

На участке 16-й армии особой заботой для немцев был район Демянского выступа. 14 сентября Г. Кюхлер направил в ОКХ письмо, в котором пытался убедить командование в том, что дальнейшее удержание этой территории не имеет смысла. Он писал, что находящийся здесь II армейский корпус еще с прошлой зимы вынужден сражаться в крайне неблагоприятных условиях (а с февраля по апрель — в окружении) и, поскольку русские лучше подготовлены к зимней войне, в ближайшие месяцы на этом участке следует ожидать самых решительных шагов с их стороны. С оперативной точки зрения эта территория могла представлять интерес для выполнения двух задач: во-первых, здесь были связаны значительные силы русских; во-вторых, она могла быть использована как плацдарм при проведении операции на окружение русских войск на Торопецком выступе. Вопрос заключался в том, планировалась ли такая операция и могла ли она быть осуществлена. Если нет, продолжал Г. Кюхлер, практическое значение Демянского выступа было близким к нулю.

Спустя неделю Ф. Гальдер ответил, что он не убежден в том, что русские действительно обладают той стойкостью в зимних боях, которую им принято приписывать. К тому же II армейский корпус является не единственным немецким соединением, которому приходится терпеть лишения. Если корпус отойдет назад, то это позволит высвободить 12 дивизий из состава группы армий «Север». В то же время русские в результате смогут высвободить 26 своих дивизий (советская дивизия была обычно в два-три раза меньше немецкой. — *Ред.*) и 7 танковых бригад. Поэтому Гитлер категорически отверг идею об отводе корпуса. Результат этих пере-



говоров — немцы в октябре — начале ноября провели две вспомогательные операции с целью расширения коридора к полуокруженным войскам, имевшие лишь ограниченный успех. После этого им оставалось только ждать, когда начнется советское зимнее наступление.

На самом краю левого фланга Восточного фронта 20-я горная армия и финские войска удерживали рубеж, который они заняли к концу кампании 1941 г. На Крайнем Севере, примерно в 70 км северо-западнее Мурманска, по обе стороны реки Лица друг другу противостояли немецкий XIX горнострелковый корпус и советская 14-я армия. Основной задачей корпуса была защита никелевых месторождений (района Печенги (с 1920 г. Петсамо). — *Ред.*). Мысль о проведении наземной операции против Мурманска не поднималась почти в течение года. И если захват полуострова Рыбачий хотя бы рассматривался как концепция, вероятность наступления на Мурманск была небольшой в связи со значительными трудностями в развертывании достаточных для этого сил.

В арктических тундрах, лесотундрах и северных лесах, в районе между рекой Лица и железной дорогой Салла—Кандалакша, в условиях отсутствия дорог, фронта как такового не существовало: обе стороны могли лишь вести беспокоящие бои силами небольших отрядов. По обе стороны железной дороги XXXVI горнострелковый корпус удерживал рубеж, на который вышел годом ранее, проходивший в нескольких километрах восточнее финской границы 1939 г. и в 70 км западнее Кандалакши. На правом фланге 20-й горной армии XVIII горнострелковый корпус занимал узкий участок по обе стороны от линии электропередачи в районе Кестеньга—Лоухи, примерно в 30 км от Мурманской железной дороги. Финские войска, которые действовали на территории СССР южнее рубежа Оулу—Беломорск, организационно были сведены в три оперативные группы: первая (Масельская) действовала севернее северной оконечности Онежского озера; вторая (Олонецкая) — между Онежским и Ладожским озерами вдоль реки Свирь; третья (Карельский перешеек) была развернута на Карельском перешейке севернее Ленинграда, примерно в районе финской границы 1939 г.

С весны 1942 г. финская армия и 20-я горная армия практически не вели боевых действий. И несмотря на почти двойное превосходство над противостоящей им советской группировкой, шансы на возобновление наступления в обозримом будущем были мизерными. В течение почти года финны демонстрировали явное нежелание брать на себя дополнительные военные обязательства. Они настаивали на взятии Ленинграда немцами как на необходимом условии

для возобновления наступления. В августе 1942 г. финское командование согласилось на участие их армии в нанесении двойного удара по Мурманской (Кировской) железной дороге: силами финнов (в район Беломорска) и войсками XXXVI горнострелкового корпуса (в направлении на Кандалакшу). Однако в октябре командование ОКВ было вынуждено отменить эти операции; в это же время было отложено проведение наступления на Ленинград силами группы армий «Север».

### **Партизанская война**

Коммунистические традиции и опыт Гражданской войны делали предсказуемой попытку Советского Союза максимально использовать все формы борьбы нерегулярных войск и подполья. Это было обусловлено как военными, так и политическими причинами. Однако, несмотря на то что сразу же после начала войны русские создали в немецком тылу значительное количество партизанских отрядов, в 1941 г. партизанское движение было неэффективным и к осени того года полностью или почти полностью перестало существовать. Стремительные темпы немецкого наступления и очевидная беспомощность советского режима не способствовали подъему духа сопротивления, даже искусственным образом. Появившиеся в то время партизанские отряды были малочисленными, неэффективными, находились в постоянной изоляции и под угрозой уничтожения. Попытки коммунистической партии и НКВД (тайной полиции) создать в немецком тылу сеть партийного подполья и партизанские группы провалились из-за нехватки времени, а также в связи с тем, что местные партийные органы, на которые была возложена эта работа, либо не имели ясного представления о том, что от них требуется, либо демонстрировали полное отсутствие энтузиазма к подпольной деятельности. Было ясно, что, вопреки пропагандистским лозунгам, ни народные массы, ни партийная элита не желали добровольно выступить на защиту советской системы в кризисное время.

Советское зимнее наступление 1941—1942 гг. подготовило почву для нового, более целенаправленного подхода к организации партизанской борьбы. За несколько недель авторитет советского правительства был восстановлен. На оккупированных территориях все более ясное понимание того, что с прежним режимом все же следует считаться, порождало среди населения странную смесь страха и патриотизма. Кроме того, побыв достаточно долгое время под властью немцев, люди стали сознавать, что здесь они не могли ждать ничего хорошего. Если само по себе такое изменение в психологии не было достаточным, чтобы побудить людей к активному сопро-

тивлению, оно было полезным для советского режима, который больше уже не тешил себя иллюзиями о том, что партизанская война разгорится спонтанно.

Пользуясь большими разрывами в немецкой линии фронта, особенно на участках ответственности групп армии «Север» и «Центр», а также отсутствием значительных сил безопасности во вражеском тылу, советская сторона приступила к систематической работе по организации партизанского движения. Специально подготовленные кадры переходили от деревни к деревне и забирали мужское население, используя в качестве предлога закон о призыве на военную службу. Налаживалось снабжение партизан по воздуху; в партизанских отрядах вводилась военная дисциплина; в качестве инструкторов, советников и членов штабов туда направлялись кадровые офицеры. Пережившие 1941 г. и вновь созданные отряды переходили под прямой контроль советских органов: управление осуществлялось по радио и с помощью авиации. Создавались армейские и фронтовые штабы, контролировавшие деятельность партизанских отрядов. Если к ноябрю 1941 г. средняя численность партизанских отрядов составляла менее 100 человек, к февралю 1942 г. она почти удвоилась, а летом того же года стандартной партизанской частью стала «бригада» численностью 1 тыс. человек и более.

К концу лета 1942 г. партизанское движение стало значительной силой. Была завершена организационная работа; контроль в отрядах полностью перешел в руки советских органов. Общая численность партизан составляла от 150 до 200 тыс. человек. Партизанское движение стало важным фактором развития обстановки на фронте. В августе 1942 г. самые известные из партизанских командиров были вызваны в Москву для участия в общем совещании; при этом многим из них пришлось на самолетах преодолевать путь из глубоких немецких тылов.

Попытки советского руководства развивать партизанское движение во всех оккупированных немцами районах привели к неравномерным результатам. Примерно девять десятых всех партизанских сил были сосредоточены в тылах немецких групп армий «Север» и «Центр». При этом самая значительная концентрация партизанских отрядов приходилась на группу армий «Центр», особенно на лесистые районы севернее и южнее Брянска, а также большого выступа в районе Торопца. Там укрытием для партизан служили большие участки лесистой и болотистой местности. На Украине и в южных областях России до конца лета 1943 г. партизанское движение так и не приняло значительного размаха<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См. также: *Земке Э.* Советское партизанское движение в 1941 г.; *Земке Э.* Состав и моральный дух в партизанских отрядах; *Земке Э., Мавергордато Р.* История Первой Белорусской партизанской бригады (Командование по исследованиям в области людских ресурсов, авиабаза Максвелл, шт. Алабама).

18 августа 1942 г. Гитлер, понимая, что партизанское движение вышло далеко за рамки незначительного локального фактора боевой обстановки, издал решительный приказ, получивший известность как Директива фюрера № 46. Приказ начинался следующим заявлением: «Зверства бандитов на Востоке приняли такой размах, который является для нас неприемлемым, поскольку угрожает стать серьезной опасностью для тылового снабжения и эксплуатации оккупированных территорий». Гитлер требовал покончить с партизанами до наступления зимы для того, чтобы «не допустить серьезных препятствий при проведении вермахтом операций в зимнее время». Он назначил рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера ответственным за сбор и оценку информации о ходе антипартизанской борьбы; кроме того, Гиммлеру передавались все полномочия по организации операций против партизан на всех территориях, подчинявшихся гражданской администрации. Гитлер назначил начальника штаба ОКХ ответственным за проведение антипартизанских операций в прифронтовых районах, а также распорядился о том, чтобы резервные части, перебрасываемые на Восток, в качестве боевой подготовки задействовались для выполнения таких операций.

Сознавая, что партизанское движение нельзя обуздать одними только военными средствами, Гитлер в первый раз признал, что для успешного ведения борьбы с партизанами необходимо заручиться поддержкой населения на соответствующих территориях. Для этого было необходимо, во-первых, обеспечить ему достаточный жизненный уровень, чтобы люди не уходили в партизаны, и, во-вторых, создать стимул для активного сотрудничества с оккупационными властями, назначив значительные награды за такое сотрудничество. Кроме того, Гитлер впервые дал разрешение на формирование на оккупированных территориях частей по борьбе с партизанами и использование в них местного населения из числа военнопленных.

В армии восприняли новую директиву как значительный шаг вперед в понимании Гитлером концепции антипартизанской войны; особенно они были удовлетворены разрешением привлекать к участию в ней местное население, включая военные подразделения с личным составом из местного населения. Мобилизационный отдел ОКХ уже долгое время пытался довести до сведения командования, что Германия не обладала достаточными людскими ресурсами для ведения эффективной борьбы с партизанами только своими силами. Однако, независимо от того, что говорилось в директиве, Гитлер не отказался от своих планов свести русское население до положения рабов и подвергнуть его самой безжалостной эксплуатации. Как следствие, он отказался предоставить достаточные стимулы для обеспечения настоящей поддержки немецких властей. К тому же, по мере того как год близился к завершению, русские люди все больше начинали понимать, что шансы Германии одержать победу стремительно падают.

## Одновременно с наступлением под Сталинградом

Вплоть до 19 ноября в отделе «Иностранные армии Востока» ОКХ были уверены, что во время зимней кампании основной удар советских войск будет наноситься в полосе действий группы армий «Центр». Позже там оправдывали свою ошибку тем, что большой успех в районе Сталинграда стал неожиданностью и для самих русских. Иначе почему они вначале были явно не готовы к его развитию? Продолжи русские наступление к западу от Сталинграда, перед ними открывался бы путь к еще более значительным победам. Возможно, что офицеры отдела «Иностранные армии Востока» были не так уж и далеки от истины. Совершенно ясно, что в советской Ставке не могли заранее полностью предвидеть масштабов катастрофы на фронте румынских армий; вряд ли там рассчитывали и на то, что Гитлер вдруг предложит им расправиться с целой немецкой армией.

В то же время признаки самообмана в мышлении немецких аналитиков привели к пагубным последствиям, отразившимся на всем ходе войны. Немцы долго пребывали в убеждении в том, что вот-вот настанет момент, когда русские бросят в бой свои последние резервы. Отсюда родилось и мнение о том, что советская сторона не способна в ходе одной зимней кампании организовать достаточно мощное наступление на другом участке фронта. После Сталинграда никто не сомневался в том, что, поскольку русские уже начали наступление на юге, они не способны предпринять активные шаги в центре. 21 ноября из штаба 9-й армии поступило донесение, в котором говорилось: «Многочисленные признаки подтверждают, что крупное русское наступление на двух участках фронта невозможно». На самом же деле советское командование оказалось способно не просто практически одновременно начать проведение мощных наступательных операций примерно равными силами сразу на двух направлениях, но и обеспечить дальнейшее развитие одного из них на значительную глубину.

В полосе группы армий «Центр», как и в районе Сталинграда, очертания линии фронта давали советской стороне возможность организации крупного окружения войск противника. Для того чтобы это понимать, не нужно было быть крупным знатоком военного дела. На 30-километровом фронте строго на юг от Ржева Западный фронт развернул сильные 31-ю и 20-ю армии в составе примерно 45 дивизий и бригад, 2 танковых корпусов и 2 гвардейских корпусов. На западном фесе Ржевского выступа были развернуты 41-я и 22-я армии Калининского фронта — всего примерно 25 дивизий и бригад, 2 механизированных корпуса и 6-й Сталинский корпус. Эти

войска должны были наносить удар по обе стороны от Белого. На севере, на самой оконечности выступа, была сосредоточена 39-я армия, насчитывавшая 5—6 дивизий, которая должна была наступать строго на юг.

Наступление началось утром 25 ноября и на первом этапе очень напоминало начало Сталинградской операции. Однако характер немецкой обороны здесь был совсем иным по сравнению с участком на Дону. 9-я армия представляла собой первоклассное оперативное объединение, войска которого, успешно пережив летние бои, не испытывали трепета перед превосходившим их численно и материально противником. Армия правильно воспользовалась месячной передышкой и имела в резерве три танковые дивизии. Она уверенно встретила первый удар советских войск, тем более что он пришелся как раз на тот участок, где его ожидали, а именно на район южнее Ржева. После того как командование наносившей главный удар 20-й армии совершило ошибку, бросая свои танки в прорыв по частям, что стоило ему потери едва ли не половины бронетанковой техники, немцам легко удалось удержать оборону силами одного лишь танкового корпуса<sup>1</sup>.

На западном участке оборонявшаяся сторона поначалу действовала не так удачно. Русским удалось прорвать оборону немецких войск по обе стороны от города Белый. Они продвинулись примерно на 30 км южнее города и на 15 км вдоль реки Лучеса севернее. Однако им не удалось развить наметившийся успех, а 7 декабря в результате неожиданного контрудара немцам удалось окружить прорвавшуюся южнее Белого советскую группировку. В течение последующих десяти дней немцы разгромили окруженные советские войска и восстановили первоначальное положение. В результате неудачного наступления Калининский фронт потерял около 15 тыс. солдат и офицеров убитыми и 5 тыс. пленными.

11 декабря Западный фронт предпринял последнюю попытку наступления южнее Ржева. Этот удар по своей мощи превосходил все то, с чем немецкой 9-й армии приходилось столкнуться прежде. В течение двух первых дней боев, которые командование 9-й армии на тот момент считало величайшей за все дни войны победой в обороне, советская сторона, не достигнув каких-либо заметных успехов, потеряла 295 танков. В течение последующих двух дней наступление быстро слабело и к 16 декабря совсем выдохлось. К тому же дню войска немецкой 9-й армии завершили уничтожение советской окруженной группировки в районе Белого. Теперь последним реальным результатом советского наступления остался район вклинения в районе долины реки Лучеса. Бои на этом участке продолжались до начала следующего года. В результате 9-й армии и здесь

---

<sup>1</sup> Сборник № 9.

удалось восстановить первоначальное положение. На этот раз Генерал Зима подвел русских: немецкие войска теперь были лучше экипированы, чем в прошлом году, а погода была значительно мягче. К середине декабря столбик термометра не опускался ниже отметки 10 градусов мороза.

На левом фланге немецкой 9-й армии группа Шеваллери удерживала участок фронта вдоль западной оконечности выступа в районе Торопца. 25 ноября здесь также началось наступление войск Калининского фронта. В этом районе лесов, озер и болот Великие Луки являлись своего рода «островной базой» для немецких войск.

На этот район опирался весь центральный участок фронта; он обеспечивал снабжение войск по рокадным железнодорожным веткам; кроме того, он обеспечивал контроль над некоторыми дорогами, ведущими с востока на запад. За две недели до 25 ноября Калининский фронт сосредоточил здесь 3-ю ударную армию, которая на этом участке имела абсолютное превосходство над противником в танках; соотношение в пехоте и артиллерии составляло примерно 5 к 1 (по пехоте в 3,5 раза, по танкам и артиллерии в 5 раз. Позже немцы перебросили сюда еще 6 дивизий. — *Ред.*). Основным препятствием в наступлении советских войск здесь была лесистая местность и все еще не замерзшие болота. После двух дней боев 3-я ударная армия прорвала оборону противника и окружила в районе Великих Лук примерно 7 тыс. немецких солдат<sup>1</sup>.

27 ноября К. Шеваллери, предвидя, что угроза окружения угрожает и немецкой группировке, сосредоточенной примерно в 20 км западнее, в районе Новосokolьников, доложил командованию, что для того, чтобы спастись, великолукская группировка должна немедленно идти на прорыв. Через три дня он получил ответ от Гитлера, в котором тот заявлял, что об эвакуации Великих Лук не может быть и речи. Гарнизон города должен держаться до тех пор, пока не будет восстановлен контакт со своими войсками и прежняя линия фронта.

На третьей неделе боев, после того как натиск атакующих несколько ослаб, войска генерала К. фон дер Шеваллери начали операцию по деблокированию окруженных. Но части были измотаны, и после двух дней боев попытку деблокирования пришлось приостановить. 4 января 1943 г. была предпринята вторая попытка. К тому времени оборона города была рассечена противником надвое: меньшая часть войск оборонялась в районе старого кремля (крепости) в западной части города. Основные силы медленно отходили к восточным окраинам Великих Лук. Было ясно, что максимум, что сможет сделать

---

<sup>1</sup> Сборник № 9.

деблокирующая группировка, — это помочь эвакуировать гарнизон города. Организовать постоянный коридор к окруженным войскам было невозможно. В течение десяти дней деблокирующая группировка немцев медленно пробивала себе путь на восток, пока, наконец, не была остановлена в нескольких сотнях метров от кремля. 15 января находящимся в окружении передали приказ прорываться, но командир гарнизона, находившийся в Восточном котле, передал по радио, что это невозможно, после чего контакт с окруженными был потерян. На следующее утро из района кремля прорвались 176 выживших немецких солдат, и колонна деблокирующих войск стала отступать назад. (В ходе Великолукской операции 7-тысячный гарнизон был уничтожен, а всего с 24 ноября 1942 по 20 января 1943 г. немцы потеряли более 59 тыс. убитыми и ранеными, 4 тыс. пленными, 250 танков, 770 орудий и минометов и др. — *Ред.*)

### **Спокойный участок фронта**

На северных окраинах Советского Союза на территории, занятой 20-й горной армией, на всю зиму установилось затишье. Через воды Арктики британские и американские конвои под покровом полярной ночи совершали рейсы в Мурманск и обратно, снабжая советские войска необходимой техникой и материалами для зимнего наступления. После высадки войск союзников в Северной Африке в ноябре 1942 г. туда были переброшены почти все самолеты-торпедоносцы немецких ВВС. В декабре неудачные рейды немецких крейсеров «Хиппер» и «Лютцов» привели Гитлера в ярость. Как следствие, гросс-адмирал Э. Редер был смещен с поста главнокомандующего немецкими ВМС и заменен гросс-адмиралом К. Дёницем, специалистом в области подводной войны. К тому же Гитлер пригрозил порезать на металлолом все немецкие крупные военные корабли.

В Южной Финляндии, на участке, занимаемом финскими войсками, обстановка также была спокойной. Финнов больше занимали события не там, а на других участках Восточного фронта; они все с большей тревогой наблюдали за успехами советских войск. В январе 1943 г., когда немецкая группа армий «Север» стала терять свои позиции в районе Ленинграда, финский Верховный главнокомандующий маршал К. Маннергейм потребовал от командования 20-й горной армии вернуть назад прикомандированные в распоряжение армии финские части. 3 февраля, на следующий день после того, когда сдались последние немецкие части в районе Сталинграда, Маннергейм, президент Финляндии Р. Рюти и члены правительства собрались на совещание и решили, что теперь, после того как наступил поворотный пункт в войне, Финляндии необходимо выходить из нее при первой же возможности. Еще через шесть дней

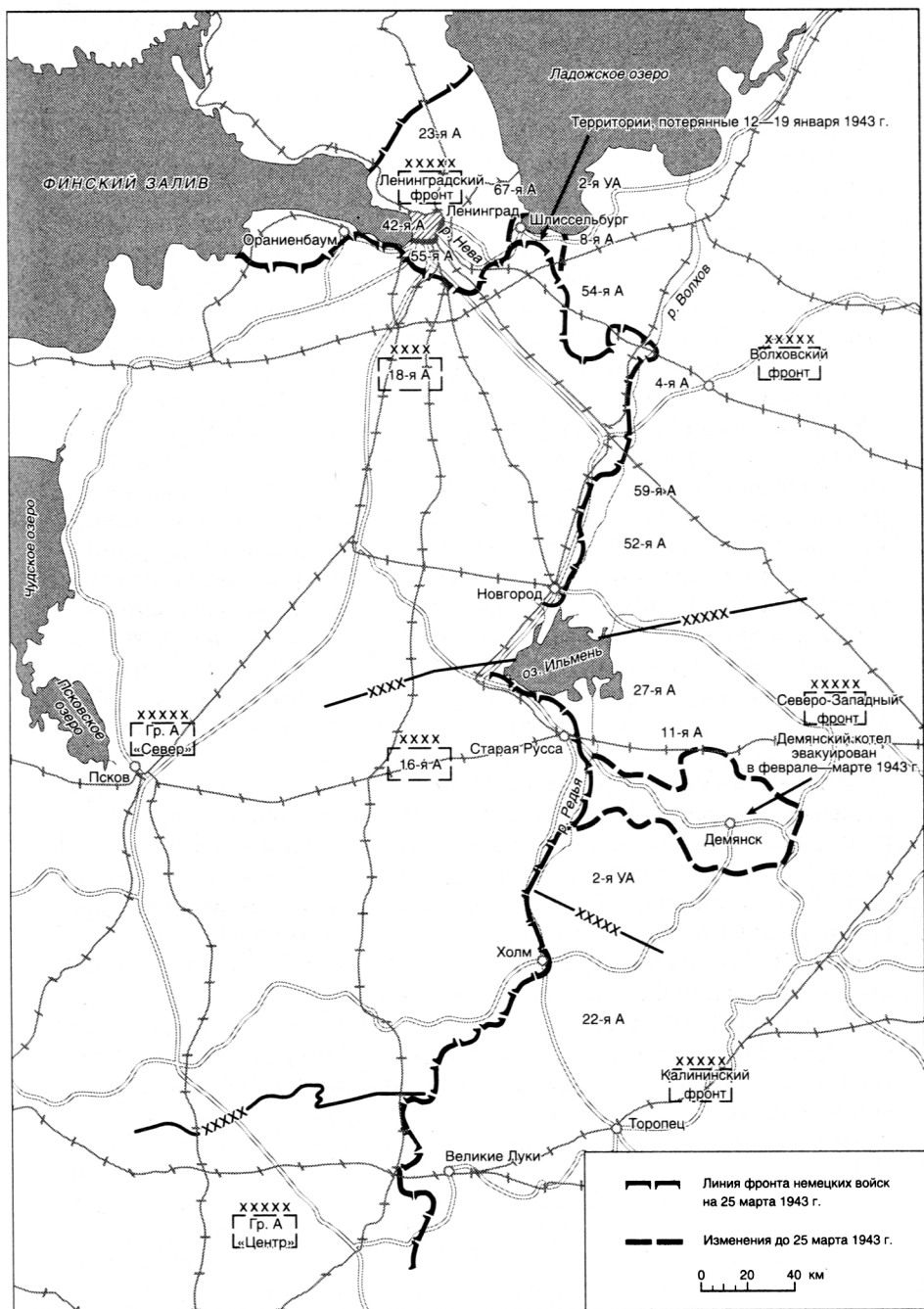


на секретной сессии они проинформировали парламент, что Германия не сможет выиграть эту войну и что необходимо привыкнуть к мысли о неизбежности очередного Московского договора (этот договор положил конец зимней войне 1939—1940 гг.). А еще месяц спустя д-р Хенрик Рамсай, назначенный на пост министра иностранных дел в связи с тем, что имел прочные контакты в Великобритании и США, предпринял первые шаги в поиске сепаратного мира с СССР.

Для немцев было очевидным, что только страх перед русскими может удержать Финляндию в состоянии войны. Новые победы немецкого оружия будущим летом 1943 г. могли бы восстановить моральный дух финнов, но было ясно, что война была уже не такой, как в 1941 г. Она требовала ресурсов, подготовленных резервов и большой массы мужчин призывного возраста — всего того, чем Финляндия уже не располагала. К началу 1943 г. командование 20-й горной армии в своих прогнозах предполагало, что вряд ли следует ожидать серьезной поддержки от финских войск в будущем наступлении и что маловероятно, что финны смогут выстоять под натиском русских в случае их полномасштабного наступления.

## **В обороне**

В Ленинграде вторая блокадная зима не была такой суровой, как первая. Пока не замерзло Ладожское озеро, небольшие суда подвозили запасы для войск и гражданского населения. На них же из города было эвакуировано около полумиллиона гражданских лиц. Попытки немцев использовать «паромы Зибеля», представлявшие собой катамараны с установленными на них авиационными двигателями, вооруженные легкими зенитными орудиями, для перехвата следующих через озеро транспортов провалились. Осенью 1942 г. русские протянули через озеро электрический кабель и трубопровод для транспортировки в город бензина. Когда вода на Ладожском озере замерзла, они построили на нем ледовую дорогу и протянули электрические провода высокого напряжения. Теперь в городе население имело достаточно продовольствия для того, чтобы по крайней мере выжить, и электричества для обеспечения работы некоторых промышленных предприятий. Но 5—6 тыс. тонн предметов снабжения, которые могли ежедневно доставлять по льду грузовые автомобили, едва обеспечивали потребности города и фронта. Поэтому Ленинград, являвшийся вторым по значению промышленным центром страны, не давал того вклада в борьбу советского государства, на который был потенциально способен, и работа промышленных предприятий города была скорее пропагандистским символом, чем реальным подспорьем стране. Поэтому после того, как



Карта 10. Группа армий «Север» (зима 1942/43 г.)

провалилась первая попытка (далеко не первая. — *Ред.*) деблокирования города в октябре 1942 г., Ленинградский и Волховский фронты вскоре стали готовиться к новому наступлению. Во время длинных зимних ночей через Ладожское озеро на передний край прибывали советские подкрепления.

Командование группы армий «Север» с беспокойством наблюдало за этими приготовлениями. Поскольку этот участок фронта был относительно спокойным, ему в течение всего 1942 г. уделялось несколько меньшее внимание: потери прошлой зимы не были полностью компенсированы, и поэтому немецкие войска были вынуждены пассивно обороняться. Наступления русских можно было ожидать на любом участке. В районе Ленинграда, в особенности у так называемого «бутылочного горла», представлявшего собой узкий коридор к Ладожскому озеру, группа армий «Север» обеспечивала стратегические интересы Германии во всей Северной Европе (см. карту 10). В случае потери позиций в районе Ленинграда Германия в перспективе теряла контроль над всем Балтийским морем. Это могло привести к изоляции Финляндии, поставить под угрозу поставки железной руды из Швеции и серьезно затруднить подготовку экипажей подводных лодок.

За 16 месяцев, в течение которых немцы удерживали район «бутылочного горла», им удалось создать там прочную систему обороны и превратить несколько небольших населенных пунктов, разбросанных в болотистой местности на небольших лесных массивах вокруг Шлиссельбурга, в систему хорошо укрепленных опорных пунктов. Но с учетом того, что расстояние между двумя участками фронта, обращенными один на запад, а другой на восток, составляло 8—12 км, оборонявшиеся не имели свободы маневра. Русские, напротив, сумели извлечь много полезного из горьких уроков (Сенявинские операции 1941 и 1942 г., Любанская операция 1942 г. и др. — *Ред.*) и в течение нескольких месяцев перерыва постоянно совершенствовали тактику и виды маневра, отрабатывая захват очередного опорного пункта. Такой метод немцы сами использовали в 1940 г. при подготовке войск к штурму бельгийских фортов.

Наступление на «бутылочное горло» началось 12 января. 67-я армия, войска которой были обуты в ботинки с шипами для того, чтобы было легче двигаться по замерзшему берегу реки, наступали по льду Невы. Одновременно 2-я ударная армия на востоке бросила пять дивизий в прорыв на узком участке фронта шириной 6 км. Русские войска методично прокладывали себе дорогу вперед и в конце первой недели наступления заняли Шлиссельбург и открыли коридор в сторону Ленинграда вдоль берега озера. В последующих боях, которые продолжались до начала апреля, двум советским фронтам не удалось значительно продвинуться вперед. К тому времени, когда бои затихли, они удерживали коридор шириной 8—11 км, кото-

рый на всем его протяжении простреливался немецкой артиллерией (но через который за 17 суток были проложены железная и автомобильная дороги. — *Ред.*).

После окончания сражения немцы объявили о своей победе в оборонительных боях, но теперь позиции группы армий «Север» в районе второго по значению города Советского Союза не были такими прочными, как прежде.

С конца ноября 1942 г. находящийся на правом фланге групп армий «Север» Демянский выступ подвергался непрекращающимся атакам советских войск. К середине января бои в котле потребовали от командования группы армий последних резервов. 19 января К. Цейцлер сообщил Г. фон Кюхлеру, что пытался обсудить в присутствии Гитлера вопрос об эвакуации немецких войск из Демянска. Оба генерала считали, что основной причиной отступления немцев южнее Ладожского озера была нехватка войск и что единственным способом избежать повтора этой неудачи является создание резервов за счет отведенных из района котла войск. Было понятно, что такое предложение приведет Гитлера в ярость, поэтому Г. Кюхлер, которому уже пришлось выслушать резкую отповедь фюрера после того, как осенью 1942 г. он пытался уговорить его отвести войска из Демянска, категорически отказался вновь поднимать этот вопрос.

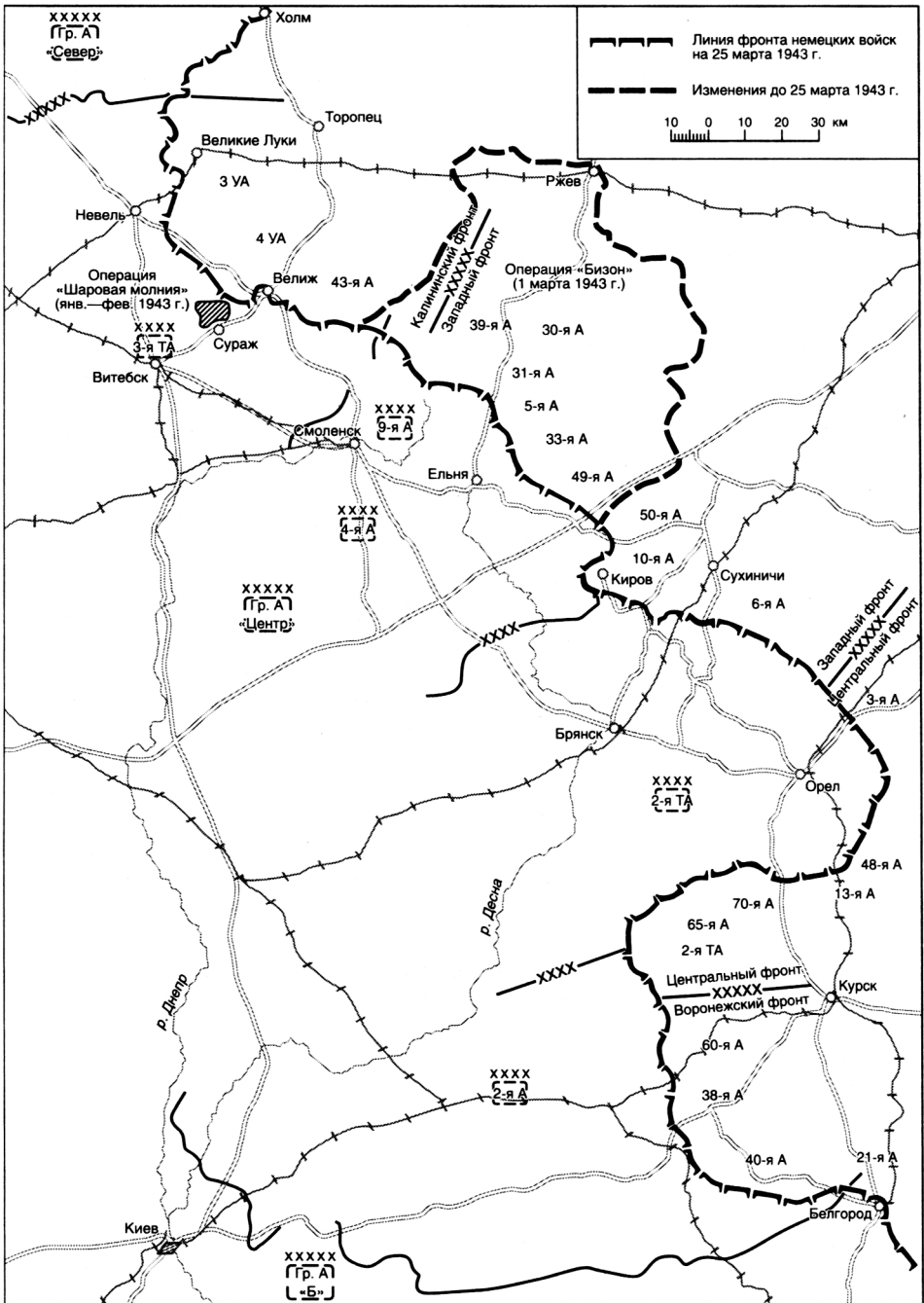
Вечером 31 января после продолжавшихся целую неделю дебатов Гитлер, наконец, прислушался к аргументам К. Цейцлера. Оперативный отдел ОКХ проинформировал Г. Кюхлера, что борьба за принятие нужного решения была чрезвычайно сложной. Г. Кюхлера попросили немедленно приступить к отводу войск, чтобы не дать Гитлеру времени изменить решение. И все же Г. Кюхлер отказался от риска потерять огромное количество техники и имущества, скопившегося в котле за последние тринадцать месяцев. Он начал отступление только 20 февраля, после трех недель подготовки, а затем приступил к поэтапному отводу войск, который завершился 18 марта.

В течение зимы группа армий «Центр» считалась главным бастионом Восточного фронта, но его фундамент оказался очень непрочным. Линия фронта, очертания которой напоминали направленное в сторону Москвы острие копья, после второго советского зимнего наступления (а также летнего 1942 г. — *Ред.*) постепенно размывалась и не предвещала немецкой стороне ничего хорошего (см. карту 11). На северном участке, в районе Торопецкого выступа, группа армий с декабря 1941 г. не имела запасного оборонительного рубежа. А на юге во второй половине января советские армии вбили глубокий клин в немецкую оборону, вынудив противника отступить к западу от Курска.

20 января Г. фон Клюге перебросил управление 3-й танковой армии на западный участок Торопецкого выступа с тем, чтобы укрепить самый слабый на тот момент участок фронта своих войск. Через пять дней окончилась неудачей попытка спасти великолукскую окруженную группировку. После первого же анализа обстановки командующий 3-й танковой армией генерал-полковник Г. Рейнгард доложил, что этот участок находится в «ужасающем положении». Группе Шеваллери пришлось бросать в бой в район Великих Лук все части и подразделения, которые удавалось высвободить. В тылу армии перемещались, куда им заблагорассудится, примерно 20 тыс. партизан. Основной задачей армии было собрать достаточно войск для того, чтобы организовать хотя бы подобие оборонительного рубежа к западу от Великих Лук, после переформирования разрозненных частей и подразделений.

В первую неделю февраля, после создания системы оборонительных опорных пунктов, командование 3-й танковой армии приступило к устранению партизанской угрозы. С началом зимы партизанская война вспыхнула по всей полосе групп армий «Север» и «Центр». Как и в прошлом году, советская сторона использовала партизан в качестве вспомогательной силы в наступлении. И снова для этого сложились самые благоприятные условия. Испытывая острую нехватку в личном составе на фронте, немецкое командование могло позволить себе иметь в тыловых районах только второсортные войска. Моральный дух в партизанских отрядах значительно окреп после недавних советских побед; возросла поддержка партизанскому движению и подполью и среди гражданского населения.

Гитлер, как и в начале войны, призвал ужесточить меры борьбы с партизанами. В январе 1943 г. он отдал приказ, согласно которому военнослужащие не привлекались к суду за жестокие действия, совершенные в борьбе с партизанами. Он провозгласил, что Женевской конвенции и правилам рыцарства нет места в такой войне. В то же время немецкий генералитет полностью сознавал, что у него недостаточно сил для того, чтобы покончить с партизанами, а драконовские меры, если они будут применяться, только настроят против немцев все гражданское население на оккупированных территориях. Соответственно, большинство немецких генералов из соображений гуманности и будучи реалистами пытались не применять приказ Гитлера на практике. Так, например, командующий 2-й танковой армией генерал танковых войск Рудольф Шмидт настаивал на том, что положения приказа применительны только для боевой обстановки и что он ни в коем случае не позволит выдавать кому бы то ни было разрешения на убийство и не допустит разнузданной жестокости (зверства немцев, а еще больше латышских и эстонских формирований в «умиротворении» населения партизанских краев хорошо известны. — *Ред.*).



Карта 11. Группа армий «Центр»: обстановка зимой 1942/43 г.

В конце февраля 1943 г. 3-я танковая армия провела операцию «Шаровая молния» (Kugelblitz) против партизан в Суражском районе, северо-восточнее Витебска. Несмотря на то что эта операция мало повлияла на ход войны в целом, ее стоит рассмотреть внимательнее по двум причинам. Во-первых, она способна дать представление о десятке аналогичных антипартизанских операций, проведенных немецким командованием в разное время и на различных участках в период с 1942 по 1944 г., и, во-вторых, чрезвычайно ясно отражает характер партизанской и антипартизанской войны. Упомянутый Суражский район находился непосредственно за участком фронта, который обороняла немецкая 3-я танковая армия. Партизаны активно действовали на этой территории в течение более года; благодаря их активности эта территория получила у русских неофициальное название Витебского коридора. В конце 1941 — начале 1942 г. партизаны и подразделения Красной армии через разрывы в линии фронта поддерживали с этим районом сообщение с использованием гужевого и даже грузового автомобильного транспорта, обеспечивая снабжение действовавших там партизанских формирований. К февралю 1943 г. обстановка на фронте не претерпела значительных изменений. Участок фронта к северу от Суража, представлявший собой тонкую линию опорных пунктов, удерживался силами немецких авиаполевых дивизий. В местах разрывов линии фронта, а также в лесистых и болотистых районах немцы из-за нехватки войск были вынуждены предоставить партизанам полную свободу действий. Партизаны, численность которых составляла примерно 4—5 тыс. человек, организационно были сведены в бригады. Они построили долговременные полевые укрепления и оборудовали собственные аэродромы.

Для выполнения антипартизанской операции Г. Рейнгардт привлек две охранные дивизии. На первом этапе, который завершился 21 февраля, было необходимо определить очертания территории, на которой действовали партизаны, включавшей в себя почти весь Суражский район. Когда эта задача была выполнена, войска стали наступать внутрь этой территории, постепенно сжимая кольцо и заставляя партизан отступать в его центр. При этом было очень сложно обеспечивать контакт между подразделениями; войскам приходилось наступать по бездорожью, через леса по глубокому снегу, поэтому солдаты вскоре устали. В свою очередь, партизаны стремились избежать открытых столкновений с немецкими войсками; там, где это было возможно, они пытались без боя выскользнуть через бреши в кольце окружения. После завершения операции 8 марта армейское командование объявило об уничтожении около 3700 партизан, однако не было никакой возможности определить, кто из убитых действительно являлся партизаном, а кто относился к мирному населению. Как только немцы вывели из этого района свои войска, партизаны вновь вернулись туда и вскоре почти восстановили свою численность.

Несмотря на то что зимой 1942/43 г. на фронте группы армий «Центр» установилось затишье, если не считать действий партизан, с точки зрения перспективы ее положение было ненадежным. Левый фланг был слабым, а после поражения 2-й армии правый фланг также повис в пустоте. После того как группа армий «Север» получила разрешение на эвакуацию войск из Демянского котла, большой выступ в сторону противника, который образовался на участке группы армий «Центр», перестал иметь какое-либо значение даже в отдаленной перспективе.

Теперь уже речь не шла о том, чтобы срезать Торопецкий выступ, и никто больше не думал всерьез о новом наступлении на Москву. 26 января Г. фон Клюге рекомендовал Гитлеру отвести войска назад по всему фронту, с тем чтобы избежать угрозы окружения 9-й и 4-й армий. Как и ожидалось, Гитлер сначала резко возражал, но затем был вынужден уступить доводам К. Цейцлера и Г. Клюге.

Весь остаток месяца войска группы армий готовились к отступлению, которое получило кодовое название *Bueffel*. Основной задачей было построить в тылу, в районе Велижа и Кирова, новый оборонительный рубеж. Кроме того, солдаты прочесывали все города и сельскую местность в поисках годных к призыву мужчин и всех других, кто мог оказаться полезным для русских, если бы он остался на их территории после немецкого отступления. Несмотря на суровые зимние холода, на запад потянулись длинные колонны эвакуированных советских граждан. По выражению одного из командующих армий, эвакуация являла собой картину полной нужды и страданий. Одно только командование 4-й армии доложило об эвакуации в немецкий тыл 45 тыс. советских граждан.

1 марта 9-я армия начала отводить свой фронт севернее и западнее Ржева. В течение 23 дней операция *Bueffel* была завершена. Части, которые прежде находились далеко на востоке, были отведены назад примерно на 150 км. Длина фронта здесь после завершения операции сократилась с примерно 500 км до 160 км.

После 14 февраля Г. Клюге было необходимо найти для южного участка фронта группы армий достаточное количество войск для того, чтобы остановить отступление 2-й армии и обеспечить личным составом удлинившуюся линию фронта 2-й танковой армии, занимавшей участок обороны севернее 2-й армии. Во время русского наступления западнее Курска на фронте группы армий начал образовываться опасный выступ у Орла. 20 февраля Г. Клюге предложил оттянуть назад, к реке Десна, войска 2-й танковой и 2-й армий, но Гитлер не разрешил дальнейшее отступление. Он уже планировал будущие сражения, и, прежде чем пройдет несколько месяцев, названия двух русских провинциальных городов, Курска и Орла, станут широко известны на всем Восточном фронте.



## Глава 7

### ОПЕРАЦИЯ «ЦИТАДЕЛЬ»

#### Затишье перед бурей

В предыдущие годы наступление весны всегда возвещало о новых победах германского оружия. Даже черная зима 1941/42 г. сменилась новым приливом сил и восстановила веру в победу. Но 1943 г. был совсем другим. Год стремительного наступления остался позади, а с ним канули в Лету грандиозные планы, предусматривавшие гигантский охватывающий маневр через Кавказ и Египет на Ближний Восток. Зимой, во время стремительного бегства немецких армий на южном фланге Восточного фронта, Гитлеру впервые пришлось использовать выражение «защита Отечества». Несмотря на то что линия фронта пока еще проходила в глубине советской территории, эти слова отпечатались в сознании немецких солдат напоминанием, что до границы рейха остается всего несколько сот километров. Победа в районе реки Северский Донец, положившая конец долгому отступлению группы армий «Юг», а также удачный отвод войск на участках других групп армий восстановили моральный дух войск, но никто уже не тешил себя надеждами, что будущим летом свастика снова будет реять над Эльбрусом, а немецкие авангарды, стоящие на высоких берегах Волги, вновь будут нацелены на восток, в азиатскую часть Советского Союза. Теперь война должна была вестись на других условиях. Главным вопросом было, сможет ли немецкая армия вообще приспособиться к ним. На время фронт замер в зловещем ожидании.

После первой недели апреля, когда русским пришлось отказаться от второй попытки освободить Ленинград, обе стороны остановили свои войска для отдыха и перегруппировки. Русская весна с ее распутицей и разлившимися реками требовала от воюющих хотя бы нескольких недель передышки. Только группа армий «А» все еще должна была выполнять тактический маневр. Гитлер отдал приказ на него для того, чтобы ликвидировать плацдарм, который советские войска отвоевали в начале февраля на Кубани, южнее Новороссийска. Он намеревался закрепиться в районе Новороссийска, с тем чтобы не допустить противника в важный порт, который прежде был важной базой советского Черноморского флота.

Наступление началось 18 апреля после нескольких отмен и задержек, вызванных плохой погодой. После пяти дней боев, которые в 17-й армии описывали как тяжелейшие после битвы за Севастополь в 1942 г., советскую оборону прорвать не удалось, от наступле-

ния пришлось отказаться, так как оно стоило немецкой стороне больших потерь в живой силе и технике. В качестве причины командование 17-й армии определило тот фактор, который вскоре получил повсеместное распространение в войсках Восточного фронта: после года непрерывных боев немецкие дивизии просто стали действовать совсем не так эффективно, как прежде. Соединениям было нужно время для отдыха и подготовки пополнения, которое в последние месяцы бросали в бой сразу же по прибытии на фронт из учебных лагерей в Германии.

Начиная с июня 1941 г. основное внимание Германия сосредоточила на Восточном фронте. Теперь внезапно обстановка изменилась. Ужасы кампании против Советского Союза, к которым все, казалось, начали привыкать, заслонила другая зловещая угроза. В январе «Летающие крепости» американских ВВС впервые атаковали территорию Германии в дневное время. Массированному удару подвергся город Вильгельмсхафен. Через два месяца британские королевские ВВС возобновили ночные бомбардировки с использованием не двухмоторных самолетов, как это было в прежних рейдах, а четырехмоторных бомбардировщиков. В городах, особенно расположенных в районе Рура, ущерб от вражеских бомб угрожающе возрос. Одной из злых превратностей войны стало то, что моральный дух групп армий на Востоке стал зависеть от обстановки на «внутреннем фронте».

В то время как ВВС Англии и США сосредоточили свои усилия на центральной части так называемой «крепости Европа», их наземные войска стали штурмовать ее внешние границы. В Северной Африке произошло долгожданное событие, ставшее вторым Сталинградом. После того как в конце марта английская 8-я армия прорвала линию Марет, поражение стало неминуемым, и 12 и 13 мая последние части немецкой 5-й танковой армии и итальянской 1-й армии капитулировали в Тунисе. Казалось неизбежным, что за победой сил западных союзников в Северной Африке последует их вторжение на юге Европы, либо в Италии, либо на Балканах. Если бы союзники действовали согласно стратегии У. Черчилля, предусматривавшей нанесение ударов на периферии, высадка их войск была возможна и в Норвегии. В том же регионе немцы испытывали все большую враждебность со стороны Швеции. На западе, в районе пролива Ла-Манш, в 1943 г. Германии еще не угрожало вражеское вторжение, но было бы безрассудно рассчитывать на более чем год передышки, прежде чем там разгорится решающая битва. Одним словом, стал разрушаться краеугольный камень стратегии Гитлера: ему не удалось воплотить в жизнь собственное хвастливое заявление о том, что Германия будет расправляться со своими врагами поодиночке. Теперь рейху приходилось вести войну на два фронта, а этот кошмар преследовал германский Генеральный штаб еще с конца XIX в.

Начиная с 1939 г. Гитлер вел «войну бедняка», пытаясь компенсировать недостаток людских ресурсов и, как следствие, личного состава, внезапностью и постоянным владением инициативой, а также пользуясь неподготовленностью своих противников. Теперь же возможности его противников постоянно возрастали, и Гитлеру было бы сложно навязать им свою волю.

Как это ни странно, но из всех основных участников Второй мировой войны Германия самая последняя полностью отмобилизовала свои национальные ресурсы. Ослепленный прежними легкими успехами, уверенный в том, что победа ждет его уже за следующим углом, Гитлер только после двух с половиной лет войны был вынужден отказаться от того стиля правления, который был характерен для него до 1939 г. В начале 1942 г. он сделал один из своих самых удачных кадровых выборов, назначив министром вооружения и боеприпасов доктора Альберта Шпеера. При А. Шпеере немецкое военное производство стремительно росло вплоть до 1945 г., однако догнать противников уже не удалось.

В первые месяцы 1943 г. под впечатлением второй зимней катастрофы Гитлер снова попытался подстегнуть немецкую военную машину. В январе по его указанию был создан так называемый Комитет трех, куда входили руководитель ОКВ В. Кейтель, начальник партийной канцелярии Мартин Борман, а также шеф рейхсканцелярии Ганс Ламмерс. Задачей комитета было изыскать 800 тыс. человек для призыва в немецкие вооруженные силы. Для этого ему были даны чрезвычайные полномочия вплоть до права ликвидации имеющих второстепенное значение предприятий и организаций. Члены комитета рассчитывали обеспечить 800 тыс. военного пополнения после того, как экономика будет переведена на рельсы «тотальной войны». Далее, после того как на будущий год в стране вырастет очередное поколение призывников, вооруженные силы и военная промышленность вновь будут вести борьбу за получение необходимого количества мужчин. В штабе ОКВ подсчитали, что в период с октября 1943 по апрель 1944 г. необходимое количество призывников на военную службу составит 973 тыс. человек. Поскольку количество юношей, достигших 18-летнего возраста, не превысит 460 тыс. человек, остальная часть подлежащих призыву мужчин будет отобрана главным образом за счет лиц, ранее имевших отсрочку. Это значило, что вооруженные силы начинали комплектоваться за счет рабочей силы, занятой на предприятиях военной промышленности.

Одним из родов войск, которым в гитлеровской Германии долгое время и серьезно пренебрегали, являлись бронетанковые войска. Во время зимних боев в СССР в 1942/43 г. немецкие танки значительно уступали технике противника количественно и качественно. Самый мощный немецкий танк, находившийся в серийном производстве, Pz IV, представлял собой еще довоенную модель. Он появился

на фронте еще в 1940 г. и не шел ни в какое сравнение с советским Т-34 (Pz IV с длинноствольной 75-мм пушкой, поставившийся в войска с войска с весны 1942 г., был опасным противником для Т-34. — *Ред.*). Зимние неудачи заставили Гитлера вернуть в армию выдающегося специалиста в бронетанковой технике Г. Гудериана, которого он без малейших сомнений лично уволил в декабре 1941 г. Г. Гудериан был назначен генеральным инспектором танковых войск; ему были даны все полномочия в усовершенствовании их тактики и в применении танковых частей.

Были разработаны новые образцы бронетанковой техники. Поступил в производство танк «Тигр», который все же не смог полностью оправдать все возложенные на него надежды. На конец весны было запланировано начало массового производства более легкого и маневренного, чем «Тигр», танка «Пантера». Благодаря усилиям А. Шпеера и Г. Гудериана в первые месяцы 1943 г. был резко увеличен выпуск танков в Германии. В апреле производство танков достигло 621 единицы, а в мае — 988 единиц, в том числе 300 новейших танков «Пантера». В июне и июле выпуск танков несколько сократился и составил, соответственно, 755 и 811 единиц. Причиной главным образом были трудности в производстве танков «Пантера». Впечатляющие сами по себе, эти цифры довольно сильно уступали соответствующим показателям одного только Советского Союза и конечно же не шли ни в какое сравнение с общим производством танков в США, Англии и СССР. К тому же качественные показатели были более скромными, чем это могло показаться на первый взгляд, так как новые машины поступали на фронт без тщательных предварительных испытаний; экипажи не были полностью подготовлены к их использованию.

Однако по крайней мере в одном виде вооружений Германия все еще далеко опережала своих противников. В апреле 1943 г. были завершены первые стрельбы с использованием испытательной серии из 17 ракет А-4 (V-2 — Фау-2. — *Ред.*). К июлю немцы провели испытания на дальность полета и точность стрельбы еще 13 ракет. В августе эти ракеты поступили в серийное производство. В феврале 1943 г. началось испытание основных систем большой зенитной ракеты С-2 Wasserfall. К испытанию системы в целом планировалось перейти в конце года.

Союзники Германии немедленно отреагировали на то, что немцам перестала сопутствовать военная удача. В конце марта вновь назначенный министр иностранных дел Финляндии Х. Рамсай вылетел в Берлин на встречу с рейхсминистром Й. фон Риббентропом. 20 марта Государственный департамент США предложил свои услуги в установлении контакта Финляндии с Советским Союзом с целью пре-

крашения военных действий между ними. Х. Рамсай, который был новичком в вопросах дипломатии и, очевидно, не очень хорошо знал характер своего немецкого коллеги, проинформировал фон Риббентропа о предложении американцев. Отрицая намерение Финляндии заключить мир за спиной Германии, он отметил, что «определенным кругам» в этой стране нравится мысль о возможности перейти от состояния войны к вооруженному нейтралитету с русскими. Й. Риббентроп сразу же разрушил иллюзии финнов о том, что они могут покончить с войной при добром согласии немцев. Он заявил, что немецкому народу, который ведет войну, в том числе и в интересах Финляндии, не понравится то, что финны «строят глазки» русским. Возвращая союзника на землю, он выдвинул ему два требования: предложение американцев должно быть немедленно и жестко отклонено, а финское правительство должно сделать официальное заявление о том, что не намерено заключать сепаратный мир без согласия германской стороны. Второе требование было особенно болезненным для финнов, так как принять его означало отказаться от статуса независимой страны: до этого Финляндия заявляла, что ведет войну в собственных интересах и не является официальным союзником Германии. И все же финская проблема не была для Германии самой острой. Несмотря на то что финнам удалось уклониться от декларации, в которой провозглашалась бы верность интересам Германии, было и так понятно, что на тот момент им просто некуда было деваться. Они полностью зависели от экономической и военной помощи немцев, и, как бы им ни хотелось покончить с войной, финны никак не хотели поставить себя в зависимость от милосердия советской стороны.

На ближайшее будущее самой большой проблемой для Германии становилась Италия. Было в высшей степени сомнительно, что режиму Муссолини, который и так перенес сильнейшее потрясение после разгрома в Северной Африке, удастся устоять после прямого вторжения войск союзников на территорию Италии. И совсем глупо было бы полагать, что после этого удастся сохранить саму ось. Муссолини был обеспокоен. В декабре 1942 г., а затем в марте 1943 г. он предлагал начать переговоры с русскими о заключении мира, чтобы избежать войны на два фронта. «В тот день, когда с русской кампанией будет покончено, — писал он, — мы сможем вновь поднять флаг. Победа будет за нами!» В качестве альтернативного варианта он предлагал создать Восточный вал, постоянный укрепленный оборонительный рубеж на Востоке, что позволит высвободить достаточное количество войск для отражения ожидавшегося англо-американского наступления в Западной и Южной Европе.

На второй неделе апреля в Шлосс-Клессхайме, близ Берхтесгадена, состоялись переговоры Гитлера и Й. Риббентропа с Муссолини и министром иностранных дел Италии. К тому времени Гитлер уже отверг идею дуче о переговорах с русскими под тем предлогом, что Ста-

лину нельзя доверять и что русские используют полгода передышки для подготовки «удара возмездия» против Германии и ее союзников. Но он сознавал, что было необходимо попытаться восстановить доверие Италии и развеять по крайней мере некоторые опасения Муссолини. Й. Риббентроп заявил, что в войне идеологий, которая идет между Германией и Советским Союзом, компромисс невозможен. Советский Союз уже на три четверти разгромлен, а летом германские армии снова начнут свое наступление. В то же время он указал, что на этот раз Германия не будет вести общее наступление по всему фронту, как это было принято в течение последних двух лет. Теперь стратегия будет состоять в том, чтобы покончить с Советским Союзом постепенно.

Мысль о создании Восточного вала, предложенная Муссолини, стала приходить в голову и некоторым немецким генералам. После окончания зимних боев К. Цейцлер также предложил создать на Восточном фронте укрепленный оборонительный рубеж, но Гитлер отклонил это предложение. Он заявил, что это подорвет в войсках волю к победе. Фюрер все еще ждал того момента, когда его противник будет обессилен настолько, что германские армии снова двинутся на восток, где займут рубеж примерно по линии реки Дон. В дальнейшем там будет создано что-то вроде Германского оборонительного вала по образцу древнеримской империи, за границами которого русские, потерявшие всю свою военную мощь, будут предоставлены собственной судьбе.

Вслед за Муссолини наступила очередь остальных союзников Германии, первым из которых был глава Румынии маршал Йон Антонеску, а затем регент Венгрии адмирал Миклош Хорти. Далее шли руководитель Словакии Йозеф Тиссо и глава Хорватии Анте Павелич. Антонеску, как и Муссолини, беспокоили последствия войны на два фронта, но, в отличие от итальянского коллеги, он рекомендовал заключить мир с западными союзниками, чтобы освободить себе руки для войны с Советским Союзом. Для Румынии, имевшей обширную общую границу с СССР, не оставалось ничего другого, кроме как продолжать войну. Венгры, которых больше занимали конфликты со своими соседями, чем война в России, держали большую часть своей армии, за исключением нескольких дивизий, в качестве символического жеста отправленных на Восточный фронт (2-я венгерская армия, разгромленная в январе—феврале 1943 г. на верхнем Дону, потеряла 135 тыс. и была фактически уничтожена. — *Ред.*), внутри страны.

Многие из немцев были уверены в том, что у них есть еще один потенциальный союзник, вмешательство которого способно решить ход войны в пользу Германии. Это был сам русский народ. Население оккупированных немцами территорий и миллионы советских

военнопленных для самой Германии являлись лишь второстепенным резервом экономических и военных ресурсов. Если бы они обладали некоторой самостоятельностью и разумным правительством, имеющим привлекательную программу, могло случиться, что эти люди были бы готовы забыть годы лишений и угнетения со стороны немцев и выступить против своих прежних хозяев в Кремле, от возвращения которых не приходилось ждать много хорошего. К тому же, несмотря на то что шансы были уже не такими, как в прежние годы, могло также оказаться, что пример некоммунистического Русского государства мог серьезно поколебать позиции Сталина и на оставшейся территории Советского Союза.

В конце 1942 г. намерения некоторых представителей немецких военных кругов вступить в союз с русским народом привел к попытке создания первой подобной политической программы. Отдел пропаганды ОКВ, а также отдел «Иностранные армии Востока» ОКХ попытался сделать из захваченного в плен советского генерала А.А. Власова лидера русского национального антикоммунистического движения. Он был назначен главой теневого русского правительства, получившего название Русский национальный комитет, и принял пост номинального командующего Русской освободительной армией, представлявшей собой пеструю коллекцию частей коллаборационистов, завербованных немцами. Отделом пропаганды вермахта была подготовлена программа из 13 пунктов, в которой для русских провозглашались право частной собственности, владения землей и смутно упоминалась национальная независимость. Когда эта программа, получившая название «Смоленский манифест», была опубликована с подписью генерала Власова и получила ограниченное освещение в средствах печати зимой 1942/43 г., реакция на нее со стороны населения была обнадеживающей. Однако быстро выяснилось, что для того, чтобы получить конкретные результаты, было необходимо принимать и конкретные меры для ее реализации, с чем Гитлер был категорически не согласен. Он предпочел держаться официальной доктрины, которую сам провозгласил перед началом кампании против Советского Союза: эта война велась не для русских, и немецкие солдаты жертвовали собой тоже не для них.

В начале 1943 г., когда выяснилось, что стоило попытаться прибегнуть к любым средствам, которые могли способствовать победе немецкого оружия, жесткая позиция Гитлера по отношению к Советскому Союзу стала вызывать беспокойство даже среди тех, кто редко позволял себе усомниться в правильности суждений фюрера. Министр пропаганды Й. Геббельс попытался убедить Гитлера предложить русским крестьянам землю и свободу вероисповедания, но безуспешно. В мае командующий группой армий «Центр» Г. фон Клюге, который месяц назад безуспешно пытался убедить Й. Геб-

бельса снова попытаться обратиться к Гитлеру по поводу более либеральной политики на Востоке, направил на имя начальника Генерального штаба армии обширный меморандум, где излагал свое собственное мнение и взгляды командующих армий относительно будущих отношений между немецким и русским народами. Г. Ключе, который не был самым красноречивым немецким генералом, когда приходилось обращаться к фюреру, на этот раз прямо изложил свою позицию, обосновывая причины необходимости изменения политики:

«Общее развитие обстановки все больше обуславливает необходимость определения ясных задач в отношении русского народа, помощи которого, в том числе и военного сотрудничества, нам необходимо добиться, поскольку оно окажет решающее влияние на исход войны. Методы, применявшиеся до сих пор, себя не оправдали: одной силы здесь недостаточно. Русских следует завоевать другим способом, убедив их, что воевать за нас означает бороться за наше общее дело.

Мы не можем прибегнуть к экономическим уступкам, которые могли бы стать самым эффективным средством. Единственной возможностью является немедленно предоставить русскому народу участвовать в управлении своей страной для того, чтобы доказать, что цели войны не исчерпываются лозунгом «крестового похода против большевизма».

Далее фон Ключе добавил, что «Смоленский манифест» и недавняя поездка А. Власова в группу армий вызвали благоприятную реакцию населения. Он предупредил, что теперь настало время для конкретных поступков, поскольку без них пропаганда сама по себе может стать опасной, и от нее придется отказаться. Г. Ключе рекомендовал создать в зоне ответственности группы армий «Центр» Русского национального комитета, который постепенно станет играть все более заметную роль в гражданской администрации на оккупированных территориях. В заключение Г. Ключе отметил: «Нам придется смириться с фактом, что в конце концов вся полнота власти на оккупированных территориях перейдет к местным органам самоуправления».

Было легко догадаться, что Г. Ключе не имел ни малейшего шанса поколебать точку зрения Гитлера. Как полагал Гитлер, согласиться с ним означало бы сделать бессмысленной войну против Советского Союза. Всего месяц назад на совещании руководителей, ответственных за экономику оккупированных областей, Г. Геринг изложил политику, которой следует придерживаться. Главным лозунгом был призыв к максимальной эксплуатации восточных территорий в интересах Германии. Следовало игнорировать даже элементарные потребности местного населения, так как русских «невозможно привлечь к участию в войне на стороне Германии».



## Ограниченное наступление

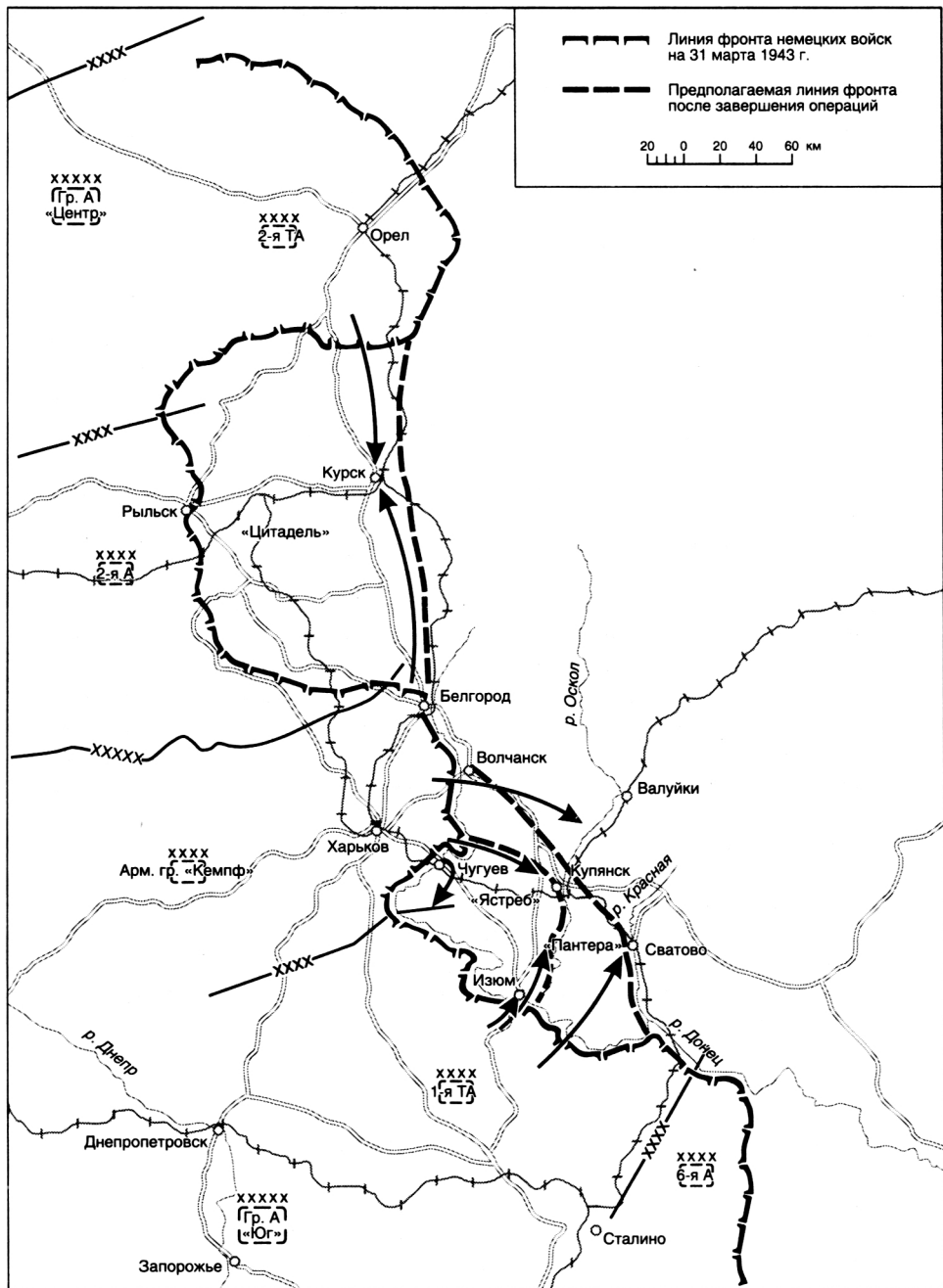
К началу марта 1943 г. было очевидно, что из зимнего поражения немецкой стороне удалось вынести два важных приобретения. Наступление войск Э. Манштейна к реке Северский Донец временно расстроило силы русских на направлении главного удара. В результате операции *Bueffel* и после отступления в южной части СССР немцам удалось создать значительные оперативные резервы. Это дало Гитлеру по крайней мере ограниченную возможность планирования следующей кампании.

13 марта план был подготовлен. Он нашел отражение в оперативном приказе № 5. В нем говорилось, что по окончании зимы и периода весенней распутицы русские могут вновь перейти в наступление. Немецкие армии должны первыми нанести удар сразу на нескольких участках и, как это произошло на фронте группы армий «Юг», захватить инициативу хотя бы на одном из них. Таким участком, выбранным Гитлером, был Курский выступ. К середине апреля группа армий «Юг» должна была сосредоточить мощную танковую армию для наступления на север в сторону Курска из района Харькова (см. карту 12). На северном фланге выступа группа армий «Центр» должна была создать наступательную группировку на участке 2-й танковой армии (и 9-й армии. — *Ред.*) за счет дивизий, высвободившихся после проведения операции *Bueffel*. Наступление должно начаться сразу же после окончания весенней распутицы и до того, как русские успеют сами нанести удар по немецким войскам. Группа армий «А» должна сократить размеры укрепленного района *Gotenkopf*; ее главной задачей является высвобождение войск для передачи на участок группы армий «Юг».

Несмотря на то что наступление под Курском, которому было присвоено кодовое название «Цитадель», в дальнейшем превратилось в отчаянную и трагическую азартную игру, по первоначальному замыслу оно рассматривалась как часть связанной и не лишенной шансов на успех стратегии, предусматривавшей проведение серии частных наступательных операций, целью которых было укрепление немецкой обороны. Победа в районе Курского выступа позволила бы сделать более прочным немецкий фронт. Кроме того, она надолго расстроила бы наступательные планы советской стороны. В своем приказе Гитлер отдал указания группе армий «Север» быть в готовности после операции «Цитадель» начать наступательную операцию под Ленинградом.

С захватом Ленинграда фюрер рассчитывал закрепиться на Балтийском море и в Северной Европе, где к его опасениям за слабо защищенное побережье Норвегии прибавились растущая враждебность Швеции и нежелание продолжать войну Финляндии.

Зимой Гитлер несколько раз говорил о необходимости усиления группировки в Норвегии; в феврале командование немецкой армии



Карта 12. Проекты операций «Ястреб», «Пантера» и «Цитадель», рассматривавшиеся в марте—апреле 1943 г.

в этой стране начало работать над планом обороны, предусматривавшим среди прочего оккупацию территории Швеции. 13 марта, в день, когда был принят Оперативный приказ № 5, фюрер объявил А. Йодлю, что намерен перебросить в Норвегию горнострелковую дивизию и шесть отдельных батальонов. Кроме того, было запланировано сформировать там танковую дивизию и оснастить ее «самым тяжелым штурмовым вооружением, против которого у шведов нет средств защиты».

Фактор времени приобрел решающее значение. При условии, что операция «Цитадель» будет успешно завершена весной, наступление в районе Ленинграда с использованием высвободившихся там войск можно будет начать в начале лета. А как только с Ленинградом будет покончено, можно будет ожидать, что вновь повысится интерес Финляндии к продолжению войны. Затем наступит очередь Швеции, после чего Норвегия перестанет быть вожаделенной добычей для западных союзников. Если удастся вовремя завершить операцию «Цитадель», то останется еще время и найдется достаточно сил для укрепления фронта в Средиземноморье. С другой стороны, цена поражения также будет высока. Две армии, предназначенные для участия в операции «Цитадель», поглотили все стратегические резервы Германии. Они представляли собой своего рода оборотный капитал и, будучи потерянными или связанными в бессмысленных боях, не могли быть быстро восстановлены.

Ко времени, когда Гитлер подписал Оперативный приказ № 5, фронт на участках групп армий «Центр» и «Юг» все еще находился в движении. Как это часто случалось и прежде, планы Гитлера основывались на ряде важных предположений, которые пока еще не были созданы, и нельзя было с уверенностью ожидать, что все сложится именно так, как предполагал фюрер. На фронте группы армий «Центр» в самом разгаре была операция *Bueffel*. Немецкие 2-я армия и 2-я танковая армия пытались остановить советские войска, наступавшие западнее и северо-западнее Курска. Ударная группировка группы армий «Юг» в составе 4-й танковой армии ставила последнюю победную точку в районе Харькова, но при этом ей приходилось вести непрекращающиеся маневренные бои в течение почти целого месяца, и войска были сильно измотаны. Обеим армиям требовалось время для отдыха и пополнения, прежде чем они будут брошены в новое наступление. На участке группы армий «Юг» уже начинало сказываться начало весенней оттепели. Севернее, на фронте группы армий «Центр», весенняя распутица должна была наступить в течение ближайших недель и продлиться до конца апреля. Подготовить войска к операции «Цитадель» до середины апреля было очень сложно, а может быть, невозможно.

На третьей неделе марта, после того как немцы вновь овладели правым берегом реки Северский Донец, севернее Белгорода, Гитлер

на время отвлекся от подготовки операции «Цитадель» и сосредоточил внимание на участке вдоль берега Северского Донца юго-восточнее Харькова. Здесь все указывало на возможность быстрого и сравнительно легкого достижения успеха. Интенсивное движение в районе к востоку от реки указывало на то, что русские обеспокоены сложившейся там обстановкой. С точки зрения немцев, стремительный удар через Северский Донец сулил им тактический успех. В результате можно было бы уплотнить и сократить линию фронта юго-восточнее Харькова. Развивая успех в восточном направлении, немцы могли бы вынудить русских отказаться от новой попытки отрезать правый фланг группы армий «Юг» ударами в направлении Днепропетровска и Запорожья. Кроме того, этот маневр создал бы еще более выгодные условия для проведения операции «Цитадель», поскольку в этом случае ликвидировалась опасность нанесения противником контрудара с юга в тыл наступающей группировки немецких войск.

22 марта Гитлер подписал приказ о проведении операции «Ястреб», предусматривавшей стремительный рывок через Северский Донец, который должен был состояться сразу же, как только вода в реке упадет до достаточного для переправы войск уровня. Операция «Ястреб» должна была проводиться силами 1-й танковой армии и армейской группы «Кемпф». Первая ударная группировка группы «Кемпф» должна была форсировать Северский Донец в районе Чугуева, а затем нанести удар в южном направлении в тыл советскому оборонительному рубежу, проходящему по реке. Задачей второй группировки было переправиться через реку севернее и наступать в направлении восточнее Купянска. При этом 1-й танковой армии была поставлена задача связать русские войска в районе Изюма, направив часть сил в северном направлении вдоль западного берега реки Оскол на Купянск.

Спустя два дня Гитлер дал указание командованию группы армий «Юг» приступить к планированию операции «Пантера», имеющей еще более решительные цели. В ходе этой операции, проведение которой возлагалось на 1-ю и 4-ю танковые армии, планировалось вынудить русских оставить район Северского Донца и вновь отойти на рубеж Волчанск—Купянск—Сватово — река Красная. Ни одна из вновь запланированных операций не вызвала энтузиазма у командования привлекаемых к ним армий. Начальники штабов 1-й танковой армии и группы «Кемпф» опасались, что Гитлер вновь вернулся к прежней манере вести армии от победы к победы без остановки до тех пор, пока, как и в прежние годы, войска не будут измотаны полностью.

В конце месяца, одновременно планируя три наступательные операции, Гитлер столкнулся с проблемой, в какой очередности их проводить. Операция «Ястреб» предполагала частное наступление,

и ее проведение имело смысл только в том случае, если рассматривать эту операцию как прелюдию к наступлению по плану «Цитадель». Операция «Пантера» предусматривала достижение более значительных задач и должна была дать более значительные тактические выгоды, но на ее проведение потребовалось бы и больше времени. Следовательно, операция «Цитадель» автоматически переносилась на неопределенное время. Было ясно только одно: каждая неделя задержки, независимо от выбора операции, снижала шансы немцев на успех. Преимущества немецкой стороны, если таковые вообще имели место, были крайне незначительны. Только на участке армейской группы «Кемпф» русские сосредоточили от 1 тыс. до 1,5 тыс. танков, что более чем вдвое превышало общее количество танков на фронте группы армий «Юг». Ни одна из планировавшихся операций не могла уже стать неожиданностью для противника. Весь замысел основывался на нанесении стремительного удара сразу же после окончания периода распутицы. При этом немцы надеялись на то, что этот удар застанет русских врасплох, а их оборона окажется недостаточно прочной.

2 апреля Гитлер объявил свое «решение». Операция «Ястреб» должна быть запланирована таким образом, чтобы ее можно было начать в течение четырех дней в любое время после 13 апреля. Поставив эту операцию первой в списке, Гитлер тем самым практически уже отказался от ее проведения. Ожидалось, что паводок на реке Северский Донец начнется во второй половине апреля. А Э. Манштейн заявил, что группа армий «Юг» не успеет подготовиться к новому наступлению до середины апреля, так как танковым частям необходимо время для отдыха и пополнения, чтобы их боеспособность была восстановлена, «по крайней мере до определенной степени». Будучи в курсе этих трудностей, Гитлер дал указание в случае, если наступление по плану «Ястреб» не сможет начаться до 17 апреля, переходить к операции по плану «Пантера», подготовка к которой должна быть завершена до 1 мая. Он добавил, что при невозможности приступить к обеим операциям группы армий «Центр» и «Юг» должны сразу же переходить к подготовке наступления по плану «Цитадель». Три дня спустя Э. Манштейн проинформировал своих подчиненных, что окончательный выбор, скорее всего, будет остановлен на проведении операции «Цитадель».

15 апреля Гитлер объявил о своем «окончательном решении». В Оперативном приказе № 6 он потребовал, чтобы операция «Цитадель» могла быть начата в любое время после 28 апреля в течение шести суток после получения войсками соответствующего приказа. Затем, после того как по замыслу Гитлера в результате операции «Цитадель» советские войска придут в замешательство, будет проведена операция «Пантера». Особые инструкции относительно на-

ступления по плану «Цитадель» объясняют, почему Гитлеру понадобилось столько времени, чтобы решиться на его начало. Он полностью представлял себе, насколько рискованным шагом было проведение этой операции. В первую очередь фюрер отметил, что наступление должно быть проведено стремительно, поскольку войска будут нужны для выполнения других задач. Во-вторых, он предупредил группы армий «Центр» и «Юг» быть в готовности к отражению возможных ударов советских войск на открытых участках по обеим сторонам курского выступа. Гитлер понимал тот неприятный факт, что на этот раз придется наступать не с укрепленного участка фронта, а скорее с постоянно меняющего свои очертания острия выступов меньших размеров, открытые фланги которых не могут не привлечь внимания русских, точно так же, как немцы не могли игнорировать наличие Курского выступа. Более опасная обстановка сложилась к северо-западу от Орла, но ненамного проще дела обстояли южнее Харькова, где советский оборонительный рубеж, который проходил близ города по излучине реки Северский Донец, имел форму дуги с выступом на запад.

Образно говоря, операция «Цитадель» могла превратиться в попытку селедки заглотить сардину и в результате попавшей в пасть акуле. Возникал вопрос о том, не будет ли более безопасным провести операцию «Цитадель» как «ответный удар», предоставив русским инициативу ударить первыми. И все же Гитлер подавил в себе сомнения и решил начать первым, как он и планировал ранее. Причину этого можно также найти в Оперативном приказе № 6. Там говорилось, что «победа в районе Курска должна стать маяком, огни которого можно будет разглядеть отовсюду». Гитлеру была нужна победа, похожая на былые триумфы германских войск: гигантский котел окружения, сотни тысяч пленных, тысячи единиц трофейной техники. Только наступление такого масштаба, как операция «Цитадель», могло обеспечить все это.

Не успел Оперативный приказ № 6 дойти до фронта, как выявилось очередное препятствие в проведении операции. Командование 9-й армии, которая должна была стать ядром наступающей группировки группы армий «Центр», заявило, что не сможет завершить развертывание ранее 3 мая. Командование ОКХ предложило, чтобы армия продолжала подготовку усиленными темпами; при этом оно гарантировало предоставлять дополнительную отсрочку в зависимости от ежедневно выполненных мероприятий. Но 9-я армия настаивала на том, чтобы либо ее задачи должны быть сокращены, либо ей предоставили отсрочку по крайней мере до 15 мая.

18 апреля немецкая авиационная разведка доложила об обнаружении длинных колонн автомашин противника, двигавшихся из Москвы в направлении Курска, а также из Сталинграда на Валуйки, восточнее Харькова. Все говорило о том, что русские были начеку;

по данным группы армий «Юг», за шесть дней русские уже сосредоточили против ударной группировки на ее участке фронта (4-й танковой армии) резервы в составе 8 танковых, 5 механизированных и 5 кавалерийских корпусов.

Утром 30 апреля, после того как 26 апреля операция «Цитадель» уже была отложена на два дня, командование ОКХ дало войскам еще два дня отсрочки по причине проливных дождей. Во второй половине того дня все определенные ранее сроки начала наступления были отменены. Новая дата должна была быть назначена не ранее, чем Гитлер проведет совещание с высшим командным составом войск, участвующих в операции.

3 мая Гитлер вызвал на совещание, которое должно было состояться в Мюнхене на следующий день, фельдмаршалов Э. Манштейна и Г. Клюге, а также командующего 9-й армией генерал-полковника В. Моделя. Кроме них на совещании присутствовали К. Цейцлер, Г. Гудериан, А. Шпеер, а также начальник штаба ВВС генерал-полковник Г. Ешоннек.

Основным предметом дискуссии стал доклад В. Моделя, где он перечислил проблемы, с которыми столкнется 9-я армия при прорыве хорошо подготовленной обороны советских войск. Командующий армией обратил особое внимание на тот факт, что танки Pz IV, самая тяжелая бронетанковая техника в составе 9-й армии, за исключением небольшого количества танков Pz VI «Тигр», не смогут противостоять новым системам советской противотанковой артиллерии. На Гитлера, который, по его собственным словам, начал испытывать чувство дурноты, этот доклад произвел гнетущее впечатление. Он предложил отложить начало наступления до июня. К этому времени, как он полагал, немецкие танковые части получают достаточное количество новейших танков. Э. Манштейн, Г. Клюге и К. Цейцлер возражали против такого решения, настаивая на том, что задержка будет больше на руку русским, чем немцам. Советские войска смогут восстановить свои силы после зимних боев; к тому же, поскольку, как известно, их промышленность обеспечивает производство большего количества танков, чем в Германии, этот фактор перечеркнет любое качественное превосходство немецкой техники.

Э. Манштейн заявил, что, по его мнению, операция «Цитадель» может увенчаться успехом только в том случае, если будет проведена в мае. Дальнейшее промедление он считал опасным по причинам, которые ранее уже были приведены им, Г. Клюге и К. Цейцлером, а также в связи с вот-вот ожидаемым поражением немецких и итальянских войск в Тунисе и неминуемой в течение нескольких недель после этого высадкой в Средиземноморье англо-американских войск, что еще более осложнит обстановку. Г. Клюге, руководствуясь, по-видимому, недовольством тем, что одному из его подчиненных предоставлено право обращаться непосредственно к

Гитлеру, вдруг заявил, что дела в 9-й армии идут совсем не так плохо, как считает В. Модель. Г. Ешоннек, в свою очередь, добавил, что задержка в проведении операции не соответствует интересам люфтваффе. Оставшихся двое присутствующих на совещании, а именно Г. Гудериан и А. Шпеер, высказались против проведения операции «Цитадель», так как считали, что даже если она увенчается успехом, то все равно в ее ходе будет потеряно большое количество тяжелых танков. Таким образом, планы наращивания германских танковых войск будут сорваны при любом итоге. Гитлер закрыл совещание, так и не приняв окончательного решения, но в личной беседе с В. Моделем он сообщил тому, что наступление будет отложено.

6 мая командование ОКХ объявило о том, что операция «Цитадель» откладывается до 12 июня. На следующий день в телефонном разговоре с К. Цейцлером В. Кемпф высказал свой протест по этому поводу, мотивируя это тем, что, по его мнению, задержка наступления нежелательна как с психологической, так и с оперативной точки зрения. Он считал, что промедление больше на руку обороняющимся, чем наступающим. К. Цейцлер согласился с такими доводами и ответил, что с удовольствием при первой же возможности изложит фюреру «мнение фронтовиков». Но и это оказалось бесполезным: Гитлер принял решение дожидаться, пока в войска поступят новые тяжелые САУ «Фердинанд»; 90 машин должны были прибыть на фронт в июне. Он надеялся, что эта техника повысит ударную мощь наступающих. На этих машинах было установлено такое же длинноствольное 88-мм орудие, что и на танке «Тигр» (штурмовое орудие «Фердинанд» (иначе «Элефант») — это измененный вариант тяжелого танка «Тигр» фирмы «Порше», проигравший в конкурсе с образцом фирмы «Женшель». 88-мм пушка длиннее, чем у танка «Тигр-1» (71 калибр против 56 калибров. — *Ред.*). Г. Гудериан считал САУ «Фердинанд» неудачным образцом из-за его низкой скорости, неподвижно закрепленной пушки и отсутствия пулеметов для ближнего боя. Но Гитлер явно был под впечатлением мощной брони (лоб 200 мм, борт и корма до 85 мм) и орудия большого калибра (88 мм и длина ствола 71 калибр). Он вновь продемонстрировал свою слабость перед новыми видами вооружения, появление которых в его воображении связывалось с достижением легкой победы.

Месяц май выдался беспокойным. Через неделю после совещания в Мюнхене Г. Гудериан поинтересовался у Гитлера, почему тот вообще намерен обязательно начать в 1943 г. крупное наступление на Востоке. Гитлер в ответ поделился с генералом своими сомнениями, заявив, что «испытывает боли в желудке» при мысли об этом наступлении. 13 мая в Тунисе капитулировали последние немецкие и итальянские части. Этот разгром был предreshен еще два месяца назад и даже более, но, как и в случае со Сталинградом, Гитлер до последне-



го момента только наполовину верил, что такое может произойти на самом деле. Теперь, когда всерьез встал вопрос об укреплении обороны в Италии и на Балканах, его сомнения по поводу целесообразности наступления в России усилились. 14 мая Г. Клюге в беседе с одним из командующих армиями заявил, что не может с уверенностью говорить о сроках начала проведения операции «Цитадель». Еще через десять дней Й. Геббельс высказался в том духе, что Гитлер намерен придерживаться принципа «После тебя, мой дорогой Альфонс», то есть предоставить русским возможность ударить первыми. Возможно, лучше всего о внутренних сомнениях Гитлера свидетельствует прошедшее в начале мая совещание высших партийных руководителей. На нем фюрер подробно остановился на событиях 1932 г., когда партия после всех побед на голосованиях вдруг стала терять голоса после того, как попала под руководство фон Папена и Гинденбурга, сравнив то время с текущей обстановкой. Он заявил: «В 1932 г. нам удалось добиться победы только благодаря нашему упорству, которое порой выглядело как безумие. Точно так же мы добьемся победы и теперь». К этой теме он в течение ряда лет раз за разом возвращался для того, чтобы продемонстрировать, на чем основан главный принцип его политического и военного руководства. Этот принцип выражал глубокую веру Гитлера, которую разделяли и многие немцы (тогда — абсолютное большинство. — *Ред.*), что одним из свидетельств гениальности фюрера является способность достигать победы, когда она кажется невозможной, порой одним только волевым усилием. Как это несколько раз случалось в прошлом, очевидные сомнения и неуверенность были у Гитлера чем-то вроде этапов инкубационного периода, из которого далее непременно вырастала решимость следовать радикальным курсом.

Пока операция «Цитадель» оставалась делом будущего, на Восточном фронте воцарилось необычное затишье. Русские, которые в предыдущие два месяца, казалось, прилагали все усилия для того, чтобы первыми перейти в наступление, теперь как будто решили руководствоваться принципом вежливости: «Только после вас, дорогой Гастон». Во время оперативной паузы группе армий «Центр» даже удалось отвести с линии фронта несколько соединений и использовать их в операциях против партизан, что было по-настоящему редким случаем. Активность немецких войск на фронте, за исключением рядовых перестрелок на отдельных участках, ограничилась проведением операции «Серебряная полоса», самой крупной немецкой пропагандистской кампанией за все время войны.

Эта операция явилась отражением намерения командования немецкой армии сделать русский народ своим союзником в борьбе с советским режимом. В апреле в ОКХ был подготовлен Основной

приказ № 13 о политике по отношению к дезертирам из армии противника. Их следовало отделять от остальных пленных и размещать в лучших бараках. После перехода через линию фронта им рекомендовали предоставить «обильный» паек, а затем отправлять в тыл на грузовых автомобилях, не заставляя идти пешком. Офицерам следовало назначать ординарцев. Военнопленные, добровольно перешедшие на немецкую службу, сводились в подразделения в составе одного офицера и двадцати четырех солдат; такие подразделения следовало ввести в состав каждой немецкой дивизии. Их задачей становилось ведение по радио пропагандистских передач для солдат противника; кроме того, они должны были обеспечивать прием новых дезертиров из советских войск.

Операция «Серебряная полоса» проводилась в мае, июне и июле с целью довести Основной приказ № 13 до русских солдат. Результаты были удручающими. В мае и июне в группе армий «Север» было распространено 49 млн пропагандистских листовок. За это время на сторону немцев перешли 622 советских военнослужащих; при этом только половина из них сделала это в результате пропагандистской кампании в рамках операции «Серебряная полоса»<sup>1</sup>.

Офицеры отделов пропаганды считали, что данная кампания могла бы быть более успешной, если бы ее проведение, как это первоначально планировалось, было увязано с операцией «Цитадель», то есть если бы она не велась во время затишья на фронте, когда совершить дезертирство гораздо сложнее.

По мере приближения лета по обе стороны от линии фронта нарастало напряжение. В конце мая из немецкой 9-й армии поступил доклад о том, что русские построили глубоко эшелонированную оборону, за которой сосредоточили значительные резервы, и теперь они в состоянии противостоять любой угрозе. К началу июня сосредоточенные для проведения операции «Цитадель» силы достигли своего пика. После марта немецкие войска успели отдохнуть и получить пополнение: в немецкие армии поступило 900 танков и 300 самоходных артиллерийских установок. И в то же время никто не знал, когда же начнется наступление. На совещании в ОКХ в июне вновь обсуждалась тактика предоставления противнику возможности нанесения первого удара.

18 июня оперативный штаб ОКВ после анализа сложившейся обстановки рекомендовал Гитлеру отказаться от проведения операции «Цитадель». Офицеры штаба охарактеризовали приближающееся

---

<sup>1</sup> Жесткое политическое и административное давление привело к тому, что уровень дезертирства из Красной армии несколько превышал аналогичные показатели большинства армий других воюющих сторон.

ся лето как период нестабильности и предложили свести вместе все свободные войска, создав из них два мощных стратегических резерва. При этом один из них должен был быть развернут в Германии, а второй в составе двух армий, предназначенных для наступления в рамках операции «Цитадель», предполагалось расположить за линией фронта на Востоке вблизи железных дорог с тем, чтобы при необходимости войска могли быть в любое время быстро переброшены в Италию и на Балканы. В тот же день Гитлер заявил, что высоко ценит мнение оперативного штаба, но он уже принял решение начать операцию «Цитадель». Еще через два дня он объявил о своем решении штабам групп армий и армий, но прошло еще целых пять дней, прежде чем была названа точная дата — 5 июля.

Через три месяца после того, как был принят Оперативный приказ № 5, оказалось, что обстановка на фронте изменилась настолько, что наступление предстояло начинать в условиях, прямо противоположных тем, что сложились при начале его планирования. Время, когда можно было воспользоваться временной слабостью противника, осталось далеко позади. Шансы на стремительный бросок вперед были очень слабыми. Теперь армиям предстояло буквально прогрызть несколько километров хорошо укрепленной обороны, за которой располагались значительные резервы русских. Командование 9-й армии характеризовало предстоящую операцию как «столкновение между армиями, находящимися на пике готовности», в котором искусства немецкого солдата и превосходства его командиров должно оказаться достаточно для того, чтобы склонить чашу весов в нашу сторону. 26 июня командование 4-й танковой армии предупредило, что шансы на успех падают с каждым днем. В то же время, с точки зрения ОКХ, отказ от наступления грозил более серьезными последствиями, чем его проведение с риском поражения и последующего отхода. Ведь если Гитлер откажется от операции «Цитадель», он, конечно, примет предложение ОКВ о формировании резервов, и командование ОКХ потеряет контроль над 9-й армией и 4-й танковой армией, которые, вероятно, будут отведены с Восточного фронта и переброшены на западные театры в Италию или на Балканы в подчинение ОКВ.

При упоминании операции «Цитадель» у любого, кто не был осведомлен о сложившейся довольно удручающей обстановке, само собой напрашивалось сравнение с летними наступлениями германских войск в 1941 и 1942 гг. Для того чтобы замаскировать тот факт, что на этот раз Германия была в состоянии организовать только наступление на ограниченном участке фронта, а также, понимая, что и оно не обязательно окончится победой, А. Йодль проинструктировал управление пропаганды вермахта называть «Цитадель» контр-наступлением. Это помогало создавать впечатление о значительной оборонительной мощи Германии и заранее создавало алиби на случай неудачи операции.

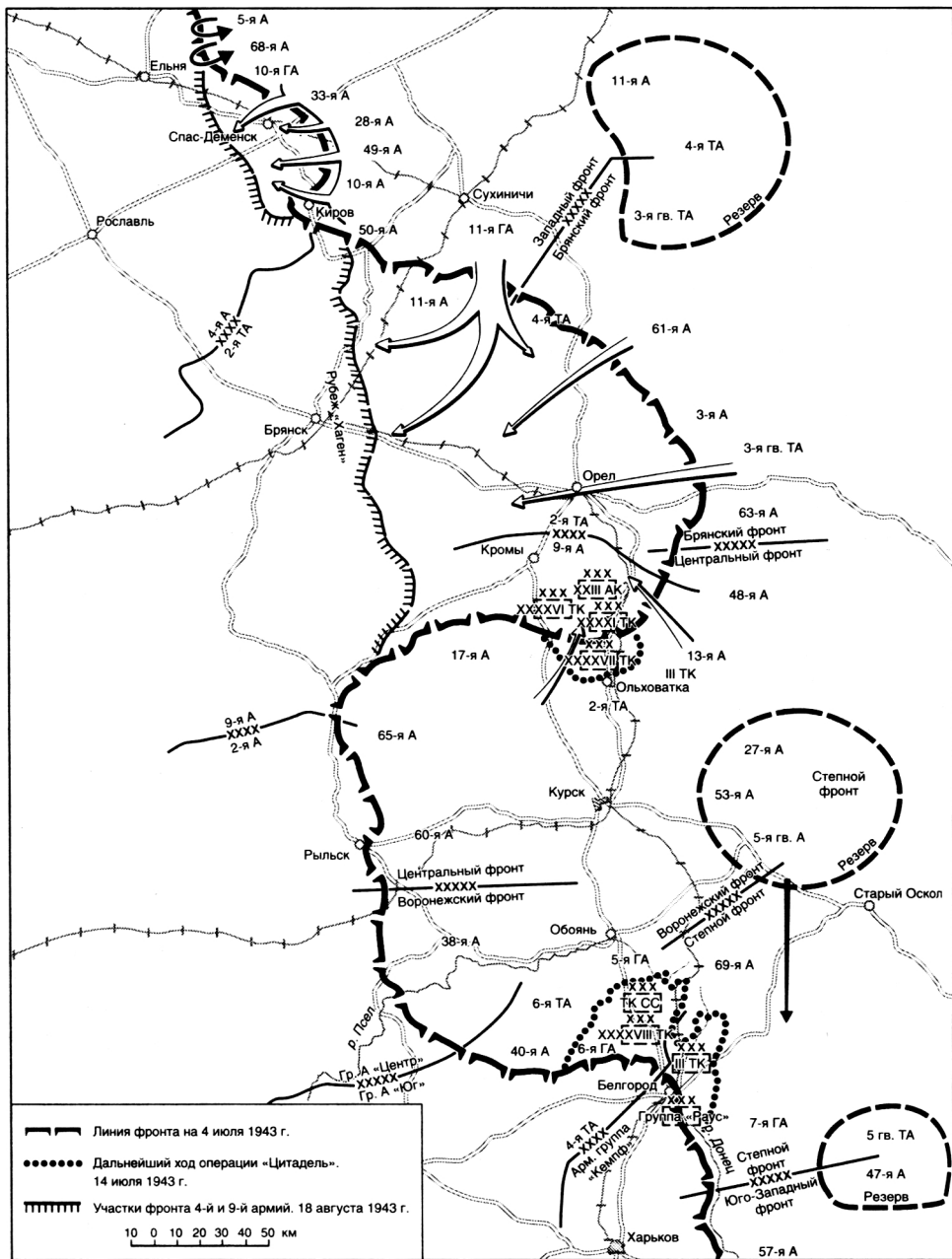
1 июля был отдан специальный приказ для немецких офицеров, который был доведен до всего командного состава, вплоть до командира батальона. В нем Гитлер перечислял свои доводы в пользу проведения операции «Цитадель». Она должна была не только укрепить моральный дух народа Германии и обратить на себя внимание всего мира; это наступление должно было вновь вселить уверенность в немецких солдат. Вера союзников в победу Германии должна быть восстановлена, а нейтральные страны получают предостережение, которое сделает их поведение более сдержанным и осторожным. В результате удастся надолго перехватить инициативу у Советского Союза; кроме того, моральный дух советского солдата будет подорван если не навсегда, то на длительное время.

### «Цитадель»

Оперативный план операции за месяцы задержки не претерпел изменений: 9-я армия должна была наносить удар в южном направлении вдоль линии Орел—Курск. В то же время 4-я танковая армия, восточный фланг которой прикрывала оперативная группа «Кемпф», должна была наступать на север от Белгорода к Курску (см. карту 13). План был логичен, но имел один существенный недостаток: он не давал ни малейшего шанса на достижение эффекта внезапности.

Сознавая это, в апреле Гитлер рассматривал вариант объединения северной и южной ударных группировок и нанесения одного мощного удара из района Рыльского на восток, в сторону Курска. Однако ему пришлось быстро отказаться от этой мысли, так как она была связана с огромными трудностями в переброске и перегруппировке войск. К концу июня Э. Манштейн рассчитывал перенацелить направление удара на Старый Оскол в обход мощных советских укреплений непосредственно перед Курском. Но недостатки этого плана, а именно увеличение расстояния, которое предстояло преодолеть войскам, и необходимость срочной перегруппировки сил перевешивали те преимущества, которые давал новый план наступления. Поэтому теперь оставалось надеяться только на то, что ожидавшие уже несколько месяцев немецкого наступления под Курском советские войска несколько ослабили бдительность.

Несмотря на всю очевидность риска, нельзя сказать, что план операции «Цитадель» с самого начала был обречен на неудачу. Численность трех наступающих армий вполне отвечала поставленным задачам. Их дивизии находились в отличном состоянии, в войска поступило большое количество танков, в том числе последних моделей. (Согласно Мюллер-Гильдебранду («Сухопутная армия Германии 1933—1945»), на 30 июня 1943 г. в составе группы армий «Юг» было 1493 танка и 253 штурмовых орудия, в составе группы армий «Центр»



Карта 13. Операция «Цитадель» и отвод немецких войск на рубеж «Хаген»

746 танков и 280 штурмовых орудий. Всего — 2772, в том числе 133 «Тигра» и 204 «Пантеры» (на юге) и 90 «Фердинандов» («Элефантов») на севере. — *Ред.*) Благодаря в основном выдающимся организаторским способностям А. Шпеера немецкие ВВС теперь имели на Восточном фронте около 2500 первоклассных самолетов, что было всего на несколько сот меньше их максимальной численности, достигнутой в предыдущем году. Примерно половина их была предназначена для обеспечения непосредственной поддержки наступления под Курском. Во второй половине июня немецкие бомбардировщики нанесли ночные удары по важнейшим советским промышленным центрам, находившимся в пределах ее радиуса действия. Были атакованы Горьковский танковый завод (и другие заводы в Горьком), предприятие по выпуску резины в Ярославле, нефтеперерабатывающие заводы в Саратове и Астрахани. Одновременно немецкая штурмовая авиация нанесла удары по аэродромам и железным дорогам в районе Курска.

Советские войска на северном фланге Курского выступа были сведены в Центральный фронт под командованием генерала К. К. Рокоссовского, а на южном — в Воронежский фронт под командованием генерала Н. Ф. Ватутина. Оба фронта сосредоточили примерно две трети своей артиллерии и танков на участках, где ожидалось первые немецкие удары. В главной полосе обороны глубиной от 3 до 5 км советские армии оборудовали от трех до пяти линий окопов, построили укрытия для техники и блиндажи. В глубине от 10 до 30 км были созданы аналогичные запасные оборонительные позиции. За ними находились еще три запасных рубежа обороны, первый из которых был оборудован примерно в 40 км от основного оборонительного рубежа. Все это составляло фронтовой район обороны.

Только на участке Центрального фронта силами солдат и местных жителей было вырыто около 5 тыс. км траншей. Каждый населенный пункт, каждый холм были превращены в опорные пункты, а на полях, которые к лету успели зарости травой и кустарником, саперы установили до 400 тыс. мин. Вдоль открытого восточного участка Курского выступа был развернут Степной фронт под командованием генерала армии И. С. Конева. Три армии фронта имели задачу не допустить развития удара немецких войск в восточном направлении в случае неудачного для советской стороны развития событий. В качестве дополнительной меры безопасности северо-восточнее Орла в резерве находились одна общевойсковая и две танковые армии. Еще одна общевойсковая и одна танковая армия были развернуты восточнее района Харьков—Белгород<sup>1</sup>.

Представителями Ставки при фронтах были назначены А. М. Василевский и Г. К. Жуков, признанные организаторы обороны и наступления в районе Сталинграда.

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 249—251.

Операция «Цитадель» началась утром 5 июля с ударов пикирующих бомбардировщиков Ju-87 из состава 4-го и 6-го флотов по передовым позициям русских в полосе наступления групп армий «Центр» и «Юг». 9-я армия наносила удар на юг на участке шириной более 50 км. В центре боевого порядка армии наступал самый мощный XXXXVII танковый корпус, на флангах — XXXXI и XXXXVI танковые корпуса. XXIII армейский корпус оставался в резерве. К концу первого дня наступления наступающие прорвали первую линию обороны войск К.К. Рокоссовского, а на направлении главного удара, западнее железной дороги Орел—Курск, вклинились во вторую линию. В полосе наступления 4-й танковой армии XXXXVIII танковый корпус и II танковый корпус СС (получивший это название после того, как весной 1943 г. был сформирован еще один танковый корпус СС) наносили удар на север на 50-километровом фронте с опорой на правом фланге на Белгород. Наступление обоих корпусов началось стремительно: первая линия обороны войск Н.Ф. Ватутина была прорвана в течение двух часов.

Но первый же день наступления принес немцам несколько неприятных сюрпризов. Не успел II танковый корпус СС преодолеть первую линию обороны советских войск, как русские подвергли его настолько мощному артиллерийскому огню, что танкистам пришлось искать укрытия. Однако в то же самое время над фронтом 4-й танковой армии разразилась короткая гроза с интенсивным дождем, который залил потоками воды многочисленные овраги и балки, которыми изобилвала местность и которые обычно были сухими. Одной из таких вновь образовавшихся рек был остановлен XXXXVIII танковый корпус. Последнему его танку удалось переправиться через поток воды только около полуночи. Ранним утром, когда налеты штурмовой авиации заставили замолчать советскую артиллерию, II танковый корпус СС возобновил наступление, рассчитывая к концу дня выйти ко второй линии обороны. Но корпус вновь был остановлен, на этот раз минными полями, умело установленными в высокой траве. А в это время Н.Ф. Ватутин, избежав тяжелых потерь, отводил свои дивизии на второй оборонительный рубеж.

Южнее Белгорода III танковый корпус и корпус генерала Э. Рауса из состава армейской группы «Кемпф» переправились через Северский Донец и попали в пятикилометровую полосу укреплений, расположенных между рекой и железной дорогой. Войска при отсутствии авиационной поддержки подвергались непрерывающимся налетам авиации противника. Они медленно продвигались вперед, в то время как их потери росли угрожающими темпами.

Неудачный старт армейской группы «Кемпф» обнажил одну существенную слабость немецких войск, которая сказывалась в течение всего хода операции «Цитадель». Несмотря на то что люфтваф-

фе во время наступления выполняли в день примерно по 3 тыс. самолето-вылетов, им не удалось добиться превосходства над противником над полем боя. Поскольку пилотам приходилось выполнять более важную на тот момент задачу обеспечения авиационной поддержки наступающим частям сухопутных войск, они не могли создавать серьезных препятствий для деятельности советской авиации. Но даже и в этом случае немецкая авиация не смогла обеспечить поддержку для всех наступающих частей и подразделений на земле. Те из них, кто был «обделен вниманием», обычно снижали темпы наступления или были вынуждены совсем остановиться. Для того чтобы обеспечить равномерность наступления армейских частей, немецкой авиации приходилось каждый день сосредоточивать усилия на новых участках.

На второй и третий дни наступления битва была в самом разгаре. К исходу дня 6 июля 9-й армии удалось продвинуться примерно на 20 км по всему фронту, за исключением правого фланга, где XXXXVI танковый корпус был отброшен на исходные позиции. На юге передовые части II танкового корпуса СС преодолели примерно 40 км. 7 июля темпы наступления несколько снизились; с обеих сторон на выступе разгорелись ожесточенные танковые бои. Русские вводили в бой резервы. К.К. Рокоссовский ввел в бой два танковых и один гвардейский стрелковый корпус. Н.Ф. Ватутин бросил в помощь понесшей большие потери 1-й танковой армии два танковых корпуса из резерва Ставки. Этими силами он рассчитывал удержать вторую оборону.

Немцы были не очень удивлены быстротой реакции русских. В то же время им было приятно обнаружить четкую работу разведки, которая заранее определила, какими резервами располагали русские. Наибольшее опасение вызывал факт неспособности армейской группы «Кемпф» наступать теми же темпами, что и 4-я танковая армия, которой из-за этого пришлось поставить перед одной из дивизий СС задачу прикрывать ее фланг на востоке. Вторым неприятным фактором стал быстрый рост потерь танков в некоторых дивизиях. Например, в дивизии «Великая Германия» из 300 танков в строю осталось всего 80 машин. Большинство из вышедших из строя танков были новыми моделями, которые приходилось доставлять в ремонтные мастерские для устранения механических неполадок.

8 июля стало ясно, что разразился первый кризис. Наступавший на центральном участке полосы наступления 9-й армии танковый корпус, которому была поставлена задача перемолоть танковые резервы войск К.К. Рокоссовского и пробить себе дорогу на оперативный простор, вышел к хорошо укрепленной возвышенности к северо-западу от Ольховатки. Не имея из-за плохой погоды авиаци-



онного прикрытия, корпус вынужден был остановить наступление. В тот же вечер В. Модель неохотно решился дать корпусу еще день на перегруппировку для штурма возвышенности. Обеспокоенный тем, что столь хорошо укрепленное препятствие было обнаружено на таком большом удалении от первоначальной линии фронта, В. Модель предупредил командование корпуса, чтобы даже после взятия высоты оно не предпринимало немедленного наступления на Курск. Он характеризовал возможное развитие событий как «маневренную войну на истощение». После того как две тщательно подготовленные попытки прорваться через укрепления русских в районе Ольховатки закончились неудачей, командование группы армий «Центр» пообещало перебросить в помощь штурмующим еще одну пехотную и одну танковую дивизию.

Утром 12 июля, убедившись в том, что все резервы немцев связаны в Курской битве, Брянский фронт под командованием М.М. Попова и левое крыло Западного фронта под командованием В.Д. Соколовского перешли в наступление по трем расходящимся направлениям на северном фланге Орловского выступа. Немецкая 2-я танковая армия, 14 дивизий которой обороняли фронт шириной 250 км, не смогла предотвратить стремительного прорыва ее обороны советскими войсками. Еще до полудня Г. Клюге был вынужден передать 2-й танковой армии две дивизии, предназначенные для 9-й армии. Чуть позже он вынужден был приказать 9-й армии передать туда еще 2 танковые дивизии, в которых находилось более половины имевшихся штурмовых орудий «Фердинанд», значительное количество ствольной и реактивной артиллерии.

В то же время на фронте группы армий «Юг» обстановка складывалась для немцев более благоприятно. К 11 июля II танковому корпусу СС удалось создать плацдарм севернее реки Псел. Несмотря на то что русские продолжали упорно удерживать позиции южнее реки Псел на участке XXXXVIII корпуса, в штабе немецкой 4-й танковой армии считали, что положение противника там было безнадежным. Г. Гот докладывал, что, по его мнению, более просто будет продолжить наступление к северу от реки.

Очевидно, Н.Ф. Ватутин успел исчерпать все имевшиеся в его распоряжении резервы. В то же время Э. Манштейну удалось сохранить еще один козырь. Он начал выводить из резерва XXIV танковый корпус (23-я танковая дивизия и дивизия СС «Викинг») и перемещать его из тылового района 1-й танковой армии под Белгород с тем, чтобы иметь корпус под рукой, когда наступит решающий момент наступления на Курск.

Восточнее Северского Донца армейская группа «Кемпф» в первые шесть дней наступления продвигалась крайне медленными темпами, однако 11 июля III танковому корпусу в отчаянной попытке удалось прорваться на север. На следующий день Н.Ф. Ватутин бро-

сил в контрнаступление 5-ю гвардейскую армию Степного фронта и 5-ю танковую армию из резерва Ставки. Но немецкий III танковый корпус продолжал наступать, и к исходу 13 июля значительные силы русских попали в клещи между флангом III танкового корпуса и правым флангом наступающего II танкового корпуса СС.

13 июля Гитлер вызвал к себе в ставку Э. Манштейна и Г. Клюге. Он решил прекратить операцию «Цитадель». Над Орловским выступом нависла опасность; кроме того, русские сосредоточили свои войска перед фронтом 1-й танковой армии и 6-й армии (переименованной в марте 1943 г. армейской группы «Холлидт»). Все это вызвало опасения фюрера за судьбу Донецкого бассейна. Но еще больше его волновала Сицилия, куда 10 июля высадились англо-американские войска. Итальянцы, по словам Гитлера, нигде не оказывали сопротивления, поэтому становилась очевидной необходимость создания новых армий для защиты Италии и Балканских стран. Войска для этого придется взять с Восточного фронта (в августе на Запад была отправлена одна обескровленная танковая дивизия, но уже в сентябре—октябре на Восток было дополнительно переброшено 12 пехотных, 3 танковые, 4 резервные дивизии и 1 пехотная бригада. — *Ред.*).

Э. Манштейн пытался возражать, что операция «Цитадель» достигла решающей фазы. Русскую группировку перед фронтом группы армий «Юг», настаивал он, можно считать разгромленной, и если 9-я армия возобновит наступление в течение ближайших недель, то сражение все еще можно выиграть. Однако Э. Манштейн остался в одиночестве. Г. Клюге заявил, что 9-я армия больше не в состоянии наступать и через несколько дней будет вынуждена отойти на исходные позиции. В конце совещания Гитлер снова подтвердил свое решение остановить наступление, однако согласился предоставить группе армий «Юг» достаточно времени для того, чтобы нанести противнику хотя бы частичное поражение и тем самым лишить его возможности в ближайшее время перейти в контрнаступление.

Решение прекратить наступление повергло командование 4-й танковой армии и группы «Кемпф», которые считали, что победа уже была в их руках, в шок. Э. Манштейн и командующие армиями считали, что им позволят хотя бы разгромить группировку противника южнее реки Псел, но и в этом им было отказано. 17 июля Гитлер распорядился отвести с Восточного фронта II танковый корпус СС. Он планировал перебросить корпус в Италию сразу же после того, как будет ликвидирована угроза 1-й танковой армии и 6-й армии.

Утром 17 июля советские Юго-Западный и Южный фронты перешли в наступление, которое, как предполагал Гитлер, должно

было быть направлено против правого фланга группы армий «Юг». Почти в течение недели немцы отмечали повышенную активность противника на другом участке фронта, но 14 июля Гитлер отдал приказ вернуть XXIV танковый корпус в тыл 1-й танковой армии, что было расценено германским армейским командованием как излишняя предосторожность. В течение первых суток боев было установлено, что русские сосредоточили основные усилия на двух направлениях: на участке 1-й танковой армии в районе Изюма и на миусском рубеже севернее Голодаевки, где оборонялась 6-я армия.

Русским удалось быстро добиться значительного вклинения на этих участках. Теперь они настойчиво пытались расширить участки прорыва. Немцы с изумлением обнаружили, что целью наступления является не просто отвлечь на себя резервы, предназначенные для операции «Цитадель», как они полагали ранее, а отвоевать Донецкий бассейн. В течение двух последующих недель стороны вели ожесточенные бои с переменным успехом, и, хотя русские не смогли и близко подойти к достижению поставленной задачи, порой обстановка складывалась очень неблагоприятно и даже опасно для немцев.

К концу месяца наступление выдохлось, и немцам удалось быстро восстановить положение. Все это время на фронте шло огромное количество боев местного значения, которые вскоре заслонили более значительные события. Но эти бои стоили огромных потерь и той и другой стороне. Например, в период с 17 июля по 6 августа немецкой 6-й армии удалось захватить в плен 17 тыс. советских солдат. Ее собственные потери составили 23 855 человек.

На фронте группы армий «Центр» операция «Цитадель», к тому времени уже застопорившаяся, была прекращена 12 июля. На следующий день, после совещания в ставке фюрера, Гитлер передал В. Моделю командование 9-й армией и 2-й танковой армией и приказал ему блокировать прорывы русских и восстановить первоначальное положение на фронте. Назначение В. Моделя явилось признаком появления в верхних эшелонах германской армии командира нового типа, специализирующегося на организации упорной обороны. Когда-то Гитлер уже выдвинул наверх генералов типа Э. Манштейна, талантливых организаторов побед. После лета 1943 г. он все больше и больше полагался на В. Моделя и еще нескольких генералов, потому что они редко возражали его приказам и обладали умением предотвратить поражение. В. Модель, несомненно, был самым ярким примером командира этого типа. Будучи убежденным нацистом, который верил в Гитлера больше, чем кто-либо другой из командиров его ранга, он был к тому же и первоклассным тактиком. В бою он никогда не отделял себя от своих подчиненных.

К тому времени, когда В. Модель принял командование, фронт 2-й танковой армии в районе Орловского выступа был прорван на трех участках. При этом два участка прорыва, первый из которых

находился восточнее Орла, а второй — южнее Сухиничей, с каждым часом расширялись и углублялись. 15 июля фронт наступления русских расширился до участка 9-й армии.

На следующий день в качестве меры предосторожности командование группы армий и армий начали организовывать оборону на рубеже «Хаген», представлявшем собой полосу полевых укреплений, проходящую через основание Орловского выступа. На этот раз Гитлер, которого отвлекли события на Средиземном море и на фронте группы армий «Юг», не настаивал на жесткой обороне оборудованного рубежа. Он быстро дополнил свой прежний приказ призывом создать линию сплошной обороны, а 22 июля разрешил В. Моделю осуществлять «гибкую оборону».

В то же время, 18 и 19 июля, благодаря свертыванию операции «Цитадель» (благодаря провалу операции — немцам так и не удалось вывести из боя обескровленные танковые дивизии вплоть до конца августа, когда закончилась Курская битва. — *Ред.*) Ставка получила возможность ввести в бой мощные резервы. М.М. Попов получил 3-ю танковую армию, которую бросил в бой на Орловском направлении. В.Д. Соколовскому были переданы 4-я танковая и 11-я армии, задачей которых было расширить прорыв на северном фланге выступа<sup>1</sup>.

Тем не менее из-за проливных дождей, которые начались на третьей неделе июля, а также благодаря тактическому превосходству немцев, которые, если и не могли остановить бешеный натиск русских, в большинстве случаев наносили им значительные потери, наступление не дало всех ожидаемых от него результатов.

На последней неделе месяца опасения Гитлера относительно Италии подтвердились. 25-го числа король отправил Муссолини в отставку, после чего тот сразу же был арестован, когда выходил из королевского дворца. Новое правительство во главе с Бадольо объявило о намерении продолжать войну, но никто в ставке фюрера (и меньше всего сам Гитлер) этому не верил. Гитлер дал массу указаний об освобождении Муссолини и укреплении позиций Германии в Италии.

Гитлер вызвал к себе в ставку командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге. Когда в полдень 26 июля тот прибыл в ставку, Гитлер объявил ему о своем решении перебросить из группы армий «Юг» в Италию II танковый корпус СС. По замыслу фюрера, политически благонадежные дивизии СС послужат своего рода ядром, вокруг которого соберутся профашистски настроенные элементы итальянской армии. Дивизия СС «Адольф Гитлер» уже получила приказ грузиться в поезд в г. Сталино. Задачей группы армий «Центр» будет обеспечить пополнения для соединений СС.

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 281.

Кроме того, в ближайшем будущем от нее, скорее всего, потребуется выделить еще примерно двадцать пять дивизий для переброски в Италию и на Запад. Единственный способ высвободить эти силы — оставить Орловский выступ. 2-я танковая и 9-я армии получили приказ немедленно начать переброску войск на рубеж «Хаген». В ответ на протесты Г. Клюге, что он не может отвести армии на рубеж, оборудование которого было далеко от завершения, фюрер заявил, что ничего другого сделать нельзя. Группе армий «Центр» придется начать высвобождать дивизии, и это нужно будет сделать скоро. Кроме этого, ему, Гитлеру, нужен II танковый корпус СС, который, по его словам, стоил двадцати итальянских дивизий.

В течение трех дней армии В. Моделя были подготовлены к переброске, однако ее начало пришлось отложить до 1 августа из-за плохого состояния дорог. Полторы недели проливных дождей превратили даже самые главные дороги в трясины. На некоторых участках дороги стали представлять собой желоба, ширина которых порой достигала сотни метров, в которых автомашины бросались из стороны в сторону в поисках твердого грунта. При этом советская авиация имела практически полное господство в воздухе.

По таким дорогам армии должны были перевозить тяжелую технику и предметы тылового снабжения. 9-я армия сосредоточила сотни тонн материалов и боеприпасов, предназначенных для проведения операции «Цитадель», на складах в районе г. Кромы, южнее Орла. Командование тыла приняло решение об уничтожении урожая зерновых, который уже был готов к сбору. Кроме того, примерно 250 тыс. мирных жителей, их скот, повозки и личное имущество готовились к эвакуации на запад. В Орле специальные взрывные команды заложили заряды во все здания и сооружения, которые могли быть использованы русскими.

Отступление началось, как и было запланировано, 1 августа. К этому времени русские были полностью осведомлены о планах немецких войск и, в отличие от того времени, когда проводилась операция *Vu-effel*, были готовы к немедленному переходу в наступление и поэтому отреагировали молниеносно. Ночью 3 и 4 августа в тыловых районах группы армий «Центр» резко активизировались действия партизан. 4 августа, по данным группы армий «Центр», в ее тылах было зафиксировано 4110 диверсий на железных дорогах, совершенных партизанами. На следующий день армады советских бомбардировщиков и истребителей совершали налеты на передний край и железнодорожные узлы в немецком тылу. На несколько часов в прифронтовой полосе полностью была выведена из строя телефонная связь.

6 августа по распоряжению советской Ставки, которая знала о том, что немецкие 2-я танковая и 9-я армия находятся на марше, полоса наступления была расширена на север, где оборонялась 4-я армия. По приказу представителя Ставки Н.Н. Воронова семь советских армий

перешли в наступление на левом фланге Западного фронта в направлении на Спас-Деменск и Ельню. Целью наступления было захватить Рославль и расстроить немецкую оборону на рубеже «Хаген»<sup>1</sup>.

На следующий день русские наращивали авиационные удары. Количество партизанских операций также возросло. Телефонная связь была нарушена на значительной части фронта группы армий «Центр». Было парализовано движение на многих участках железной дороги.

Битва достигла своего апогея на второй неделе немецкого отступления. В. Моделем предположил, что, если русские не сумеют прорваться на флангах рубежа «Хаген», они попытаются его обойти. Участок обороны 4-й армии был чрезмерно растянут. Уровень подготовки советских солдат был низок, но они наступали большими, казалось, бесконечными массами пехоты и танков. Командир одного из корпусов, входивших в состав 4-й армии, докладывал, что русские несут в пять раз большие потери, чем его войска, но все еще сохраняют количественное превосходство, так как вступили в бой, имея соотношение 10 к 1 к немецкой стороне. 13 августа армии советского Западного фронта захватили Спас-Деменск. Тогда Н.Н. Воронов приказал силами двух армий нанести удар в стык между немецкими 3-й и 4-й танковыми армиями<sup>2</sup>.

В тот день 9-я армия заняла участок обороны 2-й танковой армии и приступила к оборудованию отсечной позиции за рубежом «Хаген».

14 августа на позицию «Хаген» прибыли первые немецкие части. В течение трех дней армия держала восточнее рубежа «Хаген» столько дивизий, сколько позволяла обстановка. В это время саперы, а также русские рабочие обоих полов спешно работали над оборудованием позиции, которая все еще была далека от завершения. Вечером 17 августа на рубеж «Хаген» отошли последние немецкие части. Отход был выполнен на высоком уровне тактического мастерства. Однако оставалось только догадываться, сколько времени войска смогут удерживать позиции.

С отступлением на рубеж «Хаген», организованным В. Моделем, закончились события, имевшие прямое отношение к операции «Цитадель». Гитлер снова попытался заставить мир, затаив дыхание, следить за событиями на Восточном фронте. В результате он получил на Востоке потрясения такого гигантского масштаба, что в результате его армии были еще больше ослаблены, а инициатива полностью перешла в руки русских. К тому времени, когда дивизии группы армий «Центр» занимали рубеж «Хаген», советские армии на южном участке фронта вновь пришли в движение. Летняя кампания была далека от завершения.

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 363.

<sup>2</sup> Там же. С. 365.

## Глава 8

### ПЕРВОЕ СОВЕТСКОЕ ЛЕТНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

#### Соотношение сил и тактика

Третье лето войны в Советском Союзе заставило замереть в ожидании весь мир, который надеялся на этот раз получить ответы на два важнейших вопроса. Смогут ли немецкие армии снова с легкостью оправиться после зимних боев и сделать новую заявку на победу? Если нет, то сможет ли Красная армия доказать свое превосходство на поле боя без помощи своего старого союзника Генерала Зимы? Операция «Цитадель» дала ясный ответ на первый вопрос. А затем, через два с половиной месяца, Красная армия развеяла последние сомнения относительно того, каким будет ответ на второй.

Весной 1943 г. при планировании летней кампании советское командование, вне всякого сомнения, предполагало две возможности: немецкое наступление по всему фронту, как это было в прошлом и позапрошлом годах; тогда, в случае отмены или неудачи немецкого наступления, советские войска перейдут в наступление, как это было прошлой зимой. Несмотря на то что русские не склонны признавать этот факт, они многое выиграли после проведения операции союзников в Средиземном море, а также угрозы высадки их войск либо там, либо на Атлантическом побережье. Если бы Гитлер мог надеяться на еще один год передышки на Южном и Западном театрах, он конечно же строил бы более амбициозные планы на будущую летнюю кампанию в СССР. Но, как оказалось, перед Германией замаячила перспектива, когда страна будет не в состоянии полностью владеть инициативой и допустить, чтобы русские сами перешли в наступление до конца лета.

Самым уязвимым участком фронта все еще оставался его южный фланг. Линия фронта группы армий «Юг» в районе Харькова протянулась примерно на 220 км на восток вдоль реки Северский Донец, а затем она резко уходила на юг вдоль реки Миус до самого Таганрога. На южном берегу Северского Донца советские войска удерживали несколько плацдармов, самый важный из которых находился прямо на излучине реки южнее Изюма. Для обороны фронта протяженностью примерно 400 км группа армий «Юг» располагала всего двумя армиями: 1-й танковой на реке Северский Донец и 6-й армией, сформированной за счет армейской группы «Холлидт» и представлявшей собой лишь бледную тень своей предшественницы, — на реке Северский Донец. Если бы русские предприняли наступление на глубину всего 150 км в направлении Харьков—Днепропетровск, обе немецкие армии оказались бы отрезанными, а

южный участок Восточного фронта открытым. Группа армий «А» тоже была бы изолирована на Кубани и в Крыму. Однако опыт прошлой зимы показал, что мастерство немцев и недостаточная выучка русских часто приводили к тому, что поставленные советским командованием задачи выполнялись далеко не полностью. Но даже этого было более чем достаточно. Заранее предполагая, что советская Ставка не сможет проигнорировать эти факты, отдел «Иностранные армии Востока» ОКХ предположил в мае 1943 г., что советские войска главный удар будут наносить на юге, либо в районе Харькова, либо на участке 6-й армии. При этом русские планируют организовать вспомогательный удар на участке группы армии «Центр» — с тем, чтобы связать боем ее войска и срезать Орловский выступ, представляющий собой потенциальную угрозу для флангов наступающих на южном участке советских войск.

Вполне возможно, что, даже не имея столь очевидных тактических преимуществ, летом 1943 г. Ставка все равно сосредоточила бы основное внимание на южном участке. Потеря этих территорий в результате немецкой агрессии была особенно болезненна для СССР, так как там находились богатые месторождения угля и черных металлов; из этих областей Советская страна получала большую часть продовольствия, в особенности зерновых и продуктов животноводства. Все это можно было быстро вернуть, но для этого нужно было освободить Украину. Между Сталино и рекой Миус располагалась добрая половина угольных шахт. В большой излучине Днепра находилось Криворожское месторождение, которое обеспечивало до 40% потребностей Советского Союза в железной руде. И несмотря на все усилия, предпринимавшиеся в последние два года для освоения новых земель к востоку от Урала, для того чтобы в обозримом будущем решить продовольственную проблему, было необходимо вернуть черноземные районы Украины.

К лету 1943 г. Германии удалось на некоторое время успешно решить проблему сокращения личного состава войск на Восточном фронте, которая вызывала такое беспокойство прошлой осенью и зимой. По состоянию на 20 июля общая численность немецких войск на Восточном фронте составила без учета союзников и 20-й горной армии 3064 тыс. солдат и офицеров. Это было всего на четверть миллиона меньше максимальной численности немецкой группировки на Востоке в 1941 г. и более, чем на 574 тыс. больше, чем ее численность по состоянию на 1 сентября 1942 г. Итальянская 8-я армия весной была отозвана из России (жалкие остатки. — *Ред.*), но румынские и венгерские союзники все еще имели на Восточном фронте от 150 до 200 тыс. солдат и офицеров. На участке группы армий «Север» южнее Ленинграда оборону держала испанская 250-я «голубая дивизия».



Восстановление сил Германии на Восточном фронте в значительной мере было достигнуто за счет перевода в армию военнослужащих люфтваффе, использования войск СС, а также за счет переброски с запада и с юга соединений, подчинявшихся ОКВ. Более чем трехмесячное затишье по всему фронту означало, что впервые за последний год число вернувшихся из госпиталей после излечения военнослужащих превысило потери немецких войск. Призыв молодежи 18-летнего возраста, отмена брони для некоторых категорий рабочих позволили Германии накопить достаточно людских резервов для того, чтобы возместить зимние потери и даже оставить несколько сот тысяч про запас.

20 июля 1943 г. численность советских вооруженных сил, по оценкам немецкой стороны, достигла 5755 тыс. военнослужащих. За период после сентября 1942 г. в армию было призвано более 1,5 млн человек, что в три раза превысило количество призывников вермахта за то же время. Русские сосредоточили на советско-германском фронте 7855 танков и 21 050 противотанковых орудий; немцы — 2088 танков (на 30 июня 1943 г. было 3822 плюс 20 в Финляндии (*Мюллер-Гильдебранд. Сухопутная армия Германии. Т. 3. С. 163*). — *Ред.*) и 8063 противотанковых орудий<sup>1</sup>.

Обычно такого соотношения 2 к 1 в личном составе, примерно 4 к 1 в танках и более чем 2 к 1 в противотанковых орудиях было достаточным для того, чтобы начать наступление. Но на советско-германском фронте это правило не обязательно действовало. Ведь еще с самого начала войны немцы привыкли действовать против превосходящих их численно советских войск. Поэтому должен был иметь место какой-то другой фактор, помимо численности личного состава и количества боевой техники, который позволил русским победить немцев на поле, где им прежде не было равных, во время летней наступательной кампании.

Еще одним соображением, в значительной степени повлиявшим на решение Ставки предпринять летнее наступление, было сознание того, что в военном деле советская армия переросла уровень «подмастерья». За два года войны генералы И.В. Сталина многому научились. Не удовлетворившись ролью слепых подражателей, они вносили в перенятые у немцев методы решения, принятые на основе собственного опыта и способностей. И хотя они не достигли уровня мастерства своих немецких оппонентов, советские генералы, по крайней мере на высшем уровне, приобрели гибкость, которой им явно не хватало ранее, и значительно усовершенствовали такти-

---

<sup>1</sup> Немецкие оценки не совсем верны; их источники склонны к занижению реальных цифр. Так, согласно советским данным, опубликованным в послевоенные годы, советская сторона имела на фронте 8500 танков, еще 400 находилось в резерве Ставки Верховного главнокомандования.

ку наступательных действий. Свои знания они успешно проверили и усовершенствовали в ходе зимнего наступления 1942/43 г.

Немецкая техника блицкрига требовала от командования умения наносить решающий удар с максимальной точностью, стремительностью и экономией сил. Ее отличительными чертами были глубокий прорыв и умение избежать ширококомасштабных лобовых столкновений с противником. С точки зрения офицеров германских штабов, *Schwerpunktbildung* (концентрация сил) является основой основ военного искусства. В то же время русские отдавали предпочтение более широким фланговым маневрам и придерживались более консервативных взглядов на военную науку. В их понимании прорыв и вклинение были основными тактическими приемами, а решающий успех достигался путем нанесения нескольких последовательных ударов в глубину обороны противника. В отличие от немцев, русские считали, что оборону противника следует прорывать сразу на широком фронте, а не в результате одного или нескольких глубоких вклинений. Русские, как и немцы, принимали идею концентрации сил, но обычно сосредоточение их боевых порядков на направлении главного удара носило менее выраженный характер, и почти всегда успех достигался нанесением ряда последовательных ударов по обороне противника.

Таким образом, несмотря на то что русские заявляли, что Сталинградская битва представляла собой классическое воплощение Канн, то есть сражение на окружение войск противника, они, по сравнению с немцами, реже применяли двойной охват боевых порядков противника. Гораздо более часто они довольствовались одним охватывающим ударом или несколькими последовательными ударами в глубину обороны противника, преследуя при этом не столько цель глубоко вклиниться в его тылы, сколько заставить противника отступить на широком фронте. Такая тактика была особенно характерна для операций, проведенных русскими в южной части СССР, где оборона противника строилась на нескольких естественных оборонительных рубежах по берегам рек, которые протекают там параллельно одна другой. Наступление от одного такого рубежа до другого заставляло в результате немцев последовательно отводить свой фронт на всем его протяжении.

Главной целью наступления немецких войск, по крайней мере в теории, было уничтожение армии противника в кратчайшие сроки. Задачей было не просто завоевание территории или изменение к лучшему занимаемой позиции, а достижение более решительных целей. В свою очередь, русские меньше заботились о скорости продвижения или нанесении противнику решительного поражения; они удовлетворялись тем, что сопротивление врага преодолевалось шаг за шагом. Вопреки общему мнению о том, что русских мало волновали понятия географического пространства, они, наоборот, скорее

были склонны соизмерять свои победы с отвоеванными территориями, а не с нанесенным противнику ущербом или достижением тактических преимуществ. Их конечной целью тоже было уничтожение противника, но в результате нескольких наступательных операций, а не одного сражения. Успех достигался скорее массой войск, а не умелой организацией боевых действий.

Пожалуй, не существует более удачного исторического примера, когда тактика была успешно построена на недостатках армии, чем то, как вела боевые действия во Второй мировой войне советская сторона. Несмотря на ту завесу теоретизирования, которые русские построили вокруг двух главных тактических приемов своих войск: удар в основание выступа или наступление на широком фронте, все это может найти гораздо более простое и логичное объяснение, если рассмотреть недостатки русских войск. Как ясно следует из речей И.В. Сталина и его приказов, с точки зрения русских, самым быстрым и эффективным средством уничтожения крупных сил противника было окружение. В то же время, очевидно, советские командиры считали двойной охват недостаточно надежным маневром, и все их планирование сводилось к концепции одиночных ударов. Выполнение двойного охвата требовало отлаженного взаимодействия войск и высокой степени выучки на всех уровнях командования. Особенно высокие требования этот маневр предъявляет к командирам среднего и низшего звена, которые должны были проявлять инициативу и умение действовать в меняющейся обстановке без ущерба для общего замысла операции. Таким умением русские командиры, по крайней мере значительная их часть, не обладали. Кроме того, проведение операции на окружение противника требовало высокой степени выучки войск, которая у русских также отсутствовала.

На основе выводов, сделанных из катастрофы 1941 г., советская армия сосредоточила основные усилия на развитии артиллерии и танковых войск. И в том и в другом роде войск основной упор делался на увеличении производства боевой техники и вооружения, а также на их массовом применении.

К середине 1943 г. советская артиллерия значительно выросла количественно и имела на вооружении надежные артиллерийские системы. Может быть, она не всегда была способна выполнять задачи по уничтожению точечных целей противника, но обеспечивала артиллерийскую подготовку наступления, сравнимую по мощности с ведением огня во время величайших битв Первой мировой войны. Например, в наступлении на Орловском направлении в июле 1943 г. 11-я гвардейская армия имела примерно 3 тыс. пушек и тяжелых гаубиц. Это почти вдвое превышало те же показатели для армий, действовавших в Сталинградской операции, и втрое превосходило количество артиллерии в армиях, участвовав-

ших в контрнаступлении под Москвой в 1941 г. К концу 1942 г. Красная армия располагала 17 отдельными бригадами реактивной артиллерии и начала формирование 30 полков самоходной артиллерии. Весной 1943 г. русские приступили к созданию отдельных артиллерийских бригад и полков противотанковой артиллерии, а во второй половине года было сформировано 26 артиллерийских дивизий<sup>1</sup>.

Танковые войска были хорошо обучены, значительная (большая. — *Ред.*) их часть была оснащена танками Т-34 советской разработки и производства. На фронте использовались также и американские, и английские танки, однако считалось, что они были слишком легкими. (Английские и американские танки были разными — тяжелые «Черчилль», средние «Матильда», «Валентайн», «Генерал Ли» и «Шерман», легкий танк «Стюарт». — *Ред.*) Советское командование отказалось от прежней тактики распыления танков поштучно в пехотных подразделениях. Стандартными танковыми частями и соединениями стали танковая бригада и корпус. Танковые армии, которых к концу лета 1943 г. было уже пять, имели в своем составе по два танковых и один механизированный корпус. Эти войсковые объединения были способны решать самостоятельные оперативные задачи<sup>2</sup>.

К началу лета 1943 г. советская авиация имела количественное превосходство над противником в соотношении не менее чем 2,5 к 1. Советская авиация продолжала находиться в подчинении армии и выполняла в основном задачи авиационной поддержки войск, ПВО, и тактического бомбометания. К концу 1942 г. действия каждого советского фронта поддерживала одна воздушная армия<sup>3</sup>.

В 1943 г. пехота, в особенности гвардейские части, усиленно оснащалась противотанковыми средствами. Туда начали поступать пистолеты-пулеметы Судаева, а также новые пулеметы Горюнова, которые сменяли устаревшие системы Максима образца 1910 г. (образец 1910/1930 гг., модернизированы в 1941 г.)<sup>4</sup>.

Однако явное предпочтение, которое отдавалось развитию технических средств войны, привело к постоянной недооценке пехоты. Она получала самый худший призывной контингент, здесь были наименее грамотные офицеры, подготовке войск уделялся минимум времени. В 1943 г. немцы отмечали, что уровень подготовки советской пехоты по сравнению с 1941 г. снизился и что ее качество продолжает падать. Такая пехота могла эффективно действовать в массированных атаках, но не годилась для выполнения сложных тактических маневров. Сама по себе пехота была практически ли-

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 211—214, 277.

<sup>2</sup> Там же. С. 215.

<sup>3</sup> Там же. С. 217.

<sup>4</sup> Там же. С. 211.

шена стойкости. (Советская пехота, в основном из крестьян, проявила чудеса стойкости и в Сталинграде, и в Харькове, и на Курской дуге. Грамотности, очевидно, не хватало, и это сказывалось в действиях в наступлении. — *Ред.*) Без мощной поддержки танков и артиллерии она сразу же теряла наступательный порыв и действовала неорганизованно.

Эти недостатки, которые делали нереальным четкое выполнение двойного охвата, значительно снижали эффект и при нанесении одиночных ударов. Зная о своих слабостях, а также о недостатках своих солдат, советские командиры почти всегда были крайне чувствительны к тому, что происходило у них на флангах. После прорыва, успех которого обычно гарантировало применение танков и артиллерии, они демонстрировали нежелание продолжать наступление в глубину обороны противника и зачастую начинали наносить удары во все стороны в попытке уничтожить противника на флангах. В итоге результаты наступления оказывались гораздо скромнее, чем ожидалось. Даже тогда, когда танки могли продолжать стремительное наступление, пехота зачастую отставала от них. Таким образом, удары в глубину обороны противника превращались в танковые рейды, которые часто заканчивались катастрофой, как это случилось в феврале 1943 г. с группой М.М. Попова.

Глубина нанесения удара определялась соображениями сохранения управления войсками и тылового обеспечения. Поскольку наступление само по себе затрудняет планирование всех деталей, за исключением первых нескольких дней боев, по мере его развития проявляются все новые и новые непредвиденные ранее обстоятельства. В результате бремя проявления инициативы начинает все больше и больше ложиться на плечи полевых командиров и самих солдат. Как следствие, по мере продвижения войск в наступлении все дальше в глубину обороны противника шансы на его полный успех уменьшались по причине тех присущих Красной армии недостатков, которые рассматривались выше.

И наконец, советская система тылового обеспечения, несмотря на то что иногда ей удавалось творить чудеса импровизации, не была должным образом организована и оснащена для осуществления планомерного снабжения войск при их продвижении на значительные расстояния. Советский солдат, кормившийся почти исключительно тем, что мог унести с собой в вещевом мешке, который он привычно носил за плечами или привязывал к ремню, предпочитавший немецкую обувь, немецкое оружие и экипировку тому, что было ему выдано (автор снова перегибает. — *Ред.*), общепризнанно считавшийся хапугой, был одним из самых неприхотливых в мире. Военнослужащие вообще не прочь пограбить и любят собирать трофеи. Примером того, чего можно достичь на этом поприще, является армия, которая зимой 1942 г., проходя по территории, на которой нем-

цы успели осуществить свою тактику «выжженной земли», умудрилась обеспечить свои месячные потребности в основных продуктах: в муке — на 54%; овощах — на 97%; мясе — на 108%; сене — на 140%; овсе — на 68%<sup>1</sup>.

Но современные армии не могут действовать полностью автономно, полагаясь только на трофеи. Из этого следует, что во время наступления армии русских были в основном (пусть и не всегда) обеспечены вооружением и топливом. Правило большого пальца гласит, что каждая армия должна иметь на складах запасы, достаточные для ведения боев в течение 10 дней и продвижения на 90—100 км. Когда эти запасы кончались (а иногда и до этого), как правило, начинались проблемы с продолжением мобильной операции по причине нехватки транспорта и общей недооценки проблем тыла. Например, до июльского наступления 1943 г. на Орловском выступе пехотные части недополучали довольствие и боеприпасы, поэтому все это пришлось доставлять в войска уже во время наступления. Это привело к появлению приказа командования, который, вероятно, все же не был принят командирами за аксиому: «Опыт... показывает, что пехота так же нуждается в снабжении продовольствием и боеприпасами, как и артиллерия»<sup>2</sup>.

Довольно часто и сами подвижные войска испытывали проблемы со снабжением, что видно из следующего документа: «Невнимательное выполнение задач планирования тылового обеспечения мобильных групп может привести к ее гибели или, в лучшем случае, неудаче при выполнении поставленной задачи»<sup>3</sup>.

Как нанесение удара на одном направлении позволяло избежать выполнения более жестких требований, которые предъявляет операция на окружение противника, так и концепция последовательных ударов на широком фронте позволяла избежать проблем, возникающих по мере развития этого одиночного удара. Широкий фронт позволял расширять полосу наступления, благодаря чему Ставка имела возможность наращивать свои силы на нескольких участках и тем самым избегать риска, связанного с наступлением на одном четко определенном направлении. Наступление можно было относительно просто контролировать, поскольку его успех не зависел от маневров одной или нескольких войсковых групп в движении, а достигался за счет серии ударов, нанесенных более или менее произвольно с удобных исходных рубежей. Проблемы тылового обеспечения войск если и не устранялись полностью, то, по крайней мере, значительно упрощались: снабжение могло осуществляться по нескольким железнодорожным веткам, и ни один из

---

<sup>1</sup> Сборник № 9.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

ударов не наносился на такую глубину, чтобы войска отрывались от собственных тыловых баз. Итак, несмотря на то что советская сторона утверждает обратное, наступление на широком фронте являлось в лучшем случае модернизацией линейной тактики ведения боя. Она требовала массовых армий, многочисленных фронтальных ударов, а также предполагала намерения противника (а Гитлер хотел этого) отвечать на такие способы наступления такой же линейной обороной.

В области психологической войны операция «Цитадель» дала Советскому Союзу явную и окончательную победу. Эффективность психологической войны и пропаганды с немецкой стороны, которой к тому же мешали расовая теория Гитлера и его экстремистские цели, начала неуклонно падать еще после зимы 1941/42 г. Однако весной 1943 г. «Смоленский манифест» создал для советских властей некоторую почву для беспокойства, а проведение операции «Серебряная полоса», несмотря на то что она не дала конкретных практических результатов, пробудило у немецкой стороны некоторые надежды. После операции «Цитадель» немецкие специалисты по психологической войне ушли в глухую оборону. Советская пропаганда навсегда перехватила инициативу. Русским удалось воспользоваться тем, что в течение двух лет немцы вели себя на оккупированных советских землях жестоко и несправедливо. Кроме того, в пропагандистских целях была использована страстная вера части советского народа в то, что после возвращения Красной армии жить станет гораздо лучше. Кроме того, народу обещалось, что война вот-вот будет закончена.

Операция «Цитадель» и последовавшие за ней события помогли вооружить советскую пропаганду новыми серьезными доводами для тех, кто продолжал бороться с русскими солдатами по другую сторону линии фронта. В конце лета в Советском Союзе был создан комитет «Свободная Германия» и при нем Лига германских офицеров. В комитет «Свободная Германия» входили в основном коммунисты-эмигранты. Лига германских офицеров была провозглашена добровольной некоммунистической организацией. Она объявила своей целью свержение Гитлера и восстановление в Германии традиционного общественно-политического строя. Лигу возглавил генерал В. Зейдлиц; сразу же после ее основания в нее вошли еще три немецких генерала и более 100 офицеров, попавших в плен после Сталинградской битвы. Она издавала свою газету, которую разбрасывали над позициями немецких войск. Генерал В. Зейдлиц время от времени обращался с письмами к командующим немецкими армиями и группами армий, в которых призывал их присоединиться к комитету «Свободная Германия».

## Четвертая битва за Харьков

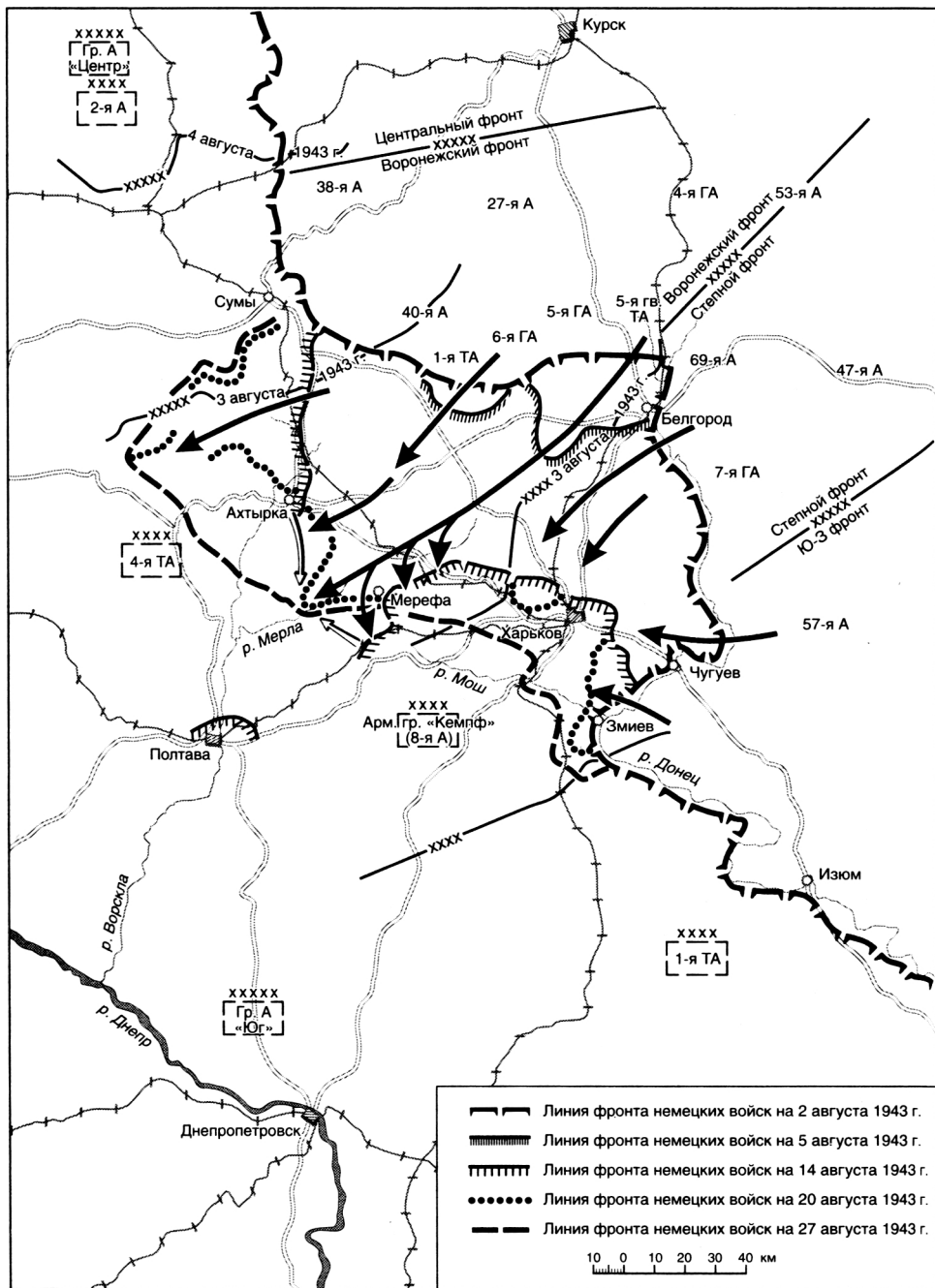
Северо-западнее Белгорода, на правом фланге 4-й танковой армии, примыкавшем к левому флангу армейской группы «Кемпф», держала оборону 167-я пехотная дивизия. Дивизия находилась в хорошем состоянии; это означало, что она не потеряла большей части своего личного состава и была боеспособна, в особенности по сравнению со стандартами, установленными для соединений Восточного фронта позднее. Утром 3 августа артиллерия советской 6-й гвардейской армии нанесла по позициям дивизии массированный удар. Затем на них обрушились 200 танков, за которыми шли плотные ряды русской пехоты. До наступления полуночи от дивизии осталось всего несколько рассеянных по всему участку обороны подразделений. Пехотные части были полностью разгромлены; оставшиеся в живых пребывали в состоянии шока после неожиданной катастрофы.

На центральном участке обороны 4-й танковой армии русские нанесли вспомогательный удар, который пришелся по позициям 332-й пехотной дивизии. К концу дня этот участок фронта также начал разваливаться. 4 августа два советских танковых корпуса перешли в наступление в южном направлении. Удар пришелся в стык между остатками 167-й пехотной дивизии и 6-й танковой дивизией, которая тщетно пыталась прикрыть открывшуюся в линии фронта брешь. В течение дня советские войска пробили 10-километровую брешь между 4-й танковой армией и армейской группой «Кемпф» и заставили немцев на восточном участке отойти к окрестностям Белгорода.

Наиболее вероятной задачей советского наступления на северном фланге группы армий «Юг», по прогнозам немецкой стороны на лето 1943 г., было освобождение Харькова и прорыв к реке Днепр (см. карту 14). 21 июля Э. Манштейн призвал ОКХ принять окончательное решение о том, стоит ли удерживать рубеж на реке Северский Донец, что требовало отвлечения дополнительных сил, или необходимо готовиться к постепенному отходу на Днепр, что позволит собрать достаточное количество войск для предотвращения прорыва русских на северном участке. Ничего так и не было сделано. В конце месяца в составе группы армий «Юг» было 822 тыс. солдат и офицеров, которым противостояли 1713 тыс. русских. Группа армий имела 1161 танк, из которых примерно половина была исправной. У русских было 2872 танка.

Против немецких 4-й танковой армии и группы «Кемпф» действовали советские Воронежский и Степной фронты, усиленные резервными армиями, которые Ставка подготовила для противодействия операции «Цитадель». За последние две недели июля Степной фронт





Карта 14. Четвертая битва за Харьков. 3—27 августа 1943 г.

под командованием И.С. Конева сместился на левый фланг Воронежского фронта Н.Ф. Ватутина восточнее и южнее Белгорода. В его состав были переданы две армии, занимавшие позиции на этом участке и еще две армии из резерва Ставки. Замыслом советского командования предусматривалось нанесение стремительного удара силами четырех армий, 5-й и 6-й гвардейских, 5-й гвардейской танковой и 1-й танковой армии в юго-западном направлении, между Ахтыркой и Харьковом на Полтаву. В то время как Воронежский фронт наносил рассекающий удар в стык между немецкой 4-й танковой армией и группой «Кемпф», оттесняя 4-ю армию в сторону Ахтырки, Степной фронт И.С. Конева должен был наступать на Харьков с севера. Развернутая на правом фланге Юго-Западного фронта 57-я армия должна была продвигаться к Харькову с востока<sup>1</sup>.

1 августа Э. Манштейн проинформировал командование ОКХ, что он считает советское наступление на Харьков неизбежным следующим шагом советского командования. Тем не менее, когда через два дня наступление русских началось, оно явилось для немецкой стороны неожиданностью и застигло 4-ю танковую армию и армейскую группу «Кемпф» на исходных позициях, которые они занимали перед началом операции «Цитадель». После операции «Цитадель» Э. Манштейн сделал вывод, что наступление группы армий «Юг» достаточно расстроило боевые порядки русских для того, чтобы обеспечить несколько недель передышки перед началом их контрнаступления. 2 августа, считая, что у него еще есть время, генерал-фельдмаршал решил «дождаться более очевидных признаков подготовки русского наступления», прежде чем начать отвод своих войск на оборонительные позиции.

5 августа советские войска вошли в Белгород. В тот же день на участке группы армий «Центр» войска Брянского фронта заняли Орел. В ознаменование двойной победы И.В. Сталин приказал устроить артиллерийский салют из двенадцати залпов 120 орудий. Салют был дан впервые за все время войны, и поэтому некоторые жители Москвы, решив, что начался авиационный налет, спрятались в подвалах. В последующие месяцы (и годы) победная артиллерийская канонада станет обычным явлением в советской столице. В качестве дополнительной награды соединения, которые первыми вошли в Белгород и Орел, были удостоены чести включить в свои названия имена освобожденных городов. В отданном в тот день приказе И.В. Сталин отметил: «Таким образом, немецкий миф о том, что советские войска якобы не способны вести успешное наступление в летний период, развеян». В этом возгласе облегчения и ликования

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 286.

вания И.В. Сталин публично заявил о том, что советское правительство с оптимизмом смотрит на дальнейший ход войны. Он решился объявить всему миру о том, что советские войска начали летнее наступление по всему фронту.

Имея в своем составе 15 дивизий, в том числе 3 танковые, немецкая 4-я танковая армия и группа «Кемпф» вели бои против двух советских фронтов и части сил еще одного фронта. Эти три фронта все вместе сосредоточили против двух немецких армий одиннадцать советских. Даже с учетом того, что советские армии обычно имели меньше личного состава и техники, чем немецкие (в несколько раз. — *Ред.*), соотношение сил давало русским огромный перевес. (К 3 августа белгородско-харьковская группировка немцев насчитывала до 300 тыс. человек, свыше 3 тыс. орудий и минометов и до 600 танков и штурмовых орудий при поддержке с воздуха 4 ВФ (свыше 1000 самолетов). Советские же войска здесь после доукомплектования имели свыше 980 тыс. человек, более 12 тыс. орудий и минометов, 2400 танков и САУ и 1300 самолетов. — *Ред.*)

Одним из первых шагов, предпринятых Гитлером после начала советского наступления, был приказ о передаче в группу армий «Юг» дивизии «Великая Германия» из группы армий «Центр» и 7-й танковой дивизии из резерва ОКХ. На следующий день фюрер также решил оставить в группе армий «Юг» дивизии СС «Рейх» и «Мертвая голова». Поскольку штаб II корпуса СС уже отбыл в Италию вместе с дивизией СС «Адольф Гитлер», Э. Манштейн принял решение включить две танковые дивизии СС в состав III танкового корпуса, куда также входила 3-я танковая дивизия. Эти дивизии СС вместе с третьей дивизией СС «Викинг» он направил на участок армейской группы «Кемпф».

В течение первых шести дней боев группа армий «А» передала группе армий «Юг» одну пехотную, а группа армий «Центр» — три пехотные дивизии. Однако 7 августа Г. фон Клюге доложил командованию ОКХ, что сражение на Орловском выступе приближается к своей кульминации. Он настаивал на том, что не может больше отдавать свои соединения, иначе будет значительно ослаблена оборона на рубеже «Хаген». Через несколько дней такой же доклад поступил и от генерала В. Моделя. В результате в самые важные первые дни сражения группа армий «Юг» получила из группы армий «Центр» только незначительную помощь. В то же время немецкие 2-я танковая армия и 9-я армия, потенциально представлявшие собой значительный источник резервов на Восточном фронте, вели силами 45 дивизий бои на второстепенном направлении в районе Орловского выступа.

Самое большее, что группа армий «Юг» могла сделать в районе прорыва в течение первых пяти дней боев, была попытка воспрепятствовать наступлению советских войск на широком фронте. Для

того чтобы получить свободу маневра, 4-я танковая армия растянула свой фронт на 60 км к северу, для чего имела в своем распоряжении лишь 4 ослабленные дивизии, полученные из 2-й армии. В то время как три дивизии, отрезанные в результате первого натиска русских, пытались прорваться на запад, Г. Гот перебросил только что переданную ему дивизию «Великая Германия» на плацдарм восточнее Ахтырки. Это соединение должно было стать основой его правого фланга и отразить дальнейший натиск советских войск далее на север и на запад. Но Г. Гот ничего не мог сделать для того, чтобы прикрыть брешь на фланге группы «Кемпф», ширина которой к 8 августа достигла более 50 км. Поэтому, за исключением одного участка северо-западнее Полтавы, который обороняла одна пехотная дивизия, русским повсюду был открыт путь к Днепру, до которого им оставалось преодолеть примерно 150 км в юго-западном направлении.

Справа от разрыва в линии фронта группа «Кемпф» вела бои, пытаясь избежать окружения; в то же время под давлением советского Степного фронта войска на ее северном фланге были вынуждены отступить к Харькову. На западе 1-я танковая армия Воронежского фронта попыталась нанести удар южнее города. Переброшенные с правого фланга группы армий «Юг» дивизии СС должны были быть брошены накрытие тылов армейской группы «Кемпф» западнее Харькова. Э. Манштейн намеревался использовать их для нанесения контрудара с целью закрыть брешь, однако, как только они прибыли на фронт, эти дивизии сразу же были связаны боем. Максимум, чего им удалось добиться, было построение оборонительного рубежа параллельно реке Мерла. В результате удалось лишь слегка сузить брешь и заставить русских сместить направление наступления к юго-западу, оставив Харьков в стороне.

12 августа В. Кемпф, обеспокоенный тем, что численность пехоты в его группе значительно уменьшилась, предложил на следующий день эвакуировать Харьков и отойти к югу от города, тем самым сократив линию фронта. Э. Манштейн был не против. Но Гитлер сразу же издал приказ, в котором настаивал на том, что город следовало удерживать при любых обстоятельствах, и потребовал «применения самых суровых мер» по отношению к любым частям, которые не смогут выполнить поставленные им задачи. В. Кемпф, который ожидал прорыва русских с востока в любой момент (57-я армия уже форсировала реку и захватила Чугуев), заявил, что приказ удерживать Харьков приведет к еще одному Сталинграду. 14 августа Э. Манштейн освободил В. Кемпфа от его обязанностей и назначил на его место генерала пехоты Отто Вёлера. Еще через несколько дней армейская группа была переименована в 8-ю армию.

В это время Э. Манштейн и начальник Генерального штаба ОКХ снова попытались убедить Гитлера принять более реалистичный

план. 8 августа К. Цейцлер посетил штаб группы армий «Юг», где Э. Манштейн доложил ему о том, что поставлена на карту судьба всей группы армий. Для того чтобы отвести эту угрозу, следовало принять одно из двух решений: либо немедленно оставить участок фронта в районе реки Северский Донец и тем самым высвободить войска для переброски на северный участок, либо передать группе армий двадцать свежих дивизий. При этом десять из них предназначались для 4-й армии, а еще десять должны были стабилизировать расползающийся фронт.

Гитлер, как он обычно поступал в схожих обстоятельствах, когда стоял перед трудным выбором, всячески избегал принятия конкретного решения. Он объявил о новой тактике действий. Неожиданно он вернулся к идее создания Восточного вала, которую категорически отверг всего несколько месяцев назад. 12 августа фюрер отдал приказ немедленно приступить к работам, которые должны были начаться на юге, на Керченском полуострове. Далее линия укреплений должна была протянуться в сторону Мелитополя, пройти почти по прямой линии к Днепру, а в районе Запорожья огибая город с востока. Затем рубеж укреплений тянулся по реке Днепр на северо-запад до Киева. При этом в районе всех крупных городов должны были создаваться мощные опорные пункты. Севернее Киева укрепления создавались на реке Десна до Чернигова, а потом шли практически по прямой линии строго на север, восточнее городов Гомель, Орша, Витебск, Невель и Псков до южной оконечности Псковского озера. Далее Восточный вал должен был проходить на север, до Финского залива, вдоль западного берега Псковского озера и реки Нарва. Поскольку под термином «Восточный вал» понималась линия, южная часть которой должна была быть занята войсками еще до начала работ, что было опасно с точки зрения психологии, через месяц в ОКХ были приняты еще два кодовых названия: линия «Вотан» для участков фронта групп армий «Юг» и «А» и линия «Пантера» для групп армий «Север» и «Центр».

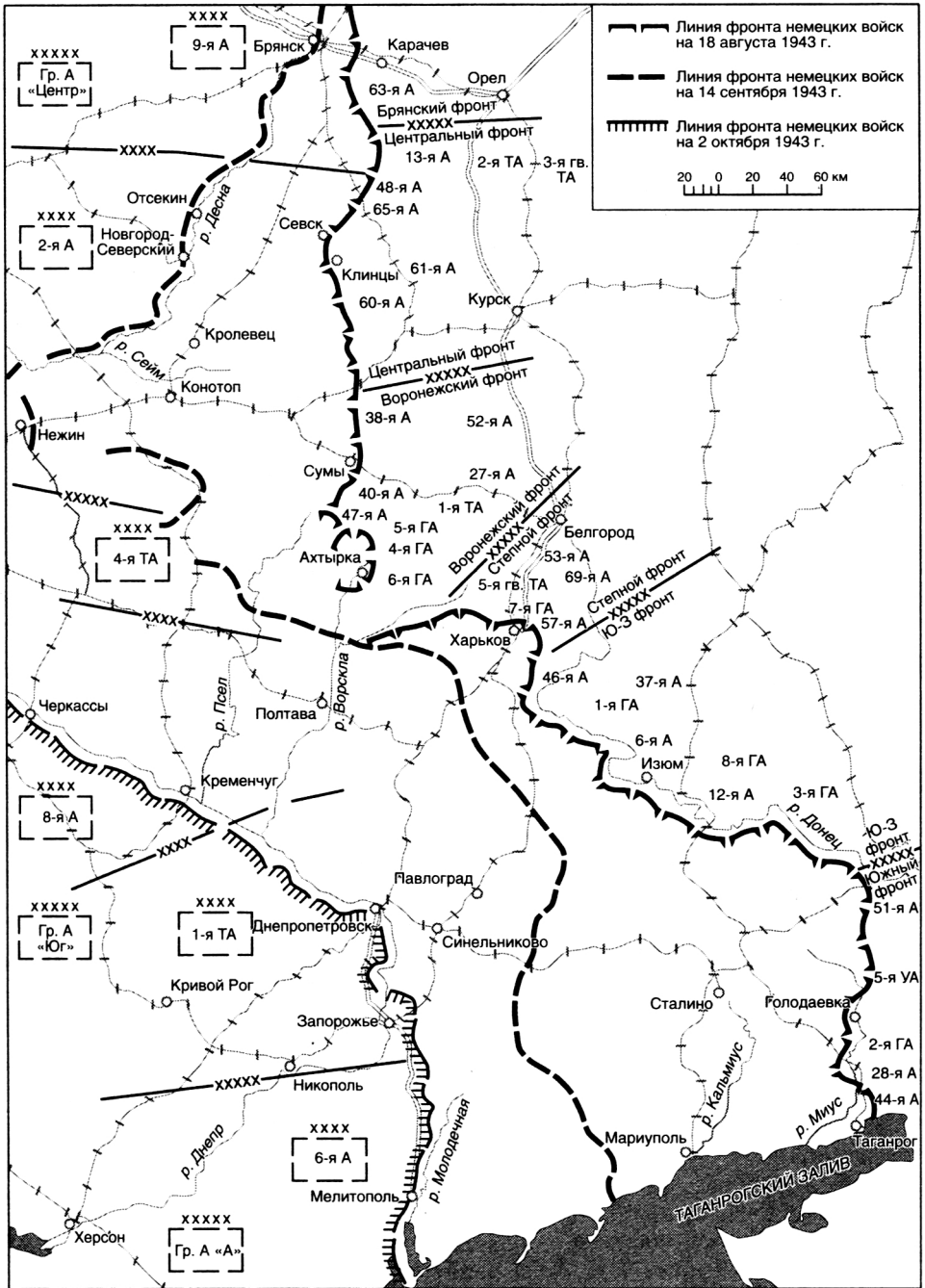
Несмотря на то что на первый взгляд могло показаться, будто приказ Гитлера о создании Восточного вала означал начало общего отступления на Восточном фронте, на самом деле это было не так. С точки зрения Гитлера, этот рубеж должен был обозначить абсолютную границу, об отступлении далее которой немецкие командиры не могли даже помышлять. А поскольку на тот момент никакие работы по созданию Восточного вала еще не начинались, Гитлер как бы оставлял себе оправдание за то, что войска не были отведены туда своевременно. Так, 14 августа фюрер отменил ранее принятое им решение об отводе войск с опорного плацдарма *Gotenkopf*, мотивируя это тем, что отступление может неблагоприятно отразиться на поведении союзников Германии и нейтральной Турции.

В то время как Гитлер пытался отвлечь себя от неприятных дискуссий со своими генералами, битва на северном фланге группы армий «Юг» продолжалась. К концу второй недели августа она приобрела хаотический характер, в основном из-за нерешительности русских командиров при планировании наступления (см. карту 15). Путь на Полтаву все еще был открыт, но Н.Ф. Ватутин колебался и не отдавал приказа на прорыв, пока немцы прочно удерживали фланги по обе стороны от разрыва в линии фронта. Вместо этого он повернул армии своего левого фланга, 5-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую, против западного участка фронта 8-й армии (ранее — армейская группа «Кемпф»), где дивизии СС удерживали фронт под углом в сторону юго-запада от Харькова. На более слабом восточном участке обороны 8-й армии советская 57-я армия очистила от противника правый берег Северского Донца между городами Чугуев и Змиев, но по каким-то непонятным причинам командование этой армии не смогло додуматься до мысли о полномасштабном прорыве обороны 8-й армии.

Э. Манштейн под давлением Гитлера был вынужден смириться с опасностью, нависшей над его войсками. В тшетной, с точки зрения долговременной перспективы, борьбе за удержание Харькова он сосредоточил усилия на решении самого важного в тактическом отношении вопроса ликвидации разрыва линии фронта между участками 4-й танковой и 8-й армией.

После того как дивизии СС оказались связаны боями на западном участке обороны 8-й армии, Э. Манштейн принял решение организовать контрудар силами 4-й танковой армии. 18 августа дивизия «Великая Германия» и 7-я танковая дивизия нанесли удар с плацдарма в районе Ахтырки. За два дня они прошли через всю брешь и установили контакт с дивизией СС «Мертвая голова», которая растянула свой левый фланг, форсировав реку Мерла. В результате этого контрудара была ликвидирована непосредственная угроза Полтаве. Но в это время фронт 4-й танковой армии снова был прорван севернее.

18 августа Н.Ф. Ватутин, придерживаясь той же тактики, что и в начале наступления, бросил 57-ю пехотную дивизию, удерживавшую участок между Ахтыркой и Сумами, в атаку под мощным огнем артиллерии, минометов и танков противника. К полудню дивизия потеряла всех младших офицеров и почти весь сержантский состав. Ее командование докладывало, что командиры батальонов кричали до хрипоты, но так и не смогли удержать солдат, которые ударились в бегство. В течение последующих двух дней русский фронт оголился примерно на 15 км. На одном из флангов этого разрыва находилось то, что осталось от 57-й дивизии, которая была переименована в войсковую группу. Этим терминам русские стали обозначать соединения, настолько ослабленные численно, что продолжать называть



Карта 15. Советское наступление к Днепру. 18 августа — 2 октября 1943 г.

их дивизиями значило вводить себя в заблуждение и было просто нелепо.

20 августа, в день, когда дивизии «Великая Германия» и «Мертвая голова» соединились западнее Харькова и ликвидировали разрыв в линии фронта, командующий 8-й армией генерал О. Вёлер попросил разрешения той же ночью вывести войска из города. Через несколько дней командования армией О. Вёлер в своих оценках был не более оптимистичен, чем предыдущий ее командующий В. Кемпф. Численность XI армейского корпуса, который оборонялся на северных окраинах Харькова, составляла около 4 тыс. человек, то есть на каждого солдата приходилось примерно 10 м фронта. Артиллерия, которая, как и пехота, понесла большие потери и которой приходилось нести основную тяжесть боев, осталась без боеприпасов. На армейских складах в Харькове оставалось пять эшелонов запасных танковых траков, предназначенных для операции «Цитадель», и практически больше ничего. Повышенный расход боеприпасов в течение последних полутора месяцев привел к тому, что во второй половине августа и первой половине сентября войска остались без снарядов. Затем, до конца месяца, армии приходилось довольствоваться половиной ежедневного боекомплекта артиллерийских и танковых боеприпасов.

С острым недовольством Гитлер разрешил Э. Манштейну эвакуировать Харьков, оговорив при этом условие, что город будет обороняться до последней возможности. Он заявил, что, оставив его, войска подорвут престиж Германии, особенно в глазах Турции. Ведь весной для осмотра «непреодолимой обороны города» в Харькове побывал турецкий главнокомандующий, который посетил армейскую группу «Кемпф».

20 августа Э. Манштейн все еще считал, что сможет удержать Харьков, и отдал приказ дивизии СС «Рейх» выдвинуться на север для поддержки XI армейского корпуса. Однако на следующий день он передумал и дал О. Вёлеру разрешение на «отход при необходимости». На следующее утро дивизия СС «Рейх» нанесла контрудар в полосе обороны XI корпуса, но О. Вёлер проинформировал Э. Манштейна, что намерен оставить город в любом случае. По его словам, артиллерия находилась в катастрофическом положении. Израсходовав последние снаряды, расчеты орудий переходили в пехотные подразделения. Э. Манштейн ответил, что на пути из Германии находятся 24 эшелона с боеприпасами, но согласился с тем, что вряд ли снаряды успеют поступить в войска. Во второй половине дня Гитлер в характерной для него манере потребовал не оставлять Харьков, если контрудар дивизии СС «Рейх» увенчается успехом. Но Э. Манштейн и О. Вёлер были единодушны в том, что это уже невозможно. Той же ночью город в четвертый и последний раз перешел из рук в руки.

Одновременно с тем, когда 8-я армия осуществляла отход южнее Харькова, массированные атаки русских с целью расширить участок



прорыва в обороне 4-й танковой армии и вновь открыть путь на Полтаву вынудили Г. Гота отвести свои войска южнее Ахтырки по обеим берегам реки Ворскла. К 25 августа ему удалось стабилизировать обстановку и нанести на участке разрыва фронта контрудар силами двух дивизий. Контрудар имел успех, и к 27 августа 4-я танковая и 8-я армия уже имели сплошной фронт между городами Сумы и Змиев в форме дуги с изгибом на юго-запад.

### **Фронт в огне**

Восстановив сплошной фронт на участке группы армий «Юг», левый фланг 4-й танковой армии и 8-я армия несколько восстановили обстановку, резко обострившуюся в результате бешеного натиска русских. Но противник уже наносил очередные удары на севере и на юге и готовил новые. Используя характерный для наступления русских волновой эффект, советские войска наносили удар на одном участке, а затем, столкнувшись с решительным сопротивлением, переносили усилия на другой, сочетая фронтальные атаки с фланговыми ударами. В первый раз за время войны они полностью владели стратегической инициативой и пытались максимально воспользоваться этим, не уделяя особого внимания вопросам экономии сил, применению хитрых тактических приемов и не заботясь о том, что войска могут вскоре переутомиться. Очевидно, в советской Ставке опасались, что немцы попытаются навязать им патовую ситуацию, и поэтому прилагали все усилия для того, чтобы не дать противнику прийти в себя и не позволить ему стабилизировать фронт на участках групп армий «Центр» и «Юг».

Действия фронтов на южном фланге Восточного фронта координировал А.М. Василевский, а против правого фланга группы армий «Центр» и левого фланга группы армий «Юг» действовал Г.К. Жуков.

Относительно спокойной оставалась обстановка только на крайних участках Восточного фронта. 23 августа действующие против группы армий «Север» Ленинградский и Волховский фронты, наконец, прекратили ненужное, дающееся им дорогой ценой наступление в районе «бутылочного горла» у Мги, южнее Ладожского озера, начавшееся четыре недели назад. Немцы не были особо обеспокоены по поводу этого наступления, так как с самого начала было видно, что оно обречено на неудачу. Они догадались, что основной целью русских было не дать им перебросить свои резервы на южный участок фронта. В последние две недели наступление превратилось в серию мелких ударов силами до дивизии и менее<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 307.

На юге самой важной задачей группы армий «А» было сохранить в тайне решение о выводе войск с плацдарма на Кубани *Gotenkopf* до начала осенней распутицы. Гитлер настаивал на том, что сначала следовало обсудить это решение с Й. Антонеску. В конце августа К. Цейцлер под свою ответственность приказал группе армий «А» начинать отход, поскольку это все равно было неизбежно.

Начиная с 20 августа давление противника на фронте группы армий «Центр» примерно на неделю ослабло. Войска Брянского и Центрального фронтов вышли на рубеж «Хаген», после чего Ставка приказала Н.Н. Воронову прекратить наступление на Рославль и произвести перегруппировку войск для нанесения удара через Ельню на Смоленск<sup>1</sup>.

Командование ОКХ, воспользовавшись этой паузой, перебросило еще пять дивизий из 9-й армии в группу армий «Юг».

23 августа, когда последнее из этих соединений отбыло к новому месту дислокации, Г. фон Клюге неожиданно проинформировал ОКХ, что не может больше гарантировать свой фронт от прорыва противником. Он предложил либо направить в его группу армий значительные резервы и новую технику, либо разрешить ему отвести войска назад, на рубеж СДБ (это сокращение образовано по названиям рек Сейм, Десна и Болва, по которым данный оборонительный рубеж проходил), о существовании которого было уже заявлено, но оборудование которого фактически еще не начиналось. И у Клюге были основания для беспокойства. Все говорило о том, что русские готовы перенести направление главного удара с фронта 9-й армии на армии, оборонявшиеся у нее по флангам. Занимавшая левый фланг 4-я армия в начале месяца едва смогла удержать свои позиции. На участке находившейся на правом фланге 2-й армии пока все было спокойно. Но эта армия стала жертвой пренебрежительного отношения командования. Во время зимних боев войска 2-й армии были сильно потрепаны, а позже армия не получала пополнения, так как считалось, что этот участок фронта, находившийся на западной стороне Курского выступа, будет ликвидирован в ходе операции «Цитадель». В состав 2-й армии входили 7 дивизий и 2 войсковые группы. В 4-й армии было 11 дивизий и 7 войсковых групп. 9-я армия все еще насчитывала 26 дивизий и 6 войсковых групп, а также многочисленные отдельные части и подразделения, но Г. Клюге уже не мог рассчитывать на то, что ему позволят использовать их для усиления двух других армий. Будучи любимчиком фюрера, В. Модель обладал большей самостоятельностью, чем любой другой командующий армией, и всем было прекрасно известно, что он

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 365.

меньше всего был настроен оголять свой фронт ради какого-нибудь другого участка. Почему-то Г. Клюге не очень беспокоил этот вопрос раньше, когда ему приходилось снимать с фронта свои дивизии и передавать их в группу армий «Юг».

26 августа возобновилось наступление Центрального фронта против группы армий «Центр». Удары наносились на правом фланге 9-й армии, в районе Карачева, а также на центральном участке 2-й армии, в районе Севска и восточнее Клинцов. Командование группы армий «Центр» и 2-й армии, поняв, что войска К.К. Рокоссовского собираются сманеврировать на север и нанести удар в тыл 9-й армии, приняли решение сначала снять угрозу с Севского направления. Безусловно, это было правильное решение, даже несмотря на то, что оно не устраняло угрозы полностью. На тот момент в резерве у К.К. Рокоссовского, за правым флангом его войск, находилось две танковые армии, и, вероятно, он планировал бросить их в бой в районе Севска<sup>1</sup>.

За несколько дней до этого Г. Клюге перебросил из 9-й армии южнее одну танковую и две пехотные дивизии. 29 августа он бросил эти соединения в бой северо-западнее Севска.

Несмотря на то что контрудар имел лишь ограниченный успех, он, а также неожиданный бросок 60-й армии на левом фланге заставили К.К. Рокоссовского изменить свой план. Он приказал, чтобы 2-я танковая и 13-я армия были переброшены с правого на левый фланг<sup>2</sup>.

Независимо от того, где русские планировали наступать, их удар в любом случае был опасен для немецкой 2-й армии. В районе Есмани войска советской 60-й армии находились в 40 км в тылу южного участка 2-й армии, поэтому здесь не могло быть и речи ни о каком контрударе.

Г. Клюге разрешил XIII армейскому корпусу 2-й армии развернуться в направлении юго-западнее Есмани. Затем он предупредил ОКХ, что вскоре 2-ю армию снова придется отвести назад, что не может не отразиться на положении на северном фланге группы армий «Юг». В его распоряжении не было достаточных резервов, чтобы восстановить положение. Единственное, что смог сделать Г. Клюге, была переброска на угрожаемый участок еще двух дивизий из 9-й армии, которая сама находилась под угрозой. 28 августа 10-я гвардейская и 21-я армии советского Западного фронта нанесли удар в стык между 9-й и 4-й немецкими армиями. За два дня боев они преодолели 30 км, вышли к Ельне и вынудили немецкие армии загнуть фланги для того, чтобы не допустить разрыва фронта.

29 августа фон Клюге попросил разрешения отвести 9-ю и 2-ю армии на рубеж СДБ. 2-я армия к тому времени была расколота на-

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. Схема 12.

<sup>2</sup> Там же. С. 308.

двое, и казалось, будь у командования Западного фронта больше решимости, его войска быстро прорвались бы через Ельню в Смоленск, восточные ворота, открывающие дефиле между Двиной и Днепром.

В то же время Калининскому фронту пока не удавалось прорвать фронт на флангах немецких 3-й танковой и 4-й армий. Его войска осуществляли перегруппировку для нового удара. Гитлер возражал против отхода. Он спросил Г. Клюге, не стоит ли подумать о новом приказе об упорной обороне занятых позиций, подобном тому, что был отдан зимой 1941/42 г. Г. Клюге ответил, что теперь такой приказ был бы бессмысленным: войска не смогут его выполнить. К тому же возможности русских уже далеко не те, что были в 1941 г. Наконец, Гитлер принял половинчатое решение, разрешив группам армий «Центр» и «Юг» отвести назад свои смежные фланги в район западнее города Кролевец.

2 сентября, через два дня после того, как В. Модель доложил, что не сможет организовать сплошной фронт восточнее Десны, Г. Клюге отдал предварительный приказ об общем отходе на рубеж СДБ. Но для 2-й армии было уже слишком поздно. XIII армейский корпус, который должен был отходить на запад, не теряя контакта с группой армий «Юг», вместо этого отступил на юг за реку Сейм, на участок 4-й танковой армии. Тем самым на стыке между группами армий «Центр» и «Юг» образовалась брешь шириной 30 км. Прогноировав это критическое положение, Гитлер отменил приказ об отступлении группы армий «Центр». 3 сентября Г. Клюге и Э. Манштейн, пребывая в состоянии близком к отчаянию, отправились в ставку фюрера, чтобы лично оспорить решение Гитлера.

В течение последней недели августа, в то время как обстановка на северном участке фронта ненадолго улучшилась, положение группы армий «Юг» стало приобретать угрожающий характер. 13 и 18 августа советские Юго-Западный и Южный фронты перешли в наступление на участках 1-й танковой и 6-й немецких армий. Удары наносились южнее Изюма и восточнее Голодаевки, то есть именно там, где русские безуспешно пытались прорвать фронт в июле.

И снова оборона 1-й танковой армии устояла, несмотря на то что огонь артиллерии и минометов русских достиг невиданной доселе мощи, и немецкие войска понесли настолько тяжелые потери, что армия была вынуждена ввести в бой резервы уже после первых 48 часов боев. 6-й армии повезло меньше. Вместо того чтобы следовать обычной советской практике сосредоточения на переднем крае перед наступлением свежих дивизий, командующий Южным фронтом генерал-полковник Ф.И. Толбухин за счет резервов предельно уплотнил уже находившиеся там соединения. Соответствен-

но, офицеры немецкой разведки, которые дожидались того, что считали явным признаком грядущей опасности, были введены в заблуждение кажущимся отсутствием изменений в составе 2-й гвардейской и 5-й ударных армий. Перед началом наступления 18 августа артиллерия предельно сконцентрировала огонь на узком участке наступления. До конца дня первый эшелон 5-й ударной армии вклинился в немецкую оборону на 5 км на фронте шириной 2,5 км. Затем ночью при свете полной луны советские войска расширили участок прорыва за немецким передним краем на север и на юг.

Командующий 6-й армией генерал К. Холлидт принял решение не пытаться блокировать прорыв противника, а вместо этого попробовать закрыть брешь в линии фронта. Это было смелое решение, и в прошлом подобные действия давали хорошие результаты при относительно небольших усилиях. Однако в сложившихся обстоятельствах подобный маневр принимал характер ставки «все или ничего» в карточной игре.

Армия имела в резерве совсем незначительные силы пехоты и ни одного танка. 20 августа немцы стали атаковать с обеих флангов на участке разрыва фронта. Контрнаступление началось явно успешно, и к полуночи две группировки, наступавшие навстречу, почти соединились. Но той же ночью командование советского 4-го механизированного корпуса поняло, что происходит. На следующее утро корпус, развернувшись на 180 градусов, атаковал немецкие позиции с запада. Превосходство русских было слишком явным. К исходу дня в линии фронта немцев вновь образовался разрыв шириной до 8 км.

К 20 августа Э. Манштейн получил из группы армий «А» 13-ю танковую дивизию. Но когда она прибыла на участок 6-й армии, оказалось, что она состоит всего из одного полка и трех рот. К тому же советский военный шпионаж был настолько эффективен, что русские узнали о прибытии дивизии почти одновременно с командованием 6-й армии. 23 августа дивизия нанесла удар с северного фаса разрыва фронта, который к тому времени был расширен до 10 км. Для нее закрыть брешь означало совершить чудо. 13-й танковой дивизии удалось успешно преодолеть 5 км, прежде чем она была остановлена двумя механизированными корпусами русских. В это время войска Ф.И. Толбухина, который действовал очень осторожно, не забывая об угрозе флангам, прорвали немецкую оборону на такую глубину, что у 6-й армии уже просто не было средств, чтобы попытаться восстановить положение.

23 августа на участке 1-й танковой армии также создалось угрожающее положение. Согласно донесению ее командования, боевой состав корпуса, оборонявшегося южнее Изюма, сократился до 5800 человек, что было явно недостаточно для создания сплошной линии обороны. Все, что был способен предпринять Э. Манштейн,

было заявление о том, что битва приближается к своей кульминации, и победа в ней достанется тому, кто сможет «выстоять на мгновение дольше, чем его противник».

25 августа офицеры оперативных отделов 1-й танковой армии и 6-й армии прибыли в штаб группы армий с предложением об отступлении. Там их ознакомили с заявлением Э. Манштейна о том, что, если группа армий не получит в качестве усиления пять свежих дивизий, в том числе как минимум две танковые, вопрос об отступлении и, как следствие, эвакуации Донецкого бассейна неизбежен. Э. Манштейн не верил, что Гитлер согласится с такой оценкой, но тем не менее фюрер разрешил командующим армиями начать подготовку к отходу на рубеж, проходивший по реке Кальмиус, восточнее Сталино.

Спустя два дня, находясь в ставке фюрера в Виннице, фельдмаршал снова повторил эту мысль, но на этот раз он просил уже не пять, а двенадцать дивизий. Гитлер обещал передать в его распоряжение «все дивизии, которые можно будет перебросить из групп армий «Север» и «Центр». Однако вскоре оттуда поступил доклад о том, что группы армий не в состоянии передать Э. Манштейну ни одной дивизии.

27 августа, когда Гитлер находился в Виннице, обстановка на фронте 6-й армии еще более обострилась. Советский 2-й гвардейский механизированный корпус повернул из района прорыва на юг и нанес удар в сторону побережья, в тыл оборонявшемуся на правом фланге XXIX армейскому корпусу. 6-я армия явно была не способна ничего предпринять. В ее составе имелось примерно 35 тыс. солдат и офицеров боевых частей и 7 танков, в то время как численность наступающих советских войск составляла примерно 130 тыс. человек, которых поддерживали 160—170 танков. Э. Манштейн неохотно передал К. Холлидту две ослабленные дивизии, одну пехотную и одну танковую, недавно прибывшие из группы армий «Центр», а также еще одну танковую дивизию, также ослабленную, из состава 1-й танковой армии. Наспех сформировав из них корпус, К. Холлидт использовал их для того, чтобы отвлечь часть сил противника с участка XXIX армейского корпуса. 29 августа советские войска западнее Таганрога вышли на побережье Азовского моря. При этом XXIX армейский корпус оказался запертым в устье реки Миус.

На следующий день переброшенной с запада 13-й танковой дивизии удалось пробить узкую брешь в советских позициях. В это же время XXIX армейский корпус, имея в своем составе 9 тыс. солдат и офицеров, при поддержке немногих оставшихся в строю штурмовых орудий построил свои боевые порядки в три колонны. Из-за плотного облака пыли русские не смогли отследить перестроение немецких войск. Посчитав, что противник атакует крупными силами танков, они после первых же выстрелов самоходной артиллерии

позволили немцам к вечеру беспрепятственно и практически без потерь прорваться на запад.

31 августа Э. Манштейн разрешил 6-й армии и 1-й танковой армии отступить к реке Кальмиус. Той же ночью Гитлер утвердил это решение в том случае, если «отступление абсолютно необходимо и другое решение невозможно».

Когда Э. Манштейн и Г. Клюге 3 сентября прибыли в ставку фюрера, они были уверены, что пришло время для радикальных мер. Они были намерены убедить Гитлера в том, что обстановка требует ни больше ни меньше, как полностью пересмотреть германскую стратегию. Кроме того, руководство войсками, по их мнению, следовало поручить единому компетентному командованию из числа представителей высшего генералитета. В течение августа Э. Манштейн несколько раз выступал с инициативой объединить стратегическое командование в одних руках. Он предлагал снять все, что возможно, с театров военных действий, подчиненных ОКВ (Западная Европа, Италия и Балканские страны), и бросить все силы на Восточный фронт против русских.

Командование ОКВ передало Восточному фронту несколько тысяч солдат в виде маршевых батальонов пополнения, но наотрез отказалось от переброски туда целых дивизий, настаивая на том, что западные рубежи рейха и так слабо защищены. В конце августа, возможно под влиянием бесконечных требований И.В. Сталина открыть второй фронт, оперативный отдел ОКВ умудрился увидеть опасность высадки союзников на Атлантическом побережье Европы уже осенью 1943 г. 2 сентября заместитель начальника оперативного штаба ОКВ подготовил меморандум, в котором настаивал на том, что следует ожидать наступления противника на Атлантическом побережье Италии или на Балканах. Он подчеркнул, что, в отличие от Восточного фронта, где пока еще существовало обширное поле для маневра, такое наступление стало бы представлять собой непосредственную угрозу для границ рейха. В заключение он добавил, что Западный театр не в состоянии выделить дополнительные войска для Восточного фронта. Начальник оперативного штаба ОКВ А. Йодль сначала не принимал участия в дискуссии, но затем он подготовил собственную оценку обстановки, на основании которой пришел к тому же выводу.

3 сентября во время личного разговора с Гитлером Э. Манштейн и Г. Клюге призвали фюрера покончить с практикой разделения руководства театрами военных действий между ОКВ и ОКХ, и передать командование всеми войсками в распоряжение начальника Генерального штаба ОКХ. За несколько дней до этого Г. Клюге заявил Гитлеру, что, по его мнению, главным источником всех неприятностей было отсутствие у фюрера военного советника, который нес бы полную ответственность за состояние дел на всех театрах.

Мысль о назначении одного начальника штаба с военной точки зрения была неоспоримой. К сожалению, оба фельдмаршала знали, что Гитлер никогда ее не примет, в какой бы форме она ему ни преподносилась. Во-первых, переподчинение вооруженных сил на всех театрах ОКХ автоматически привело бы к значительному укреплению позиций начальника Генерального штаба сухопутных войск. Одновременно это ослабило бы позиции самого Гитлера, сделав бесосновательным его заявления о том, что якобы только он способен формировать полную картину стратегической обстановки. К тому же он лишился бы своего излюбленного приема, которым часто пользовался, натравливая друг на друга представителей ОКВ и ОКХ. И наконец, он мог утратить единоличный контроль над событиями на Восточном фронте. Обладающий большими полномочиями начальник Генерального штаба ОКХ мог бы сосредоточить все командование войсками на Востоке в руках армии, покончив тем самым с политикой разделения властей, позволявшей Гитлеру играть роль главного арбитра в действиях четырех групп армий и командования ОКХ. Было ясно, что Гитлер ни при каких обстоятельствах не потерпит ограничений своей личной власти. В конце концов, он свел проблему к чисто техническому вопросу координации переброски войск с театров подчиненных ОКВ и ОКХ. Фюрер заявил, что отныне все решения, затрагивающие изменение боевого состава ОКВ и ОКХ, должны рассматриваться им лично в присутствии начальников штабов ОКВ и ОКХ.

Продемонстрировав, что, каким бы ни был ход войны, он был и останется хозяином в Германии, Гитлер перешел к рассмотрению обстановки на фронте. Он отказал Э. Манштейну в отправке в группу армий «Юг» значительных резервов за счет других участков. Он разрешил Г. Клюге отвести 2-ю армию и правый фланг 9-й армии за реку Десна. 3 сентября после переговоров с маршалом Й. Антонеску он приказал группе армий «А» эвакуировать плацдарм *Gotenkopf*. Все гражданские лица должны были быть эвакуированы в Крым, а русским должна была достаться «безлюдная пустыня».

После 3 сентября советское наступление на фронте группы армий «Центр» временно затихло. Немецкие 9-я и 4-я армии восстановили сплошную линию фронта к западу от Ельни. На южном участке К.К. Рокоссовский перенес направление наступления на левый фланг 4-й танковой армии, что позволило 2-й немецкой армии почти беспрепятственно отвести свои войска к реке Десна. В распоряжение 4-й танковой армии был передан XIII армейский корпус, в котором была произведена смена командующего. Корпус был использован для защиты сильно растянувшегося северного фланга армии.



Наступление против группы армий «Центр» нельзя отнести к удачным, хотя следует признать, что его результаты соответствовали поставленным на то время задачам. Вероятно, в советской Ставке понимали, что, несмотря на преимущество, которое имели советские войска, превосходство над немецкой стороной не было настолько значительными, чтобы можно было одновременно осуществлять решительное наступление как в Белоруссии, так и на Украине. 4 сентября такое наступление с решительными целями началось на Украине, на левом фланге группы армий «Юг». В тот день Воронежский фронт, усиленный 3-й гвардейской танковой армией, переброшенной с Центрального фронта, 52-я армия, а также несколько танковых и механизированных корпусов перешли в наступление на широком фронте между реками Псел и Ворскла. В результате этого мощного удара советские войска создали угрозу прорыва немецкого фронта на правом фланге 4-й танковой армии, после чего оба ее фланга оказались бы отрезанными.

К исходу дня 4 сентября немецкие 6-я и 1-я танковая армии отошли на оборонительный рубеж по реке Кальмиус. Командующий 6-й армией генерал К. Холлидт заявил, что больше отступлений не будет и оборонительный рубеж будет удерживаться любой ценой. Как показали дальнейшие события, все произошло с точностью до наоборот. В то время когда 1-я танковая армия обороняла фронт в районе реки Северский Донец практически на всем его протяжении, она сохраняла за собой хотя бы видимость реальной силы. Когда же она отвела свой правобережный корпус на другой берег реки, то сразу же лишилась этой иллюзии. Армия была сильно потрепана в боях на истощение, длившихся практически без перерыва с июля. Командование запросило 9—10 дней на передислокацию армии к новому оборонительному рубежу, однако ему было предоставлено только три дня. 6 сентября преследовавший армию по пятам Юго-Западный фронт нанес рассекающий удар по ее позициям. Всего за несколько часов 1-й гвардейский механизированный корпус и девять стрелковых дивизий протаранили позиции севернее разграничительной линии между немецкими 1-й танковой армией и 6-й армией. В тот вечер генерал Э. фон Макензен доложил начальнику штаба группы армий, что единственным выходом теперь оставалось отступить к Днепру, так как ни у его армии, ни у 6-й армии не было достаточных сил для того, чтобы восстановить положение. На следующий день советский 23-й танковый корпус проскользнул через брешь и соединился с войсками 1-го гвардейского механизированного корпуса. Оставив пехоту позади, два подвижных соединения устремились на запад. К 8 сентября их передовые разведывательные группы были уже на подступах к Павлограду и Синельниково, обогнав фронт на 150 км. В 50 км западнее лежал Днепр.

Рано утром 8 сентября личный самолет фюрера, в котором находились сам Гитлер и К. Цейслер, приземлился в Запорожье, где располагалась ставка Э. Манштейна. Теперь необходимости принимать ответственное решение было не избежать. Во время совещания, которое длилось весь день, Э. Манштейн настаивал на отводе группы армий «Центр» на позицию «Пантера». Это позволило бы сократить линию фронта примерно на одну треть и высвободить значительное количество войск для группы армий «Юг». Гитлер возражал, что такой отход потребует слишком много времени. Вместо этого он отдал распоряжение Э. фон Клейсту ускорить эвакуацию с плацдарма *Gotenkopf*, в результате чего высвободятся три дивизии.

Что касается правого фланга группы армий «Юг», то о восстановлении фронта по реке Кальмиус не могло быть и речи. Поэтому Гитлер утвердил «в принципе» решение об отводе 1-й танковой и 6-й армий на позицию «Вотан», проходившую от Мелитополя до Днепра, выходя к реке севернее Запорожья. Кроме того, Гитлер обещал усилить северный фланг группы армий. Четыре пехотные дивизии должны были прибыть для обороны переправ через Днепр, а корпусное управление с двумя пехотными и двумя танковыми дивизиями — для прикрытия бреши между флангами 2-й армии и 4-й танковой армии. После совещания Э. Манштейн немедленно отдал приказ 1-й танковой и 6-й армиям о переходе к «мобильной обороне». Таким образом, отступление к Днепру было предрешено.

## К Днепру

Как обычно, основной заботой Гитлера во время совещания 8 сентября было избежать принятия любых решений, кроме тех, которые уже неизбежны. Будучи вынужден оставить Донецкий бассейн, он теперь особенно не хотел признавать необходимость принятия аналогичного решения в отношении 4-й танковой и 8-й армий. Вместо этого он попытался спрятаться за невнятные обещания, одно из которых показало свою несостоятельность уже на следующий день, когда выяснилось, что из четырех предназначенных для обороны переправ на Днепре дивизий в распоряжении имелась только одна, да и та должна была проделать долгий путь с участка группы армий «Север». Второе обещание имело под собой более реальную почву. Перед тем как покинуть Запорожье, Гитлер даже успел отдать соответствующий приказ группе армий «Центр» о передаче на юг корпусного управления и четырех дивизий, которые должны были прибыть в распоряжение командования группы армий «Юг», как только ее войска переправятся через Десну. Однако три из обещанных четырех дивизий должны были прибыть из 2-й армии, которая к 8 сентября

была настолько ослаблена, что вряд ли располагала свободными соединениями. А после 9 сентября, когда войска генерала К.К. Рокоссовского форсировали Десну южнее Новгород-Северского и в других местах, армия была вообще не способна передать из своего состава намеченные дивизии. 8-ю танковую дивизию, единственное соединение, предназначенное для переброски на юг, 2-й армии пришлось использовать для обеспечения собственного фланга южнее реки Десна.

Южнее 1-я танковая и 6-я армии, не теряя времени, начали отход к Днепру. В течение двух дней войска на их внутренних флангах преодолели примерно 100 км, половину расстояния до реки. 12 сентября танковые части 1-й танковой армии, совершив бросок на юг, восстановили контакт с левым флангом 6-й армии. Поскольку разрыв между армиями сузился, 1-й гвардейский механизированный корпус и 23-й танковый корпус, действовавшие в районе Павлограда и Синельниково, были вынуждены снизить темпы наступления. Вечером 12 сентября командование Юго-Западного фронта приказало двум корпусам развернуться и отходить обратно на восток. В течение последующих двух дней 1-я танковая армия отбила несколько попыток прорыва. К концу дня 14 сентября остаткам двух корпусов удалось проскользнуть в случайно образовавшуюся брешь в боевых порядках 6-й армии. (Напротив, это немецкие войска, бросая тяжелую технику, отступали сквозь боевые порядки вырвавшихся вперед танкистов. С 6 по 14 сентября 23-й танковый корпус продвинулся на 150 км к юго-западу, от Артемовска до Чаплино. За блестящие действия командиры и личный состав были награждены. — *Ред.*)

Опыт 1-го гвардейского корпуса вновь продемонстрировал неспособность русских эффективно использовать свои подвижные войска. После прорыва в районе Голодаевки Ф.И. Толбухина подвергли критике за то, что он слишком осторожно использовал свои танковые соединения, а иногда сводил к нулю их преимущества, используя танки в отдельных незначительных столкновениях. Р.Я. Малиновский, очевидно, решил не повторять этой ошибки и бросил 1-й гвардейский механизированный корпус и 23-й танковый корпус в глубокий прорыв. Их стремительное движение к Днепру было впечатляющим, но малоэффективным. (Немцы здесь понесли огромные потери и в личном составе, и особенно в технике. Были захвачены склады боеприпасов и снаряжения, например, в Волновахе 1,5 млн снарядов и мин, при захвате нашими танкистами авиабазы в Красноармейском и др. — *Ред.*) Оно подтвердило слабость двух немецких армий, о которой, впрочем, к тому времени всем было уже известно. Корпуса могли бы действовать более результативно, не теряя контакта с основными силами фронта. Как только линии коммуникаций корпусов оказались отрезанными, ослабили их наступательные возможности. После того

как фронт за ними сомкнулся, им пришлось стремительно отступить назад под мощными ударами противника.

После 12 сентября 1-я танковая армия и 6-я армия действовали более грамотно. 6-й армии для защиты дороги в Крым пришлось удерживать рубеж, единственным естественным прикрытием которого являлась небольшая река Молочная. Поэтому командование группы армий «А» начало стягивать ей в тыл войска и артиллерию. Обеспокоенный тем, что Э. Манштейн позже захочет использовать их в интересах группы армий «Юг», Э. фон Клейст попросил передать 6-ю армию в свое подчинение, как только она прибудет на рубеж «Вотан». В середине месяца Гитлер согласился передать управление 6-й армии и два корпуса, оборонявшихся на ее южном участке, в группу армий «А». Третий корпус передавался в подчинение 1-й танковой армии.

К этому времени на северном участке группы армий «Юг» фронт сильно растянулся и стал более хрупким. Еще в начале месяца командование 8-й армии докладывало, что больше не в состоянии поддерживать сплошной фронт. Армия построила систему опорных пунктов, соединенных траншеями, в которых находились небольшие войсковые группы. В тылу войска состояли исключительно из «единственных оставшихся в живых сыновей» и «многодетных отцов». По приказу Гитлера только эти две категории военнослужащих не должны были нести службу на передовой; все остальные были отправлены на передний край. Но даже теперь, например, численность одной из пехотных дивизий сводилась к 300 солдатам при шести офицерах. (Это к вопросу об эффективности действий советских войск. — *Ред.*) В войсках царили усталость и апатия, и даже с помощью «самых суровых мер» больше невозможно было поддерживать боевой дух солдат.

4-я танковая армия находилась в еще худших условиях. Она удерживала 50-километровый участок фронта между реками Ворскла и Псел, который прогнулся под напором шести танковых и механизированных корпусов и примерно девятнадцати стрелковых дивизий русских. Единственным, что удалось сделать для обороны бреши, образовавшейся на левом фланге, была попытка создания очага обороны в районе Нежина, последнего препятствия на пути советского Центрального фронта к Киеву. Задержка в прибытии обещанных дивизий из группы армий «Центр» настолько вывела из себя Г. Гота, что 12 сентября он принял под свое командование все соединения южнее Десны, что соответствовало приказу Гитлера, а также снял с фланга 2-й армии 8-ю танковую дивизию.

Г. Клюге честно, хотя и тщетно, предпринимал почти героические усилия для того, чтобы высвободить четыре дивизии для группы армий «Юг». 10 сентября он обратился к командующему 2-й армией генералу пехоты Вальтеру Вейссу с просьбой рассмотреть возмож-

ность выделить для этого еще две дивизии. Тот в ответ заявил, что средняя численность личного состава в его дивизиях составляет примерно по 1 тыс. солдат. На следующий день, когда В. Вейсс доложил, что количество плацдармов русских на Десне достигло шести, Г. Клюге решил, наоборот, перебросить на этот участок две дивизии из 4-й армии. В тот же день он доложил в ОКХ: «Дверь в Смоленск теперь открыта».

12 сентября он проинформировал ОКХ, что группа армий не в состоянии выделить на южный участок Восточного фронта четвертую дивизию. Пауза в советском наступлении на фронте группы армий «Центр» закончилась. Русские расширяли свои плацдармы на реке Десна. Кавалерийский корпус, наносивший удар из района Кирова, вышел в тыл 9-й армии на ее центральном участке; в любой момент можно было ожидать наступления советских войск на Смоленск на участке 4-й армии.

12 сентября обстановка на фронте группы армий «Центр» стала угрожающей; советская Ставка, по всей видимости, решила не давать немцам времени на передышку. Кавалерийский корпус русских, прорвавшийся на левом фланге 9-й армии, нанес удар в глубину ее обороны в юго-западном направлении, захватив станцию Жуковка на железной дороге Брянск—Рославль. Модель прилагал усилия для того, чтобы сомкнуть линию фронта, но это еще более продемонстрировало бесполезность жесткой обороны в момент, когда армии на флангах были готовы попятиться назад после первого же удара русских. Концентрация советских войск перед фронтом 4-й армии достигла такой плотности, что было сомнительно, что она сможет выдержать лобовой удар. Фронт 2-й армии по Десне был испещрен советскими плацдармами. Кроме того, чтобы заполнить растянувшийся правый фланг, армии пришлось задействовать две охранные дивизии и венгерскую дивизию, которые не были подготовлены к боям на переднем крае и не имели соответствующей техники.

13 сентября Г. Клюге издал предварительный приказ об отступлении на позицию «Пантера». Во время совещания в штабе группы армий начальник штаба довел до офицеров идею важности этой операции. Он заявил, что в ее результате будет оставлена половина, причем лучшая половина той территории, которую группа армий занимала в Советском Союзе. Для проведения фортификационных работ на рубеже «Пантера» потребуется 40 тыс. гражданских рабочих. Предстоит эвакуировать на запад 2,5—3 млн человек, намного больше, чем 190 тыс., эвакуированных из района Орловского выступа. В тыловые районы необходимо перегнать примерно 600 тыс. голов скота. Кроме того, группа армий должна эвакуировать все свои тыловые учреждения. Например, в новых тыловых районах придется заново отстроить госпитали на 36 тыс. мест.

На следующее утро Западный фронт возобновил наступление на Смоленск. Во второй половине дня начальник оперативного отдела ОКХ по телефону проинформировал Г. фон Клюге, что Э. Манштейн намерен отдать приказ 4-й танковой армии на отступление за Днепр. По его мнению, пришло время и для группы армий «Центр» начать отход на рубеж «Пантера».

Он хотел узнать, считает ли Г. Клюге, что отдать такой приказ в его компетенции. Г. Клюге ответил отрицательно: по его мнению, приказ на отступление должен был поступить от Гитлера через ОКХ. Уверенный в том, что приказ поступит в течение нескольких часов, Г. Клюге отдал распоряжение В. Моделю начать отводить центральный участок 9-й армии за Десну; одновременно он разрешил В. Вейссу отводить свои войска на запад, за Десну.

14 сентября на фронте группы армий «Юг» 4-я танковая армия находилась на грани катастрофы. На левом фланге войска советского Центрального фронта наступали на Нежин, а в центре Воронежский фронт прорвал оборону 4-й танковой армии на нескольких участках, в результате чего армия оказалась рассеченной на три части. Г. Гот доложил командованию, что русские могут беспрепятственно наступать на Киев. По его словам, обстановка напоминала ту, что сложилась зимой южнее Ростова. Разница состояла в том, что в то время в его распоряжении было несколько боеспособных соединений, которыми он мог маневрировать. Самая большая опасность состояла в том, что армии придется отступить на юг параллельно Днепру и оставить по обе стороны от Киева полностью открытые участки.

Э. Манштейн приказал Г. Готу разорвать контакт с 8-й армией и развернуть правый фланг своей армии на запад, расположив фронт с севера на юг таким образом, чтобы обеспечить прикрытие Киева. О. Вёлеру он приказал как можно скорее отводить армию назад, чтобы не снижать боеспособности войск, которые предстояло использовать для прикрытия бреши, образовавшейся между двумя армиями. 15 сентября Э. Манштейн доложил Гитлеру, что он намерен отдать приказ 4-й танковой армии немедленно отступить за Днепр, иначе она обязательно будет разгромлена. Поскольку для усиления 4-й танковой армии придется перебрасывать дивизии из 8-й армии и 1-й танковой армии, в распоряжении Э. Манштейна не оставалось войск для обороны на восточном берегу Днепра. В конце дня 14 сентября Гитлер приказал Э. Манштейну и Г. Клюге прибыть к нему на следующий день для личного доклада.

С утра 15 сентября в ставке фюрера царило настроение, близкое к панике, что было вызвано потерей Нежина. Командование ОКХ распорядилось, чтобы группа армий «Центр» ускорила отвод своих

войск, который уже начался, с целью высвободить соединения для группы армий «Юг». После прибытия Э. Манштейна и Г. Клюге Гитлер потребовал от Г. Клюге перебросить в группу армий «Юг» четыре дивизии. Одновременно он дал согласие на общее отступление группы армий «Центр» на рубежи «Вотан» (на Днепре) и «Пантера». Однако к концу дня он начал сомневаться, и, перед тем как Г. Клюге покинул ставку, Гитлер проинструктировал его, чтобы отступление осуществлялось поэтапно и «не слишком скорыми темпами». Он заявил, что не заинтересован, чтобы операция прошла быстро. Любой значительный отвод войск должен проходить только после получения его личного разрешения.

Для группы армий «Юг» решение отойти за Днепр было благом, несмотря на то что оно требовало решения задач, которые, как никогда прежде, должны были стать для войск и командиров суровым испытанием на подготовленность и стойкость. Первой задачей было вывести из боев разрозненные части 4-й танковой армии, что было выполнено в ночное время 16 и 17 сентября. Г. Гот назвал этот маневр «двумя огромными скачками назад», в результате чего армия снова обрела некоторую свободу маневра и восстановила контакт между своими частями. Следующий шаг по переброске соединений 4-й танковой, 8-й и 1-й танковой армий за Днепр был более сложным и опасным. В распоряжении трех армий, ширина фронта которых составляла более 600 км, было всего пять переправ в районе Киева, Канева, Черкасс, Кременчуга и Днепропетровска. Переправляться на другой берег реки означало дробить силы, создавать предместные укрепления, которые было необходимо удерживать до того, как все войска переправятся на другую сторону. На противоположном берегу следовало также создавать и расширять плацдармы с целью не допустить создания русскими на незащищенных участках на западном берегу своих плацдармов.

Для усовершенствования переправ удалось сделать очень мало. Между штабами группы армий «Юг» и 8-й армии возникли споры о том, кто будет обеспечивать саперами и средствами переправы плацдарм в районе Черкасс, который быстро заполнился эвакуируемым скотом и различным имуществом. В последний момент Гитлер еще более усложнил задачу, настояв на том, чтобы 1-я танковая армия усилила оборону плацдарма в районе Запорожья, обеспечив тем самым защиту находящегося рядом никопольского месторождения марганца. Манера Гитлера подчинять законы тактики интересам экономики снова оказала пагубный эффект на ход операции. В результате Э. Манштейну пришлось для выполнения распоряжения фюрера выделить почти все соединения, которыми он располагал и которые мог бы использовать для укрепления ослабленного левого фланга группы армий, для обороны бесполезного с военной точки зрения плацдарма в районе Запорожья.

На совещании 15 сентября Э. Манштейн настаивал на скорейшей передаче в группу армий «Юг» недавно обещанных ему четырех дивизий из состава группы армий «Центр». В течение дня соответствующие приказы на переброску были переданы в две дивизии. Однако к тому времени, когда Г. Клюге покидал ставку фюрера, ему были отданы два противоречивших друг другу распоряжения: как можно скорее передать дивизии в группу армий «Юг» и в то же время осуществлять отступление на рубеж «Пантера» медленными темпами. Последнее совпадало с намерениями самого Г. Клюге, поэтому он и не спешил начинать общий отход и отдал соответствующий приказ только через три дня. В этом приказе он подчеркнул, что армии должны отойти на рубеж «Пантера» не позднее 10 октября. В результате войска группы армий оставались связанными тяжелыми боями на собственном участке фронта. Соответственно, передача двух—четырех дивизий в группу армий «Юг» сначала была отложена, а потом и совсем отменена.

С оперативной точки зрения решение Г. Клюге отступить медленными темпами давало советской Ставке возможность продолжать выполнение двух опаснейших для немцев наступательных операций: первый удар наносился в направлении на Смоленск, а второй — к Днепру, в стык между войсками групп армий «Центр» и «Юг». В то время как Западный фронт теснил правый фланг 4-й армии юго-восточнее Смоленска, Калининский фронт под командованием генерала А.И. Еременко нанес удар севернее города по обе стороны от разграничительной линии между войсками немецких 3-й танковой и 4-й армий. 16 и 18 сентября южнее Десны, перед правым флангом 2-й армии, Центральный фронт ввел в бой по одному свежему гвардейскому механизированному корпусу. В течение двух последующих дней, не ослабляя напора на Днепровском направлении, он нанес удар на расходящихся направлениях через Десну по обе стороны от Чернигова. После первого же удара фланг немецкой 2-й армии был разгромлен. В записях группы армий отмечается, что 19 сентября оборонявшаяся восточнее Чернигова венгерская дивизия была «полностью разгромлена».

В период с 20 по 23 сентября катастрофическое развитие событий на обоих флангах заставило Г. фон Клюге отказаться от прежнего плана постепенного отхода. Севернее Смоленска войска Калининского фронта прорвали оборону 3-й танковой армии на правом фланге, заняли Демидов и стали угрожать позициям «Пантера». Юго-восточнее Смоленска начала рассыпаться оборона 4-й армии. На участке 2-й армии восточнее Чернигова Центральный фронт начал наступление в обход фланга армии на север, в направлении на Гомель, являвшийся важнейшим железнодорожным и шоссейным узлом южной части фронта группы армий «Центр».



В последнюю неделю месяца отступление группы армий «Юг» превратилось в состязания с русскими за то, кто первым займет правый берег Днепра. 19 сентября части К.К. Рокоссовского переправились через реку Припять в районе ее слияния с Днепром. До конца месяца они создали по обоим берегам Припяти плацдарм, протянувшийся на 25 км на запад, до Чернобыля.

Намереваясь не дать немцам закрепиться на Днепре и тем самым загнать их в тупик, Ставка поставила фронтам и армиям задачу форсировать Днепр с ходу. Солдатам и офицерам, отличившимся при переправе через реку, была обещана высшая награда страны, звание Героя Советского Союза. Способ переправы был везде одинаковым, примитивным, но осуществлявшимся в массовом порядке и с огромным упорством и поэтому эффективным. Например, в районе Букрина, в 70 км от Киева, четверо солдат гвардейской роты автоматчиков форсировали реку на лодке 22 сентября, после наступления темноты. Они высадились на берег, который на этом участке был крутым, и взобрались на несколько десятков метров вверх, на вершину холма, где вступили в перестрелку с охранением немцев. За ними прибыли следующие партии солдат. До наступления дня сюда переправилась целая рота, которая организовала опорный пункт на господствующей высоте. Затем, подобно процессии муравьев, переправу начала вся 3-я гвардейская танковая армия. Пехотинцы использовали для переправы все, что могло держаться на воде: бревна, автомобильные камеры, деревянные двери, даже прессованное сено. Одновременно саперы наводили переправу для тяжелой техники, а артиллерия с восточного берега осуществляла огневую поддержку переправлявшихся войск. Четверо автоматчиков стали Героями Советского Союза. Советская Ставка, желая поддержать наступательный порыв войск и как будто намереваясь вымостить переправы через Днепр медалями, наградила званием Героя Советского Союза 2 тыс. солдат и офицеров. Еще 10 тыс. человек были отмечены другими наградами<sup>1</sup>.

26 сентября Воронежский фронт захватил плацдарм на излучине Днепра, ниже по течению от Переяславля; Степной фронт организовал три переправы меньших размеров между Кременчугом и Днепропетровском. Через несколько дней район переправ превратился в огромный плацдарм шириной 50 км и глубиной на одном из участков до 15 км. Эти плацдармы находились почти строго посередине между переправами, которые были организованы немцами, на труднодоступной для противника местности.

Гитлера больше всего беспокоил плацдарм советских войск в устье Припяти. 25 сентября он отдал приказ группам армий «Центр» и «Юг» о его немедленной ликвидации. Однако в реальности все обстояло не так просто. В то время как немецкая сторона могла вы-

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 327—333.

делить для выполнения этой задачи несколько измотанных дивизий, направив их в болотистую местность вокруг плацдарма, русские, исполненные решимости не отдавать этот участок, перебросили туда хорошо отдохнувшие свежие соединения.

К концу месяца группа армий «Юг» переправила за Днепр свои последние части и теперь пыталась организовать на правом берегу сплошной фронт. Прибывшая 20 сентября на рубеж «Вотан», в районе Запорожья, 6-я армия уже вела тяжелые бои, отражая удары советских танковых соединений на своем центральном участке. Это явно говорило о том, что Ставка не намерена ослаблять давление на немцев, по крайней мере до тех пор, пока держится хорошая погода. 2 октября последние подразделения группы армий «Центр» были переброшены на рубеж «Пантера», который в основном повторял очертания рек Сож и Проня и проходил примерно в 50 км восточнее Днепра. На юге группа армий «А» к 29 сентября завершила отход из района плацдарма Gotenkopf. В течение еще десяти дней она продолжала удерживать небольшой плацдарм на Таманском полуострове, который затем эвакуировала.

За два с половиной месяца боев группы армий «Центр» и «Юг» были вынуждены отойти назад примерно на 230 км на фронте 1000 км. С экономической точки зрения рейх потерял самые ценные из захваченных в Советском Союзе территорий. Пытаясь не допустить, чтобы Советский Союз мог использовать эти территории, Гитлер приказал применять на них тактику выжженной земли, однако эта тактика успеха не имела. В конце сентября из группы армий «Центр» поступил доклад, что из ее тыловых районов было эвакуировано всего 20—30% товаров и сырья.

На участке группы армий «Юг» эти цифры были еще ниже. Не хватало личного состава для уничтожения продукции и промышленных объектов; кроме того, было недостаточно транспорта и оборудования для вывоза того, что еще могло быть использовано.

Большое количество заводов, электростанций, железнодорожных путей и мостов действительно были уничтожены, но они никогда полностью и не восстанавливались после советского отступления в 1941 г. Под влиянием советской пропаганды народ, которому обещали, что репрессий не будет, саботировал эвакуацию, пытаясь спасти свое имущество и обеспечить себе заслуги на будущее, когда немцы уйдут. Немногочисленные добровольные беженцы представляли собой откровенных коллаборационистов, проживавших в основном в районах вдоль реки Северский Донец, которые уже успели испытать на себе советское «освобождение» зимой прошлого года, а также тех, кто проживал в немногих районах, полностью разоренных войной. Общее число гражданских лиц, эвакуированных немецкими армиями и гражданскими организациями, составляло около 600 тыс. человек, или одну десятую всего проживающего на оккупированных террито-

риях населения. По немецким оценкам, примерно 280 тыс. из этого количества были переправлены через Днепр. Немцы забрали с собой из оккупированных районов 268 тыс. тонн зерна, 488 тыс. голов крупного рогатого скота и лошадей. 941 тыс. тонн зерна и 13 тыс. голов скота было немцами уничтожено. При этом в оставленных вермахтом районах оставалось еще 1 656 233 тонн зерна, в основном не убранный с полей, и 2 987 699 голов скота и лошадей.

Русские, не теряя времени, стали пользоваться плодами победы. Во время наступления на правом фланге группы армий «Юг» на Южной Украине они стали призывать местное население для пополнения армии. По сведениям из немецкой 6-й армии, из освобожденных городов и сел таким образом было призвано примерно 80 тыс. мужчин. Призывникам выдавали форменную одежду и винтовки, а затем они сразу же направлялись на передовую.

После выхода к реке Днепр советские войска выполнили ближайшую задачу летнего наступления. Сокращение немецкого фронта, преимущества обороняющегося за водной преградой, растянутые линии коммуникаций русских, усталость советских войск — все это привело к очередному временному равновесию между противостоящими сторонами. В начале октября немцы все еще верили в то, что им удастся достичь некоего баланса. Однако их собственные ошибки, а также количественное превосходство советских войск работали против них. Пытаясь удержать территории к востоку от Днепра, Гитлер слишком подорвал силы групп армий «Юг» и «Центр». Как следствие, для оборудования так называемого Восточного вала уже не оставалось ни личного состава, ни техники. В результате в этом рубеже оставались значительные бреши, тогда как фронт продолжал движение. В то же время русские, обладавшие численным превосходством, могли позволить себе давать войскам перерывы на отдых и перегруппировку. В результате они вышли к Днепру с почти полностью боеготовыми армиями, и битва за Днепровский рубеж началась еще до того, как немецкие войска завершили переправу на другой берег.

## **Глава 9**

### **БИТВА ЗА ДНЕПРОВСКИЙ РУБЕЖ**

#### **Группа армий «Юг»**

Днепр является второй по величине рекой Советского Союза (второй в европейской части СССР. — *Ред.*). С военной точки зрения он представляет собой крупнейший естественный оборонительный рубеж в западной части России, особенно для противника, наступающего с востока на запад. В месте слияния с рекой Припять

Днепр достигает ширины до одного километра, а затем по ходу течения извилистое русло реки меняет свою ширину от полукилометра до более полутора километров. Ниже по течению от Киева ширина долины Днепра составляет 30—40 км. Восточный берег здесь болотист и изобилует многочисленными мелкими протоками. В районе Киева западный берег возвышается над рекой примерно на 100 м; он обрамлен грядой крутых холмов. Ниже по течению от города западный берег все так же остается высоким, при этом его высота колеблется между 50 и 100 м, и так вдоль всего нижнего течения Днепра. Восточный берег плоский, он почти лишен растительности; до самого горизонта простирается голая степь.

При наличии достаточного количества войск и инженерных сооружений Днепровский рубеж мог представлять собой почти идеальную линию обороны. Однако состояние немецкой группы армий «Юг» осенью 1943 г. было таково, что река могла служить лишь слегка укрепленной естественной преградой и являлась слабой опорой для оборонявшихся (см. карту 16). Вдохновленные пропагандистскими лозунгами о Восточном вале солдаты были очень разочарованы, когда после переправы на западный берег обнаруживали, что никакая оборона не была оборудована и что большей части оборонительного рубежа просто не существовало в природе. Позже начальник штаба одной из немецких армий был вынужден предупредить командование, что психика солдат может не выдержать повторно подобного испытания.

К началу октября в составе группы армий «Юг» было 37 дивизий; при этом средняя численность дивизии на переднем крае составляла около 1 тыс. человек, или около 50 солдат на 1 км фронта. (На самом деле войска группы армий «Юг» (4-я танковая, 8-я, 1-я танковая и 6-я) плюс 2-я армия из группы армий «Центр», оборонявшие Днепровский рубеж, имели 62 дивизии — 1240 тыс. чел., 12 600 орудий и минометов, 2100 танков и штурмовых орудий и 2100 боевых самолетов. Советские войска превосходили врага в 2,1 раза в живой силе, в 4 по артиллерии, в 1,1 раза по танкам и САУ и в 1,4 раза по самолетам. — *Ред.*) Такое крайне неблагоприятное соотношение численности войск к ширине фронта было ценой, которую пришлось заплатить группе армий за оборону другого берега реки. С самого начала представлялось сомнительным, стоило ли ее платить. Вниз по течению от Киева Днепр делает поворот на юго-восток и протекает в этом направлении примерно 400 км; в районе Запорожья он снова поворачивает на юго-запад, делая еще примерно 200 км, пока, наконец, не падает в Черное море под Херсоном. На всей этой гигантской излучине от Киева до побережья есть всего два относительно ровных участка. Линия фронта группы армий «Юг» и 6-й армии в районе Запорожья резко уходила на юг к Мелитополю, срезая острый угол, образованный течением реки. Но даже теперь ее протяженность была

более чем на треть длиннее, чем, например, расстояние от Киева до Николаева. С тактической точки зрения оборона Днепра ставила перед группой армий «Юг» ту же проблему, с которой она сталкивалась постоянно после Сталинграда, а именно оборону рубежа с вклинением на восток.

1 октября войска советского Юго-Западного фронта предприняли мощное наступление против плацдарма в районе Запорожья и несколько вклинились в оборону 1-й танковой армии. Прорыв был ликвидирован еще до конца дня. Однако, докладывая об успешном отражении атаки, Э. фон Макензен попросил разрешения в любом случае оставить плацдарм, мотивируя это тем, что его оборона требует слишком много сил.

На следующий день русские, понимая, что дошли до рубежа, который немцы намерены отстаивать любой ценой, перешли в наступление на всем Восточном фронте, которое длилось неделю. В течение этой недели войска на Днепре осуществляли перегруппировку и принимали пополнение. В ожидании новых побед и в ознаменование того, что война вступила в новую фазу, советская Ставка приняла решение о переименовании фронтов. Стоявшие против группы армий «Юг» и 6-й армии Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты стали соответственно 1, 2, 3 и 4-м Украинским фронтом.

8 октября после совещания в ставке фюрера начальник штаба группы армий «Юг» проинформировал Э. Макензена о том, что Гитлер отверг просьбу об эвакуации плацдарма в районе Запорожья, так как этот маневр оголил бы левый фланг 6-й армии. Мысли Гитлера в точности совпали с намерениями советской Ставки, где считали плацдарм ключом к освобождению восточного берега в нижнем течении Днепра. Задача по ликвидации плацдарма была поставлена перед 3-м Украинским фронтом<sup>1</sup>.

Утром 10 октября 3-я и 8-я гвардейские армии возобновили наступление против к тому времени хорошо закрепившихся на плацдарме немецких войск. Наступление началось после необычайно мощной артиллерийской подготовки. Эта, а также последующие битвы, развернувшиеся на фронте, продемонстрировали то, что русские достигли качественно нового уровня в использовании своей артиллерии. Впервые у них появились артиллерийские дивизии. (Артиллерийские дивизии появились в Красной армии еще в конце 1942 г., а с весны 1943 г. были созданы артиллерийские корпуса прорыва. — *Ред.*) Продолжительность и мощь огня свидетельствовали о том, что теперь Красная армия не испытывала недостатка в орудиях и боеприпасах. Теперь они щедро использовались для подавления

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 345.



обороны противника и облегчения выполнения задач, поставленных собственным танковым и стрелковым частям. Плацдарм устоял, но на второй день Э. Макензен отметил, что потери его войск были настолько высоки, что они не смогут удержаться на плацдарме более чем еще на несколько дней. На следующий день он доложил о брешах, образовавшихся в обороне его войск, которые нечем было прикрыть. Далее генерал заявил, что, удерживая плацдарм, он рискует остаться без достаточного количества солдат для организации обороны на другом берегу.

14 октября, когда Э. Манштейн объявил о том, что намерен отвести войска с плацдарма, Гитлер вызвал к себе командующего группой армий «А» Э. фон Клейста. Тот беспокоился за свой северный фланг. Оба — и он, и Гитлер — подозревали, что Э. Манштейн просто пытается сбросить со своих плеч задачу, которую не считает первостепенной. Гитлер приказал Э. фон Клейсту продумать, не ставя об этом в известность Э. Манштейна, сможет ли группа армий «А» взять на себя оборону плацдарма. 13 октября Э. Клейст доложил, что для того, чтобы удержать плацдарм, ему понадобятся еще одна-две дивизии. Поскольку бои на участке 6-й армии проделали огромную брешь в резервах группы армий, то если эти дивизии будут выделены самой группой армий, немецким войскам придется эвакуировать Крым. Такая перспектива была Гитлеру совсем не по вкусу; в итоге он вернулся к своему обычному методу просто запретить отход с плацдарма.

Исход дела решили 23-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса, которые успели восстановиться после потерь, понесенных в сентябре. К исходу суток 13 октября в результате смелой танковой атаки они прорвали оборону на юго-восточном (23-й танковый корпус) и северо-восточном (1-й мехкорпус) участках плацдарма, оттеснили оборонявшихся немцев к окраинам Запорожья и загнали немецкую 1-ю танковую армию за Днепр (не давая врагу передышки после тяжелых боев 10—13 октября, более 200 танков и САУ начали после 22.00 13 октября первый в истории ночной танковый штурм, рано утром ворвались в Запорожье и к концу дня вместе с пехотой овладели городом, ликвидировав плацдарм. — *Ред.*).

У Э. фон Клейста были причины опасаться за левый фланг своих войск. 9 октября, после недели затишья, которую 4-й Украинский фронт использовал для восстановления подавляющего превосходства в людях и технике, его войска возобновили наступление на участке немецкой 6-й армии. Против 13 немецких дивизий, всего, чем располагала группа армий «А», кроме 3 дивизий в Крыму, а также 2 румынских дивизий, Ф.И. Толбухин сосредоточил: 45 стрелковых дивизий, 3 танковых корпуса, 2 гвардейских механизированных

корпуса, 2 гвардейских кавалерийских корпуса и 400 батарей артиллерии.

У русских было примерно 800 танков против немецких 83 танков и 98 штурмовых орудий.

С тактической точки зрения местные степи, являющиеся едва ли не самой негостеприимной местностью на юге Советского Союза, были особенно неблагоприятными для оборонявшейся стороны. Участок обороны немецкой 6-й армии имел форму острого угла и ограничивался на севере рекой Днепр, а на юге — Азовским и Черным морем. Линии коммуникаций представляли собой три однопольные железнодорожные ветки, которые пересекали Днепр в районе Николая, Берислава и Херсона. Голая степь не могла служить оборонявшимся прикрытием и не представляла собой естественного препятствия для наступающих русских. На дорогах плотный слой пыли замедлял движение войск; он вздымался над колоннами, заставлял страдать от удушья людей и лошадей, забивал двигатели. Единственным преимуществом 6-й армии была действительно грамотно организованная линия фронта: поскольку рубеж в районе Мелитополя был слабо защищен, немцы хорошо оборудовали его на всю глубину линии Ватана.

Наступление русских началось на участке 30 км в районе Мелитополя. Артиллерийская подготовка сильно опустошила ряды оборонявшихся. В течение одного часа две немецкие дивизии численностью по 15 тыс. человек попали под град русских снарядов. Артиллерия немцев пыталась отвечать на огонь в меру своих возможностей. С той и другой стороны батареи старались не втягиваться в артиллерийскую дуэль, а переносить огонь в глубь позиций противника.

Целью войск Ф.И. Толбухина, очевидно, являлось выбить 6-ю армию немцев из района Мелитополя, на который ее фронт опирался на юге, и оттеснить ее на север от Перекопа, открывающего путь в Крым. 13 октября 51-я армия ворвалась в город с юга, однако на преодоление немецкой обороны советским войскам потребовалось еще 12 дней тяжелых боев.

Мелитополь пал 23 октября. Это послужило сигналом для нанесения удара главными силами, сосредоточенными во втором эшелоне. Через два дня 28-я и 51-я армии начали наступление на юго-запад и юг. В результате немецкая 6-я армия оказалась рассеченной надвое. Южнее участка прорыва оборонялись две немецкие и две румынские дивизии. Поскольку румыны находились в состоянии близком к панике, что вряд ли могло способствовать организации прочной обороны Перекопа, командование приняло решение попытаться прикрыть брешь с севера. 27 октября 13-я танковая дивизия была переброшена на юг в район образовавшейся бреши, однако из-за недостатка сил не смогла выполнить поставленную задачу.



Через несколько дней после этого 6-я армия сосредоточила на этом участке артиллерию для повторной попытки прорыва. Однако, прежде чем она могла быть осуществлена, 30 октября 51-я и 28-я советские армии смяли слабый южный фланг 6-й армии и начали наступление на Перекоп и Херсон, в устье Днепра. Еще через два дня остатки войск, оборонявшие южный фланг, бросив все тяжелое вооружение и автомобили, отошли за Днепр. Более сильно укрепленный северный фланг отошел назад, на большой плацдарм к югу от Никополя. Гитлер приказал удерживать этот район для обороны города, а также в качестве возможного трамплина для нового наступления из Крыма.

После середины октября в группе армий «А» стало расти беспокойство за будущее 17-й армии в Крыму. 18 октября стало очевидно, что русские могут прорваться на правом фланге группы армий «Юг» и нанести удар западнее Днепра в сторону побережья. Э. фон Клейст предупредил ОКХ о том, что пришло время эвакуировать полуостров. Он доносил, что бои на участке 6-й армии потребовали переброски резервов из 17-й армии, поэтому рано или поздно ее сил окажется недостаточно для обороны собственного фронта.

На следующий день и еще через пять дней Э. Клейст запросил штаб ОКХ о решении. К. Цейцлер ответил, что Гитлер запретил даже упоминать в своем присутствии слово «Крым». 26 октября, после того как оборона 6-й армии была рассечена надвое, Э. Клейст заявил, что вынужден перебросить еще одну дивизию из 17-й армии. После этого, имея в своем составе всего одну немецкую и семь «ненадежных» румынских дивизий, 17-я армия была уже не в состоянии обеспечить оборону Крыма. Он добавил, что намерен следующей ночью начать отвод войск с Керченского полуострова. Гитлер сразу же запретил этот маневр.

Еще через два дня маршал Й. Антонеску, обеспокоенный тем откликом, который в его стране вызовет потеря еще семи дивизий, обратился к Гитлеру с призывом оставить Крым. В ответном послании Гитлер попытался обосновать свое решение. Его главным аргументом было то, что в этом случае Советский Союз сможет использовать полуостров в качестве авиабазы для воздушных налетов на румынские нефтяные месторождения, а также в качестве трамплина для высадки десантов на побережье Румынии и Болгарии. К тому же, как он полагал, теперь уже было поздно говорить об эвакуации Крыма.

Вечером 28 октября командующий 17-й армией генерал инженерных войск Эрвин Енеке заявил, что не намерен нести ответственность «за второй Сталинград», и предложил в любом случае выполнить приказ командования группы армий на эвакуацию, отмененный Гитлером. В ответ Э. Клейст отдал приказ защищать Крым любой ценой. Сославшись на Гитлера, он добавил, что в течение двух недель обста-

новка должна улучшиться, и тогда на полуостров придут подкрепления. Э. Енеке отказался поверить в новый приказ. Тогда Э. фон Клейст лично повторил его по телефону.

Поскольку уже много раз писалось о слепом повиновении немецких генералов приказам свыше, имеет смысл привести этот разговор как пример именно попытки неповиновения со стороны одного из немецких командиров. Поначалу решив, что Э. Енеке неправильно его понял, и убедившись, что это не так, Э. Клейст продолжает:

*«Клейст. Вы должны защищать Крым.*

*Енеке. Я не могу выполнить этот приказ. И никто другой не сможет его выполнить. Командиры корпусов думают так же.*

*Клейст. Итак, речь идет о заговоре и попытке неповиновения. Если вы не в состоянии командовать армией, этим займется кто-то другой.*

*Енеке. Я вновь повторяю, что как лицо, несущее ответственность за судьбу армии, я не могу выполнить этот приказ.*

*Клейст. Как солдату, мне часто приходилось вести внутреннюю борьбу в сходных обстоятельствах. Вы не сможете спасти ни одного человека. То, что должно случиться, произойдет в любом случае. Такое отношение только подорвет веру войск в командование. Если мне удастся получить (для вас) еще одну дивизию, все будет хорошо.*

*Енеке. Это все воздушные замки на песке. Кто-то должен быть реалистом.*

*Клейст. Одно дело — отойти под натиском противника: это понятно и нормально. Отступление, которое предлагаете вы, — это совсем другое.*

*Енеке. Я не могу ждать, пока обстановка в группе армий «Юг» настолько ухудшится. (Енеке имел в виду угрозу прорыва русских к побережью на правом фланге группы армий. См. продолжение разговора.)*

*Клейст. Вашу армию пока не атакуют. Достаточно получить небольшое подкрепление на полуострове, и все будет в порядке. Противник предпочтет нанести удар на запад, а затем на север, во фланг 1-й танковой армии, а не штурмовать теснины Перекопа.*

*Енеке. Оборона Крыма должна быть обеспечена по всему периметру. Если русские начнут наступление, это будет означать катастрофу для нас. Я вынужден вновь сослаться на пример фельдмаршала Ф. Паулюса и Сталинград.*

*Клейст. Неизвестно точно, как там развивались события. Данные докладов оттуда отличаются друг от друга. Неужели вы считаете, что способны повлиять на решение фюрера? Однажды он уже заявил, что не позволит никому из генералов шантажировать себя. И если командующий 17-й армией отказывается выполнять приказ, он нарушает все правила поведения солдата. Намерены вы выполнять приказ или нет?»*

В ответ Э. Енеке попросил дать ему еще время для того, чтобы посоветоваться с начальником штаба, и разговор прервался.

После этого начальник штаба группы армий «А» обратился к начальнику штаба и начальнику оперативного отдела 17-й армии с призывом дать своему командующему «правильные» рекомендации. Он заявил, что речь идет о дисциплине. Если Э. Енеке откажется повиноваться приказу, на его место будет назначен другой генерал, который меньше знаком с обстановкой, что, в конце концов, негативно скажется на войсках. Еще через час Э. Енеке сдался и отменил свой приказ. Докладывая об этом инциденте К. Цейслеру, Э. Клейст заявил, что не хотел бы доводить дело до суда над Э. Енеке, но намерен просить сменить его на посту командующего армией. Тем не менее Э. Енеке сохранил за собой эту должность, так как К. Цейслер и Э. фон Клейст после некоторых раздумий решили не давать фюреру лишнего повода усомниться в надежности своих генералов.

Скорее всего, никакие аргументы не смогли бы убедить Гитлера отступить из Крыма. Как всегда, он надеялся, что фортуна переменится, и вынашивал невнятные замыслы возместить все свои потери. В свою очередь, немецкие генералы, оптимизм и решительность среди которых рассматривались как неотъемлемые профессиональные качества, в большинстве своем не спешили считать свое дело проигранным до тех пор, пока у них оставался хоть самый мизерный проблеск надежды.

В свою очередь, к концу месяца Гитлер неожиданно получил поддержку своим замыслам там, где совсем не ожидал этого. Фельдмаршал Э. Манштейн, получивший из Италии и с Запада пять свежих танковых дивизий для ликвидации прорыва на своем участке фронта, предложил передать их 1-й танковой армии для проведения молниеносного контрудара. Затем, после того как русские будут остановлены, эти соединения следовало перебросить на юг, на излучину Днепра, для нанесения удара во фланг советским войскам, наступавшим на участке 6-й армии. План Э. Манштейна являлся аналогом контрнаступления немцев под Харьковом, проведенного ранее в том же году. Гитлер, который видел в нем не только возможность удержать Крым, но и перспективу достижения общей победы, немедленно одобрил его. Для самого Э. Манштейна этот замысел был чрезвычайно привлекательным тем, что позволял ему в очередной раз продемонстрировать виртуозную тактику использования отступления в качестве ловушки для наступающего противника, горячим приверженцем которой он являлся.

Прежде чем Э. Манштейн мог приступить к осуществлению своего замысла, ему было необходимо остановить советское наступление западнее Днепра, в результате которого могли оказаться отрезанными 1-я танковая армия и вся группа армий «А». 2-й Украинский

фронт сосредоточил четыре армии, в том числе 5-ю гвардейскую танковую армию, за плацдармом в районе Кременчуга. В середине месяца 5-я гвардейская армия начала наступление с плацдарма. Утром 15 октября двенадцать стрелковых дивизий перешли в наступление с наиболее крупного из плацдармов. Во второй половине дня И.С. Конев ввел в бой 5-ю гвардейскую танковую армию. На следующий день на другой берег реки переправились уже три советские армии<sup>1</sup>.

К вечеру Э. Манштейн и Э. Макензен договорились, что лучшим решением в сложившейся обстановке будет оставить излучину Днепра и отвести 1-ю танковую армию и всю группу армий «А» назад, к реке Буг, в район Николаева. Однако Э. Манштейн полагал, что такое решение вряд ли будет утверждено командованием.

Через несколько дней И.С. Конев бросил свои дивизии через реку; в результате был прорван левый фланг обороны 1-й танковой армии. 18 октября советские войска заняли Пятихатку, в 50 км южнее Днепра, и перерезали главные железнодорожные ветки на Днепропетровск и Кривой Рог. Какое-то время Э. фон Макензен полагал, что русские продвинулись на запланированную глубину немецкой обороны и теперь сосредоточат усилия на наступлении на участок обороны армии с севера. Он принял решение подождать, пока сможет собрать две дивизии, которые группа армий перебрасывала на этот участок из 8-й армии, и еще две (14-ю и 24-ю танковые дивизии), прибывающие из Италии и с Запада, для нанесения мощного контрудара.

К 20 октября он изменил свою точку зрения. Очевидно, русские ставили перед собой более решительные цели: Кривой Рог, где они могли отрезать коммуникации армии, а может быть, даже Херсон или Николаев. Кривой Рог необходимо было удерживать. Там находился железнодорожный узел, контролировавший все пути на восток, где проходил передний край обороны армии. Кроме того, там располагались крупные склады боеприпасов и снаряжения, на эвакуацию которых потребуется несколько недель. Э. Макензен решил наносить контрудар силами двух дивизий, прибывших из 8-й армии, не дожидаясь остальных войск, переброска которых может потребовать еще 8—12 дней.

На этот раз, пусть и с опозданием, командование ОКХ могло предложить его войскам эффективную поддержку. Дело в том, что в начале месяца оперативный отдел ОКВ решил, что угроза вторжения с Запада на некоторое время миновала, и поэтому на Восточный фронт можно перебросить дополнительные силы, пусть даже это было рискованным для других театров. Соответственно, было принято решение о переброске на восток 14-й и 24-й танковых дивизий.

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 348.

20 октября было принято решение направить на Восточный фронт еще и 1-ю и 25-ю танковые дивизии, дивизию СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и 384-ю пехотную дивизию. Пять танковых дивизий (дивизия СС «Адольф Гитлер» являлась 1-й танковой дивизией СС) представляли собой мощный подвижный резерв, однако оставалось вопросом, успеют ли они вовремя прибыть в Россию.

21 октября, в то время как русские продвигались к Кривому Рогу, Э. фон Макензену пришлось отказаться от плана нанесения контрудара силами 11-й танковой дивизии и дивизии СС «Мертвая голова», переброшенных из 8-й армии. Вместо этого он направил эти соединения для укрепления обороны армии и ослабления силы удара русских. Он доложил Э. Манштейну, что советские войска, если пожелают, смогут совершить маневр на восток, к излучине Днепра, и нанести удар в тыл войскам армии, занимающим оборонительный рубеж на берегу реки. Он предложил отвести войска с восточной половины излучины Днепра на новый рубеж с опорой на реку и левый фланг группы армий «А» в районе Никополя. Э. Манштейн сначала согласился, однако после того, как это предложение ушло на рассмотрение в ОКХ, снова позвонил Э. Макензену примерно в полночь и передал настоятельное требование Гитлера удерживать фронт на Днестре любой ценой.

Спустя два дня советская 8-я гвардейская армия нанесла удар с небольшого плацдарма в районе Войскового в полосе наступления 3-го Украинского фронта, на полпути между Днепропетровском и Запорожьем. Одновременно 46-я армия начала наступление с севера. Теперь у Э. Макензена едва осталось времени на то, чтобы вывести свои войска из Днепропетровска и с участка на берегу реки, на который опирался левый фланг обороны его армии.

Сигнал тревоги был подан вовремя, но успеют ли пожарные прибыть вовремя и спасти горящий дом? 24 октября Э. Манштейн перебросил XXXX танковый корпус в 8-ю армию, на северный фланг того участка, где войска И.С. Конева наступали на Кривой Рог. Он приказал корпусу атаковать во фланг наступающим русским на юго-восток силами 14-й и 24-й танковых дивизий и дивизии СС «Мертвая голова». Еще три дивизии, обещанные ОКВ, все еще находились в дороге. 25 октября, когда XXXX танковый корпус разворачивался для контрудара, передовые части войск И.С. Конева вошли в пригороды Кривого Рога. Из-за нависшей над городом угрозы наступление XXXX корпуса началось 27 октября, на один день раньше, чем было запланировано. В течение трех дней немцы разгромили большую часть двух советских механизированных корпусов и девять стрелковых дивизий, вынудив танкистов И.С. Конева оставить город и отойти назад примерно на 30 км.

Решив эту задачу, Э. Манштейн намеревался перебросить две дивизии XXXX танкового корпуса на плацдарм в районе Никополя,

который занимала 6-я армия, для нанесения удара в степях Северной Таврии. 2 ноября Э. Макензен опротестовал это решение, заявив, что главной целью является удержать Кривой Рог и Никополь. Он был убежден, что, если XXXX корпус будет переброшен на другой участок, русские снова начнут наступление, захватят Кривой Рог, а затем рано или поздно возьмут и Никополь. Э. Манштейн ответил, что если не восстановить контакт с войсками в Крыму, то придется оборонять весь рубеж в нижнем течении Днепра, для чего не было достаточно сил.

Через два дня Э. Манштейн переменял свое мнение. Он доложил в ОКХ, что его первоначальное решение базировалось на том, что 6-я армия сохранит достаточно сил перед Днпром. Но при сложившейся обстановке он не верил в успех контрудара XXXX танкового корпуса. Вместо этого фельдмаршал предложил держать две дивизии корпуса в качестве резерва для обороны плацдарма в районе Никополья, а также Кривого Рога. Не прошло и 24 часов, как все внимание Э. Манштейну пришлось сосредоточить на левом фланге групп армий, где назревали новые грозные события.

В течение месяца 4-й танковой армии удавалось поддерживать равновесие на своем участке фронта по обе стороны от Киева. На ее флангах русские удерживали два больших плацдарма, в районе устья Припяти и ниже по течению от Киева, в районе Букрина. В первой половине октября они захватили еще два небольших плацдарма. Первый находился в районе Лютежа, в 20 км севернее Киева, а второй — в районе Ясногородки, в 40 км севернее города.

Первоначально Н.Ф. Ватутин получил приказ Ставки захватить Киев широким наступлением на запад и север с Букринского плацдарма. В период с 12 по 15 и с 21 по 23 октября три советские армии пытались прорваться с плацдарма. Поскольку русские испытывали нехватку материалов и техники для переправы тяжелой артиллерии, а также в связи с ограниченным обзором, не позволяющим обеспечить ведение точного артиллерийского огня с левого берега, попытки провалились. К этому времени два плацдарма севернее Киева были значительно расширены; при этом Лютежский плацдарм разросся на юг настолько, что обеспечивал возможность ведения артиллерийского огня по городу. После провала второй попытки прорыва Ставка приказала Н.Ф. Ватутина перебросить 3-ю танковую армию и артиллерию на север, в район Лютежского плацдарма, и попытаться наступать оттуда<sup>1</sup>.

3 ноября, после нескольких дней активной перегруппировки войск за линией фронта, в районе плацдармов и восточнее Днепра,

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 3. С. 335—336.

началось советское наступление. Под прикрытием мощного огня артиллерии шесть стрелковых дивизий и танковый корпус из состава 3-й гвардейской танковой армии и 38-й армии нанесли удар на центральном участке немецкого оборонительного рубежа и прорвали его. Одновременно 60-я армия прорвалась с плацдарма в районе Ясногородки. В течение двух дней немецкий фронт 4-й танковой армии в районе Лютежа был поставлен на грань катастрофы. К исходу дня 5 ноября бои перекинулись на улицы Киева, а на следующий день последние немецкие подразделения отошли на юг.

Совсем не имея резервов, 4-я танковая армия была обречена. Сначала Г. Гот полагал, что целью русского наступления был Киев, но уже к 5 ноября и он, и Э. Манштейн поняли, что русские были намерены наступать широким фронтом на юго-запад и по возможности охватить с флангов весь немецкий участок фронта на Днестре. Это означало, что следующей целью советского наступления был Фастов, расположенный в 60 км юго-западнее Киева, крупный железнодорожный узел, контролировавший двухколейную железную дорогу, по которой осуществлялось снабжение центрального участка группы армий «Юг». 6 ноября Э. Манштейн приказал развернуть 25-ю танковую дивизию, прибывшую с Запада, для обороны Фастова.

На следующий день в ставке фюрера Э. Манштейну указали, какую ошибку он совершил, когда планировал контратаковать в Северной Таврии. Фельдмаршал возразил, что с самого начала года предполагалось, что группа армий «Юг» сосредоточит основные усилия на северном фланге; он решил перебросить две дивизии из состава XXXX танкового корпуса и три танковые дивизии, в том числе 25-ю танковую дивизию, прибывшие с Запада, в район Киева. Но никто был не в силах отнять у Гитлера его мечту: достижение значительного успеха южнее излучины Днестра, что могло вернуть уверенность в войска и позволило бы удержать Никополь и Крым. Он разрешил Э. Манштейну передать три новые танковые дивизии 4-й танковой армии, однако настоял, чтобы XXXX танковый корпус остался в составе 1-й танковой армии. В качестве компенсации он обещал Э. Манштейну 2-ю парашютно-десантную дивизию, бригаду СС, а также 4-ю танковую дивизию, которые должны были быть переброшены из группы армий «Центр», но так и не прибыли к новому месту дислокации. То, что Э. Манштейн принял эти условия, вызвало немалое раздражение в ОКХ. После окончания совещания в телефонном разговоре с Г. фон Клюге начальник оперативного отдела ОКХ посетовал, что Э. Манштейн мог бы получить все пять обещанных ему дивизий, если бы не поспешил согласиться с предложением фюрера. Того же мнения придерживался и К. Цейцлер, который был намерен оказать Э. Манштейну всемерную поддержку.

В то время как Э. Манштейн собирался немедленно начать наступление с целью восстановить связь с войсками в Крыму (посколь-

ку, как оказалось, 17-я армия была не способна самостоятельно удерживать полуостров в течение трех-четырех недель), пока шла битва за Киев, русские высадили десанты на обеих сторонах Керченского полуострова и на южном берегу Сиваша, у основания Перекопского перешейка. Вселял надежду и успех, пусть и незначительный, наступления, предпринятого за несколько дней до этого 24-й танковой дивизией с Никопольского плацдарма. Но 8 ноября Э. Манштейн решил, что у 1-й танковой армии недостаточно сил для того, чтобы одновременно парировать прорыв русских на своем фронте и наносить удар на юг. На следующий день он приказал Э. фон Макензену запланировать наступление, которое начнется после прибытия подкреплений. В течение последующих недель, когда обнаружилось, что русские не спешат отвоевывать Крым, Э. Манштейн, который был полностью поглощен событиями на своем участке фронта, отложил воплощение замысла проведения операции южнее Днепра на неопределенное время.

На второй неделе ноября, когда 1-я и 25-я танковые дивизии, а также дивизия «Адольф Гитлер» пытались справиться со сложнейшей задачей по сбору и повторной погрузке своих войск, которые прибыли в 1-ю танковую армию и теперь перебрасывались на участок 4-й танковой армии, а также по отправке туда же не успевших выгрузиться эшелонов из Германии, войска советского 1-го Украинского фронта продолжали наступление из района Киева на юго-запад, подавляя сопротивление разрозненных немецких частей. Оборона 4-й танковой армии была рассечена на три части, каждая из которых все более изолировалась от соседней. Занимавший оборону на левом фланге LIX корпус отжимался на северо-запад, к Коростеню. Занимавшие центральный участок VII танковый и XIII армейский корпуса отходили на запад, к Житомиру. На южном участке XXIV танковый корпус все еще частично удерживал оборонительный рубеж вдоль берега реки, однако ему пришлось совершить маневр левым флангом на юг, чтобы парировать наступление русских южнее Киева. Слева от него переброшенный из 1-й танковой армии XXXVIII танковый корпус пытался перегруппировать свои прибывающие с юга части и создать новый оборонительный рубеж с опорой на фланге на Фастов.

Утром 7 ноября, когда командир немецкой 25-й танковой дивизии пытался всеми имевшимися в его распоряжении силами выполнить поставленную задачу по обороне Фастова, он обнаружил, что передовые части советской 3-й гвардейской танковой армии прибыли в район Фастова раньше его. В течение следующих трех дней солдаты дивизии, не подготовленные к боевым действиям на Восточном фронте, при значительной нехватке боевой техники тщетно пытались вновь захватить город.



В то же время наступление русских после взятия Фастова набирало силу. Э. Манштейн принял решение отступить от города и тем самым ослабить нажим советских войск на немецкие VII танковый и XIII армейский корпуса. 12 ноября XXXXVIII танковый корпус силами своих трех не полностью укомплектованных дивизий нанес удар из района Фастова в северо-западном направлении в тыл наступающей советской 38-й армии. Далее корпус продолжил наступление на Житомир, в 150 км к западу от Киева. Наступление не дало значительных результатов. На севере под ударами советской 60-й армии LIX армейский корпус быстро отходил обратно к Коростеню, что грозило потерей контакта с правым флангом группы армий «Центр».

Как это случилось раньше, русские сами предоставили 4-й танковой армии блестящий шанс восстановить положение. Н.Ф. Ватутин рассредоточил свои усилия на двух направлениях; русские пытались наступать сразу на юго-запад и запад. Э. Манштейн решил сначала нанести мощный удар на Житомирском направлении, а потом за Фастовом совершить поворот на восток.

Начиная с 14 ноября XXXXVIII танковый корпус снова перешел в наступление. На этот раз место 25-й танковой дивизии заняла испытанная 7-я танковая дивизия из состава XXIV танкового корпуса. Теперь немцам повезло больше. После первого дня наступления русские, обеспокоенные за судьбу своих флангов и тыла, пришли в замешательство и замедлили темпы наступления. Но даже сейчас казалось, что наступление началось слишком поздно, чтобы спасти LIX армейский корпус. Войскам корпуса приходилось сражаться в одиночку, практически в окружении. Снабжение приходилось осуществлять по воздуху. Командир корпуса намеревался, пока еще не было поздно, отводить войска на запад, но 16 ноября Гитлер приказал удерживать Коростень любой ценой.

19 ноября XIII армейский и XXXXVIII танковый корпуса снова заняли Житомир. На следующий день дивизия «Адольф Гитлер» повернула на восток и 23 ноября вышла к Брусилову, к северу и несколько западнее Фастова. Но затем после нескольких дней дождей дороги размыло. Севернее LIX армейский корпус, войска которого, несмотря на приказ Гитлера, были выбиты из Коростеня, 24 ноября, воспользовавшись растущим замешательством русских, снова вошел в город. На следующий день Э. Манштейн объявил о временном прекращении наступления в связи с погодными условиями.

Последние две недели ноября решили судьбу Днепровского рубежа. То, что он пока еще удерживался немцами, объяснялось уроками концентрации и маневра, которые Э. Манштейн сумел преподать Н.Ф. Ватутину восточнее Житомира. И все же более важной

причиной было то, что Н.Ф. Ватутин в ожидании более благоприятной погоды не стал сразу же наносить немцам решительный удар. Если бы две танковые дивизии, которые Гитлер обещал прислать на правый фланг группы армий, действительно были в распоряжении немцев, 4-я танковая армия, возможно, смогла бы противостоять трем советским армиям и нанести им полное поражение<sup>1</sup>. (Советской Ставке тоже было чем ответить, поэтому вряд ли. — *Ред.*)

В сложившейся же к концу месяца реальной остановке Г. Гот и Э. Манштейн решили, что не приходится даже говорить о возвращении на Днепр в районе Киева.

В то время как немецкая 4-я танковая армия вела бои западнее Киева, обстановка на остальных участках группы армий «Юг» продолжала неуклонно ухудшаться. После того как 13 ноября русские смогли захватить небольшие плацдармы по обе стороны от Черкасс, войска 2-го Украинского фронта быстро расширили один из них на север, создав в результате угрозу охвата города и рассечения участка фронта немецкой 8-й армии.

Русские продолжали оказывать давление на немецкую 1-ю танковую армию на доставшемся ей от 6-й армии плацдарме в районе Никополя, а также в районе севернее и восточнее Кривого Рога. 20 ноября генерал-полковник Ганс Хубе, сменивший Э. фон Макензена на посту командующего 1-й танковой армией, доложил командованию группы армий о том, что укомплектованность его пехотных частей снизилась до недопустимого уровня. На переднем крае не хватало солдат; в дни самых тяжелых боев дивизии теряли до одного батальона личного состава. Г. Хубе считал дальнейшую оборону Днепровского рубежа невозможной, если в его армию срочно не будет переброшено по воздуху необходимое пополнение.

В тот же день Э. Манштейн, предугадывая дальнейшее развитие событий, доносил в ОКХ, что русские помимо резервов, составляющих 44 стрелковые дивизии и значительное количество танковых бригад, сформированных в 1943 г., сосредоточили за линией фронта еще 33 стрелковые дивизии и 11 танковых и механизированных корпусов. Этими силами они вполне способны начать полномасштабное зимнее наступление. Тогда группа армий «Юг», связанная жесткой обороной сложившейся линии фронта, с тактической точки зрения окажется полностью в их власти. Группе армий, продолжал генерал-фельдмаршал, необходимо иметь достаточно мощные резервы. В случае невозможности переброски таких резервов с других театров их необходимо создать за счет сокращения линии фронта на юге Восточного фронта и выведенной из Крыма 17-й армии.

---

<sup>1</sup> Из трех обещанных Гитлером резервных дивизий прибыла только 2-я парашютно-десантная дивизия, да и то только к концу ноября.

Каким бы мрачным ни был анализ, проведенный Э. Манштейном, его оценка обстановки была более оптимистичной по сравнению с тем, как смотрели на ближайшее будущее командующие его армий. В участке обороны 8-й армии образовались бреши у плацдарма в районе Черкасс и севернее Кривого Рога. 24 ноября начальник штаба 8-й армии запросил вышестоящее командование относительно возможности «принятия значительных оперативных решений» (то есть речь шла об общем отступлении) после того, как установится морозная погода. Все, чем смог ответить Э. Манштейн, был неуклюжий афоризм: «Тот, кто станет удерживать свои позиции хотя бы на минуту дольше, будет побежден». Еще через два дня Г. Хубе предупредил о необходимости либо отдать приказ оставить Никопольский плацдарм, либо направить в его армию значительные резервы. На следующий день, 27 ноября, он доложил Э. Манштейну, что армия полностью исчерпала свои собственные возможности, и запросил, сколько еще дней ей придется оборонять Никопольский плацдарм. Русские пополняли свои части за счет призыва контингента с отвоеванных у немцев территорий. Как солдаты новобранцы ничего собой не представляли (но быстро учились — именно они брали Будапешт и Вену. — *Ред.*), но одно только их количество могло вызвать у немецкой стороны нехватку боеприпасов. Э. Манштейн ответил, что согласен с мнением командующего армией, но не может заставить Гитлера отменить прежние приказы.

В конце ноября Гитлер намеревался перебросить часть сил из немецких 4-й и 1-й танковых армий для укрепления фронта в районе Черкасс. Э. Манштейн в ответ заявил, что, если русские снова попытаются накинуть петлю на северный или южный фланг группы армий, оборона Черкасс все равно не будет иметь смысла.

В начале декабря похолодало; в течение нескольких дней дороги замерзли достаточно для того, чтобы немецкие танковые дивизии смогли возобновить движение. Э. Манштейн приказал XXXXVIII танковому корпусу совершить маневр к северу от Житомира и наступать на рубеж Радомышль—Малин, а затем повернуть на северо-восток во фланг советской 60-й армии, действующей против LIX армейского корпуса в районе Коростеня. Наступление XXXXVIII корпуса в районе Житомира началось 6 декабря. В течение двух дней корпусу удалось значительно продвинуться вперед; при этом сопротивление русских постепенно слабело. Однако к 10 декабря русские вновь усилили сопротивление. Поэтому Г. Гот, не видя другого выхода, приказал XXXXVIII корпусу основной задачей после того, как будет занят Радомышль, считать восстановление контакта между XIII и LIX армейскими корпусами. 19 декабря XXXXVIII танковый корпус был готов приступить к выполнению второй части своей первоначальной задачи, а именно выходу в тыл советской 60-й армии. Однако в течение трех последующих дней корпусу практически не удалось продви-

нуться вперед: навстречу ему двинулись русские соединения, задачей которых было новое наступление на Житомир. 21 декабря командование 4-й танковой армии приказало корпусу перейти к обороне.

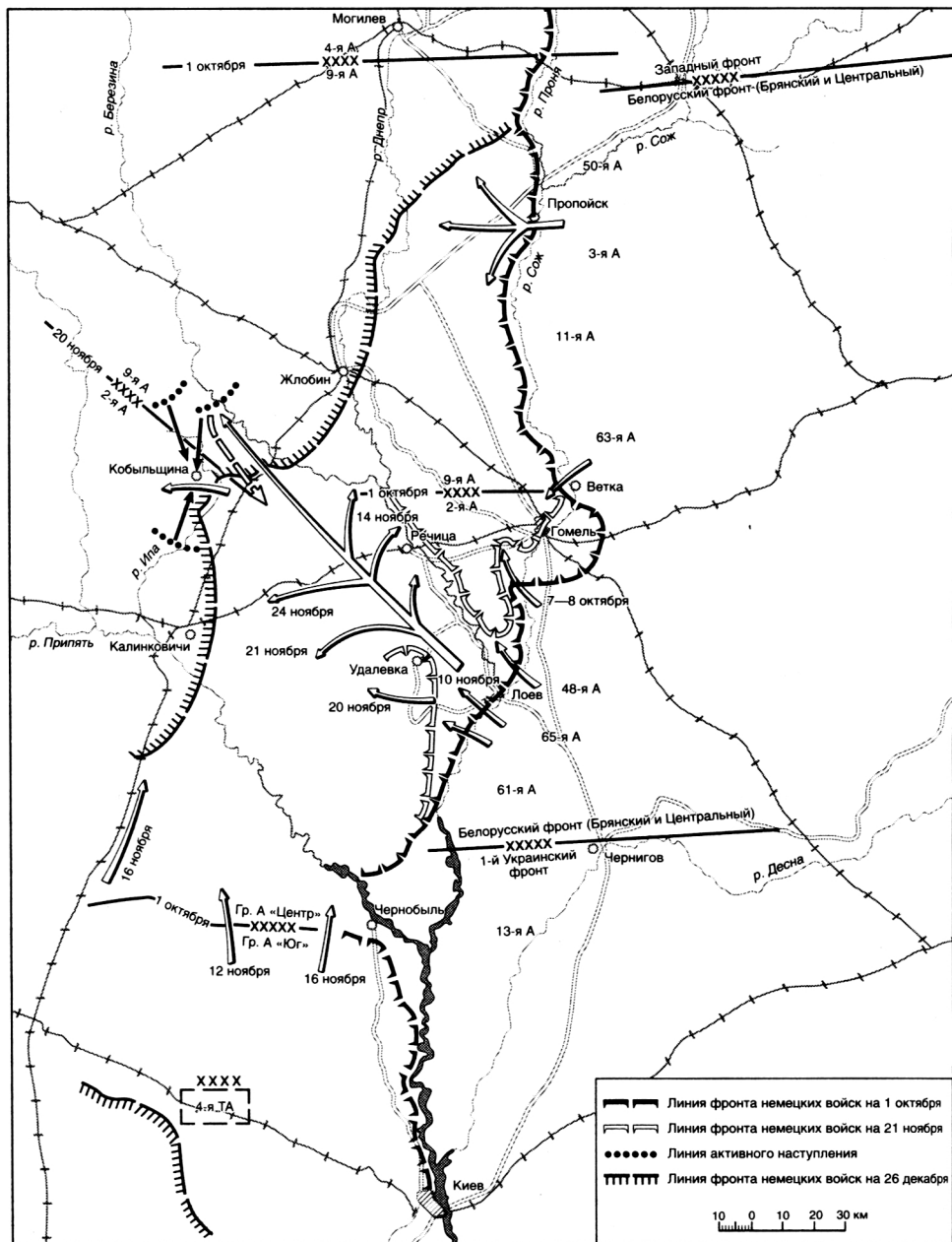
На участках 8-й армии и 1-й танковой армии в течение всего ноября и первых трех недель декабря русские вели бои на изнурение, которые были выгодны им и которые не могли долго выдерживать немцы. До второй недели декабря немцам удавалось сдерживать наступление русских и сохранять фронт, но затем участок на северо-западе у плацдарма в районе Кривого Рога был прорван. Прежде чем немцам удалось создать новый фронт, войска 2-го Украинского фронта заняли участок на Днестре, севернее Черкасс. После 15 декабря все, что осталось от линии Вотана, была узкая полоса обороны на Днестре шириной 70 км между Киевом и Черкассами.

### **Днепровский плацдарм. Группа армий «Центр»**

На участке группы армий «Центр» самым значительным выступом на рубеже «Пантера» был расположенный восточнее Днестра плацдарм, протянувшийся от Лоева на юге до района восточнее Орши. Длина плацдарма составляла 350 км, а глубина достигала 50—60 км (см. карту 17). Рубеж «Пантера» прикрывал гигантскую отсечную позицию, протянувшуюся по рубежу Невель—Витебск—Орша—Днепр. В конце сентября группа армий приступила к созданию потенциально более мощного рубежа, чем «Пантера», рубежа, который также представлял собой мощное естественное оборонительное укрепление перед границей с Польшей.

Несмотря на то что летом 1943 г. в результате передачи своих соединений на другие участки и понесенных потерь группа армий «Центр» стала значительно слабее, она все еще была мощнее, чем любая другая германская группа армий. По состоянию на 1 октября она имела в своем составе 42 пехотные дивизии, 8 танковых и моторизованных дивизий, а также 4 авиаполевые дивизии. Из них 12 пехотных и 4 танковые дивизии были сведены в боевые группы; при этом численность некоторых таких групп не превышала одного полка. Группе армий «Центр» противостояли четыре советских фронта, ни один из которых не потерял своей наступательной способности. На южном фланге группы армий «Центр» действовали Брянский и Центральный фронты, которые в начале октября были сведены в Белорусский фронт под командованием К.К. Рокоссовского.

Несмотря на то что было нетрудно предугадать намерение советской Ставки продолжать сосредоточивать основные усилия против группы армий «Юг» (очевидным свидетельством этому послужило объединение Брянского и Центрального фронтов, так как



Карта 17. Днепровский плацдарм (1 октября — 26 декабря 1943 г.)

русские никогда не предпринимали операций с решительными целями на значительных участках силами всего одного фронта), командование группы армий «Центр» беспокоилось за свой южный фланг. 2-я армия была слаба; ее тыл опирался на Припятские болота, а оба фланга были легко уязвимы. На севере армии приходилось удерживать плацдарм восточнее реки Сож для защиты важной железнодорожной ветки в районе Гомеля. На юге, на участке в нижнем течении реки Припять, русским удалось вбить клин между 2-й армией и левым флангом группы армий «Юг».

В конце сентября Г. Клюге направил в распоряжение В. Вейсса три танковые дивизии. Предполагалось, что эти соединения нанесут удар на правом фланге 2-й армии совместно с 4-й танковой армией, в результате которого будет ликвидирован плацдарм русских и восстановлен контакт между двумя группами армий на Днестре. Однако, прежде чем немецким танковым дивизиям удалось сосредоточиться и сманеврировать на заболоченном западном берегу реки, русские успели перебросить через Днепр резервы. В результате после нескольких дней боев немцы были вынуждены перейти к обороне, а на некоторых участках даже отступить. Когда 3 октября 2-й армии, наконец, удалось ввести в бой свои танковые части, советская сторона ответила на эти мощными воздушными ударами. 4 октября части 4-й танковой армии заняли Чернобыль, но в течение двух последующих дней боев 2-я армия не смогла больше продвинуться вперед.

6 октября В. Вейсс доложил, что продолжение наступления не имеет смысла. Он предложил сократить линию фронта, отведя армию назад, использовать освободившиеся войска для создания рубежа прикрытия вдоль западного края плацдарма и тем самым восстановить контакт с группой армий «Юг». Г. Клюге одобрил этот план, и 11 октября 2-я армия переправила на другой берег Припяти одну из своих дивизий, которая северо-западнее Чернобыля соединилась с 4-й танковой армией. Плацдарм шириной 50 км и глубиной 25 км остался под полным контролем 1-го Украинского фронта.

На левом фланге немецкой 2-й армии, западнее реки Сож в районе Гомеля, Белорусский фронт удерживал два плацдарма. Один из плацдармов находился в 15 км к северу от города, на восточном берегу реки в районе Ветки, там, где проходила разграничительная линия с 9-й армией. Второй плацдарм находился примерно в 25 км южнее города. В начале октября южный плацдарм был расширен. Тем самым нависла угроза над Гомелем и немецким плацдармом восточнее реки. 9 октября Г. Клюге доложил, что вопрос о планомерном отводе войск 2-й армии с плацдарма теперь находится под сомнением. Гитлер дал согласие на отступление при условии, что

«войска находятся под угрозой уничтожения». На следующий день после отвода войск с плацдарма они были переброшены южнее города, где их присутствие пришлось как нельзя кстати, так как с их помощью удалось замедлить русское наступление.

К тому времени угрожающая обстановка начинала складываться еще южнее. Пока 2-й армии приходилось заниматься своими флангами, К.К. Рокоссовский сосредоточил мощную группировку войск южнее Лоева, на участке ниже слияния рек Днепр и Сож. Тем самым создавалась угроза нанесения флангового удара по рубежу «Пантера» и по отсечной позиции на Днепре. В результате 2-я армия была бы поставлена перед необходимостью решать неблагоприятную задачу создания фронта в контролируемой партизанами лесисто-болотистой местности западнее Днепра.

15 октября началось советское наступление на участке фронта шириной 30 км южнее Лоева. Русские стремительно продвигались вперед. Отчасти это было вызвано тем, что Г. Клюге был больше обеспокоен сохранением контакта с войсками группы армий «Юг». Он колебался в течение двух дней, прежде чем принял решение о переброске одной из танковых дивизий с правого фланга 2-й армии. К 20 октября русским удалось создать на обоих берегах Днепра плацдарм шириной 90 км и глубиной 15 км. Затем в течение двух дней они пытались наступать на северо-восток в направлении Речицы, по железной дороге западнее Гомеля.

22 октября Г. Клюге обратился к К. Цейцлеру с просьбой о резервах. Он доложил, что войска 2-й армии измотаны и не смогут противостоять непрекращающимся ударам русских. Группа армий не может гарантировать, как будет развиваться обстановка в дальнейшем, и при отсутствии подкреплений может оказаться перед необходимостью отступить по всему фронту. В тот же день, убедившись в том, что попытка прорыва была неудачной, К.К. Рокоссовский приказал прекратить наступление с Лоевского плацдарма.

В конце месяца К.К. Рокоссовский перенацелил наступление на фланги 9-й армии. В результате на некоторых участках рубежа «Пантера» немецкая оборона была смята и создавалась угроза ее прорыва на нескольких участках. 27 октября Г. Клюге и В. Модель обсуждали вопрос об отступлении 9-й и 2-й армий к Днепру ниже Могилева. На следующий день войска К.К. Рокоссовского еще более осложнили обстановку, возобновив наступление с плацдарма в районе Лоева. Но к концу месяца, по-видимому удовлетворенный достигнутыми на отдельных участках успехами, К.К. Рокоссовский вновь приказал прекратить наступление.

В конце октября произошли перестановки в командовании группы армий «Центр». 28 октября генерал-фельдмаршал Г. Клюге, командовавший ее войсками с декабря 1941 г., был тяжело ранен в результате автомобильной катастрофы. На следующий день Гитлер

назначил ему на замену генерал-фельдмаршала Эрнста Буша. Э. Буш находился на Восточном фронте с самого начала кампании в качестве командующего 16-й армией. Он пользовался большим авторитетом в армии, однако большую часть кампании его войска вели позиционную войну. Поэтому до сих пор у него не было возможности проявить себя как тактика. В то же время он был более лоялен к Гитлеру, чем большинство представителей немецкого высшего командного состава, и приветствовал руководство фюрера деятельностью немецких сухопутных войск.

В самом начале ноября наступление войск Н.Ф. Ватутина в районе Киева заставило командование группы армий «Центр» вновь обеспокоиться судьбой южного фланга. После начала наступления Э. Буш приказал В. Вейссу удерживать Чернобыль силами все еще находившихся в том районе двух танковых дивизий (еще две дивизии были переброшены в район Лоевского плацдарма) и при необходимости сместить фланг 2-й армии южнее с целью удержать контакт с 4-й танковой армией. К 7 ноября наступление русских набрало такой темп, что обеспокоенный таким развитием событий Э. Буш запросил разрешения отвести фланг своих войск обратно к Чернобылю. Но Гитлер, который всегда неохотно позволял отводить войска на флангах, отказал.

10 ноября войска К.К. Рокоссовского предприняли третью попытку наступления с Лоевского плацдарма. В первый день немецкая оборона выдержала удар, однако на второй день была прорвана. В тот же день правофланговые армии 1-го Украинского фронта нанесли удар в северном направлении в 60 км западнее Чернобыля в неприкрытый фланг немецкой 2-й армии. 12 ноября В. Вейсс попросил разрешения снять войска с южного фланга и перебросить их на центральный участок, над которым нависла более серьезная угроза. Но ОКХ вновь приказало продолжать удерживать Чернобыль. На следующий день, когда Белорусский фронт нанес удар западнее Речицы, Вейсс предложил оставить Гомель и отвести северный фланг армии обратно к Днепру, что позволило бы высвободить дополнительные силы. Гитлер запретил и это. К 14 ноября передовые части войск К.К. Рокоссовского совершили маневр в восточном направлении к Днепру из района северо-западнее Речицы.

После того как брешь на центральном участке обороны 2-й армии достигла 12 км, Гитлер приказал В. Моделю и В. Вейссу выделить по одной дивизии для нанесения контрудара с целью ликвидировать этот разрыв. В. Вейсс усилил эту группировку еще одной дивизией, переброшенной с южного участка своего фронта. Контрудар был нанесен 18 ноября, однако после того, как в течение двух дней дивизия не удалось продвинуться вперед, наступление пришлось прекратить. В то же время войска Н.Ф. Ватутина заняли Чернобыль, а фронт К.К. Рокоссовского развернулся за Речицей на



запад и начал наступление на Калинковичи, крупный железнодорожный узел, контролировавший линии снабжения немецкой 2-й армии.

20 ноября В. Вейсс перебросил две дивизии из числа соединений, принимавших участие в контрударе в западном направлении, в район Калинковичей с целью обеспечить прикрытие этого населенного пункта. Участки севернее Березины и восточнее Днепра, включая Гомель, он передал под контроль 9-й армии. Теперь основной задачей 2-й армии стало обеспечение обороны перед Припятскими болотами. Как обычно бывает в подобной ситуации, в первую очередь было необходимо согласовать вопросы тактики. В. Вейсс, Э. Буш и К. Цейцлер стремились к созданию равновесия за счет маневра войск. Со своей стороны Гитлер придерживался старой формулы удерживания оставшихся участков фронта в качестве своего рода «опорных столбов» с проведением контратак для ликвидации брешей в обороне, образовавшихся в результате прорыва противника. Вечером 19 ноября он отдал приказ В. Вейссу продолжать удерживать те участки обороны, на которых противнику не удалось прорваться, до получения дальнейших распоряжений. Это ставило армию в особые условия, в которых, впрочем, уже никто не видел ничего необычного: ее главные силы оставались связанными, в то время как всего в 60 км происходили решающие бои.

На следующее утро, предварительно получив разрешение Э. Буша, В. Вейсс позвонил К. Цейцлеру. Он доложил, что крупные силы советской пехоты при поддержке танков и кавалерии находятся в 30 км от Калинковичей. Если им удастся занять город, армия через два дня останется без горючего, а через четыре дня — без боеприпасов. Впрочем, добавил он, противник может добиться того же, просто перерезав две железнодорожные ветки. Он способен сделать это силами одной кавалерии, которая в условиях болотисто-лесистой местности обладала значительно большей маневренностью, чем противостоящие ей немецкие подвижные соединения.

Даже если удастся остановить советское наступление на Калинковичи силами двух танковых дивизий, это даст только временную отсрочку до тех пор, пока русские, обойдя город с севера, не вынудят немцев растянуть линию фронта до ее полного истончения. Следовательно, было необходимо отвести назад войска со всего участка обороны. И это решение должно было быть принято немедленно, так как, если эвакуацию придется осуществлять в спешном порядке, значительная часть тяжелой техники будет утрачена, так как она застрянет в болотах. К. Цейцлер ответил, что вечером предыдущего дня он уже пытался убедить Гитлера предоставить 2-й армии свободу маневра, однако получил отказ. Он попытается еще раз, но ничего не может гарантировать. Незадолго до полуночи начальник оперативного отдела ОКХ позвонил в штаб группы армий

«Центр» и сообщил, что Гитлер снова подтвердил запрет на любое отступление.

На следующий день русские прорвали фронт 2-й армии в районе Удалевки и начали стремительное наступление на юго-запад, что создавало угрозу окружения правого фланга армии. Во второй половине дня 22 ноября Гитлер, наконец, смирился с неизбежным и разрешил В. Вейссу отвести свой фронт назад, но не далее рубежа, который он самолично тщательно наметил, проходившего восточнее Калинковичей. При этом войскам следовало удерживать и железную дорогу, проходящую севернее города. В дневнике армии отметили, что, поступи такой приказ на неделю раньше, его можно было бы с легкостью выполнить без каких-либо значительных потерь. В тот же вечер В. Вейсс докладывал в штаб групп армий, что на намеченный приказом Гитлера рубеж будет сложно выйти. Так же сложно будет его занять и удерживать. Этот рубеж проходил через заболоченный лес с густым подлеском, где давно уже обосновались партизаны. В. Вейсс запросил предоставить ему свободу маневра в рамках поставленной задачи, а именно создания оборонительного рубежа восточнее Припятских болот. Генерал хотел действовать вне навязанных ему рамок жестко установленной линии обороны.

К тому времени К.К. Рокоссовский подготовил немцам еще один неприятный сюрприз. Рано утром 22 ноября, после оставшейся незаметной для противника перегруппировки сил, его войска перешли в наступление на центральном участке обороны 9-й армии южнее Пропойска. 9-й армии был нанесен внезапный ошеломляющий удар. На следующий день войска К.К. Рокоссовского нанесли мощный удар в стык между 2-й и 9-й армиями и перерезали железную дорогу севернее Калинковичей.

В результате оборона немецкой 9-й армии в районе Гомеля стала представлять собой провисший выступ, бесполезный в тактическом отношении. Город потерял свое значение как важный железнодорожный узел еще десять дней назад, когда русские перерезали железную дорогу к западу от Речицы. 23 ноября Гитлер разрешил В. Моделю начать отвод войск. Однако он колебался еще целые сутки, прежде чем подписал приказ об эвакуации, так как потеря Гомеля могла «вызвать неблагоприятные отклики». Не желавший мириться с потерями территории, Гитлер вдвойне болезненно воспринимал потерю городов достаточно крупных, чтобы быть упомянутыми в мировой прессе и дать почву для торжества в Москве.

25 ноября Э. Буш приказал 9-й армии ликвидировать плацдарм русских в районе Пропойска (с 1945 г. Славгород. — *Ред.*). Кроме того, он распорядился, чтобы совместным контрударом 9-й и 2-й армий был ликвидирован прорыв противника на их флангах и вос-

становлен контроль над железной дорогой. Первый приказ не мог быть выполнен из-за нехватки сил. К тому времени русские уже успели пробить 80-километровый коридор в рубеже «Пантера» и продвинуться на 30 км на запад. Все, на что была способна 9-я армия, это попытка замедлить темпы продвижения противника. Приступить к исполнению второго приказа армии планировали 30 ноября. Но в течение последующих нескольких дней советские войска продвигались на северо-запад настолько стремительно и такими мощными силами, что ни одна из германских армий не смогла сосредоточить группировку, достаточную для нанесения контрудара. ОКХ обещало перебросить на этот участок 16-ю танковую дивизию из Италии. Но, поскольку одной дивизии было явно недостаточно, Э. Буш предложил отвести центральный участок фронта 9-й армии назад к Днепру, тем самым высвободив еще две дивизии. Гитлер не соглашался с этим решением до 30 ноября. К тому времени войска К.К. Рокоссовского уже вышли к Днепру в районе западнее Пропойска и уничтожили все то, что еще оставалось у немцев на южном участке рубежа «Пантера».

В конце месяца 2-й армии удалось создать новый оборонительный рубеж восточнее Калинковичей, который проходил всего на несколько километров западнее установленной Гитлером линии. В течение ночи 4 декабря 9-я армия завершила отход на новые позиции. Таким образом, несколько восстановив положение, армии могли приступить к подготовке контрудара с целью ликвидации разрыва фронта. 6 декабря командование армий подготовило приказы о контрударе. Этой операции было присвоено кодовое название «Николаус». Начало было назначено на 16 декабря, так как к этому времени ожидалось прибытие 16-й танковой дивизии. Но атаки противника после 8 декабря связали все резервы, подготовленные для операции на участке 2-й армии. А 14 декабря внезапно осложнившаяся обстановка в районе слияния Березины и Днепра на участке 9-й армии заставила ее командование просить о переносе операции на 20-е число.

То, что немцам удалось начать операцию 20 декабря, как и планировалось, само по себе было неожиданностью. А первоначальный успех контрудара превзошел все ожидания. На второй день наступления передовые части наступающих группировок 9-й и 2-й армий установили контакт в районе Кобыльщины. Командование группы армий приказало войскам срочно провести перегруппировку и совершить поворот на восток с целью восстановить контроль над железной дорогой. До этого момента ни командование группы армий, ни командующие армиями не могли рассчитывать на большее, чем ликвидация бреши в оборонительных позициях. Немцы сами не могли поверить в то, что им удастся выполнить вторую часть задачи.

22 декабря контрнаступление продолжалось. Немцы продвигались на восток, а сопротивление русских постепенно ослабевало по

мере того, как они начинали чувствовать угрозу своим флангам. В течение следующих трех дней немецким войскам удалось выйти к железной дороге на севере, но на юге они были остановлены советскими частями, упорно сражавшимися на рубеже по реке Ипа. 26 декабря Э. Буш, обеспокоенный обстановкой на северном фланге наступающей группировки, передал 16-ю танковую дивизию в состав 3-й танковой армии. Генералам В. Моделю и В. Вейссу он приказал прекратить наступление и остановиться на выбранном благоприятном для обороны рубеже.

После почти трех месяцев боев 9-я и 2-я армии снова имели сплошной фронт. Им удалось избежать последствий, которые могли иметь опасные удары русских. Иногда угрозу удавалось устранить в самый последний момент. Цена успеха была высокой. Была потеряна половина Днепровского плацдарма, то есть береговая полоса шириной примерно 150 км. На юге между флангами групп армий «Центр» и «Юг» зияла брешь шириной около 100 км.

Тем не менее отличительной чертой трех месяцев операций, проведенных осенью силами Белорусского фронта, явилась их однообразность и бесцельность. Фронт имел возможность расширить боевые действия до оперативного и даже стратегического масштаба, однако факты говорят о том, что советская Ставка не сумела ими воспользоваться и фактически не стремилась к этому. Бои велись лишь потому, что, обладая стратегической инициативой, Советский Союз боялся ее потерять и оказаться в патовой ситуации.

## **Глава 10**

### **НАРАСТАЮЩИЙ НАТИСК**

#### **Прорыв у Невеля**

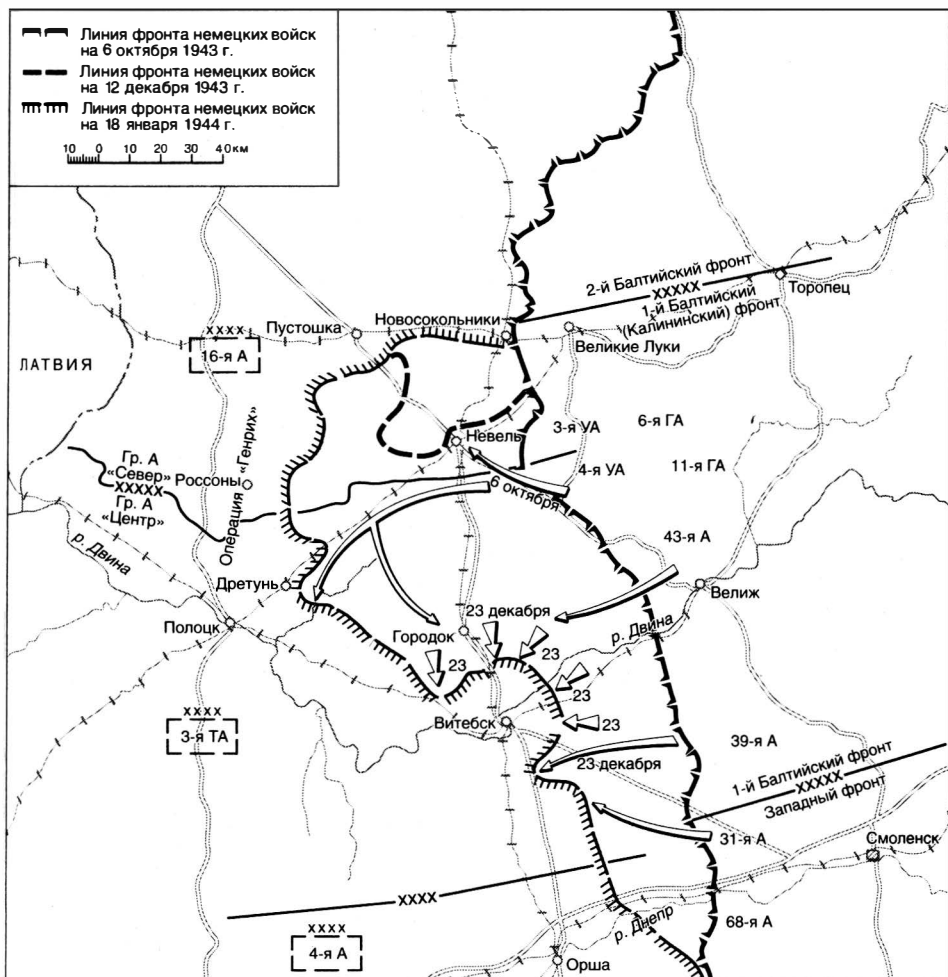
Летом 1943 г. на фронте группы армий «Север» обстановка, по сравнению с другими участками Восточного фронта, была спокойной. В разгоревшейся к концу июля битве в районе Мги масштабы боев на Ленинградском фронте были значительно скромнее, чем на участках советских фронтов, действовавших против групп армий «Центр» и «Юг». Силы противостоящих сторон в районе ответственности группы армий «Север» были примерно равны. Немецкая группировка насчитывала в своем составе 710 тыс. солдат и офицеров. Общая численность Ленинградского, Волховского, Северо-Западного и Калининского (участок последнего проходил в районе границы между зонами ответственности немецких групп армий «Север» и «Центр») фронтов составляла 734 тыс. человек. Правда, в дальнейшем на участке перед фронтом группы армий «Север» русские со-

средоточили за своими северными войсковыми группировками до полумиллиона человек резервов. В артиллерии силы сторон также были примерно равны, но и здесь у русских имелись значительные резервы. В середине июля войска группы армий «Север» имели 49 танков, из которых только 40 были пригодны для боя. Советская сторона сосредоточила на передовой 209 танков и еще 843 держала в резерве. К 15 сентября в группе армий «Север» осталось всего 7 боеготовых танков. Во второй половине 1943 г. германский 1-й Воздушный флот, обеспечивавший деятельность войск в зоне ответственности группы армий «Север», смог совершить в два раза меньше боевых вылетов, чем противостоявшие ему части советских ВВС.

В августе немецкая авиационная разведка вскрыла повышенную активность противника на флангах группы армий «Север». Рост количества судов, совершавших короткие, но опасные рейсы в Финском заливе между Ленинградом и плацдармом в районе Ораниенбаума, указывал на то, что русские в скором будущем попытаются совершить прорыв с целью соединения войск на плацдарме с силами в районе Ленинграда. Южнее Калининский фронт под командованием генерала А.И. Еременко начал сосредоточение войск в районе разграничительной линии между группами армий «Север» и «Юг». Для того чтобы противостоять этой и другим возможным угрозам, в группе армий «Север» был создан резерв за счет отведенных с фронта пяти пехотных дивизий. В течение первых двух недель сентября две резервные дивизии были переброшены на участок группы армий «Юг».

19 сентября в связи с отходом группы армий «Центр» на рубеж «Пантера» в состав группы армий «Север» был передан XXXXIII армейский корпус. Это усилило группу армий на три дивизии. При этом линия фронта увеличилась на 70 км, появилась необходимость обеспечить оборону двух важных железнодорожных и шоссейных узлов, которыми являлись города Невель и Новосокольники (см. карту 18).

К концу сентября ни у кого не было сомнений, что русские готовят наступление на стыке участков групп армий «Север» и «Центр». Этот район, представлявший собой местность, изобилующую лесами, озерами и болотами, имевший слабо развитую даже по русским стандартам дорожную сеть, где расположились многочисленные мощные группы партизан, долгое время был слабым звеном Восточного фронта. Еще во время зимнего наступления 1941 г. русские в результате упорных боев отвоевали здесь гигантский выступ в районе Торопца, а во время зимней кампании 1942/43 г. им удалось окружить и захватить Великие Луки и почти удалось отвоевать у немцев Новосокольники. По сравнению с потерями немцев на других участках, особенно в районе Сталинграда, это были не более чем



Карта 18. Прорыв в районе Невеля. 6 октября 1943 — 18 января 1944 г.

булавочные уколы. Но никто не мог гарантировать, что однажды советская Ставка не задумает воплотить здесь масштабную операцию, такую как наступление на стыке флангов двух групп армий к Рижскому заливу.

В конце сентября и в начале октября немцы не смогли выявить перегруппировку войск Калининского фронта. Ведению воздушной разведки помешала плохая погода; к тому же русские сначала сменили радиокоды, а затем перешли к режиму радиомолчания.

Рано утром 6 октября четыре стрелковые дивизии и две танковые бригады из состава 3-й ударной армии перешли в наступление на участке немецкой 2-й авиаполевой дивизии, занимавшей оборону на левом фланге 3-й танковой армии, и прорвали ее позиции. Очевидно, ошеломленные успехом русских, войска 2-й авиаполевой дивизии не просто позволили прорвать свой фронт, но бросились наутек после первого же удара противника. После этого русские спешно погрузили на автомашины и бронетехнику гвардейскую стрелковую дивизию, направив эти войска на северо-запад, в тыл северного участка группы армий «Север», в направлении на Невель. Вскоре после полудня гарнизон города, который удалось застать врасплох, после неорганизованной попытки оказать сопротивление отступил из города.

Вначале немцы считали, что они потерпели крупную неудачу, но еще не все было потеряно. Г. Кюхлер направил в район прорыва три дивизии резерва группы армий. А Гитлер, у которого был свой рецепт того, как действовать в подобных печальных обстоятельствах, приказал «любой ценой удерживать основные рубежи обороны». Во второй половине дня 6 октября в район севернее Невеля прибыл первый полк одной из резервных дивизий. Г. Кюхлер приказал атаковать силами всей дивизии на следующий день.

Два следующих дня принесли немцам много проблем. Дивизия, которая должна была наносить контрудар, не смогла своевременно подтянуть артиллерию, поэтому пришлось ждать еще 24 часа. Когда же 8-го числа контрнаступление все же началось, немцы нанесли удар по наступающей из Невеля превосходящей группировке русских и были отброшены на исходные позиции. К концу дня образовавшаяся между флангами групп армий брешь достигла ширины 20 км. Одновременно партизаны сумели настолько парализовать движение по железной дороге, что еще две дивизии из резерва пришлось отправлять в Псков, в 200 км севернее Невеля. Там войска пересаживались на грузовые автомобили, которых явно не хватало. 9 октября Г. Кюхлер принял решение дождаться, пока будут сосредоточены все резервы, а затем уже снова попытаться ликвидировать брешь.

Помимо того что потеря Невеля осложнила для немцев тактическую обстановку, она вызвала сильнейшее раздражение в ставке Гитлера. В своем приказе № 10 Гитлер в язвительных выражениях указывал, что попытки прорыва на стыках немецких группировок являются типичными для русских, что ликвидация таких вклинений постоянно занимает слишком много времени, поскольку в каждой из частей пытаются переложить ответственность за случившееся на соседей. Он настаивал на том, чтобы в армиях и группах армий «считали делом чести» поддерживать контакт друг с другом.

Не удовлетворенный такими косвенными обвинениями, Гитлер потребовал объяснений причин прорыва противника и потери Не-

веля. Г. Клюге ответил, что, подвергшись мощному артиллерийскому и ракетному (гвардейских минометов «Катюша» и др. — *Ред.*) удару, 2-я авиаполевая дивизия утратила стойкость, а наступление русских танков привело к панике. По мнению Г. Клюге, приходилось сознавать тот факт, что в составе войск, действующих на Восточном фронте, появляется все больше соединений, которые не готовы и не способны устоять при решительном наступлении противника. Он добавил, что в группу армий «Центр» недавно прибыли маршевые батальоны пополнения, состоящие на одну треть из фольксдойче (немцы, проживавшие вне территории рейха), которые открыто заявляли, что не намерены сражаться за Германию. Начальник штаба 16-й армии в ответ на вопрос, почему хорошо укрепленный населенный пункт, каким являлся Невель, был так быстро сдан противнику, ответил: «Что толку даже от самых лучших позиций, если у нас нет войск для их обороны?»

10 октября Гитлер вновь выказал армейскому командованию свое раздражение. В ответ на просьбу передать остатки 2-й авиаполевой дивизии в одно из пехотных соединений он заявил, что не желает разбавлять хорошие авиаполевые части ни на что не годными солдатами дивизий сухопутных войск.

Для старших командиров групп армий приказ фюрера № 10 явился оскорблением, поскольку в нем немецких генералов обучали тому, что и так было известно каждому из них об этом старом и потому хорошо всем известном приеме русских. В течение последнего года почти каждая наступательная операция советских войск начиналась с удара в стык между немецкими группировками. Обладая широкой разведывательной сетью партизан и агентов в тылу противника, русские никогда не испытывали трудностей при определении местонахождения таких участков. С точки зрения представителей немецкого армейского командования, тот факт, что такой простой и незамысловатый тактический прием зачастую оказывался уничтожающе эффективным, говорил сам за себя. Им очень не хотелось признавать, что причину следовало искать в состоянии немецких войск, а не в возросшем мастерстве русских. Имея сильно растянутые участки фронта при остром некомплекте личного состава, было нетрудно предсказать, что при атаке противника на стыке частей и соединений последние будут вынуждены сначала выжидать, пытаясь определить направление главного удара вражеских войск. При этом каждый про себя надеется на то, что русское наступление затронет именно его участок в последнюю очередь. Даже если подвергнется удару соседние соединения хотели бы отреагировать на него, им было трудно одновременно собрать необходимые для контрудара силы. К тому же почти всегда немецкие командиры думали в первую очередь не о том, чтобы ликвидировать прорыв, а о том, чтобы не допустить дальнейшего вклинения на своем участке. Од-



ним словом, командующие группами армий, армиями и соединениями германских сухопутных войск, которые, казалось, должны были быть задеты напоминанием Гитлера о «деле чести», из-за хронических неудач, отсутствия резервов, отсутствия техники и пополнений давно уже примирились с философией «каждый за себя».

Но и на войне иногда случаются чудеса, которых вроде бы не должно произойти. Очевидно, что-то подобное имело место и на участке прорыва войск Калининского фронта в районе Невеля. При грамотном и гибком командовании такая удача сулила бы еще больший успех в последующем, но даже в конце 1943 г. результатом явилась лишь целая цепь фатальных ошибок со стороны командования советского фронта. 9 октября, в день, когда Г. Кюхлер принял решение отложить контрудар, А.И. Еременко неожиданно тоже остановил наступление своих войск. За несколько дней, в течение которых длилась эта пауза, группы армий «Север» и «Центр» укрепили оборону западнее участка прорыва; обе группы армий направили в этот район по корпусному управлению для руководства действиями войск. Для того чтобы наиболее полно воспользоваться результатами полученной передышки, группы армий запланировали начало контрудара силами двух дивизий группы армий «Север» и одной дивизии группы армий «Центр» на середину месяца. Но 14 октября Гитлер запретил контрудар, так как, по его мнению, у немцев было недостаточно сил для его нанесения.

15-го числа русские вновь активизировались. Однако главный удар советского наступления был сосредоточен на северо-восточном участке района вклинения. Это означало, что А.И. Еременко был пока не готов возобновить решительное наступление, находясь в плену традиционной болезни русской армии — боязни за свои фланги. В то же время в группе армий «Север» начали испытывать беспокойство в связи с признаками сосредоточения советских войск восточнее Новосокольников, что грозило возможностью прорыва и на этом участке. Когда 19 октября командование группы армий «Центр» предложило нанести совместный удар с целью ликвидировать прорыв русских, Г. Кюхлер ответил, что не может выделить для этого войска в связи с угрозой, возникшей в районе Новосокольников. Всерьез озабоченное тем, что А.И. Еременко вот-вот возобновит наступление, командование группы армий «Центр» приняло решение наносить контрудар своими силами, но Гитлер вторично вмешался и отменил этот план. А после 26 октября, когда группа армий «Центр» была вынуждена перебросить танковую дивизию, которую держала в резерве, в 9-ю армию, она также оказалась не в состоянии контратаковать в районе Невеля.

В конце месяца русские все еще владели инициативой и проявляли все признаки того, что намерены вскоре воспользоваться этим. Об этом свидетельствовала активизация к середине месяца железнодоро-

рожных перевозок с востока в районы Торопца и Великих Лук. Явным признаком надвигавшихся грозных событий было и создание за счет войск бывшего Брянского фронта под командованием генерала М.М. Попова 2-го Прибалтийского фронта, развернутого на северной половине участка Калининского фронта (переименованного в 1-й Прибалтийский фронт). В районе Невельского выступа слева от 3-й ударной армии была сосредоточена 4-я ударная армия.

В свете таких явных приготовлений русских для немецкой стороны пришло самое время хотя бы попытаться устранить угрозу партизанских действий в своем тылу. На всем Восточном фронте, пожалуй, не было второго такого участка, где партизанские отряды были сосредоточены с такой плотностью, как в районе Невеля. На четырехугольнике площадью примерно 3 тыс. кв. км лесов и болот группой армий «Север» было выявлено 19 партизанских бригад общей численностью до 25 тыс. человек. Примерно в центре этого прямоугольника, в Россонском районе (80 км к западу от Невеля), партизаны полностью восстановили советские порядки: там работали колхозы и была даже организована, пусть и нерегулярная, почтовая связь с неоккупированными советскими территориями. К северу, западу и югу партизаны действовали в тыловых районах групп армий «Север» и «Центр». Иногда это были подвижные отряды; в других случаях они имели стационарные базы, как это было в районе, центром которого было село Россоны.

До этого ни одной из групп армий не удавалось организовать эффективную зачистку территорий, на которых действовали партизаны, а к осени 1943 г. у немцев уже не оставалось шансов на то, что это когда-нибудь удастся сделать. В октябре значительная часть контингента антипартизанских сил группы армий «Север», насчитывавших 12 батальонов Ostgruppen (они состояли из бывших советских военнопленных, главным образом казаков, добровольно вызвавшихся воевать на стороне немцев), по просьбе Г. Кюхлера были переброшены в Германию и Францию. Они становились ненадежными и иногда переходили на сторону партизан целыми подразделениями, с оружием и техникой. 14 октября Гитлер приказал обергруппенфюреру СС (звание, соответствующее армейскому генерал-лейтенанту) фон дем Бах-Зелевски, который в гражданской администрации Белоруссии являлся ответственным за ведение борьбы с партизанами, провести операцию по ликвидации партизан в Россонском районе. В течение последующих двух недель по указанию обергруппенфюрера СС туда были переброшены 19 смешанных батальонов полиции, латышских добровольцев и войск безопасности. Операция, получившая кодовое название «Хейнрих», началась 1 ноября. Она проводилась силами двух войсковых групп, по численности примерно равным дивизии, которые наступали на Россоны по сходящимся направлениям с севера и с юга.

Ранним туманным утром 2 ноября советские 3-я и 4-я ударные армии прорвали левый фланг обороны немецкой 3-й танковой армии юго-западнее Невеля. Русские готовили почву для этого в течение пяти предыдущих дней, когда им удалось глубоко смять оборонительный рубеж немцев. После прорыва, в результате которого в немецкой обороне образовалась брешь шириной 15 км, 3-я ударная армия за флангом немецкой 16-й армии повернула на север, а 4-я ударная армия совершила маневр в юго-западном направлении в тылу 3-й танковой армии.

Группа армий «Центр» перебросила на север танковую дивизию из 9-й армии. С помощью этой дивизии немцам удалось укрепить фланг 3-й танковой армии на участке прорыва и заставить 4-ю ударную армию отклониться юго-западнее от запланированного направления нанесения удара в немецкие тылы. Группе армий «Север» повезло меньше. Более активная манера ведения боев свидетельствовала о том, что в ходе возобновившегося советского наступления 3-я ударная армия наносит удар на главном направлении. Г. Кюхлер перебросил на участок прорыва шесть пехотных батальонов из 18-й армии, с помощью которых 16-я армия сумела выгнуть свой правый фланг на северо-запад. Немецкое командование ожидало, что русские будут продолжать нажим именно на этом участке.

4 ноября Гитлер вызвал Г. Кюхлера и Э. Буша в свою ставку. Охарактеризовав октябрьские события в районе Невеля как свинство, безобразие и возложив вину за провал попытки восстановить положение на начальника штаба правофлангового корпуса группы армий «Север», офицера, который, по его словам, был не кем иным, как пораженцем, для которого все было невозможно, Гитлер провозгласил, что намерен покончить с прорывом немедленно. Э. Буш, штаб которого уже внес предложение о проведении совместного контрнаступления силами войск обеих групп армий, согласился. Г. Кюхлер возражал. Он не хотел начинать контрнаступление с открытыми флангами и косвенно дал понять, что не полностью разделяет мнение Гитлера и Э. Буша, которые не уделяли должного внимания флангам. Его больше беспокоили признаки сосредоточения войск противника для попытки освобождения Ленинграда; он предупредил Гитлера, что, поскольку температура воздуха уже несколько дней держалась на отметке ниже нуля, удара русских можно ожидать в любой момент. По этой причине Г. Кюхлер не хотел ослаблять свой северный участок, перебросив оттуда войска для удара на фланге. Попытка получить дополнительные силы за счет сокращения линии фронта, по его мнению, была бы особенно опасной, так как могла повлечь за собой цепную реакцию. Отбрасывая сомнения Г. Кюхлера, Гитлер в конце совещания приказал двум группам армий к 8 ноября быть готовыми к нанесению контрудара

с севера на юг с целью ликвидации прорыва противника и окружения двух ударных армий русских.

В конце первой недели ноября немцы все еще упорно удерживали фланги в районе прорыва, но 4-я ударная армия уже направила часть сил двух дивизий на запад, в район Дретуни, на глубину до 50 км за флангом немецкой 3-й танковой армии. Для того чтобы хоть как-то ограничить наступление русских на запад, немцы прекратили операцию «Хейнрих» и направили силы фон дем Бах-Зелевски, задействованные в антипартизанской операции, на восток. Эти части должны были обеспечить фланги двух групп армий.

Г. Кюхлер направил четыре пехотные дивизии, две из 18-й и две из 16-й армии, на правый фланг. Однако такая переброска требовала времени на то, чтобы войска снялись с занимаемых позиций и преодолели на автомобильном и железнодорожном транспорте иногда по несколько сот километров. 7 ноября 3-й ударной армии удалось еще больше продвинуться в тыл группе армий «Север». Частям 6-й и 11-й гвардейских армий фронта А.И. Еременко удалось просочиться через брешь и быстро развернуться в тылу противника по оси с севера на юг, за линией фронта в тылу обеих групп армий. Однако значительная часть сил А.И. Еременко была сосредоточена на северном участке района прорыва. Но он не проявил большого интереса на перенесении основных усилий на западное направление, что явилось удачей для немецкой стороны, так как, по замечанию представителей командований группами армий, генералы СС на своих участках «наносили размахистые удары на широком фронте, подобно мазкам художников-импрессионистов».

8 ноября две дивизии из состава 3-й танковой армии, одна пехотная и одна танковая, начали наступление в северном направлении, к участку прорыва русских. К исходу дня им удалось продвинуться почти на 8 км. В свою очередь, удар войск группы армий «Север» был намечен на 9 ноября. Но Г. Кюхлер воспротивился его нанесению, заявив, что все его войска связаны боем. Командование группы армий «Центр» обвинило группу армий «Север» в том, что та отказалась от наступления просто потому, что не желала этого делать. Гитлер, очевидно раздраженный пассивностью, которую Г. Кюхлер продемонстрировал на совещании четыре дня назад, отказался «принимать любые дальнейшие отговорки» и в своем приказе объявил, что группа армий «Север» должна «считать делом чести» начать контр наступление на своем участке не позднее 10 ноября. На следующий день, пока группа армий «Центр» ожидала, что ее сосед предпримет какие-то действия, Г. Кюхлер в спешном порядке сформировал ударную группировку в составе семи батальонов. Когда 10-го числа эти войска, как им и было приказано, перешли в наступление, русские сначала остановили их мощным артиллерийским огнем, а затем контратакой вынудили отойти на исходные позиции.

Одновременно советские войска продолжали свой маневр за флангами немецких групп армий. Им удалось расширить район прорыва до 80 км. На юге русские вышли к городам Полоцк и Городок, а на севере находились южнее Пустошки, всего в 15 км от железной дороги, ведущей на запад от Новосокольников. Они снова, еще более крупными силами начали совершать маневр на восток в тыл правогофлангового корпуса группы армий «Север».

В течение недели Гитлер и Г. Кюхлер обсуждали следующие шаги. Гитлер требовал от Г. Кюхлера контрудара; при этом он разрешал ему при необходимости оголить участок 18-й армии. Г. Кюхлер настаивал на том, что сначала он должен устранить угрозу на флангах своих войск. Наконец, 18 ноября, после поездки в штаб-квартиру фюрера, Г. Кюхлер отдал войскам приказ сначала о ликвидации группировки противника за флангом, а затем о наступлении в район разрыва фронта южнее Невеля. На следующий день Г. Кюхлер перебросил с участка 18-й армии еще одну дивизию. 21 ноября группа армий «Центр» под давлением почти всех сил советской 11-й гвардейской армии была вынуждена отозвать свои две дивизии, которые направила в район прорыва русских. Свидетельством того, насколько это уменьшило шансы немцев ликвидировать прорыв советских войск, может служить количество советских соединений, которые сразу же двинулись в этот район. Тем не менее Гитлер продолжал настаивать на том, чтобы группа армий «Север» выполнила обе поставленные перед ней задачи.

После середины ноября державшиеся несколько недель заморозки сменились потеплением, что явилось необычным погодным феноменом для Северной России и катастрофой для планов немцев. Поскольку температура была лишь ненамного выше нуля, это вызвало распутицу. В начале последней недели месяца дороги превратились в грязевые болота глубиной полметра. снабжение фронтовых частей могло осуществляться лишь гусеничным транспортом, а в некоторых районах, где оборонялись войска группы армий «Север», — только по воздуху.

Немецкое контрнаступление, назначенное на 24 ноября, не смогло начаться раньше 1 декабря. Но и тогда его пришлось проводить в условиях дождей и распутицы. Из-за погодных условий поддержка авиации оказалась невозможной. В первый день двум дивизиям, наносившим удар в западном направлении на северном участке прорыва русских, удалось продвинуться всего на 5 км, прежде чем их наступление было остановлено. Штурмовые орудия, продвигавшиеся за боевыми порядками наступающих, остановились на берегу небольшой реки и не смогли возобновить движение в течение еще пяти дней. 6 декабря Г. Кюхлер доложил, что готов продолжать наступление. В его распоряжении была еще одна дивизия, переброшенная с участка 18-й армии. Кроме того, он надеялся, что из-за погоды русские также испытывают сложности со снабжением. Но Гитлер, кото-

рый рассчитывал ликвидировать прорыв русских, в это же время отказался перебрасывать на западный участок прорыва дополнительные дивизии. 8 декабря он снова вызвал Г. Кюхлера в свою ставку и приказал ему перейти в наступление до конца месяца.

Теплая погода явилась тяжелой помехой и для дальнейшего продвижения русских войск. На третьей неделе ноября 4-я ударная армия, которая до этого продвигалась на юг и на запад, не имея четкого представления относительно цели наступления, развернулась в тылу германской 3-й танковой армии в направлении на Городок и Витебск. К 23 ноября она находилась в 5 км от Городка, важного железнодорожного и шоссейного узла, контролировавшего линии коммуникаций северного участка 3-й танковой армии. Танковые и кавалерийские части русской армии были уже в 15 км северо-западнее Витебска. Это поставило 3-ю танковую армию немцев перед выбором: либо отвести назад свой фланг, что помогло бы ей удержать Витебск, либо подвергнуть свой фланг опасности разгрома и тем самым потерять город. Командующий 3-й танковой армией генерал Г. Рейнгардт просил разрешение на отступление войск своего фланга, но Э. Буш запретил ему делать это. Он процитировал два любимых тактических принципа Гитлера, которые не раз приводили к разгрому немецких войск или ставили их на грань уничтожения: при сокращении линии фронта высвобождается больше советских, чем немецких войск; опасение за свои фланги приводит к ослаблению эффекта советских наступательных операций. Во время оттепели 4-й ударной армии русских не удалось продвинуться в направлении Городка дальше. Более того, в районе северо-западнее Витебска ей пришлось несколько отступить.

После неудачной попытки прорыва войск группы армий «Север» на северном участке образовавшегося в результате советского наступления выступа у русских освободились руки. Можно сказать, что открывшиеся перед ними возможности превышали имевшиеся силы. Русские нащупали путь для нанесения глубокого, может быть, даже стратегического удара на запад, между группами армий «Север» и «Центр». Однако их главные силы были заняты южнее. К тому же, в преддверии очередной зимней кампании, советская Ставка не была склонна к проведению операций подобного масштаба. Какими бы резервами ни обладали русские, они тоже были не безграничны. В течение осени советское командование не раз было вынуждено вместе с закаленными в боях частями бросать в наступление неподготовленных новобранцев, мобилизованных в недавно отвоеванных у немцев районах. Витебск представлял собой менее значительную, но вполне ценную с точки зрения пропаганды цель. Помимо того что Витебск являлся важным центром железных и шоссейных дорог, он, как и

Орша, позволял контролировать территорию между Двиной и Днепром шириной 80 км, которая исторически рассматривалась как ворота в сердце России. С октября до начала декабря войска Западного фронта четыре раза пытались взять Оршу, но отбрасывались назад немецкой 4-й армией.

13 декабря 11-я гвардейская армия перешла в наступление с северо-востока, северо-запада и юго-запада на северном участке фланга обороны 3-й танковой армии. В течение двух дней ей удалось глубоко вклиниться в немецкую оборону и создать угрозу окружения двух немецких дивизий по отдельности. В ответ на просьбу Г. Рейнгардта отвести свои войска, он получил от Э. Буша решительный отказ. Затем он получил указание из ОКХ при любых обстоятельствах удерживать свой фланг, так как по прорвавшемуся противнику с севера готовился удар. На следующий день развернутая далее к северу дивизия Г. Рейнгардта попала в окружение, а вторая дивизия, занимавшая оборону к юго-западу от первой, была отрезана от шоссе и железной дороги. У генерала не было другого выхода, как отдать окруженным войскам приказ на прорыв, который дивизия выполнила, потеряв 2 тыс. человек личного состава из 7 тыс., а также всю артиллерию, тяжелое вооружение и автотранспорт.

16-го числа Гитлер наконец понял, что ликвидировать прорыв в районе Невеля уже не представляется возможным. Но, как всегда не желавший что-либо менять в очертаниях линии фронта, он отдал приказ группам армий не допустить дальнейшего наступления противника. С 17 по 23 декабря Г. Рейнгардт, которого Гитлер изводил своими требованиями исключить дальнейшее отступление своих войск, кроме случаев, когда речь идет о подавляющем превосходстве противника, отвел фланг армии назад, организовав в 30 км севернее Витебска оборонительный рубеж в форме неправильной дуги.

Все еще без ответа оставался вопрос о том, что русские намереваются предпринять дальше. На случай, если они решат повернуть на запад, Г. Рейнгардт укрепил западный участок обороны. Кроме того, по приказу ОКХ на левый фланг группы армий «Центр», на участок восточнее Полоцка, были переброшены две дивизии из состава группы армий «Север». 23 декабря наступил черед ответных действий войск А.И. Еременко. 4-я ударная, 11-я гвардейская, 39-я и 43-я армии перешли в наступление на Витебск со всех направлений. После первых двух дней наступления они оттеснили немцев на несколько километров назад. На северо-западе и юго-востоке от города русские танки и пехота пробили глубокие бреши в обороне 3-й танковой армии, перерезав железнодорожную ветку Витебск—Полоцк и создав угрозу для железной дороги Витебск—Орша. Для того чтобы избежать окружения, группа армий «Центр» бросила на отражение советского наступления две дивизии, недавно полученные из группы армий «Север», а также по одной дивизии из 9-й и

2-й армий. После этого фронт удалось удержать, несмотря на то что еще в течение шести недель А.И. Еременко продолжал с упрямой решимостью наносить мощные удары по обороне немцев.

После отхода 3-й танковой армии на окраины Витебска фланг группы армий «Север», протянувшийся в сторону Невеля, превратился в бесполезный аппендикс. Поздно вечером 27 декабря Гитлер принял решение разрешить Г. Кюхлеру выпрямить линию фронта и тем самым получить достаточно войск для укрепления западного фаса выступа в районе Невеля, который к тому времени обороняли разношерстные части войск СС и полиции. После 29 декабря 16-я армия в течение шести дней отошла назад, создав оборонительный рубеж в форме практически прямой линии южнее Новосокольников.

На совещании вечером 27 декабря Гитлер полностью возложил ответственность за прорыв в районе Невеля и последующее отступление немецких войск на двух командующих группами армий, которые проявили «мелочный эгоизм». Несмотря на то что при этом он забыл упомянуть случаи, когда сам отдавал приказы приостановить контрнаступление, его критика была обоснованной. Ни одна из групп армий не желала выходить за рамки того, что считала необходимым сделать для улучшения положения на своем участке. В частности, группа армий «Север» не хотела ослаблять свой фронт даже на спокойных участках. В конце концов Г. Кюхлер все-таки перебросил в район прорыва шесть дивизий, но они прибыли слишком поздно для того, чтобы добиться решительного результата. С другой стороны, как стало совершенно ясно позднее, войска группы армий «Север», ослабленные оборонительными боями в районе Ленинграда и Невеля, а также перебросками своих соединений на другие участки, быстро оказались в трудном положении.

Задним числом рассматривая события в районе Невеля, Гитлер в какой-то степени был доволен. В провале попытки советской Ставки захватить инициативу на этом участке он увидел признаки слабости. Он заявил, делая некорректное сравнение, что русские совсем «не похожи на гигантов античности, которые после каждого нового удара только становились еще сильнее». Далее он вновь оседлал свою теорию, что Советский Союз находится на пределе своих сил, и, следовательно, немецкой стороне достаточно проявить еще немного решимости для того, чтобы кардинально изменить обстановку на фронте. От него, естественно, ускользнул тот факт, что слабость советской стороны, если и существовала, носила скорее психологический характер, а советская Ставка не ставила войскам на этом участке стратегических задач. Во время боев в районе Невеля и в ходе осеннего наступления на южном фланге обороны группы армий «Центр» русские, по-видимому, решили в результате активных действий, порой даже излишних, восстановить в войсках веру в себя и сохранить инициативу, которую, впрочем, никто у них особо и не пытался отобрать.



## Союзники Германии

Зимние бои 1942/43 г. окончательно показали безосновательность даже тех не слишком больших надежд, которую Германия возлагала на использование вооруженных сил коалиции малых стран, присоединившихся к ней в войне против Советского Союза. В то же время правительства этих стран обнаружили, что они очень рискуют вслед за Германией оказаться перед лицом большой катастрофы. В сентябре 1943 г., после того как вышла из войны Италия, Финляндия, Венгрия и Румыния с радостью поступили бы так же, будь у них такая возможность. Только Болгария, войска которой до того времени не участвовали в боевых действиях, неожиданно оказалась в плену странного, ничем не объяснимого подъема военного духа и предложила немцам направить один из своих корпусов на юго-западный участок фронта. В то же время марионеточное правительство Словакии за несколько месяцев до этого приняло решение, что впредь немцы не смогут распоряжаться ее двумя дивизиями без разрешения военного министра.

Испанский генералиссимус Франсиско Франко, который являлся не союзником, а просто ненадежным другом, нанес немцам неожиданный удар, тем более болезненный, поскольку он не слишком много значил с военной точки зрения, а лишь являлся лишней демонстрацией истинного положения, в котором находилась Германия. Он отозвал 250-ю «голубую дивизию», единственный весомый вклад Испании в дело стран оси, солдаты которой хорошо сражались на Восточном фронте, в основном в районе Ленинграда. Позже, для того чтобы успокоить чувства немцев, Франко снизошел до того, что позволил батальону численностью 1 тыс. человек, недавно присланному в дивизию в виде пополнения, остаться на Восточном фронте в качестве Испанского легиона.

Осенью оперативный штаб ОКВ приступил к планированию действий в отношении Венгрии и Румынии в случае, если обе эти страны, или одна из них, попытаются совершить предательство немецких интересов. Венгрия, которая в последние месяцы практически полностью самоустранилась от участия в боевых действиях на стороне стран оси, рассматривалась в качестве наиболее вероятного кандидата на такой шаг. Поэтому в конце сентября оперативным штабом был разработан план операции «Маргарита», который предусматривал военную оккупацию этой страны. К ноябрю проблема еще более осложнилась, так как предназначенные для проведения операции соединения были отправлены на Восточный фронт, а Венгрия и Румыния, казалось, сумели преодолеть свои противоречия и теперь могли попытаться выйти из оси в случае, если англо-амери-

канские союзники высадутся на Балканах. Пересмотрев план, офицеры оперативного штаба пришли к выводу, что к середине декабря в их распоряжении снова будут войска, достаточные для оккупации Венгрии. Для оккупации Румынии сил уже не хватало.

Больше всего опасений внушала позиция Финляндии. Размещение там немецкого военного контингента, как это планировалось сделать в Венгрии и Румынии, было невозможно. С другой стороны, несмотря на то что в течение вот уже полутора лет финские войска ограничивались лишь пассивной обороной, совсем сбрасывать их со счетов не стоило. Финская армия сковывала примерно 180 тыс. советских солдат и офицеров и, что было важнее, прикрывала южный фланг 20-й горной армии, а также обеспечивала пути ее тылового обеспечения через финские порты в Балтийском море. Выход Финляндии из войны поставил бы в сложное положение, если не на грань катастрофы, не только 20-ю горную армию, но и, возможно, позиции Германии на Балтике и в странах Скандинавии. Единственным мощным стимулом в руках Германии оставался застарелый страх финнов перед Советским Союзом.

В течение весны и начала лета 1943 г. Гитлер несколько раз пытался укрепить провозглашенную им «крепость Европу» на севере. В своем приказе группе армий «Север» он наметил план захвата Ленинграда, после чего был бы установлен контакт между немецкой и финской армиями по суше. Кроме того, была бы обеспечена безопасность финнов на самом уязвимом участке, каким был Карельский перешеек. Немецкая армия в Норвегии к тому времени уже разработала план обороны территории этой страны, который предусматривал в случае необходимости оккупацию Швеции. С марта по середину июля ОКВ, постоянно понукаемое Гитлером, направило в Норвегию войска общей численностью до трех пехотных дивизий, а также превратило 25-ю танковую дивизию, которую предусматривалось использовать в качестве ударной силы при оккупации Швеции, в мощное мобильное соединение. Впрочем, таковым оно являлось по скандинавским меркам, но не по стандартам Восточного фронта, как выяснилось позже.

Если бы операция «Цитадель» увенчалась успехом, Гитлеру, вероятно, удалось бы еще более сжать свою хватку на севере Европы. Когда же «Цитадель» провалилась, отзвуки поражения, подобно ударной волне, с молниеносной скоростью дошли до севера. От амбициозного плана обороны Норвегии пришлось отказаться, а предназначенные для его выполнения войска отправить на континент. Швеция, которая долго пыталась уклониться от навязываемого ей Германией с самого начала войны благожелательного нейтралитета, аннулировала транзитное соглашение, предоставлявшее в распоря-

жение Германии железные дороги на территории страны, по которым немцы осуществляли тыловое обеспечение и перебрасывали военную технику в Норвегию.

В июле Финляндия через советское дипломатическое представительство в Швеции получила «неофициальное» предложение обсудить условия заключения мира.

Еще через месяц три члена финского парламента вручили президенту страны Рюти петицию, которую подписали тридцать три видных политических и общественных деятеля. Там содержалось требование предпринять шаги для восстановления хороших отношений с США и выхода Финляндии из войны. Когда содержание петиции было напечатано в шведской газете, это вызвало дискуссию в прессе и обществе Финляндии, в ходе которой выяснилось, что подавляющее большинство настроено на заключение сепаратного мира.

В такой беспокойной атмосфере в августе 1943 г. группа армий «Север» начала готовить укрепления на позиции «Пантера» на рубеже река Нарва — Чудское озеро в 100—200 км к западу-юго-западу от Ленинграда. Когда в начале следующего месяца оказалось, что группе армий придется отвести войска на этот рубеж для того, чтобы высвободить силы на южном участке, командование 20-й горной армии обратилось в ОКВ с требованием, чтобы группа армий не оставляла занимаемых позиций ни при каких обстоятельствах. В меморандуме командования армии говорилось, что финны чувствуют себя обманутыми, так как немцы много раз обещали им захватить Ленинград и не выполнили этого обещания даже тогда, когда, по мнению финской стороны, это было возможно. Если группа армий «Север» отойдет на рубеж «Пантера», обе финские оперативные группы («Олонекская» и «Масельская») останутся глубоко продвинутыми в советскую оборону, и их тоже придется отводить назад, что сделает крайне затруднительной организацию тылового снабжения 20-й горной армии. Более чем вероятно, предсказывали в 20-й горной армии, что в Финляндии к власти придет правительство, ориентированное на нормализацию отношений с Советским Союзом. Если после этого Советский Союз предложит стране приемлемые условия заключения мира, Финляндия выйдет из войны, а 20-й горной армии придется уйти из Финляндии, что в зимних условиях и по дорогам Северной Финляндии и Северной Норвегии будет сделать очень непросто. Еще через неделю финское правительство предупредило немцев как через германского представителя в Финляндии, так и через собственного посла в Берлине, что отступление войск в районах южнее и западнее Ленинграда будет иметь самые серьезные последствия для Финляндии.

28 сентября в директиве фюрера № 50 Гитлер приказал 20-й горной армии готовиться к худшему. По его словам, фронт группы ар-

мий «Север» полностью стабилизировался, а на опасный участок на стыке групп армий «Север» и «Центр» отправлены подкрепления, однако для большей уверенности войска группы армий укрепляют рубеж река Нарва — Чудское озеро. Если группе армий «Север» придется отойти на рубеж «Пантера» и, как результат, Финляндия выйдет из войны, задачей 20-й горной армии станет молниеносный отвод обоих своих правофланговых корпусов назад на рубеж, проходящий в Северной Финляндии южнее Ивало, и как можно долгие обеспечение обороны месторождений никеля в районе Петсамо (Печенги). Когда придет время, армию усилят еще двумя дивизиями из Норвегии. Необходимые строительные и складские работы следует организовать немедленно в обстановке строгой секретности.

На второй неделе октября, после прорыва в районе Невеля, главнокомандующий финскими войсками маршал К. Маннергейм приказал приступить к вырубке леса с целью начала строительства оборонительного рубежа за позициями 20-й горной армии на случай немецкого отступления. Это свидетельствовало о падении доверия между сторонами, поэтому представитель немецких вооруженных сил при штабе финской армии обратился в ОКВ с просьбой немедленно направить в Хельсинки высокопоставленного чиновника. 14 октября в Хельсинки вылетел А. Йодль. В течение двух дней он вел переговоры с К. Маннергеймом и финским военным министром, пытаясь передать им тот взгляд на войну, который был выработан в ОКВ. Он пояснил, что сдача Италии ничего не значит, поскольку она никогда не являлась силовым звеном оси. Что касается возможной высадки союзников во Франции, Германия была бы рада возможности скрестить шпаги с англичанами и американцами и нанести им ошеломляющее поражение, тем самым покончив с самой мыслью об открытии второго фронта, а затем направить высвободившиеся силы на Восточный фронт. А. Йодль признавал, что расстановка сил в районе Ленинграда внушает опасения, поэтому рассматривается возможность отхода на северном участке. Но независимо от того, как на это отреагирует Финляндия, Германия решила пока воздержаться от этого шага. Он дал понять, что в Германии известно о шагах, которые предпринимает финская сторона для выхода из войны. Генерал заметил, что Германия твердо придерживается принципа, что ни одна нация не должна в своих интересах подвергать другую риску военного поражения. При этом он подчеркнул, что будущее Финляндии в объятиях Сталина не будет безоблачным.

Для того чтобы придать дополнительный вес словам А. Йодля, Гитлер направил письмо президенту Финляндии, в котором не напрямую, но все-таки напомнил ему, что с экономической и военной точки зрения Финляндия зависит от Германии. Кроме того, он указал Рюти на отсутствие последовательности во внутренней полити-

ке Финляндии, а также пожаловался на явную враждебность по отношению к Германии со стороны финской прессы. Спустя неделю финский военный министр на встрече с командующим немецкой 20-й горной армией генерал-полковником Э. Дитлем заверял в «настоящем братстве по оружию». Кроме того, он объявил безосновательными распускаемые некоторыми газетами слухи о сепаратном мире. А. Йодль, добавил он, все объяснил «полностью и откровенно». В конце месяца Рюти ответил Гитлеру письмом, которое было написано в очень благожелательном тоне, хотя и не содержало никаких конкретных обещаний.

По мере того как год близился к завершению, отношения между двумя странами, казалось, вновь стабилизировались. Поэтому Гитлер приказал на время приостановить выполнение своей директивы № 50. Тем не менее достигнутое равновесие было хрупким. В конце октября К. Маннергейм вновь повторил свою просьбу о строительстве за немецкими позициями финского оборонительного рубежа, а в ноябре финская сторона возобновила контакты с советскими представителями. 20 ноября Г. Кюхлер предложил отвести 16-ю армию на позицию «Пантера», а освободившиеся силы использовать для ликвидации прорыва русских в районе Невеля. Гитлер тогда полагал, что позиция «Пантера» еще не была достаточно оборудована, но через месяц, когда ему понадобились войска для группы армий «Юг», он вернулся к этой идее. В самом конце года в ОКВ составили письмо К. Маннергейму, в котором говорилось, что группе армий «Север» придется отойти. Однако позже В. Кейтель принял решение не отправлять это письмо, пока Гитлер обдумывает окончательное решение.

### **Руководство, силы и средства, стратегия сторон**

С 1939 г. Гитлеру приходилось вести борьбу с целой группой высших офицеров, которым он не доверял как коллективу и в большинстве случаев каждого из которых не любил по отдельности. Как только победа стала отворачиваться от него, он сумел убедить себя, что корень его неудач кроется в генералитете и в офицерах Генерального штаба. Все больше и больше Гитлер склонялся к тому, чтобы избавиться от этих интеллектуалов с холодным взглядом и окружить себя старыми партийными соратниками, которые не были подвержены сомнениям интеллигентов, которых не мучили угрызения совести и которые воспринимали окружающую действительность очень просто.

В ноябре 1943 г., после целого года неудач на фронте, Гитлер вновь вернулся к идее, которую еще в октябре 1942 г. он наметил

перед начальником управления кадров генералом Р. Шмундтом. Замысел фюрера предусматривал тщательный пересмотр высшего командного состава армии. Объявив, что «многим генералам вскоре придется уйти по состоянию здоровья или по другим причинам», фюрер поставил тогда Р. Шмундту задачу составить список молодых генералов и штабных офицеров, из которых в дальнейшем будет формироваться высший командный состав армии. Целью было найти замену для каждого высшего командира в немецкой армии — замену, которая должна была дожидаться своего часа. При выдвижении на повышение, по мнению фюрера, преимуществом должны были пользоваться те генералы, которые «заслуживают доверия» и которые «являются убежденными сторонниками мировоззрения национал-социализма». Казалось бы, такой подход и близко не отвечал тем критериям, которыми определялся офицерский корпус. Однако он мог придать видимость логики при увольнении тех офицеров, к которым Гитлер потерял доверие, но которых продолжали высоко ценить и уважать в армейской среде.

Первым из генералов, которому пришлось покинуть армию, стал командующий 4-й танковой армией Г. Гот. В прошедшем году армии под его командованием пришлось играть ключевую роль в большинстве операций группы армий «Юг». Когда ему давали возможность продемонстрировать это, Г. Гот проявлял все качества мастера мобильной обороны, но Гитлер не хотел мобильности в обороне. Он предпочитал генералов, которые будут удерживать свои позиции, не уступая противнику ни пяди. В ноябре Г. Гот был отправлен в длительный отпуск «для восстановления здоровья». В декабре, после прорыва русских в районе Киева, Гитлер приказал не возвращать Г. Гота в его армию и не поручать ему командование другими войсками. Позже в разговоре с К. Цейцлером и А. Йодлем Гитлер отозвался о Г. Готе как о «предвестнике несчастья» и «подстрекателе пораженчества самого худшего сорта».

Одновременно с Г. Готом в длительный отпуск был отправлен и В. Модель. По возвращении он надеялся занять место Э. Манштейна на посту командующего группой армий «Юг». Из всех генералов Э. Манштейн, который за прошедший год несколько раз заявлял, что настал момент, когда он, если бы ему предоставили такой шанс, попытался бы вытащить Германию из военной трясины, был для Гитлера одним из самых неудобных подчиненных. Только безупречная репутация фельдмаршала как тактика самого высочайшего уровня до поры до времени спасала его.

Наиболее важной перестановкой в военном командовании во второй половине 1943 г. было назначение в сентябре на пост начальника Генерального штаба люфтваффе генерала авиации Гюнтера Кортена. Несмотря на то что авиационные генералы находились несколько в стороне от пристального внимания Гитлера, по сравне-

нию со своими армейскими коллегами, если приходило время для поиска козла отпущения, то для выбранного для этого офицера последствия были самыми суровыми. Причиной этому является нежелание Гитлера никогда не упоминать имени Г. Геринга в связи с неудачами и всегда защищать его как главнокомандующего люфтваффе и своего официального преемника.

С февраля 1939 г. по август 1943 г. пост начальника Генерального штаба германских ВВС занимал генерал Г. Ешоннек. В то время как Геринг удовлетворял свои желания сибарита и, помимо авиации, занимался самым широким кругом вопросов, Г. Ешоннек разрабатывал доктрину непосредственной авиационной поддержки сухопутных войск. Сначала эта доктрина успешно применялась. Однако так происходило до тех пор, пока немецкая армия не была вынуждена перейти к обороне. В частности, в ходе операции «Цитадель» доктрина показала свою полную несостоятельность (в первые дни операции действия люфтваффе на поле боя были весьма эффективны. — *Ред.*). В то же время в Германии сравнительно мало внимания уделялось вопросу применения истребительной авиации в ПВО. Результат не замедлил сказаться в виде ужасающих последствий, к которым привели рейды бомбардировочной авиации союзников уже летом 1943 г. Ответственность за такой провал в значительной мере ложилась на плечи Г. Ешоннека, но тот знал и о множестве упущений со стороны Г. Геринга, которые в августе 1943 г. изложил в своем меморандуме на имя Гитлера. После этого во время бурного разговора по телефону Гитлер заявил Г. Ешоннеку, что ответственность за все провалы немецкой авиации лежит только на нем. Он закончил разговор словами: «Вы знаете, что вам остается сделать». И Г. Ешоннек застрелился.

Г. Кортен верил в силы стратегической бомбардировочной авиации. Кроме того, считалось, что он отстаивал широкое использование истребителей в противовоздушной обороне. Для армий, ведущих бои на Востоке, назначение Г. Кортена не дало ничего хорошего. В сентябре он отозвал с Восточного фронта шесть истребительных эскадр для укрепления обороны рейха. В ноябре, когда действия авиации затруднялись погодными условиями, он стал отводить дальше в тыл бомбардировщики и их экипажи для того, чтобы с непосредственной поддержки войск перенацелить их на выполнение задач стратегического бомбометания. Г. Кортен полагал, что при грамотном выборе целей можно лишить русских 50—80% их танков и авиации. Он обещал Гитлеру, что к середине февраля 1944 г. 400 бомбардировщиков будут заниматься выполнением заданий в глубине вражеского тыла, однако необходимость выполнения задач по непосредственной поддержке войск и снабжения отодвинула эти сроки до конца марта. А к тому времени многие из намеченных целей в тылу противника находились уже за пределами радиуса дей-

ствия немецких бомбардировщиков. В итоге Восточный фронт лишился шести истребительных эскадр и ничего не получил взамен. Кроме того, бомбардировочная авиация существенно ослабила свои действия по непосредственной поддержке войск.

Гитлер сосредоточился на кадровых вопросах, касавшихся высшего командного состава, проблеме, в которой дела обстояли, можно сказать, благополучно. В то же время к осени 1943 г. вновь, как никогда раньше, остро стала ощущаться проблема людских ресурсов, которая в середине года была временно решена. К 1 сентября общая численность личного состава на Восточном фронте (без учета авиационных соединений ВВС и войск СС) снизилась до цифры менее 2,5 млн человек. За первые три года войны общие безвозвратные потери на всех фронтах (убитыми, пропавшими без вести и выбывшими из строя в результате увечий) составили 922 тыс. солдат и офицеров, или 14,3% общей численности личного состава сухопутных войск. За тринадцать месяцев боевых действий, с 1 сентября 1942 г. по 20 ноября 1943 г., это число выросло до 2 млн 77 тысяч человек, что составляло 30% численности личного состава германской армии. С 1 ноября 1942 г. по 1 декабря 1943 г. командование ОКХ докладывало, что при прежнем количестве немецких соединений, действующих на Восточном фронте, их реальная боевая мощь значительно ослабла; другими словами, армии на Востоке таяли в боях.

Еще одним негативным фактором явилось то, что германская армия практически исчерпала мобилизационные ресурсы. В январе 1943 г. было намечено призвать 800 тыс. новобранцев. Из этого количества к сентябрю 1943 г. было призвано примерно 580 тыс. человек, после чего призыв был прекращен. В июле Гитлер отдал приказ о дополнительном призыве еще 700 тыс. человек, что вызвало явное недовольство представителей промышленных кругов и гражданской администрации. В сентябре, в ответ на требование поставить под ружье 120 тыс. призывников, начальник отдела боевой подготовки армии доложил, что едва сможет обеспечить призыв 50 тыс. солдат.

По данным отдела «Иностранные армии Востока» ОКХ, с 1 сентября 1943 г. по 1 января 1944 г. потери Красной армии убитыми, выбывшими из строя по ранению или увечью и пленными составили до 1,2 млн солдат и офицеров. Немецкая сторона за тот же период потеряла убитыми и пропавшими без вести 243 743 человек. (Во всяком случае, с 1 июля 1943 г. по 28 февраля 1944 г. убыль на Восточном фронте составила 1 млн 557 тыс., а пополнение 881,6 тыс. (*Мюллер-Гильдебранд*. Сухопутная армия Германии. Т. III. С. 174). — *Ред.*) По немецким оценкам, по состоянию на 1 января 1944 г. Красная армия имела на переднем крае и во фронтовых резервах примерно 5,5 млн солдат и офицеров. (Как оказалось, эти расчеты были близки к реаль-



ности, так как советская сторона позднее опубликовала следующие цифры: 5 млн 568 тыс. человек на переднем крае и 419 тыс. человек в резерве Ставки.) Немцы могли попытаться утешить себя тем, что силы Советского Союза уменьшались, так как потери русских примерно в пять раз превышали немецкие (потери в указанный период были почти равными. — *Ред.*) Но, как оказалось, и этот довод был неубедителен. Отдел «Иностранные армии Востока» прогнозировал, что относительная мощь немецкой армии в течение последующих месяцев будет продолжать уменьшаться по следующим причинам:

1. Советское количественное превосходство уже было подавляющим.

2. Советская сторона имела возможность ежегодно призывать в армию в три раза больше солдат, чем ее противник.

3. Советский Союз получал, а Германия соответственно теряла дополнительную возможность получения призывников с вновь освобожденных территорий (в период с июля до середины октября 1943 г. мобилизационные возможности на таких территориях составили от 500 тыс. до 600 тыс. человек).

4. Русские вели более эффективную политику предоставления отсрочек от призыва и более строго ее придерживались.

В заключение офицеры отдела «Иностранные армии Востока» отмечали, что еще одним преимуществом противника над Германией является то, что последней приходится отвлекать более 30% личного состава для несения службы на театрах военных действий, входивших в зону ответственности ОКВ. В то же время численность личного состава Красной армии на Дальнем Востоке составляла всего 7% от всей армии. (Автор ошибается. В действующей армии находилось около 70%, а примерно 30% на Дальнем Востоке, на южных границах, во внутренних округах и в резерве Ставки ВГК, т. е. примерно как и у немцев. — *Ред.*)

В начале ноября ОКВ рассматривало вопрос о привлечении к военной службе женщин в возрасте от 18 до 45 лет. Было начато планирование массового призыва в армию нового контингента, если в этом возникнет необходимость. Но от идеи женского призыва пришлось отказаться, так как она не соответствовала философии Гитлера о роли полов, поэтому 8 ноября Гитлер неожиданно резко переключил внимание ОКВ на другое направление планирования. Выступая перед партийными руководителями в Мюнхене, он подверг критике несоответствие в соотношении между фронтовыми частями и службами и формированиями тыла. При этом он так охарактеризовал положение на фронте, что из его слов выходило, будто немецкие вооруженные силы представляли собой сборище уклоняющихся от службы в армии.

В течение следующих нескольких недель в ОКВ спешно рассматривали эту проблему и воплотили этот анализ в общем приказе

№ 22 от 5 декабря 1943 г. В соответствии с этим приказом из тыловых районов подлежали отправке на фронт примерно 1 млн солдат и офицеров. Помимо того что командования родов войск и служб получили указание сократить численность своих штабов и упростить их структуру, а также свести к минимуму так называемую «бумажную войну», в приказе содержался и ряд конкретных требований, а именно: в тыловых подразделениях не должны служить лица моложе 30 лет, а также солдаты, не имевшие ограничений по состоянию здоровья. При этом требования к состоянию здоровья были значительно снижены. Так, например, мужчины с хроническими, но не острыми заболеваниями слуха, желудка и легких признавались годными к несению службы на фронте. Все штабы, как в тылу, так и на передовой, должны были сократить численность личного состава на 10—25%. Для контроля за выполнением приказа по указанию ОКВ создавались батальоны Feldjaeger (курьерской службы), личный состав которых должен был прочесывать тыловые районы. Визиты новой службы должны были проводиться неожиданно; все обнаруженные лица, которые подлежали отправке на фронт, должны были немедленно направляться на сборные пункты.

Очевидно, что более рациональное распределение личного состава в какой-то мере способствовало решению проблемы нехватки солдат на фронте. Так, по оценкам ОКХ, войска на Восточном фронте только на 47% состояли из боевых частей и подразделений. В отдельных армиях, корпусах и дивизиях эта диспропорция была еще более значительной. Например, зачастую боевой состав дивизии сводился к одной тысяче солдат на передовой; при этом в ее тыловых структурах находилось в три-четыре раза больше солдат и офицеров. Но направить эти излишки людей в боевые части было совсем не просто. Немецкая армия привыкла воевать при наличии чрезмерно раздутого штата тыловых служб и подразделений поддержки и обеспечения. В отличие от Красной армии немцы не могли взвалить тяжесть войны на плечи слабо оснащенных технически и скудно снабжаемых масс солдат. Одним из неоспоримых преимуществ вермахта над противником было превосходство в организации служб снабжения, связи и транспорта в тыловых районах. По этой причине командиры немецких частей даже в моменты, когда тыловые службы в количественном отношении превосходили воюющих на фронте, не желали идти на риск потери подготовленного личного состава и ценного имущества в погоне за временным увеличением количества солдат на переднем крае. К естественному нежеланию командиров остаться без отлаженной структуры тыловых подразделений следовало добавить сопротивление персонала тыловой администрации, особенно тех из ее числа, кому вскоре предстояло выходить в отставку. К 1943 г. военная бюрократия ушла в жесткую оборону, окружив себя крепостными валами бумаг и рядами заграж-

дений в виде красных ковров. Тыловики считались непревзойденными мастерами избежать назначений, в которых существовал хотя бы малейший шанс того, что карьера может закончиться могилой героя. Отсюда и появление особых батальонов. Однако никто всерьез не верил, что даже эта мера способна была привести к какому бы то ни было значительному результату. Все помнили о знаменитом «герое сыска» генерале Унрухе, который в течение почти двух лет вел практически ту же работу и которому удалось добиться лишь весьма скромных успехов.

Наряду с тем, что среди представителей высшего эшелона немецкого командования вызывало тревогу сокращение численности личного состава, все более и более явными стали признаки резкого падения качества войск армий, воюющих на Востоке. Г. Клюге и другие генералы докладывали, что немецкий солдат перестал быть таким надежным и стойким, как это было прежде. В конце лета и осенью 1943 г. при определении состояния той или иной дивизии все чаще стал применяться термин *Krisenfestigkeit* (или способность действовать в кризисной обстановке). Лучшие дивизии стали определять как *Krisenfest* (способные преодолеть кризис), в то время как остальные стали обозначаться по нисходящей шкале терминами от *Krisenfest* до «ограниченно способными действовать в условиях кризиса» или даже частично или полностью ненадежными. Определение *Krisenfest* получило пугающе малое количество дивизий германской армии. На самой нижней ступени этой оценочной шкалы стояли войска союзников (за исключением испанцев и финнов), а также формирования русских коллаборационистов. До конца года пришлось все подразделения и части, сформированные из русских (изменников. — *Ред.*), перебросить с Восточного фронта во избежание их превращения в партизаны.

Гитлер не мог не замечать очевидного качественного снижения в подготовленности своих войск. Однако причиной этого он предпочитал считать недостатки командования. «Состояние войск, — заявлял фюрер, — является отражением подготовленности командира». Таким образом, в его понимании решение проблемы было совсем простым — расстановка на командные посты более подготовленных офицеров. Однако и ему приходилось признавать, что это будет не так просто сделать на уровне батальона и полка, — там, где потери в командном составе были высокими.

В качестве генерал-инспектора танковых войск Г. Гудериан предложил другой подход к проблеме. По его мнению, пришло время для усовершенствования оборонительной тактики немецких войск. 20 октября 1943 г. он доложил Гитлеру, что немецкая пехота в последнее время потеряла способность действовать в условиях кризиса. В то же время в германских танках последних моделей были решены оставшиеся технические проблемы, и теперь их можно счи-

тать лучшими образцами вооружения в своем классе в мире. Необходимо было просто создать мобильные танковые резервы, задачей которых было бы обеспечение поддержки пехоты. Танковые дивизии следовало отвести с фронта для отдыха и переформирования, а затем вернуть их обратно в качестве мощной ударной силы, предназначенной для действий в чрезвычайной обстановке. Г. Гудериан был уверен, что помимо того, что в результате этого шага будет повышена стойкость пехоты, танковые дивизии вернуться к привычной роли соединений, предназначенных для ведения мобильных наступательных боев.

Г. Гудериан был намерен начинать воплощение своего плана с пяти танковых дивизий, которые после переформирования в октябре были направлены в группу армий «Юг». Успешные действия двух из них в боях в районе Кривого Рога убедили генерала в его правоте. Поэтому Г. Гудериан возражал против участия этих пяти дивизий в боях в районе Киева даже в том случае, если бы это грозило потерей Киева или даже Крымского полуострова. После этого план Г. Гудериана был похоронен, так как вступил в явное противоречие с нежеланием Гитлера жертвовать территорией даже в целях достижения выгодных тактических целей. Пять дивизий так никогда и не были использованы в качестве единого мощного резерва, а после конца декабря, когда советские войска начали зимнее наступление, пришлось отказаться от всякой надежды создания немцами каких-либо значительных резервов.

И наконец, ведение войны на Восточном фронте особенно значительно изменилось после принятия Гитлером решения, которое он возвел в ранг национальной стратегии и оформил в виде директивы фюрера № 51, которая вышла 3 ноября 1943 г. В ней говорилось, что длившаяся в течение двух с половиной лет кампания борьбы с большевизмом потребовала от Германии полного напряжения сил, в том числе военных. Это диктовалось развитием обстановки и вытекающими из этого опасностями. Однако в последнее время положение изменилось. Советская угроза все еще существовала, но еще большая угроза возникла на Западе — опасность вторжения англо-американских войск. «В такой крайне тяжелой обстановке» Германия пока еще могла без особого риска принести в жертву значительные территории на Востоке. На Западе допустить это было никак нельзя. Там прорыв противника на широком фронте мог «сразу же привести к непредсказуемым последствиям». «Поэтому, — делает вывод Гитлер, — я больше не могу позволить ослаблять Западный фронт во имя нужд других театров».

В этой директиве Гитлер полностью становится на сторону представителей оперативного штаба ОКВ, которые считали необходимым держать значительные силы во Франции, Скандинавских странах и на Балканах. Поступив таким образом, фюрер проигнорировал

позицию командования ОКХ, которое полагало, что было бы неправильно пойти на риск проигрыша сражения, имея в виду, что оно уже идет для того, чтобы подготовиться к битвам, которые еще только предстояли. Возможно, было уже поздно прибегнуть к радикальной стратегии Э. Манштейна, который предлагал оголить все прочие театры военных действий для того, чтобы сначала разбить Советский Союз (Манштейн хотел достичь на Востоке «ничейного результата», т. е. убедить СССР заключить сепаратный мир. О потере (общей) уже речь не шла. — *Ред.*). Но в своей директиве Гитлер двинулся в прямо противоположном направлении. Он уведомил армейское командование, что по крайней мере в ближайшем будущем ему придется полагаться на собственные силы. Гитлер заявлял, что в запасе еще есть время, но вскоре ход дальнейших событий показал, как он был не прав, так радикально изменив свою военную политику.

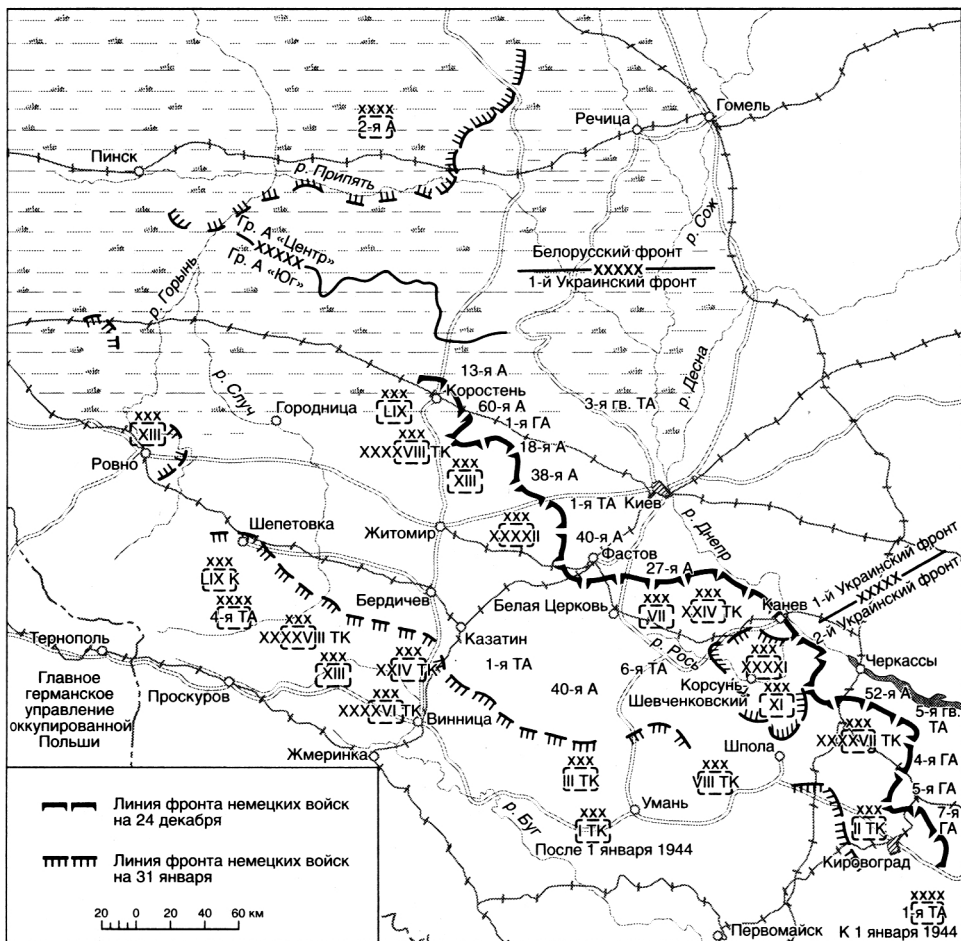
## **Глава 11**

### **НАСТУПЛЕНИЕ НА ФЛАНГАХ. ЮЖНЫЙ УЧАСТОК**

#### **Возобновление сражения западнее Киева**

24 декабря Э. Манштейн находился в одной из резервных дивизий, где собирался отпраздновать Рождество. Днем выяснилось, что 1-й Украинский фронт перешел в наступление в западном направлении по обеим сторонам шоссе Житомир—Киев (см. карту 19). Пока еще никто не мог с уверенностью сказать, идет ли речь о полномасштабном наступлении. Было маловероятно, что советские части так быстро сумели восстановиться после тяжелых потерь, которые многие из них понесли во время контрнаступления немецких войск. Кроме того, потеплело, и пошли дожди, что также, несмотря на то что дороги пока еще не были размыты, не способствовало проведению операций силами подвижных войск. Однако, после возвращения вечером того же дня в свой штаб в Винницу, Э. Манштейн получил донесение от командования 4-й танковой армии, которое больше не оставляло сомнений в том, что речь идет именно о крупном наступлении войск противника.

События следующего дня подтвердили этот вывод. 1-я гвардейская и 1-я танковая армии в составе 14 стрелковых дивизий и 4 танковых и механизированных корпусов повернули на юго-запад от трассы Житомир—Киев в направлении на Бердичев и Казатин. В течение дня Н.Ф. Ватутин нанес также удар восточнее Житомира на север на участке XIII армейского корпуса. Кроме того, вот-вот следовало ожи-



Карта 19. Сражение западнее Киева. 24 декабря 1943 г. — 31 января 1944 г.

дать наступления и на левом фланге LIX армейского корпуса восточнее Коростеня. Во второй половине дня Э. Манштейн отдал приказ 4-й танковой армии не допустить наступления русских на Бердичев и Казатин. Для этого следовало развернуть XXXXVIII танковый корпус между позициями LIX и XIII армейских корпусов и нанести его силами удар во фланг наступающим советским соединениям.

Э. Манштейну были хорошо известны условия, в которых должны были развернуться зимние бои. Сейчас, как никогда, стала реальной давняя угроза левому флангу группы армий «Юг». Она могла быть реализована либо в виде глубокого охватывающего маневра западнее Карпат, либо более коротким путем — наступлением в юж-

ном направлении между Днестром и Днестром. В приказе 4-й танковой армии Э. Манштейн предпочел сосредоточить усилия на противодействии возможному удару русских на юг. Это направление он считал наиболее опасным, так как именно там сосредоточивалась основная наступательная группировка Н.Ф. Ватутина.

Кроме того, поскольку сражения снова развернулись у Днестра, следовало подумать еще об одной вновь возникающей потенциальной угрозе группе армий. Речь шла о жизненно важных артериях, которыми являлись железные дороги. Таких дорог было две: на севере это была ветка Люблин—Ковель—Шепетовка—Бердичев—Казатин. 70 км южнее примерно параллельно ей проходила железная дорога Львов—Тернополь—Проскуров (с 1954 г. Хмельницкий. — *Ред.*)—Жмеринка.

Перерезав эти железнодорожные ветки, противник вынудил бы немцев перенаправить весь поток грузов для групп армий «Юг» и «А» по румынским железным дорогам, которые и так уже находились в неудовлетворительном состоянии, а после того, как фронт подойдет к границам Румынии, их состояние, несомненно, еще более ухудшилось бы.

25 декабря Э. Манштейн в докладе ОКХ отметил, что 4-й танковая армия не может справиться с поставленной перед ней задачей. Армию следовало усилить, передав туда еще 5—6 дивизий. Если они будут переброшены из группы армий «Юг», ему потребуется разрешение на сокращение участка фронта на правом фланге. В противном случае изыскивать эти дивизии придется самому командованию ОКХ. Генерал-фельдмаршал требовал принятия скорейшего решения. 26 декабря командование группы армий «А» получило приказ ОКХ направить в группу армий «Юг» одну дивизию. Кроме того, Гитлер разрешил Э. Манштейну отвести на 20 км самый восточный участок фронта 1-й танковой армии в районе Запорожья, что позволяло высвободить еще одну дивизию. Однако в распоряжении ОКХ отмечалось, что тот вариант радикального решения, который предлагал Э. Манштейн, так и не был принят.

В то же время войска Н.Ф. Ватутина продолжали наступление. 40-я армия нанесла удар на юг. 3-я гвардейская танковая, 1-я танковая, 13-я и 60-я армии наступали на запад и северо-запад в направлении на Житомир и Коростень. 26 декабря Э. Манштейн еще полагал, что XXXVIII танковый корпус был все еще способен нанести удар во фланг советской группировке войск, наступавшей на Бердичев и Казатин. Но командующий 4-й танковой армией генерал танковых войск Эрхард Раус доложил, что сосредоточение корпуса для удара займет слишком много времени. Он отмечал, что максимум, на что способна его армия, это подрубить острие наступающего клина русских, замедлить темпы наступления противника и остановить его на подступах к двум городам.

27 декабря Э. Манштейн вновь обратился к Гитлеру и ОКХ. Полумеры в виде одной или двух дивизий, отмечал он, не приведут ни к чему хорошему. Он намеревался перенести основные усилия с правого на левый фланг. Для этого было необходимо отвести 1-ю танковую армию на прежний рубеж по реке Каменка, в результате чего удастся высвободить как минимум пять дивизий. На вечернем совещании Гитлер высказался против такого решения. Он заявил, что Э. Манштейн может предлагать все, что угодно, так как не несет всей ответственности за результат принятия этого решения. Если 1-я танковая армия отступит и тем самым потеряет возможность влиять на события на Крымском полуострове, это даст русским и западным союзникам аргумент для втягивания Турции в войну против Германии, а Э. Манштейн окажется ни при чем. Он сможет заявить, что это проблемы политики, которые его не касаются.

Рано утром 28 декабря тридцать советских танков с десантом на броне ворвались в Казатин, где уничтожили несколько сотен немецких грузовых автомобилей. К вечеру немцам удалось отвоевать примерно половину города, однако они не имели возможности удерживать этот район дольше нескольких часов. Э. Манштейн доложил Гитлеру, что русские бросили против 4-й танковой армии 47 стрелковых дивизий и 9 танковых и механизированных корпусов. Под таким натиском армия не сможет оборонять находящуюся в ее тылу железную дорогу. Он вновь предложил перенести основные усилия на левый фланг, организовав там мощный контрудар. На день раньше Э. Манштейн заявлял, что в этом случае у него может получиться организация повторения событий марта 1943 г. в районе Харькова. Тогда контрудар имел успех, потому что немецкие войска вовремя оставили Ростов и восточную часть Донецкого бассейна. Фельдмаршал снова хотел осуществить «рокировку», маневр, который он так успешно применял в прошлом.

В ставке фюрера телеграмма Э. Манштейна вызвала бурю. В гневе Гитлер заявил, что своими напыщенными заявлениями о контрударах Э. Манштейн всего лишь пытается сохранить лицо. То, что он собирается делать, следует называть своим настоящим именем, а именно бегством. Э. Манштейн, продолжал Гитлер, теряет присутствие духа, возможно, оттого, что его ставка находится слишком близко от линии фронта. Ему следует перенести ее из Винницы. Далее Гитлер прервал свою тираду, отвлекшись на обсуждение возможного нового месторасположения ставки Э. Манштейна. Затем он потребовал, чтобы штаб в Виннице, который прежде служил ставкой самого фюрера на южном фланге Восточного фронта, был полностью уничтожен. Русские не должны были обнаружить там ничего такого, что «смогли бы вывезти и выставить на обозрение в Москве». Потом Гитлер перешел к вопросу отступления как такового. Он восклицал: «Всегда только назад! Порой это превращается



в навязчивую манию». У него уже вызывают приступы тошноты «эти призывы к отступлению», продолжал фюрер. Ему очень жаль, что когда-то он в первый раз дал разрешение на такой маневр. Если бы армии стояли на своих прежних позициях, ничего плохого произойти не могло. В конце концов на совещании было принято одноединственное решение — о переносе ставки Э. Манштейна в Тернополь.

Рассыпаясь в обвинениях и протестах, Гитлер тем не менее с неудовольствием пришел к пониманию, что, если он намерен спасти южный фланг Восточного фронта, необходимо срочно принимать меры. 27 декабря он кратко коснулся вопроса отвода группы армий «Север» на рубеж «Пантера» с целью высвободить десяток дивизий для переброски на юг. На совещании после обеда 29-го числа фюрер заявил К. Цейцлеру, что, обдумав ночью обстановку, он принял решение усилить южный участок Восточного фронта. Самое худшее, что может произойти на севере, сказал он, это то, что на финские войска ляжет дополнительная нагрузка. В то же время на юге Германия может потерять Крым, Кривой Рог и Николаев, что было бы недопустимо с точки зрения экономики и вызвало бы опасные политические последствия в Турции и на Балканах. Гитлер заметил, что принял решение разрешить группе армий «Север» отвести войска на рубеж «Пантера».

Однако на следующий день, когда в ставку фюрера прибыл генерал Г. Кюхлер, Гитлер изменил свое мнение. Г. Кюхлер заявил, что участок фронта 18-й армии в районе Ораниенбаума, под Ленинградом, и вдоль Волхова хорошо укреплен. Он добавил, что командование уверено, что у армии есть все шансы отразить ожидаемое зимнее наступление русских. Этого было достаточно для того, чтобы пробудить в Гитлере застарелую антипатию ко всему тому, что связано с «добровольной сдачей территорий». А может быть, он просто снова подумал о том, какую реакцию может вызвать его решение у финнов и к каким последствиям на Балтике оно может привести.

Пока Гитлер пребывал в сомнениях, 4-я танковая армия была предоставлена самой себе. К 30 декабря войска LIX армейского корпуса, занимавшие оборону на северном фланге армии, успешно отступали западнее Коростеня. Между правым флангом участка обороны корпуса и левым флангом обороны XIII армейского корпуса севернее Житомира образовалась брешь шириной примерно 55 км. На рубеже между Житомиром и районом юго-западнее Казатина главные силы армии в составе XIII армейского корпуса, XXXXVIII танкового корпуса и XXXXII армейского корпуса пытались сохранить сплошной фронт под натиском основной наступающей группировки русских. 70-километровая брешь отделяла правый фланг XXXXII армейского корпуса юго-западнее Казатина от левого фланга VII армейского корпуса в районе южнее Белой Церкви. На правом фланге армии

VII армейскому корпусу и XXIV танковому корпусу все еще удавалось удерживать сплошной фронт на рубеже, который протянулся на восток, к Днепру, и сохранять контакт с 8-й армией в районе Канева. Командующий 4-й танковой армией Э. Раус докладывал Э. Манштейну, что он не имеет сил для ликвидации разрывов в линии фронта и поэтому сосредоточит усилия на том, чтобы сохранить эти три изолированные друг от друга участка от их дальнейшего дробления.

Днем ранее Э. Манштейн принял решение максимально использовать свои полномочия, надеясь на то, что логика развития событий заставит Гитлера согласиться с ним. Он отдал приказ о переводе с 1 января штаба 1-й танковой армии в район Умани с переподчинением ей двух правофланговых корпусов 4-й танковой армии (VII и XXXXII армейских корпусов). XXIV танковому и XXXXII армейскому корпусам уже были назначены новые участки, которые они должны были занять к 1 января 1944 г. После того как была усилена ударная мощь 1-й танковой армии, Э. Манштейн передал в подчинение штаба III танкового корпуса две танковые дивизии из 8-й армии, одну моторизованную и одну егерскую (легкую пехотную) дивизии, которые должны были быть переброшены из группы армий «А». III танковый корпус должен был сосредоточить все четыре дивизии в районе восточнее Винницы. Для того чтобы усилить 4-ю танковую армию, Э. Манштейн передал ей управление XXXXVI танкового корпуса, танковую дивизию, перебрасываемую из группы армий «Центр», одну пехотную дивизию, которая должна была прибыть из группы армий «Север» и горнострелковую дивизию, прибывающую из группы армий «А». Все еще было очень сомнительно, что этих двух корпусов окажется достаточно для того, чтобы остановить русских и закрыть разрывы в линии фронта.

31 декабря Гитлер утвердил это решение, однако отказался сделать следующий шаг, а именно отвести правый фланг группы армий «Юг» в излучине Днепра на рубеж по реке Каменка. Все свидетельствовало о том, что русские готовились наступать в излучине Днепра. После его начала было бы уже слишком поздно думать о переброске дивизий с этого участка на левый фланг.

До конца декабря для группы армий «Юг» было удачей то, что Н.Ф. Ватутин сосредоточил свои войска против трех группировок 4-й танковой армии и не пытался развивать наступление в районах разрывов в полосе обороны армии. В начале нового года сражение стало приобретать гораздо более опасный для немцев характер. Продолжая мощный фронтальный нажим на 4-ю танковую армию, русские начали обходить ее фланги и создали угрозу окружения ее главным силам: XIII армейскому, а также XXXXVIII и XXIV танковым корпусам. (XXXXVIII корпус был совершенно разбит еще до того, как

успел сосредоточиться для контрудара. За 6 дней боев немцы потеряли у Бердичева и Казатина 40 тыс. человек убитыми и ранеными, 670 танков и штурмовых орудий, более 1380 орудий и минометов, 38 складов боеприпасов, продовольствия и снаряжения. — *Ред.*)

На северном фланге оставшиеся войска LIX армейского корпуса к 3 января были оттеснены к Городнице, где до 1939 г. проходила граница с Польшей. Восточнее Шепетовки железная дорога на Бердичев оказалась практически без прикрытия. Там находились лишь рассеявшиеся части XXXXVI танкового корпуса, которые пытались соединиться в этом районе. На рубеже от района северо-западнее Бердичева до участка северо-восточнее Винницы трем корпусам, составлявшим главные силы 4-й танковой армии, удавалось сохранять сплошной, но очень хрупкий фронт. 4 января из XIII армейского корпуса, оборонявшегося в районе Бердичева и северо-западнее, поступило донесение, что его фронт разваливается. Войска были измотаны; дивизии имели на переднем крае по 150—300 солдат и офицеров. Всю оставшуюся пехоту корпуса можно было свести в один полк. Брешь между флангами 4-й танковой армии и того, что с 1 января стало называться 1-й танковой армией, расширилась почти до 100 км. Находившийся восточнее разрыва VII армейский корпус был оттеснен к югу и к востоку от Белой Церкви. Здесь его участок обороны соединился с участком XXXXII армейского корпуса, приняв форму мешка, открытого в южном направлении. III танковый корпус двигался с юга с целью закрыть брешь, но начавшееся 3 января советское наступление в районе Кировограда, где оборонялась 8-я армия, привело к задержке двух танковых дивизий, предназначенных для III танкового корпуса.

4 января Э. Манштейн отправился в ставку фюрера и снова попытался убедить Гитлера оставить излучину Днепра. К тому времени Э. Манштейн уже считал, что река Каменка может считаться только промежуточным рубежом, куда следовало отвести войска. В дальнейшем, по его мнению, было необходимо продолжать отход вплоть до нижнего течения реки Буг до тех пор, пока не будет восстановлено равновесие на фронте. Но он знал, что любые разговоры о продолжении отступления будут бессмысленны. В свою очередь, Гитлер отказался даже обсуждать отход войск группы армий «Юг» на рубеж по Каменке. К тому же он добавил, что не имеет возможности обеспечить подкрепления для группы армий «Юг» с других участков. Он настаивал на невозможности переброски соединений с Запада до тех пор, пока не будет отражено ожидавшееся вторжение англо-американских союзников. До этого времени войскам на Восточном фронте придется сражаться, полагаясь только на собственные силы, и стараться выиграть время.

В течение последующих месяцев возможное вторжение на Западе стало для Гитлера предлогом для того, чтобы избежать принятия

решений на Востоке. Для него стало характерным игнорирование текущих кризисов; фюрер предпочитал закрывать глаза на реальную обстановку и обратить свой взор на будущее, когда, как он воображал, одним смелым ударом можно будет вернуть прежние удачные времена. Среди представителей командования войск на Восточном фронте это вызвало огромное разочарование, так как к обычному отсутствию у Гитлера тактической гибкости теперь прибавилось еще и явное пренебрежение к тому, что происходило на этом театре.

Когда Э. Манштейн отправился в ставку фюрера, он все еще полагал, что ударами вновь создаваемых танковых корпусов сможет ликвидировать разрывы в линии фронта на обоих флангах главных сил 4-й танковой армии, но события последующих дней заставили его изменить планы. После 4 января LIX армейский корпус был вынужден отвести свой северный фланг на северо-запад, чтобы не быть вытесненным в Припятские болота, и, по мере возможностей, обеспечить прикрытия Шепетовки и Ровно. В результате между группами армий «Центр» и «Юг» образовалась брешь шириной примерно 170 км. Ни одна из групп армий не обладала ни малейшими возможностями предпринять что-либо для восстановления контакта. Эта брешь получила название Wehrmachtsloch (конура вермахта). Тем самым подчеркивалось, что это явление станет постоянным на Восточном фронте. Э. Манштейн считал, что для ликвидации бреши необходимо ввести в бой свежую армию, но ни он сам, ни кто-либо еще понятия не имел, откуда взять эту армию. На второй неделе месяца разрыв в линии фронта стал еще шире после того, как войска Белорусского фронта вынудили немецкую 2-ю армию отойти на рубеж по реке Ипа. Тем не менее можно было считать, что в какой-то мере двум немецким группам армий повезло по целым двум причинам: необычно теплая погода не давала болотам замерзнуть, а действовавшие против LIX армейского корпуса три советские армии начали наступление без предварительного отдыха и пополнения после осенних боев. Поэтому к середине января они потеряли значительную часть своей ударной мощи.

Для того чтобы прикрыть брешь на правом фланге LIX корпуса, Э. Манштейн 3 января отдал приказ XXXXVIII танковому корпусу выдвинуться в район западнее Бердичева. Бердичев был потерян немцами еще до конца первой недели нового года, но за счет растягивания своего фланга за реку Случь XXXXVIII танковому корпусу удалось воспрепятствовать выходу русских в тыл армии. На внутренних флангах 4-й и 1-й танковых армий III танковый корпус все еще пытался сосредоточить свои силы и, маневрируя частями двух дивизий, создать промежуточный рубеж обороны в районе вклинения. 6 января Н.Ф. Ватугин впервые дал понять, что ему известно об открывшихся для его войск перспективах. Фронтальное наступление на участке 4-й танковой армии неожиданно прекратилось,

и советские 1-я танковая и 40-я армии, совершив поворот на юг, устремились в брешь.

В тот день Э. Манштейн в директиве 4-й и 1-й танковым армиям предположил, что войска Н.Ф. Ватутина попытаются либо окружить главные силы 4-й танковой армии, либо нанести глубокий удар в направлении на Шепетовку и Ровно на северном участке и на Жмеринку на юге. Второй вариант казался ему более вероятным. Предварительно предупредив командование двух танковых армий, что у него нет возможности противодействия противнику сразу на двух вероятных направлениях его наступления, Э. Манштейн приказал сосредоточить усилия двух танковых армий на отражении возможного наступления советских 1-й танковой и 40-й армий в южном направлении. На первом этапе контрудара 1-я танковая армия должна была сосредоточить на восточном участке бреши III танковый корпус против советской 40-й армии. Для того чтобы высвободить дополнительные соединения, VII и XXXXII армейские корпуса должны были отвести свои войска из мешка, образованного их участками обороны, южнее, к реке Рось. На втором этапе, запланированном на день «X+8», III танковый корпус должен был развернуться на запад для нанесения удара по левому флангу советской 1-й танковой армии. В то же время XXXXVI танковый корпус, который к тому времени 4-я танковая армия должна была уже перебросить на южный участок, наносил удар по правому флангу.

Отправленная в армии директива должна была быть утверждена Гитлером. Во второй половине дня 7 января Гитлер одобрил ее в целом, но категорически запретил отвод VII и XXXXII армейских корпусов на реку Рось, как предлагал Э. Манштейн. Тем самым резко уменьшались шансы на то, что удастся достичь всех целей контрудара. Кроме того, сохранялась угроза, которую представлял собой выступ в районе Черкасс. Еще два дня назад командование немецкой 1-й танковой армии предостерегало, что оставить два корпуса на уязвимом открытом участке в форме петли означало навлечь на них беду.

На второй неделе января две советские армии продолжали продвигаться в южном направлении. К 10-му числу советская 1-я танковая армия вклинилась между флангами XXXXVI и III танковых корпусов и силами одного гвардейского танкового и одного гвардейского механизированного корпусов начала наступление на запад в направлении на Жмеринку. Немецким танкистам потребовалось два дня тяжелых боев, прежде чем угроза прорыва русских к Жмеринке была на какое-то время ликвидирована. На восточном участке советского наступления советская 40-я армия пробила еще более широкую брешь на стыке III танкового и VII армейского корпусов, а к 10 января ее передовые части практически вышли к пригородам Умани. Два немецких корпуса отчаянно сражались за то, чтобы про-

рыв русских совсем не вышел из-под контроля, пока не удастся сосредоточить необходимые для контрудара части, причем некоторые из них все еще находились в процессе переброски с Запада. Э. Манштейн настаивал на своем первоначальном плане, в соответствии с которым предусматривалось сначала бросить войска против 40-й армии, а затем сосредоточить усилия против 1-й танковой армии.

С 10 до 15 января III танковый корпус перебросил 17-ю танковую дивизию с левого на правый фланг в район Умани. При этом на левом фланге удерживать фронт остался лишь один дивизионный разведывательный батальон. Во втором эшелоне 17-й танковой дивизии корпус сосредоточил главные силы 16-й танковой дивизии. (Еще две дивизии, предназначенные для корпуса, были связаны боями на других участках.) Незначительная часть сил 16-й танковой дивизии осталась оборонять участок фронта корпуса фасом на север. Перед корпусом была поставлена задача ликвидировать разрыв в линии фронта в результате удара с центрального участка бреши и встречных ударов с открытых флангов в немецкой обороне. К тому моменту, когда две танковые дивизии вышли на исходные рубежи, VII армейский корпус оказал им содействие, растянув свой фланг на юг и приблизившись к ним почти на 40 км.

15 января танки III танкового корпуса совершили рывок на восток, достигнув значительных, если не сказать выдающихся, результатов. В тот же день в состав немецкой 1-й танковой армии вошел XXXXVI танковый корпус, часть сил которого сразу же начала перебрасываться на восточный участок для участия во второй фазе контрудара. 17 января III танковому корпусу оставалось преодолеть еще всего два или три километра для восстановления контакта с VII армейским корпусом. Корпус начал разворачиваться на север для наступления во фланг советской 1-й танковой армии.

Не по сезону теплая погода, когда днем температура воздуха была выше нуля, держалась со второй половины декабря. Дожди и снег превратили дороги в болота, а когда температура упала, дороги покрылись льдом. 18 января из немецкой 1-й танковой армии поступил доклад, в котором командование жаловалось, что плохая видимость и сложности с организацией разведки не позволяют отслеживать движение русских как раз тогда, когда армия готовится нанести советской 1-й танковой армии решающий удар.

В течение следующих шести дней III танковый корпус совершал маневрирование перед выходом на исходные позиции. Одновременно командование армии перебрасывало дивизию «Адольф Гитлер» и 18-ю артиллерийскую дивизию для восстановления ударной мощи XXXXVI танкового корпуса, ослабленной в результате растягивания его участка обороны. Рано утром 24 января XXXXVI танковый корпус, имея в первом эшелоне дивизию «Адольф Гитлер», начал наступление со своего участка западнее Винницы. Оборона русских

была быстро прорвана, но до полудня войска корпуса буквально балансировали на грани катастрофы. На небольшую реку был направлен саперный взвод под командованием унтер-офицера для наведения переправы. Неожиданно взвод попал под огонь противника. Была уже почти полночь, когда взвод, который все уже считали погибшим, прибыл на намеченный участок, установил мосты, через которые стали переправляться танки. На следующий день III танковый корпус начал наступление с востока и практически сразу же встретил упорное сопротивление противника. Стало очевидным, что момент, когда можно было застать советскую 1-ю танковую армию врасплох и нанести ей неожиданный удар, был упущен.

26 января советская Ставка ввела в игру козырную карту. Механизированный корпус и гвардейский танковый корпус прорвали оборону немецкой 1-й танковой армии на правом фланге, на стыке VII и XXXXII армейских корпусов. Днем ранее 4-я гвардейская армия вклинилась в оборону немецкой 8-й армии в районе юго-восточнее Черкасск. Стало очевидно, что осуществляется классический вариант операции двойного охвата. Немецкая 1-я танковая армия оказалась в безвыходном положении. Отменить контрудар полевому флангу советской 1-й танковой армии означало вернуть инициативу русским и тем самым лишить себя возможности переброски войск на правый фланг.

Пока XXXXVI и III танковые корпуса продолжали продвигаться на флангах советской 1-й танковой армии, русские подвижные соединения на правом фланге немецкой 1-й танковой армии, пользуясь полной свободой маневра, стремительно наступали на юг. 28 января они замкнули кольцо окружения вокруг XXXXII и XI армейских корпусов. Почти одновременно XXXXVI и III танковый корпуса установили контакт друг с другом и оттеснили к югу несколько советских дивизий. Командование армии приказало 17-й танковой дивизии начать выводить свои части из боя. Оба танковых корпуса должны были как можно скорее завершить зачистку от войск противника районов за новой линией фронта. К 31 января III танковый корпус вывел из боя все свои части и начал движение в восточном направлении.

Операция против советской 1-й танковой армии дала скромные результаты: было уничтожено до 701 танка и САУ противника. Русские потеряли 8 тыс. человек убитыми и 5436 человек пленными. Как справедливо считали в немецкой 1-й танковой армии, она не была виновна в постигшей ее катастрофе на правом фланге. Ее командованию дважды запрещали отвести оттуда войска. В дневнике армии ее командующий Г. Хубе отметил: «Иногда приходится только подчиняться, пусть и с неохотой».

К исходу года немецкая 8-я армия обороняла участок шириной 160 км от Канева до района в 30 км восточнее Кировограда. Южнее Канева армия все еще удерживала 30 км участка старого оборонительного рубежа по Днепру. От реки фронт уходил под углом на юго-запад, и его очертания определялись направлениями последовательных ударов советских войск и указаниями Гитлера оборонять каждый метр земли, которую можно было удержать. Фактически здесь воля Гитлера пока еще могла противостоять давлению русских в полосе обороны армии.

5 января, через три дня после того, как 8-й армии удалось ликвидировать прорыв советских войск в 20 км севернее Кировограда, 2-й Украинский фронт нанес мощный фронтальный удар на стыке немецких 8-й и 1-й танковых армий. Стремительно развивая наступление в северном направлении, русские за несколько часов прорвались почти к самому Кировограду, а на следующий день продолжили наступление к северу и югу от города. При этом XXXXVII танковый корпус, который пытался стойко обороняться на подступах к городу, попал в окружение. Стремительность и мощь ударов говорили о том, что И.С. Конев и Н.Ф. Ватутин, а возможно и Г.К. Жуков, которому было поручено координировать действия двух фронтов, могут попытаться окружить восточнее реки Буг немецкие 1-ю танковую и 8-ю армии. Быстро отреагировав на эту угрозу, Э. Манштейн передал в 8-ю армию две танковые дивизии и левофланговый корпус из состава 6-й армии. 8 января XXXXVII танковый корпус был вынужден оставить Кировоград и отступить на запад. После этого армии удалось восстановить равновесие на фронте и через несколько дней организовать оборонительный рубеж, полукругом огибавший город.

Если Г.К. Жуков и И.С. Конев первоначально планировали развивать наступление дальше, быстрая реакция немцев и установившаяся самая плохая погода, которую можно было представить, возможно, убедили их отказаться от первоначальных намерений. Дождь и мокрый снег превратили землю в болото. Температура, державшаяся в районе точки замерзания, приводила к оледенению артиллерийских орудий и танков. Приходилось сбивать лед перед началом стрельбы. Обмундирование солдат в дневное время намокало, а ночью становилось твердым от мороза.

10 января командующий 8-й армией О. Вёлер доложил начальнику штаба группы армий «Юг», что выступ на внутренних флангах 1-й танковой и 8-й армий стал для него источником серьезнейших опасений. Численность его войск сильно сократилась. В качестве примера О. Вёлер привел пехотный полк, в котором осталось пятьдесят солдат под командованием двух офицеров. В тот же день командование 1-й танковой армии, которой приходилось оборонять



самый незащищенный участок выступа, обратилось с просьбой разрешить отвести фронт назад. Командование группы армий было согласено, но Гитлер, как Э. Манштейн предположил четыре дня назад, отказался прислушаться к мнению подчиненных.

Несмотря на то что Г.К. Жуков и И.С. Конев сосредоточили в районе Кировограда несколько армий (численность противостоявших сил на этом участке войск противников была примерно равной. — *Ред.*), они больше не пытались возобновить наступление на этом участке. Даже в самых выгодных условиях советские генералы обычно избегали слишком глубоких охватывающих маневров. Поскольку держалась теплая и дождливая погода, а 1-й танковой армии удалось остановить наступление советских войск в южном направлении через Винницу, Г.К. Жуков предпочел сначала выждать, а потом переключиться на другие задачи, выполнение которых сулило более скромные, зато верные результаты. Было очевидно, что одной из таких целей нового наступления может стать попытка срезать выступ в немецкой обороне, но не в его основании, а несколько глубже, восточнее. В этом случае глубина поставленных войскам задач становилась меньше, что также сокращало количество тактических проблем, которые могли при этом возникнуть. К середине января возникла необходимость в нанесении подобных ударов с целью сократить линию фронта. К этому времени полоса наступления 1-го Украинского фронта выросла примерно со 160 км до более 400 км. Дальнейшее наступление становилось невозможным до тех пор, пока фронт не будет выпрямлен в результате ударов с востока. Более того, советская Ставка, даже не считая такие доводы заслуживающими особого внимания, испытывала опасения за фланги 1-го и 2-го Украинских фронтов. С тактической точки зрения у русских со времен Сталинграда не было подобной возможности для осуществления операции на окружение крупной группировки противника. Главные силы немецких 1-й танковой и 8-й армий были связаны на внешних флангах; в то же время их внутренние фланги, вдающиеся на восток, были практически беззащитны, поскольку их обороняли сильно измотанные части.

## **Окружение**

24 января в результате разведки боем на участке 8-й армии, примерно посередине между Черкассами и Кировоградом, войскам 2-го Украинского фронта удалось нащупать участок шириной примерно 20 км, плотность оборонявшихся войск на котором составляла не более чем один человек на 15 м фронта. К концу дня на некоторых участках осуществлявшим пробное наступление советским войскам удалось пробить оборону противника. На следующее утро 4-я гвардейская армия перешла в полномасштабное наступление и к концу

дня бросила в прорыв 12 стрелковых дивизий. 8-я армия вновь запросила разрешение оставить выступ, но командование группы армий не могло добиться от Гитлера ответа.

26 января два танковых корпуса советской 6-й танковой армии взломали оборону немецкой 1-й танковой армии на стыке между VII и XXXXII армейскими корпусами. Демонстрируя отвагу, которая до сих пор была не очень характерной для них (автор забывает о прорывах и рейдах под Сталинградом, в Донбассе и др. — *Ред.*), советские танковые части на полной скорости устремились на юг. 27 января, в то время, когда командующие двумя немецкими армиями тщетно ждали от Верховного командования принятия решения, советское наступление набирало мощь. Во второй половине дня 28-го числа данные немецкой воздушной разведки показали, что русские передовые части соединились в районе Шполы. XI и XXXXI армейские корпуса, насчитывающие около 56 тыс. военнослужащих, среди которых было несколько тысяч русских из вспомогательных служб, оказались в окружении. (По советским данным, в окружении позже было убито 55 тыс. и попало в плен 18,2 тыс., следовательно, с учетом того, что некоторым удалось вырваться, окруженных было существенно больше. — *Ред.*) Когда Гитлер даже после этого запретил корпусам отступать, Э. Манштейн предпринял первые шаги для разблокирования окруженных войск. Он передал XXXXII армейский корпус 8-й армии, пообещав также усилить ее 24-й танковой дивизией. Кроме того, 1-я танковая армия получила приказ прекратить контрнаступление на участке советской 1-й танковой армии и начать переброску своих дивизий на восток.

Прежде чем начинать наступление, Ставка, без сомнения, знала, что немцы не смогут отреагировать на него достаточно быстро. Даже если предположить, что 1-я танковая и 8-я армии имели возможность выделить свои войска со своих внешних флангов, погода и состояние дорог замедлят перегруппировку. У советской стороны было и другое преимущество: их гусеничные машины, танки и САУ, имели более широкие траки, чем немецкая техника. Следовательно, они были более приспособлены к действиям на мягком грунте и даже в грязи. К счастью для немцев, второе преимущество было весьма относительным. Стремительное наступление на Шполу с востока и северо-запада, по-видимому, было сопряжено с большими задержками в продвижении советской техники, поэтому Ставка не сумела обеспечить темп наступления, достаточный для формирования внешнего кольца окружения. Советское командование не смогло, как это было в Сталинграде, воспользоваться растерянностью противника в самом начале наступления и вовремя бросить главные силы наступающей группировки на то, чтобы отодвинуть фронт, что сделало бы деблокирование окруженных войск чрезвычайно сложной или даже невыполнимой задачей.

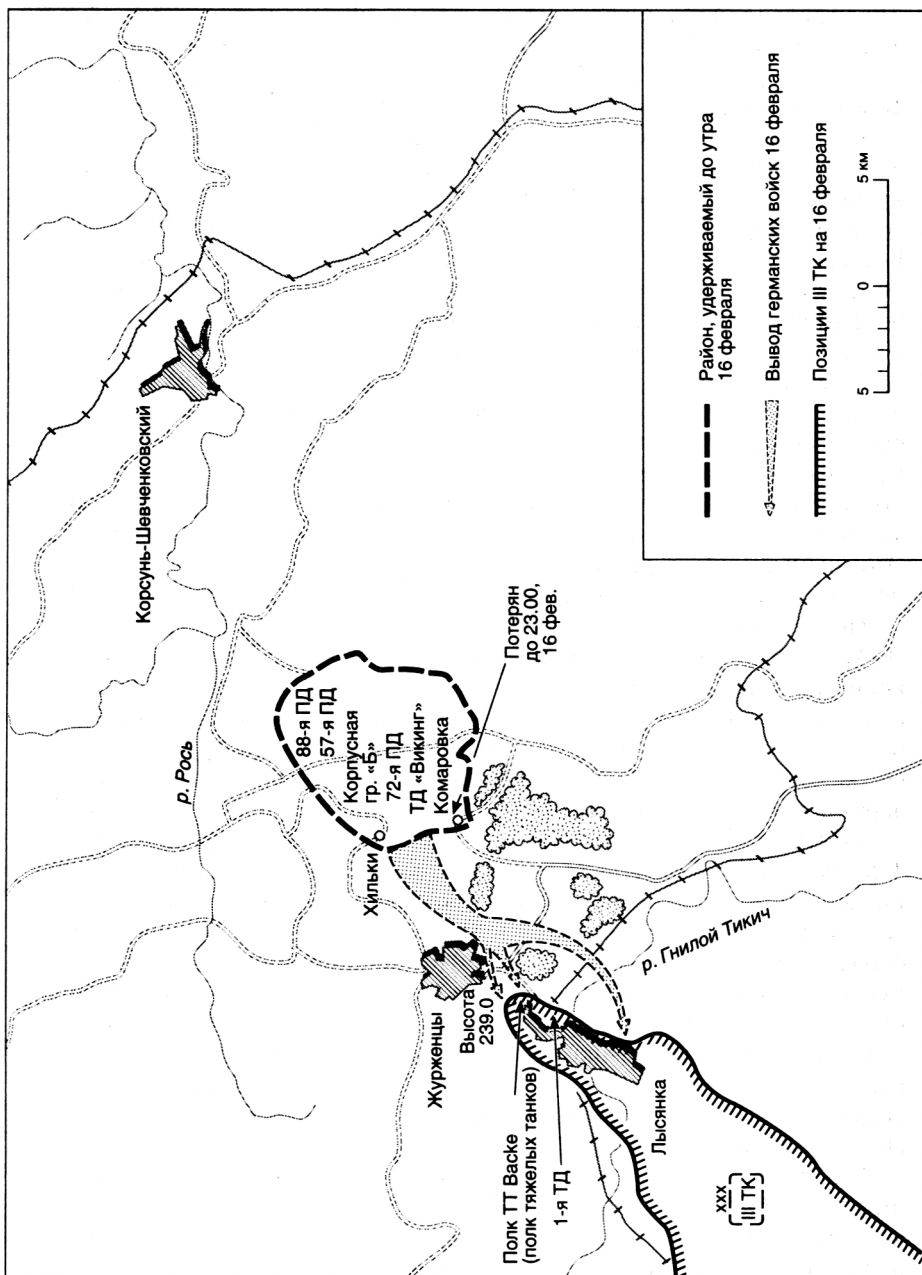
1 февраля Э. Манштейн отдал приказ на прорыв. Он распорядился, чтобы 1-я танковая армия перебросила III танковый корпус на самый край правого фланга, а 8-я армия перевела XXXXVII танковый корпус как можно дальше на левый фланг (см. карту 20). 3-го или в крайнем случае не позднее 4-го числа оба корпуса должны были нанести удары на сходящихся направлениях по восточному краю кольца окружения. По-видимому, ближайшей задачей было создание коридора к окруженной немецкой группировке, так как Гитлер, как обычно, не давал согласия на отступление. Сначала в немецких армиях считали, что войска смогут выступить 3 февраля, но 2-го числа, после того как установилась теплая погода и начался туман, они запросили отсрочки на 24 часа.

3 февраля начальник штаба группы армий «Юг» доложил Э. Манштейну, что к моменту начала операции войска XXXXII и XI армейских корпусов должны «быть на чемоданах», в готовности прорываться из окружения при первой же возможности. Полагать, что после восстановления контакта с окруженными корпусами можно будет оставить там, где они находились, добавил он, было бы утопией. Это мнение было передано и начальнику штаба 8-й армии, который полностью с ним согласился.

Но несколько позже, в тот же день, в разговоре с О. Вёлером Э. Манштейн заметил, что по-прежнему намерен разблокировать корпуса, а затем поменяться с русскими местами, загнав значительную часть их войск между двумя деблокирующими группировками и юго-западным участком обороны в котле. Фельдмаршал оставил без комментариев намерение «самого высшего руководства» (Гитлера) в дальнейшем начать наступать на Киев.

Контрнаступление немцев началось теплым солнечным утром 4 февраля при плюсовой температуре воздуха. В последний момент Гитлер все-таки выделил для III танкового корпуса танковую дивизию, которую ранее задержал в Виннице. Оставалось вопросом, сколько времени потребуется дивизии для того, чтобы прибыть к месту назначения по раскисшим дорогам. Несмотря на некоторые проблемы с началом контрудара, в результате наступления в полосе 1-й танковой армии немцам удалось до конца дня продвинуться на несколько километров. Командование армии докладывало, что оно уверено в успехе, несмотря на то что теплая погода и распутица сильно осложняли задачу.

Ночью на землю снова спустился туман, и на следующий день ни одна из сторон не смогла ничего предпринять. В то же время, двигаясь по грязи, танки сжигали невероятное количество топлива, подходили к концу боеприпасы и продовольствие. Поскольку пытаться использовать грузовые автомашины было бесполезно, командование армии приказало III танковому и VII армейскому корпусам мобилизовать для доставки необходимых запасов местное



Карта 20. Прорыв из окружения в районе Черкас. Обстановка на 16 февраля 1944 г.

население и реквизируют всех лошадей и все телеги, которые удастся найти.

Успехи 8-й армии, если они имели место вообще, были гораздо скромнее.

В последний момент Гитлер приказал вернуть 24-ю танковую дивизию в 6-ю армию. С 1 февраля по его приказу 6-я армия передавалась в группу армий «А». Это было сделано отчасти для того, чтобы ограничить полномочия Э. Манштейна, но главным образом для того, чтобы не допустить по его приказу отвод войск с южного фланга. 24-й танковой дивизии приходилось буквально пропахивать себе путь через грязь к намеченному рубежу на участке фронта 8-й армии, когда неожиданно поступил приказ развернуться на 180 градусов и возвращаться на юг. Это привело к тому, что на какое-то время это соединение оказалось бесполезным как для 6-й, так и для 8-й армии. Э. Клейст, который сознавал это и не желал лишать группу армий «Юг» дивизии, способной решить судьбу прорыва кольца окружения, предложил Гитлеру, чтобы взамен ее была выделена одна из пехотных дивизий. Но фюрер опять отказался менять свое решение.

В составе находившихся в котле XI и XXXXII армейских корпусов (здесь необходимо упомянуть и корпусную группу «Б» в составе трех дивизий — 112, 255 и 332-й. — *Ред.*) находилось шесть (одиннадцать — 112, 255, 332, 88, 82, 168, 198, 57, 72, 389-я пехотные, танковая дивизия «Викинг» и бригада «Валлония». — *Ред.*) дивизий, две из которых были очень ослаблены. Самым сильным соединением была дивизия СС «Викинг» в составе двух пехотных и одного танкового полка, а также бригады бельгийских добровольцев «Валлония». Гитлер несколько волновался за судьбу командира бригады Леона Дегреля (лидер валлонских фашистов по кличке Рекс. — *Ред.*). В первых же своих приказах двум окруженным корпусам Гитлер настаивал на том, чтобы они продолжали удерживать прежние позиции, что к тому времени было уже явно невозможно, поскольку боевые порядки соединений были сильно растянуты, и к тому же им теперь приходилось создавать новый фронт на южном участке.

29 января командование 8-й армии впервые разрешило отход на северном и восточном флангах. После этого корпуса постепенно сосредоточили свои силы по периметру участка, центр которого находился в городе Корсунь-Шевченковский и западнее. Такое перемещение, в общем, отвечало подготовке к запланированному ранее отходу к реке Рось, предложение о котором было сделано в начале января. Кроме того, окруженным войскам повезло с тем, что почти все запасы продовольствия находились в руках немецкой администрации, которая позаботилась о перевозе его в район южнее реки Рось, под самый город. Тем самым обеспечивался более чем нормальный продовольственный паек военнослужащим, и авиация могла полностью сосредоточиться на поставках боеприпасов и топлива.

Снабжение окруженных корпусов по воздуху началось с 29 января. Самолеты долгое время простаивали из-за снега и тумана; кроме того, после потепления размокли грунтовые взлетно-посадочные полосы. За первые пять дней разбились в результате аварий или были уничтожены советскими истребителями и огнем артиллерии 44 немецких самолета. 5 февраля из-за тумана пришлось отказаться от использования двух взлетно-посадочных полос в районе окружения, но к 9-му числу на более сухом участке была построена новая полоса. В течение последующих пяти дней авиация смогла доставить окруженным войскам ежедневно от 100 до 185 тонн боеприпасов, чего более или менее хватало для обеспечения их потребностей.

К 6 февраля Э. Манштейн и оба командующих армиями пришли к выводу, что ни одной из деблокирующих группировок не удастся пробиться непосредственно к кольцу окружения. XXXXVII танковый корпус, который сам испытывал сильное давление противника на флангах, вообще не смог продвинуться вперед. III танковый корпус, которому было необходимо преодолеть более короткое расстояние (примерно 30 км), медленно продвигался вперед, но при этом его войскам приходилось самим снабжать себя топливом и боеприпасами. Экипажи танков несли бензин на передний край в ведрах. Многие пехотинцы предпочитали пробираться через грязь, которая иногда доходила до колен, без сапог, полагая, что от этого они меньше устанут, чем если им придется через каждые несколько шагов останавливаться и доставать из грязи свою обувь. В то же время снабжение окруженной группировки по воздуху снова полностью прекратилось. Это означало, что через три-четыре дня в войсках полностью кончатся боеприпасы. 5 февраля командование 8-й армии направило в район окружения офицера связи, который должен был предупредить командиров корпусов о том, что, возможно, их войскам придется пробиваться навстречу деблокирующей группировке. Когда же командующий 8-й армией в тот же день выступил с инициативой о награждении командиров окруженных корпусов Рыцарскими Железными крестами «с целью поднять их моральный дух», Э. Манштейн в ответ посоветовал сначала дождаться приказа на прорыв «во избежание аналогий с январем 1943 г.».

Как обычно, Гитлер медлил с принятием решения. Он откладывал утверждение приказа о подготовке к прорыву до поздней ночи 6 февраля. В приказе он оговаривал условие, что его выполнение будет зависеть от дальнейшего хода событий. На самом деле после того, как войска приступали к подготовке прорыва, выполнение этой операции невозможно было отсрочить более чем на несколько дней. Ведь сосредоточение войск для атаки в юго-западной части периметра кольца было бы настолько плотным, что вся группировка прорыва оказывалась под угрозой уничтожения огнем артиллерии противника. 8-я армия передала приказ на прорыв сразу же после

его утверждения. Возглавить операцию должен был старший по званию из командиров корпусов генерал артиллерии Вильгельм Штеммерман. В течение следующих четырех дней В. Штеммерман проводил перегруппировку войск для прорыва, а III танковый корпус прокладывал себе дорогу через снег, распутицу и туман, стараясь при этом сохранить достаточное количество танков для решительного удара, назначенного на 11 февраля. В темное время суток 8 февраля самолеты доставили окруженным немцам 100 тонн боеприпасов. 10 февраля они снова приземлились в кольце, доставив еще 100 тонн боеприпасов, несколько тонн горючего и эвакуировав 400 раненых. 10 февраля земля еще больше размокла от дождя. Тем не менее Э. Манштейн и О. Вёлер решили, что попытка прорыва состоится на следующий день, поскольку XI корпус, из трех дивизий которого только одна была в боеготовом состоянии, находился на грани катастрофы. III танковый корпус получил приказ начинать решительное наступление 11 февраля «несмотря ни на что».

Подгоняемые чувством, близким к отчаянию, рано утром 11 февраля войска III танкового корпуса перешли в наступление. Его передовые части, движение которых задерживала скорее распутица, чем сопротивление советских войск (обычное оправдание неудач. — *Ред.*), устремились к южной окраине Лысянки, к узкому, но довольно глубокому участку реки Гнилой Тикич. Штаб армии приказал корпусу форсировать реку и продолжать движение на север, максимально используя свою пусть и очень незначительную инерцию движения. Но уже к исходу дня из корпуса поступил доклад, что это невозможно. Была необходима остановка для пополнения запасов горючего: из-за погоды танки жгли в три раза больше топлива, чем предусматривали нормы снабжения.

Встречное наступление из окружения началось незадолго до полуночи 11-го числа. Русских удалось застать врасплох, поэтому окруженным удалось продвинуться из юго-западного участка кольца примерно на 2 км до сел Хильки и Комаровка. Но уже на следующий день войскам В. Штеммермана пришлось удерживать этот рубеж, отражая яростные контратаки советских войск. Несмотря на категорический приказ штаба армии «теперь или никогда», III танковый корпус оставался на реке Гнилой Тикич на целый день, так как дожди и теплая погода замедляли доставку боеприпасов и горючего для танков.

13 февраля III танковый корпус частью сил форсировал Гнилой Тикич и начал продвижение к северной окраине Лысянки. На рубеже Хильки—Комаровка русские и немцы вели непрерывные бои, в которых ни одной из сторон не удавалось одержать верх. Шаг за шагом III танковый корпус продолжал наступление, но на следующий день его войскам пришлось остановиться под контрударами русских, а также из-за сильного снегопада и распутицы. 1-я танковая дивизия и полк тяжелых танков Ваеке были последними силами,

которые корпус смог бросить в наступление в северном направлении. Полк тяжелых танков, на вооружении которого стояли танки «Тигр», за три недели добился удивительного рекорда, уничтожив 400 советских танков. Но и в самом полку осталось всего шесть танков. В ночь, когда после дневных боев стало ясно, что III танковому корпусу не удастся вовремя пробиться к окруженным войскам, О. Вёлер разрешил В. Штеммерману отвести северо-восточный участок обороны за реку Рось и приказал ему сосредоточить все войска, которые тот сможет собрать, для удара с рубежа Хильки—Комаровка в направлении на Журженцы и тем самым пройти примерно половину пути до Лысянки.

1-й танковой дивизии с полком тяжелых танков на острие наступления удалось еще несколько продвинуться в течение дня 15 февраля. Но ее войска так и не смогли выйти к Журженцам или высоте 239.0, господствующей над грядой холмов южнее города и являвшейся самой высокой точкой на подступах к району кольца окружения. По поступившему из 1-й танковой армии донесению, III танковому корпусу явно не хватало сил для того, чтобы пробиться к кольцу. Э. Манштейн тоже пришел к такому же выводу. Потом он подумал, что прорыв может быть осуществлен традиционным методом растягивания двух встречных участков фронта навстречу друг другу до тех пор, пока они не соединятся. Но и это было явно невозможно. Тогда он приказал О. Вёлера дать указания В. Штеммерману сосредоточить все силы для решительной попытки по принципу «все или ничего».

В приказе О. Вёлера В. Штеммерману говорилось, что его войска должны были выйти к Журженцам или высоте 239.0 собственными силами. Всю артиллерию необходимо собрать на участке, где предполагалось пробить брешь в русском фронте. Возглавить ударную группировку было решено поручить командиру XXXXII армейского корпуса генерал-лейтенанту Теобальду Либу. В. Штеммерман ответил, что прорыв начнется, как и было приказано, в 23.00 16 февраля.

## Прорыв

16 февраля стал для всех днем испытания крепости нервов. За последние несколько дней мокрый снег накрыл своим одеялом привычную грязь, глубина которой в оврагах и промоинах доходила до одного метра. Осажденным войскам снег наконец дал некоторую передышку от ударов советской авиации и позволил скрытно сосредоточиться для прорыва, что при иных условиях было бы сложным на участке, сузившемся до 10 км. Т. Либ отметил в своем дневнике, что, когда снег прекратился, с его командного пункта стал виден практически весь участок, на котором располагались окруженные корпуса.



Утром Э. Манштейн приказал начинать атаку без артиллерийской подготовки. Артиллерию следовало развернуть таким образом, чтобы она смогла обеспечить поддержку прорывавшимся войскам сразу же, как только они столкнутся с сильным противодействием противника. Во второй половине дня русские снова заняли Комаровку, служившую южным опорным пунктом фронта прорыва. С учетом этого В. Штеммерману пришлось изменить первоначальный план. Потеря Комаровки серьезно осложняла обстановку на южном участке прорыва, особенно для тех частей, которые должны были двигаться во втором эшелоне.

Днем 1-я танковая дивизия, по-прежнему имея в первом эшелоне полк тяжелых танков, снова попыталась выйти к Журженцам, но ей не удалось продавить фронт дальше северной окраины Лысянки. Трем танкам из состава действующего на острие удара полка тяжелых танков сначала удалось подняться на высоту 239,0, но мощный огонь с флангов вынудил их отойти назад на 400 м. До ночи танкистам не удалось больше ничего сделать. 1-я танковая армия сосредоточила на ближайшей железнодорожной станции за линией фронта санитарные поезда. На аэродром Умань были стянуты транспортные самолеты Ju-52 для вывоза раненых. В ту ночь Э. Манштейн находился на своем поезде в Умани, где располагался штаб 1-й танковой армии.

Севернее села Хильки на исходном рубеже В. Штеммерман сосредоточил для прорыва корпусную группу «Б» в составе 112-й пехотной дивизии и остатков двух других дивизий. В центре развернулась 72-я пехотная дивизия, а на южном участке — дивизия СС «Викинг». После потери Комаровки двум последним соединениям пришлось сосредоточиваться в секторе, предназначенном для одной дивизии, что в последний момент вызвало некоторую путаницу. Каждая из дивизий развернула в первом эшелоне по одному полку с артиллерией, а за ними сосредоточила еще по два полка. В. Штеммерман лично принял командование арьергардом в составе 57-й и 88-й пехотных дивизий, которые должны были последовательно отступать на три рубежа. К первому рубежу предполагалось выйти к 23.00 16 февраля; последний рубеж проходил примерно по рубежу сосредоточения ударной группировки для прорыва. 389-я пехотная дивизия, шестая (даже немцы упоминают свыше 8 дивизий. — *Ред.*) в составе окруженных войск, прекратила свое существование неделей раньше. Последние 200 человек из ее состава были переданы в 57-ю пехотную дивизию. Всего в котле окружения находилось 45 тыс. немецких солдат и офицеров и русских из состава вспомогательной службы, в том числе 1,5 тыс. раненых, которые должны были следовать во втором эшелоне.

Прорыв, как и планировалось, начался в 23.00 16 февраля. Стремительным броском вперед с использованием только ножей и штыков три передовых полка прорвали первую и основную позиции

русских, которые даже не успели сообразить, что происходит. Полк корпусной группы «Б» больше не вступал в соприкосновение с советскими войсками до тех пор, пока не вышел на занятый русскими рубеж Журженцы — высота 239.0, который преодолел также легко. Далее он двигался на белые сигнальные огни, которыми 1-я танковая армия обозначала свое местонахождение. Полк вышел к северной окраине Лысянки к 5.00.

Полку 72-й пехотной дивизии повезло даже еще больше. Выйдя на дорогу, ведущую в Журженцы с юго-востока, немцы столкнулись с четырьмя советскими танками и колонной грузовиков, направлявшейся в сторону города. Кто-то подал команду «Стой!», танки остановились и позволили немцам спокойно перейти дорогу. Русские не поняли своей ошибки до тех пор, пока дорогу не перешла артиллерийская батарея, когда было уже слишком поздно. Полк быстро исчез в темноте, не обращая внимания на танки, которым к тому времени пришлось отвлечься на другие немецкие подразделения, следующие позади. Вскоре он вышел на позиции 1-й танковой армии севернее Лысянки.

К полку СС удача была не настолько благосклонной. Продвигаясь на Журженцы с востока, его войска столкнулись с интенсивным огнем крупнокалиберных пулеметов, противотанковых и танковых орудий, который русские вели из поселка. Немцам пришлось выделить один батальон для того, чтобы отбросить русских, а оставшимися силами развернуться на юг, возможно, для того, чтобы уйти от мощного огня танковых орудий, который русские вели с направления высоты 239.0. В результате этого маневра полк удлинил свой путь и оказался восточнее реки Гнилой Тикич. Для того чтобы выйти к Лысянке, немцам пришлось переправляться через реку. А это можно было сделать только вплавь. Все тяжелое вооружение, которое удалось доставить до этого рубежа, пришлось оставить на восточном берегу. Большую часть стрелкового оружия эсэсовцы также побросали в воду. Но, даже несмотря на это, многие утонули в ледяной воде, став первыми из сотен, а может быть, тысяч их товарищей, которых в тот день постигла та же участь.

Вторая волна прорыва следовала за первой с интервалом 10 минут. По мере продвижения немцы постепенно избавлялись от тяжелой техники. В. Штеммерман приказал уничтожить все транспортные средства, за исключением танков, штурмовых орудий, гусеничных тягачей и достаточного количества повозок для перевозки получивших ранение во время прорыва. И все же у немцев оставалось еще достаточно транспортных средств для того, чтобы на дорогах за передним краем образовались пробки, особенно если учесть, что многие подразделения этот приказ не выполнили и пытались захватить с собой тяжело груженные автомашины и повозки, которые застревали в пути. В попытке сохранить часть транспортных средств, танки и тя-

желую технику немцам пришлось буквально вести войну с местностью. Многие из того, что вышло из села Хильки, пришлось бросить на дне лощины в 2 км от него к югу. Та техника, которой удалось продолжить путь дальше, за исключением немногих повозок с лошадьми, постепенно терялась, застревая в снегу и грязи. Много техники застряло в районе холмов вокруг высоты 239.0. Часть транспорта повернула на юг, и некоторым машинам удалось добраться до реки Гнилой Тикич только за тем, чтобы быть оставленными на ее болотистом берегу.

В течение ночи командный пункт В. Штеммермана находился в Хильках; при этом большую часть времени связь с подчиненными отсутствовала. Танки, пехота и огонь русской артиллерии повредили большую часть телефонных линий, а отданное в последний момент распоряжение переместить все радиостанции с грузовых автомашин на телеги привело к тому, что почти все они были выведены из строя. В 3.00, определив по удаляющимся звукам боя, что прорыв прошел успешно, В. Штеммерман передал по радио и с посыльными приказ двум дивизиям авангарда в течение трех часов отойти на второй и третий промежуточные рубежи, а затем прорываться на юго-запад, к Лысянке. Через час он вместе со штабом корпуса и последней волной группы прорыва «Б» выехал из поселка Хильки, намереваясь оборудовать новый командный пункт примерно на полпути на Журженцы. Южнее поселка, в неразберихе масс войск и техники, генерал оказался отделенным от своего штаба. Позже один из солдат рассказывал, что он посадил В. Штеммермана на свою телегу незадолго до того, как в результате разрыва русского снаряда того разнесло на куски.

В 3.30 генерал Т. Либ и офицеры его штаба верхом на лошадях пристроились в хвост последней отступавшей колонне 72-й пехотной дивизии. Через полчаса они пересекли лощину южнее поселка Хильки, к тому времени полную наполовину сгоревшими машинами, изуродованными до неузнаваемости в результате атаки русских танков и огня противотанковой артиллерии из Комаровки. К рассвету они находились западнее Журженцев. Туда доносились звуки ожесточенного боя из города, района высоты 239.0 и леса южнее, в то время как их колонна быстро продвигалась в сторону высоты. Пока немцы приближались к высоте 239.0, русские поливали их огнем ствольной и реактивной артиллерии и сосредоточенных на опушке леса танков. Миновав этот участок, войска повернули на юг.

Когда начальник штаба корпуса Т. Либа к утру вышел к реке Гнилой Тикич, он обнаружил там несколько тысяч немецких солдат, которые пытались переправиться через реку вплавь. Некоторые просто бросили свое оружие на берегу, другие предпринимали попытки, большей частью безуспешные, перебросить его через реку, ширина которой на этом участке составляла примерно 15 м. Многие утонули, еще больше было тех, кого смерть застала на противоположном бе-

регу. К концу дня, предприняв все попытки для того, чтобы хоть как-то упорядочить переправу, Т. Либ с начальником штаба корпуса переплыли реку и присоединились к бесконечной колонне безоружных, полураздетых солдат, угрюмо карабкающихся вверх по заснеженному берегу реки Гнилой Тикич и направляющихся к Лысянке.

Начальник штаба корпуса В. Штеммермана, прибывший к реке с дивизиями арьергарда, вскоре убедился, что, как только стемнело, исчезло любое подобие порядка при переправе. К тому времени русские уже ясно представляли себе, что происходит, и, как только немцы выходили в район западнее Комаровки, они сразу же подвергались интенсивному огню пулеметов, минометов и артиллерии. Немецкие солдаты пытались прятаться от огня противника в ложбинах и оврагах. Части полностью смешались, каждый думал лишь о том, чтобы выйти из-под огня в безопасное место. Поскольку самый мощный огонь советские войска вели из района Журженцев и высоты 239.0, практически весь поток отступающих, за исключением отдельных незначительных групп солдат, которые направились к северной окраине Лысянки, повернул на юг, к излучине реки Гнилой Тикич.

Всего из окружения вышло 30 тыс. немецких солдат и офицеров (по советским данным, в котле погибло 55 тыс. (а всего в боях здесь убито 82 тыс. немцев), в плен взято в котле 18,2 тыс. Наши войска потеряли свыше 24 тыс. убитыми и 56 тыс. ранеными. — *Ред.*) Э. Манштейн и оба командующих армиями вздохнули с облегчением, получив радостную весть о таком большом количестве спасшихся. Даже Гитлер позволил себе лишь что-то коротко проворчать по поводу потерянной техники. С другой стороны, психологическое состояние вышедших из окружения повергло командование группы армий и армий в шок. Танкисты полка тяжелых танков, которым неделями приходилось недоедать и вести непрекращающиеся бои, с удивлением обнаружили, что физическое состояние первых вышедших из окружения на их участок подразделений более чем удовлетворительное. Но еще более их удивило то, что как солдаты, так и офицеры категорически отказывались остаться на переднем крае и помочь своим отставшим товарищам. 17 февраля Э. Манштейн понял, что ему придется направить выживших в Польшу для отдыха и восстановления. Командование 1-й танковой армии докладывало: «Необходимо признать, что, поскольку с 28 января войска находились в окружении, они сознательно или подсознательно видели перед глазами судьбу осажденных под Сталинградом». Далее отмечалось, что «внутренний след» от этого останется навсегда. И наконец, отмечалось: «Никто не станет оспаривать то, что только немногие из солдат обладают врожденной твердостью (в отличие от прочих, у которых она должна вырабатываться военной дисциплиной), которая делает их способными пережить подобное напряжение более чем один раз».

Когда под контроль 6-й армии перешла зона ответственности 1-й танковой армии в нижней части большой излучины Днепра, она была поставлена перед необходимостью выполнения неблагодарной задачи (подобно той, которая выпала 17-й армии в Крыму) оборонять плохо приспособленный для этого участок. Тем самым на долю военных выпала миссия сохранить для Германии важные в экономическом отношении районы криворожских месторождений железной руды и никопольского марганца (см. карту 21).

Для того чтобы быть уверенным, что наиболее важный участок фронта 6-й армии будет удерживаться любой ценой, Гитлер в конце октября 1943 г. поручил командование войсками трех корпусов внутри излучины и на плацдарме генералу горнострелковых войск Фердинанду Шернеру. Ф. Шернер был генералом «новой волны», убежденным нацистом, репутация которого как военачальника зиждилась на двух качествах: энергичности и решительности. Его отличало стремление наладить обстановку товарищества и взаимовыручки в подчиненных войсках, доходящее порой до крайности и выразившееся в чрезмерной суровости и даже жестокости в обращении с подчиненными. Прежде Ф. Шернер командовал XIX горнострелковым корпусом в Северной Финляндии, где его лозунгом стало: «Арктики не существует».

До конца года у Ф. Шернера было мало шансов применить свои таланты в том способе ведения войны, за который ратовал Гитлер. Севернее участка 6-й армии русские так глубоко вклинились в немецкую оборону западнее Днепра, что фронт обороны армии принял форму прямого угла. Примерно половина участка, где оборонялись три корпуса Ф. Шернера, была обращена на юго-восток. Это все, что осталось от прежнего Днепровского рубежа. Участок был хорошо подготовлен к обороне, но позади войск расстилалась бескрайняя гладь льда зимнего Днепра, испещренная многочисленными полыньями от подледных течений, где вода не замерзала и зимой. Для связи с плацдармом были оборудованы временные мосты севернее и восточнее Никополя и еще два однополосных понтонных моста на самом южном участке около Великой Лепетихи.

Вторая половина фронта 6-й армии, обращенная на север и несколько на восток, представляла собой тонкую линию обороны в открытой степи, которую под прямым углом пересекали многочисленные овраги и притоки пяти крупных рек. Она проходила в 30 км севернее Кривого Рога и 45 км севернее станции Апостолово, железнодорожного узла, откуда одна из железнодорожных веток, которая пока еще использовалась в интересах армии, вела на север.

Единственной дорогой, которую можно было использовать при любой погоде, была так называемая магистраль № 4, которая к тому времени проходила слишком близко от переднего края и поэтому использовалась исключительно в ограниченных целях, обеспечивая



транспортное сообщение в районе Кривого Рога. Полное отсутствие поблизости гравия или другого подходящего материала делало невозможной даже попытку проложить дороги с твердым покрытием по мягкому и глубокому глинистому грунту. При сырой погоде, пока земля еще не замерзла (а такая погода держалась практически всю зиму 1943/44 г.), единственными доступными транспортными средствами для этой местности были гусеничная техника и поезда. Таким образом, для того чтобы отрезать Ф. Шернера и три его корпуса от баз снабжения, русским было достаточно продвинуться на 45 км до станции Апостолово.

Для советской стороны выступ, который представлял собой участок обороны 6-й немецкой армии, являлся препятствием для дальнейшего продвижения правого фланга 3-го Украинского фронта. Кроме того, он не позволял 4-му Украинскому фронту осуществить решительное наступление в Крым, где оборонялась немецкая 17-я армия. К тому же такая конфигурация фронта давала почти идеальную возможность для двойного охватывающего удара, и А.М. Василевский по поручению Ставки должен был ею воспользоваться.

После пришедших в начале января холодов, когда земля достаточно замерзла для действий танков, 10-го числа началось наступление 3-го Украинского фронта. Под прикрытием завесы огня 220-мм артиллерийских орудий и большого количества реактивных артиллерийских установок 80 советских танков на участке шириной 6 км начали продвижение на юг западнее реки Бузулук. За танками двумя эшелонами наступали 9 стрелковых дивизий, которые должны были развить прорыв. Однако в результате одной из тех тактических заминок, которые все еще были характерны для советского командования, пехота русских не смогла угнаться за танками. В 5 км от линии фронта две немецкие танковые дивизии остановили русские танки и после нескольких часов боя уничтожили две трети из них. Несмотря на попытки артиллерии огнем пробить дорогу пехоте, до конца дня немцам удалось ликвидировать прорыв и почти восстановить первоначальное положение. Русским удалось отвоевать лишь около 1,5—2 км. (Это была разведка боем 1-й танковой бригады и пехоты. — *Ред.*)

В течение последующих трех дней Р.Я. Малиновскому удалось сосредоточить на участке прорыва такое количество пехоты, что она лишь за счет своей массы смогла оттеснить немцев еще примерно на 8 км. Потери этих 8 км 6-я армия не могла себе позволить, и ее командующий генерал К. Холлидт решил снять с плацдарма 24-ю танковую дивизию для нанесения контрудара. Но прежде чем дивизия смогла подготовиться к переброске, войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление южнее Никополя на самом узком участке

плацдарма. К. Холлидт оказался перед лицом выбора: либо смириться с потерей этих 8 км на севере, либо, возможно, отступить на плацдарме, где потеря даже 2—3 км территории могла привести к фатальным последствиям. Он предпочел выбрать первое, что впоследствии привело, как писали в дневнике армии, «к боям на двух фронтах, в которых ни один не мог обеспечить поддержку другого». 16 января, сумев лишь несколько смять оборону немцев на плацдарме (также разведка боем. — *Ред.*), русские прекратили наступление как на этом, так и на северном участке.

В течение последующих десяти дней шансы 6-й армии удержаться на занимаемых позициях резко упали. В результате наступившей оттепели земля превратилась в мягкую грязную жижу. А.М. Василевский воспользовался плотным туманом, который держался несколько дней, начиная с 19 января, и сумел скрытно подтянуть гвардейский механизированный корпус и два гвардейских стрелковых корпуса из района плацдарма к северному участку обороны 6-й армии, тем самым более чем удвоив свои силы на этом направлении. Для того чтобы скрыть переброску войск, 4-й Украинский фронт имитировал плотный транспортный поток в направлении на Крым. На позиции, с которых снимались танки, устанавливались их макеты.

К. Холлидт, которого удивило то, что русские отказались развивать начатое на плацдарме наступление, понял, что теперь судьба войск на плацдарме будет решаться на северном участке фронта. Для того чтобы создать сильный мобильный резерв, он решил отвести с переднего края четыре танковые дивизии и свести их в танковый корпус, развернув его за северным участком во втором эшелоне. 24 января это еще казалось реальным, но в течение следующих четырех дней генералу пришлось отказаться сначала от одной пехотной дивизии, которую пришлось отправить в Крым, затем силы, примерно равные двум пехотным дивизиям, были переданы 8-й армии, и, наконец, туда же пришлось перебросить самое мощное соединение 6-й армии — 24-ю танковую дивизию. В конце концов оказалось, что в качестве резерва 6-я армия смогла выделить только 9-ю танковую дивизию, которая имела мало пехоты и артиллерии и в которой осталось всего 13 танков, примерно одна треть от ее состава на тот момент. После потери четырех дивизий в 6-й армии осталось 20 дивизий, численность боевых частей которых составляла примерно по 2,5 тыс. человек. (У немцев имелось 540 тыс. человек, 2416 орудий и минометов калибра 75 мм и выше, 327 танков и штурмовых орудий. — *Ред.*) Против них 3-й и 4-й Украинский фронты смогли сосредоточить 51 (47. — *Ред.*) стрелковую дивизию, половина из которых была полностью укомплектована, 2 механизированных корпуса, 2 танковых (1. — *Ред.*) корпуса (также 1-й кавалерийский корпус. — *Ред.*) и 6 танковых бригад (по людям советские войска превосходили немцев незначительно, по артиллерии в 3 раза, в авиации в 2 раза. А танков у



немцев было больше (!). Всего у нас было 705 тыс. человек, 7796 орудий и минометов 76 мм и выше, 238 танков и самоходных орудий. — *Ред.*)

Утром 30 января, в течение одного часа обрушив на немецкий передний край град артиллерийских снарядов, 3-й Украинский фронт начал мощное наступление силами пехоты на 7-километровом участке фронта в полосе XXX армейского корпуса западнее реки Бузулук. На этот раз танки шли за пехотой в ожидании, пока та пробьет брешь в обороне противника. Но немецкая артиллерия организовала заградительный огонь, который поражал русских солдат еще на подступах к переднему краю. Советские войска смешались, и наступление свелось к нескольким беспорядочным перестрелкам.

На следующий день под прикрытием еще более мощного огня артиллерии Р.Я. Малиновский повторил попытку атаковать силами пехоты при поддержке 130 танков и 300 самолетов. В результате удалось вклиниться на 4 км в южном направлении на участке фронта 10 км. Прорвать оборону XXX армейского корпуса снова не удалось. К. Холлидт отвел 23-ю танковую дивизию с переднего края на запад, в глубину обороны. Силами этого соединения, а также 9-й танковой дивизии и одной из пехотных дивизий, переброшенной с плацдарма, он планировал нанести контрудар прорвавшимся советским войскам. В то же время 4-му Украинскому фронту удалось глубоко вклиниться в оборону немцев на южном участке плацдарма на направлении на Великую Лепетиху. И снова все силы немцев на обоих участках фронта, за исключением двух ослабленных танковых дивизий, оказались связаны. В конце дня К. Холлидт проинформировал командование группы армий «Юг», что, если противнику удастся прорыв на севере, 6-я армия окажется в безвыходном положении. Он просил разрешения эвакуировать плацдарм и отвести войска на рубеж по реке Каменка.

Но было уже поздно. 1 февраля советские танки с десантом пехоты сразу на нескольких участках прорвали оборону XXX армейского корпуса, после того как оборонявшиеся там танки и штурмовые орудия израсходовали последние боеприпасы. До наступления ночи русским удалось пробить 10-километровую брешь в линии фронта в районе западнее Бузулука. В доходившей до колен грязи они имели преимущество над противником в мобильности. Широкие гусеницы повышали проходимость советских танков, а американские грузовые машины и полугусеничные тягачи, хотя и двигались медленнее, все равно могли двигаться по самой труднопроходимой местности. Кроме того, русские использовали и транспортные средства совсем иного технологического уровня, а именно небольшие телеги с высокими колесами на конной тяге. Немцы могли противопоставить этому собственный грузовой транспорт, представлявший собой, как правило, двухосные гражданские машины, которые не могли справиться с труднопроходимыми дорогами.

Их тягачи были хорошего качества, но их было слишком мало. Большую часть времени немецкие танки тщетно пытались пробиться сквозь грязь. Проходимость штурмовых орудий была выше.

2 февраля, когда 23-я и 9-я танковые дивизии тщетно боролись с распутицей в попытке нанести противнику фланговый удар, советская 8-я гвардейская армия заняла Шолохово, а механизированный корпус (4-й гвардейский. — *Ред.*) совершил маневр на запад и форсировал реку Каменка. К концу дня советские войска находились в 8 км к северу от жизненно важной для немцев железной дороги на Никополь, в 15 км севернее Днепра, а также заняли значительную часть рубежа по реке Каменка, куда рассчитывал отвести свои войска К. Холлидт. В 18.45 К. Цейцлер позвонил командующему группой армий «А» Э. Клейсту и предложил ему немедленно принять под свое командование и 6-ю армию. Гитлер утвердил решение об отводе войск на рубеж по реке Каменка. Он хотел, чтобы войска продолжали удерживать небольшой плацдарм в районе Великой Лепетики; кроме того, он ожидал, что после сокращения линии фронта армия сможет высвободить две дивизии. Одну из них он намеревался отправить в Крым, а вторую — в район нижнего течения Днепра. Для того чтобы быть уверенным в том, что эти соединения действительно будут отправлены туда, куда прикажет фюрер, он и вывел 6-ю армию из подчинения Э. Манштейну.

4 февраля командование 6-й армии приказало Ф. Шернеру начинать отвод войск с плацдарма. К счастью для немцев, две дивизии уже стояли в районе восточнее Никополя. 3-го числа армии удалось отправить по железной дороге эшелон боеприпасов. В течение следующих двух дней подвижной состав можно было использовать для челночных перевозок личного состава, прибывающего после переправы через Днепр, к реке Бузулук, где должен был создаваться новый оборонительный рубеж фронтом на запад. Ф. Шернер принял болезненное, но необходимое решение об уничтожении тяжелой техники, за исключением артиллерии на конной тяге ицелевых гусеничных машин. В результате войска удалось вывести быстрее, сохранив их силы и избежав необходимости заставлять их бесполезно тратить энергию на вытаскивание из грязи автомашин и артиллерийских орудий.

Западнее Днепра XXX армейский корпус остался совсем без грузового автотранспорта. Его войска были разбиты на группы силами до взвода. Никто, начиная с командующего корпусом, не взял с собой ничего, кроме того, что мог нести сам. Многие солдаты потеряли обувь в грязи. Справа от корпуса 9-я танковая дивизия вышла к Каменке, рубеж по которой она удерживала достаточно долго для того, чтобы несколько замедлить советское наступление на Апостолово.

В свою очередь, Р.Я. Малиновский, линии снабжения войск которого удлинлись, тоже испытывал проблемы с продвижением по размытым дорогам, которые он еще более осложнил применением экстравагантных тактических приемов. 4 февраля передовые части 8-й гвардейской армии вышли к Апостолово. В течение следующих нескольких дней русские подтянули туда же 46-ю армию и попытались развить успех западнее Апостолово и обойти Кривой Рог с юга. Одновременно 8-я гвардейская армия вместо того, чтобы пройти 15 км от Шолохово к Днепру, что позволило бы как минимум полностью отрезать один из корпусов Ф. Шернера, нанесла удар из окрестностей Апостолово в направлении крайнего южного участка плацдарма, находившегося в 40 км южнее.

К 4 февраля Ф. Шернер держал за Днепром две дивизии в готовности блокировать русских южнее Шолохово. В то время перед К. Холлидтом стоял выбор либо через коридор южнее Шолохово просто вывести войска с внутренней стороны излучины Днепра и северного участка плацдарма, либо попытаться нанести удар в северо-западном направлении с опорного пункта в нижнем течении реки Каменка в направлении правого фланга XXX армейского корпуса, который все еще проходил по реке Каменка севернее Апостолово. Первый вариант, как понимал генерал, предполагал использование значительной части сил 9-й и 24-й танковых дивизий (последнюю 4-го числа вернули в 6-ю армию), которые должны были бы найти пути отхода южнее района развертывания корпусов Ф. Шернера. С тактической точки зрения больше ничего добиться не удалось бы. Во втором случае дивизии Ф. Шернера не только могли бы выйти из тупика, но и получали шанс вновь вернуть рубеж по реке Каменка. Этот план стал казаться еще более заманчивым через несколько дней, когда выяснилось, что Ф. Шернер может свободно маневрировать своими войсками, а удары русских не дали результатов.

К 5 февраля 9-я танковая дивизия после трех дней тяжелых боев в районах Каменки и Апостолово потеряла почти весь свой личный состав. К. Холлидт доложил командованию, что войска Ф. Шернера не смогут самостоятельно осуществить прорыв, и предложил оставить небольшой плацдарм восточнее Великой Лепетихи для трех дивизий, необходимых для нанесения удара на юг. Э. Клейст отправил соответствующее предложение в ОКХ. Ему ответили, что Гитлер все еще надеется сохранить этот небольшой плацдарм, но оставляет за командованием группы армий право решения о том, будут оттуда выведены дивизии или нет. На следующее утро Э. Клейст разрешил К. Холлидту эвакуировать плацдарм у Великой Лепетихи.

7 февраля последние немецкие части оставили район восточнее Никополя, переправились через Днепр и взорвали за собой мост. На следующий день один из корпусов Ф. Шернера, а именно IV танковый корпус, нанес удар русским с запада, в то время как

XXVII армейский корпус, отходивший из излучины Днепра, прикрывал его тыл. За три дня IV танковому корпусу удалось несколько продвинуться вперед. 10 февраля 9-я танковая дивизия и часть сил 24-й танковой дивизии вышли на оперативный простор южнее Апостолово, серьезно потрепав войска русского 4-го гвардейского механизированного корпуса. Одновременно две дивизии отошли с плацдарма в районе Великой Лепетихи вдоль западного берега Днепра, а третья дивизия передислоцировалась севернее, в район южнее Апостолово.

Но движение в значительной мере замедлялось распутицей и ударами русских. После того как 11-го числа IV танковому корпусу совсем не удалось пробиться вперед, командование отдало ему приказ прекратить движение. Одновременно 9-я и 24-я танковые дивизии получили указание совершить маневр на восток, а войска Ф. Шернера — повернуть на юг, подрубив южный участок наступающих советских войск и восстановив контакт друг с другом. Вечером 12 февраля Э. Клейст проинформировал ОКХ, что 6-я армия может на время залатать дырки во фронте, но не сможет удержать его. В любой момент русские могли нанести удар либо к южному течению Днепра, либо севернее, через Кривой Рог. Он предложил сначала отвести группу армий «А» и правый фланг группы армий «Юг» на промежуточный рубеж по реке Ингул к Нижнему Бугу, а затем отвести обе группы армий на оборонительный рубеж по реке Буг.

Во второй половине февраля на всем южном участке Восточного фронта немецкие войска находились почти в парализованном состоянии. 18 февраля Э. Клейст ходатайствовал перед ОКХ о разрешении отступить войскам группы армий «А» и большей части сил группы армий «Юг» к реке Буг. Для того чтобы сделать это предложение более приемлемым с точки зрения Гитлера, Э. Клейст предложил продолжать удерживать несколько больших плацдармов, с которых в дальнейшем предполагалось перейти в наступление с целью вернуть утраченные территории. Идея отступления на юг была не нова: и Э. Манштейн, и Э. Клейст уже вносили это предложение раньше. Затем Э. Манштейн и К. Цейцлер внесли это предложение повторно. Как полагал К. Цейцлер, отступление было неизбежно. Но ничего подобного не произошло.

19 февраля 6-й армии удалось закрыть последний разрыв в линии фронта юго-западнее Апостолово. За день до этого Ф. Шернер отбыл из войск для получения назначения на пост руководителя корпуса национал-социалистического руководства, организации, отвечавшей за политическое воспитание в армии. Еще через два дня, 21 февраля, русские вышли к внешнему оборонительному рубежу у Кривого Рога. Как и в районе Никополя, там были взорваны шахты, эвакуировано трудоспособное население и имущество, которое можно было вывезти, за исключением 100 тыс. тонн железной руды. Для

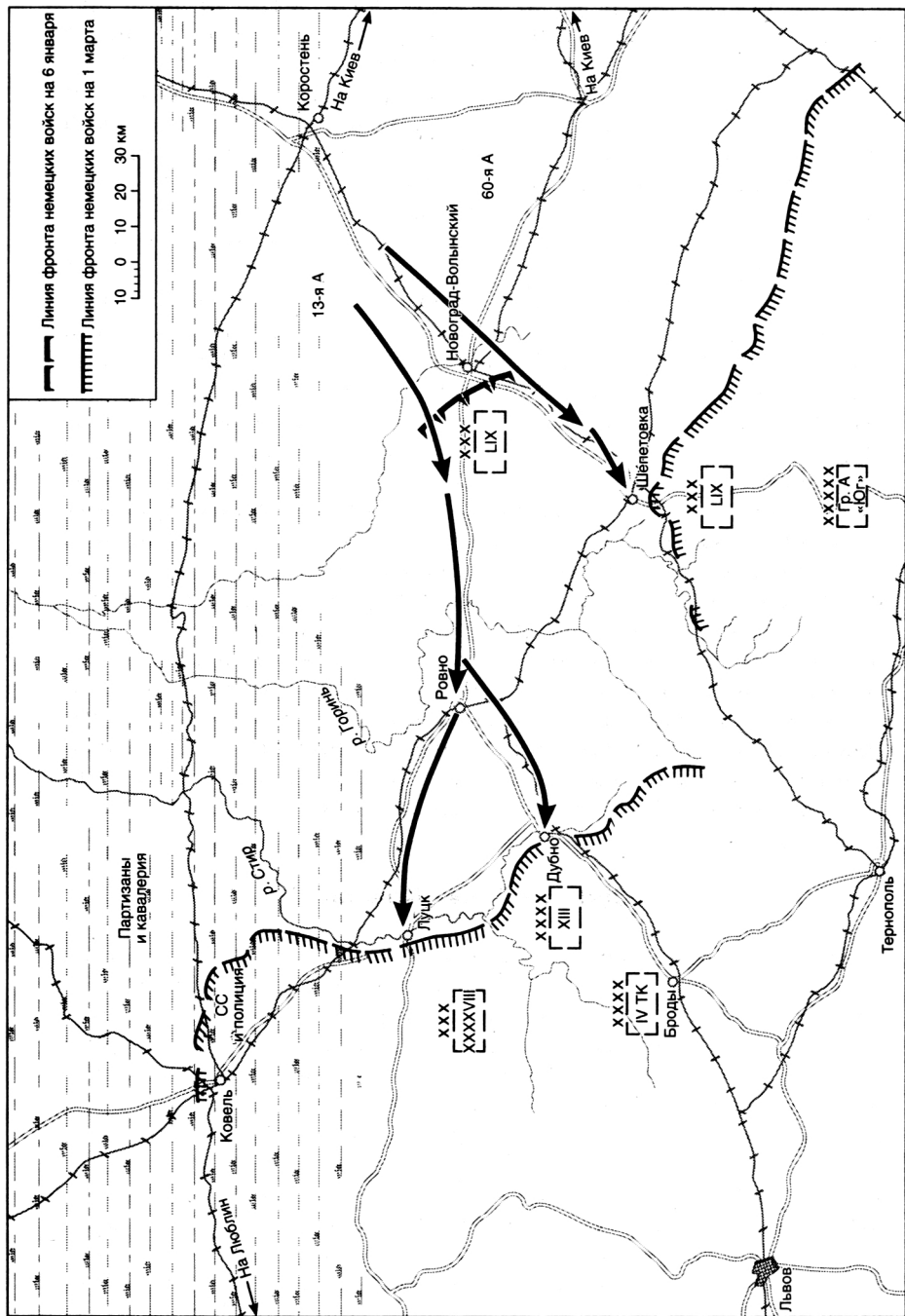
того чтобы избежать кровопролитных боев в городе, Э. Клейст приказал войскам армии отступить за его пределы. После этого Гитлер, как всегда, с неохотой разрешил 6-й армии отступить за реку Ингулец на юг, к Архангельскому. В то же время он настаивал на том, чтобы армия продолжала удерживать позиции на Днестре, ниже по течению от села Дудчаны. Днепр, конечно, представлял собой лучшее естественное препятствие для противника, чем извилистый Ингулец. С другой стороны, оставляя войска на Днестре, Гитлер вновь искусственно создавал крупный выступ в линии фронта в сторону противника.

К тому времени у немцев на левом фланге, там, где левофланговый корпус 6-й армии и правофланговый корпус 8-й армии удерживали небольшой плацдарм между Кировоградом и Кривым Рогом, появилась новая проблема. И.С. Конев сосредоточил на правом фланге 8-й армии значительные силы. Было похоже, что его войска готовились вот-вот нанести удар на юго-запад. Полностью озабоченный обстановкой на левом фланге, Э. Манштейн предоставил беспокоиться о правом фланге 8-й армии командованию группы армий «А».

К концу месяца советское наступление все еще не начиналось. 6-я армия постепенно отходила к реке Ингулец, в то время как южный участок фронта все еще проходил по реке Днепр, где дрейфующий лед препятствовал переправе советских войск. Тем самым немцам была предоставлена очередная передышка. В Берхтсгадене состоялась встреча между Гитлером и Й. Антонеску. Несмотря на то что румынский маршал настаивал на эвакуации Крыма по военным соображениям, независимо от политической реакции, которая должна была последовать за этим в мире, Гитлера ничто не могло поколебать в его убежденности, что полуостров необходимо удерживать.

### **Дубно—Луцк—Ковель**

Приказ Э. Манштейна 1-й и 4-й танковым армиям от 6 января был связан с двумя ударами противника. Первый удар наносился на юг, в сторону Жмеринки, в стык между флангами двух армий. Второй удар русские нанесли на северном участке 4-й танковой армии в направлении на Ровно и Шепетовку (см. карту 22). Поскольку большего успеха противнику удалось достичь в результате наступления на первом направлении, что грозило более значительными неприятностями в будущем, Э. Манштейн приказал войскам сосредоточиться на отражении именно этого наступления. Кроме того, он отдал приказ LIX армейскому корпусу продолжать прикрывать фланг 4-й танковой армии с севера и сосредоточить основные усилия на том, чтобы не допустить прорыва русских к Шепетовке. При этом часть сил корпуса должен был выделить для обороны Ровно.



Карта 22. Дубно—Луцьк—Ковель, 6 января — 1 марта 1944 г.

Отступая от Коростеня, LIX армейский корпус оставил Новоград-Волынский, открыв тем самым противнику путь к двум крупным шоссейным дорогам, первая из которых, шоссейная, вела на запад, к Ровно, а вторая, железная, — на юго-запад к Шепетовке. Эти дороги были особенно важны на болотисто-лесистой местности, примыкающей к Припятским болотам. Поскольку до Шепетовки было ближе и основные усилия советские танковые войска сосредоточивали скорее на юго-западном, чем на западном направлении, командование 4-й армии уже направило корпусу приказ о передислокации его штаба на этот участок с целью организовать прикрытие железной дороги.

В результате между советскими войсками и Ровно на участке, где шоссейная и железная дороги делали развилку на северо-запад, на Ковель и Люблин, и на юго-запад, в направлении на Дубно, Броды и Львов, у немцев оставалась только корпусная группа «Ц» в составе примерно одной пехотной дивизии и 454-я охранная дивизия. Две пехотные дивизии, составляющие главные силы LIX армейского корпуса, также оказались изолированными, однако по мере отступления к Шепетовке они все ближе подходили к центральному участку фронта 4-й танковой армии. Против LIX армейского корпуса действовали советские 60-я армия, которая наступала на Шепетовку, а также 13-я армия, которая разворачивалась на запад, в сторону Ровно.

Шепетовка и Ровно оставались последними крупными железнодорожными узлами западнее Киева, которые все еще оставались в руках немцев. В случае их потери противник обеспечивал себе полный контроль над железной дорогой, ведущей к флангу войск группы армий «Юг». Район Ровно мог быть использован для накопления войск при подготовке наступления на северо-запад, в направлении на Люблин, или, что сулило русским еще большие выгоды, на юго-запад, в направлении на Львов. Расстояние от Ровно до Львова и до главной артерии снабжения группы армий «Юг» составляло около 170 км, а от Шепетовки до Тернополя было примерно 130 км. Еще 50—70 км отделяли русских от Днестра и от предгорий Карпат.

Э. Манштейн, как всегда осторожно относившийся к угрозе войскам своего левого фланга, ничего не мог поделать, так как Гитлер настаивал на том, чтобы группа армий «А» и правый фланг группы армий «Юг» сохраняли свои позиции на востоке. Тем самым он представлял их под удары, которые русские могли одновременно наносить на нескольких направлениях. 14 января Э. Манштейн отдал приказ 4-й танковой армии перенести управление XIII армейского корпуса на север с передачей ему в подчинение корпусной группы «Ц» и 454-й охранной дивизии, которые все еще пытались удержать фронт по реке Горынь, в 30 км восточнее Ровно. Севернее советская кавалерия при поддержке партизанских групп уже действовала в

лесисто-болотистой местности в Припятских болотах, на Ковельском и Луцком направлениях. Здесь, в лесах, у немцев неожиданно обнаружили странные союзники в лице партизанских отрядов украинских националистов, которые ненавидели русских больше, чем немцев (они всегда были в контакте с немцами. — *Ред.*). Но, с точки зрения немецкого командования, ценность подобных групп была невелика из-за отсутствия у них единого командования и явного намерения убивать всех поляков и русских (а местных евреев, которых ненавидели еще больше, чем поляков, они, совместно с немцами, перебили раньше. — *Ред.*), даже тех, которые находились на службе в германской армии.

XIII армейскому корпусу была поставлена задача удерживать Ровно и не допустить захвата русскими шоссе и железной дороги западнее города, хотя никто всерьез не надеялся на то, что ее выполнение по силам войскам корпуса. 21 января командир корпуса доложил, что его войска не могут воспрепятствовать просачиванию советских войск через леса севернее Ровно и что он не имеет достаточно сил для того чтобы отбросить русских обратно. В конце месяца он доложил, что потеря Ровно является вопросом нескольких дней. Два советских кавалерийских корпуса, за перемещениями которых удавалось следить только с помощью авиации, продвигались через лес за городом и вскоре могли угрожать Луцку и Ковелю. 2 февраля русские вошли в Ровно. В тот же день советская кавалерия выбила немецкий гарнизон из Луцка и гнала его 60 км на запад.

В течение следующих двух недель левый фланг группы армий «Юг» был близок к полному развалу. Для того чтобы избежать окружения и защитить Львов, главным силам XIII армейского корпуса пришлось отступить к Дубно. На северном участке советская кавалерия сосредоточилась в районе западнее Луцка и практически вышла на окраины Ковеля. Пока XIII армейский корпус отходил к Дубно, город находился уже в полукольце окружения. Гитлер потребовал доложить ему, кто из генералов лично руководит обороной Дубно. Офицера, который прежде отвечал за оборону Ровно, он вызвал к себе в ставку и отдал под суд военного трибунала.

Еще до конца января в армейском штабе, в штабах группы армий и в ОКХ понимали, что для того, чтобы избежать полного разгрома, необходимо иметь на фланге еще несколько дивизий, но эти дивизии было просто неоткуда взять. Все, что они смогли туда перебросить в начале февраля, была полевая группа в составе 7-й танковой дивизии. К 9 февраля советский гвардейский кавалерийский корпус наступал западнее Дубно и, похоже, готовился атаковать город с тыла. На следующий день Э. Манштейн, который надеялся дождаться окончания боев в кольце окружения в районе Черкасс, решил, что больше ждать не имело смысла, и начал перебрасывать на фланг резервы. Он передал в состав XIII армейского корпуса 340-ю пехот-



ную дивизию (три пехотных батальона и два артиллерийских дивизиона). Одновременно XXXXVIII танковый корпус в составе 7-й и 8-й танковых дивизий и двух усиленных полков, переброшенных с территории Польши, начал сосредоточение для нанесения удара в северном и восточном направлении к реке Стырь и Ковелю.

XXXXVIII танковый корпус изготовился к удару в районе западнее Дубно в середине месяца, но непрекращающийся снег задержал наступление до 22 февраля. Наступление осуществлялось хорошими темпами, и к 27 февраля войска корпуса вышли к Луцку и реке Стырь по обоим берегам. Отсюда корпус повернул на север, и к концу месяца его войска организовали линию опорных пунктов от Ковеля к району западнее Дубно, где находился левый фланг обороны XIII армейского корпуса.

Впервые за последние месяцы брешь на левом фланге участка фронта группы армий «Юг» удалось закрыть. Однако в результате 4-я танковая армия оказалась без резервов, которые могла бы использовать для ликвидации 50-километрового разрыва в линии фронта между флангами XIII и LIX армейских корпусов. С середины месяца русские начали сосредоточение своих войск в районе Шепетовки, на левом фланге LIX армейского корпуса. С 26 февраля в их траншеи стали прибывать свежие части. 2 марта Э. Манштейн пришел к выводу, что русские планируют перейти в наступление до начала весенней распутицы.

## **Глава 12**

### **НАСТУПЛЕНИЕ НА ФЛАНГАХ. СЕВЕРНЫЙ УЧАСТОК ФРОНТА**

#### **Операция «Блау»**

В течение двух лет после первого советского зимнего наступления группа армий «Север», в отличие от других групп армий, вела позиционную войну. Справа 16-я армия уступила противнику часть территории, но смогла закрепиться на рубеже с опорой на озеро Ильмень на севере. Южнее озера старинные русские города Старая Русса и Холм с лета 1941 г. находились практически на линии фронта. Даже прорыв советских войск в районе Невеля в октябре 1943 г. был более опасен для немцев возможностью дальнейшего развития наступления во фланг группе армий, чем потерей территорий. На левом фланге 18-я армия вела южнее Ладожского озера три сражения с целью удержать Ленинград в кольце. В результате русским удалось лишь символически продвинуться на несколько километров вдоль берега (что позволило, однако, улучшить снабжение Ленин-

града. — *Ред.*) Очертания фронта от реки Волхов до Финского залива напоминали времена Первой мировой войны — полоса траншей и укрытий. Результат двух с половиной лет боев сводился с той и другой стороны к завоеванию и потере нескольких сот метров, реже километров, земли. Развернутая вдоль побережья западнее города тяжелая осадная артиллерия, переброшенная на север после битвы за Севастополь летом 1942 г., до сих пор имела возможность обстреливать весь Ленинград, за исключением северо-восточных районов города.

И все же установившееся более чем на год относительное равновесие на фронте не отражало реального состояния группы армий. В сентябре—октябре 1943 г. Г. Кюхлеру пришлось передать на другие участки советско-германского фронта три немецкие пехотные дивизии, а также отправить домой 250-ю испанскую «голубую дивизию». В то же время группа армий «Север» получила от группы армий «Центр» около 100 км очень слабо обороняемого фронта. В качестве резерва и пополнения в распоряжение Г. Кюхлера прибыли три только что сформированные дивизии СС, укомплектованные в основном не немцами, а также Испанский легион в составе 1 тыс. солдат-добровольцев, которыми Франко заменил «голубую дивизию». Многие из испанцев принадлежали к числу «лоялистов»; они только и думали о том, как перебежать к русским.

До декабря рубеж вокруг Ораниенбаумского выступа удерживали две авиаполевые дивизии люфтваффе и две из трех дивизий СС. Повсюду, за исключением наиболее важных участков в районе Ленинграда и севернее Невеля, истончившуюся линию фронта обороняли авиаполевые дивизии и вновь сформированные в странах Прибалтики части СС. После прорыва русских в районе Невеля группе армий пришлось ослабить свой левый фланг и центральный участок и перебросить часть сил на правый фланг. С оперативно-тактической точки зрения положение группы армий «Север» стало очень походить на то, что сложилось в группе армий «Юг»: ей приходилось разрываться между двумя крайними фланговыми участками, один из которых (выступ в районе Ораниенбаума) удерживался лишь из соображений большой политики и престижа. Второй же был жизненно необходимым для того, чтобы избежать военной катастрофы.

На второй неделе сентября 1943 г. группа армий «Север» начала отход на рубеж «Пантера», являвшийся частью Восточного вала. Северная часть этого рубежа проходила за естественными препятствиями, такими как река Нарва, Чудское озеро и Псковское озеро. Южная часть не имела столь благоприятных условий местности. Ее пришлось протянуть на восток для того, чтобы прикрыть два крупных шоссе-ных и железнодорожных узла Псков и Остров. Кроме того, после прорыва в районе Невеля немцам пришлось удлинить рубеж на запад для обеспечения контакта с группой армий «Центр». Тем не менее заня-

тие рубежа «Пантера» должно было сократить линию фронта группы армий на 25%. Кроме того, в отличие от большинства рубежей Восточного вала, она действительно напоминала линию, оборудованную в инженерном отношении. С помощью 50-тысячного контингента строительных войск были восстановлены дороги на Ригу и Двинск, построено 6 тыс. бункеров, в том числе 800 из бетона. Было протянуто 200 км колючей проволоки, вырыто по 40 км траншей и противотанковых рвов. В ноябре и декабре затраты стройматериалов составили по 100 грузовых автомашин в день.

В сентябре штаб группы армий начал подробное планирование операции «Блау», кодовое название отступления на рубеж «Пантера». По его оценкам, в тыл рубежа «Пантера» было необходимо перебросить 1 млн тонн зерновых и картофеля, полмиллиона голов крупного рогатого скота и овец, значительное количество военного имущества и материалов, в том числе телефонного провода и железнодорожных рельс. Для этого было необходимо 4 тыс. эшелонов. Для облегчения отхода предусматривалось использование промежуточных рубежей, построенных в течение последних двух лет в районе реки Луга. Дополнительную проблему создавали 900 тыс. человек гражданского населения, особенно мужчины, которые могли быть призваны в Красную армию. Предпринятые в начале октября первые попытки эвакуировать гражданских лиц в специально оборудованных повозках, запряженных волами, вызвали такую неразбериху, бедствия и сопротивление, что Г. Кюхлеру пришлось отдать команду тыловикам сменить методы на менее одиозные. В результате они отделили мужское население, которое противник мог бы использовать в качестве солдат или рабочих, и эвакуировали большую часть мужчин по железной дороге. В течение последних трех месяцев года уже шла эвакуация людей и имущества. Одновременно войска снимали с позиций артиллерию и тяжелую технику, большая часть которых передавалась на специальные склады для подготовки к переброске в тыл. В конце года, после того как в Латвию и Литву было эвакуировано 250 тыс. гражданских лиц, а тыловые службы не смогли обеспечить места для оставшихся, командование группы армий приказало приостановить эту часть эвакуации.

По мнению штаба группы армий, логика требовала начать операцию «Блау» в середине января и завершить незадолго до весеннего таяния снега. Примерно в этот период годом раньше командование группы армий «Центр» проводило операцию «Бюффель». Но Гитлер, вероятно, намеревался не начинать эту операцию до тех пор, пока его не вынудит к этому очередное советское наступление. По его мнению, потери русских на Украине были так велики, что они в любом случае не смогут начать новое наступление раньше весны 1944 г.

До конца месяца казалось, что Гитлер был прав. Выступ на правом фланге группы армий «Север» вызывал беспокойство, но, как казалось, советская Ставка решила сосредоточить основные усилия на Витебском направлении, по крайней мере на какое-то время. В районе Ораниенбаума и Ленинграда Ленинградский и Волховский фронты еще с ноября были готовы начать наступление, но в свете событий в районе Невеля командование группы армий не уделяло этому особого внимания, что, как оказалось, было напрасно. По данным разведки 18-й армии, русские усиливали свои части в районе Ораниенбаума. Они поддерживали плотный график движения судов между Ленинградом и Ораниенбаумом до тех пор, пока вода не оказалась скована льдом. В то же время данных о появлении у противника свежих соединений не поступало. Вообще казалось, что Ленинградский фронт получал пополнение исключительно за счет населения города. Когда к началу января стало ясно, что русские намерены начать зимнее наступление, офицеры разведки 18-й армии успокаивали себя мыслью, что его все равно удастся отразить, так же как уже были отражены три предыдущих наступления русских в районе Ленинграда.

29 декабря Г. Кюхлер получил из ОКХ указание передать в группу армий «Юг» одно из своих лучших соединений — 1-ю пехотную дивизию. В результате выполнение ее задач в районе Ораниенбаума и Ленинграда 18-й армии пришлось возложить на менее надежные соединения. Когда Г. Кюхлер пытался опротестовать это решение, К. Цейцлер заявил, что ему не нужна эта дивизия. Гитлер, который планировал проведение операции по плану «Блау», собирался лично переговорить об этом с Г. Кюхлером на следующий день. 30 декабря, во время утреннего совещания в ставке фюрера, Г. Кюхлер докладывал фюреру о выполнении операции и ожидал получения дальнейших распоряжений. Далее, ссылаясь на командующего 18-й армией генерала Г. Линдемана, Г. Кюхлер передал его просьбу оставить 18-ю армию на прежних позициях даже после того, как она лишится 1-й пехотной дивизии. Отвечая на недоуменный вопрос Гитлера, Г. Кюхлер пояснил, что участок фронта армии хорошо оборудован в инженерном отношении, что в какой-то мере должно было компенсировать недостаток личного состава. Гитлер закончил совещание, не возвращаясь более к операции «Блау».

Г. Кюхлер так и не смог понять, что происходит, до следующего дня, когда он неожиданно получил приказ передать в группу армий «Юг» еще одно хорошее соединение. К. Цейцлер объяснил начальнику штаба группы армий «Север», что Гитлер стал настаивать на этом решении после того, как ему было передано мнение генерала Г. Линдемана о сохранении за армией ее нынешних позиций. По его мнению, теперь можно было попытаться снова поговорить об этом с Гитлером не ранее чем через неделю. К концу дня начальник

штаба группы армий имел на руках меморандум с аргументами в пользу проведения операции «Блау» для утверждения Г. Кюхлером, но этого вряд ли было достаточно. Следовало сначала убедить Г. Линдемана пересмотреть свое прежнее мнение, так как в подобных случаях Гитлер привык в первую очередь полагаться на доклады от командиров на местах.

4 января, когда уже третья дивизия перебрасывалась в распоряжение группы армий «Юг», Г. Кюхлер лично прибыл в штаб 18-й армии, где почти умолял Г. Линдемана пересмотреть свое мнение, объясняя это необходимостью рационально использовать силы группы армий. В ответ Г. Линдеман заявил, что командиры корпусов и дивизий заявляют, что готовы в случае необходимости к отражению наступления противника. После этого никто уже не воспринимал всерьез аргументы командующего группой армий. Так, Гитлер заявил К. Цейслеру, что он только выполняет пожелания Г. Кюхлера. Ни Г. Кюхлеру, ни офицерам его штаба не становилось легче от осознания того, что этим демаршем Г. Линдеман просто-напросто пытался привлечь внимание к своей особе. Он сумел максимально использовать свой шанс привлечь к себе внимание самого фюрера. Командование группы армий было не менее обеспокоено тем фактом, что на его участке повторяется ситуация, которая ранее уже складывалась на Украине. Начальник штаба заявил начальнику оперативного отдела ОКХ, что войска сознательно ведут к катастрофе, оставляя их на позициях, которые они не смогут долго удерживать.

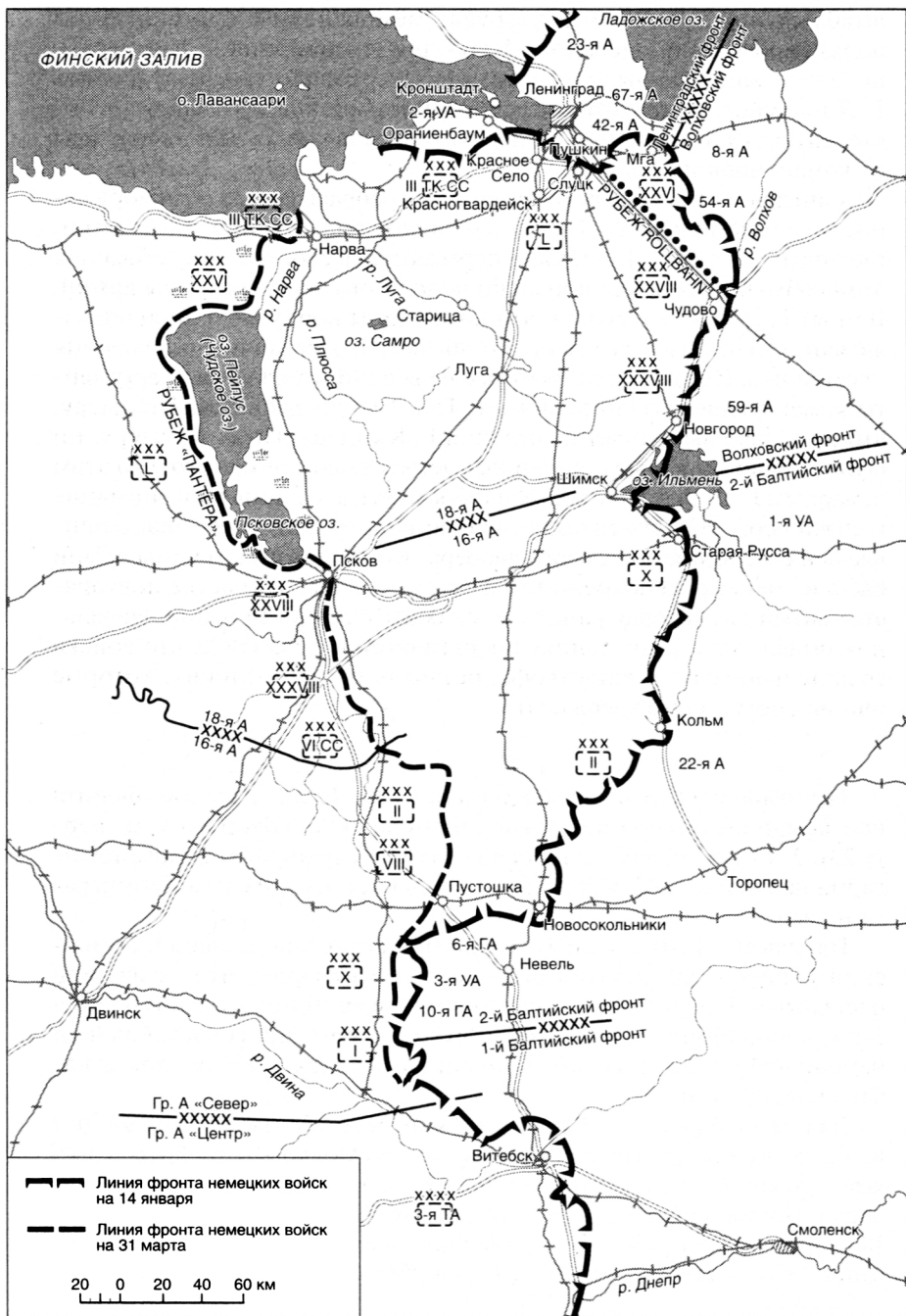
14 января началось русское наступление Ленинградского фронта под командованием генерал-полковника Л.А. Говорова (см. карту 23). 2-я ударная армия наносила удар из Ораниенбаумского плацдарма на восток, а 42-я армия пыталась наступать из-под Ленинграда на запад<sup>1</sup>.

На участке 42-й армии, которая имела больше войск, 1 армейский корпус сосредоточил огонь всей артиллерии, что позволило прекратить ее наступление еще до его начала. В полосе наступления 2-й ударной армии дела обстояли лучше: фронт противостоящей ей немецкой 10-й авиационной дивизии развалился сразу же после начала наступления.

Для немцев не было абсолютной неожиданностью, но все же они не были полностью готовы к наступлению Волховского фронта под командованием генерал-полковника К.А. Мерцкова, которое началось в тот же день севернее и южнее Новгорода, на правом фланге 18-й армии. Этот участок считался довольно опасным, но командование 18-й армии считало, что русские Ленинградский и Волховский

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 35.



Карта 23. Группа армий «Север». 14 января — 31 марта 1944 г.

фронты не смогут начать решительное наступление одновременно. К 10 января Г. Линдеману удалось сосредоточить на этом участке довольно скромные резервы. По его мнению, при отсутствии у противника резервов он не сможет развить наступление в районах Ораниенбаума, Ленинграда и Новгорода, и его удастся остановить. На самом деле войска советских Ленинградского и Волховского фронтов превосходили немецкую армию по количеству дивизий (по личному составу превосходство было в 1,7 раза — 1252 тыс. против 741 тыс. у немцев. — *Ред.*) в соотношении 3 к 1 (55 стрелковых дивизий, 9 стрелковых бригад и 8 танковых бригад против 20 немецких дивизий), по артиллерии 2 к 1, по танкам, самоходной артиллерии 4,1 к 1 и боевой авиации 3,7 к 1<sup>1</sup>.

Советское командование выбрало именно те два участка, на которых 18-й армия обладала наименьшими возможностями маневра. Ораниенбаумский плацдарм в его основании отделяло от Ленинграда всего 30 км. На правом фланге 18-й армии было достаточно совершить охватывающий маневр на глубину 7—12 км для того, чтобы отрезать Новгород и группировку войск в районе озера Ильмень. Как и предупреждал К. Цейцлер, опасность заключалась в том, что незначительные маневры противника могли вызвать последствия, сравнимые с поражением в районе Невеля.

В течение второго и третьего дня все, казалось, шло так, как и предполагала немецкая сторона. Ни Л.А. Говоров, ни К.А. Мерецков не вводили в бой свежие силы, что должно было свидетельствовать о том, что максимум, к чему стремился Ленинградский фронт, было обеспечить свободу войск на Ораниенбаумском плацдарме. 16 января Г. Кюхлер объявил командующим армиями, что русские ввели в бой все имеющиеся у них силы и что группе армий «Север» удалось выиграть и эту битву, хотя ей и пришлось пойти на риск на спокойных участках фронта.

Но на следующий день ему пришлось поубавить оптимизма. Для того чтобы попытаться ликвидировать прорыв на участке 10-й авиационной дивизии, Г. Линдеман был вынужден ввести в бой свой единственный резерв, 61-ю пехотную дивизию, но и ей не удалось спасти разваливающийся фронт. К полудню командование группы армий проинформировало ОКХ, что обстановка в районе Ленинграда ухудшается. В течение ночи 18-й армии пришлось начать снимать с позиций осадную артиллерию. На следующем этапе сражения в районе Ладожского озера немцам придется отойти на позицию *Rolbahn* вдоль шоссе Ленинград—Чудово для того, чтобы сократить линию фронта и высвободить две дивизии. Рубеж *Rolbahn* изначально создавался в качестве своего рода страховки. Во второй половине дня пришел ответ от Гитлера: он не утверждал и не опровергал

---

<sup>1</sup> История Второй мировой войны. Т. 8. С. 120.

это решение, но, по его мнению, лучше было оставить позиции на Финском заливе и сосредоточить усилия на участке между Ленинградом и Ораниенбаумом. Г. Кюхлер возражал, так как это предопределяло бы победу русских и давало бы им возможность беспрепятственного маневра на юг.

Утром 18 января Г. Линдемман докладывал, что участки фронта восточнее Ораниенбаума и западнее Ленинграда находятся на грани катастрофы. То же самое можно было сказать и о районе Новгорода, где немецкие войска фактически были почти окружены, а тех нескольких батальонов, которые находились в резерве армии, было недостаточно даже для того, чтобы обеспечить им возможность отхода. Убедившись в том, что войска находятся на грани уничтожения, Г. Кюхлер попросил разрешения отступить на рубеж *Rolbahn*, но получил отказ. Во второй половине дня передовые части советской 42-й армии вошли в Красное Село, бывшую летнюю резиденцию русских царей, тем самым перерезав две главные дороги на север. После этого Г. Кюхлер понял, что у него не остается другого выхода, кроме как отвести с побережья две свои дивизии, прежде чем они попадут в окружение. Он сообщил в ОКХ, что до конца дня намерен отдать соответствующий приказ, независимо от того, получит он на это разрешение или нет. После полуночи Гитлер задним числом утвердил это решение после того, как К. Цейцлер доложил ему, что приказ войскам уже отдан (только убитыми немцы потеряли здесь 20 тыс., 1 тыс. попала в плен. — *Ред.*).

19 января закончился первый этап сражения, который являлся всего лишь его прелюдией. Было очень сложно заставить Гитлера смириться с его результатами. Приказ Г. Кюхлера пришел слишком поздно для того, чтобы спасти дивизии на побережье. Некоторым частям удалось поспешно отступить (ночью просочились мелкими группами. — *Ред.*), другие попали в ловушку и были уничтожены в результате удара русских с востока на запад.

2-я ударная и 42-я армии объединили свои силы, а появление на фронте свежих дивизий сняло вопрос о том, имеются ли у русских достаточные резервы. В районе Новгорода восемь советских дивизий окружили пять немецких батальонов. Единственной надеждой на спасение было попытаться ускользнуть от русских через болотистую местность западнее города.

Ночью, после получасового спора с К. Цейцлером, Г. Кюхлер обратился к Гитлеру с просьбой отступить из района Новгорода, что было последним шансом на спасение (в плен в районе Новгорода попало 3 тыс. немцев (пять батальонов — см. выше), убито было 15 тыс. — *Ред.*). Неожиданно Гитлер уступил, отказавшись от мнения, которое он отстаивал целый день, заявляя, что город имеет «чрезвычайно важное символическое значение». Тем не менее, давая разрешение на отступление на рубеж *Rolbahn*, он прочел К. Цейц-



леру краткую лекцию о деморализующем эффекте добровольного отвода войск. Еще через 15 минут он отменил свое решение. Но в полночь, когда он заявил об этом К. Цейслеру, тот ответил, что в войска уже отданы соответствующие приказы, отменить которые не представляется возможным.

Гитлер попытался добиться от К. Цейслера и Г. Кюхлера гарантий, что рубеж Rolbahn удастся удержать. 20 января, оценивая обстановку, Г. Кюхлер отмечал, что два недавних тактических отступления (разгрома. — *Ред.*) в районах Новгорода и Ленинграда явились результатом отсутствия резервов на слишком растянутом фронте.

Эту тенденцию так и не удалось переломить. После отступления на рубеж Rolbahn удастся высвободить три дивизии, две из которых будут направлены в район Ленинграда и одна — под Новгород. После этого группа армий снова окажется перед лицом отсутствия резервов. Очень скоро эти три дивизии истощат свои силы, в то время как от противника следует ожидать новых оперативных прорывов. Г. Кюхлер рекомендовал рассматривать отход на рубеж Rolbahn в качестве промежуточного этапа перед отступлением на рубеж «Пантера». При этом он указал на то, что в составе группы армий личного состава едва достаточно для того, чтобы обеспечить создание стабильного фронта на этом рубеже.

Прошло менее одного дня, прежде чем прогнозы Г. Кюхлера стали оправдываться. 21 января 42-я армия нанесла удар на Красногвардейск (Гатчина до 1923 г. и с 1944 г. — *Ред.*), важный узел железных и шоссейных дорог, ведущих с юга и запада. У L армейского корпуса не осталось времени для того, чтобы перегруппировать свои потрепанные части и восстановить фронт.

В ту же ночь Г. Кюхлер вылетел в ставку фюрера, где на следующее утро, незадолго до встречи с Гитлером, он узнал, что 18-я армия не сможет удержать Красногвардейск, если не получит разрешение оставить Пушкин (бывшее Царское Село) и Слуцк (до 1918 г. и с 1944 г. Павловск), два других важных железнодорожных узла, расположенных северо-восточнее. Гитлер отказывался даже слушать такие предложения. Фюрер отметал любые предложения относительно Пушкина, Слуцка, рубежа «Пантера» и новых угроз на правом фланге группы армий. По его мнению, войска группы армий «Север» были «избалованы» более чем годом спокойной жизни и не имели представления о том, что представляет собой настоящий кризис на фронте. «Я возражаю против любого отступления, — продолжал он, — опасное положение может возникнуть на любом участке. Нет никаких гарантий, что и рубеж «Пантера» не будет прорван. Если мы отступим добровольно, они (русские) продвинутся вперед, не потеряв при этом половины своих сил. Продвигаясь вперед, противник должен истечь кровью. Сражения следует вести как можно дальше от границ Германии». Когда Г. Кюхлер заметил, что рубеж «Пантера» невозможно

будет удерживать, если группа армий не будет иметь достаточных сил, Гитлер заявил, что все прорывы на линии фронта объясняются эгоизмом командования групп армий. Он настаивал на необходимости отстаивать каждый метр земли для того, чтобы он доставался противнику максимальной ценой. В завершение он снова подчеркнул необходимость оборонять позицию Rolbahn и отпустил фельдмаршала. Позже К. Цейтлер пояснил Г. Кюхлеру, что тот явился к фюреру в неподходящий момент, и посоветовал обратиться к нему через несколько дней. По его словам, Гитлер был слишком обеспокоен возможностью высадки союзников в районе Анцио, южнее Рима, которая могла состояться как раз в тот день, и поэтому практически не прислушивался к доводам Г. Кюхлера.

В то же время 18-я армия начала разваливаться. Войска были измотаны боями в грязи и воде. Л.А. Говоров и К.А. Мерецков имели возможность после начала в середине месяца оттепели предоставлять своим солдатам каждые три-четыре дня один день для того, чтобы те могли просушиться и отдохнуть. 23 января Г. Линдеман отдал приказ эвакуировать Пушкин и Слуцк. Одновременно он заявил, что ОКХ может либо утвердить его приказ, либо прислать другого генерала ему на замену. В течение дня армия отошла на рубеж Rolbahn, который русские уже прорвали на нескольких участках.

24 января, находясь в штабе 18-й армии, Г. Кюхлер обвинил Г. Линдемана в неверной оценке имевшихся у советской стороны резервов, которую тот дал в конце декабря. Г. Линдеман признал, что «действительно имели место некоторые ошибки». Запоздалый разбор действий армейской разведки пришлось прекратить в связи с вновь поступившими данными с фронта. Утром русские вышли к окраинам Красногвардейска и прорвались к излучине реки Луга юго-восточнее Луги. Дивизии, оборонявшие позицию Rolbahn, попытались ликвидировать прорыв вводом в бой войска второго эшелона. К концу дня Г. Линдеман доложил, что контакт с 16-й армией на правом фланге потерян и что Красногвардейск придется оставить в течение суток.

Поскольку потеря Красногвардейска должна была серьезно сказаться на возможности снабжения войск корпуса, развернутого восточнее, командование группы армий попросило разрешение на отступление как минимум к реке Луга. К вечеру К. Цейтлер ответил, что Гитлер приказал оборонять опорные пункты и держаться до конца. За неимением других доводов он порекомендовал командованию группы армий «на какое-то время забыть о жалости».

27 января Г. Кюхлер вместе с другими командующими группами армий и армиями присутствовал на совещании руководства национал-социалистической партии в Кенигсберге. Гитлер обратился к

генералам с речью, в которой говорил о вере как определяющем факторе победы. Он рекомендовал каждому укрепить собственную веру в идеи национал-социализма и в конечную победу. При этом он заметил, что генералы, как никто другой, нуждаются в укреплении такой веры. Во время перерыва в краткой беседе с Гитлером Г. Кюхлер повторил свою оценку обстановки: Ленинградский и Волховский фронты сосредоточили четыре мощные войсковые группировки для разгрома 18-й армии. Они наступают с востока на Нарву и с севера и востока на Лугу. В случае если им удастся наступление на Лугу с востока, линии коммуникаций шести из восьми корпусов 18-й армии окажутся отрезанными. Гитлер в ответ запретил любое отступление без его ведома. Когда Г. Кюхлер в ответ заметил, что 18-я армия уже потеряла в боях 40 тыс. человек и что ее солдаты и офицеры сражаются не щадя себя, Гитлер возразил, что последнее «не совсем соответствует действительности». Якобы ему доложили, что не на всех участках солдаты группы армий сражаются с должной решительностью.

Эта встреча окончательно добила Г. Кюхлера как командующего войсками группы армий. По словам его начальника штаба, после возвращения он, понимая, что единственным выходом для войск является отступление, был вынужден постоянно демонстрировать решимость наносить удары врагу, только непонятно было, какими силами. 28 января бразды правления взял в свои руки начальник штаба группы армий генерал Эбергард Кинцель. Он сообщил начальнику штаба 18-й армии, что пришло время действовать. Необходимо было отдавать приказ на отступление, но командованию группы армий запретили делать это. Таким образом, армии следовало действовать исходя из собственных приказов, которые следовало отдавать не письменно, а в устной форме. Иначе все действия армии будут блокированы «по линии Генерального штаба». На следующий день Э. Кинцель прибыл к Г. Кюхлеру с рапортом на имя фюрера, где говорилось, что фронт 18-й армии распался на три отдельных участка и что ни о какой обороне перед Лужским рубежом не может быть и речи.

30 января Г. Кюхлер отправился в ставку Гитлера, где тот наконец разрешил отход армии на рубеж по реке Луга, но одновременно приказал восстановить контакт с 16-й армией и закрыть все бреши в линии фронта. Когда Г. Кюхлер передал это распоряжение начальнику своего оперативного отдела, тот обратился с протестом в оперативный отдел ОКХ, так как приказ был явно невыполним: один из разрывов достигал ширины 50 км; кроме того, к северо-западу от Луги, в районе Старицы, русские уже переправились через реку Луга. Позже К. Цейцлер согласился доложить Гитлеру, что удержать рубеж по реке Луга не представляется возможным. Одновременно он приказал и Г. Кюхлеру подготовить к 31 января свой отдельный доклад фюреру.

На следующий день Гитлер объявил Г. Кюхлеру, что отстраняет его от командования. На его место временно был назначен В. Модель, который должен был сменить на посту генерал-фельдмаршала Э. Манштейна. Как всегда быстро реагируя на свое новое назначение, В. Модель отправил в войска телеграмму: «Ни шагу назад без моего разрешения. Вылетаю в 18-ю армию сегодня днем. Передайте генералу Г. Линдеману, что, как и раньше, я прошу его поверить мне. Прежде мы уже воевали вместе».

В последние дни января войска 18-й армии дошли до крайней степени измотанности. 27 января фронт группы армий «Север» почти на всем его протяжении проходил примерно в 15 км севернее рубежа Нарва—Чудово; при этом его западный участок (примерно одной четверти всей линии фронта) проходил в 60 км северо-восточнее Нарвы. К 31-му числу немцев оттеснили на западе почти к реке Нарва и несколько на юго-восток от рубежа Чудово на востоке. Сама по себе такая потеря территории не была чем-то из ряда вон выходящим, но на стыке двух участков фронт практически разрушился. На картах с данными обстановки по состоянию на 27 января линия фронта все еще была сплошной, хотя на некоторых участках противник осуществил глубокие вклинения. К 31-му числу она превратилась в ряд батальонных и ротных опорных пунктов, где подразделениям приходилось оборонять участки от 1,5 до 3 км. Только два соединения все еще могли называться дивизиями в истинном значении этого слова: 12-я танковая дивизия, которая прибыла на этот участок фронта только в последнюю неделю месяца, и 58-я пехотная дивизия, переброшенная с южного участка по железной дороге. В донесении группы армий отмечалось, что по состоянию на 10 января численность пехоты составляла 57 936 человек. (В начале 1944 г. личный состав группы армий «Север» насчитывал 741 тыс. человек. — *Ред.*) После этого потери составили 35 тыс. ранеными и 14 тыс. убитыми. В результате численность пехоты с учетом прибывшего пополнения сократилась до 17 тыс. солдат и офицеров.

В. Моделю никогда раньше не представлялась более яркая возможность продемонстрировать свой талант импровизатора, которой он воспользовался со всей присущей ему энергией и пылом. И хотя В. Моделю не удалось изменить общей тактической обстановки, он быстро развеял овладевшее к тому моменту войсками группы армий настроение общей апатии и подавленности. Кроме того, генерал удачно использовал характерную для Гитлера тенденцию предоставлять вновь назначенным командирам, особенно если они принадлежали к числу его фаворитов, большую свободу действий, чем их предшественникам, по крайней мере в первое время.

Первые предпринятые В. Моделем шаги носили одновременно и психологический, и военный характер. Для того чтобы покончить с

тем, что он называл «психозом рубежа «Пантера», В. Модель запретил все ссылки на него и отменил его название. Опыт прошлого показывал, что в кризисные времена названия рубежей отступления, особенно если в них чувствовалась сила, обладали огромной притягательной силой как для солдат, так и для их командиров. В то же время реальная мощь 18-й армии не изменилась, и В. Модель не мог уже просто навязать свой первоначальный приказ «ни шагу назад». Вместо этого он изобрел нечто новое, а именно теорию щита и меча (Schild und Schwert), основная идея которой заключалась в том, что отступление допускается в случае, если затем последует удар на том же или на другом направлении. Таким образом, сражение принимало характер отражения ударов противника и нанесения ударов собственными войсками. Скорее всего, эта идея была плодом недавней мыслительной деятельности Гитлера. По его замыслу, она должна была излечить войска от устойчивой тенденции откатываться назад в поисках очередного оборонительного рубежа после того, как они оказывались не способны удерживать занимаемые ими позиции. Вряд ли сам В. Модель так уж верил в новую теорию. Он был достаточным реалистом для того, чтобы понимать: отход возможен всегда, а контрудар нет. В то же время он достаточно хорошо знал Гитлера, чтобы сознавать, что всегда более выгодно представить отход всего лишь как первый шаг для будущего контрудара.

В. Модель применил теорию щита и меча в своем первом приказе 18-й армии, отданном 1 февраля. Он приказал Г. Линдеману отвести свои войска на короткий рубеж, который проходил севернее и восточнее реки Луга. После того как приказ будет выполнен, а 12-я танковая дивизия закроет брешь и восстановит контакт с 16-й армией, что она должна была сделать еще по приказу прежнего командующего, 12-я танковая, 58-я пехотная и все дивизии, которые удастся высвободить после отхода на новый оборонительный рубеж, должны быть переброшены западнее Луги для нанесения удара вдоль берега реки с целью установить контакт с двумя корпусами, развернутыми на Нарве. Выполнение первого пункта приказа давало армии возможность сократить свой фронт почти на две трети, что было необходимо для того, чтобы приступить к выполнению второго пункта. Им предусматривалось собрать достаточно сил (что было крайне сомнительно) для перехода в контрнаступление с целью отодвинуть линию фронта примерно на 80 км к западу.

Воплощение теории щита и меча на левом фланге 18-й армии было невозможно. Войска LIV армейского корпуса и III танкового корпуса СС под общим командованием командира LIV корпуса генерала пехоты Отто Шпонгеймера откатывались назад из Ораниенбаумского мешка вдоль побережья Балтийского моря. После 28 января они отошли сначала к реке Луга, а затем к реке Нарва на северную оконечность рубежа «Пантера». Они не могли продолжать

отступление, не подвергнув опасности весь рубеж «Пантера», а также важный завод по производству топлива из горючих сланцев, который находился у побережья, примерно в 30 км к западу от реки.

2 февраля, когда В. Модель инспектировал участок фронта О. Шпонгеймера, дивизии последнего переправлялись на западный берег реки, отступая на небольшой плацдарм вокруг города Нарва. Южнее города русские наводили переправу через реку. К концу дня они также имели небольшой плацдарм на другом берегу. Для укрепления фронта ниже по течению от города Нарва на этот участок перебрасывались части моторизованной дивизии «Фельдхернхалле» (до 14 июня 1943 г. называлась 60-й моторизованной. — *Ред.*), прибывшие из группы армий «Центр», а также один полк из состава 58-й пехотной дивизии.

Повсюду В. Моделю приходилось выслушивать жалобы на то, что войска выдохлись. И везде он отдавал одинаковый приказ: им придется выдержать это сражение. Помощь, которую могло оказать войскам командование группы армий, была почти символической: советник по использованию пехоты для III танкового корпуса СС, специалист по вопросам имеющихся у русских артиллерийских систем. Кроме того, командование обратилось к Г. Гимmlеру с просьбой направить пополнение для частей СС, к К. Дёницу с просьбой пополнить личный состав береговой артиллерии и Г. Герингу с просьбой прислать личный состав частей ВВС для борьбы с партизанами.

И все же катастрофу, нависшую над 18-й армией, удалось на время отсрочить, по крайней мере на некоторых участках, например на реке Нарва. Решение В. Моделя сократить линию фронта на Луге дало армии возможность маневра силами и позволило перевести дыхание. Следующий шаг все еще был за русскими, но теперь войска имели возможность встретить их на грамотно построенном фронте. В первые несколько дней февраля русские сосредоточили усилия на участке 16-й армии. Там 2-й Прибалтийский фронт перешел в наступление южнее Старой Руссы и западнее Новосokolьников, связав боем немецкие части, готовившиеся к переброске на север, и добившись вклинений на отдельных участках, которые в дальнейшем могли быть использованы для развития успеха.

К 4 февраля войска Ленинградского и Волховского фронтов провели перегруппировку и снова перешли в наступление против 18-й армии. Группа армий «Север» сообщила в ОКХ, что К.А. Мерецков создал сильную ударную группировку при поддержке 200 танков юго-западнее Новгорода, а Л.А. Говоров сосредоточивал свои войска восточнее озера Самро, в 50 км от левого фланга 18-й армии.

Противник явно стремился попытаться окружить немецкие войска в районе Луги.

В. Модель все еще не отказался от мысли нанести удар в северо-западном направлении. При этом он предусматривал «максималь-

ный» и «минимальный» варианты. Первый вариант предполагал наступление по всему фронту вдоль реки Луга. В соответствии со вторым удар следовало наносить по диагонали к северной оконечности Чудского озера. Начальник штаба группы армий Э. Кинцель позже заметил начальнику штаба 18-й армии, что счастьем было уже просто иметь возможность планировать такие смелые удары. То, будет ли тот или другой вариант воплощен в жизнь, будет зависеть от хода сражения. В любом случае немецкая сторона ничего от этого не потеряет, так как проведение подготовительных мероприятий будет полезно независимо от того, что армия предпримет в дальнейшем.

Гитлер, обычно любивший обсуждать планы наступлений, на этот раз не проявил энтузиазма. В личной директиве В. Моделю, что было редким случаем, он отметил, что район Нарвы является наиболее уязвимым и его следует незамедлительно усилить. В районе между озером Ильмень и Чудским озером он видел опасность оттеснения 18-й армии на восток от Чудского озера и ее окружения. Поэтому он приказывал В. Моделю, как только это станет неизбежным, принимать решение на отход к рубежу «Пантера».

Назначив на этот участок именно такого генерала, как он хотел, обладавшего большой личной храбростью и железными нервами, Гитлер сам стал приверженцем осторожной тактики. Эта перемена, очевидно, отчасти вызвана характерной для Гитлера тенденцией отождествлять людей с событиями. Скорее всего, перед тем как сместить Г. Кюхлера, фюрер уже примирился с необходимостью отступления на рубеж «Пантера». Но он не принимал соответствующего решения, так как, по его мнению, это снимало бы часть вины с Г. Кюхлера как с виновника неудач на фронте.

6 февраля 12-я танковая дивизия восстановила контакт с 16-й армией. Ее последующей задачей было сосредоточиться в районе Пскова и перейти в наступление восточнее Псковского и Чудского озер. 58-я пехотная дивизия сосредоточивалась еще восточнее, а 18-я армия получила приказ отвести свой фронт в район Луги, в результате чего в течение двух дней должно было высвободиться три дивизии. Во время этого короткого отдыха численность армии начала расти за счет отставших, отпускников и раненых, вернувшихся в свои дивизии. Кроме того, В. Модель отдал приказ о переводе 5% солдат вторых эшелонов на передний край.

7-го числа в штабе 18-й армии В. Модель провел инструктаж командиров по проведению первого этапа контрнаступления. Перебросив дивизии с севера и востока, армии предстояло создать устойчивый фронт между южной оконечностью Чудского озера и Лугой. Затем 18-я армия должна была применить теорию щита и меча: два корпуса переходили к обороне на восточном участке с целью остановить советское наступление из района озера Самро, а третий корпус на западе переходил в наступление вдоль берега Чудского озера на север.

В течение двух следующих дней 18-я армия пыталась совершить необходимый маневр своими дивизиями. Партизанские засады на дорогах задержали выдвижение 12-й танковой дивизии в направлении Пскова. 58-й пехотной дивизии удалось закрепиться на небольшом участке на реке Плюсса в центре назначенного ей нового рубежа, но русские все же сумели просочиться с обеих сторон, и другим немецким соединениям для того, чтобы восстановить фронт, пришлось атаковать. Это было нелегко, так как их численность не превышала четырех батальонов неполного состава. В то же время силы противника постоянно росли за счет прибывающих с северо-запада свежих частей. Болотистая местность создавала войскам дополнительные проблемы, но, с другой стороны, может быть, только по этой причине Ленинградский фронт тоже не мог наступать в полную силу.

К 10 февраля фронт 58-й пехотной дивизии был расчленен на два участка, а один из полков попал в окружение. 24-я пехотная дивизия безуспешно пыталась закрыть брешь на правом фланге 58-й пехотной дивизии. К тому же в течение целого дня ей самой пришлось отражать атаки противника в районе железной дороги Луга—Псков. Несмотря на то что 18-я армия планировала на следующий день возобновить попытки восстановить положение на участке 58-й пехотной дивизии, обстановка быстро ухудшалась. Самолеты воздушной разведки засекли движение колонн по 800—900 грузовых автомашин, направлявшихся из района озера Самро на юго-восток.

На следующий день из штаба 18-й армии поступило донесение, что сражение приобретает опасный характер. 24-я пехотная дивизия была остановлена. Появились советские танки. Оба полка 58-й пехотной дивизии вели бои в окружении и теперь должны были с боем пробиваться. Вряд ли им удастся спасти тяжелую технику. После наступления темноты Г. Линдемман доложил В. Моделью, что сможет собрать достаточно войск для закрытия бреши на левом фланге только при условии полного отступления с целью максимального сокращения линии фронта на кратчайший рубеж между южной оконечностью Чудского озера и озером Ильмень. Правое крыло обходящей группировки войск Л.А. Говорова наступало из района Чудского озера на юг в сторону Пскова. У советского генерала было более чем достаточно войск на южном участке для того, чтобы «заколотить 12-ю танковую дивизию туда, откуда она появилась». В. Модель неохотно разрешил армии отступить.

Следующий день принес еще более неутешительные новости. Русские расширили свой плацдарм в районе Нарвы и создали еще один севернее города. Между Чудским озером и Псковом Л.А. Говоров накопил достаточно войск для того, чтобы угрожать отходу немцев на рубеж «Пантера». Если бы В. Модель теперь попытался создать фронт между Чудским озером и озером Ильмень, за это при-



шлось бы сражаться. Вечером 12 февраля В. Модель доложил в ОКХ, что он не отказался от плана создать и удерживать этот рубеж и поинтересовался мнением Гитлера по этому поводу. Из ОКХ ответили, что никто, в том числе и Гитлер, не одобряет этот замысел. Военное руководство было единодушно во мнении, что было уже поздно создавать фронт между озерами. Теперь было более важно высвободить одну дивизию для укрепления района Нарвы и еще одну для узкого участка между Чудским озером и Псковом. Начальник оперативного отдела ОКХ добавил, что Гитлер каждый день повторял, что не желает, чтобы войска попали в окружение перед рубежом «Пантера». За час до полуночи О. Шпонгеймер доложил о прорыве противника севернее и южнее Нарвы. На северном участке III танковому корпусу СС удалось восстановить и даже несколько улучшить положение, но южнее Нарвы у моторизованной дивизии «Фельдхернхалле» не оказалось достаточных сил даже для оказания серьезного сопротивления русским.

Утром 13 февраля В. Модель направил на имя Гитлера рапорт с оценкой сложившейся обстановки. Он докладывал, что намерен довести сражение на Нарве до конца. В самом худшем случае он просто сократит линию фронта, отведя войска с излучины реки. Он до сих пор полагает, что лучшим решением было бы удерживать промежуточный рубеж между Чудским озером и озером Ильмень до тех пор, пока не будет дооборудован рубеж «Пантера». Через 4 часа пришел ответ Гитлера. Он приказывал ускоренными темпами укреплять фронт на Нарве. Командование группы армий должно представить план и график, предусматривающие своевременный отход на рубеж «Пантера».

К тому времени уже казалось, что решение отвести войска на рубеж «Пантера» может запоздать и спасти фронт на реке Нарва не удастся. В тот день командование группы армий бросило на этот участок эстонскую бригаду, свой последний резерв. Бригада была сформирована за счет призыва в войска СС, куда направлялись солдаты не немецкой национальности. Начиная с января призыв проводился в Эстонии, Латвии и Литве. Поскольку Гитлер отказался предоставить прибалтийским государствам даже подобие автономии, боевой дух солдат, набранных в такие части, был крайне низок. Единственным чувством, владевшим ими, был страх как перед русскими, так и перед немцами. Вечером 13 февраля О. Шпонгеймер доложил, что солдаты эстонских подразделений пребывают в упадническом настроении и находятся на грани паники. Некоторые пытались дезертировать еще по дороге. Это не оставило В. Моделя другого средства, кроме как перебросить на этот участок часть сил 18-й армии. Он приказал после трехдневного отдыха направить на север 58-ю пехотную дивизию.

В результате боев в окружении дивизия потеряла одну треть личного состава и всю тяжелую технику.

Утром 14-го числа, получив от О. Шпонгеймера донесения, в котором тот жаловался на отсутствие пространства для маневра и войск для прикрытия бреши, что делало положение безнадежным, В. Модель порекомендовал эвакуировать все еще удерживаемый немцами небольшой плацдарм восточнее Нарвы и тем самым высвободить три батальона. К. Цейцлер одобрил этот план и пообещал перебросить на этот участок пехотную дивизию из Норвегии.

Вскоре после наступления рассвета русские начали высаживаться на побережье северо-западнее Нарвы. В более поздних донесениях уточнялось, что силы десанта не были крупными, всего примерно 500 морских пехотинцев, которых поддерживали огнем несколько боевых кораблей, базировавшихся на острове Лавенсари (современное название остров Мощный), в Финском заливе.

В донесении, направленном в ОКХ, В. Модель отмечал, что в районе Нарвы сложилась «неприятная» обстановка и поэтому он отдал приказ срочно оставить плацдарм. В течение дня высадившийся десант был уничтожен без серьезных потерь с немецкой стороны. Исключение составил случай, когда немецкие пикирующие бомбардировщики Ju-87 по ошибке бомбили штаб немецкой же дивизии и по ошибке вывели из строя несколько танков «Тигр».

Гораздо большие опасения вызывал факт появления советских лыжников на западном берегу Чудского озера к северу от узкой части озера. Командование отвечавшей за оборону этого участка охранной дивизии доложило, что эстонские войска «отправились по домам». После этого В. Модель проинформировал ОКХ, что намерен начать отвод войск на рубеж «Пантера» 17 февраля и завершить его к утру 1 марта. Он намеревался в ближайшие дни очистить от противника берег Чудского озера и использовать первые же две высвободившиеся дивизии для прикрытия побережья. Он ожидал, что, как только 18-я армия начнет отход, Л.А. Говоров и К.А. Мерецков попытаются обойти и окружить ее войска. У них имеются наготове крупные ударные группировки севернее Пскова и на западном берегу озера Ильмень.

В течение двух оставшихся до отступления дней русские не совершали новых попыток переправиться через озера. 17 февраля В. Модель направил в район озера корпусной штаб и начал перебрасывать туда части 12-й танковой дивизии. На Нарве сражение начало угасать, перерастая в патовую ситуацию, когда противники стоял лицом к лицу и при этом не могут ни на дюйм сдвинуться ни вперед, ни назад. О. Шпонгеймеру не хватало сил для ликвидации прорыва. В то же время и Л.А. Говорова вполне удовлетворяли достигнутые результаты. О его успехах было сделано сообщение по радио, где говорилось, что командующий фронтом, войска которо-

го первыми вышли на шоссе, ведущее на запад от Нарвы, удостоен звания Героя Советского Союза. Как только 16-я и 18-я армии стали отступать, советские армии начали их преследование. Через агентурную сеть и от партизан русские точно знали о том, что происходило в стане противника.

19 февраля в группе армий «Север» неожиданно и остро стали осознавать ту опасность, которая нависла над ними в течение последнего месяца череды кризисов. В тот день впервые за два месяца прекратились атаки русских по периметру обороны 3-й танковой армии в районе Витебска. Немецкая воздушная разведка засекла движение колонн примерно по 2 и по 3 тыс. грузовиков из этого района. Большая часть советских войск двигалась в северном и северо-западном направлении. По оценкам разведки группы армий «Север», в течение нескольких дней следовало ожидать появления на правом фланге 16-й армии еще двух советских армий. Из этого В. Модель сделал два предположения. Первое и наиболее вероятное: после усиления и без того мощной группировки в районе Невель—Пустошка 2-й Прибалтийский фронт попытается прорвать рубеж «Пантера» ниже Пустошки и продолжить наступление в северном направлении, прежде чем войска 16-й и 18-й армии сумеют закрепиться на оборонительном рубеже. Второе представляло собой «окончательное решение», как это было принято называть у немцев: русские собираются нанести фронтальный удар через Двинск (Даугавпилс) на Ригу и тем самым отрезать всю группу армий «Север» в Прибалтике.

В. Модель также предполагал, что активность противника на правом фланге 16-й армии могла означать то, что Ставка была не удовлетворена предпринимавшимися ранее попытками окружения 18-й армии. Если это было так, то русские не собирались ослаблять нажим на 18-ю армию. Как он и предполагал, войска Волховского и Ленинградского фронтов повисли на флангах отступавших войск.

17 февраля войска К.А. Мерецкова предприняли попытку прорыва западнее озера Ильмень в районе Шимска. В течение трех дней, пока 16-я армия отводила свой фланг от Старой Руссы, вопрос о том, сумеют ли две армии сохранить контакт между флангами, повис в воздухе. Кризис миновал к 20-му числу, когда немецкие армии начали отступать от озера Ильмень.

Л.А. Говоров действовал медленнее, но гораздо опаснее. Псков, служивший в течение почти всей войны основным центром коммуникаций группы армий «Север», к тому времени превратился в ключевой узел, обеспечивавший отход немцев на рубеж «Пантера». Группа армий не могла себе позволить потерять его, но в то же время почти не имела в районе города пространства для маневра. Ленинградскому фронту было сложно сосредоточить ударную группировку в болотах и лесах восточнее Пскова, но с 24 февраля он начал оказывать мощное давление на немецкую оборону севернее города,

одновременно пробуя атаковать противника и со стороны Псковского озера. По данным немецкой разведки, И.В. Сталин вызвал Л.А. Говорова и лично приказал ему освободить Псков. К 26 февраля Гитлер был настолько обеспокоен угрозой Пскову и правому флангу 16-й армии, что попросил В. Моделя ускорить отход.

На северном участке, в районе Нарвы, немцам до конца месяца удалось лишь немного улучшить положение своих войск. 24 февраля генерала О. Шпонгеймера сменил хорошо зарекомендовавший себя в боях на стыке 16-й и 18-й армий генерал пехоты Ганс Фриснер. С этого момента группировка О. Шпонгеймера получила название армейской группы «Нарва». К тому времени на этот участок стали прибывать части 214-й пехотной дивизии. Им нужно было какое-то время на адаптацию, но эти войска могли быть использованы для замены некоторых подразделений, состоящих из «старожилов», на относительно спокойных участках фронта. Приступив к тому, что сам он называл «созданием мозаики», Г. Фриснер нанес удар в направлении на самый край плацдарма и сумел создать там для противника два локальных кольца окружения. И хотя русские, невзирая на сильнейший огонь артиллерии и стрелкового оружия, сумели просочиться через открытые участки котлов, угроза их выхода с плацдарма на побережье Финского залива (и отсечения тем самым Нарвы. — *Ред.*) была ликвидирована.

1 марта завершился последний этап отступления войск группы армий «Север» на рубеж «Пантера». Однако русские продемонстрировали, что вовсе не намерены позволить им там перевести дыхание. Севернее Пустошки две советские армии нанесли удар по участку обороны VIII армейского корпуса. Южнее еще две армии обрушились на оборону X армейского корпуса. Ленинградский фронт сосредоточил две армии южнее Пскова. Кроме того, он усилил свою группировку на западном берегу реки Нарва и начал наступление с этого плацдарма в северном, северо-западном и западном направлении. В течение недели активные бои велись по всему фронту группы армий «Север» то на одном, то на другом участке. Немецкая оборона в основном устояла; противнику удалось добиться лишь незначительных успехов. 9 марта в результате мощного нажима войск 2-го Прибалтийского фронта правый фланг 16-й армии был настолько смят, что возникла угроза прорыва обороны на этом участке.

10 марта командованию группы армий пришлось на себе ощутить всю тяжесть политических и военных неудач прошедшей зимней кампании. В ставку В. Моделя прибыли командир Испанского легиона и испанский военный атташе с приказом об отправке легиона домой. По их словам, Франко не отвернулся от Германии, просто он намерен собрать поближе к себе всех своих «матадоров» перед лицом англо-американского вторжения. Поскольку войска легиона успели продемонстрировать отсутствие дисциплины в тылу и пол-

ную бесполезность на переднем крае, эта потеря была для группы армий не столь уж болезненной.

К середине месяца войска 2-го Прибалтийского фронта все еще наносили удары на правом фланге 16-й армии, а Ленинградский фронт пытался пробить немецкую оборону в районе Пскова и Нарвы. Но погода теперь была не на стороне русских. После относительно теплой для России зимы рано наступила весенняя оттепель. Лед на озерах покрылся 30-см слоем воды. Из 16-й армии докладывали, что советские танки иногда по самую башню проваливаются в болота. Возможно, русские смогли бы продолжить наступление на более слабом участке фронта, как это было на Украине, но рубеж «Пантера» — все, что осталось от Восточного вала, — оправдал надежды немцев.

28 марта шеф-адъютант Гитлера Р. Шмундт позвонил В. Моделю и сообщил, что через несколько дней фюрер намерен назначить его командующим группой армий «Юг» на место генерал-фельдмаршала Э. Манштейна. Эта новость застала В. Моделя в самый неподходящий момент. Он только что завершил анализ обстановки и пришел к выводу, что после того, как положение на фронте стабилизируется, группа армий «Север», скорее всего, сможет передать две дивизии группе армий «Юг». Он спешно переработал свой доклад, указав в качестве вывода, что группа армий готова немедленно перебросить на юг до пяти дивизий и корпусное управление. Кроме того, туда же будет направлена 12-я танковая дивизия, как только ей на замену придут две бригады штурмовых орудий и танковый батальон.

29 марта В. Модель прибыл в штаб-квартиру фюрера. Официально все еще пребывая на должности командующего группой армий «Север», он попытался использовать свой авторитет для того, чтобы получить максимум войск с прежнего участка на новое место назначения. По словам К. Цейцлера, В. Модель предпринял «бесцеремонные попытки» убедить Гитлера передать ему на новый участок фронта сначала пять, а затем и шесть дивизий. В отправленной в штаб группы армий «Север» телеграмме он заявлял, что фюрер отдал приказ о переброске шести дивизий. В телефонном разговоре с начальником штаба группы армий он дал тому полчаса для того, чтобы доложить о начале выполнения приказа. Наконец, К. Цейцлер был вынужден вмешаться и приказал группе армий не реагировать на приказы В. Моделя.

31 марта, после того как В. Модель был назначен командующим группой армий «Юг», К. Цейцлер сумел убедить Гитлера сократить число отправляемых на южный участок фронта дивизий до одной, да и то не сразу, а «в скором будущем». Новым командующим группой армий «Север» был назначен старший из командующих армий генерал-полковник Г. Линдеман.

## «Эхо» в Финляндии

В конце 1944 г. ОКВ взяло на себя болезненную задачу обсудить с финской стороной ход событий южнее Ленинграда. В. Кейтель обратился к К. Маннергейму с письмом, в котором уверял, что группа армий «Север» будет продолжать удерживать рубеж по реке Луга. Он спрашивал маршала о том, какую помощь немецкая сторона может оказать финнам в качестве компенсации за рост угрозы советского наступления. В ответ К. Маннергейм предложил 20-й горной армии растянуть свой правый фланг на юг до района Ухты; тем самым финская армия получала бы возможность высвободить одну дивизию. Командующий 20-й армией Э. Дитль резко возражал против этого. Он заявлял, что, связав на второстепенном участке фронта в Финляндии дополнительные немецкие части, Германия слишком распылит свои силы, что Финляндия могла бы внести более значительный вклад в дело тотальной войны. Эта страна вполне способна набрать еще одну дивизию за счет собственных резервов, «не взваливая этот груз на Германию, на плечах которой и так лежит все бремя войны». Кроме того, Э. Дитль был раздосадован недавними протестами финской стороны по поводу незначительного отступления немецких войск в Финляндии. Э. Дитль намеревался просить К. Маннергейма не возражать против передачи максимально возможного количества войск группе армий «Север», «которая также сражается за Финляндию». Однако командование ОКВ, памятуя предупреждения, поступившие из Финляндии осенью 1943 г., предвидело, что реакция К. Маннергейма будет довольно сдержанной. Поэтому Э. Дитль получил приказ, чтобы его войска взяли под свою ответственность и участок в районе Ухты.

Во время конференции в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) Ф. Рузвельт и У. Черчилль проинформировали И.В. Сталина, что хотели бы, чтобы Финляндия вышла из войны прежде, чем начнется запланированное на весну 1944 г. вторжение союзников в Западную Европу. Кроме того, они настаивали на том, чтобы после заключенного мирного договора Финляндия сохранила свою независимость. Ф. Рузвельт как представитель единственной страны из трех, которая не находилась с Финляндией в состоянии войны, предложил попытаться убедить финнов обратиться к антигитлеровской коалиции с просьбой о перемирии. И.В. Сталин заметил, что в свете попыток финнов зондировать почву для заключения мира Советский Союз не вынашивает планов против независимости Финляндии. В то же время он добавил, что Советский Союз потребует восстановления границы 1940 г. Кроме того, финнам придется уступить русским Печенгу (старинная русская Печенга была подарена Финляндии в 1920 г. правительством Ленина и переименована в Петсамо. — *Ред.*) и выплатить русским значительную репарацию.

Ночью 6 февраля 200 советских самолетов бомбили Хельсинки. На следующий день американский Государственный департамент направил финскому правительству ноту, где говорилось, что чем дальше Финляндия будет продолжать участвовать в войне, тем тяжелее для нее будут условия мирного договора. 8-го числа в советской газете «Известия» была опубликована большая передовая статья. Там рассматривался вопрос о возможном советском наступлении на Хельсинки и прямо указывалось на то, что у русских более чем достаточно для этого сил. 10 февраля текст американской ноты был опубликован в финских газетах. Там же, в редакционных статьях, почти единодушно выражалось мнение в пользу поисков путей к заключению мира. Той ночью 150 советских бомбардировщиков совершили рейд на финский город Котку. 12 февраля финское правительство направило бывшего премьер-министра страны и последнего посла в Советском Союзе доктора Ю. Паасикиви в Стокгольм, где советский посол в Швеции А.М. Коллонтай должна была передать ему условия, выдвигаемые советской стороной для заключения мира.

Начавшиеся в Стокгольме переговоры и отчаянное положение, в которое попала группа армий «Север», заставили немцев срочно задуматься над тем, как удержать контроль над Балтийским морем. В результате потери Нарвы блокада советского Балтийского флота была в значительной мере ослаблена. Советско-финское перемирие могло бы выбить все оставшиеся опоры из-под германской стратегии на Балтике. В случае если остров Сурсари (остров Гогланд — после войны отошел к СССР. — *Ред.*) и полуостров Ханко станут нейтральными или попадут в руки русских, они перестанут выполнять роль пробки, которая закупоривала советские военные корабли в восточной части Финского залива. Кроме того, возможный контроль противника над Аландскими островами давал возможность блокировать поставки железной руды со шведского острова Лулео. Как только советский военный флот сможет выйти на просторы Балтийского моря, немцы потеряют возможность готовить там своих подводников, что, в свою очередь, окончательно решит судьбу немецкого подводного флота.

16 февраля Гитлер издал приказ об оккупации острова Сурсари и Аландских островов в случае изменения политического курса Финляндии. ОКВ приступило к планированию операций с кодовыми названиями Tanne West (Аландские острова) и Tanne Ost (остров Гогланд — Сурсари) (см. карту 1). Для выполнения операции Tanne West привлекались 416-я пехотная дивизия, дислоцировавшаяся в Дании, а также парашютно-десантный полк. Захват острова Гогланд должен был проводиться силами войск группы армий «Север». Предполагалось, что финские войска при этом сопротивления ока-

зывать не станут. Общее руководство операциями Таппе возлагалось на ОКВ; при этом ОКМ и ОКЛ должны были подчиняться командованию ОКВ в тактическом отношении.

Одновременно командование 20-й горной армии вернулось к выполнению директивы фюрера № 50 и начало разработку операции под кодовым названием *Virke*. По плану *Virke* армия предложила быстро отвести свой правый фланг к рубежу, который проходил от Кааресуванто, у границы со Швецией, к шоссе, ведущему к Северному Ледовитому океану, южнее Ивало. Предполагалось, что маневр войсками будет осуществляться в два этапа. На первом этапе XXXVI и XVIII горнострелковые корпуса отступят в районах Кандалакши, Лоухи и Ухты к Рованиеми. Восточнее Рованиеми следовало создать промежуточный рубеж Кемиярви—Аутинкюля и удерживать его до тех пор, пока основные силы благополучно не проследуют в северном направлении через Рованиеми. На втором этапе XXXVI горнострелковый корпус будет переброшен на север, на новый участок южнее Ивало, вдоль арктической шоссейной дороги, на соединение с правым флангом XIX горнострелкового корпуса, участок фронта которого проходил восточнее и южнее Печенги. XVIII горнострелковый корпус должен был отступить на северо-запад, через дорогу Рованиеми—Шиботн, и остановиться на рубеже юго-восточнее границы со Швецией, в районе Кааресуванто (см. карту 34).

Окончательный вариант второго этапа операции нельзя было подготовить заранее, поскольку его выполнение зависело от погоды. В летнее время он мог осуществляться так, как предусматривалось замыслом. Но зимой находящийся на финской территории участок дороги Рованиеми—Шиботн был непроходим. Следовательно, зимой XXXVI и XVIII горнострелковым корпусам пришлось бы продвигаться на север вдоль арктического шоссе. Далее XVIII горнострелковый корпус продолжил бы продвижение на территорию Северной Норвегии, а войска XXXVI корпуса были бы использованы для укрепления рубежа в районе Кааресуванто.

Необходимость выполнять положения директивы фюрера № 50 вызывала в 20-й горной армии глухое недовольство. Сразу же после получения этого приказа командование армии указывало, что попытка удержать северную часть Финляндии почти наверняка будет бесперспективной, поскольку морской путь вокруг побережья Норвегии будет легко отрезан, что сделает невозможным как продолжение перевозки железной руды (медно-никелевого концентрата из района Петсамо (Печенги). — *Ред.*), так и тыловое снабжение войск. При планировании операции *Virke* выявились и новые сложности. 20-я горная армия не имела достаточно сил для того, чтобы заранее создать прочную оборону на рубежах в районе Ивало и Кааресуванто. Кроме того, немцы не могли начать там работы, не поставив предварительно в известность финскую сторону. Отход войск пред-



стояло осуществлять всего по нескольким дорогам, труднопроходимым в зимнее время года и подвергающимся почти круглосуточным налетам авиации противника летом. И наконец, фронт в Северной Финляндии предстояло создавать при крайне тяжелых погодных условиях и на неблагоприятной местности.

Советско-финские переговоры проходили в Стокгольме в течение двух недель в обстановке полной секретности. Все это время советская бомбардировочная авиация продолжала налеты на финские города. 27 февраля в особенно мощном налете на Хельсинки участвовало 300 самолетов. С 26 февраля просочились некоторые сведения об условиях, которые ставила перед финнами советская сторона, а 28-го числа советское правительство опубликовало свои требования полностью: 1) интернирование 20-й горной армии либо средствами самих финнов, либо с помощью советских войск; 2) восстановление границы 1940 г.; 3) возврат советской стороне всех военнопленных и гражданских интернированных лиц; 4) демобилизация финской армии, полная или частичная, что являлось предметом дальнейшего обсуждения; 5) выплата репараций, размер которых будет определен позднее; 6) обсуждение вопроса о передаче Советскому Союзу района Печенги. По настоянию советской стороны пункты 2 и 3 относительно начертания границы и обмена военнопленными должны были быть выполнены до заключения перемирия. 8 марта финское правительство в мягкой форме заявило, что эти пункты неприемлемы в качестве предварительного условия для заключения перемирия. Оно также возражало против требования об интернировании 20-й горной армии, заявляя, что его выполнение невозможно технически. После того как советская сторона определила 18 марта в качестве срока получения окончательного ответа от финнов, 17-го числа финское правительство отвергло эти условия, но выразило намерение продолжать переговоры.

На самом деле требования русских были более жесткими, чем те, о которых И.В. Сталин говорил с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем на конференции в Тегеране. Получив отказ от финской стороны, советское правительство смягчило тон переговоров и через несколько дней объявило, что намерено еще раз пересмотреть условия заключения перемирия. 26 марта Паасикиви и бывший министр иностранных дел Финляндии К. Энкель вылетели в Москву. Там советский министр иностранных дел В.М. Молотов огласил новые условия, которые на этот раз полностью соответствовали обязательствам, данным И.В. Сталиным союзникам на конференции в Тегеране. В частности, советская сторона отказалась от требования выполнить некоторые условия еще до заключения перемирия. Кроме того, русские больше не настаивали на интернировании 20-й армии.

Теперь финны должны были просто убрать со своей территории все немецкие части до конца апреля 1944 г., причем без угрозы «содействия» со стороны советских войск. По двум пунктам советская сторона придерживалась жестких требований: она потребовала репараций в размере 60 млн долларов, а также настаивала на передаче Советскому Союзу Печенги. Взамен финнам возвращался полуостров Ханко, вопрос об аренде которого стал одной из главных причин советско-финского конфликта 1939—1940 гг.

18 апреля финская сторона во второй раз отвергла условия русских. На этот раз причиной стал размер репараций, которые финны посчитали для себя непосильным бременем. Все еще владея значительной советской территорией и не зная поражений армии на поле боя, они надеялись заключить мир на более выгодных для себя условиях. К тому же чувство тревоги, близкой к панике, которое овладело населением страны в феврале и послужило поводом для начала переговоров Паасикиви в Стокгольме, постепенно сошло на нет после того, как войска группы армий «Север» успешно отошли на рубеж «Пантера».

На первом этапе переговоров германское правительство сохраняло сдержанность, полагая, что финны пока еще не готовы к заключению мира любой ценой и что один только перечень требований советской стороны заставит их в страхе отказаться от таких намерений. По мере того как улучшалась обстановка на фронте группы армий «Север» и росло недовольство правительства Финляндии предлагаемыми ему условиями мира, Гитлер начал оказывать на финнов давление. С марта он сократил поставки вооружений финнам, а в начале апреля попросил передать К. Маннергейму, что намерен полностью прекратить поставки до тех пор, пока существует опасность того, что они сдадутся на милость врагу. С 13 апреля Германия прекратила поставки в Финляндию зерновых, а с 18-го числа было приостановлено снабжение финских войск оружием и боеприпасами. Официально финнам не объявляли о введении эмбарго. Но его эффект стал ощущаться очень скоро.

В конце месяца в ставку фюрера был приглашен начальник Генерального штаба Финляндии. Здесь во второй раз после визита в Финляндию В. Кейтеля А. Йодль дружеским тоном сообщил ему, что необходимо соответствующее авторитетное заявление, которое даст понять, что поставляемое финнам вооружение не попадет в руки Советского Союза. К. Маннергейм попытался свести это к личному письму на имя Гитлера. Но тот, посчитав, что послание составлено чересчур осторожным и дипломатичным тоном, отказался снять эмбарго под тем предлогом, что он не желает снабжать вооружением и боеприпасами армию, чья боеспособность явно понизилась.

Всю зиму, как и в течение двух прошедших лет, на финском участке фронта было спокойно. Но в феврале Карельский фронт начал

сосредоточение сил на участке 20-й горной армии. К началу марта советская группировка на этом участке увеличилась со 100 тыс. до 163 тыс. солдат и офицеров, что свидетельствовало о явных приготовлениях к широкомасштабному советскому наступлению, которое могло начаться еще до конца месяца. Особенно активные приготовления велись напротив участка XXXVI горнострелкового корпуса по обе стороны дороги, которая вела через территорию Финляндии к Ботническому заливу. Там русские сосредоточили до двух свежих дивизий и четырех бригад, которые поддерживала реактивная и ствольная артиллерия. Правый фланг группировки был вытянут на северо-запад таким образом, что он образовывал своего рода трамплин, нацеленный в тыл немецкой передовой линии обороны. 22 марта командование 20-й горной армии сделало вывод о том, что сосредоточение советских войск завершено и начала наступления следует ожидать в любой момент.

Угроза советского наступления уменьшалась по мере того, как март близился к концу и приближалось время весеннего таяния снега. Э. Дитль пришел к выводу, что русские перейдут в наступление, если финны согласятся на перемирие. В апреле он предложил провести операцию с целью ликвидировать угрозу на фланге XXXVI горнострелкового корпуса и обратился за поддержкой к К. Маннергейму. Маршал отказался привлекать финские войска к наступлению, и 20-й горной армии, не обладавшей достаточными силами для проведения наступательной операции самостоятельно, пришлось смириться с тем, что тактическое преимущество осталось в руках советской стороны. Таким образом, зима на этом участке фронта не принесла видимых изменений, однако подспудно начало ощущаться охлаждение немецко-финских отношений.

## **Глава 13**

### **ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ САМИМ СЕБЕ**

#### **Стратегия в период распутицы**

В то время, когда в январе и феврале 1944 г. советское наступление ломало немецкую оборону как на северном, так и на южном фланге Восточного фронта, ОКВ, отвечавшее за все остальные театры военных действий, разрабатывало стратегию обеспечения обороны по всему периметру «крепости Европа». По оценкам оперативного штаба ОКВ, ход событий, начиная с конца 1942 г., после десанта в Дьеппе, битвы у Эль-Аламейна и высадки войск союзников в Северной Африке свидетельствовал о том, что они действительно намерены открыть второй фронт. Директивой фюрера № 51 от 3 ноября 1943 г. эта

концепция превратилась в основной принцип стратегии. Последующие события, начиная с конца месяца, времени проведения Тегеранской конференции, на которой Ф. Рузвельт и У. Черчилль обещали И.В. Сталину открыть второй фронт весной 1944 г., убедили представителей ОКВ в правильности их выводов.

В декабре оперативный штаб ОКВ разработал план, предусматривавший сведение к минимуму операций на всех остальных театрах военных действий в случае, если союзники решатся на вторжение крупными силами. В этом случае немцы не имели бы возможности обеспечить одинаково надежную оборону на всех угрожаемых направлениях. Однако от плана пришлось отказаться после высадки союзников в Анцио в январе 1943 г. Тогда немецкому командованию стало казаться, что союзники планируют провести последовательно высадку десантов вдоль всего побережья Европы, от Греции до Норвегии.

Оперативный штаб, подтверждая выводы, сделанные в докладе В. Кейтеля Гитлеру 13 февраля 1944 г., настаивал на том, что стратегия Германии на обеспечение обороны захваченных территорий была малоэффективной, так как противник, обладая крупными силами, развернутыми в Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, Северной Америке, Великобритании и Исландии, имел возможность в любое время нанести неожиданный удар, в результате чего большая часть немецких резервов окажется связанной. Представители штаба подтверждали, что задачей Германии было упорно оборонять каждую пядь территорий в России, прежде чем удастся перехватить инициативу после того, как ожидаемое крупное вторжение сил англо-американцев и все отвлекающие операции будут отражены. После этого высвободятся силы, которые можно будет использовать для нанесения решающего поражения Советскому Союзу.

Не успели еще высохнуть чернила на бумаге этого документа, как в оперативном штабе ОКВ начали высказывать сомнения относительно того, правильно ли будет подчинить развертывание германских вооруженных сил только для решения задач по сдерживанию советского наступления и отражения десантов союзников. Наступление советских войск в направлении Балкан вызвало активизацию там партизанского движения и неприятные для немцев отголоски в Венгрии, Румынии и Болгарии. Теперь немецкая сторона и в первую очередь ОКВ должны были учитывать и этот фактор при планировании дальнейшего распределения сил.

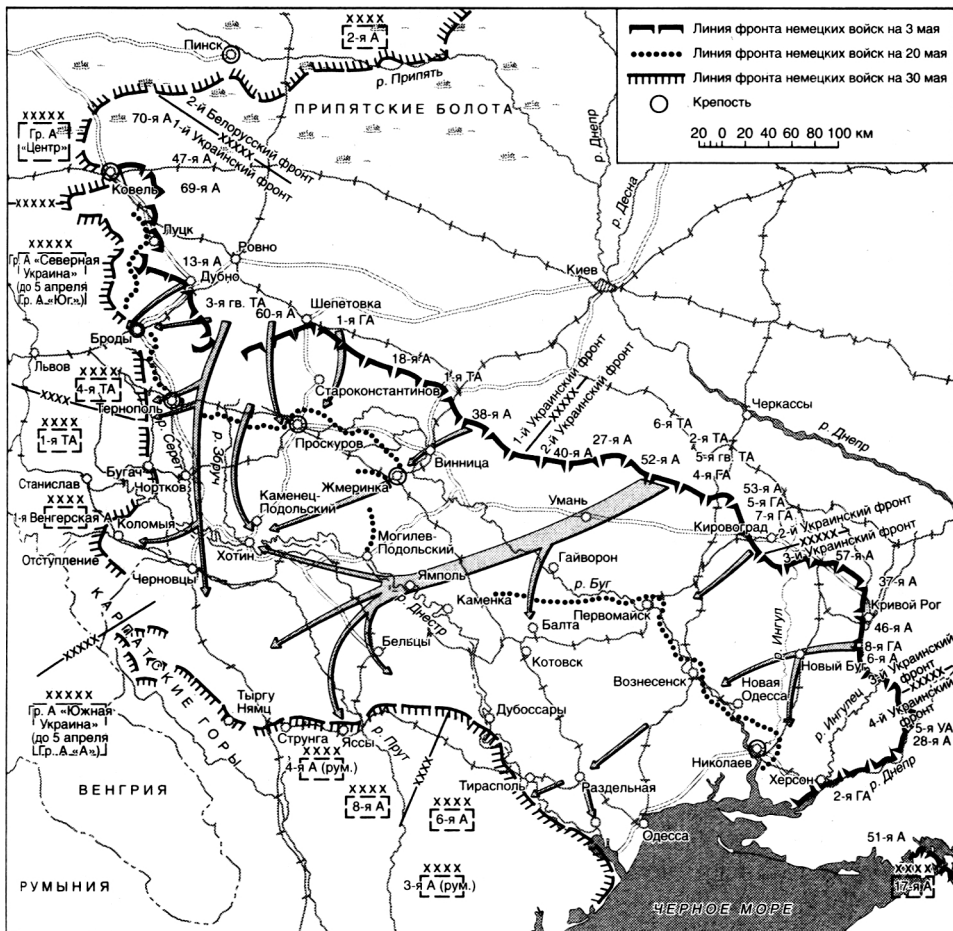
В то же время, с точки зрения руководства ОКВ, директива фюрера № 51, согласно которой с февраля 1944 г. Восточный фронт должен был полагаться исключительно на собственные силы, весьма успешно претворялась в жизнь. Несмотря на тяжелейшие бои, развернувшиеся как на северном, так и на южном участках, с театров ОКВ, а именно из Норвегии, на Восток была переброшена

лишь одна 214-я пехотная дивизия. Кроме того, туда же были направлены три вновь сформированных полка. По истечении второй недели февраля в ОКВ полагали, что армии в России сумеют пережить еще одну зимнюю кампанию, опираясь исключительно на собственные силы. Обстановка в группе армий «Север» под командованием генерала В. Моделя стабилизировалась, особенно после того, как войска отошли на новый хорошо укрепленный рубеж. Положение групп армий «А» и «Юг» было менее устойчивым, но и здесь после прорыва немецких войск в районе Черкасс русским ничего не удалось добиться. Несмотря на то что весь южный фланг Восточного фронта провис между рекой Днепр и следующим естественным рубежом к западу рекой Буг, приближалось весеннее таяние снега. Теперь русским пришлось бы продвигаться в условиях необычно теплой зимы; кроме того, следовало ожидать в течение ближайших дней или в крайнем случае недель установления распутицы, что парализует фронт на месяц и даже более. К концу февраля в ОКВ все были убеждены, что до наступления распутицы русские уже не успеют ничего предпринять. 27 февраля Гитлер отдал приказ об отводе дивизии «Адольф Гитлер» с переднего края в район северо-восточнее Умани. Соединение должно было находиться в готовности к переброске либо в Бельгию, либо в Голландию.

### **Весеннее наступление советских войск**

В начале марта 1944 г. участок Восточного фронта южнее Припятских болот представлял собой узкую зигзагообразную линию, которую можно было разрезать пополам проведением вертикали от Ковеля до Днепра немного юго-западнее от Кривого Рога (см. карту 24). Группы армий «А» и «Юг» все еще удерживали территорию между реками Буг и Днепр. Немцы потеряли контроль практически над всеми железными дорогами, идущими через Днепр с востока, и все переправы через Днепр, за исключением одной, в районе Херсона. Кроме того, они все еще контролировали железную дорогу Львов—Одесса. Впервые за два последних месяца на фронте практически не было ни одного разрыва, правда, за одним очень важным исключением. Хуже было то, что в распоряжении немецкой стороны не осталось значительных естественных оборонительных рубежей, кроме двух очень узких участков в нижнем течении Днепра и по реке Ингулец. Якобы сплошная линия фронта, нанесенная на карты, на самом деле имела до десятка разрывов. На таких участках немецкая оборона либо была очень слабой, либо вообще отсутствовала, о чем непосвященный не мог даже догадываться.

На фронте группы армий «Юг» 4-й танковой армии под мощным натиском советских войск не удалось закрыть брешь в районе к за-



Карта 24. Весеннее наступление советских войск

паду от Шепетовки шириной примерно 60 км. 2 марта немцам пришлось оставить Ямполь. По мнению Э. Манштейна, русские до наступления распутицы попытаются здесь как минимум нанести удар на юг и перерезать железную дорогу Львов—Одесса между Тернополем и Проскуровом (совр. Хмельницкий). Он был более чем уверен, что главная угроза существовала именно на этом фланге, где русских отделила от железной дороги всего 50 км. Преодолев еще 100 км, они бы вышли к Днестру, откуда до реки Прут и до Карпат оставалось еще примерно 50 км.

Итак, для того чтобы преодолеть три естественных рубежа по рекам Буг, Днестр и Прут, которые могли быть использованы немцами для организации обороны, советским войскам было достаточно

совершить бросок примерно на 200 км. 6-я немецкая армия пока занимала оборону примерно в 150 км восточнее Буга, 300 км восточнее Днестра и около 500 км восточнее реки Прут.

После прорыва из окружения в районе Черкасс Э. Манштейн начал перераспределять части, скопившиеся на стыке 1-й танковой и 8-й армий. Он перебросил на север, в район Проскурова, управление III танкового корпуса, четыре танковые дивизии и артиллерийскую дивизию. В распоряжение 4-й танковой армии передавались две танковые дивизии и три вновь сформированные пехотные дивизии, которые должны были прибыть из Германии. В начале марта Э. Манштейн передислоцировал три свои армии севернее и передал в распоряжение 6-й армии правофланговый корпус с угрожаемого участка 8-й армии. Одновременно правофланговый корпус 1-й танковой армии переходил в подчинение 8-й армии, а правофланговый корпус 4-й танковой армии — в 1-ю танковую армию. В результате 1-я танковая армия получила оборонительный рубеж Шепетовка—Проскуров, а 4-й танковой армии досталась брешь западнее рубежа Тернополь—Шепетовка, а также участок фронта севернее Ковеля. Осуществляя этот маневр, Э. Манштейн подвергал войска двум серьезным угрозам: во-первых, условия распутицы и состояние войск и техники не позволяли всем соединениям совершить соответствующий маневр до конца второй недели марта. Во-вторых, переброска танковых дивизий еще более ослабляла и без того неустойчивый правый фланг обороны 8-й армии, поскольку этот участок пришлось занять двум корпусам, сильно потрепанным в окружении в районе Черкасс.

Но, даже несмотря на это, к 1 марта русские везде замедлили темпы наступления или совсем остановились, за исключением района западнее Шепетовки. По опыту предыдущих лет можно было предположить, что после вынужденной остановки на время распутицы русские могли возобновить наступление на любом участке. Во время боев в январе и феврале ни один из четырех Украинских фронтов не израсходовал своих резервов. Напротив, были накоплены новые значительные силы. К середине февраля советская Ставка сосредоточила перед фронтом группы армий «Юг» пять из имеющихся в ее распоряжении шести танковых армий. Три из них находились в резерве. К концу месяца сюда же была переброшена и шестая танковая армия. Перед участками каждой немецкой армии были сосредоточены по несколько танковых и механизированных корпусов. Зимой 1944 г. русские уже сумели доказать, что способны наступать и маневрировать даже в условиях бездорожья. Грузовой транспорт американского производства позволял им осуществлять переброски подвижных войск на такие расстояния и по таким дорогам, перед которыми была бессильна немецкая техника. Советская пехота использовала также для перемещения доставшиеся ей в наследство от прежних времен

легкие телеги на конной тяге с узкими и высокими колесами, которым не была страшна никакая грязь. К марту в распоряжении каждого советского минометного и артиллерийского расчета, а также почти каждого отделения пехоты была такая повозка, с помощью которой перевозилась техника, боеприпасы и продовольствие. Конные повозки помогали солдатам преодолевать трудности переходов в условиях распутицы, кроме того, они в значительной мере облегчали тыловое снабжение советских частей и подразделений.

Э. Манштейн оказался прав в своем предположении о том, что советские войска сосредоточат основные усилия против северного участка его фронта. Самый мощный из четырех Украинских фронтов 1-й Украинский фронт передал район Припятских болот вновь сформированному 2-му Белорусскому фронту и сосредоточил свои войска перед фронтом 1-й и 4-й танковых армий. После того как во время инспекционной поездки получил тяжелое ранение (и умер. — *Ред.*) командующий фронтом Н.Ф. Ватутин, командование войсками фронта принял Г.К. Жуков. 2-й Украинский фронт под командованием И.С. Конева, имевший в своем составе мощную группировку подвижных войск, развернулся перед участком, который занимала ослабленная 8-я армия. Войска 3-го Украинского фронта Р.Я. Малиновского противостояли 6-й немецкой армии на излучине Днепра. В его составе было меньше танковых соединений, чем в двух первых фронтах, однако он был усилен дивизиями, переданными из 4-го Украинского фронта, сосредоточенного южнее Днепра и нацеленного на Крымский полуостров. Планами советской Ставки предусматривалось нанесение удара силами 1-го Украинского фронта в стык 1-й и 4-й танковых армий с последующим преодолением водных преград, расположенных западнее, и наступлением на Карпаты. В соответствии с тогдашней советской военной доктриной, одновременно должны были наноситься почти столь же мощные вспомогательные удары силами 2-го Украинского фронта на запад на левом фланге немецкой 8-й армии и 3-го Украинского фронта на центральном участке обороны немецкой 6-й армии<sup>1</sup>.

4 марта началось наступление войск 1-го Украинского фронта. 3-я гвардейская танковая армия нанесла удар на стыке немецких 1-й и 4-й танковых армий и стала стремительно продвигаться на юг. Войска 1-й гвардейской армии прорвали оборону немецкой 1-й танковой армии восточнее Шепетовки и севернее Проскурова. На следующий день 13-я армия перешла в наступление в западном направлении в районе между Луцком и Дубно.

Попавший в клещи между двумя наступающими советскими армиями XIX армейский корпус 1-й танковой армии стал отходить

---

<sup>1</sup> *Платонов С.П.* Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 557; Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. *П.А. Жилина.* С. 305.



левым флангом от Шепетовки на юг. Все, что немецкая 4-я танковая армия могла противопоставить наступающим русским в районе севернее участка железной дороги между Тернополем и Проскуровом, были отдельные части из состава XXXXVIII танкового корпуса. Э. Манштейн отдал приказ войскам 1-й и 4-й танковых армий остановить советское наступление севернее железной дороги и нанести удары во фланг противнику из районов Тернополя и Проскурова. Для этого 1-я танковая армия должна была сосредоточить III танковый корпус в составе четырех танковых дивизий в районе Проскурова. Однако в тот момент эти дивизии все еще находились на участке 8-й армии и грузились в эшелоны или готовились к погрузке. Предназначенные для 4-й танковой армии две пехотные дивизии двигались в сторону Тернополя по железной дороге. Но это были только что сформированные соединения, которые почти полностью состояли из молодежи 18 лет.

К 6 марта русские пробили брешь шириной примерно 140 км между 1-й и 4-й танковыми армиями. На восточном участке LIX армейский корпус оказался отрезанным в районе Староконстантинова. На участке между Тернополем и Проскуровом XXXXVIII танковому корпусу с помощью части сил дивизии «Адольф Гитлер» и 7-й танковой дивизии удалось отбить у русских небольшой участок фронта. При этом в 7-й танковой дивизии совсем не осталось танков; ожидалось, что через несколько дней из ремонта придут до 10 единиц бронетехники. В это время в район западнее Тернополя стали прибывать и разгружаться первые эшелоны с войсками пехотных дивизий, предназначенных для 4-й танковой армии. Разгрузка войск в самом городе стала слишком опасной.

В течение следующих четырех дней немцам удалось стабилизировать свою оборону. Начали сказываться усилия, предпринимаемые двумя танковыми армиями для укрепления своих флангов. 4-я танковая армия использовала одну из вновь прибывших пехотных дивизий для организации оборонительного рубежа севернее Тернополя. Вторая дивизия была направлена в город по железной дороге. Из Польши на этот участок перебрасывалась еще одна пехотная дивизия; кроме того, Э. Манштейн обещал, что четвертая дивизия вскоре придет из Дании. 1-я танковая армия отвела LIX армейский корпус из Староконстантинова в район Проскурова. Одновременно она использовала части трех танковых дивизий для того, чтобы закрыть брешь между войсками корпуса и главными силами армии. В районе Проскурова были сосредоточены дивизии III танкового корпуса, силы которого постоянно увеличивались за счет частей, перебрасываемых из 8-й армии, а также прибывающих на этот участок частей LIX армейского корпуса.

В то же время Г.К. Жуков стремился вывести свои войска на оперативный простор. Несколько раз советские войска в результате от-

чайных атак выходили практически к центру Тернополя, но всякий раз немцам удавалось отразить наступление. Советские танки при поддержке пехоты нанесли удар на широком фронте вдоль железной дороги, однако, как бы ни были ошеломлены части XXXXVIII танкового корпуса, они смогли удержаться на занимаемых позициях.

8 марта 1944 г. в своем приказе № 11 фюрер ввел очередную тактическую концепцию для Восточного фронта. Несмотря на то что эффект стал ощущаться не сразу, этот приказ оказал самое прямое воздействие на бои, разгоревшиеся в тот момент на южном участке Восточного фронта. Положения приказа были вызваны раздражением Гитлера по поводу отступления в районе Невеля и Ровно. Кроме того, они свидетельствовали о растущем желании немецкого военного руководства принять меры, вплоть до самых отчаянных, для того, чтобы замедлить советское наступление. Гитлер и раньше любил употреблять слово «крепость», например, так было в случае со Сталинградом. Согласно приказу фюрера № 11, «укрепленным районом» объявлялся любой крупный населенный пункт, расположенный по обе стороны линий коммуникаций, где располагался немецкий гарнизон, и который, по словам самого Гитлера, «в прошлом был соответствующим образом укреплен для выполнения таких же задач».

Во главе такого «укрепленного района» должен был ставиться генерал или старший офицер, напрямую подчиненный командующему группой армий. Соответственно снять такого офицера с его должности мог тоже только командующий группой армий с согласия Гитлера. Задача у таких «укрепленных районов» была одна: держаться до последнего солдата. Немцы называли такие гарнизоны *Nimselfahrtskommandos* (буквально «получившие приказ отправиться на небеса»). Комендант наделялся полномочиями командира корпуса, что автоматически давало ему право вынесения смертных приговоров. Гитлер причислил к «укрепленным районам» двадцать шесть крупных населенных пунктов на территории Советского Союза, которая пока еще находилась в руках у немцев. В зоне ответственности группы армий «Юг» это были Тернополь, Проскуров, Ковель, Броды, Винница и Первомайск.

Наступление войск И.С. Конева и Р.Я. Малиновского на участках немецких 8-й и 6-й армий началось 5 и 6 марта. 4-я гвардейская армия при поддержке 5-й и 6-й гвардейских танковых армий нанесла удар на фронте 8-й армии северо-восточнее Умани. Оборонявшиеся там две немецкие дивизии не смогли устоять под массивными ударами советских танков и пехоты. На четвертый день наступления 5-я гвардейская танковая армия вышла на рубеж в

40 км от Умани, и войска И.С. Конева нанесли вспомогательный удар западнее Кировограда в стык между 8-й и 6-й армиями.

Вскоре, 10 марта, пал город Умань. Доклад об этом поступил в штаб 8-й армии буквально через несколько минут после того, как там получили приказ Гитлера с требованием удерживать город. Еще через два дня рассыпался практически весь левый фланг участка фронта 8-й армии: был потерян контакт с 1-й танковой армией, а остатки оборонявшихся четырех дивизий были отброшены на юг и на запад, к Бугу. 11 марта начальник штаба 8-й армии, совершая рекогносцировочный полет вдоль Буга, наблюдал длинные вереницы немецких солдат, которые поодиночке и небольшими группами брели в сторону реки. Войска потеряли тяжелую технику, а грузовые автомобили увязли в грязи на пути к переправам.

Против центрального участка обороны 6-й немецкой армии Р.Я. Мапиновский утром 6 марта бросил гвардейский механизированный корпус, а также три гвардейских стрелковых корпуса из состава 8-й гвардейской армии. К. Холлидту предстояло отразить фронтальный удар советских войск, если он вообще имел такую возможность. Он подтянул на этот участок две дивизии из резерва, однако на одном из участков русские нанесли удар по артиллерийскому дивизиону, использованному немцами в качестве пехоты, и закрепились на захваченном плацдарме. В последующем они углубили прорыв до 8 км. 7 марта 4-й гвардейский механизированный корпус и 4-й гвардейский кавалерийский корпус вышли на оперативный простор и стремительно преодолели 40 км, отделявшие их от Нового Буга. В ту ночь штаб 6-й армии едва успел погрузить в штабной поезд аппаратуру связи. Как только эшелон вышел из города, он попал под мощный минометный и пулеметный огонь противника. К концу дня армия оказалась в становившейся уже привычной угрожающей ситуации: войска рассечены надвое мощными наступающими группировками противника, беспрепятственно маневрирующими на глубине примерно 40 км в немецком тылу.

8-го числа войска армии стали отвоевывать назад выступ на своем северном фланге, не дожидаясь письменных распоряжений. Предыдущей ночью Гитлер запретил отход с занимаемых рубежей под тем предлогом, что в период распутицы это было затруднительно. К тому же он посчитал, что силы прорвавшихся русских были далеко не такими значительными, как ему докладывали. Затем днем он изменил свое решение и разрешил армии отойти на рубеж между устьем реки Ингулец и Новым Бугом. К тому времени советские танки и кавалерия совершили маневр в южном направлении и вышли к реке Ингул, очередной водной преграде к западу. Э. Клейст доложил К. Цейцлеру, что 6-я армия не способна удерживать оборону на восточном берегу Буга. Она неминуемо будет разгромлена, если останется на этом рубеже. По его мнению, пришло время, ког-

да вышестоящие штабы не должны отвергать все предложения, которые исходят от командования группы армий.

В ночь на 11 марта Гитлер приказал, чтобы 6-я и 8-я армии, «наконец, прекратили отступать и остановили противника на реке Буг». 8-я армия, участок которой находился севернее, к тому времени уже могла потерять возможность отвести свои правофланговые соединения за Буг, прежде чем русские форсируют реку.

К началу второй недели марта наступление войск 1-го Украинского фронта было не таким стремительным, как планировалось. Решительные меры, принятые Э. Манштейном для того, чтобы удержать оборону на северном участке, блокировали наступление русских как на Тернопольском, так и на Проскуровском направлениях. 12 марта еще одна, третья по счету, пехотная дивизия была выгружена за Тернополем и начала развертывание войск на рубеже южнее города. В течение следующих трех дней 1-й и 4-й танковым армиям удалось сомкнуть фланги. 16 марта командование 4-й армии сделало прогноз, согласно которому в течение еще трех дней она сможет очистить от противника район железной дороги. Но Э. Манштейн предупредил командование армии, что ему не следует уделять слишком большое внимание железной дороге, так как противник все равно перерезал ее южнее, на стыке 1-й танковой и 8-й армий.

К тому времени Г.К. Жуков несколько ослабил давление в центре и начал наступление силами своих правофланговых армий. На северном участке 13-я армия усилила давление в районе Луцка и Дубно и 16 марта выбила немцев из этих городов (Луцк был освобожден советскими войсками еще 2 февраля. — *Ред.*). Еще севернее генерал СС, командовавший обороной ковельского «укрепленного района», в тот же день доложил, что его войска окружены, и попросил разрешение на отход, пока это было возможно. В ответной телеграмме его шеф Г. Гиммлер написал: «Вас отправили в Ковель для того, чтобы защищать его. Выполняйте приказ». Э. Манштейн отдал более реалистичное распоряжение. Он приказал XXXII армейскому корпусу перебросить на восток из тыловых районов на территории Польши 131-ю пехотную дивизию и дивизию СС «Викинг» для облегчения обстановки в районе Ковеля. И то и другое соединение пережили окружение в районе Черкасс. Ни одно из них не имело тяжелого вооружения; в дивизии СС «Викинг» даже не хватало винтовок и автоматов для того, чтобы вооружить всех своих солдат (новобранцев. — *Ред.*). В добавление к прочим неудачам попаданием в вагон с боеприпасами был выведен из строя бронепоезд, который должен был обеспечить артиллерийскую поддержку дивизии.

На юго-востоке к 11 марта 8-я армия в результате наступления войск И.С. Конева лишилась своей «якорной позиции» на правом

фланге. Стрелковые дивизии советской 38-й армии проломили оборону 1-й танковой армии и расчленили ее правофланговый корпус. При мощной поддержке войск 2-го Украинского фронта, обладавшего значительным количеством танков, который наступал на запад в районе между Бугом и Днестром, 38-я армия нанесла удар на фланге 1-й танковой армии в направлении на Винницу. Советская пехота на 40% состояла из так называемых «трофейных украинцев», которых призывали в армию по мере продвигания русских на запад. Но низкое качество подготовки этих солдат компенсировалось их большим количеством, которое было чрезмерным для измотанных немецких дивизий (советские войска в описываемой операции превосходили немцев в живой силе в 1,6 раза, в танках в 1,3 раза, в орудиях и минометах в 2,1 раза при равной авиации. — *Ред.*).

На фланге XXXXVI танковый корпус медленно отходил на юг, пытаясь прикрыть переправы через Днестр в районе Ямполья и Могилева-Подольского. Корпус пытался преградить путь советской 6-й танковой армии и был отброшен на запад, к району севернее реки. Но и там корпус не смог закрепиться. 17 марта части 75-й пехотной дивизии, переправившейся через Днестр в районе Ямполья, уничтожили мосты после того, как советские танки с десантом ворвались в город. Еще через два дня были взорваны мосты в районе Могилева-Подольского. По данным 75-й пехотной дивизии, русские форсировали реку на нескольких участках. Немцы не могли вести полноценную разведку, так как не имели свежих лошадей и располагали единственным автомобилем «Фольксваген». 20 марта 38-я армия освободила Винницу и собиралась продолжать наступление на юго-запад, через Жмеринку на Каменец-Подольский, в разрыв, образовавшийся на стыке 1-й танковой армии и XXXXVI танкового корпуса.

К 21 марта Г.К. Жуков накопил достаточно сил, включая три танковые армии (1-ю, 3-ю гвардейскую и 4-ю) и 1-ю гвардейскую армию для того, чтобы одним ударом проломить фронт между Тернополем и Проскуровом. В тот день 200 танков из состава советских 1-й и 4-й танковых армий протаранили фронт вдоль железной дороги и повернули на юг. Перед советским наступающим фронтом, подобно дрейфующим островам, отступали остатки немецких обороняющихся войск из состава 68-й пехотной дивизии, дивизии «Адольф Гитлер» и 7-й танковой дивизии.

23 марта советская 1-я танковая армия продолжала двигаться на запад. Ее войска атаковали немецкие пехотные дивизии по обе стороны от Тернополя и отбросили их примерно на 15 км. Гарнизон города держался в соответствии с приказом фюрера № 11, поскольку ни у кого не нашлось времени для того, чтобы дать войскам разрешение на отход. Восточнее 3-я гвардейская танковая армия и 1-я гвардейская армия вышли к Проскурову. В тот же день передо-

вые части 4-й танковой армии в составе двух танковых и одного механизированного корпуса заняли город Чортков в 30 км севернее Днестра. Они, очевидно, планировали переправиться через реку навстречу подвижным частям 2-го Украинского фронта, которые переправились через реку ниже по течению, в районе Могилева-Подольского, и двигались на запад.

Когда советские танки прошли Чортков, они перерезали одноколейную железную дорогу, служившую единственной линией снабжения немецкой 1-й танковой армии. Имея в тылу реку, армия практически попала в окружение. 23 марта Э. Манштейн передал в распоряжение армии 7-ю танковую дивизию, дивизию «Адольф Гитлер» и 68-ю пехотную дивизию, которые в любом случае перемещались в зону ответственности армии. Он приказал 1-й танковой армии отвести свой фронт на северном участке назад, использовать в качестве опоры на правом фланге реку Днестр и нанести удар в западном направлении с целью освободить район железной дороги. В то же время Гитлер настаивал на том, чтобы войска продолжали удерживать Проскуров. Он оставил за собой право принятия решения по данному участку обороны. Ни Э. Манштейн, ни командующий армией Г. Хубе не верили в то, что Проскуров удастся удержать. В тот же день Г. Хубе отдал приказ особым воинским командам начать уничтожение ненужной техники и имущества, а также реквизировать максимальное количество повозок для того, чтобы повысить мобильность войск.

25 марта Э. Манштейн вылетел в Берхтесгаден, где во время бурного объяснения с Гитлером во второй половине дня он отстаивал свою точку зрения, согласно которой 1-я танковая армия должна была пойти на прорыв. Приказ войскам необходимо было отдать в тот же день. Группе армий было необходимо передать как минимум один свежий армейский корпус, который должен был пробить дорогу к окруженным войскам с запада. Гитлер в резкой форме отказал фельдмаршалу, добавив, что тот «бездарно растратил» все переданные ему дивизии, что Э. Манштейн всегда думает только об отступлении, а не о том, чтобы удерживать занимаемые рубежи. Во время второй беседы, состоявшейся после полуночи, Гитлер изменил свою точку зрения. Он утвердил решение на прорыв и передал в распоряжение Э. Манштейна II танковый корпус СС в составе 9-й танковой дивизии СС «Гогенштауфен» и 10-й танковой дивизии СС «Фрундсберг», а также 100-й егерской и 367-й пехотной дивизий.

26 марта, когда Э. Манштейн возвращался самолетом в свою ставку в районе Львова, советская 4-я танковая армия развернулась на восток и заняла город Каменец-Подольский в тылу немецкой 1-й танковой армии. К этому времени танковые соединения фрон-

тов Г.К. Жукова и И.С. Конева развернулись за Днестром для наступления веером с целью создать второе кольцо окружения вокруг немецкой танковой армии.

Решение о передаче Э. Манштейну дополнительных сил нелегко далось Гитлеру и ОКВ. Оно шло вразрез со стратегией, намеченной в директиве фюрера № 51. К тому же именно той зимой вторжение англо-американских войск казалось наиболее вероятным. Четыре пехотные дивизии, отправленные на восток несколько раньше, и еще две, переданные в распоряжение Э. Манштейна Гитлером 26 марта, входили в состав резерва ОКВ или относились к Северо-Восточному театру, который и так не имел достаточно сил. Потеря II танкового корпуса СС и его двух наспех сформированных танковых дивизий ослабляла силы отражения возможного вторжения. К тому же, исходя из прошлого опыта, в ОКВ знали, что возвращения соединений, переданных на Восточный фронт, придется ждать очень долго.

I-я танковая армия имела возможность попытаться совершить прорыв на одном из двух направлений. При этом ни одно из них не гарантировало стопроцентного успеха. Можно было попробовать прорываться на запад и северо-запад на соединение с частями 4-й танковой армии либо двигаться на юг через Днестр. Г. Хубе склонялся ко второму варианту. На западном направлении немцам противостояли две советские танковые армии. Кроме того, на своем пути немцам пришлось бы преодолеть две крупные водные преграды, несколько небольших рек и многочисленные заболоченные участки. Южнее Днестра немецкие войска удерживали небольшой плацдарм в районе Хотина, а противник, как казалось, не имел здесь большой концентрации своих сил. Э. Манштейна в первую очередь волновало то, чтобы I-я танковая армия оставалась на северном участке группы армии, а не была бы вытеснена в район Карпат или не сместилась южнее за позиции 8-й армии. Более того, он сомневался, что войскам I-й танковой армии удастся переправиться через Днестр, ширина которого в районе Хотина достигала 1,5 км. К тому же приближалось время весеннего половодья. 26 марта Манштейн отдал приказ Г. Хубе выводить войска на запад на соединение с 4-й танковой армией через тылы советских 4-й и 1-й танковой армий.

Перед Г. Хубе стояла чрезвычайно сложная в тактическом отношении задача собрать силы армии в кулак, отвести ее фронт на северном и восточном участках, а затем нанести удар русским в тыл. В результате должен будет образоваться компактный котел окружения, находящиеся в котором немецкие войска будут отходить вдоль Днестра, подобно движению гигантской амебы. Г. Хубе разделил армию на северную и южную группировки, каждой из которых предстояло силами пехоты отражать атаки противника и самим наносить удары своими подвижными частями. Он понимал, что особенно

важным этапом станет переправа через реку Збруч. Все зависело, во-первых, от того, смогут ли войска быстро форсировать реку, и, во-вторых, останется ли у них после этого достаточно сил для того, чтобы продолжить движение. Северной группе была поставлена задача создать на берегу реки плацдарм. В результате окажутся перерезанными тыловые коммуникации советской 4-й танковой армии в районе Могилева-Подольского, что даст возможность южной группе совершить прорыв и выйти на Збруч. Для того чтобы воспользоваться слабой подготовкой «трофейных украинцев», было решено, что группы будут атаковать в ночное время или в сумерках. Во время ночных переходов солдаты должны были строиться в колонны по обе стороны от движущихся повозок. В качестве проводников от деревни к деревни предполагалось использовать местных крестьян.

На руку немцам было то, что русские из-за распутицы не могли подтянуть артиллерию и с помощью ее огня попытаться еще туже затянуть кольцо окружения. 29 марта северная группа 1-й танковой армии захватила два плацдарма на берегу реки Збруч. Еще через два дня, в то время как северная группа нанесла удар на запад, в направлении следующей крупной реки Серет, южная группа подошла к реке Збруч, а войска на северном и восточном флангах отошли назад. Стало ясно, что всем войскам удастся переправиться через Збруч, однако Г.К. Жуков в это время направил свои подвижные соединения с севера к реке Серет для того, чтобы западнее ее встретить прорывавшихся немцев.

Г. Хубе полагал, что, двигаясь со скоростью пехоты, его войскам потребуется шесть дней для того, чтобы переправиться через Серет. Кроме того, при имеющемся снабжении войск с воздуха армия не сможет успешно осуществить второй прорыв из окружения. 31 марта он рассматривал возможность того, что прорываться к 4-й танковой армии будут только подвижные войска. Пехоте придется разбиться на группы численностью примерно по 100 человек и, следуя опыту советских партизан, попытаться просочиться к своим войскам через советские тылы.

На исходе месяца длившийся три дня буран замедлил продвижение обеих сторон, но в целом такая погода была больше на руку немцам. Несмотря на сложнейшие погодные условия, немецкая транспортная авиация не прекращала полетов. Кроме того, завершилась переброска по железной дороге из Польши войск II танкового корпуса СС.

2 апреля Г.К. Жуков предложил армии сдаться до конца дня. Он угрожал, что в противном случае она будет разгромлена и все захваченные в плен офицеры будут расстреляны перед строем в наказание за бессмысленно пролитую кровь солдат, чья жизнь была им доверена. В тот день северная группа, форсировав Серет, атаковала советские позиции в районе Чорткова.



3 апреля, когда погода стала проясняться, Г.К. Жуков бросил свои подвижные части с севера и юга к реке Серет с целью не дать немцам переправиться через реку. Но на следующий день северная группировка немцев развернула два своих танковых корпуса и перешла в наступление в западном направлении через Чортков. Г. Хубе понял, что самое опасное осталось позади и армии удалось осуществить прорыв.

Ночью 4 апреля в районе расположения окруженной армии приземлилось 60 транспортных самолетов Ju-52 с грузом боеприпасов и горючего. А следующим утром войска II танкового корпуса СС перешли в наступление на фланге немецкой 4-й танковой армии. 6 апреля части II танкового корпуса СС соединились с войсками северной группировки 1-й танковой армии в районе Бучача на реке Стрыпа. К 10 апреля фронт 1-й танковой армии проходил по западному берегу реки Серет. Силами II танкового корпуса СС в армию было доставлено примерно 600 тонн различных грузов. Стало ясно, что операция по прорыву успешно завершена.

На второй неделе марта фронт Р.Я. Малиновского сконцентрировал в районе Нового Буга достаточно сил для нанесения удара на юг, к Бугскому лиману, в район Николаева и окружения южной группировки немецкой 6-й армии. В качестве второго варианта рассматривалась возможность наступления через Буг на запад, в тыл немецкой обороны. 6-ю армию спасло то, что не была использована ни одна из этих возможностей или, вернее, была предпринята попытка действовать по двум вариантам одновременно.

11 и 12 марта К. Холлидт силами нескольких дивизий, снятых с восточного участка фронта, попытался взять в клещи советские передовые части, прижав их к Новому Бугу. На северном фланге контрудар русских не увенчался успехом; на южном участке советские войска добились явного успеха и продолжали наступление до тех пор, пока не были остановлены фланговым ударом немецкого XXIII корпуса. После этого у К. Холлидта не оставалось иного выхода, как быстро отвести войска армии на другой берег Буга.

В то же время Р.Я. Малиновский повторил ту же ошибку, которую месяц назад совершил в районе Апостолово. Он совершил маневр танковыми и кавалерийскими частями 8-й гвардейской армии в южном направлении, на Николаев, а 46-ю армию, которая не имела подвижных войск, направил в западном направлении через Буг, в сторону Новой Одессы. И хотя у немецкой 6-й армии не осталось достаточно сил для того, чтобы парировать удары русских, такое расчленение советской наступательной группировки дало ей шанс на спасение. В частности, южная группировка немцев не могла одновременно противостоять натиску обеих советских армий, поэтому сначала был отражен представлявший более значительную угрозу

удар 8-й гвардейской армии, а затем, через два дня, немцы пробили себе путь через боевые порядки 46-й армии (бросив всю тяжелую технику, немцы на повозках пробивались через позиции советских танковых и стрелковых частей и большей частью были истреблены огнем или гусеницами танков. — *Ред.*).

После 12 марта бои неожиданно стали складываться благоприятно для немецкой стороны в связи с проблемами, которые испытывала 8-я гвардейская армия со снабжением войск. Танковые части вдруг начали действовать слишком осторожно, а армейское командование стало уклоняться от совершения последнего рывка в сторону Николаева и Бугского лимана. Как следствие, только три немецкие дивизии были вынуждены совершать прорыв из полного окружения.

И все же отступление с рубежа по реке Ингулец на Буг стало для немцев горьким уроком. Вся местность между этими двумя реками была испещрена многочисленными оврагами и балками глубиной от 10 до 30 м, некоторые из которых в тот год оказались частично заполненными водой. Временами целым дивизиям приходилось совершать марши в несколько километров, прежде чем удавалось найти удобный для пересечения таких балок участок, а к этому моменту артиллерия и транспорт успевали увязнуть. Во время дождя вся земля (чернозем) превращалась в вязкую массу, которая, высохнув, тяжелыми комьями налипала на обуви, колесах и гусеницах (а наши танки Т-34 с трудом, но передвигались и, заняв выгодные позиции, устраивали форменную бойню отступающим немцам. — *Ред.*).

К 15 марта южная группировка 6-й армии с боями прорвалась через боевые порядки 8-й гвардейской армии к реке Ингул. Еще через шесть дней К. Холлидту удалось организовать прочный фронт по реке Буг. В некотором смысле сам он стал последней жертвой этого отступления. Здоровье генерала было подорвано. В ставке фюрера та быстрота, с которой 6-я армия уступила свои позиции на излучине Днестра и на реке Ингулец, вызвала смутные подозрения (которые командующий группой армий Э. Клейст считал несостоятельными), что армия могла бы иметь «более твердое руководство». 21 марта Гитлер объявил, что через несколько дней в 6-ю армию будет назначен новый командующий.

11 марта, когда Гитлер разрешил отвести 8-ю и 6-ю армии к Бугу, передовые подвижные соединения фронта И.С. Конева уже вышли к реке. На следующий день VII танковый корпус, который пытался оборонять Гайворон и переправы севернее и южнее города, как записано в тот день в боевом журнале армии, «дошел до предела». Остатки дивизий корпуса были буквально сметены русскими, которые стремительно переправились через реку.

Как Э. Манштейн, так и командующий 8-й армией О. Вёлер считали, что, скорее всего, войска 2-го Украинского фронта повернут

между Бугом и Днестром на юг, на Вознесенск, чтобы во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом окружить 8-ю и 6-ю немецкие армии. Командование 8-й армии приняло решение о выводе с занимаемых западнее Кировограда позиций дивизии СС «Мертвая голова». Часть дивизии погрузили на борт так называемых Giganten, огромных транспортных средств, представлявших собой нечто среднее между планером и самолетом, и отправили в район Балты для того, чтобы начать строительство на участке между двумя реками нового оборонительного рубежа. Затем О. Вёлер отвел с правого фланга и перебрисил через реку XXXXVII танковый корпус. Сначала он и Э. Манштейн планировали, что корпус нанесет советским войскам удар во фланг, а затем присоединится к немецкой 1-й танковой армии. Но распутица и скорость, с которой фланг 1-й танковой армии смещался к северу, заставили отказаться от этого решения.

Тем временем перед командованием 8-й армии и группы армий «А» встали новые серьезные проблемы. Тыловые эшелоны были стиснуты на узком пространстве восточнее Бессарабии. Из-за данного Й. Антонеску обещания Гитлер очень не хотел давать разрешение немецким войскам пересекать границу Румынии. Наконец Э. Клейст объявил, что группа армий «А» войдет на территорию Румынии, «не считаясь с пожеланиями фюрера и Антонеску». С точки зрения долговременной перспективы гораздо более серьезным фактором было то, что армия и вся группа армий все больше зависели от румынской железнодорожной сети, где после приближения линии фронта царил полная неразбериха.

В Транснистрии (оккупированной Румынией территории восточнее Днестра) румынские железнодорожники загоняли немецкие эшелоны в тупики, чтобы обеспечить прохождение собственных поездов. Когда 8-й армии пришлось переносить свой штаб из Первомайска в Котовск, расстояние 40 км по железной дороге немцы преодолевали в течение 27 часов.

На третьей неделе марта 2-й Украинский фронт развернул две танковые и две общевойсковые армии в направлении на Ямполь и Могилев-Подольский, во фланг и тыл немецкой 1-й танковой армии. Это позволило ослабить давление на 8-ю армию и на некоторое время снять риск советского наступления на юг между Бугом и Днестром. Но 18 марта О. Вёлер доложил, что даже после того, как И.С. Конев ввел в бой четыре армии, у него оставалось еще четыре общевойсковые и одна танковая армия, которые он может использовать против немецкого южного фланга. По мнению О. Вёлера, войска И.С. Конева, переправившись через Днестр, повернут на юг с целью отрезать 8-ю и 6-ю армии. 8-я армия, которая имела в своем составе четыре пехотные дивизии, четыре боевые группы и четыре с половиной танковые дивизии, больше не могла удерживать свои позиции. О. Вёлер полагал, что пришло самое время отводить

войска за Днестр. Командование группы армий не соглашалось с этим решением. На следующий день начальник штаба Э. Манштейн заявил О. Вёлеру, что, форсировав Днестр, И.С. Конев совершил ошибку, так как у него недостаточно средств на другом берегу, чтобы окружить 8-ю и 6-ю армии. Возможно, и та и другая оценки были частично верны. В тот момент И.С. Конев явно был больше заинтересован в том, чтобы, воспользовавшись выходом своих войск на оперативный простор, продолжать продвижение на запад, нежели браться за решение гораздо более сложной задачи по окружению двух немецких армий на левом фланге. С другой стороны, у немецкой 8-й армии больше не оставалось сил для того, чтобы и далее продолжать растягивать свой фланг на запад.

20 марта Э. Манштейн проинформировал О. Вёлера, что восточный участок его фронта будет передан 6-й армии с тем, чтобы 8-я армия смогла уплотнить свой фронт на западе. План немцев предусматривал переброску XXXXVII танкового корпуса и всех имевшихся в армии танков через Днестр для нанесения удара во фланг войскам И.С. Конева. Через два дня О. Вёлер доложил, что три общевойсковые и три танковые армии русских подходят к Днестру на фронте шириной 100 км между Каменкой и Могилевым-Подольским. Разведывательные танковые подразделения уже переправились через Днестр и были уже на полпути к реке Прут. Русские возводили восемь мостов через Днестр и вскоре собирались переправляться через реку крупными силами. После этого они могли повернуть на юг или продолжать продвижение через Прут к Карпатам, что позволило бы им зажать 8-ю армию и группу армий «А» между горами и Черным морем. О. Вёлер настаивал на том, что 8-я армия не сможет одновременно оборонять 100 км фронта восточнее Днестра и строить западнее реки еще один 100-километровый оборонительный рубеж. Необходимо было изменить задачу армии, отдав войскам приказ об отходе на другой берег.

В личной беседе начальники штабов 8-й армии и группы армий «А» обсуждали возможность передачи 8-й армии в состав группы армий. По их мнению, все, на что была способна 8-я армия, это обеспечение обороны на северном участке достаточно длительное время для того, чтобы дать возможность 6-й армии спокойно отойти от Буга. Они имели веские основания подозревать, что Э. Манштейн, озабоченный сохранением сил на северном фланге своих войск, планируя удар 8-й армии во фланг фронту И.С. Конева, почти не думал о состоянии двух армий, оборонявшихся южнее. 24 марта О. Вёлер и К. Холлидт встретились в штабе 8-й армии. Генералы сошлись во мнении, что пришло время отводить обе армии от Буга. Они решили, что, если об этом вовремя не позаботится соответствующее командование группы армий (в случае, когда того настоятельно потребует обстановка), они сами без всяких указаний свыше предпримут нужные шаги.

За день до этого Э. Клейст спрашивал Э. Манштейна, действительно ли тот думает, что 8-я армия способна обеспечить фланг группы армий «А» с запада. Э. Манштейн ответил отрицательно: максимум, на что способна 8-я армия, это прикрыть его войска между Днестром и Бугом. Но даже там русские смогут прорваться, если очень этого захотят. 25 марта русские продвигались к Балте, расположенной в 8 км севернее ответвления железной дороги в тылу 8-й армии и по обе стороны гряды холмов, проходившей восточнее Днестра в глубоком тылу группы армий «А».

В тот вечер О. Вёлер и Э. Клейст встретились в ставке Э. Клейста в Тирасполе. Утром Э. Клейст позвонил К. Цейцлеру и сообщил ему, что намерен принять 8-ю армию под свое командование. Э. Клейст уже подготовил приказы об отступлении к Днестру и собирался отправить их в войска во второй половине дня. (Еще ночью копия была вручена О. Вёлеру.) «Все равно кому-то придется рискнуть своей головой», — заметил он. В ответ на совет К. Цейцлера сначала увидеться с Гитлером и поставить его в известность Э. Клейст заявил, что обязательно сделает это на следующий день, после того как убедится, что все готово к немедленному отступлению. 27 марта Гитлер дал согласие на отвод двух армий при условии, что они обеспечат удержание плацдарма между Тирасполем и Одессой. Он отказался даже обсуждать возможность эвакуации Одессы, служившей главной базой снабжения войск в Крыму.

30 марта Гитлер направил на Восточный фронт свой личный самолет «Кондор», который должен был забрать Э. Клейста из его ставки в Тирасполе и Э. Манштейна из района Львова. Той же ночью, во время совещания по обсуждению обстановки, он наградил обоих фельдмаршалов мечами к Рыцарским Железным крестам и освободил их от командования. Гитлер заявил им, что ценит все, что они сделали за последние несколько месяцев. В то же время он, фюрер, пришел к выводу, что времена мастеров стратегии ушли в прошлое. Теперь ему были необходимы генералы, которые будут требовать от солдат невозможного и заставят их отдать все силы для сопротивления врагу. После отъезда Э. Манштейна и Э. Клейста в приемной Гитлера уже ожидали произведенный в генерал-фельдмаршалы В. Модель и только что получивший чин генерал-полковника Ф. Шернер.

Гитлер долго откладывал исполнение своего намерения избавиться от Э. Манштейна. По словам Г. Геринга, «он пришел к соответствующим выводам» еще в начале 1943 г. Но Э. Манштейн, который демонстрировал чудеса военного гения и показал себя непревзойденным мастером действий в условиях отдельных кризисов, тогда устоял. Однако на фоне прочих генералов тот военный талант, которым он блистал, стал для Гитлера скорее помехой, чем подспорьем. Он мешал фюреру упорно избегать мыслей о том, что Германия не просто переживает трудные времена, но вступила в период полной безнадежно-

сти. С декабря 1943 г. за Э. Манштейном постоянно маячила фигура В. Моделя. Пик похолодания отношений между Э. Манштейном и Гитлером пришелся на 27 января. Тогда во время речи Гитлера перед командующими армиями и группами армий Э. Манштейн не просто его перебил (случай неслыханный для выступлений фюрера), но и посмел возразить в ответ на его ремарку о том, что «генерал должен быть последним, кто оставит свои знамена». Если бы В. Модель не понадобился через четыре дня на должности командующего группой армий «Север», Э. Манштейн, возможно, не смог бы продержаться на своем посту еще два месяца.

Э. Клейст никогда не был замечен в столь остром противостоянии с Гитлером, но он постоянно возражал ему в вопросе о необходимости удерживать Крым и, наконец, даже пригрозил взять дело в свои руки, приказав войскам 6-й армии отступить от реки Буг. В ноябре 1943 г. он предложил, чтобы Гитлер сосредоточился на вопросах внутренней и внешней политики страны. Дела же Восточного фронта следовало передать, как это уже было во время Первой мировой войны, в руки генерала, который займет специально созданную для этого должность первого генерал-квартирмейстера вермахта. Он же будет обладать достаточными полномочиями и при решении вопросов ведения боевых действий на других театрах.

Наверное, дружеский тон во время последней беседы Гитлера с Э. Манштейном и Э. Клейстом давался фюреру с большим трудом. Этим он как бы отдавал дань авторитету, которым оба генерала пользовались в армии.

Несмотря на возможность строить предположения о том, что советское наступление вот-вот закончится, состояние групп армий «Юг» и «А», которые Гитлер 5 апреля в типичной для себя ни к чему не обязывающей манере переименовал в группы армий «Северная Украина» и «Южная Украина», ко времени вступления в командование В. Моделя и Ф. Шернера все еще внушало опасения. На участке обороны 4-й танковой армии русские окружили Тернополь и почти блокировали Броды. Положение 1-й танковой армии было критическим. 6-я армия начала отход от реки Буг. Крымский полуостров оказался в изоляции. На стыке групп армий передовые части советских наступающих группировок западнее городов Черновцы и Коломыя вышли к Карпатам.

В тылу немецких войск разыгрывался последний акт импровизированной драмы, которая хотя и добавила беспокойства командованию групп армий, но все же в какой-то мере оказалась на руку немецкой стороне. Ближе к концу февраля Гитлер решил, что выяснение отношений с венгерскими союзниками неизбежно. Он отдал распоряжение начальнику оперативного штаба ОКВ откор-

ректировать план операции «Маргарет», который командующий войсками на Юго-Восточном театре должен был воплотить предположительно в первой половине марта. С оперативной точки зрения этот план являлся разновидностью варианта с «тройным конем»: германские войска, якобы следовавшие через территорию Венгрии транзитом, должны были неожиданно остановиться, интернировать венгерскую армию и занять все крупные города страны. Румынию, согласно решению Гитлера, операция не затрагивала. В этом не было необходимости, так как, пока у власти там стоял Антонеску, ему просто некуда было деваться. 15 марта, после того как часть дивизий, предназначенных для действий по плану «Маргарет», была переброшена на Восточный фронт, Гитлер решил вначале попробовать пойти более простым путем и встретиться с регентом Венгрии адмиралом М. Хорти.

18 марта в Шлосс-Клессхейме М. Хорти сначала уступил требованиям Гитлера и согласился создать правительство, ориентированное на Германию, и предоставить немцам право размещать свои войска на венгерской территории. Однако он сел в свой поезд и отправился в Будапешт, так и не подписав соответствующего протокола. На следующее утро немецкие войска перешли границу Венгрии, и, когда поезд М. Хорти незадолго до полудня прибыл в столицу, на вокзале его уже приветствовал немецкий почетный караул. После того как М. Хорти после возвращения в Венгрию занял более жесткую позицию, Гитлер пришел к выводу, что придется усилить оккупационные силы и разоружить венгерскую армию. Очевидно, М. Хорти догадывался о том, что должно было произойти: 23 марта, опередив всего на 6 часов вручение ему ультиматума, который уже успел подготовить германский МИД, он назначил на пост министра-президента страны бывшего посла в Германии фельдмаршала Доеме Стояи. Этот человек был вполне приемлемой фигурой для немцев, хотя сам Гитлер все же предпочел бы видеть на посту главы правительства Белу Имреди. Он, по слухам, сам имея еврейское происхождение, в конце 1930-х гг. возглавлял правительство антисемитского толка. В тот же день картину еще более осложнил Й. Антонеску, потребовавший возврата Румынии территорий, полученных Венгрией под нажимом Германии и Италии в награду за подписание договора в Вене в августе 1940 г. Для того чтобы уйти от этой проблемы, немецкая сторона объявила все венгерские территории восточнее реки Тиса частью зоны боевых действий на Восточном фронте. К тому моменту это почти соответствовало действительности.

24 марта, когда первые эшелоны фронта Г.К. Жукова подходили к реке Прут ниже по течению от Черновцов и до венгерской границы русским оставалось преодолеть примерно 100 км, оперативный штаб ОКВ и командование Юго-Восточного театра изменило свое первоначальное мнение относительно необходимости демобилизовать вен-

герскую армию. Теперь они намеревались направить венгерские части в Карпаты для обороны перевалов в горах. 25 марта немцам удалось убедить венгерский Генеральный штаб (руководство которого оказалось на удивление сговорчивым, если принимать во внимание сложившиеся обстоятельства) начать дополнительный призыв в армию для пополнения венгерских частей. VII венгерский корпус, принимавший участие в оккупации России, уже начал создавать оборонительный рубеж в верхнем течении реки Прут. VIII корпус все еще находился во втором эшелоне группы армий «Центр».

27-го числа направляющиеся в горные районы венгерские части проинформировали немецкое командование, что на пути им встречаются отставшие от своих подразделений солдаты группы армий «Юг». Теперь перед командованием ОКВ, предпочитавшим не посылать подчинявшиеся ему немецкие части в районы, откуда они могли быть переброшены на Восточный фронт, встала дилемма: границу необходимо было оборонять, а венгерские войска не могли быть направлены на румынскую территорию южнее города Черновцы. 29 марта два усиленных немецких полка были сведены во временную корпусную боевую группу. На следующий день эти войска, получившие название «Буковина», были отправлены в горные районы в качестве заградительной группы «Буковина». При этом наиболее уязвимый участок, так называемый Татарский проход южнее Станислава, все еще не был прикрыт достаточными силами. Вечером 30 марта К. Цейцлер отдал приказ о передаче в подчинение группе армий «Юг» расквартированной в Венгрии и подчиненной ОКВ 1-й горнострелковой дивизии. Это соединение и должно было обеспечить оборону Татарского прохода. Начальник оперативного штаба ОКВ А. Йодль в ответ пожаловался Гитлеру, что ОКВ теряет единственную дивизию из резерва. В ответ К. Цейцлер подверг критике всю стратегию ОКВ и принцип разделения командования, которого в течение всей зимы упрямо придерживался этот орган в течение всей зимы. Гитлер принял сторону А. Йодля, но, не желая очередного разлада внутри командования германской армии в тот момент, когда он собирался избавиться от Э. Манштейна и Э. Клейста, приказал подтянуть дивизию ближе к проходу, где она будет находиться в качестве резерва ОКВ до принятия окончательного решения.

3 апреля, к моменту, когда В. Модель прибыл в район Львова, для группы армий «Юг» все самое худшее было уже позади. Броды удалось удержать. II танковый корпус СС оказал некоторую поддержку XIII армейскому корпусу, что позволило укрепить его оборону. 1-й танковой армии удалось успешно выйти из окружения.

Но при всем при этом имелось одно небольшое но, вылившееся для немцев в маленькую трагедию. В «укрепленном районе» Терно-



поль с 21 марта находились в окружении более 4 тыс. немецких солдат, в основном молодежь возраста 18 лет. 25 марта группе танков почти удалось пробить дорогу к осажденным и доставить им боеприпасы и продовольствие, но окруженные войска так и не получили разрешения на эвакуацию, а танковая группа не имела достаточно сил, чтобы одновременно охранять колонну грузовиков и с боем преодолеть последние примерно 8 км. Очередная попытка прорыва была отложена на 11 апреля. Ожидалось, что к этому времени высвободится 9-я дивизия СС, в тот момент поддерживавшая выход из окружения 1-й танковой армии. Эсэсовцы выступили под дождем; танки продвигались в глубокой грязи. На второй день операции В. Модель запросил у Гитлера разрешения на прорыв войск гарнизона из окружения. Тот сначала отказал, провозгласив, что деблокирование Тернополя является для группы армий «делом чести». Позже, однако, он переменял точку зрения и согласился отдать соответствующий приказ, когда деблокирующая группировка подойдет достаточно близко к городу. 9-я танковая дивизия СС, как и почти все вновь сформированные соединения СС, представляла собой прекрасно оснащенное воинское формирование, состоявшее в то же время из плохо подготовленных солдат и не имевших достаточного опыта офицеров. Утром 14 апреля В. Модель отстранил от командования штаб дивизии и передал командование танками в руки армейского офицера. В результате атакующим удалось продвинуться еще на несколько километров, прежде чем к концу дня они снова были остановлены противником. К тому моменту гарнизон Тернополя был вытеснен на небольшой участок на западной окраине города, где подвергался непрерывным атакам авиации и наземных войск противника. 15 апреля командовавший группировкой генерал был убит. В ту ночь оставшийся за командира старший офицер отдал войскам гарнизона приказ прорываться из окружения. К рубежу обороны 4-й танковой армии вышло всего 53 человека.

1-я танковая армия вышла из окружения в гораздо лучшем состоянии, чем кто-либо мог ожидать. В отличие от немецких солдат, прошедших через окружение в районе Черкасс, моральный дух ее войск серьезно не пострадал. Армия осталась на фронте, и 16 апреля III танковый корпус нанес удар на юг, форсировав Днестр. В Германии подвиг 1-й танковой армии стал национальным праздником, несколько омраченным фактом гибели генерала Г. Хубе в авиакатастрофе в Австрийских Альпах на пути в Берхтесгаден, где он должен был получить из рук фюрера бриллианты к Рыцарскому Железному кресту. Во второй половине месяца на правом фланге армии заняла оборону 1-я венгерская армия в составе VII и VI армейских корпусов. Последний был укомплектован дивизиями из внутренних районов страны. Ее оборона имела форму дуги вокруг города Черновцы и повторяла рельеф Карпатских гор южнее границы с Румынией. Позже

венгерским войскам удалось отразить несколько мощных атак советских войск, что вновь вызвало среди немецкого генералитета подозрения, будто бы 2-я венгерская армия так плохо проявила себя во время Сталинградской битвы по той причине, что венгры отдали в распоряжение вермахта своих худших солдат.

28 марта 6-я и 8-я немецкие армии были отведены с рубежа обороны по реке Буг. В районе Николаева, где единственным средством переправы был понтонный мост, возведенный саперами австрийской армии еще во времена Первой мировой войны, пять дивизий 6-й армии, удерживавшие плацдарм на берегу, успели присоединиться к главным силам как раз вовремя. В районе Новой Одессы советские 8-я гвардейская и 46-я армии, перегруппировав свои силы, продолжали преследование немецких войск и начали маневрирование с целью вновь попробовать просочиться через немецкие боевые порядки на центральном участке 6-й армии.

Ко 2 апреля левый фланг 6-й армии находился на плацдарме, который ей было приказано удерживать в районе Одессы. Но русские подошли совсем вплотную, очевидно намереваясь рассечь надвое немецкий оборонительный рубеж на плацдарме нанесением удара примерно посередине между Одессой и Тирасполем. В тот день со стороны Карпатских гор ураганный ветер принес дождь со снегом. Температура упала ниже нуля; оледенение вызвало разрывы телефонных и электрических линий, затрудняло применение артиллерийских орудий и пулеметов.

На следующий вечер, не обращая внимания на плохую погоду, советские танки и кавалерия прорвали немецкую оборону в районе Раздельной и повернули на юг. Таким образом, русским удалось, как они и планировали, рассечь надвое оборону немцев на плацдарме. В течение следующих трех дней советские войска, обойдя Одессу, совершили глубокий прорыв к Днестру. При этом им удалось захватить водозаборную станцию в районе села Беляевка. В результате немецкой 6-й армии пришлось спешно отступать в обстановке полной неразберихи. На шоссе и железнодорожных мостах западнее Тирасполя движение было парализовано на несколько недель. Войска армии возвели на нескольких участках еще пять мостов. К каждому из них по бездорожью протянулись многокилометровые очереди грузовых автомашин, пеших солдат и скота, которым приходилось дожидаться переправы по несколько часов. В Одессе скопилось значительное количество эшелонов, но лишь немногим из них удалось отправиться дальше на запад.

Последние немецкие подразделения переправились через Днестр 14 апреля. По свидетельству представителей группы армий, картины происходившего на оставленном берегу реки очень напоминали Ста-

линград. Железнодорожная сеть Румынии абсолютно не справлялась с потребностями войск. Войскам не хватало обмундирования и других предметов тылового снабжения. Раненые лежали под открытым небом на запасных путях. Дневной рацион солдат составлял 200 г хлеба в день.

Возможно, по той причине, что Р.Я. Малиновский посчитал свою задачу выполненной, а может, по какой-то иной причине 6-й армии удалось отвести свой фронт по Днестру от Дубоссар на юг к Днестровскому лиману. Но немцам, как обычно, не удалось опередить русских, которые, следуя своей манере, создали по берегу реки многочисленные плацдармы, самый крупный из которых находился на центральном участке фронта, южнее Тирасполя.

К западу от Днестра группе армий «Южная Украина» пришлось максимально задействовать войска 3-й и 4-й румынских армий. Для того чтобы держать румын под своим контролем, командованием группы армий была разработана система, при которой 4-я румынская армия подчинялась немецкой 8-й армии, а румынская 3-я армия — немецкой 6-й армии. Маршал Й. Антонеску, ставя на карту существование своего режима, демонстрировал союзникам полную преданность, чего нельзя было сказать о его солдатах, которых интересовало лишь собственное выживание. Многие офицеры перестали носить немецкие награды. После беседы с командующим 4-й румынской армией О. Вёлер пришел к выводу, что румыны «не имели ни малейшего желания воевать».

В самом начале апреля темпы отступления 8-й немецкой армии снова стали совпадать с продвижением советских войск на запад. Румынские войска, отказавшись удерживать рубеж по реке Прут, обещали занять оборону на так называемом рубеже Струнга между городами Яссы и Тыргу-Нямц. В то же время среди румын уже ходили слухи о возможном отступлении к теснине между Дунаем и Карпатами. На второй неделе апреля немецкие танковые дивизии нанесли контрудар через Прут и остановили передовые части русских перед Яссами. После этого 8-я армия, румынская 4-я армия и заградительная группа «Буковина» построили сплошной оборонительный рубеж с востока на запад, который проходил от Дубоссар к Яссам и Тыргу-Нямцу и далее на север вдоль Карпат до фланга группы армий «Северная Украина».

## Крым

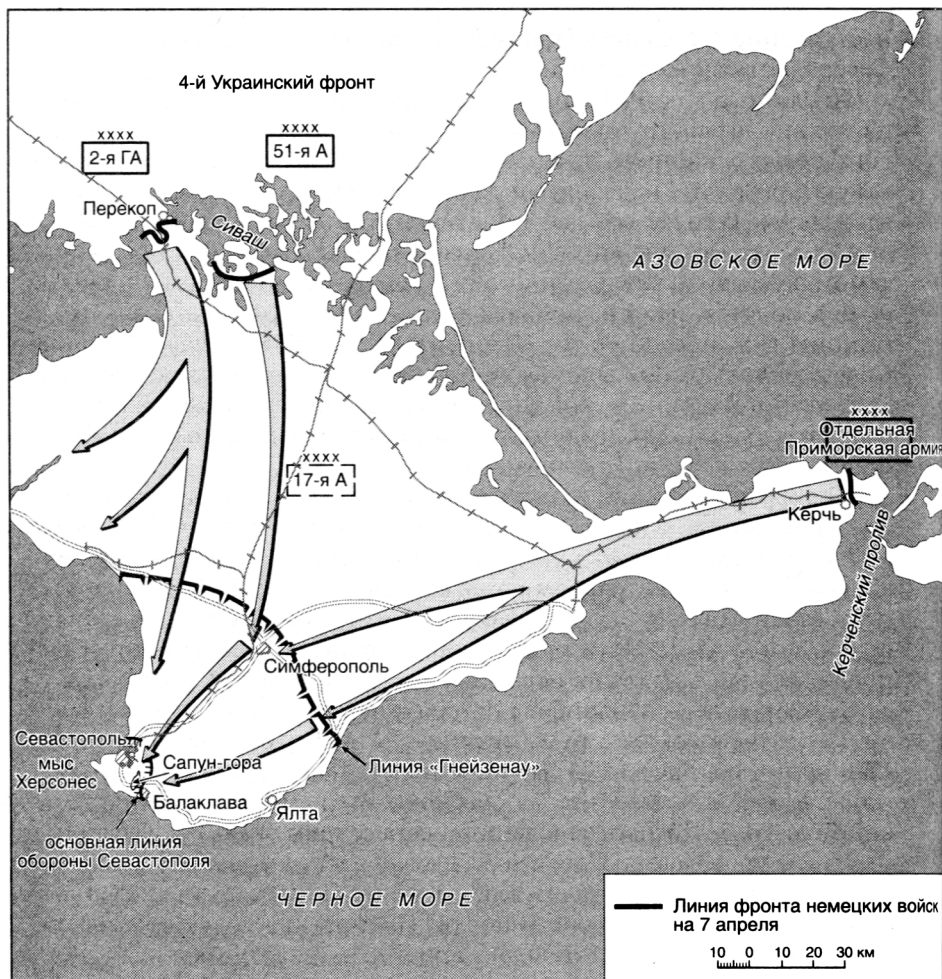
17-я армия провела зиму в Крыму (см. карту 25). После того как в ноябре 1943 г. растаяла последняя надежда на подход войск Э. Манштейна, а русские в том же месяце заняли плацдармы к югу от Сиваша и на Керченском полуострове, К. Цейцлер, Э. Клейст и

командующий армией Э. Енеке пришли к единодушному мнению о необходимости эвакуации войск из Крыма. Они были уверены в том, что полуостров невозможно оборонять длительное время, что войска, запертые в Крыму, могли бы понадобиться на других участках фронта и что дальнейшее их пребывание на полуострове абсолютно бесполезно. Но Гитлер настаивал на том, чтобы армия продолжала удерживать свои позиции. Более того, зимой, за счет группы армий «А», он увеличил численность германских войск в Крыму с одной до пяти пехотных дивизий и двух бригад штурмовых орудий. Там же оставались и семь румынских дивизий, хотя маршал Й. Антонеску с удовольствием отвел бы свои войска с полуострова. (Всего у Енеке имелось 195 тыс. человек, около 3600 орудий и минометов, 215 танков и штурмовых орудий, 148 боевых самолетов (не считая авиации, поддерживающей немцев с аэродромов Румынии. Советские войска превосходили немцев и румын в 2,4 раза в живой силе, в 1,7 раза в орудиях и минометах, в 2,6 раза в танках и в 8 раз в самолетах (Советская военная энциклопедия. Т. 4. С. 494). — *Ред.*)

Главный оборонительный рубеж 17-й армии проходил по Перекопскому перешейку. За зиму немцам удалось локализовать советские плацдармы в Крыму к двум небольшим участкам местности — на Сиваше и на восточной оконечности Керченского полуострова. В случае прорыва на Перекопском перешейке и на Сиваше (а также на Керченском полуострове) единственным местом, где армия еще могла бы организовать оборону, оставался Севастополь. Войсками 17-й армии был построен оборонительный рубеж «Гнейзенау», который в виде дуги проходил перед Симферополем, но в действительности армия имела достаточно войск только для аррьергардных боев с целью обеспечения отхода главных сил к Севастополю.

7 апреля 1944 г. Ф. Шернер провел инспекцию обороны Крыма, дал ей высокую оценку и объявил, что полуостров «может обороняться длительное время». Это был, пожалуй, один из самых неверных прогнозов за всю историю войны. На следующее утро началось наступление войск 4-го Украинского фронта. Оборона на Перекопском перешейке устояла, однако войска румынской 10-й дивизии, оборонявшей половину линии фронта русского плацдарма на Сиваше, были ошеломлены первым же ударом противника. На второй день оборона на этом участке была прорвана.

В ту ночь Э. Енеке приказал отвести войска к основанию перешейка. Ф. Шернер доложил К. Цейцлеру, что эвакуация Севастополя может начаться в любую минуту, поэтому необходимо предоставить Э. Енеке право принятия соответствующего решения. Далее Ф. Шернер заметил, что он уверен, что ни начальник Генерального штаба, ни сам Э. Енеке не станут делать поспешных выводов из сложившейся обстановки. Гитлер конечно же ответил отказом.



Карта 25. Крым. 8 апреля — 13 мая 1944 г.

Вместо этого он направил К. Цейцлера в штаб группы армий, куда тот прибыл 10 апреля, как раз вовремя для того, чтобы узнать, что русские устремились в глубь полуострова, а немцы приступили к первому этапу отступления. Поскольку на первом этапе предусматривался лишь отвод немецких войск с Керченского полуострова, Гитлер утвердил это решение. Однако когда на следующий день он узнал, что одновременно был отдан приказ об общем отходе на рубеж «Гнейзнау», то пришел в ярость и обвинил Э. Енеке в паникерстве.

В то время как немецкие войска, преследуемые советскими частями, отступали к югу от Перекопа и Сиваша, с востока начала

наступление Отдельная Приморская армия (часть войск бывшего Северо-Кавказского фронта)<sup>1</sup>.

После того как Ф. Шернер и находившийся в то время в Крыму начальник штаба группы армий «Северная Украина» выразили свое согласие с решением Э. Енеке, Гитлер дал разрешение на отвод войск к рубежу «Гнейзенау» и даже, в случае необходимости, к Севастополю. В то же время он подчеркнул, что Севастополь необходимо удерживать любой ценой. Все, включая и самого Гитлера, на самом деле давно знали, что стоит лишь начать отступать, и войска не остановятся, пока не дойдет очередь до последнего этапа — эвакуации. По донесению Ф. Шернера, рубеж «Гнейзенау» и район Севастополя можно было оборонять не более трех-четырёх недель. Он уже договорился с командованием военно-морского флота об отправке в Севастополь конвоя кораблей из румынского порта Констанца для эвакуации тыловых служб.

12 апреля советские танки на нескольких участках прорвали рубеж «Гнейзенау», а на следующий день пал Симферополь. 16 апреля рубеж «Гнейзенау» был потерян, и арьергарды 17-й армии отошли к главному оборонительному рубежу Севастополя. Еще днем позднее Гитлер отдал приказ об эвакуации из района Севастополя всех войск, которые не были нужны для обороны города. При этом он продолжал настаивать на необходимости удерживать Севастополь.

За первые десять дней боев потери с немецкой стороны составили 13 131 человек, а с румынской — 17 652. Соотношение сил в 17-й армии составляло 75 546 немецких и 45 887 румынских солдат и офицеров. В боевых частях соотношение немцев к румынам составляло 1 к 3. По многочисленным донесениям, румыны совсем не годились для ведения боев, и их следовало эвакуировать. Все войска в районе Севастополя были сведены в пять боевых групп численностью примерно до пехотного полка. Им противостояли три советские армии в составе 27 дивизий при поддержке 200 танков.

Во время совещания в ставке фюрера в полночь 21 апреля Ф. Шернер заявил, что Севастополь удержать не удастся, так как у 17-й армии для этого недостаточно сил. Кроме того, корабли флота не смогут обеспечить тыловое обеспечение армии, так как им уже приходится пробиваться к городу с боем. Как и в случае со Сталинградом, Гитлер выдвинул свои контраргументы. Он сослался на мнение командира одного из корпусов 17-й армии генерала пехоты Карла Альмендингера, по словам которого Севастополь можно удержать, если армия получит подкрепления. Кроме того, представители ОКМ также заявляли, что смогут обеспечивать снабжение Севастополя так долго, как это будет необходимо. По словам Гитлера, он не собирался оборонять Севастополь длительное время, ему нужно

---

<sup>1</sup> Платонов С.П. Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 565.

было всего шесть—восемь недель для того, чтобы вынудить Турцию сохранять нейтралитет до того, как его войска отобьют намечавшееся вторжение англо-американских войск.

Через четыре дня, когда по просьбе Ф. Шернера в ставку фюрера был вызван командующий германским флотом на Черном море, Гитлер спросил у него, достаточный ли тоннаж имеют его суда для снабжения войск в Севастополе. Получив утвердительный ответ, Гитлер резко прервал доклад адмирала и отпустил его, не дав объяснить, что иметь достаточный тоннаж и провести суда в Крым — совсем не одно и то же. Вслед за ОКМ предствители ОКЛ, как выразился К. Цейцлер, нарисовали Гитлеру «картину в розовых тонах» относительно обстановки в районе Севастополя.

28 апреля Гитлер вызвал в Берхтесгаден Э. Енеке и пообещал ему «всемерную поддержку». Узнав, что обещанные подкрепления сводятся к четырем батальонам необученных новобранцев, Э. Енеке попытался переложить ответственность за то, что должно было случиться в районе Севастополя, и подал рапорт на имя Гитлера с просьбой подчинить 17-ю армию непосредственно ОКХ (то есть Гитлеру).

В ответ фюрер объявил, что Э. Енеке продемонстрировал, что больше не способен должным образом руководить обороной Севастополя, поэтому командование 17-й армией переходит генералу К. Альмендингеру. Самому Э. Енеке запретили возвращаться в Крым. В то же время на имя Гитлера поступило письмо от Й. Антонеску, в котором румынский маршал прямо писал, что глупо пытаться удерживать где-то в отдалении береговой плацдарм в то время, когда территория его собственной страны находится в опасности. К. Цейцлер отказался передавать письмо Гитлеру, так как, по его выражению, оно «вызовет взрыв».

5 мая русские прорвали фронт севернее Севастополя. Но этот удар был отвлекающим. Главный штурм начался 7 мая на южном участке, в районе Балаклавы. К концу дня русские смяли немецкую оборону и заняли Сапун-гору. Это дало им возможность контролировать происходящее на всем участке немецкой обороны вплоть до мыса Херсонес. На следующий день немецкие войска восстановили положение на северном участке фронта, однако отбить высоты на юге обороны им не удалось (разгромленные, они откатывались к мысу Херсонес. — *Ред.*). К тому моменту потери немцев и их союзников были настолько высоки, что не могло быть и речи о том, чтобы пытаться далее удерживать оборону. В тот же вечер Гитлер дал разрешение на капитуляцию армии. (На Херсонесе было взято в плен 21 тыс. Всего на суше 17-я армия потеряла 100 тыс. человек, в том числе 61 587 пленными, а также почти всю боевую технику (Советская военная энциклопедия. Т. 4. С. 494). — *Ред.*)

В течение следующих четырех ночей немцы держали за Севастопольской бухтой достаточно судов для эвакуации всей группировки

войск, однако некоторые суда вернулись в Констанцу пустыми, а другие взяли на борт только небольшое количество немецких солдат. (С 3 по 13 мая, по неполным данным штаба 17-й армии, в море погибло 42 тыс. солдат и офицеров — на судах, потопленных советскими авиацией и флотом. — *Ред.*)

Представители германского флота заявляли, что район мыса был полностью окутан дымом, поэтому корабли не могли подойти к берегу. Начальник штаба 17-й армии возражал, что видимость была вполне достаточной, чтобы позволить кораблям войти в бухту, однако целые флотилии судов даже не предприняли попыток сделать это. Результатом было трагическое поражение. Из 64 700 солдат, находящихся к началу мая в районе Севастополя, 26 700 были брошены на берегу и попали в советский плен. В дальнейшем командующий силами немецкого военного флота на Черном море и командующий немецкими кораблями в Крыму были награждены Рыцарскими Железными крестами. В то же время Гитлер приказал, чтобы Э. Енеке и К. Альмендингер впредь не занимали командных должностей до тех пор, пока суд «не снимет с них подозрения в том, что они сделали далеко не все для того, чтобы обеспечить оборону Крыма».

## Глава 14

### ПРЕЛЮДИЯ К КАТАСТРОФЕ

#### Карелия

Для финской армии черным днем стало 10 июня 1944 г. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки и разведки боем, проведенных 9-го числа, утром 10 июня советская 21-я армия перешла в наступление, сосредоточив основные усилия на левофланговой дивизии финского IV корпуса, который оборонялся на западном участке фронта, на Карельском перешейке. В результате мощной атаки три советские дивизии полностью уничтожили один из финских полков и к полудню вклинились в оборону финских войск на глубину 10 км (а к концу дня на 14 км. — *Ред.*) (см. карту 26).

На этом этапе войны наступление на финском участке фронта едва ли было вызвано военной необходимостью. (Надо было вывести Финляндию из войны. — *Ред.*) Советская сторона объясняла ее проведение тем, что внимание противника отвлекалось от ведущегося сосредоточения войск против участка группы армий «Центр» в Белоруссии, а также священной обязанностью освобождения всех захваченных врагом советских территорий<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 113.





Еще одним мотивом этого наступления, по-видимому, явилась попытка дать почву советской стороне для объявления себя освободительницей не принадлежащих Советскому Союзу территорий в Восточной Европе. Кроме того, возможно, русские преследовали цели разрешить свой конфликт с Финляндией более радикально, чем это было предусмотрено на Тегеранской конференции.

С оперативной точки зрения наступательная кампания против финских войск прошла как тщательно спланированные маневры. Финны так и не смогли за три года наступательных боев научиться современному ведению войны. Относительно скромные дополнительные силы в пехоте и артиллерии, которые получили советские Ленинградский и Карельский фронты, обеспечили им подавляющее превосходство над противником. По данным советской стороны, в составе двух фронтов было 450 тыс. солдат и офицеров, 10 тыс. орудий и минометов, 800 танков и 1547 самолетов. С финской стороны им противостояли 268 тыс. солдат и офицеров, 1930 орудий, 110 танков и 248 самолетов<sup>1</sup>.

Финское командование было застигнуто врасплох, несмотря на то что оно было предупреждено о возможном начале советского наступления еще в мае, а 1 июня финская разведка доложила, что удача следует ожидать в течение десяти дней. В течение четырех или пяти дней до начала наступления советские войска соблюдали режим радиомолчания, что являлось почти безошибочным признаком надвигающегося наступления. Но начальника оперативного отдела финской армии все эти данные не убедили, а его мнение для К. Маннергейма было решающим<sup>2</sup>.

После начала наступления III и IV финские корпуса, обороняющиеся соответственно на восточной и на западной частях Карельского перешейка, имели на переднем крае три дивизии и одну бригаду. Еще три дивизии и одна бригада находились во втором эшелоне, а танковая дивизия дислоцировалась в районе Выборга.

Финская оборона на Карельском перешейке была построена в три линии. Первая линия проходила примерно по старой советско-финской границе. Вторая линия проходила по более выгодной для ведения оборонительных боев местности. Она пересекала перешеек практически по прямой линии от Метсякюля на Финском заливе до Тайпале на Ладожском озере. Третья линия проходила от Выборга до Антреа, а также вдоль северного берега реки и озера Вуокса до Тайпале. Она также была развернута на выгодной для обороны местности, но была недостаточно оборудована в инженерном отношении, так как соответствующие работы там не начинались до ноября

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 137—138.

<sup>2</sup> Эрфурт В. Комментарии / Земке Э. Германский Северный театр военных действий. 1940—1945 гг. 1957 г. Управление военной истории.

1943 г. За последней, третьей линией обороны был развернут так называемый Московский рубеж, который проходил по границе с Советским Союзом 1940 г. Далее начиналась территория Финляндии. На этом рубеже имелось некоторое количество бетонных укреплений и строились новые, однако местность там не давала оборонявшимся естественных преимуществ. Поэтому Московский рубеж предполагалось использовать только при необходимости оказать противнику последнее отчаянное сопротивление.

Немецкие военные давно сомневались в стойкости финских войск в обороне. Еще в феврале, а затем и в июне 1943 г. Э. Дитль заявлял, что финская армия не способна выдержать мощный натиск советских войск. Он подчеркивал, что финские солдаты превосходят немцев в боях в лесистой местности и легче переносят трудности северного климата и местности. Однако они предпочитают избегать участия в длительных боях. В июле 1944 г., после того как советское наступление достигло своего пика, представитель ОКВ в финской армии сделал вывод, что неудачи финских войск, по крайней мере частично, можно объяснить недостаточной подготовкой солдат и пренебрежением к инженерному оборудованию местности. Кроме того, он добавил, что до 10 июня финны не ожидали советского наступления. Более того, до русского прорыва, который отрезвил их, финны имели тенденцию к недооценке противника, вызванную их опытом зимней войны (30 ноября 1939 г. — 13 марта 1940 г.) и кампании 1941 г. В критических замечаниях немцев отчетливо чувствовался оттенок горького удовлетворения, поскольку они сами долгое время не встречали со стороны финских союзников полного понимания тех трудностей, которые сами немцы испытывали на Восточном фронте.

Для того чтобы совершить и углубить прорыв, Ленинградский фронт под командованием Л.А. Говорова развернул две армии в составе десяти стрелковых дивизий и до трех танковых дивизий. На направлении главного удара, по данным советского командования, было сосредоточено от 300 до 400 орудий на километр фронта. Ударная мощь армий Л.А. Говорова была основана на подавляющем превосходстве русских в танках, артиллерии и авиации. В то же время воля к победе личного состава стрелковых дивизий стремительно падала уже после нескольких дней боев. Тактика была типичной для советских войск на Восточном фронте: атаки огромных масс пехоты и техники на узком участке с последующим вклиниванием и развитием успеха за счет введения в бой сразу нескольких корпусов в одном эшелоне.

10 июня, сразу же после прорыва, стало ясно, что IV финский корпус, скорее всего, не сможет удержать вторую линию обороны. К. Маннергейм усилил корпус одной дивизией из резерва и одним полком из состава III корпуса. Кроме того, он отдал приказ на вы-

движение на этот участок танковой дивизии из района Выборга, начал переброску одной дивизии из Восточной Карелии и отозвал с участка немецкой 20-й горной армии 3-ю бригаду. К 12-му числу IV корпус отступил на вторую линию обороны. III корпус, на участке которого русские пока не переходили в наступление, тем не менее тоже отошел. В тот же день К. Маннергейм направил на Карельский перешеек одну дивизию и одну бригаду из Восточной Карелии, а также обратился в ОКВ с просьбой отменить наложенное Гитлером эмбарго и направить в Финляндию приготовленные для нее и задержанные на территории Германии оружие и зерно. На следующий день Гитлер дал на это свое согласие.

Финскому командованию пришлось рассматривать вопрос о принятии чрезвычайных мер. 13 июня начальник штаба финской армии заявил Э. Дитлю, что в случае потери второй линии обороны финны будут вынуждены оставить рубеж на реке Свирь и на участке линии обороны оперативной группы «Масельская» и сократить линию фронта, отступив на рубеж северо-восточнее Ладожского озера. Тем самым им удастся высвободить две-три дивизии для отправки на Карельский перешеек. С ноября 1943 г. финской стороной проводились работы по созданию так называемого оборонительного рубежа U, который должен был проходить через реку Уксунйоки — озеро Лоймола — озеро Толва.

Э. Дитль посоветовал финнам осуществить запланированное отступление, однако он опасался, что, не желая расстаться с Восточной (т. е. советской. — *Ред.*) Карелией, они будут слишком долго раздумывать над этим решением<sup>1</sup>.

Позднее он обратился к Гитлеру с рекомендацией предоставить Финляндии максимум помощи — с тем чтобы привязать финнов к Германии. В то же время от финнов следовало требовать идти на необходимые жертвы в интересах стратегии и не позволять им распыхать силы в попытке удержать Восточную (советскую) Карелию. На более узком участке фронта, как он полагал, финские войска обязательно смогут удержать свои позиции. Тем самым они спасут свою страну и одновременно избавят 20-ю горную армию от необходимости проведения операции *Vigke*.

Пока Э. Дитль находился в Миккели, русские уже начали наступление против второй линии финской обороны на Карельском перешейке. Финская оборона держалась в течение дня, но 14 июня, после того как противник подтянул тяжелую артиллерию, ему удалось прорваться. Еще одной причиной быстрого прорыва советских войск явилось, как позже показала захваченная карта, проведение тщательной разведки на этом участке до начала наступления. Это

---

<sup>1</sup> Эрфурт В. Финская война 1941—1944 гг. Висбаден, 1950. С. 231; Маннергейм К. Мемуары. С. 508.

позволило им сразу же начать атаку крупными силами на намеченном участке. Вновь обеспечив подавляющее превосходство над финскими войсками в артиллерии и танках, советские войска взломали вторую линию обороны в районе поселка Кутерселькя и к 15 июня прорвали фронт на участке шириной 12 км до самого побережья.

К тому времени стало понятно, что советская сторона намерена сосредоточить основные усилия в районе вдоль железной дороги на направлении на Выборг. Финны, очевидно, уже не надеялись остановить советское наступление на подступах к городу и явно опасались, что противнику удастся выйти в район 25-километрового коридора между Выборгом и рекой Вуокса и перекрыть его, прежде чем финским III и IV корпусам удастся оттуда отступить. Такой маневр, по всей вероятности, действительно был бы максимально эффективным, так как после него финская сторона потеряла бы шансы удержать оборону на рубеже Выборг—Вуокса. III и IV корпусам пришлось бы, переправившись через реку Вуокса, отходить в северном направлении, а поскольку на реке был всего один мост, войска, скорее всего, были бы вынуждены бросить по дороге большую часть тяжелой техники.

16 июня К. Маннергейм отдал приказ об отступлении на рубеж Выборг—Вуокса. Еще через четыре дня, 20-го числа, IV корпус, преследуемый по пятам советскими войсками, отступил на рубеж между Выборгом и рекой. III корпус занял оборону на северном берегу Вуоксы, продолжая удерживать плацдарм на южном берегу напротив Вуосалми. Финская армия снова стояла там же, где ей удалось остановить русских в 1940 г.

Отступление прошло лучше, чем можно было ожидать. Основной причиной этому было то, что Л.А. Говоров, нацелив войска на Выборг, не сообразил нанести удар в направлении на узкий участок фронта между Выборгом и рекой Вуокса. И все же у финнов было мало причин для оптимизма. Советская группировка на Карельском перешейке постепенно выросла до 20 стрелковых дивизий, 4 танковых бригад, 5—6 танковых полков и 4 полков самоходной артиллерии. Против всего этого К. Маннергейм, стянувший сюда все, что смог, сосредоточил не более 10 дивизий и 4 бригад<sup>1</sup>.

Военный кризис, возникший по причине потери второй линии обороны на Карельском перешейке, снова вверх Финляндию в обстановку кризиса политического. После секретного совещания кабинета министров 18 июня финны восстановили контакт с советским правительством. Еще одним результатом этого совещания стало обращение Хейнрихса за помощью к германскому представителю при фин-

---

<sup>1</sup> Маннергейм К. Мемуары. С. 511.

ском Генеральном штабе. Финны запрашивали немецкую сторону, готова ли она предоставить им иную помощь помимо поставок оружия, а именно отравить в Восточную Карелию шесть дивизий с тем, чтобы высвободить финские войска для отправки с этого участка на Карельский перешеек.

В Германии к тому времени уже понимали и признавали необходимость оказания помощи союзникам, несмотря на то что у самих немцев возникли серьезные проблемы в Нормандии. Кроме того, со дня на день должно было начаться новое советское наступление на Восточном фронте. 19 июня, через шесть дней после того, как Гитлер отменил эмбарго на поставки оружия в Финляндию, немцы направили туда торпедными катерами 9 тыс. единиц Panzerfaust (44-мм безоткатных противотанковых гранатометов). Еще через три дня самолеты люфтваффе доставили в страну 5 тыс. 88-мм противотанковых реактивных гранатометов Panzerschreck. Германия не хотела отправлять в Финляндию шесть своих дивизий, однако 20-го числа ОКВ проинформировало К. Маннергейма о готовности предоставления союзникам любого содействия, если финская армия действительно намерена решительно оборонять рубеж Выборг—Вуокса. Помимо вооружения и предметов тылового снабжения, немцы направили для усиления финской армии 122-ю пехотную дивизию, 303-ю бригаду штурмовых орудий и авиационные части (истребительную авиагруппу, группу фронтовых пикирующих бомбардировщиков Ju-87 Stukas и еще одну авиаэскадрилью). Сухопутные части были переброшены с участка группы армий «Север», а самолеты — из 5-го воздушного флота, развернутого в Северной Финляндии, и 1-го воздушного флота, приданного группе армий «Север». Авиация прибыла немедленно и 21 июня выполнила в интересах финской армии 940 самолетовылетов.

Несмотря на то что помощь немцев была предложена и частично сразу же предоставлена без предварительных обязательств финской стороны, и в Германии, и в Финляндии знали цену, которую должны были за нее заплатить финны. 21 июня К. Маннергейм проинформировал Гитлера, что Финляндия намерена установить более тесные узы союзничества с Германией. На следующий день в Хельсинки самолетом прибыл Й. Риббентроп для того, чтобы лично возглавить переговоры с финнами. Пытаясь избежать официальных обязательств перед немцами, финская сторона заявляла, что в связи с массовыми пацифистскими настроениями в стране к власти уже пришло просоветски настроенное правительство. Поэтому не может быть и речи о подписании официального соглашения, которое придется ратифицировать в парламенте. Й. Риббентроп в ответ предложил пойти на компромисс и принять декларацию за подписью президента Финляндии. 23 июня позиции немцев укрепились. В тот день советское правительство проинформировало Финляндию, что

о перемирии не может быть и речи до тех пор, пока президент Рюти и министр иностранных дел Рамсай письменно не признают, что страна готова капитулировать и обращается к Советскому Союзу с просьбой о мире<sup>1</sup>.

24 июня Рюти и Рамсай встретились с К. Маннергеймом в Миккелю. На следующий день Гитлер усилил давление. Он категорично объявил о необходимости, чтобы финны открыто высказали свою позицию. Если этого не произойдет, помощь Финляндии будет прекращена. 26 июня Рюти пригласил к себе Й. Риббентропа и вручил ему письмо, в котором говорилось, что Финляндия не будет заключать мир с Советским Союзом без предварительного согласия германского правительства. Кроме того, президент страны не даст разрешения любому назначенному им правительству или другим лицам вести переговоры о мире без согласия немцев.

Немцы получили то, к чему стремились. Однако этот документ являлся своего рода контрактом, не имевшим исковой силы. Финское правительство в момент, когда речь шла о судьбе нации, было совсем не склонно его соблюдать. В результате оказалось, что своим визитом Й. Риббентроп как бы попытался скрыть за дипломатической вежливостью то, что немецкая помощь была предоставлена только в самый последний момент. Кроме того, в сердца финнов закралось чувство, что в самый сложный момент они попросту стали объектом прямого шантажа.

Для финской стороны июньские переговоры имели единственную цель: получить помощь, которая позволит им остановить советское наступление. Письмо Рюти позволило получить такую помощь, однако она была намного меньше того, что Финляндия надеялась получить от немцев. На самом же деле немецкая помощь оказалась даже меньше той, что они поначалу планировали направить на финский участок фронта. 22 июня (23 июня, а 22-го — разведка боем. — *Ред.*) началось советское наступление на фронте группы армий «Центр», которое потребовало от Германии почти все имевшиеся у нее ресурсы.

303-я бригада штурмовых орудий прибыла в Финляндию 23 июня. Еще через пять дней прибыли части 122-й пехотой дивизии. Однако вторую бригаду штурмовых орудий, предназначенную финнам, немцам пришлось в последний момент перебросить на участок группы армий «Центр». Корпусное управление, которое должно было осуществлять командование немецкой группировкой в Финляндии, так и не прибыло к месту назначения. Но оружие немецкого производства и предметы тылового снабжения продолжали поступать в страну. За счет систем Panzerfaust и Panzerschreck противотанковая оборона финских войск была значительно усилена. Это оружие в значительной мере способствовало восстановлению морального духа финской армии.

---

<sup>1</sup> Маннергейм К. Мемуары. С. 513.

21 июня (20 июня. — *Ред.*) русские заняли Выборг. Потеря Выборга стала сильным ударом по боевому духу армии. Советские войска вели сосредоточение сил для прорыва рубежа обороны между Выборгом и Вуоксой. 25 июня 21-я армия перешла в наступление в районе Реполы (современный Красный Холм) силами десяти дивизий при поддержке самоходных артиллерийских установок и прорвала фронт на глубину 4 км. В результате четырех дней тяжелейших боев финнам удалось локализовать прорыв, однако вернуть потерянные позиции они так и не смогли. Русские продолжали удерживать этот выступ к северо-востоку от Выборга, что было особенно опасно, так как он выводил их на местность, пригодную для массового применения танков.

16 июня К. Маннергейм отдал приказ оставить Восточную (советскую. — *Ред.*) Карелию. Он планировал постепенно отступать с участков по реке Свирь и в районе ответственности оперативной группы «Масельская» на рубеж река Уксунйоки — озеро Суоярви — озеро Порос. В последний момент, когда отступление уже началось, представители ОКВ тщетно пытались уговорить К. Маннергейма не отдавать противнику Восточную Карелию. Очевидно, в ОКВ имелись некоторые основания для того, чтобы действовать вопреки рекомендациям, данным несколько дней назад Э. Дитлем. Вероятно, что главным из них было хорошо известное нежелание Гитлера идти на добровольные уступки территорий противнику. Более существенным было то, что с потерей Восточной Карелии финны теряли свои главные территориальные приобретения, которые могли бы послужить предметом для торга в переговорах с Советским Союзом, и, как следствие, последний реальный мотив для продолжения войны. В своих рекомендациях представители ОКВ исходили из германских интересов, однако финская сторона не желала больше участвовать в азартных играх с такими безнадежными ставками. По той же причине, хотя финны, казалось, действовали в соответствии с рекомендациями Э. Дитля, они больше не испытывали энтузиазма удерживать до последнего занимаемые рубежи.

На участках фронта в районе действий оперативной группы «Масельская» и реки Свирь финская сторона имела 4 дивизии и 2 бригады. Им противостояли 11 дивизий и 6 бригад Карельского фронта под командованием К.А. Мерецкова. После того как 18 июня финны эвакуировали крупный плацдарм южнее реки Свирь, им удалось избежать удара русских на этом участке. Однако в дальнейшем отступление проходило не так гладко, как они надеялись. Советская 7-я армия активно преследовала отступавших; ее войска форсировали реку Свирь по обе стороны от Лодейного Поля и начали высадку на берег Ладожского озера в районе между Тулоксой и Видлицей, тем самым угрожая вытеснить финские соединения в местность на востоке Олонцкого перешейка, где поч-



ти не было дорог. 30 июня финны эвакуировали Петрозаводск, а еще через два дня — Салми.

К 10 июля финские дивизии находились на рубеже У. Однако финны ни в коей мере не были уверены, что смогут на нем удержаться, и начали работы над созданием еще одного оборонительного рубежа между озером Янисъярви и Ладожским озером. Кроме того, рассматривался вопрос об отходе на Московский рубеж (т. е. линию госграницы).

В первые дни июля финны получили небольшую передышку, по крайней мере, на Карельском перешейке. Но уже 4 июля войска 49-й армии, которые в конце июня овладели на перешейке крайним западным участком, заняли острова Выборгской бухты и попытались высадиться на северном берегу<sup>1</sup>.

Попытку высадки удалось отразить силами только что прибывшей на этот участок немецкой 122-й пехотной дивизии. Одновременно советская 23-я армия атаковала плацдарм финских войск южнее Вуосалми. Однако войска Ленинградского фронта в тот момент были заняты боями местного значения и перегруппировкой сил, что дало финской стороне укрепить свою оборону.

У финских руководителей росла озабоченность за будущее. Особенно это было связано с проблемой нехватки личного состава. К концу июня потери в армии достигли 18 тыс. человек. За счет резервов удалось пополнить войска всего лишь на 12 тыс. человек. 1 июля К. Маннергейм обратился к немцам с просьбой направить на финский участок фронта еще одну дивизию и две бригады штурмовых орудий. Когда в ответ Гитлер пообещал всего лишь довести численность батальона штурмовых орудий 122-й дивизии до бригады, К. Маннергейм обратился к нему с протестом. Он заявил, что, советуя правительству страны принять условия Германии, взял на себя огромную ответственность. Если обещанные войска не придут в самое ближайшее время, это приведет не только к ухудшению военной обстановки, но и серьезно подорвет его влияние и авторитет в стране. Гитлер в ответ обещал, что одна бригада штурмовых орудий прибудет в Финляндию до 10 июля, еще одна — несколько позднее. Кроме того, финские войска получают танки, штурмовые орудия, противотанковые пушки и другие артиллерийские системы.

На второй неделе июля финны на правом (южном) берегу Вуоксы южнее Вуосалми отошли. Русские немедленно отреагировали на это, захватив плацдарм на северном берегу. Не имея достаточно сил для ликвидации плацдарма, финские войска попытались локализовать его. Несмотря на такое опасное для финской стороны развитие событий и мощный огонь советской артиллерии, в результате чего потери финнов достигли уже 32 тыс. человек, к 11 июля обстановка по

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 143.

обе стороны от Ладожского озера начала стабилизироваться. К 15 июля финское командование получило сведения, которые подтвердились через несколько дней, что, несмотря на увеличение советской группировки на Карельском перешейке до 26 стрелковых дивизий и 12—14 танковых бригад, лучшие части на фронте сменялись тыловыми гарнизонами. Темпы советского наступления неминуемо должны были упасть (финнам просто дали время подумать. — *Ред.*).

### **На пике партизанской войны**

В 1943—1944 гг. советское партизанское движение наконец-то приобрело свою окончательную организацию. Численность партизан к тому времени достигала 250 тыс. человек. Их влияние на судьбы и отношение к нему миллионов жителей оккупированных районов к северу от Припятских болот росло по мере того, как таяли надежды немцев на победу. Благодаря усилиям советского руководства партизанское движение превратилось в тщательно организованную, хорошо управляемую и объединенную единым командованием военную и политическую силу.

К началу 1943 г. партизанское движение превратилось в часть советской военной машины. Начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке генерал-лейтенант П.К. Пономаренко стал членом Генерального штаба Красной армии. Действующие в прифронтной полосе партизанские группы поступили в прямое подчинение командования соответствующей армии, занимавшей этот участок фронта. Отряды, действовавшие в глубоких тылах немецких войск, подчинялись штабу в Москве. Офицерский и рядовой состав регулярной армии направлялся в партизанские части в качестве инструкторов по подготовке специалистов. В состав фронтовых и армейских штабов советских войск были включены представители партизан, в основном из числа бывших советских и партийных работников с территорий, оккупированных противником. Они поддерживали связь с партизанскими отрядами, руководили их снабжением, являлись представителями Центрального штаба партизанского движения, передавали за линию фронта указания советского военного руководства.

В конце 1942 и в 1943 г., когда реформа армии была в полном разгаре, часть внимания партии была обращена на вопросы партийного руководства действиями партизан. Возможно, это было вызвано попыткой придать партизанскому движению партийный характер, как это преподносилось советской пропагандой. Основным результатом таких перемен стало то, что многие существующие партизанские штабы вошли в политическую и территориальную структуру страны. Во главе стоял П.К. Пономаренко, входивший в политическое руковод-

ство страны и до войны занимавший пост первого секретаря белорусской коммунистической партии. После начала войны он возглавил партизанское движение в Белорусской ССР. Одновременно он стал руководителем партизан на той территории РСФСР, где не было собственного территориального партийного руководства<sup>1</sup>.

Характерной чертой для партизанского движения на оккупированных территориях в 1943 и 1944 гг. стало создание так называемых соединений (дивизий) и бригад, действовавших на отдельных территориях под единым командованием. Наиболее яркое отражение этот процесс получил на территории Белоруссии, где действовало более десятка таких соединений. Одно из них в составе 15 тыс. бойцов действовало в Россонском районе севернее Полоцка. Другое соединение в составе 14—18 тыс. человек действовало в районе реки Ушача у Лепеля. Еще одно формирование партизан почти такого же состава было развернуто в районе реки Березина между Борисовом и Лепелем. Партизанские соединения численностью более 8 тыс., 9 тыс. и 14 тыс. бойцов действовали в районах Минска, Сенно и Витебска. К середине 1943 г. более трех четвертей личного состава партизан было сосредоточено в этих районах. По советским данным, к июню 1944 г. численность партизан на территории Белоруссии достигла 150 тыс. человек, которые входили в состав 150 бригад и 49 отрядов<sup>2</sup>.

Главной тенденцией в партизанском движении еще с 1941 г. было их объединение сначала в бригады, а затем в партизанские соединения, которые также зачастую именовались дивизиями и корпусами. Огромные лесисто-болотистые районы на территории Белоруссии и в северо-западной части РСФСР способствовали такой тенденции, а советское правительство поощряло ее. Отчасти это было вызвано стремлением удерживать под своим контролем значительные районы и большое количество населения на оккупированных территориях, отчасти — ошибочными представлениями, что крупные партизанские соединения смогут успешно решать тактические задачи в борьбе с регулярными частями немецкой армии.

С военной точки зрения партизанские соединения редко оправдывали отправленные туда для организации их деятельности личный состав, вооружение и материальные средства. Они якобы не позволили немецким войскам занять целые обширные районы страны. На самом же деле большая часть таких партизанских краев создавалась на территориях, которые немецкие войска в 1941 г. обошли стороной и которые никогда не находились под полным контролем германского военного командования. Они служили своего рода ста-

<sup>1</sup> *Маврогордато Р., Земке Э.* Партизанское движение в Полоцком районе. Командование исследований и развития ВВС. Институт людских ресурсов, авиабаза Максвелл, шт. Алабама. С. 40—44.

<sup>2</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 153.

ционными базами, откуда небольшие отряды партизан совершали вылазки и атаковали группы немецких войск на линиях коммуникаций. Однако при этом количество личного состава в таких партизанских центрах в десятки раз превышало необходимую численность групп, которые могли бы эффективно действовать в близлежащих районах. С поверхностной точки зрения партизанский край представлял собой узел сопротивления. На самом же деле это были своего рода острова. (Действия партизан можно грубо сравнить с тактикой Японии на островах Тихого океана.) Не обладая мобильностью, они в тактическом отношении не представляли собой мощной силы. Не могли они и быстро сосредоточиться для оказания помощи соседу, который подвергался удару немецких войск. Ни один партизанский центр не мог успешно противостоять наступлению регулярных немецких войск.

С точки зрения военной эффективности тенденция к консолидации сил партизан представляла собой неоднозначный психологический и общественный феномен. В отличие от регулярной армии партизанские отряды должны были не выиграть войну, а только способствовать достижению победы. Что именно могло быть должным образом оценено, как такой вклад, было сложно определить даже в таком жестко контролируемом движении, как это имело место в Советском Союзе. Средний партизан не вписывался в обычные представления о нем как о героической личности, настолько преданной своему делу, чтобы постоянно балансировать на грани гибели. Наоборот, больше всего его заботил именно вопрос собственного выживания. Находясь на службе, связанной с постоянным риском для жизни, он постоянно искал способы уменьшить такой риск персонально для себя. То же самое можно сказать и о партизанском движении как таковом. Им двигала забота о том, как сохранить себя и не погибнуть. Такое отношение к своей деятельности было повсеместным и, наверное, в принципе непреодолимым. Партизанский край предоставлял безопасность. Как только численность партизан в таких центрах достигала 5 тыс., 10 тыс. или более бойцов, они автоматически становились неуязвимыми для операций, проводившихся силами местной полиции. А поскольку немцы редко позволяли себе выделить крупные силы регулярной армии для проведения масштабных антипартизанских операций, партизаны могли чувствовать себя там в относительной безопасности. Их никто не беспокоил месяцами и даже годами. Кроме того, партизанские центры олицетворяли собой высокий моральный дух, дисциплину и, что было особенно важным с точки зрения советских людей, партийное руководство. Но все это за счет потери значительной части эффективности и целостности.

В партизаны попадали преимущественно представители крестьянства, а также военнотружущие Красной армии, оставшиеся на

оккупированных территориях после боев 1941 г. К 1943—1944 гг. эти две группы были примерно поровну представлены в партизанских отрядах вместе и составляли до 80% общей численности партизан.

Крестьяне попадали в партизанские отряды по призыву. Как для бойцов, для них было характерно чувство фатализма и индифферентности к войне. Классовые интересы заставляли их рассматривать партизанские операции в основном как способствующие экономической разрухе и тем самым уменьшавшие доходы в сельском хозяйстве. Принципиально они не видели большой разницы в советской и немецкой системах: и та и другая представлялась им почти одинаковым злом. (Американский автор плохо понимает, что такое для русских нашествие иноземцев, заставляющее сплотиться при любой власти. — *Ред.*) Основной разницей было то, что Советский Союз, скорее всего, должен был в этой войне победить. Несколько меньшее влияние на крестьян оказывало чувство долга перед советским режимом, представлявшим собственную законную власть. Да и это чувство вызывалось скорее тем, что немцы не предоставили крестьянину никакой альтернативы взамен.

Оставшиеся на оккупированных территориях советские солдаты были настроены более решительно. Крестьянское желание «заниматься делом, как обычно» для них ничего не значило. Не разделяли они и отношение к советской стороне как к представителю одного, пусть меньшего из зол. Будучи военнослужащими, они имели четкие обязательства перед Советским государством, но как оставшиеся на оккупированной территории с советской точки зрения являлись дезертирами. Партизанское движение давало им шанс исполнить свой долг и, возможно, оправдать себя в глазах режима. С точки зрения оставшихся в немецком тылу советских военнослужащих, политика немцев была на руку партизанам. Вне партизанского движения бывшие советские солдаты имели возможность выбора одного из трех путей: жить нелегально, подвергаясь постоянному риску быть арестованными и не имея постоянной работы. Второй возможный путь — плен и жестокость немецких лагерей. И наконец, они могли добавить к уже имевшемуся против них счету обвинение в измене, вступив в ряды местной полиции или военизированных отрядов коллаборационистов. Но даже в таких условиях большинство из оставшихся на оккупированных территориях военнослужащих старались как можно дольше держаться подальше от войны и не вступать в ряды партизан. Такое отношение сохранялось до конца 1941 г., но и после этого большинство бывших солдат вступили в ряды партизан из страха перед наказанием, вызванного приближением Красной армии.

После 1941 г. процент членов коммунистической партии в партизанских отрядах стал быстро уменьшаться. В 1941 г. доля партийных в некоторых отрядах доходила до 80%, а обычно члены партии со-

ставляли от 25 до 40% личного состава партизан. В последующие годы партийный контингент, как правило, составлял не более 10% бойцов. Такое изменение соотношения очень важно, так как оно отражает коренной поворот в партизанской доктрине: от идеи относительно малочисленных отрядов в составе элитных бойцов из числа членов партии к массовому движению с использованием всех имеющихся людских ресурсов и основанному на политической лояльности как на мотивирующей силе, что олицетворяло собой способность режима распространить свой авторитет и силу принуждения даже на оккупированные территории. Начиная с 1942 г. партийный контингент в партизанских отрядах представлял собой лишь один из элементов советской системы управления. Защита интересов партии и Советского государства в партизанском движении к тому времени была возложена на систему военных комиссаров и особых отделов НКВД (после 1943 г. — Смерш). Эти специальные органы, занимавшиеся вопросами борьбы с подрывными элементами и контрразведкой, держали партизанские отряды под постоянной опекой.

В 1943—1944 гг. партизанские части были хорошо и даже прекрасно по стандартам повстанческой войны оснащены. Немцы почти не могли помешать полетам в ночное время на низкой высоте самолетов, осуществлявших их снабжение через линию фронта. Обычно территории партизанских баз были достаточно обширны для того, чтобы обеспечить взлетно-посадочные полосы даже для таких крупных транспортных самолетов, как С-47. На некоторых участках было организовано даже наземное движение транспорта через линию фронта. Иногда там перемещались целые колонны людей и конных повозок.

И все же до самого конца войны главной проблемой оставалось обеспечение достаточной боевой эффективности партизанских отрядов. Большое количество необученного личного состава, включая подростков, в любой момент могло привести к тому, что отряд начинал заниматься совершенно несвойственной ему деятельностью. Это, в свою очередь, приводило к потере его эффективности с военной точки зрения и превращало скорее в обузу для руководства. Благодаря жесткому внешнему контролю удавалось преодолевать тенденцию к внутренней разобщенности, а планомерная отправка в партизанские отряды солдат и офицеров регулярных частей и подготовленных специалистов позволяла повысить боевую эффективность. К началу 1943 г. в составе каждой партизанской бригады находилась группа специалистов по партизанской войне из числа кадровых офицеров, которая занималась вопросами обучения бойцов и поддержанием должного уровня дисциплины.

Перед партизанским движением ставились как военные, так и экономические и политико-психологические задачи. К военным задачам относилось: 1) сделать немецкие войска менее мобильными и лишить их надежной системы тылового обеспечения; 2) вести сбор разведы-

вательной информации; и 3) уничтожить живую силу противника и связывать боем его части. Первая цель, получившая в советских источниках название «рельсовой войны», стала той задачей, на выполнении которой партизанские отряды сосредоточили свои основные усилия. Так, в 1943 г. и в первой половине 1944 г. количество диверсий на железных дорогах на оккупированных территориях ежедневно исчислялось сотнями, а в периоды перед советским наступлением — и тысячами. Являясь постоянной досадной помехой, удары партизан иногда в самый неподходящий для этого момент могли почти парализовать германские линии коммуникаций. В качестве источника разведывательной информации партизаны также действовали довольно эффективно, хотя и уступали в этом тысячам агентам, которые направлялись в немецкий тыл армией и НКВД. Хуже всего обстояло дело с выполнением задачи по уничтожению и связыванию боями немецких регулярных частей. Немецкая сторона крайне редко использовала против партизан свои самые боеспособные войска, так как для этого было более чем достаточно сил безопасности и полиции, а также военнотружущих тыловых служб.

В экономической войне партизанское движение, хотя и причиняло противнику определенные неудобства, в целом оказалось неспособным решать стратегические задачи. Отчасти это было вызвано тем, что оно было распространено в основном в малоурожайных северных районах России. На юге страны, где не было больших лесных массивов, которые могли бы служить укрытием для партизан, это движение не оказало серьезного влияния на экономическую деятельность оккупантов. Но даже на севере, в одном из самых бедных сельскохозяйственных районов страны, войскам группы армий «Север» вплоть до конца 1943 г. удавалось полностью обеспечивать свои потребности в продовольствии. Как следствие, с точки зрения экономики самым пострадавшим слоем оказалось русское крестьянство, попавшее в жесткие тиски одновременно и партизан, и немцев.

С политической и психологической точки зрения, разумеется, сам факт существования партизанских отрядов являлся большим достижением. Партизанское движение само по себе, даже не решая других задач, лишало противника значительных людских ресурсов на оккупированных территориях. Кроме того, методом запугивания или пропаганды партизаны способствовали сопротивлению прочих слоев населения. Для немецкого солдата партизанское движение стало дополнительным фактором для неуверенности и страха на той войне.

Весной 1944 г. немцы провели три крупномасштабные антипартизанские операции (как оказалось, последние за время войны). Удары были направлены против партизанских баз. Таким образом, согласно советской доктрине, партизанское движение достигло сво-

ей высшей стадии, которая предусматривает борьбу с регулярными силами противника. Еще со времен зимних боев 1941—1942 гг. тыловые районы немецких 3-й танковой армии и 4-й армии на левом фланге группы армий «Центр» стали тем участком Восточного фронта, который буквально наводнили партизанские отряды и группы. В 1944 г. командование 1-го Прибалтийского фронта вынашивало замыслы превратить этот партизанский край во второй фронт, с помощью которого в один прекрасный день удастся разгромить две немецкие армии. Наиболее мощной партизанской базой стала так называемая партизанская республика в районе реки Ушача, которая контролировала территорию в полосе 60 км между Лепелем и Полоцком. Во главе ее стоял опытный командир бригады и бывший комиссар полковник Владимир Лобанок. Другие партизанские центры, почти такие же мощные, держали под контролем районы к востоку от Лепеля до Сенно и южнее, между Лепелем и Борисовом. 18 тыс. бойцов в районе Ушачи щедро снабжались по воздуху и проходили интенсивную подготовку. Весной 1944 г. они получили приказ оборудовать оборонительные позиции и удерживать район от попыток немецких войск захватить его.

Начиная с 11 апреля 20 тыс. военнослужащих из состава немецкой 3-й танковой армии были привлечены для участия в двух связанных между собой операциях против партизанской базы в районе Ушачи: *Regenschauer* и *Fruehlingsfest*. Партизаны оказывали ожесточенное сопротивление, которое, однако, продлилось недолго. Несмотря на поддержку советской авиации, наличие большого количества минных полей и оборонительных позиций, оборудованных на большую глубину, им не удалось воспрепятствовать неумолимому продвижению германских частей. Многие из партизан, иногда целые бригады, были новичками, никогда прежде не бывавшими под огнем противника. Перехваченные приказы, которые отдавал В. Лобанок, позволили выявить слабые стороны партизан: некоторые бригады уступили свои позиции после первой же атаки немцев; другие, включая весь личный состав и штабы, поддались панике. Поскольку степень боеспособности партизанских частей была неодинаковой, партизанские бригады зачастую не могли взаимодействовать в обороне или осуществлять организованный отход. Некоторые партизаны, отступая, грабили гражданское население. Войска немецкой 3-й танковой армии наступали относительно медленными темпами для того, чтобы сохранить сомкнутые боевые порядки и не дать партизанам просочиться сквозь них. К середине мая партизанский центр Ушачи был полностью уничтожен. Потери партизан составили до 7 тыс. убитыми и примерно столько же пленными.

22 мая войска 3-й танковой армии начали еще одну антипартизанскую операцию под кодовым названием *Kormoran*. На этот раз удары наносились по партизанским базам в районе, ограниченном



населенными пунктами Лепель, Сенно, Борисов, Минск и Молодечно. И снова оборона партизан оказалась разобщенной и некоординированной. Осуществляя нажим со всех сторон, немцы загоняли повстанцев в узкие мешки, где затем уничтожали их по частям. Операцию Когмоган пришлось прекратить в связи с началом советского летнего наступления, однако до этого времени, по немецким данным, было уничтожено более 13 тыс. партизан.

В июле и августе 1944 г., после отступления германских войск с советской территории, партизанское движение постепенно прекратило свое существование. Для большинства бойцов последующие события послужили причиной глубокого разочарования. Во время периода крупных наступлений советских войск, по данным немецкой агентуры, соединившиеся с частями Красной армии партизанские отряды, вместо того чтобы, как они надеялись, оказаться в привилегированном положении, после короткого отдыха были направлены на передовую. С учетом крайне подозрительной природы советского режима и неоднородности состава партизанских отрядов можно предположить, что даже самые фанатичные из повстанцев после возвращения под контроль советских органов могли считать себя счастливыми, если их не отправляли в армейские штрафные батальоны. Руководящий состав из числа партийных функционеров, несомненно, оказался в выигрыше и на этой службе. Те счастливые рядовые бойцы, которым удалось пережить политические чистки, скорее всего, смогли лишь довольствоваться скромными отблесками славы и почестей, которые отдавались партизанскому движению в официальной прессе и в опубликованных мемуарах их наиболее известных командиров<sup>1</sup>.

## **Запад и Восток**

Весной 1944 г. Германии было необходимо сделать стратегический выбор, который диктовала война на два фронта. С течением времени неизбежность этого мрачного испытания становилась все более очевидной. Подобно приближению смерти, после Сталинграда эта дилемма накладывала свою тень на любое значительное военное решение. Для Германии второй фронт существовал еще до того, как он стал реальностью. Он дробил ее вооруженные силы и разделял командование. Причем разногласия среди немецкого военного руководства были более глубокими до открытия второго фронта, чем после него.

---

<sup>1</sup> Земке Э. Состав и мораль партизанского движения. С. 1, 9, 13, 31, 33f, 41f; Маврогордато Р., Земке Э. Партизанское движение в Полоцком районе. С. 21, 45.

Попытка К. Цейслера отобрать у ОКВ 1-ю горнострелковую дивизию, сделанная 30 марта, привела к длительному конфликту между командованиями ОКВ и ОКХ по вопросу развертывания германских сухопутных войск. Гитлер вскоре приказал А. Йодлю подготовить обзор стратегического положения страны и направить его в Генеральный штаб ОКХ и штабы групп армий с тем, чтобы убедить их представителей в том, что текущая дислокация германских войск вызвана общим положением, в котором находится страна. К 13 апреля А. Йодль закончил работу над этим документом. Обзор начинался со знакомых аргументов, что некоторые лица в высших эшелонах командования на Восточном фронте из-за незнания общей обстановки делают неверные и даже «опасные» критические выводы. Они занимаются расширением критических замечаний подрывного характера, таких как: «В то время как пятьдесят три процента армии сражается в России за существование германского народа, оставшиеся сорок семь процентов сидят в Западной Европе и ждут вторжения, которого не будет» или «Германия проиграла Первую мировую войну, сохранив свой военный флот, а эту войну проиграет, сохранив армию». Эти передергивающие исторические факты критиканы не смогли понять, продолжал А. Йодль, что Германии приходится удерживать передовые опорные пункты в Финляндии, Норвегии, Дании, Франции, Нидерландах, Италии и на Балканах для того, чтобы быть готовой в военном и экономическом отношении к затяжной войне против Великобритании, США и Советского Союза. В любом случае, отменялось далее, оставить эти плацдармы означало бы позволить союзникам разместить свои авиабазы в непосредственной близости от немецкой границы. К тому же в результате линия фронта будет увеличена, а не сокращена. Таким образом, заключал А. Йодль, сомнение вызывает лишь один вопрос — о том, сможет ли Германия получить дополнительные соединения для Восточного фронта.

Здесь начальник оперативного штаба ОКВ приводил такие убедительные доводы, которые было нельзя опровергнуть. Из развернутой на театрах ОКВ 131 дивизии 41 имела соответствующие вооружение и технику для того, чтобы быть использованными на Восточном фронте. Однако 32 из них уже вели бои в Италии и Финляндии или защищали морское побережье. Оставшиеся 9 покрывали примерно одну треть потребностей ОКВ в резервах.

В апреле 1944 г. уже мало кто продолжал настаивать на том, что войска с театров ОКВ должны быть переброшены на Восточный фронт. В то же время доклад А. Йодля был неубедителен для тех, кто после Сталинграда уже не верил, что Германия способна одновременно вести военные действия, разделив свои вооруженные силы на две части. При этом одна часть ведет активные бои на Востоке, а вторая — тщетно пытается связать противника так называемой стратегической обороной.

Сам тон обзора А. Йодля был симптоматичен с точки зрения того психологического настроения, который был характерен как для самого Гитлера, так и для его окружения. В нем повсюду сквозила мысль, что Гитлер не может ошибаться. Если же что-то пошло не так, то виноват в этом не фюрер, а явно кто-то другой. Следовательно, тех, кто думал по-другому, можно было отнести к вредителям, доказательством чему являются поражения на Восточном фронте. Источником всех бед следовало считать отсутствие лояльности, а в ставке фюрера быть верным означало не просто говорить Гитлеру то, что тот желал услышать, но и самому в это верить.

В результате узкий круг лиц в ставке фюрера, входивших в его непосредственное окружение, был сосредоточен на том, чтобы поддерживать иллюзии — как свои, так и в первую очередь самого Гитлера. В марте шеф-адъютант фюрера Р. Шмундт заметил, что письма занимавшего видный пост в созданном по инициативе Советского Союза Союза немецких офицеров К. Зейдлица своим коллегам-генералам, окруженным в районе Черкасс, стали причиной растущего недоверия Гитлера ко всему генералитету. Для того чтобы успокоить фюрера, Р. Шмундт убедил немецких фельдмаршалов подписать декларацию, осуждающую К. Зейдлица. 19 марта в присутствии своих коллег старейший генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт зачитал и затем торжественно вручил этот документ Гитлеру. В апреле в своем обращении к генералам Гитлер заявил, что «ни один офицер не должен отделять себя от идей национал-социализма»; не может быть и речи о том, что военные находятся вне политики. В мае Г. Гудериан, убедивший себя в том, что правильное применение танковых соединений все еще может помочь Германии выиграть войну, написал письмо на имя Гитлера, в котором охарактеризовал германский Генеральный штаб как сборище слабонервных пораженцев. Когда К. Цейцлер в ответ потребовал, чтобы Гитлер либо опроверг эти обвинения, либо принял его отставку с поста начальника Генерального штаба ОКХ, тот в ответ лишь заметил, что в свете существующей на тот момент ситуации он пока не может принять решения. Ближе к концу месяца Р. Шмундт совершил поездку на Восточный фронт, откуда вернулся с твердым убеждением, что замена командующих двумя южными группами армий «дала необычайно благоприятные результаты».

В апреле и мае 1944 г. казалось, что воля Гитлера все еще способна переломить судьбу. Если удастся отразить вторжение на Западе, Германия сможет бросить все силы на Восток. Перспективы победы на Западе казались вполне реальными. В конце апреля образовавшуюся в обороне на Западе в результате переброски на Восточный фронт II танкового корпуса СС брешь удалось залатать за счет вновь сформированных танковых дивизий. Оборона на южном участке Восточного фронта казалась сколоченной на скорую руку.

Однако на центральном участке германские войска стояли в 450 км западнее Москвы, в Витебске, Орше и Могилеве. Ключ к советской столице все еще находился в руках немцев. Русские же находились от Берлина в 800 км в самой ближней к нему точке. В мае советские войска осуществляли активную переброску войск, однако ничто не говорило о том, что они собираются что-либо предпринять для того, чтобы поддержать высадку войск союзников. В советском воззвании, посвященном празднику 1 мая, которое, конечно, можно было трактовать по-разному, говорилось, что главной целью является освобождение всей территории страны «на всем протяжении фронта от Баренцева до Черного моря». Из этого должно было следовать, что наступление на территорию Германии является второстепенной задачей. Директивы Ставки, подготовленные в начале мая, знай их немцы, могли бы им дать дополнительную почву для оптимизма. В них всем фронтам предписывалось составить программы обучения личного состава, провести общую разведку сил противника и создать в глубине своей обороны 25-километровую полосу обеспечения. Другими словами, фронты должны были проводить плановые мероприятия по подготовке если не к долговременной обороне, то к неопределенному периоду бездействия.

Несмотря на то что к весне численность личного состава немецкой армии на Восточном фронте еще более снизилась (до 2 242 649 солдат и офицеров), а советской армии соответственно увеличилась до 6 077 000 военнослужащих (179 немецких дивизий и 5 бригад, а также 49 дивизий и 18 бригад союзников Германии на Восточном фронте насчитывали к лету 1944 г. 4,3 млн военнослужащих против 6,6 млн советских. — *Ред.*), по всем прочим параметрам Германия переживала настоящий подъем<sup>1</sup>.

Возрос выпуск промышленной продукции. Количество самолетов ВВС к январю 1944 г. достигло 5585 машин, по сравнению с 3955 годом ранее. В апреле 1944 г. достигло своего пика производство синтетического горючего. Запасы авиационного бензина никогда, с самого 1941 г., не были так велики. Организованный в начале 1944 г. для оптимизации деятельности авиационной промышленности штаб истребительной авиации действовал настолько эффективно, что производство истребителей с марта до сентября 1944 г. ежемесячно увеличивалось, несмотря на то что в марте английские и американские ВВС возобновили бомбардировки немецкой территории в дневное время. Со сборочных цехов поступало достаточное количе-

---

<sup>1</sup> Численность личного состава по группам армий составляла: группа армий «Север» — 540 965 человек, группа армий «Центр» — 792 196 человек, группа армий «Северная Украина» — 400 542 человек, группа армий «Южная Украина» — 508 946 человек.

Данные по численности советских вооруженных сил приводятся по: ИВОВ. Т. 4. С. 125.

ство танков и других видов техники и вооружений для того, чтобы оснастить новые дивизии для Западного фронта и частично возместить потери на Востоке. Численность войск СС, представляющих собой наиболее хорошо оснащенные (хотя и не всегда так же хорошо подготовленные) войска Германии, к концу марта достигла 400 тыс. человек. Все говорило о том, что Германия могла смело ожидать очередного хода судьбы в начатой ею азартной игре.

В середине июня судьбе выпало метать кости, и Германия проиграла партию. Начиная с апреля и на протяжении почти всего мая и июня американские и британские ВВС проводили постоянные авианалеты, в результате которых было выведено из строя навсегда или временно более 40% румынских мощностей по производству нефти и 90% немецких предприятий по производству синтетического горючего. 6 июня американские и британские войска высадился в Нормандии, и в течение нескольких дней вся так тщательно разрабатываемая Гитлером начиная с директивы фюрера № 51 от ноября 1943 г. стратегия рухнула. «Мощный контрудар», который Гитлер планировал нанести по противнику, оказался мифом. Ожидая второго десанта в районе севернее Сены, Гитлер не сумел перебросить достаточно войск из состава 15-й армии, находившейся ближе всех к плацдарму, на который высаживались войска союзников. Вместо этого он предпочел перебрасывать туда подкрепления из более удаленных районов. Немецкие армии в Нормандии были вынуждены перейти к обороне. А на Востоке русские уже были готовы к новому броску вперед.

## **Глава 15**

### **КАТАСТРОФА НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ФРОНТЕ**

#### **Иллюзии и их крушение**

В первую неделю мая 1944 г. на всем протяжении Восточного фронта установилось затишье. В это время, делая прогноз на возможное дальнейшее развитие событий, отдел «Иностранные армии Востока» ОКХ исходил из двух возможных направлений очередного советского наступления. Первый вариант предусматривал нанесение глубокого удара на рубеже Ковель—Луцк с выходом в тыл групп армий «Север» и «Центр» и дальнейшим продвижением через Варшаву к Балтийскому морю. Предполагалось, что вторым возможным направлением наступления русских станут Балканы, куда советские войска станут прорываться через территории Румынии, Венгрии и Словакии. При этом первый вариант, по мнению немцев, требовал столь высокого уровня тактического мастерства, что советская Став-

ка не решится на его осуществление. На основании этого офицеры отдела «Иностранные армии Востока» делали вывод, что противник сосредоточит основные усилия на южном направлении и будет наступать на Балканы, где его преимуществом станет ослабление лояльности союзников Германии. Кроме того, этот вариант позволял в перспективе установить советскую гегемонию в Юго-Восточной Европе. По прогнозам немецкой разведки, участок фронта севернее Припятских болот останется спокойным.

Выводы разведчиков практически полностью совпадали с мнением командования ОКХ и групп армий. Единственным обстоятельством, вызывавшим озабоченность в штабах групп армий «Центр» и «Северная Украина», была возросшая активность железнодорожных перевозок и другие признаки сосредоточения войск в районе Ковель—Тернополь. К. Цейцлер согласился с тем, что не следовало игнорировать активность противника на стыке групп армий, и предложил создать резервную армию для того, чтобы «иметь возможность отреагировать на крупное наступление в случае, если оно все-таки начнется на этом участке». В начале мая командование группы армий «Центр» начало усиление правофлангового LVI танкового корпуса танками, штурмовыми орудиями и артиллерией. 12 мая отдел «Иностранные армии Востока» пересмотрел свои первоначальные выводы. Там по-прежнему продолжали считать, что главный удар противник будет наносить на юге, между Карпатами и Черным морем, на Балканы. В то же время еще одно крупное наступление русских следовало ожидать между Карпатами и Припятскими болотами. Направлением удара станут Львов, Люблин и Брест.

Возможность того, что вспомогательный удар будет наноситься между Карпатами и Припятскими болотами, в некотором смысле была даже выгодна немецкой стороне: если обстановка на остальных участках обороны группы армий «Центр», как ожидалось, останется спокойной, наступление состоится как раз там, куда немцы с легкостью могли бы перебросить значительные дополнительные силы, чтобы парировать удар. 10 мая К. Цейцлер предложил использовать создаваемую резервную армию, ядром которой должен был стать LVI танковый корпус, для нанесения на центральном участке превентивного удара. Но командование групп армий «Центр» и «Северная Украина», помня о фиаско операции «Цитадель», восприняло эту идею довольно холодно. В то же время В. Модель увидел в этом варианте возможность реализации своей теории активной обороны («Щит и меч»). Не исключено, что одновременно он рассчитывал лишить своего менее энергичного коллегу Э. Буша той значительной силы, которую должна была представлять вновь создаваемая резервная армия на базе LVI танкового корпуса.

15 мая Модель обратился к Гитлеру с просьбой передать ему LVI корпус с целью «опробовать наступательный вариант действий».

Было очевидно, что такая мысль должна была импонировать фюреру. В течение нескольких следующих дней разведывательные сведения, поступавшие из штаба В. Моделя, стали резко отличаться от прежних. Там внезапно стало ясно, что возможное советское наступление в Карпатах совершенно не коснется группы армий «Центр». 20 мая Гитлер принял решение передать LVI танковый корпус группе армий «Северная Украина». В то же время полоса обороны группы армий «Центр» увеличивалась на 6%. Кроме того, группа армий «Центр» лишалась 15% своих дивизий, 88% танков, 23% штурмовых орудий, 50% противотанковой и 33% тяжелой артиллерии.

Э. Буш, не обращая внимания на предупреждение командующего 2-й армией В. Вейсса о том, что В. Модель пытается забрать себе LVI танковый корпус, отдал корпус без малейших колебаний. Как бы пытаясь опровергнуть свою пассивную позицию в качестве командующего, 24 мая Э. Буш собрал совещание с участием командующих армиями, на котором заявил, что единственной целью этого совещания было передать им непоколебимую решимость фюрера при любых обстоятельствах удерживать линию фронта на Востоке. Он приказал армиям резко сократить деятельность за линией фронта и сосредоточить все силы на передовой. Группа армий располагала фактически единственной запасной позицией, созданной по плану «Бибер» (бобр — нем.) на реке Березина. Эти укрепления не называли ни рубежом, ни позицией, отчасти из-за боязни возбудить подозрение Гитлера, который и так был уверен, что в армиях «постоянно оглядываются назад». Кроме того, возведенные укрепления в действительности не заслуживали столь громкого названия.

Как оказалось, все это было на руку русским. Им противостояла полностью беспомощная оборона противника (сильно развитая в инженерном отношении, умело использующая условия местности (реки и болота), она состояла из нескольких рубежей и простиралась на глубину 250—270 км. Сеть шоссейных и железных дорог благоприятствовала маневру войск в обороне. — *Ред.*), что давало возможность сосредоточить группировку, обладающую над ним подавляющим превосходством в войсках и технике практически на любом участке фронта. На третьей неделе апреля, очевидно по решению Государственного Комитета Оборона о том, что настало время покончить с последней угрозой, которую представляли собой немецкие войска в Белоруссии, Ставка начала скрытное сосредоточение сил против группы армий «Центр». Одновременно проводились мероприятия по введению противника в заблуждение. Немцам внушали мысль, что очередное советское наступление должно начаться на южном участке фронта. Советская сторона имела возможность навязать противнику ложное решение. Еще зимой, во время подготовки к наступлению, сосредоточение войск, включая танковые армии, проводилось на дру-

гих участках фронта. Противник уже был дезориентирован относительно дальнейших планов русских. Теперь оставалось только поддерживать это заблуждение и скрытно для противника провести сосредоточение войск на центральном участке.

Примерно в первых числах мая, в то время, когда внимание немецкой стороны было приковано к району южнее Припятских болот, началось развертывание наступательной группировки на участке от левого фланга 3-й танковой армии группы армий «Центр» восточнее Полоцка и до правого фланга 9-й армии между Днепром и Березиной, южнее Жлобина. В течение мая и трех первых недель июня 1-й Прибалтийский, а также 1, 2 и 3-й Белорусские фронты были пополнены личным составом на 60%, танками и самоходной артиллерией на 300%, артиллерией и минометами на 85% и авиацией на 62%. В период между 1 и 22 июня войска четырех советских фронтов получили 75 тыс. вагонов с личным составом, техникой, боеприпасами и другими материалами<sup>1</sup>.

Когда развертывание было завершено, численность советских войск в полосе наступления от района западнее Витебска до участка южнее Бобруйска достигла 1,2 млн солдат и офицеров, в то время как в составе группы армий «Центр» насчитывалось чуть более 700 тыс. солдат и офицеров (1,2 млн. — *Ред.*). Всего же, с учетом резервов, сосредоточенных в тыловых районах до начала наступления, численность советских войск здесь составляла 2,4 млн человек. Наличие в составе наступающих фронтов 5200 танков и САУ (у немцев 900), 36 400 орудий и минометов (у немцев 9500), 5300 боевых самолетов (у немцев 1350) обеспечивало советским войскам превосходство над противником в танках, артиллерии и авиации на направлениях прорыва 10 к 1<sup>2</sup>.

Русским удавалось искусно скрывать переброски войск, и немцы не смогли засечь активность противника перед участком группы армий «Центр» до 30 мая, когда из 9-й армии стали поступать донесения о сосредоточении советских войск в районе севернее Рогачева.

Затем, по мере того как развертывание стало осуществляться полным ходом, подобные доклады стали поступать все чаще. Но ничто не могло отвлечь внимание ОКХ от участка обороны группы армий «Северная Украина», где В. Модель готовился опробовать свою оборонительную доктрину под кодовым названием «Щит и меч». В отделе «Иностранные армии Востока» воспринимали активность противника перед участком группы армий «Центр» как «очевидную дезинформацию». Командование группы армий «Центр» отмечало изменения в концентрации советских войск в полосе обороны 3-й танковой, 4-й и 9-й армий, но абсолютно не реагировало

---

<sup>1</sup> Платонов С.П. Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 587.

<sup>2</sup> История Второй мировой войны. Т. 9. С. 47.



на них. Для Э. Буша была важнее обстановка на правом фланге, а также возможность получить обратно LVI танковый корпус, после того как он станет не нужен В. Моделю.

14 июня К. Цейцлер вызвал на совещание начальников штабов групп армий и армий. Еще до начала совещания он заявил, что все, о чем он собирается говорить, «не имеет особого отношения к группе армий «Центр». Командование ОКХ, как и прежде, было в первую очередь озабочено возможным наступлением русских в полосе группы армий «Северная Украина». Даже предполагаемое наступление противника на Балканы отошло на второй план. Во время совещания руководитель отдела «Иностранные армии Востока» отметил, что перед крупным советским наступлением на участке группы армий «Северная Украина» противник, возможно, нанесет одновременные удары на участках групп армий «Центр» и «Южная Украина».

В течение следующих недель обстановка на восточном фланге группы армий «Центр» становилась все более тревожной. Из армий поступали донесения о появлении на их участках новых советских соединений. Сбитый советский летчик подтвердил собранные немецкой агентурой слухи о том, что командование (координация действий. — *Ред.*) войсками на этом участке поручено Г.К. Жукову. Захваченные разведкой пленные (языки. — *Ред.*) сообщали, что на политических занятиях основной упор делался на том, что главной задачей войск следовало считать освобождение всей советской земли. Ночью 19 июня партизаны установили на железнодорожных путях в тылу немецких 2-й и 4-й армий более 5 тыс. мин. В штабе группы армий «Центр» к таким донесениям относились как к само собой разумеющимся фактам и не испытывали особой тревоги по их поводу. Бросив взгляд на запись в дневнике группы армий за 20 июня, можно было прочесть, что рост активности партизан «свидетельствует о том, что в ближайшее время наступление на этом участке не ожидается». Во второй половине дня Э. Буш вылетел в Германию, где у него на 22 июня была назначена встреча с Гитлером для обсуждения административных вопросов в Бергхофе.

Согласно выражению «*nur keine Schema*», основным принципом, возведенным в ранг доктрины германского Генерального штаба, было стремление избегать косности и схематичности в тактических вопросах. В июне 1944 г. на Восточном фронте это правило было забыто. К принимаемым советской стороной мерам по дезинформации противника добавилась почти гипнотическая уверенность в собственных иллюзиях: главного удара русских следует ожидать на участке группы армий «Северная Украина», поскольку именно там немцы были готовы его встретить.

Штаб группы армий «Центр» при Э. Буше превратился в слепое орудие исполнения приказов фюрера. Э. Буш даже не пытался выйти за узкие рамки исполнения приказов Гитлера, предписывающих

любой ценой удерживать фронт. Состояние, в котором в тот момент находилась группа армий «Центр», ярко характеризуется записью, сделанной утром 22 июня в дневнике 9-й армии исполняющим обязанности командующего генералом Г. Йорданом:

«9-я армия стоит на пороге еще одного грандиозного сражения, продолжительность и исход которого невозможно предсказать. Ясно одно: за последние несколько недель противник завершил сосредоточение мощной наступательной группировки перед фронтом армии. В то же время в самой армии убеждены, что это сосредоточение является всего лишь прикрытием для концентрации сил на северном фланге группы армий «Северная Украина»... Командование армии неоднократно указывало на то, что массирование сил противника перед ее фронтом свидетельствует о том, что в этом году главной целью советского наступления будет освобождение Белоруссии.

Командование армии считает, что даже при этих обстоятельствах еще можно остановить наступление противника. Но для этого не годятся директивы руководства, которые предписывают ведение абсолютно жесткой обороны, не может быть сомнений, если начнется советское наступление, армии придется либо перейти к мобильной обороне, либо ее фронт будет уничтожен.

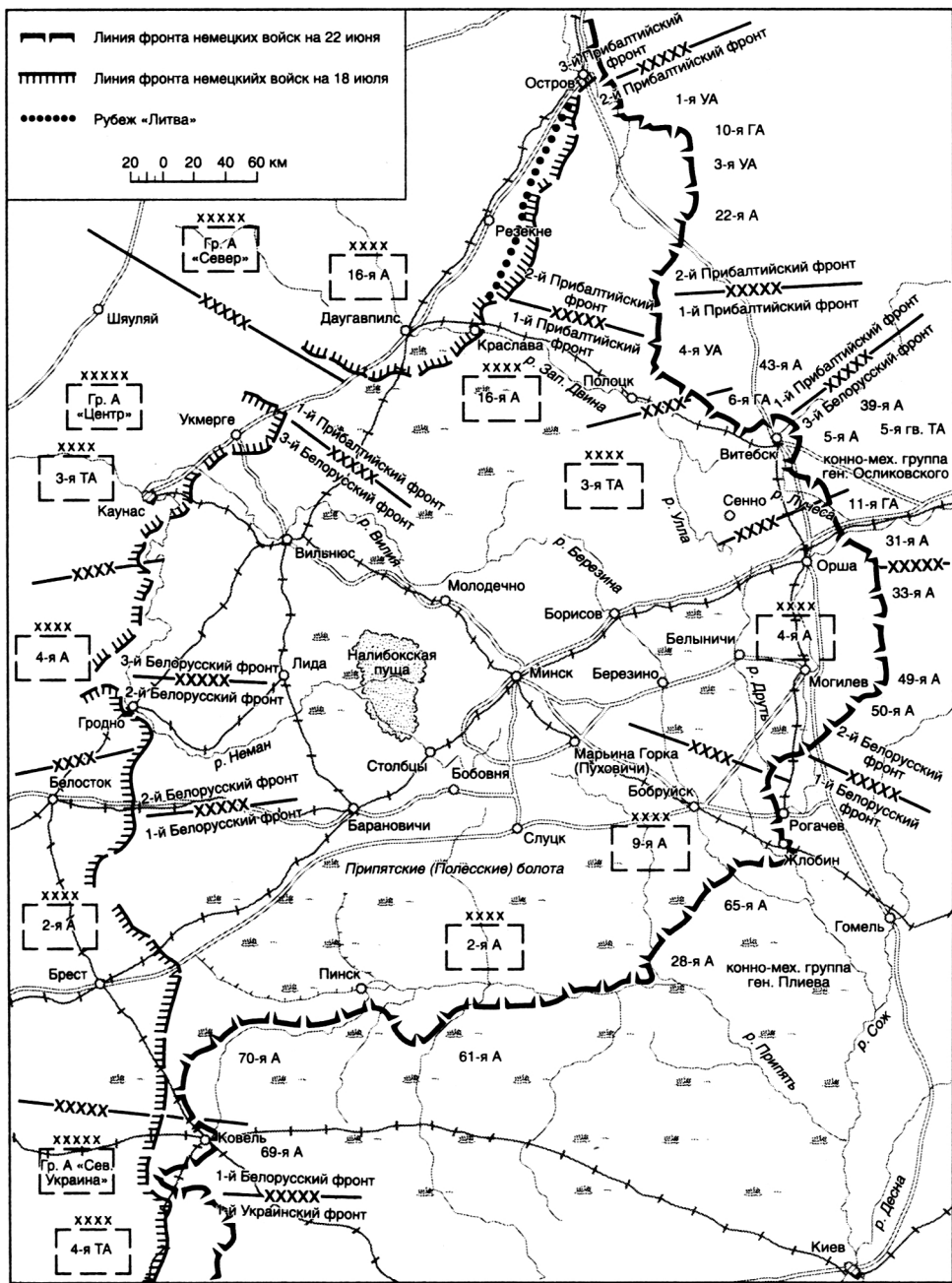
В армии считают, что приказы о создании «крепостей» являются особенно опасными.

Именно поэтому офицеры армии ждут начала сражения с горечью, отдавая себе отчет в том, что им приходится выполнять приказы и совершать тактические маневры, которые при ясном понимании обстановки не могут считаться грамотными. В наших прежних победоносных кампаниях такие приказы отдавал противник, и они вели его к поражению. Достаточно вспомнить глубокие прорывы и грандиозные битвы на окружение в Польше и во Франции.

Командующий и начальник штаба армии неоднократно докладывали эти соображения на многочисленных совещаниях в штабе группы армий, но там, по-видимому, не осмеливались докладывать их по команде наверх. В то же время нам не было представлено никаких контраргументов, за исключением ссылок на распоряжения ОКХ. Именно поэтому в армии смотрят в будущее с таким беспокойством».

### **Битва за Белоруссию**

Последние директивы, касающиеся наступления против группы армий «Центр», были отправлены командующим фронтами 31 мая (см. карту 27). Основной стратегической задачей, поставленной советской Ставкой, было освобождение Белоруссии, выход к Висле и границе Восточной Пруссии (что и было сделано. — *Ред.*).



Карта 27. Битва за Белоруссию, 22 июня — 18 июля 1944 г.

Планирование операции и координация действий четырех фронтов, принимавших в ней участие, были поручены маршалам Г.К. Жукову и А.М. Василевскому.

А.М. Василевский должен был координировать действия 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов; Г.К. Жуков — 2-го и 1-го Белорусских фронтов. Наступление должно было развернуться на фронте шириной 500 км от района южнее Полоцка до участка южнее Бобруйска. Ближайшей задачей было уничтожение немецких узлов обороны и центров коммуникаций, таких как Витебск, Орша, Могилев и Бобруйск. После этого советские фланговые группировки должны были нанести удары на Минск по сходящимся направлениям с северо-востока и юго-востока по шоссе Орша—Минск и Бобруйск—Минск с целью окружить войска немецкой 4-й армии. Для того чтобы отрезать немцам пути отхода из Минска и перекрыть проходы через Припятские болота, в Налибокской пуше западнее Минска и в болотистых низинах севернее Молодечно, между реками Вилия и Западная Двина, крупные силы русских планировалось направить через Минск на север, в район Молодечно, и от Бобруйска через Слуцк на Барановичи.

Направления советских ударов сходились в районе Минска; фронты были развернуты в форме широкой подковы. Примерно половина участка 1-го Прибалтийского фронта была развернута против группы армий «Север». Район ответственности фронта в наступлении проходил севернее Полоцка до Витебска. Полоса наступления 3-го Белорусского фронта проходила от Витебска до района южнее Орши. 2-й Белорусский фронт должен был наступать по обе стороны от Могилева в полосе, ограниченной районами южнее Орши и севернее Рогачева. 1-й Белорусский фронт — от района севернее Рогачева до района южнее Ковеля. Участок 1-го Белорусского фронта был шире, чем у трех остальных фронтов, вместе взятых, однако в наступлении должен был участвовать только его правый фланг.

1-й Прибалтийский фронт под командованием генерала армии И.Х. Баграмяна силами 6-й гвардейской и 43-й армий должен был наступать северо-западнее Витебска, форсировать Западную Двину и охватить Витебск с запада. По мере развития наступления его задачей становилось прикрытие флангов наступающих войск с севера. 3-й Белорусский фронт под командованием генерал-полковника И.Д. Черняховского создавал две наступательные группировки. Северная в составе 39-й и 5-й армий должна была прорвать фронт южнее Витебска, завершить окружение города и наступать на юго-запад на Сенно. Южная группировка в составе 11-й гвардейской и 31-й армии наносила удар по обе стороны от шоссе, ведущего в Оршу. После того как армии форсируют реку Лучеса,

конно-механизированная группа Осликовского должна была начать стремительное наступление на запад через Сенно<sup>1</sup>.

В резерве 3-го Белорусского фронта находилась 5-я гвардейская танковая армия, которую предполагалось ввести в бой позже на участке либо северной, либо южной наступательной группировки, в зависимости от того, как будет развиваться наступление.

В дальнейшем фронт И.Д. Черняховского, сосредоточив основные усилия севернее шоссе Минск—Орша, должен был наступать через Борисов на Минск и из района севернее Минска на Молодечно.

2-й Белорусский фронт под командованием генерала армии М.В. Захарова в составе 33, 49 и 50-й армий имел задачу прорвать фронт на центральном участке плацдарма, который имела в районе восточнее Днепра немецкая 4-я армия, занять Могилев и создать восточный участок кольца окружения вокруг Минска. 1-й Белорусский фронт К.К. Рокоссовского (ранее — Белорусский фронт) силами 3-й и 48-й армий, развернутых восточнее Березины, а также 65-й и 28-й армий и конно-механизированной группы И.А. Плиева, сосредоточенных к западу от реки, должен был окружить Бобруйск. После выполнения этой задачи часть сил фронта должна была наступать на северо-запад в направлении на Минск; еще одна наступательная группировка наносила удар в западном направлении через Слуцк на Барановичи.

Сосредоточение войск для наступления выполнялось с минимальной переброской соединений. К концу мая немцам стало известно, что вместо Западного фронта были образованы 2-й и 3-й Белорусские фронты, и это должно было насторожить их. Но этого не случилось. На передний край прибыли три новые армии: 6-я гвардейская, 5-я гвардейская танковая и 28-я. Вплоть до 22 июня немцы не смогли вскрыть этот факт. Очевидно, массирование сил не было настолько явным, как это случалось перед предыдущими наступлениями. Оно осуществлялось в основном путем усиления уже имевшихся на фронте соединений. К тому времени советское командование на всех уровнях имело в своем распоряжении крупные массы войск. Свежие корпуса прибывали на передний край одновременно с расширением полосы действия армий.

С конца 1943 г. фронт группы армий «Центр» не претерпел значительных изменений, за исключением того, что его правый фланг был еще более растянут вдоль реки Припять. На левом фланге 3-я танко-

---

<sup>1</sup> Конно-механизированные группы как самостоятельные оперативно-тактические единицы впервые появились летом 1944 г. (КМГ впервые применялись еще в сентябре 1939 г. при освобождении Западной Белоруссии (КМГ Болдина), а на учениях еще раньше. — *Ред.*) В состав группы входил один танковый или механизированный корпус и один кавалерийский корпус. Группа получала название по фамилии ее командующего, в данном случае генерал-лейтенанта Н.С. Осликовского. Обладавшие значительно меньшими силами, чем танковые армии, группы были в основном предназначены для стремительного развития успеха на участках прорыва.

вая армия удерживала участок по обе стороны от Витебска до разграничительной линии с группой армий «Север» в районе Полоцка. Позиции 4-й армии примыкали к обороне 3-й танковой армии севернее Орши и к 9-й армии севернее Рогачева. 4-я армия удерживала восточнее Днепра плацдарм, имеющий форму выступа, в сторону противника размером примерно 40 на 120 км. 9-я армия на своем левом фланге прикрывала участок фронта у Бобруйска восточнее города — по рубежу, проходившему вдоль рек Друт и Днепр к району южнее Жлобина и далее резко сворачивавшему на юго-запад через Березину к нижнему течению рек Птичь и Припять. Фронт 2-й армии проходил в основном вдоль Припяти и севернее Ковеля примыкал к левому флангу группы армий «Северная Украина».

Группа армий «Центр» имела в первом эшелоне 38 дивизий, в том числе одну венгерскую. В резерве находились 3 танковые и моторизованные дивизии и 2 пехотные дивизии. Кроме того, в тылу были развернуты еще 3 венгерские и 5 охранных дивизий. Все еще являясь количественно самой мощной группировкой германских войск на Восточном фронте, группа армий «Центр» обороняла и самый большой участок фронта протяженностью примерно 750 км. Для сравнения, группа армий «Северная Украина», имевшая в своем составе 35 немецких и 10 венгерских дивизий, в том числе 8 танковых, обороняла участок протяженностью примерно 350 км. Группы армий «Северная Украина» и «Южная Украина» вместе имели 18 танковых и моторизованных дивизий (в том числе одну венгерскую и одну румынскую), в то время как в составе группы армий «Центр» их было только 3. Таким же неравномерным было и распределение авиации. Из 2085 имевшихся на Восточном фронте самолетов в составе 6-го воздушного флота, осуществлявшего поддержку группы армий «Центр», было 775 машин, а в 4-м воздушном флоте, действовавшем в интересах групп армий «Северная Украина», и «Южная Украина» — 845. В то же время на вооружении 6-го воздушного флота состояло 405 дальних бомбардировщиков и разведывательных самолетов, предназначенных для выполнения стратегических задач. С другой стороны, в составе 4-го воздушного флота имелось 670 истребителей и фронтовых бомбардировщиков, а в 6-м воздушном флоте — лишь 275. (Всего группа армий «Центр» имела 1350 боевых самолетов против 5300 у Красной армии. История Второй мировой войны. Т. 9. С. 47.)

Утром 22 июня, в третью годовщину немецкого вторжения, началось советское наступление против группы армий «Центр»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> В первом советском официальном заявлении, которое вышло 24 июня 1944 г., датой начала наступления было объявлено 23 июня, и с тех пор эта дата фигурирует во всех советских источниках (а 22 июня была проведена разведка боем. — *Ред.*).

1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты нанесли удары северо-западнее и юго-западнее Витебска. Северо-западнее города удар 6-й гвардейской армии, переброска войск которой осталась для немцев незамеченной, стал для войск немецкой 3-й танковой армии полной неожиданностью.

С самого начала наступления 3-я танковая армия оказалась в отчаянном положении. Командованию группы армий пришлось срочно бросить на этот участок одну пехотную дивизию из резерва. Кроме того, туда же была переброшена дивизия из резерва ОКХ, дислоцировавшаяся в глубине обороны группы армий «Север» в районе Полоцка. Э. Буш, которого весть о начале наступления противника застала в Бергхофе, не дожидаясь встречи с Гитлером, срочно отправился в свою ставку в районе Минска.

На следующий день русские прорвали оборону 3-й танковой армии и сомкнули кольцо окружения за Витебском. Развивая наступление против немецкой 4-й армии, 3-й и 2-й Белорусские фронты продолжали продвигаться на Оршу и Могилев. К концу дня фронт 4-й армии был практически прорван. В тот день Э. Буш докладывал, что для стабилизации фронта 3-й танковой армии ему придется либо оставить Витебск, либо привлечь сюда войска с другого участка. Командование ОКХ не желало снимать соединения с участка группы армий «Северная Украина», а сам Э. Буш не хотел трогать 2-ю армию, так как его до сих пор беспокоила возможность наступления русских на Брест.

24 июня 1-й Белорусский фронт нанес удар по позициям 9-й армии, вклинившись на северном участке ее обороны и в районе юго-западнее Березины. Оборона левофлангового корпуса 4-й армии стала разваливаться. На участке 3-й танковой армии русские вышли к Сенно и восточнее этого населенного пункта повернули танки на юго-запад, во фланг и тыл 4-й армии. Э. Буш получил разрешение Гитлера на прорыв четырех из пяти дивизий, окруженных в районе Витебска. Но было уже слишком поздно.

На всех остальных участках Э. Буш строго придерживался доктрины фюрера о жесткой обороне. Он дважды отвергал предложение об отступлении войск 4-й армии с плацдарма, а когда на следующий день командующий 4-й армией генерал пехоты Курт фон Типпельскирх отдал приказ на отступление, не дожидаясь разрешения Э. Буша, тот пытался отменить этот приказ и заставить войска снова занять оставленные позиции. Когда 25 июня командование 9-й армии решило отвести войска из превратившегося в ловушку района между Днепром и Березиной, Э. Буш заявил, что задачей армии является удержание каждой пяди занимаемой территории и никто не имеет права даже думать о том, чтобы оставить позиции по собственной инициативе. В дневнике армии ее командующий Г. Йордан отмечал: «Сделав соответствующий доклад, каждый [офи-

цер] должен выполнять приказы вышестоящих начальников, даже если они противоречат его убеждениям. Хуже всего сознавать, что неверные директивы группы армий являются не результатом целенаправленных попыток организовать оптимальное управление войсками, а всего лишь стремлением выполнить приказы, которые давно уже не отвечают сложившейся обстановке».

К концу четвертого дня наступления группа армии «Центр» ввела в бой все свои резервы, но так и не смогла остановить советское наступление ни на одном из участков. Пять дивизий были окружены и разгромлены в районе Витебска. 3-я танковая армия пыталась организовать оборону по рекам Западная Двина и Улла, в 80 км западнее Витебска. 4-я армия взяла под свое командование правофланговый корпус 3-й танковой армии, а также остатки пяти дивизий, которые быстро откатывались под напором противника на юг перед расширявшимся разрывом в линии фронта западнее и южнее Сенно. Группировка 4-й армии на плацдарме начала организованный отход. На участке 9-й армии войска армий К.К. Рокоссовского наступали на Бобруйск с востока и юга.

При осуществлении прорывов русские продемонстрировали изящество тактического замысла, экономию сил и средств и уровень управления войсками не хуже того, который демонстрировали немцы в первые годы войны. Для прорыва фронта они сосредоточивали мощные силы пехоты и артиллерии; при этом участки прорыва были гораздо уже, чем это предусматривалось собственными нормативами русских. Танки находились вне зоны видимости противника до тех пор, пока фронт не был прорван. Затем они устремлялись вперед, не заботясь о своих флангах.

Удары советской авиации были направлены против немецкой артиллерии, которая располагалась вблизи переднего края на открытых позициях, поскольку никогда прежде самолеты русских не представляли для нее значительной угрозы. Такое расположение позволяло немецким артиллеристам вести эффективный огонь против советских танков, но делало их самих уязвимыми для атак самолетов противника. Советская сторона имела подавляющее превосходство в воздухе. Действия немецкого 6-го воздушного флота, напротив, были практически парализованы из-за нехватки самолетов и горючего. Так, по состоянию на 22 июня он насчитывал, по данным одного доклада немецкой стороны, всего 40 истребителей, которым не хватало бензина для того, чтобы совершать регулярные вылеты.

Первыми не выдержали войска 9-й армии. 26 июня русские находились в 5 км юго-западнее Бобруйска; другая группировка захватила шоссе на Могилев и находилась в 20 км севернее города. Указание немецким войскам удерживать каждую пядь земли оста-



валось в силе в течение всего дня. Рано утром на следующий день армия получила разрешение отойти к Бобруйску и Березине. Именно этого командование армии добивалось два дня назад для того, чтобы, пользуясь этим разрешением, совершить маневр на север с целью соединения с 4-й армией. Однако не успели войска начать действовать, как вновь поступил приказ, запрещающий любое отступление.

Во второй половине дня ОКХ разрешило прорыв в северном направлении. И снова приказ сопровождался жесткими оговорками, предписывавшими группе армий оборонять «крепость» Бобруйск любой ценой. Но этот приказ уже запоздал. Десять советских дивизий замкнули кольцо окружения. Два немецких корпуса численностью 70 тыс. человек попали в ловушку в Бобруйске и в районе восточнее города. В городе в панике метались тысячи солдат, оставшихся без командования. Штаб 9-й армии, находившийся за кольцом окружения, передал один корпус во 2-ю армию. В распоряжении 9-й армии осталась примерно половина 12-й танковой дивизии, которой командование армии приказало отойти через Минск к Марьиной Горке (Пуховичам), в 50 км юго-восточнее Минска, и попытаться обеспечить путь отхода войскам к 4-й армии. К.К. Рокоссовский, не желая терять темп наступления, немедленно принял решение о нанесении ударов на Минск и в тыл 2-й армии на Слуцк.

На участке 4-й армии передовые части фронта Г.Ф. Захарова 26 июня форсировали Днепр севернее Могилева. К тому времени войска соседних фронтов успели глубоко вклиниться в немецкую оборону на флангах. К. Типпельскирх под свою ответственность отдал приказ войскам 4-й армии отойти на другой берег Днепра. Западнее, в тылу армии лежали 60 км болотисто-лесистой местности между реками Друт и Березина, по которой проходила единственная дорога Могилев—Березино—Минск. Если бы было принято решение продолжать отступление, всей армии пришлось бы двигаться на запад по этой дороге, а затем переправляться через Березину по единственному мосту грузоподъемностью 8 тонн. Служба радиоразведки уже перехватывала переговоры советских передовых танковых частей перед северным флангом немецких войск, в которых им ставилась задача на захват переправ через Березину.

Утром 27 июня из 4-й армии в штаб группы армий поступила радиограмма следующего содержания: «Армия запрашивает указаний, следует ли ей пробиваться на запад или ее дивизии должны сражаться в окружении». К полудню в штаб 4-й армии на легком самолете прибыл офицер разведки с приказом удерживать рубеж на Днепре и «укрепленные районы» Орша и Могилев. Если же войскам все же придется отступить, они должны были создать новый оборонительный рубеж по реке Друт. К. Типпельскирх был уверен, что ему придется отвести армию. Во второй половине дня, после того

как командование получило данные о том, что русские обходят его войска на южном фланге, он отдал соответствующий приказ. В последний момент Э. Буш добавил в приказ пункт о необходимости продолжать оборонять «укрепленный район» Могилев. К этому моменту русские уже были в Орше.

28 июня штаб 4-й армии переехал из Белыничей в Березино по той дороге, по которой должны были отступать войска армии. Поездка в 50 км заняла девять часов. Дорогу полностью перегородили колонны войск и едва продвигавшиеся вперед грузовые автомобили. В течение дня советская авиация совершила 25 налетов на мост через Березину. За сутки было убито два командира корпуса. Для того чтобы хоть как-то продолжить движение, офицерам штаба пришлось организовать расчистку дороги от сгоревших грузовиков и трупов лошадей.

В районе Березино К. Типпельскирх получил указание Э. Буша срочно организовать переправу войск через реку. В своем дневнике он отметил: «Этот приказ поступил слишком поздно». Ближе к полуночи от Э. Буша поступило новое послание, в котором он сообщал о том, что Гитлер разрешил оставить Могилев. К тому времени из этого «укрепленного района» уже в течение суток не было никаких известий.

Утром 28 июня Э. Буш докладывал обстановку К. Цейцлеру. 9-я армия была разгромлена; 4-я армия отступала; в 3-й танковой армии из трех корпусов остался один, войска которого были рассеяны по различным участкам. Тем не менее Э. Буш намеревался выполнить оперативный приказ № 8, который он получил вечером прошедшего дня. В этом приказе Гитлер, очевидно с помощью линейки, провел линию строго на север и на юг от Березино и потребовал, чтобы все три армии организовали оборону по этому рубежу.

Э. Буша вполне устраивало, что ему определен очередной рубеж для организации обороны. Он отдал приказ Г. Рейнгардту, дивизии которого к тому времени уже находились западнее намеченной линии, перейти в контрнаступление, поскольку, по его словам, приказ вышестоящего командования был «законом» для войск группы армий. 9-я армия, войска которой также находились западнее нового оборонительного рубежа, тоже получила указания бросить в наступление оставшуюся у нее половину танковой дивизии.

В течение дня командование группы армий и оперативный отдел ОКХ пришли к выводу, что наступление на участке группы армий «Центр» имело более решительные цели, чем считалось ранее. Очевидно, его задачей было освобождение Минска. В то же время в ОКХ предполагали, что еще более мощного удара следует ожидать в дальнейшем на участке группы армий «Северная Украина». Пытаясь разрешить эту дилемму, во второй половине дня Гитлер объявил, что со следующего дня В. Модель назначается командующим группой армий «Центр», сохраняя за собой пост командующего группой

армий «Северная Украина». По замыслу фюрера, это позволит рационально распределять силы между этими двумя группировками. Передавая В. Моделю командование над группой армий «Центр», Гитлер одновременно получал возможность обойти предложение ОКХ об отводе войск группы армий «Север» на рубеж Даугавпилс—Рига, что позволило бы высвободить дивизии для центрального участка Восточного фронта.

В армиях приветствовали решение о смене командования по другим причинам. Новый командующий 9-й армии генерал танковых войск Н. фон Форман, сменивший на этой должности генерала Йордана, по его словам, воспринял эту новость «с удовлетворением и доверием». В последней беседе с Э. Бушем К. Типпельскирх «не мог не выразить чувство горечи по поводу развития, которое получили события в результате того, как осуществлялось командование войсками». По иронии судьбы миссия по спасению группы армий «Центр» была возложена именно на В. Моделя, который пусть косвенно, но нес значительную часть ответственности за постигшую ее катастрофу. Это несколько омрачало тот факт, что именно он был самой подходящей кандидатурой для выполнения этой задачи. Во-первых, простая переброска на этот участок резервов из группы армий «Северная Украина», даже если бы ее удалось осуществить, могла запоздать. Во-вторых, после Г. Рундштедта, у которого в тот момент хватало своих забот во Франции, В. Модель, безусловно, обладал лучшим талантом тактика среди всех немецких генералов, осуществлявших в то время командование войсками.

29 июня в результате прямого попадания советской авиабомбы был разрушен участок моста в районе Березино длиной примерно 10 м. Не успели его отремонтировать, как после следующего бомбометания было выведено из строя еще примерно 12 метров полотна моста. На 50 км к востоку от переправы выстроилась колонна грузовиков по две-три машины в ряд. В тылу 4-й армии силами 9-й армии удалось организовать очень слабый промежуточный оборонительный рубеж, протянувшийся на юго-восток от Марьиной Горки. Но на северном и южном флангах 4-й армии первые эшелоны 3-го и 4-го Белорусских фронтов глубоко вклинились в тыл немецкой обороны. В тот день они вышли к Борисову и Слуцку.

Судьба 4-й армии была решена 30 июня. Советские танки и самоходные артиллерийские установки вышли к переправе в районе Березино на расстояние выстрела. У немцев практически не осталось надежды на то, чтобы переправить через реку даже войска без техники. На других участках немцам удалось воспользоваться днем передышки, предоставленным им в результате остановки русских перед Борисовом и Слуцком. В. Модель доложил Гитлеру, что сможет удержать оба участка, если туда будут переброшены дивизии группы армий «Север». Две-три дивизии группы армий «Север» могли быть

высвобождены после отвода войск на ее правом фланге, где немцы все еще удерживали оборону восточнее Полоцка. Кроме того, В. Модель потребовал, чтобы фронт группы армий «Север» был удлинен на юг, что позволило бы восстановить контакт с 3-й танковой армией, который был потерян двумя днями ранее. Гитлер отклонил это предложение, но одновременно потребовал, чтобы В. Модель начал срочно отводить назад войска 2-й армии для прикрытия Слуцка и Барановичей.

Когда утром 1 июля самолеты немецкой воздушной разведки обнаружили движение колонны немецких войск численностью до 35 тыс. человек из района Бобруйска вдоль западного берега Березины, 9-я армия направила ей навстречу танковый полк, который обеспечил прорывающимся коридор с запада. Но удача недолго была благосклонна к немцам. Пока войска двигались в пешем порядке из котла к железной дороге в районе Марьиной Горки, передовые танковые и механизированные части фронта К.К. Рокоссовского нанесли удар через Слуцк и Борисов в направлении на Барановичи и Молодечно. Когда в штаб 9-й армии поступили сведения о том, что русские находятся в Бобовне, примерно в 50 км к северо-западу от Слуцка, командование приняло решение отступить из района Марьиной Горки в сторону Столбцов, к железнодорожной ветке, проходившей между Барановичами и Минском. Немцы рассчитывали организовать оборону переправы через реку Неман, последний путь отхода южнее Минска. По дороге штаб армии на несколько часов был задержан движением потока войск, который устремился на запад. Солдаты уверяли, что русские преследуют их по пятам. Все дороги в районе Минска были забиты машинами и пешими колоннами тыловых служб. Город был охвачен паникой.

Для того чтобы пробить путь из Минска на юг, 2 июля командование 9-й армии отдало приказ танковой дивизии, развернутой в районе Марьиной Горки, нанести удар на Столбцы. Кроме того, штаб армии безуспешно попытался сформировать из оставших от своих подразделений солдат войсковую группу для обороны Минска. Но оставшие солдаты и офицеры исчезали быстрее, чем их удавалось собрать вместе. С севера к Минску подходили войска советской 5-й гвардейской танковой армии. В кольце окружения оказались и некоторые немецкие части, которым удалось вырваться из котла в районе Бобруйска. Часть из них теперь пыталась преследовать через Минск на Молодечно по железной дороге. Большинство же, еле передвигая ноги, по жаре и пыли брело в сторону Столбцов в пешем порядке. Все части 4-й армии, кроме арьергардов, переправились через Березину, однако ее передовые части были остановлены восточнее Минска. Днем штаб 4-й армии отправился в Молодечно для того, чтобы попытаться удержать проходивший там участок железной дороги. Танковой дивизии из состава 9-й армии

не удалось пробиться в Столбцы, куда советские войска вошли еще утром. Но некоторым частям удалось переправиться через Неман ниже по течению и вырваться из окружения.

На следующий день войска К.К. Рокоссовского и И.Д. Черняховского заняли Минск. 9-я армия снова безуспешно попыталась организовать переправу в районе Столбцов. 4 июля русские начали наступление на Барановичи, что заставило командование 9-й армии сосредоточить усилия на этом направлении. После этого пробиться из окружения удалось лишь отдельным солдатам и небольшим группам, которым, иногда с помощью польских крестьян, удавалось найти дорогу через Налибокскую пушу.

За 12 дней боев группа армий «Центр» лишилась 25 дивизий. Из имевшихся в ее составе 165 тыс. солдат и офицеров 4-я армия потеряла 130 тыс. (только в котле к востоку от Минска было окружено 105 тыс., 70 тыс. из которых было убито, 35 тыс. пленено. — *Ред.*), 3-я танковая армия потеряла 10 дивизий. 9-я армия избегала окружения достаточно долго для того, чтобы из него удалось ускользнуть нескольким тысячам, возможно, 10—15 тыс. солдатам и офицерам. К тому времени, когда штаб 9-й армии вышел к Барановичам, у него не осталось достаточно людей и аппаратуры связи для того, чтобы организовать командование дивизиями, направленными на север из 2-й армии. После попытки в течение нескольких дней организовать командование через радиосеть 2-й армии штаб был выведен в тыл для реорганизации.

К 1 июля В. Модель был уверен, что самым дальним рубежом на востоке, где ему удастся организовать оборону, будет рубеж между Барановичами и Молодечно. Он возлагал некоторые надежды на то, что удастся использовать для обороны часть полевых укреплений и траншей, сохранившихся со времен Первой мировой войны, но все равно обратился к Гитлеру с просьбой перебросить для обороны Молодечно несколько дивизий из группы армий «Север». Наибольшее беспокойство вызывал левый фланг немецкой обороны. Между северным флангом оборонительного рубежа, который волевым решением Гитлера должен был проходить в районе Полоцка, и левым флангом обороны 3-й танковой армии в районе Минска зияла брешь шириной 80 км. Почти такая же брешь отделяла правый фланг 3-й танковой армии от короткого оборонительного рубежа, организованного 4-й армией в районе Молодечно. В любой момент по желанию русских 3-я танковая армия могла быть без особого труда окружена или просто уничтожена, после чего перед противником открывался бы путь на Ригу и к побережью Балтийского моря.

Несмотря на то что В. Модель назвал это «бесполезным экспериментом», Гитлер продолжал настаивать на том, чтобы группа ар-

мий «Север» удерживала Полоцк и ударом на юго-запад восстановила контакт с 3-й танковой армией. Командующий группой армий «Север» Г. Линдемман докладывал, что при том условии, что войска будут продолжать на фланге оборонять Полоцк, в его распоряжении остается всего две дивизии, чего явно недостаточно для организации наступления. Когда 3 июля Г. Линдемман получил разрешение значительно отступить в районе Полоцка, он продолжал настаивать на том, что его войска не смогут атаковать, Гитлер сместил его и назначил на его место генерала Й. Фриснера.

После того как советские войска заняли Минск, командование группы армий «Центр», руководствуясь опытом прошлых боев, решило, что они выполнили свою ближайшую задачу. Русские фронты продвинулись на 200 км, что превышало их обычные нормативы. Теперь, по мнению немцев, они должны были сделать паузу в наступлении для перегруппировки и организации линий снабжения войск. Но этот вывод оказался неверным. Ближайшая задача действительно была выполнена, но Ставка приказала, чтобы наступление на широком фронте продолжалось без остановок. 1-й Прибалтийский фронт должен был продвигаться к Даугавпилсу, 3-й Белорусский — к Молодечно, а затем через Вильнюс и Лиду к реке Неман. 1-й Белорусский фронт получил задачу наступать на Барановичи и далее на запад, в направлении на Брест. 2-й Белорусский фронт оставался во втором эшелоне для зачистки освобожденных территорий вокруг Минска.

Русские продвигались вперед быстрее, чем группа армий «Центр» могла хотя бы попытаться сманеврировать своими скудными резервами с целью остановить их наступление. К 6 июля советские войска вышли к низинам южнее и восточнее Молодечно. По оценкам командования группы армий, теперь ничто не препятствовало выходу русских к Вильнюсу. 2-я армия располагала достаточными силами в районе Барановичей для того, чтобы на несколько дней замедлить продвижение советских войск, но одной танковой дивизии и венгерского кавалерийского корпуса было мало для того, чтобы остановить наступление четырех советских танковых корпусов, которые поддерживали значительные силы пехоты. Город Барановичи пал 8 июля. В тот же день была освобождена Лида, крупный узел железной и шоссейной дорог к западу от Налибокской пуши.

Удлинив свой участок фронта на запад, группе армий «Север» удалось сузить разрыв с фронтом 3-й танковой армии до 30 км. Й. Фриснер планировал нанести силами трех дивизий удар в южном направлении, но в это время 4-я ударная и 6-я гвардейская армии 1-го Прибалтийского фронта начали наступление на Даугавпилс, тем самым связав все силы на фланге группы армий. Затем Й. Фриснер предложил «малое решение», предусматривавшее отступление войск 16-й армии на рубеж «Литва», который предполагалось создать по линии Краслава — район восточнее Даугавпилса — Остров.

Но Гитлер был согласен рассматривать лишь вариант, предусматривавший отвод войск на вдвое меньшее расстояние.

8 июля В. Модель сообщил, что войска больше не в состоянии удерживать рубеж Вильнюс—Лида—Барановичи. Фактически попытка удержаться там к тому времени полностью провалилась. Первый из упомянутых городов был окружен, а два других уже полностью потеряны. Поскольку прибытия свежих резервов в течение ближайших восьми дней не ожидалось, В. Модель не мог нигде даже пытаться остановить русских. Он попросил у Гитлера аудиенции на следующий день.

Во время встречи в ставке фюрера Гитлер предложил сразу же передать в распоряжение В. Моделя одну танковую дивизию из Германии и две дивизии из группы армий «Север». Еще две дивизии должны были быть переброшены в группу армий «Центр» позже.

Получив эти подкрепления, 3-я танковая армия должна была нанести удар в северном направлении и закрыть брешь в линии фронта. Что касается предложенного варианта «большого решения», за который выступал В. Модель, предусматривавшего отступление группы армий «Север» на рубеж Рига—Даугавпилс — река Западная Двина, Гитлер в этом вопросе был непреклонен. Он ссылаясь на доклад адмирала К. Дёница, где тот доказывал, что отход войск будет означать катастрофу для немецкого военного флота.

В течение следующих нескольких дней фронт группы армий «Центр» сместился на запад, в район Каунаса, реки Неман и Белостока. Помощь от группы армий «Север» не поступила. Й. Фриснер не смог не только прислать обещанные группе армий «Центр» дивизии, но и организовать наступление в южном направлении. Между реками Западная Двина и Великая 2-й Прибалтийский и правый фланг 3-го Прибалтийского фронта связали немецкую 16-ю армию серией тяжелых кровопролитных боев. Южнее Западной Двины, в районе Даугавпилса, войска 1-го Прибалтийского фронта взломали оборону немцев на двух участках.

12 июля Й. Фриснер проинформировал Гитлера, что он, как и прежде, выступает за нанесение удара в южном направлении, к участку фронта 3-й танковой армии, но считает, что, даже если это наступление состоится, оно не сможет обеспечить долговременный результат. Армии И.Х. Баграмяна все равно будут продолжать продвижение на запад. Более того, Й. Фриснер уже не был уверен в том, что сможет обеспечить устойчивую оборону на участке собственного фронта южнее Острова. Он настаивал, что для спасения войск группы армий «Север» необходимо отвести армейскую группу «Нарва» в Ревель (Таллин), а оттуда морем — в Ригу, Лиепая или Мемель (Клайпеду). 16-ю и 18-ю армии следует отвести на рубеж Рига—Каунас. «Я не могу, — писал Й. Фриснер, — уложить в своем сознании мысль, что в этот роковой час не были предприняты все

усилия для того, чтобы сбереечь этих верных солдат. Самым худшим для них было бы оказаться без дела и не принять участия в обороне от врага восточных границ нашего Отечества». В случае если Гитлер не предоставит ему свободы действий, Й. Фриснер просил освободить его от командования.

У Гитлера, который резко отклонил предложение Й. Фриснера, был другой план. Он намеревался перебросить на участок В. Моделя пять танковых дивизий, включая парашютно-танковую дивизию «Герман Геринг», сосредоточить их за Каунасом, а затем, бросив их в наступление, закрыть брешь между флангами групп армий. Начальник оперативного отдела ОКХ возражал, что сражение развивается стремительно и за то время, пока немцы смогут сосредоточить для удара танковые дивизии, конфигурация фронта изменится настолько, что запланированное наступление станет невозможным.

13 июля В. Модель сообщил в ставку, что намерен попытаться остановить русское наступление на рубеже Каунас — река Неман — Гродно — Брест, но для этого ему необходимо разрешение использовать свежие танковые дивизии. С учетом резервов, прибытие которых ожидалось 21 июля, в его распоряжении будет всего 16 полностью боеспособных дивизий против 160 дивизий и бригад противника (в ходе наступления советские войска понесли потери, кроме того, численность советской дивизии в 2—3 раза меньше немецкой. — *Ред.*). 14 июля на совещании в ставке фюрера в Раценбурге Гитлер снова изменил свое первоначальное решение. Теперь он ставил перед войсками В. Моделя двойную задачу: сначала они должны были остановить советское наступление, а затем создать наступательную группировку для нанесения удара на северном участке.

На третьей неделе июля 3-й танковой и 4-й армиям удалось закрепиться на рубеже Укмерге — район южнее Каунаса — участок вдоль реки Неман до района южнее Гродно. По мере того как 2-я армия отходила к Белостоку, ее численность росла за счет войск, отступавших с востока. Под наблюдением командования 9-й армии создавался рубеж прикрытия границы с Восточной Пруссией. Кроме того, создавались пункты сбора солдат, отставших от своих подразделений. Группа армий начала снова накапливать силы.

Русские, которые к тому времени прошли без остановки более 300 км, далеко опередили свои тылы. Теперь они находились в глубине территории, где только что шли активные бои, и поэтому здесь были разрушены мосты и железнодорожные пути. Там, где это было возможно, немцы использовали Schienenwolf (рельсовый волк). Это приспособление представляло собой массивный стальной плуг на паровозной тяге, с помощью которого продельвались длинные бреши в железнодорожном полотне. Дорога на таких участках превращались в клубок перекрученных рельсов и сломанных шпал.



17 июля, в день, когда русские, желая показать всему миру свой успех в Белоруссии, заставили промаршировать по главным улицам Москвы 57 тыс. немецких военнопленных, служба радиоперехвата группы армий «Центр» засекла переговоры советских танковых частей в районе Вильнюса, из которых стало ясно, что планируется наступление в районе бреши, образовавшейся между флангами групп армий «Центр» и «Север». Стало понятно, что на Восточном фронте немцев ждет еще одна, возможно, еще более крупная катастрофа. В. Модель проинформировал ОКХ, что он не смог вовремя собрать силы для нанесения запланированного удара, который должен был остановить русские танки. Это придется сделать группе армий «Север», иначе ее войска испытают на себе все последствия советского наступления.

В то время группа армий «Север» осуществляла отвод своих войск на позицию «Литва», которая уже начинала трещать под ударами русских на тех участках, где им удавалось к ней выйти. 16 июля Й. Фриснер проинформировал Гитлера, что только по счастливой случайности русские все еще не начали наступление на Ригу и не нанесли охватывающего удара во фланг группе армий. Он ничего не смог бы предпринять, чтобы помешать этому. Й. Фриснер планировал перебросить на угрожаемый участок одну дивизию из района Нарвы, но переброска могла быть завершена только к 20 июля. Больше резервов у него не было. «С этого момента, — заключал командующий группой армий, — следует учитывать тот факт, что фронт может развалиться».

На совещании 18 июля, на котором присутствовали В. Модель и Й. Фриснер, Гитлер приказал, чтобы боевые действия в районе бреши вели подвижные войска. Через четыре дня туда должны были быть переброшены две бригады штурмовых орудий. Кроме того, Г. Геринг обещал обеспечить активную поддержку крупными силами авиации. Со стороны командования групп армий требуется усилить эту группировку пехотными частями и несколькими батальонами танков и штурмовых орудий. Г. Геринг, который также присутствовал на совещании, продемонстрировав редкую для него смелость, заметил, что кому-то все же придется высказать вслух мысль о том, что единственным способом высвободить необходимые силы является отступление на рубеж по реке Двина. Гитлер согласился, что такой вариант был бы самым простым. Однако, добавил он, это будет означать также потерю латвийского масла, шведской железной руды и финского никеля. Поэтому задачей группы армий «Север» является удержание фронта любой ценой, «с использованием любых средств, даже если приходится прибегать к немыслимой импровизации». Предпринимая последнюю попытку отговорить Гитлера от этого решения, К. Цейцлер привел свой самый важный аргумент, попросив фюрера принять свою отставку, сославшись на болезнь. Гитлер в ответ озвучил приказ, запрещающий офицерам добровольно оставлять свои посты.

## Битва смещается к флангам

К середине июля, когда темпы фронтального наступления на участке группы армий «Центр» начали падать, советская Ставка подготовила ряд фланговых ударов по противнику. На северном участке Восточного фронта образовавшийся между 3-й танковой и 16-й армиями разрыв, получивший название балтийской брешы, давал советской стороне прекрасную возможность для этого. 1-й Прибалтийский фронт был усилен переброшенными из Крыма 2-й гвардейской и 51-й армиями, которые были развернуты для нанесения удара на запад, на Шяуляйском направлении, а затем — на север, на Ригу.

На южном участке фронта группа армий «Северная Украина» пока еще представляла собой значительную силу по установившимся на тот момент стандартам для немецких вооруженных сил, но это был уже не тот мощный монолит, созданный в мае—июне.

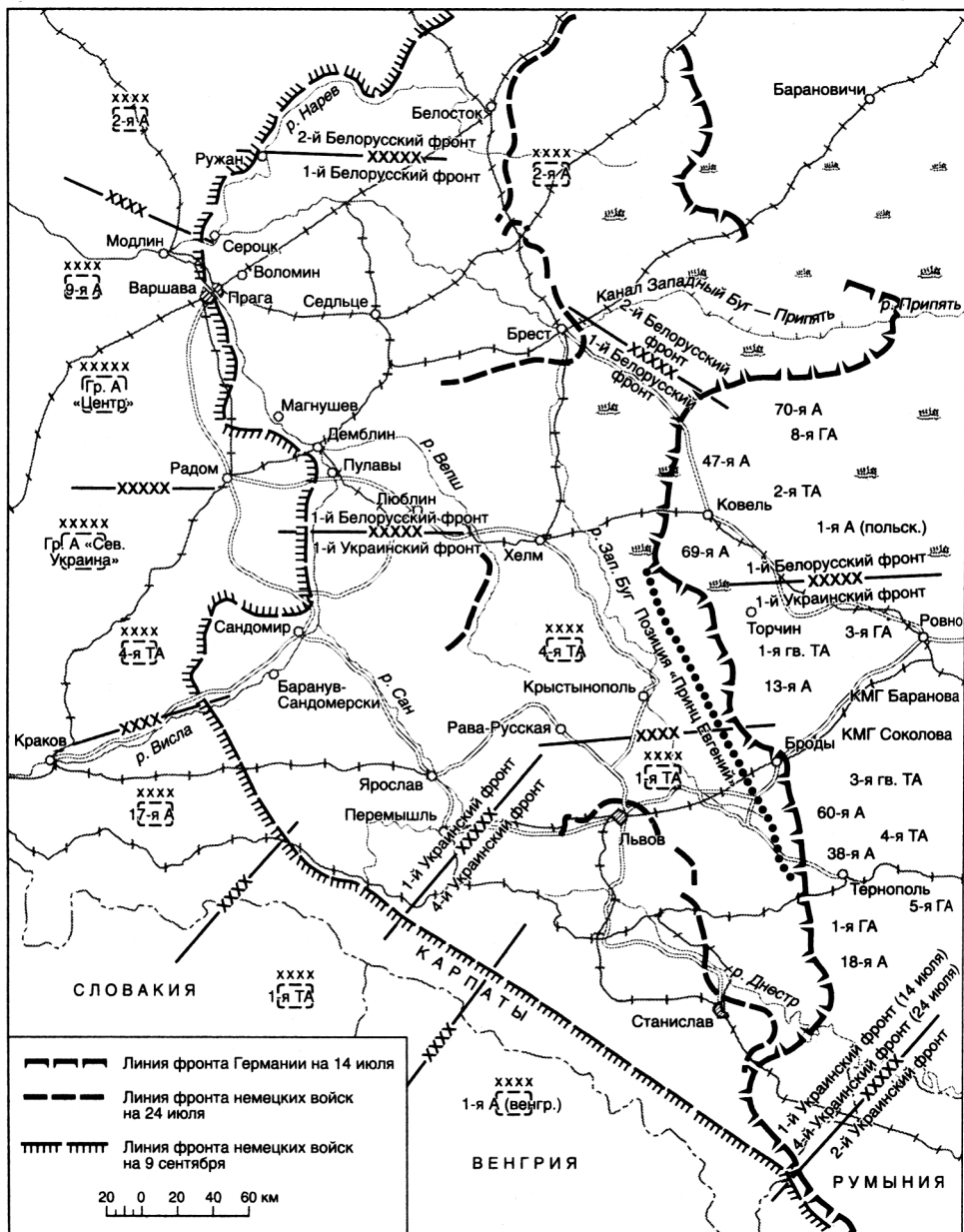
Группа армий полностью потеряла три танковые и две пехотные дивизии, получив взамен несколько соединений, состоявших из необстрелянного пополнения. На большей части (примерно три четверти) южного участка группы армий «Северная Украина» немцам противостояли десять армий, в том числе три танковые, 1-го Украинского фронта И.С. Конева. Против войск, развернутых на северном участке, 1-й Белорусский фронт сосредоточил три армии, к которым к середине июля прибыли еще одна гвардейская и одна танковая армии, переброшенные с советских южных фронтов, а также 1-я польская армия в составе четырех дивизий, роль которой в боях, впрочем, была чисто символической. Очевидно, принимая за образец операцию против группы армий «Центр», К.К. Рокоссовский и И.С. Конев готовились нанести удары на северном фланге в направлении на Брест и Люблин, в центре — на Раву-Русскую и Львов, а на юге — на Станислав (Ивано-Франковск)<sup>1</sup>.

Катастрофа, произошедшая на участке группы армий «Центр», несколько облегчила задачу командования группы армий «Северная Украина» в том смысле, что теперь вышестоящие штабы стали более внимательно относиться к поступающим из войск замечаниям. В конце июня Гитлер отменил свое указание превратить Ковель и Броды в «укрепленные районы», а спустя еще неделю разрешил 4-й танковой армии оставить Ковель и, перейдя на новый оборонительный рубеж в 25 км западнее города, сократить линию фронта. Кроме того, на второй неделе июля он утвердил решение командования армии выровнять выступ на правом фланге в сторону Торчина.

Когда 4-я танковая армия начала отступление от Торчина, И.С. Конев, очевидно надеясь застать немцев не готовых к обороне, при-

---

<sup>1</sup> Платонов С.Л. Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 594—596; ИВОВ. Т. 4. С. 206—208.



Карта 28. Группа армий «Северная Украина» и 9-я армия группы армий «Центр». 14 июля — 15 сентября 1944 г.

казал начать наступление на Раву-Русскую 13 июля, на день раньше, чем планировалось (см. карту 28). Этот шаг привел к дезорганизации обеих сторон. 3-й гвардейской армии пришлось наносить удар в спешке. Немецкие дивизии остановились на намеченном рубеже, однако одна из дивизий, отступавшая южнее, была разгромлена, а танковая дивизия, которая должна была отразить удар русских, не смогла вовремя выступить из-за атак советской авиации. На следующий день советской 13-й армии удалось нащупать слабое место в обороне противника и углубить прорыв.

14 июля две советские армии нанесли удар на левом фланге 1-й танковой армии восточнее Львова. В ближайшем тылу армии находились две резервные танковые дивизии. 15 июля они контратаквали вклинившиеся советские войска с юга. В результате немцам удалось остановить, а на некоторых участках даже оттеснить 38-ю армию русских на 2—3 км. Однако севернее 60-й армии удалось пробить узкую брешь в немецкой обороне.

Не дожидаясь, пока брешь будет расширена, И.С. Конев 16 июля ввел в бой на правом фланге немецкой 4-й танковой армии 1-ю гвардейскую танковую армию. На следующий день на левом фланге немецкой 1-й танковой армии была введена в бой советская 3-я гвардейская танковая армия. Обе немецкие танковые армии отвели свои фланги на промежуточный оборонительный рубеж «Принц Евгений», однако, прежде чем им удалось это сделать, русские успели прорвать новый фронт на двух важнейших участках. К тому же отступление не помогло немцам сократить фронт и высвободить войска для того, чтобы закрыть брешь и остановить устремившиеся на запад танковые колонны русских.

18 июля первые эшелоны советских танковых клиньев, наступавших с севера и юга, встретились на реке Буг, в 50 км к западу от Львова<sup>1</sup>.

В кольцо окружения попали войска XIII армейского корпуса (пять немецких дивизий и украинская дивизия СС «Галичина»). В тот же день 1-я гвардейская танковая армия, наступавшая в направлении на Раву-Русскую, форсировала Буг в районе Крыстынополя. В ту же ночь немецкая 4-я танковая армия начала отводить весь свой фронт на другой берег Западного Буга. Необходимость отступления диктовалась как прорывом на южном участке фронта, так и тем фактом, что войска занимавшей оборону севернее 2-й армии были вынуждены отойти в район Бреста. По данным, поступившим из 4-й танковой армии, в ней осталось в боеспособном состоянии 20 танков и 154 штурмовых орудия. У русских было от 500 до 600 танков. Двенадцать немецких дивизий противостояли натиску 34 советских стрелковых дивизий, а также двух механизированных

<sup>1</sup> Платонов С.П. Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 598.

и двух танковых корпусов. (Т. е. незначительное превосходство в личном составе; перед началом операции было 1,2 к 1 в пользу советских войск. В технике преимущество было более весомым: 2,3 к 1 по танкам; 2,6 к 1 по орудиям и минометам, 4,6 к 1 по самолетам. — *Ред.*) В резерве русские имели 10 стрелковых дивизий, 2 кавалерийских корпуса и 4 отдельных танковых полка.

После 18 июля пришел в движение весь фронт группы армий «Северная Украина» к северу от Станислава. Выждав, пока немецкая 4-я танковая армия начнет отступать к Западному Бугу, войска 1-го Белорусского фронта начали наступление в направлении на Люблин. 20 июля 8-я гвардейская армия, форсировав реку, пробила себе дорогу почти до Хелма.

В тот же день 1-я гвардейская танковая армия русских нанесла удар на стыке 4-й и 1-й немецких танковых армий и вышла к Равен-Русской. 3-я гвардейская танковая армия обошла с севера Львов, а только что брошенная в наступление советская 4-я танковая армия обошла в это время город с востока, замкнув кольцо окружения вокруг немецких войск. Попавший в окружение в 60 км восточнее Львова XIII армейский корпус сосредоточивал свои дивизии для попытки уйти на юг, прежде чем правый фланг участка обороны немецкой 1-й танковой армии не будет оттеснен слишком далеко на запад.

22 июля немецкая 2-я армия правым флангом отошла к брестскому оборонительному району. Утром 23 июля советские танки протаранили оборону 4-й танковой армии в районе Хелма, ко второй половине дня они преодолели еще 60 км до Люблина, а после полуночи, по немецким данным, 70 советских танков и 300—400 грузовых автомобилей продвигались через Люблин на северо-запад. Гитлер отказался отменить свой приказ о превращении Люблина в «укрепленный район», поэтому гарнизон в составе 900 солдат и офицеров остался в городе (24-го Люблин был взят. — *Ред.*). Устремившись в брешь между немецкими 4-й и 1-й танковыми армиями, ширина которой к тому времени достигла 50 км, советская 1-я гвардейская танковая армия пробила себе путь к реке Сан. В донесении командования 4-й танковой армии в штаб группы армий говорилось, что единственным способом спасти войска является незамедлительный отход за реки Висла и Сан. В течение дня XIII армейский корпус предпринял попытку прорыва, которая все же слишком запоздала. Из попавших в окружение 30 тыс. немецких солдат спаслось не более 5 тыс. (Всего, вместе с украинскими эсэсовцами из дивизии «Галичина», было убито более 30 тыс. окруженных, 17 тыс. взято в плен. — ИВМВ. Т. 9. С. 85.) В районе Львова оборона 1-й танковой армии оказалась более прочной, чем ожидали русские. Вероятно, этим объясняется то, что И.С. Конев не начал запланированное наступление на Станислав (Ивано-Франковск).

К 18 июля ощущалось давление советских войск на смежных флангах групп армий «Центр» и «Север» (см. карту 29). По показаниям захваченного в плен советского офицера, в сторону северного фланга немецкой 3-й танковой армии перебрасывались части 2-й гвардейской армии. 5-я гвардейская танковая армия, имея во втором эшелоне 33-ю армию, нанесла удар по позициям немецкой 3-й танковой армии восточнее Каунаса и южнее города, вдоль реки Неман. Против группировки Г. Рейнгардта в составе одной ослабленной танковой дивизии и четырех пехотных дивизий действовали 18 советских стрелковых дивизий, три танковых и один механизированный корпус, а также три отдельные танковые бригады. Г. Рейнгардт докладывал, что не видит возможности восстановить контакт с группой армий «Север». Он просил разрешения отвести назад свой северный фланг на достаточное расстояние для того, чтобы организовать прочную оборону в районе Каунаса. Но вернувшийся с совещания в ставке Гитлера В. Модель приказал армии оставаться на прежних позициях. Несколько передергивая факты, он заявил, что группа армий «Север» сама позаботится о том, чтобы закрыть брешь. Кроме того, он пообещал усилить армию Г. Рейнгардта танковой дивизией «Герман Геринг».

В течение следующих трех дней 5-я танковая армия заняла несколько плацдармов на реке Неман, что значительно увеличило угрозу Каунасу. 2-я гвардейская армия продвигалась на запад к «балтийской брешии»; ее войска начали теснить фланг 3-й танковой армии на юг. К 22 июля фронт оборонявшейся на фланге дивизии, которая пыталась остановить наступавшие на ее участке шесть советских стрелковых дивизий, начал разваливаться. Разрыв в немецком фронте достиг примерно 55 км. В течение дня передовые части 2-й гвардейской армии достигли Паневежиса, находившегося в 60 км за линией обороны немецкой 3-й танковой армии. Боевой состав армии сократился до 13 850 человек, но В. Модель снова не разрешил войскам отступать. В ответ на просьбу о резервах он заявил, что армия Г. Рейнгардта должна продержаться «на голодном пайке» еще два-три дня.

В то же время 16-я армия, которая 19 июля завершила свое отступление на рубеж «Литва», не смогла остановить советское наступление и на новых позициях. 22 июля Й. Фриснер приказал войскам отступить еще на 8—15 км. Это означало потерю Пскова, который служил армии «якорной» (т. е. опорной) позицией.

В донесении Гитлеру он написал, что не видит другого способа сохранить сплошной фронт на участке армии. Немецким войскам не удастся удержаться и на новом рубеже, и его тоже придется оставить. Вскоре, продолжал Й. Фриснер, группа армий потеряет рубеж между Псковским и Чудским озерами, и тогда отход за Западную Двину станет для всей группы армий «вопросом жизни и смерти».



20 июля в ставке фюрера было совершено покушение на Гитлера. В результате взрыва подложенной бомбы были ранены все 19 офицеров, присутствовавших на совещании во второй половине дня. Как оказалось, трое были ранены смертельно. Здание, в котором проходило совещание, было разрушено. Но сам Гитлер отделался небольшими ожогами, ушибами и временной потерей слуха<sup>1</sup>.

Через несколько часов после взрыва был вскрыт широкомасштабный заговор против Гитлера с участием представителей высшего армейского командования, в основном из германского Генерального штаба. Попытка переворота была быстро подавлена, и еще до окончания дня Гитлер назначил на ряд ключевых постов новых руководителей. Самой важной переменной, касавшейся Восточного фронта, было назначение на должность начальника Генерального штаба Г. Гудериана.

Г. Гудериан получил это назначение по воле случая. Первоначально Гитлер остановил свой выбор на генерале пехоты Вальтере Буле, который присутствовал на совещании и получил ранение. Поэтому В. Буле не мог приступить к выполнению обязанностей начальника Генерального штаба до выздоровления. Гитлер никогда полностью не прощал генералов, которые, как он считал, однажды его подвели. Но после событий 20 июля 1944 г. Г. Гудериан являлся практически единственным из представителей ОКХ, на которого не падали прямые подозрения в причастности к заговору. И хотя было не совсем понятно, какие мотивы двигали Г. Гудерианом, именно он был тем офицером, который во второй половине дня покушения остановил танковый батальон, получивший задание захватить штабквартиру СС, находившуюся на Fehrbelliner Platz в Берлине. Кроме того, в последнее время Г. Гудериан был одержим идеями, которые, как он считал, помогут немцам победить в войне. К тому же, после того как Г. Гудериан был отстранен от командования войсками на Восточном фронте, он никогда не скрывал своей низкой оценки деятельности генералов, которые теперь осуществляли руководство войсками. После того как он только недавно обвинил Генеральный штаб в пораженчестве, было маловероятно, что Г. Гудериан имел какое-то отношение к заговору.

После своего назначения Г. Гудериан поспешил засвидетельствовать свою лояльность Гитлеру и дистанцироваться от своих предшественников. В своем обращении к офицерам Генерального штаба он потребовал от них «образцового (т. е. нацистского) отношения к политическим событиям», которое те должны были демонстрировать публично. Те, кого это не устраивало, должны были сами об-

---

<sup>1</sup> Позже Гитлер заявил, что после взрыва у него прекратился тремор левой ноги, который беспокоил его долгое время. Но, как добавил он, подобное лечение не может быть рекомендовано никому (юмор фронтовика-окопника Первой мировой. — *Ред.*).



ратиться с рапортом о переводе их из Генерального штаба. «С целью облегчить им переход к новому образу мыслей», настаивал далее Г. Гудериан, всем офицерам Генерального штаба должна быть предоставлена возможность посещать лекции по политическим вопросам и ознакомиться с последними событиями с участием руководителей национал-социализма.

В первый же день пребывания на своем посту Г. Гудериан внес свои предложения по вопросам ведения боевых действий на Восточном фронте. Когда начальник штаба группы армий «Север» сообщил, что Й. Фриснер убежден в том, что военная политика Гитлера приведет к потере стран Прибалтики и сдаче 16-й и 18-й армий, Г. Гудериан в ответ отделался шутливым заявлением: «Думаю, что в случае катастрофы у генерала Фриснера хватит мужества отдать необходимые приказы (о сдаче)».

После того как 22 июля Й. Фриснер представил свой доклад об обстановке на его участке фронта, его дни на посту командующего группой армий «Север» были сочтены. На следующий день по распоряжению Г. Гудериана он уже сдавал командование Ф. Шернеру, в свою очередь принимая от того командование группой армий «Южная Украина». Г. Гудериан заявил В. Моделю, что верит в то, что Ф. Шернеру удастся «навести порядок» в группе армий «Север». Пришло время, продолжал он, укрепить дисциплину и среди офицеров группы армий «Северная Украина».

Ф. Шернер отправился в группу армий «Север», имея на руках специальный документ за подписью Гитлера, дающий ему полномочия отдавать приказы представителям всех трех видов вооруженных сил Германии, войскам СС. Кроме того, его распоряжения были обязательны для руководителей партии и гражданской администрации на территории стран Прибалтики. Какими бы значительными ни казались эти полномочия, на деле они давали Ф. Шернеру не так много. Они передавали в его распоряжение дополнительно несколько тысяч солдат, которые могли быть использованы для закрытия бреши на южном фланге группы армий. Тем самым подчеркивалась решимость Гитлера удержать оставшиеся в его распоряжении территории прибалтийских государств.

Рано утром 23 июля В. Модель, обеспокоенный развитием событий перед фронтом своих войск и на флангах, сделал предположение, что русские намерены нанести удар через Львов к реке Сан и через Люблин на Варшаву. Кроме того, противник планировал в районе Бреста окружить 2-ю армию, начать наступление на Восточную Пруссию с рубежа Белосток—Гродно через Каунас, а также ударом на левом фланге группы армий перейти в наступление на Мемель (Клайпеду) или Ригу через Шяуляй. В течение дня, по мере

того как русские в районе между Вислой и Западным Бугом стремительно продвигались на север в направлении Седльце, основного узла шоссейных дорог между Варшавой и Брестом, опасение В. Моделя, особенно по поводу обстановки на южном фланге, переросло в чувство тревоги. К вечеру, так и не получив ответа на несколько своих донесений, В. Модель позвонил начальнику оперативного отдела ОКХ и заявил, что «нет смысла просто сидеть сложа руки в то время, как существует только одно решение, а именно отступление на рубеж Висла—Сан». Тот ответил, что согласен, но Г. Гудериан придерживается другого мнения. Позже начальник штаба группы армий побеседовал с Г. Гудерианом, который сразу же предложил создать в районе Седльце сильную танковую группу, при этом отказавшись даже вести речь о том, чтобы отвести войска на угрожаемых участках. «Мы должны наступать повсюду! — требовал он. — Дальнейшее отступление недопустимо».

Еще до наступления следующего дня Г. Гудериан подготовил директиву, которую направил Гитлеру на подпись. Группы армий «Север» и «Северная Украина» должны были прекратить отступление и начать наносить контрудары с целью закрыть разрывы в линии фронта. Группе армий «Центр» надлежало создать прочный фронт на рубеже Каунас—Белосток—Брест и сосредоточить мощные группировки на флангах. Эти группировки должны были нанести удары в северном и южном направлении для восстановления контакта с соседними группами армий. Было обещано, что все три группы армий получат подкрепления. Директива заканчивалась афоризмом: «Нападение — лучший вид защиты». Прочитав директиву, начальник штаба В. Моделя заявил начальнику оперативного отдела ОКХ, что пройдет семь дней, прежде чем группа армий сможет получить сколь-либо значительные подкрепления, а за это время может произойти многое.

В течение последней недели месяца советские армии катились на запад, легко ломая немецкий фронт. 24 июля немецкая 1-я танковая армия все еще удерживала Львов и район южнее города. Но в тылу за флангом армии, в 80 км западнее Львова советские 1-я танковая армия, 3-я гвардейская танковая армия и конно-механизированная группа Баранова силами четырех танковых и механизированных корпусов продвигались к реке Сан через равнину между Ярославом и Перемышлем. В тот день немецкая 4-я танковая армия откатилась назад на 40 км и заняла оборонительный рубеж на 60-километровом фронте по реке Вепш, юго-восточнее Люблина. На обоих флангах русские прорвали фронт на глубину 100 км на юге и 90 км на севере. 2-я армия отвела назад свои три правофланговых корпуса. Теперь ее фронт имел форму угла с вершиной в Бресте. В тылу 2-й армии передовые части советской 2-й танковой армии к исходу дня 24 июля вышли на окраины Седльце, а в течение дня 47-я и 70-я армии развернулись против южного фланга немцев.

Для того чтобы обеспечить оборону Седльце, Варшавы и Вислы южнее города Пулавы, 24 июля В. Модель вернул на фронт штаб 9-й армии, которому передавались дивизия «Герман Геринг», дивизия СС «Мертвая голова» и две пехотные дивизии, причем последние три соединения все еще были в пути. За счет длинных колонн солдат, отступавших через Вислу на запад, армия стала создавать оборонительные рубежи. В Варшаве в любой день можно было ожидать начала восстания.

На следующий день советская 4-я танковая армия форсировала реку Сан между Ярославом и Перемышлем. Для того чтобы попытаться остановить это наступление, в группу армий «Северная Украина» по приказу ОКХ были переданы из 4-й танковой армии две дивизии. Кроме того, армии было дано разрешение отойти к Висле. На участке 9-й армии танковые части К.К. Рокоссовского пробились через тонкий фронт немцев в районе переправ через Вислу в районе городов Демблин и Пулавы и переправились на восточный берег реки.

Утром 26 июля немецкая авиаразведка доложила о том, что 1400 советских грузовых автомашин и танков, миновав Демблин, направляются по варшавскому шоссе на север. В это же время разведывательные самолеты группы армий «Центр» засекли на северном фланге «бесконечные» колонны техники противника, направляющиеся на запад из района Паневежиса, в тылу 3-й танковой армии. Днем из 2-й армии поступило донесение, что ее войска больше не в состоянии удерживать Брест. Но Гитлер и Г. Гудериан медлили с принятием решения, и соответствующий приказ был подготовлен уже после полуночи, когда корпуса, оборонявшие город и прилегающие районы, были фактически окружены.

В течение двух следующих дней 1-я танковая армия оставила Львов и стала отступать на юго-запад, к Карпатам. 4-я танковая армия отступила за Вислу; ее войска отразили несколько попыток русских на плечах немцев переправиться на другой берег реки. 9-я армия бросила все силы, которыми располагала восточнее Варшавы, на оборону города, удержание Седльце и коридора на запад для соединений, отступавших из района Бреста. Два взвода советской армии форсировали Вислу южнее города Пулавы, создав на этом участке плацдарм. В 9-й армии уже имели возможность убедиться в том, что русские были непревзойденными мастерами на такие малозначительные на первый взгляд начинания.

Механизированные колонны И.Х. Баграмяна прошли в брешь между группами армий «Центр» и «Север», миновав Шяуляй, повернули на север и прошли 80 км до Елгавы, тем самым отрезав группу армий «Север» от последней железнодорожной ветки. В отчаянной попытке замедлить советское наступление 3-я танковая армия бросила одну из танковых дивизий в контратаку в направле-

нии на Паневежис. Гитлер планировал, что в контрударе примут участие войска еще двух дивизий, но эти соединения можно было взять только с участка фронта на Немане, где армия из последних сил пыталась удержать Каунас.

День 29 июля принес группе армий «Центр» новые проблемы. Девять стрелковых дивизий и два гвардейских танковых корпуса нанесли удар на правом фланге полосы обороны 3-й танковой армии на реке Неман южнее Каунаса. Танковые войска К.К. Рокоссовского обошли Варшаву с севера и отрезали шоссейные и железные дороги, служившие коммуникациями между 9-й и 2-й армиями. Теперь они готовились нанести удар на Варшаву по сходящимся направлениям с юго-востока, востока и севера.

30 июля оборона на фланге 3-й танковой армии развалилась, и советские войска вышли к городу Мариямполье, в 30 км от границы с Восточной Пруссией. При желании они могли бы продолжить наступление. Немецкий фронт между Мариямполье и Каунасом был дезорганизован. Две дивизии, занимавшие оборону в Каунасе и на укреплениях вокруг города времен Первой мировой войны, могли быть полностью уничтожены, если бы противник решил нанести удар с юга, с тыла. В. Модель сообщил Г. Рейнгардту, что командование группы армий не может дать разрешение на эвакуацию войск из города и что будет бесполезно обращаться с подобной просьбой в ОКХ. Г. Рейнгардт в ответ заявил: «Что ж, хорошо. Если дела обстоят так, то я сам спасу своих солдат». В 00.10 он приказал корпусу, оборонявшему Каунас, отступить к реке Нявежис, примерно в 15 км западнее города.

В тот же день советская 2-я танковая армия вышла в район примерно в 10 км от пригородов Варшавы и захватила населенный пункт Воломин, от которого до Варшавы оставалось около 13 км в юго-западном направлении. В нескольких районах города вспыхнула перестрелка. В треугольнике между реками Висла и Сан 1-я танковая армия ударила в тыл немецкой 4-й армии и стала развивать наступление на северо-запад, в направлении равнины, протянувшейся вдоль реки Висла по обе стороны от Баранува-Сандомерски. По приказу ОКХ в распоряжение немецкой 17-й армии было передано две с половиной дивизии, которые разворачивались перед южным флангом советской танковой армии и должны были закрыть брешь между немецкими 4-й и 1-й танковыми армиями.

В последний день месяца части советских механизированных корпусов (3-й гвардейский механизированный корпус. — *Ред.*) вышли к Рижскому заливу западнее Риги. В 60 км южнее Варшавы 8-я гвардейская армия захватила небольшой плацдарм в районе Магнушева. В районе Баранува-Сандомерски, на стыке 4-й и 17-й армий, советская 1-я танковая армия начала форсировать Вислу. В тот день советское наступление в первый раз было приостановлено.

Войска И.Х. Баграмяна не стали далее продвигаться в Прибалтике. Очевидно, нехватка горючего заставила наступавшие на Варшаву танковые соединения почти остановить дальнейшее продвижение. Контрудар немецких войск в районе Седльце оказался успешным. Войска И.Д. Черняховского не воспользовались открытым участком между Марьямполе и Каунасом.

В полночь 31 июля Гитлер обрисовал общее положение, в котором оказалась Германия, в длинном несвязном монологе в присутствии А. Йодля и множества офицеров. Новости с Западного фронта были тоже неутешительны: там союзники прорвали фронт на полуострове Котантен, и 31 июля 1-я американская армия миновала Авранш. И все же, по словам Гитлера, главная угроза Германии исходила с Востока, поскольку, если бои переместятся в Верхнюю Силезию и Восточную Пруссию, это окажет тяжелое психологическое воздействие на всех немцев. К тому же отступление заставило по-новому оценить обстановку в Финляндии и на Балканах, а Турция была готова вот-вот отказаться от нейтралитета. Было необходимо срочно стабилизировать фронт и, по возможности, выиграть одно или два сражения для того, чтобы восстановить авторитет Германии<sup>1</sup>.

Еще более глубокой проблемой Гитлер считал «этот нравственный кризис среди подчиненных», иными словами, недавно вскрытый заговор в офицерской среде. Фюрер продолжал: «Делая окончательный анализ, чего можно ожидать на фронте... если каждому теперь известно, что в тылу самые ответственные посты занимали откровенные вредители, даже не пораженцы, а именно вредители. Никто не может даже знать, как долго они плели заговор вместе с врагами или с этими людьми за линией фронта (имелся в виду Союз немецких офицеров под руководством В. Зейдлица). За год или два русские не могли стать намного лучше; это мы стали хуже, и это результат той отравы, которая постоянно распространялась Генеральным штабом, генерал-квартирмейстером, начальником службы связи и т. д. Если нам удастся преодолеть этот внутренний кризис... я считаю, мы сможем поправить дела на Востоке».

Для того чтобы стабилизировать фронт на Востоке, по мнению Гитлера, будет достаточно направить туда 15 свежих гренадерских дивизий и 10 танковых бригад, которые уже формируются<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> В тот день Г. Гудериан заявил начальнику штаба группы армий «Центр», что контрудар на обоих флангах абсолютно необходим для того, чтобы повлиять на ход переговоров с Турцией.

<sup>2</sup> 7 июля Гитлер отдал приказ о формировании новых соединений. Большинство гренадерских дивизий создавались за счет штабов, тыловых и вспомогательных служб соединений, потерявших свои боевые части в начале советского наступления. Для того чтобы получить личный состав для новых гренадерских дивизий и танковых бригад, командованию армии пришлось использовать все пополнения, предназначенные к отправке на Восточный фронт в июле и августе, а также 45 тыс. военнослужащих, выписавшихся из госпиталей.

По мнению Гитлера, неплохо было и то, что теперь войскам приходилось действовать на относительно нешироком фронте, так как это будет способствовать существенному сокращению потребностей в частях тыла и обеспечения, куда уходила значительная часть пополнений.

### **Стабилизация обстановки**

Гитлер был недалеко от истины, когда предсказывал скорую стабилизацию на Восточном фронте. Частично сбылись и его надежды выиграть одно или два сражения. В. Моделю удалось сохранить силы, и постепенно мощь его армий укреплялась. Советские армии, которые на некоторых участках прошли более 200 км, снова далеко оторвались от тыловых служб. Пик советского наступления миновал. Оно еще могло причинить немцам много неприятностей, но кое-где русских уже можно было остановить и даже отбросить.

1 августа 3-я танковая армия, которая еще не оправилась после поражений в районе Каунаса и Марьямполье, перебрасывала войска с правой половины своего фронта на рубеж, который должен был обеспечивать оборону Восточной Пруссии. Войска 3-го Белорусского фронта, преследовавшие немцев, прорвали эти позиции, расположенные в непосредственной близости от территории Германии, на трех участках и заняли Вилкавишкис, в 15 км от немецкой границы. Командир ослабленного немецкого корпуса, оборонявшегося на этом участке, предупредил, что на следующий день русские могут быть в Восточной Пруссии.

Штаб танковой армии дислоцировался к западу от границы в Шлоссберге, «небольшом опрятном немецком городке, который три года русской кампании почти не затронули». Но Г. Рейнгардт был потрясен и почти пришел в ужас, когда узнал, что гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох, отвечавший также за организацию гражданской обороны на этой территории, совершенно не планировал организовать эвакуацию из прифронтовых районов женщин и детей. Начальник штаба группы армий заявлял, что ежедневно направлял протесты по этому поводу, на которые никто не обращал внимания, так как Э. Кох, очевидно, выполнял указания фюрера.

1 августа в Варшаве польская Армия крайова (повстанческая армия) под командованием генерала Тадеуша Бур-Коморовского начала восстание. Поляки были хорошо подготовлены и вооружены. (Автор неточен. Повстанцы имели 40 тыс. бойцов и поначалу всего 3,5 тыс. единиц стрелкового оружия против 16 тыс. немецкого гарнизона Варшавы. — *Ред.*) Они быстро продвинулись к центру и захватили его и несколько прилегающих улиц. Но для того чтобы войти в контакт с русскими, восставшим было необходимо захватить

также ряд ключевых пунктов, таких как четыре моста через Вислу, а также Прагу, пригород польской столицы на восточном берегу. А эти районы оставались в руках немцев. Но хуже всего для восставших было то, что дивизия «Герман Геринг», 19-я танковая дивизия и дивизия СС «Викинг» вышли в тыл советскому 3-му танковому корпусу и окружили его. Это советское соединение, после того как оно обошло Варшаву с севера, к 31 июля практически приостановило наступление. В течение следующих двух-трех дней, когда немецкие дивизии почти разгромили 3-й танковый корпус (наши танкисты перешли к обороне, отбили натиск немцев, стабилизировали ситуацию и возобновили наступательные действия, но уже без особых успехов (усталость войск, недостаток боеприпасов, потери). — *Ред.*), советская 2-я танковая армия перенесла усилия с Варшавы и сосредоточилась на расширении плацдарма в районе Магнушева, в 55 км к югу от города.

Сталин явно не хотел, чтобы восставшие достигли своих целей. Освобождение своими силами польской столицы давало Армии крайовой реальный шанс на участие в послевоенном устройстве страны правительства в изгнании под руководством Станислава Миколайчика, которое пользовалось поддержкой англо-американских союзников. 21 июля Советский Союз основал в Люблине Польский комитет национального освобождения, в который вошли тщательно отобранные русскими лица. Первым официальным актом этой организации было признание территории предложенной советской стороной советско-польской границы по линии Керзона, что являлось главным вопросом яростной полемики между Советским Союзом и правительством Миколайчика. То, что Миколайчик вскоре побывал в Москве (он прибыл туда 30 июля), где вел переговоры о создании свободной и независимой Польши, заставило поляков поспешить с началом восстания. В то же время в глазах советских руководителей они сразу же стали опасными политическими фигурами.

1 августа для группы армий «Северная Украина» стал вторым днем контрудара. Сначала его целью было очистить от русских весь треугольник между Саном и Вислой. Но еще до его начала задача свелась к попытке отрезать части советской 1-й танковой армии, форсировавшие Вислу в районе Баранува-Сандомерски. И все же, несмотря на то что немецким 17-й и 4-й танковым армиям удалось несколько продвинуться вперед, им не удалось не только замедлить, но и вообще серьезно помешать удару войск И.С. Конева через Вислу. Дюжина тяжелых понтонов грузоподъемностью 60 тонн (было задействовано 24 понтона, но только 2 грузоподъемностью 50—60 тонн. — *Ред.*) переправляли через реку войска, танки, другую боевую технику, боеприпасы и продовольствие, предназначенные для 3-й гвардейской танковой и 13-й армий. К концу дня продвижение войск немецкой 4-й танковой армии достигло своего макси-

му. На следующий день командование группы армий было вынуждено остановить наступление (3 августа немцы вышли с юга на подступы к Барануву и переправе, но были отбиты артиллерией и танками 3-й гвардейской танковой армией. — *Ред.*). Немецкие дивизии понесли западнее Вислы, где части советской 1-й танковой армии при поддержке 3-й гвардейской танковой и 13-й армий собрали достаточно мощную группировку для того, чтобы при необходимости нанести удар на север в направлении на Радом или на юго-запад, на Краков.

Вечером 3 августа В. Модель направил Гитлеру одновременно оптимистичный и осторожный доклад. В нем говорилось, что группе армий «Центр» удалось создать сплошной фронт от района южнее Шяуляя до разграничительной линии с соседом справа, которая проходила по реке Висла в районе Пулавы. Он был непрочным: 650 км фронта обороняли тридцать девять немецких дивизий и бригад. Им противостояла примерно одна треть всех сил русских на Восточном фронте. Но казалось, что пришло время, когда группа армий могла не только удержать фронт, адекватно реагировать на действия противника и даже начать планировать, как перехватить инициативу в свои руки. В. Модель предложил развернуть 19-ю танковую дивизию и танковую дивизию «Герман Геринг» за рекой Висла с целью блокировать Магнушевский плацдарм противника. Еще одну танковую дивизию следовало направить в район Тильзита для поддержки войск северного фланга группы армий «Север». Переброшенную из группы армий «Южная Украина» дивизию «Великая Германия» планировалось использовать для нанесения контрудара в районе Вилкавишкиса. Отведя правый фланг 4-й армии к реке Нарев, В. Модель рассчитывал высвободить две танковые дивизии. При удачном стечении обстоятельств, полагал он, все эти мероприятия могут быть выполнены к 15 августа. После этого можно будет собрать на северном фланге группировку в составе шести танковых дивизий и провести контрнаступление с целью восстановить контакт с группой армий «Север». Для разнообразия удача теперь была благосклонна к немцам лишь наполовину. Дивизия «Герман Геринг» и 19-я танковая дивизия сумели запереть русских на Магнушевском плацдарме. В обмен на обещание пополнения в течение недели В. Модель отказался от дивизии, которую планировал развернуть в районе Тильзита. Эта дивизия была перебросена в группу армий «Северная Украина». Там И.С. Конев, после того как передал левую половину участка фронта в распоряжение вновь создаваемого 4-го Украинского фронта под командованием генерал-полковника И.Е. Петрова, бросил на плацдарм в районе Баранува–Сандомерски еще и 4-ю танковую армию. Плацдарм продолжал расти подобно гигантскому пузырю, но не так стремительно, как можно было ожидать, принимая во внимание неравенство сил сторон.



На второй неделе месяца в группу армий «Центр» прибыли три гренадерские дивизии и две танковые бригады. 9 августа дивизия «Великая Германия» перешла в наступление южнее Вилкавишкиса. Русские были заранее предупреждены о готовившемся наступлении через свою агентуру. Они подготовили для его отражения две свежие дивизии при поддержке значительных сил авиации. Мощная группировка русских несколько замедлила наступление немцев, но дивизии «Великая Германия» удалось захватить Вилкавишкис, хотя ей и не удалось полностью ликвидировать выступ к северу от города, прежде чем 10 августа она была переброшена на северный участок фронта.

В первую неделю августа наиболее важным вопросом на северном участке фронта было, успеет ли прибыть помощь до того, как группу армий «Север» постигнет окончательная катастрофа. 6 августа Ф. Шернер доложил Гитлеру, что сможет удержать фронт до тех пор, пока группа армий «Центр» не восстановит с ним контакт при условии, что «это не займет слишком много времени». Войска были измотаны, а русские не давали им передышки, бросая в бой все новые и новые части, постоянно нащупывая слабые участки в растянутой линии фронта, проходившей через густые леса. Иногда на стороне русских воевали 14-летние подростки и старики. Г. Гудериану Ф. Шернер заявил, что, если в самое ближайшее время не начнется наступление группы армий «Центр», единственным выходом будет отвести фронт на рубеж Рига—Шяуляй—Каунас. Но и это с каждым днем становилось все более проблематичным.

10 августа 3-й и 2-й Прибалтийские фронты после мощной авиационной и артиллерийской подготовки начали наступление на участке 18-й армии южнее Псковского озера и севернее Западной Двины. В первый же день немецкий фронт на обоих участках был прорван. Почти не имея резервов, Ф. Шернер прилагал все свои способности для того, чтобы выжать из измотанных солдат последние силы. Одному из командиров дивизий он отправил следующее сообщение: «Следует указать генерал-лейтенанту Ш. де Белью, что, проявив храбрость, он должен восстановить свою честь и честь дивизии, иначе его войска покроют себя позором. Кроме того, к 21.00 он должен доложить, скольких командиров он расстрелял за трусость». От командующего 18-й армией он потребовал «драконовских мер» и «безжалостности на грани жестокости».

Для того чтобы поднять моральный дух в войсках Ф. Шернера, командование ВВС направило на этот участок фронта эскадру пикирующих бомбардировщиков «Штука» (переделанных в истребители танков и имевших две 37-мм автоматические пушки под крыльями. — *Ред.*) под командованием майора Ганса Руделя, получившего прозвище Panzerknacker (Истребитель танков), который незадолго

до этого довел свой личный счет уничтоженных на самолете Ju-87 «Штука» советских танков до 300. 12 августа Гитлер объявил, что наступление группы армий «Центр» начнется на два дня раньше запланированного срока. ОКХ перебросило по воздуху в 18-ю армию гренадерскую дивизию из Кенигсберга.

16 августа группа армий «Центр» начала операцию по спасению группы армий «Север». Два недоукомплектованных танковых корпуса нанесли стремительные удары из района Шяуляя на восток и на север. 3-й Белорусский фронт силами 5, 33 и 11-й гвардейской армий немедленно перешел в наступление на правом фланге немецкой 3-й танковой армии и снова освободил от немцев Вилкавишкис. В тот день В. Модель получил приказ, которым он назначался командующим войсками на Западном театре. Группу армий принял Г. Рейнгардт, старший из генералов группы армий. Вместо него командующим 3-й танковой армией стал генерал-полковник Эрхард Раус.

На следующий день, когда наступление на северном фланге было еще в полном разгаре, войска И.Д. Черняховского стремительным броском вышли на границу с Восточной Пруссией в районе к северо-западу от Вилкавишкиса. К концу дня один из взводов вырвался вперед, пересек границу и тем самым впервые перенес боевые действия на территорию Германии. В течение следующих двух дней возникла непосредственная угроза прорыва советских войск через границу с Восточной Пруссией.

На крайнем северном фланге немецкой 3-й танковой армии две танковые бригады при поддержке огня артиллерии крейсера «Принц Ойген», который находился на рейде в Рижском заливе, 20 августа захватили Тукумс и восстановили контакт с группой армий «Север». По приказу ОКХ обе бригады в Риге немедленно погрузили на железнодорожные платформы и отправили в район Чудского озера. На следующий день 3-я танковая армия закрепились на плацдарме от Тукумса на восток до балтийского побережья, откуда направила колонну автомашин с грузом для группы армий «Север». На границе с Восточной Пруссией немецкий фронт был слабым и начал прогибаться под ударами советских войск. Но к этому времени русские полностью сосредоточились на северном участке фронта и не делали попыток проникнуть на германскую территорию. Днем Г. Рейнгардт доложил Г. Гудериану, что расширение коридора и восстановление контроля над железной дорогой, ведущей через Елгаву к группе армий «Север», потребует слишком много времени. Он рекомендовал эвакуировать войска группы армий «Север». Г. Гудериан ответил, что лично он разделяет это мнение, но Гитлер не согласен с этим по политическим соображениям. Наступление продолжалось до 27 августа, когда Гитлер приказал передать группе армий «Север» танковую дивизию.

В результате контакт с группой армий «Север» ограничился коридором вдоль побережья шириной 30 км. На какое-то время этого

было достаточно. В последний день месяца 2-й и 3-й Прибалтийские фронты неожиданно перешли к обороне.

К концу месяца во всей полосе групп армий «Центр» и «Северная Украина» советское наступление свелось к ряду частных ударов и небольших стычек. После того как 18 августа был занят Сандомир, 1-й Украинский фронт постепенно перешел к обороне, несмотря на то что имел в своем составе четыре полнокровные армии, в том числе три танковые, которые были сосредоточены на плацдарме на Висле. 1-й Белорусский фронт севернее Варшавы сильно потрепал 2-ю армию во время отхода немцев к реке Нарев. В начале сентября, когда немцы отошли на другой берег Вислы, русские захватили там значительные плацдармы в районе населенных пунктов Сероцк и Ружан. Но в течение более чем двух недель К.К. Рокоссовский никак не проявлял своего интереса к плацдарму в районе Варшавы, который после отступления 2-й армии продолжала удерживать 9-я армия.

К началу октября Варшавское восстание начинало затухать. Одной из причин, по которым восставшим удалось продержаться так долго, было нежелание немцев использовать в уличных боях регулярные войска. (Большую помощь оказала советская авиация, совершившая по заявке повстанцев 1361 вылет на штурмовку и бомбардировку и 2435 вылетов на сбрасывание грузов — 156 минометов, 505 противотанковых ружей, 2667 единиц стрелкового оружия, 3,3 млн патронов, 515 кг медикаментов, более 100 тонн продовольствия и др. — *Ред.*) Немцы применяли против восставших дистанционные подрывные заряды, реактивные минометы и артиллерию, вплоть до 24-фунтовых гаубиц (т. е. 150-мм гаубицы 18/40 — *Ред.*). Операцию по подавлению восстания было поручено возглавить генералу фон дем Бах-Зелевски и группенфюреру СС Г. Рейнефарту. В боях участвовали в основном части СС и полиции, в том числе и такие отбросы, как войска Каминского и Дирлевангера<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Бригада под командованием Бронислава Каминского, поляка по отцу, немца по матери, считавшего себя русским. Он пытался создать Русскую национал-социалистическую трудовую партию и объявить себя ее фюрером. В бригаде служили в основном казаки и другие советские граждане, в том числе дезертиры из Красной армии. До осени 1943 г. отряды Каминского удерживали так называемую независимую территорию Локоть в Брянских лесах, в районе активных действий советских партизан. После ее потери бригада в составе 7 тыс. военнослужащих и примерно 20 тыс. человек в обозе постепенно отходила на запад вместе с отступающими немецкими войсками, занимаясь во время отхода мародерством. Недисциплинированные, разношерстно обмундированные и вооруженные бойцы бригады, затем дивизии, больше напоминали банду наемников XVI или XVII века, чем современное воинское формирование. На четвертой неделе Варшавского восстания немцам пришлось расстрелять Б. Каминского, поскольку его подчиненные своей жестокостью склонили на путь восстания десятки тысяч до того довольно индифферентных варшавян.

Бригада, затем дивизия, под командованием штандартенфюрера (полковника) СС Оскара Дирлевангера состояла в основном, кроме офицерского состава и некоторого количества рядовых солдат, из политических заключенных конц-

Как следствие, бои велись с беспрецедентной жестокостью, которая, впрочем, не давала заметных тактических результатов<sup>1</sup>.

2 сентября сопротивление поляков в центре города было подавлено, и 50 тыс. гражданских лиц покинули район ведения боев. 9 сентября Бур-Коморовский направил к представителям германского командования двух офицеров-парламентеров. После переговоров немцы согласились обращаться с бойцами Армии Крайовой как с военнопленными. На следующий день русские сделали вялую попытку вдохнуть в восстание новую жизнь: советская 47-я армия перешла в наступление в районе плацдарма в Варшаве, поэтому поляки не ответили на предложение немцев. В результате советского наступления немецкая 73-я дивизия, наспех заново сформированная после боев в Крыму, была разгромлена. После еще двух дней штурма 9-я армия была вынуждена оставить плацдарм, эвакуировать район Праги и разрушить мосты через Вислу. Очевидно, советская Ставка не ожидала и не хотела такого значительного успеха. 14 сентября, несмотря на то что восставших поддерживали 100 четырехмоторных бомбардировщиков американских ВВС, бои стихли. До 10 сентября советская сторона отказывалась предоставлять свои аэродромы для американских самолетов, осуществлявших снабжение восставших. 18-го числа самолеты американской авиации вылетели с очередной челночной миссией, но к тому времени контролируемые повстанцами районы были уже слишком малы для сброса грузов, поэтому второй запланированный полет пришлось отменить.

В ночь с 16 на 17 сентября 1-я польская армия начала форсировать Вислу в районе Варшавы. При этом помощь советских союзников ограничивалась поддержкой огнем артиллерии с восточного берега реки. По советским данным, в переправе участвовали шесть батальонов из запланированных трех дивизий<sup>2</sup>.

По оценкам немцев, эти силы составляли не более чем несколько рот. Из 9-й армии докладывали, что на второй день операция была

---

лагерей, в том числе коммунистов, а также уголовных элементов. Сам О. Дирлевангер был алкоголиком, которого однажды уже исключили из СС за совершение поступков, несовместимых с честью офицера. Он удерживал бригаду своим жестоким авторитетом. Если бы не заступничество Г. Гимmlера, Дирлевангер давно бы уже предстал перед трибуналом за зверства как в бою, так и против гражданского населения. (В июне 1945 г. Оскар Дирлевангер был убит при невыясненных обстоятельствах. — *Ред.*)

<sup>1</sup> Самые большие зверства, в том числе массовые убийства мужчин, женщин и детей 5 и 6 августа 1944 г. в кварталах «Воля» и «Охота», имели место еще до фактического начала операции по подавлению восстания. Гитлер и Гимmlер сначала даже обрадовались восстанию, решив, что его подавление не только даст им возможность разрушить столицу старейшего врага, но и позволит преподать предметный урок другим завоеванным странам. (*Краннхалс Х. фон. Der Warschauer Aufstand, 1944. Франкфурт-на-Майне, 1962. С. 308—312.*)

<sup>2</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 245.

фактически прекращена. Те польские солдаты, которые форсировали реку, 23 сентября были эвакуированы обратно на другой берег. 26 сентября Бур-Коморовский во второй раз направил к немцам парламентариев, а 2 октября его представители подписали акт о капитуляции.

Психологические последствия летней катастрофы продолжали ощущаться и после того, как на фронте установилось затишье. В сентябре Г. Рейнгардт писал Г. Гудериану, что в Германии не утихают слухи о том, что Э. Буш якобы с позором уволен со службы, понижен в звании, покончил с собой или даже дезертировал. Такие слухи подрывают у нации веру в группу армий «Центр». Он обратился с просьбой, чтобы фюрер на какой-либо официальной церемонии публично признал заслуги Э. Буша. В начале октября Э. Бушу позволили произнести речь на похоронах шеф-адъютанта Гитлера Р. Шмундта, который умер от ран, полученных в результате взрыва при покушении на фюрера 20 июня. Если это и восстановило доверие к Э. Бушу со стороны населения, то никак не свидетельствовало о восстановлении доверия к нему и к германскому генералитету в целом со стороны Гитлера. Фюрер уже включил Э. Буша в черный список генералов, кандидатуры которых не должны рассматриваться для назначения на должность командующих группами армий и армиями. После того как большинство из захваченных во время отступления в советский плен 18 немецких генералов вступили в созданный при поддержке русских Союз немецких офицеров, Гитлер отдал приказ, согласно которому отныне ни один из представителей командования группы армий «Центр» не мог быть награжден высшими наградами рейха.

Там, где Гитлеру виделась измена представителей армейского руководства, другие усматривали более опасную болезнь, получившую повсеместное распространение: боязнь попасть в окружение и плен, страх получить ранение и быть оставленным на поле боя. Немецких солдат начали преследовать призраки событий в Сталинграде, Черкассах и в Крыму. Если раньше никто не представлял себе будущей катастрофы, теперь каждый ожидал ее.

## **Глава 16**

### **НА ЮЖНОМ УЧАСТКЕ ФРОНТА**

#### **Бегство к Карпатам**

В результате советского летнего наступления на участках групп армий «Центр» и «Северная Украина» немцам был нанесен удар, от которого они так и не смогли оправиться. На флангах, простиравшихся до Северного Ледовитого океана и Черного моря, немецкая армия еще держалась. Но и там фронт был перенапряжен и готов был лоп-

нуть при большем давлении. Несмотря на то что это напряжение не было явным, оно от этого не становилось менее опасным.

До раннего утра 23 июля, когда Ф. Шернер был отозван на пост командующего группой армий «Север», на фронте группы армий «Южная Украина» вот уже более двух месяцев длилось глубокое затишье, нарушаемое только усиленными упражнениями по боевой и физической подготовке, которые повсюду рьяно насаждал Ф. Шернер. Русские сняли с этого участка так много соединений, что ОКХ приказало командованию группы армий принять меры к тому, чтобы связать те, что еще там остались.

Очертания фронта не изменились после окончания советского весеннего наступления. На левом фланге, протянувшемся в форме тупого угла от Куты и на восток до Ясс, войска армейской группы «Велер», 8-й армии и разместившиеся между ними войска 4-й румынской армии удерживали сектор, примерно половина которого находилась в Восточных Карпатах, а другая половина пересекала Молдавию с востока на запад севернее городов Тыргу-Фрумос и Яссы. 6-я армия растянулась от района восточнее Ясс до реки Днестр ниже Дубоссар, далее немецкая оборона шла вдоль реки примерно до середины советского плацдарма ниже Тирасполя, где их соседом справа была румынская 3-я армия, развернутая в нижнем течении Днестра. 6-я армия и румынская 3-я армия входили в состав армейской группы «Думитреску» под командованием командующего румынской 3-й армией генерал-полковника Петре Думитреску (см. карту 30).

С севера на юг участок обороны пересекали две большие реки: Прут и Сирет. Русские переправились на другой берег в верхнем течении обеих рек. Отчасти это компенсировалось неровным рельефом и лесистой местности в районе Тыргу-Фрумос—Яссы, по крайней мере, до тех пор, пока у немцев было достаточно дивизий для того, чтобы подстраховывать румынских союзников. Самым значительным изменением тактической обстановки в начале лета стало отступление войск группы армий «Северная Украина» в глубь территории Польши. В результате группа армий «Южная Украина» стала представлять собой фактически изолированную немецкую группировку восточнее Карпат. 2-й Украинский фронт под командованием Р.Я. Малиновского развернулся напротив армейской группы «Велер»; 3-й Украинский фронт Ф.И. Толбухина — напротив армейской группы «Думитреску».

Во время смены командования основной задачей штаба группы армий «Южная Украина» стало определить, насколько опасны сосредоточения советских войск, скрытые за тонкой линией замершего фронта, и что можно будет предпринять в случае, если противник решит пойти на прорыв.

За два дня до своего перевода Ф. Шернер написал Гитлеру, что власти Румынии пребывают в нерешительности и пытаются устано-



вить контакты с западными союзниками, а Й. Антонеску теряет свою власть над страной. По мнению Ф. Шернера, позиции Й. Антонеску укрепились бы после очередной личной встречи с Гитлером. 25 июля штаб группы армий подготовил доклад, в котором отмечалось, что после вынужденной передачи на другие участки фронта шести танковых и двух пехотных дивизий, а также двух бригад штурмовых орудий группа армий более не обладает достаточными силами для того, чтобы отразить полномасштабное наступление противника. В связи с этим штаб просит заранее разрешить командованию группы армий по собственному усмотрению принимать решение об отводе войск в случае, если такое наступление состоится. Доклад так и не был представлен по команде, возможно, оттого, что новый командующий группой армий генерал Й. Фриснер был склонен смотреть на вещи более оптимистично.

На тот момент наибольшее беспокойство у немецкого руководства вызывала обстановка в Румынии. Группа армий «Южная Украина», несмотря на свою полную зависимость от румынской железнодорожной сети и необходимость в значительной мере обеспечивать себя за счет экономики этой страны, не имела возможности диктовать свои условия представителям местных властей. Все вопросы должны были решаться путем переговоров между Бухарестом и Берлином. К концу июля в штабе группы армий были убеждены, что у немцев есть все основания сомневаться в соблюдении румынами своих союзнических обязательств в условиях осложнившейся обстановки. То, что Й. Антонеску, на личном авторитете которого держался этот союз, не обладал больше достаточной властью, не было секретом ни для кого в стране, за исключением трех лиц: самого маршала, немецкого посла в Румынии барона М. фон Киллингера и главы германской военной миссии генерала кавалерии Эрика Хансена. Двое последних являлись официальными представителями Германии в Румынии. Как М. фон Киллингер, который в годы Первой мировой войны был командиром немецкой подводной лодки, а затем долгое время занимал различные дипломатические посты при нацистском режиме, так и Э. Хансен, энергичный, но полностью лишенный гибкости офицер, были ослеплены своей верой в Й. Антонеску. В результате они невольно усиливали имевшую место в гитлеровском руководстве тенденцию подменять понятия личной преданности Й. Антонеску с лояльностью румынской армии и народа. В штабе группы армий «Южная Украина» были уверены, что Й. Антонеску все еще удавалось удерживать власть только из-за нежелания оппозиции идти на риск совершения в стране переворота. Впрочем, этот страх с каждым днем становился все меньше. То, что страна и сам Й. Антонеску все еще продолжали воевать, можно было объяснить единственно тем, что страх перед русскими пока еще несколько перевешивал желание заключить мир.



1 августа, пытаясь упредить тот резонанс, который должен был вызвать в Юго-Восточной Европе разрыв дипломатических отношений между Турцией и Германией, что действительно случилось на следующий день, Й. Фриснер приказал создать в каждой из двух армий по мобильному полку с целью предотвращения «возможных нежелательных сюрпризов на румынской территории». Решение группы армий полностью сосредоточить внимание на тех опасных последствиях, которые может вызвать предательство румын, как показали дальнейшие события, оказалось удивительно прозорливым. Единственное, чего немцы не смогли учесть, это вопрос о том, что случится, если и без того не слишком сильное желание румынской армии воевать пропадет полностью? А ведь румыны удерживали более 250 км из 600 км фронта группы армий.

На первой неделе августа Й. Антонеску отправился в Растенбург на переговоры с Гитлером. Встреча состоялась при удручающей обстановке отступления немецких войск во Франции и на Востоке, в обстановке обмена претензиями и общей подозрительности. Однако, в конце концов, каждый был вынужден сказать своему оппоненту именно то, что тот хотел бы услышать. В мае, после почти открытых переговоров в Каире с представителями США, Англии и Советского Союза, Й. Антонеску отверг предложение о заключении перемирия в одностороннем порядке. На проходивших в то же время в Швеции двухсторонних переговорах с русскими, где ему были предложены даже еще более мягкие условия, Й. Антонеску вновь не смог решиться пойти на риск. В отчете о переговорах в ставке Гитлера, поступившем в группу армий «Южная Украина», о результатах встречи говорилось как о «весьма позитивных». Гитлер посвятил маршала в свои планы принятия мер для восстановления обстановки. Обе стороны пообещали «предпринять все возможное» для оказания содействия союзнику. Во время передачи этого отчета в группу армий кто-то из офицеров заметил: «Теперь остается только убедиться в том, как будут выполняться эти обещания».

Поскольку в ходе переговоров следовало затронуть множество вопросов, касавшихся пребывания немецких войск на румынской территории, а также в связи с назревшей необходимостью решения ряда фундаментальных проблем, командование группы армий на время пребывания Й. Антонеску в Германии направило в ставку Гитлера офицера оперативного отдела своего штаба. Этот офицер привез туда личное послание Й. Фриснера Гитлеру, в котором тот заявлял, что группа армий сможет удержать фронт при условии, если у нее перестанут забирать дивизии. В то же время он предупредил о необходимости быть готовыми к любым неожиданностям. Фриснер рекомендовал предоставить командованию группы армий контролировать деятельность всех немецких войск в Румынии, а также назначить единый политический орган, с которым могли бы

взаимодействовать военные. Выполняя указания Й. Фриснера, офицер оперативного отдела предупредил Г. Гудериана, что ОКХ должно пойти на предоставление командованию группы армий полномочий самостоятельно принимать решение об отводе войск к Карпатам и Нижнему Дунаю на случай, если с этого участка будут сняты дополнительные немецкие дивизии или если румынские войска окажутся ненадежными. Переговорив с Гитлером, Г. Гудериан ответил, что в случае, если события примут такой оборот, он «надеется успеть своевременно отдать соответствующий приказ». В то же время перспектива принятия подобного решения становится маловероятной, поскольку во время переговоров с Й. Антонеску выяснилось, что, хотя весной он и согласился с возможным отступлением на рубеж Карпаты — Нижний Дунай, в душе он убедил себя в том, что дальнейшая потеря территорий приведет к роковым последствиям для Румынии.

Перед В. Кейтелем офицер штаба группы армий поднял вопрос о назначении Й. Фриснера командующим немецкими войсками в Румынии. Кроме того, он предложил заменить Э. Хансена другим генералом, который «более энергично защищал бы германские интересы в этой стране». В. Кейтель сначала согласился с ним, однако после переговоров с Й. Антонеску заявил, что не видит в этом необходимости, так как Румыния в любом случае останется на стороне Германии. Таким образом, разваливающийся союз в последний раз удалось кое-как склотить заново за счет интересов группы армий «Южная Украина».

8 августа немецкая разведывательная авиация впервые доложила о передвижениях советских войск восточнее реки Прут. То, что переброски осуществлялись главным образом в сторону фронта, а не обратно, подтверждало данные об усилении группировки на этом направлении. 13 августа по приказу ОКХ с немецкого фронта была снята еще одна дивизия. Таким образом, начиная с июня всего на другие участки фронта отсюда было переброшено 11 дивизий. Численность немецкой группировки сократилась почти на одну треть. Если же говорить только о танковых соединениях, на другие участки фронта были переданы почти три четверти из них. В тот же день пошли слухи о свержении Й. Антонеску, которые внесли обстановку неразберихи и даже паники в тыловых эшелонах группы армий.

16 августа из армейской группы «Велер» поступили данные о готовности русских перейти в наступление в течение одного-двух дней. По всей вероятности, они были намерены нанести удар западнее Ясс, сосредоточив основные усилия на участке между Яссами и Тыргу-Фрумсом. По свидетельствам немецких представителей, румынские войска были «абсолютно надежны» (см. карту 30). Во второй полови-

не дня 19 августа войска 2-го Украинского фронта под командованием Р.Я. Малиновского при поддержке артиллерии предприняли несколько пробных атак на участке обороны армейской группы «Велер». В штабе группы армий ожидали основного удара на ее фронте западнее Ясс на следующий день. Кроме того, как предполагала немецкая сторона, русские в тот же день нанесут вспомогательный удар южнее Тирасполя.

День 20 августа с самого рассвета выдался жарким и солнечным. В тот день советская артиллерия создала мощную завесу огня на двух очень узких участках, один из которых находился к северо-западу от Ясс, а второй — южнее Тирасполя. К тому времени, когда перешла в наступление пехота 2-го и 3-го Украинских фронтов, несколько румынских дивизий находились на грани разгрома.

Две румынские дивизии из состава армейской группы «Велер», оборонявшиеся в районе Ясс, оставили свои позиции без боя. Немцам удалось прикрыть западный участок разрыва фронта, образовавшегося в результате бегства румын за счет своих резервов, но на востоке русские продолжали беспрепятственно продвигаться вперед, и во второй половине дня они заняли Яссы. Южнее Тирасполя удар советских войск пришелся в стык между немецкой 6-й и румынской 3-й армиями. Правофланговому немецкому корпусу, по позициям которого пришелся наиболее мощный удар противника, удалось удержать оборону. Однако оборонявшаяся на стыке с 6-й армией румынская дивизия была разгромлена и начала беспорядочное отступление на юг, увлекая вслед за собой своих соседей. К концу дня Й. Фриснер понял, что боеспособность румынских войск упала даже по сравнению с прежними довольно низкими показателями. Однако ему еще предстояло узнать, насколько она снизилась на самом деле.

Два Украинских фронта, действия которых от имени Ставки координировал маршал С.К. Тимошенко, по советским данным, имели над противником превосходство в личном составе 1,4 к 4 (1 млн 250 тыс. против 900 тыс.), в артиллерии 2,1 к 1 (16 тыс. против 7600), в танках и самоходной артиллерии 4,7 к 1 (1870 против 404), в авиации 2,7 к 1 (2200 против 810) (История Второй мировой войны. Т. 9. С. 104).

Главный удар наносился силами 6-й танковой армии, а также 27, 52 и 53-й армиями 2-го Украинского фронта в районе северо-западнее Ясс. Уже ко второй половине первого дня наступления 6-й танковой и 27-й армиям удалось прорвать оборону противника, а к исходу дня они вышли на оперативный простор. На правом фланге, севернее Тыргу-Фрумуса, для наступления в южном направлении вдоль реки Сирет были сосредоточены 7-я гвардейская армия и конно-механизированная группа Горшкова. 37-я и 57-я армии, а также два механизированных корпуса 3-го Украинского фронта Толбухина перешли в наступление с Тираспольского плацдарма. Левее

46-я армия двумя группировками проводила операцию на окружение румынского 3-го корпуса в нижнем течении Днестра<sup>1</sup>.

Утром на второй день советского наступления Й. Фриснер все еще считал, что сражение будет развиваться так, как он предполагал. Хотя он и не имел ясной картины относительно сил противника, данные разведки, казалось, подтверждали то, что у советской стороны не было на этом участке фронта превосходства в силах и средствах, которое, по опыту предыдущих сражений, свидетельствовало бы о подготовке к полномасштабному наступлению. Кроме того, противник наносил главный удар на участке армейской группы «Велер», а здесь немцы имели дополнительный рубеж обороны «Траян», развернутый на высотах за Яссами, который считался достаточно хорошо оборудованным.

Когда утром в штаб группы армий прибыл Й. Антонеску, Й. Фриснер заявил ему, что намерен стабилизировать фронт за Тирасполем, а затем, перебросив максимальное количество сил из армейской группы «Думитреску», укрепить и северный участок фронта, не дав русским совершить бросок за Прут. По его мнению, русские не имели возможности бросить против группы Думитреску такое же количество войск, как против обороны группы «Велер». Кроме того, в предыдущий день им удалось вклиниться в немецкую и румынскую оборону глубже, чем они рассчитывали. Следовательно, противник будет вынужден сделать остановку и перегруппировать свои силы. Й. Антонеску, который прежде всегда считался сторонником гибкой обороны, теперь настаивал на удержании всей линии фронта, включая и район Ясс. Он заявил, что несет личную ответственность за каждую пядь потерянной земли, что сейчас речь идет не о судьбе Бессарабии, а о судьбе всего румынского народа «на века».

В течение дня каждое новое донесение с фронта было более тревожным, чем предыдущее. На северном участке были потеряны Яссы, и бои теперь велись западнее Тыргу-Фрумуса. В районе Тыргу-Фрумуса танки конно-механизированной группы Горшкова прорвали рубеж «Траян», и теперь через этот участок на запад от реки Прут устремилась советская пехота при поддержке танков. Из армейской группы «Велер» докладывали о разгроме входивших в ее состав пяти румынских дивизий. Южнее Тирасполя между 6-й немецкой и 3-й румынской армиями образовалась брешь шириной примерно 30 км.

Во второй половине дня Й. Фриснер принял решение отвести армейскую группу «Думитреску» за Прут и попытаться высвободить максимальное количество немецких войск для усиления группы «Велер». В штабе группы армий и в оперативном отделе ОКХ считали, что это будет представлять собой лишь первый этап общего отступления, которое никак не может закончиться на рубеже Кар-

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 263—267.

паты—Дунай. Гитлер, которого удалось убедить в том, что «Й. Антонеску теперь согласен руководствоваться чисто военными соображениями», следовательно, не будет возражать, той же ночью утвердил это решение. В 6-ю армию сразу же был направлен приказ немедленно отвести за Прут максимально возможное количество войск. В числе первых пришлось отходить офицерам штаба армии, так как русские танки были уже на подходе к штабу армии в районе Комрата.

В течение двух последующих дней сражение проходило так же, как и начиналось. Румыны, даже их элитная танковая дивизия, отказывались воевать. Русские стремительно продвигались на юг, за Прут. Кроме того, они быстро наступали через образовавшийся разрыв прямо в центре группы «Думитреску». При этом немцы не имели никаких средств для того, чтобы воспрепятствовать этому. 23 августа, переправившись через Прут, советские танковые клинья вышли к городам Бырлад и Хуши. Войска 3-го Украинского фронта, продвигаясь на запад, прошли Комрат и практически вышли к реке Прут. Кроме того, 46-я армия, развернувшись левым флангом на юго-восток, правым флангом нанесла удар через Днестровский лиман, окружив румынский 3-й корпус и одну немецкую дивизию. Основная часть немецких войск на всем фронте от реки Прут восточнее Ясс до Тирасполя быстро отступала на юго-запад. Однако это отступление было недостаточно быстрым, чтобы помешать русским сомкнуть клещи своих наступающих войск за отступавшим противником.

Вечером 23 августа в штабе группы армий узнали, что во второй половине дня Й. Антонеску вызвали на аудиенцию с королем страны. В тот же день правительство было низложено, его члены, как и сам Й. Антонеску, были арестованы. Позже начальник штаба связался с М. фон Киллингером, вернувшимся из королевского дворца, где король проинформировал его о намерениях сформировать новое правительство и подписать перемирие с противником. При этом король уверял, что румынские солдаты ни при каких условиях не повернут оружие против немцев. Однако заявление, с которым король в тот же вечер обратился к народу, было не таким обнадеживающим. В нем король заявлял, что Румыния должна присоединиться к Объединенным Нациям, ведущим борьбу против Германии. Там же он подчеркнул, что Румыния намерена объявить войну Венгрии, денонсировав Венский договор от 30 августа 1940 г., согласно которому Венгрии отходила часть Трансильвании, включая район Шеклер<sup>1</sup>.

Эти противоречия в королевской речи, очевидно, были вызваны наличием двух пакетов с предложениями о перемирии. Несмотря на

---

<sup>1</sup> Нью-Йорк таймс. 1944. 24 августа.

то что публично румынское правительство было вынуждено принять жесткие требования, которые были продиктованы тремя странами-союзницами, США, Великобританией и Советским Союзом, на переговорах, начавшихся в Каире, румынская сторона была проинструктирована включить в условия дополнительные требования, тайно продиктованные ей советскими представителями. Их выполнение позволяло Румынии объявить нейтралитет в конфликте с Германией и, что было гораздо более важно для румын, гарантировало дальнейшее существование страны в качестве независимого государства<sup>1</sup>.

Незадолго до полуночи 23 августа Й. Фриснер по телефону доложил Гитлеру о перевороте в Румынии и сообщил, что принял командование всеми войсками вермахта на территории страны. Кроме того, он заявил, что принял решение отвести фронт на рубеж Карпаты—Дунай. В полночь оперативный отдел ОКХ передал ему приказ Гитлера подавить «путч», арестовать короля и «дворцовую камарилью» и передать власть в стране либо Й. Антонеску, либо, «если это уже невозможно», другому прогермански настроенному генералу. Зная, что М. фон Киллингер, Э. Хансен и командующий немецкими ВВС в Румынии генерал авиации А. Герстенберг находятся под арестом в здании немецкой дипломатической миссии, Й. Фриснер передал приказ Гитлера генералу СС, который находился в одном из немецких учреждений в пригороде Бухареста. В 3.00 тот доложил, что войска должны прибыть из Плоешти в течение полутора часов и что он сразу же направит их в столицу.

Еще до рассвета Й. Фриснеру позвонил Э. Хансен. Он передал предупреждение военного министра Румынии о том, что, в случае если немцы не откажутся от действий, направленных против нового правительства страны, румынская армия повернет оружие против немецких солдат. Э. Хансен добавил, что он и его окружение считают, что немецкая сторона не располагает силами, достаточными для захвата румынской столицы. На вопрос Й. Фриснера, находится ли он под арестом, Э. Хансен ответил утвердительно.

Й. Фриснер передал содержание своего разговора с Э. Хансеном в ставку фюрера, напомнив об обещании румынского короля не выступать против Германии. Через несколько минут ему позвонил

---

<sup>1</sup> *Hillgruber A.* Hitler, Koenig Carol und Marschal Antonescu, die Deutch-Rumanienischen Beziehungen, 1938—1944. С. 196—197, 217. После того как противнику было нанесено столь сокрушительное поражение, советская сторона была не склонна идти на компромисс, поэтому переговоры затянулись до 12 сентября. Далее, возможно, потому, что они сами попали в западню из-за своей двойственной позиции либо по какой-то другой причине, русские согласились на ограниченные репарации и возврат Румынии временно утраченных территорий в Трансильвании. При этом в качестве компенсации за переподчинение румынских вооруженных сил советскому командованию в войне против Германии русские согласились на создание румынских административных органов вне районов ведения боевых действий.

А. Йодль. Он заявил, что Э. Хансен говорил под давлением, что дела с самого начала пошли не так, как нужно, что рано или поздно все равно придется исправлять сложившееся положение. Почти сразу же поступил звонок от А. Герстенберга, которого румыны освободили в надежде, что тот попытается остановить намеченную немцами акцию. Он отозвался о новом правительстве Румынии как о небольшой группе напуганных людей, которых защищает лишь небольшое количество войск, развернутых вокруг Бухареста. Й. Фриснер сразу же назначил его командовать немецкими войсками в районе румынской столицы.

В 7.30 6 тыс. немецких солдат вошли в Бухарест. Еще через 10 минут они были остановлены, встретив стойкое сопротивление румынских войск. Незадолго перед полуднем А. Герстенберг доложил, что в сложившейся обстановке он не может преодолеть сопротивление в пригородах столицы. Его войскам удалось захватить радиостанцию, однако на этом успехи немцев исчерпывались. В то же время Й. Фриснеру стало ясно, что ни один румынский генерал не желает больше сотрудничать с немцами.

В полдень самолеты немецкого 4-го воздушного флота по приказу Гитлера нанесли бомбовый удар по королевскому дворцу и правительственным зданиям в Бухаресте. Эта акция стала для румынского правительства не просто предлогом объявить о полном разрыве с Германией, это было бы сделано в любом случае. Общественное мнение в стране было настроено против немцев. К концу дня в районе столицы сохранялась тупиковая ситуация. А. Герстенберг ждал подкреплений с Юго-Восточного театра. Й. Фриснер запросил дополнительные войска из Венгрии, однако из ОКВ ответили, что оттуда «поступают странные донесения».

Дни 24 и 25 августа стали для группы армий «Южная Украина» воистину катастрофическими. 24-го числа передовые части танкового клина 2-го Украинского фронта заняли Бакзу на реке Сирет и переправились через реку Бырлад ниже по течению от Бырлада. Почти все соединения немецкой 6-й армии, за исключением тыловых служб, сосредоточились южнее и восточнее от населенного пункта Хуши. Часть сил двух корпусов находились западнее реки Прут, но основные силы все еще находились на восточном берегу реки. Расположенный в Фокшани штаб армии имел лишь периодическую радиосвязь с корпусами. Он намеревался отдать приказ всем силам повернуть на юг и попытаться оторваться от противника, переправившись на другой берег в нижнем течении рек Прут или Дунай. Й. Фриснер, который понимал, что русские смогут блокировать переправы раньше, чем туда выйдут войска 6-й армии, отдал приказ на прорыв в западном направлении через Бакзу в сторону Карпатских гор.

25 августа, в день, когда Румыния объявила войну Германии, разгром войск группы армий стал почти свершившимся фактом.

Было не ясно, что станет с 6-й армией и с многочисленными немецкими частями и учреждениями на территории Румынии. Й. Фриснер доложил в ОКХ, что единственным выходом остается отступление в Венгрию, где можно будет перекрыть проходы через Восточные Карпаты и Южные Карпаты.

26 августа войска Ф.И. Толбухина заняли Кагул, замкнув кольцо окружения вокруг 6-й армии (кольцо замкнулось уже 24 августа. — *Ред.*). Одновременно фронт Р.Я. Малиновского начал совершать маневр на юго-запад с форсированием реки Сирет в нижнем течении. От правого фланга, где в горах к западу от Тыргу-Нямца оборонялась 3-я горнострелковая дивизия, до находящегося в 400 км юго-восточнее устья Дуная у немцев не осталось ничего похожего на линию фронта. В этой фантастической ситуации Гитлер поспешил отдать приказ об удержании фронта по линии Карпаты—Фокшани—Галац — нижнее течение Дуная.

На следующий день передовые части Р.Я. Малиновского форсировали Сирет и заняли Фокшани. Управление немецкой 6-й армии с оставшимися в его распоряжении частями второго эшелона попыталось организовать оборону на рубеже Фокшани—Галац, но вскоре было вынуждено начать отход в направлении Бузэу. Поступавшие разрозненные радиодонесения от окруженных немецких дивизий свидетельствовали о том, что русскими было создано два котла. В большем, на восточном берегу реки Прут, восточнее Хуши, было окружено 10 немецких дивизий. Другой котел с окруженными в нем 8 немецкими дивизиями медленно смещался на запад из района южнее Хуши. Севернее Бухареста румынские войска окружили немецкую группировку, созданную для захвата Бухареста. В районе Плоешти 5-я дивизия зенитной артиллерии оставила район предприятий по переработке нефти и половину города. Отступавшая с Сирета 8-я армия едва смогла собрать достаточно сил для того, чтобы создать отряды, блокирующие перевал Ойтуз и проходы в горах, ведущие на север. Горы обеспечивали прикрытие немецким войскам, но глубокий фланг в Южных Карпатах, 300 км от юго-восточной оконечности Венгрии до прохода Железные Ворота, остался ничем не защищенным. Авиация 4-го воздушного флота использовала весь оставшийся бензин для перелета в Восточную Венгрию. На юге болгары, которые официально не воевали против Советского Союза и теперь тщетно пытались предотвратить советское вторжение на свою территорию, разоружали и интернировали каждого военнослужащего группы армий «Южная Украина», пересекавшего границу.

В течение ночи 29 августа командование ОКХ приказало группе армий «Южная Украина» создать устойчивый фронт вдоль горного



хребта по Южным Карпатам и Восточным Карпатам, обеспечить контакт с Юго-Восточным театром в районе Железных Ворот на Дунае и группой армий «Северная Украина» в районе старой границы Польши. Под командованием Й. Фриснера была передана сформировавшаяся в Восточной Венгрии венгерская 2-я армия.

Горы на самом деле могли бы помочь создать прочный оборонительный рубеж при условии, что в распоряжении Й. Фриснера будет достаточно войск для того, чтобы захватить и удерживать проходы в Южных Карпатах на территории Румынии. Насколько сложным будет выполнение этой задачи, стало ясно уже на следующий день, когда Й. Фриснер доложил, что 6-й армии не удалось спасти ни одной дивизии. От нее остался только штаб, части обеспечения и примерно 5 тыс. машин, застрявших в долине реки Бузэу, и пока еще не было ясно, не попадет ли все это в руки русских.

В составе группы армий было четыре полнокровные дивизии. Три из них располагались на левом фланге и не были затронуты наступлением противника. Еще одна перебрасывалась на другой участок фронта и была возвращена в группу армий после начала наступления. Все, что удавалось удерживать группе армий, это изобиловавшая разрывами линия фронта, проходившая через Карпатские горы. Если бы русские решились на стремительный рывок на север через перевалы Предял и Турну-Рошу, то, по словам начальника штаба группы армий, все, что оставалось бы немцам, это «как можно скорее убираться отсюда».

30 августа войска Р.Я. Малиновского заняли Плоешти, а на следующий день совершили марш на Бухарест. 29 августа по приказу Ставки Р.Я. Малиновский разделил свои войска. Он отдал приказ 6-й танковой, 27-й и 53-й армиям очистить территорию Южной Румынии между Дунаем и Карпатами до Турну-Северина. С меньшей частью войск он предпринял попытку выбить немецкие войска из Восточных Карпат. 40-я армия наступала на левый фланг относительно свежей 8-й немецкой армии. 7-я гвардейская армия и конномеханизированная группа Горшкова должны были занять перевал Ойтуз и продвигаться через горы в направлении городов Сибиу и Клуж<sup>1</sup>.

Когда русские начали продвигаться на запад южнее Карпат, Й. Фриснер решил, что у него еще есть шанс прикрыть хотя бы перевалы Предял и Турну-Рошу. (Ответственность за проход Железные Ворота была передана командованию Юго-Восточного театра.) Оставшийся перевал Вулкан в тот момент был вне досягаемости как для Юго-Восточного театра, так и для группы армий «Южная Украина». Одновременно, учитывая возможность потерять контроль над перевалами, Й. Фриснер отдал приказ командованию армий про-

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 281.

вести разведку рубежа по реке Муреш через западную оконечность района Шеклер.

5 сентября венгерская 2-я армия нанесла удар в южном направлении из района города Клуж с целью перекрыть перевал Турну-Рошу. Днем ранее воздушная разведка выявила признаки подготовки маневра войск 2-го Украинского фронта на север. Поэтому Й. Фриснер предупредил командующих армиями быть в готовности одним броском отступить за Муреш. Пока он не спешил отдавать такой приказ. В то же время 2-я венгерская армия стремительно наступала, преодолевая слабое сопротивление наспех реорганизованной 4-й румынской армии. (С 6 сентября румынские 1-я и 4-я армии перешли под командование Р.Я. Малиновского.)

В течение дня 6-я армия отводила свои войска из долины реки Бузэу. Однако это, а также успех венгерских войск были лишь небольшими светлыми пятнами в полосе мрачных событий. После того как в течение нескольких дней была прервана связь с несколькими немецкими соединениями, командование группы армий было вынуждено списать как потери пять корпусов вместе с их штабами и 18 дивизий, оказавшихся в двух котлах окружения. Продолжая продвижение на запад, советские войска в тот же день вышли к Турну-Северину, в 15 км к юго-востоку от прохода Железные Ворота. К вечеру Й. Фриснер понял, что ему придется отвести 6-ю и 8-ю армии за Муреш, но решил выждать день или два, достаточный срок, чтобы уравновесить неудачи отступавших немецких войск и впечатляющий успех устремившихся вперед венгерских союзников. (Только в ходе Яско-Кишиневской операции с 20 по 29 августа немцы и румыны потеряли около 400 тысяч убитыми и пропавшими без вести (из них было пленено 208,6 тыс. человек), уничтожено к 3 сентября 490 танков и штурмовых орудий, 1,5 тыс. орудий, 298 самолетов; советские войска захватили более 2 тыс. орудий, 340 танков и штурмовых орудий, около 18 тыс. автомашин, 40 самолетов и др. Потери советских войск: 13,2 тыс. убитыми и около 54 тыс. ранеными. — *Ред.*)

### **Восстановление линии фронта**

6 сентября венгерские войска продолжали наступление, правда, не такими высокими темпами, как в предыдущий день. Из штаба немецкой 6-й армии, куда были переданы правофланговые корпуса 8-й армии, поступили донесения о том, что русские заняли перевал Ойтуз и на южном фланге уже прошли через перевал Предал и соединились со своими соседями в районе Брашова. Й. Фриснер разрешил командованию армии в течение ночи начать отвод войск в случае, если давление противника будет слишком сильным. Он доложил Г. Гудериану, что венгерские войска вряд ли смогут занять

перевал Турну-Рошу, так как румыны запросили помощь у русских. Он уже переговорил с представителями венгерского командования, и те согласились с тем, что будет лучше отвести войска назад, сократив линию фронта.

На следующий день наступление венгерских войск было остановлено. Его результат сказался на событиях на участке фронта южнее. Советская 6-я танковая армия, продвигавшаяся в сторону прохода Железные Ворота, остановила наступление и повернула на север. Один из ее подвижных корпусов начал проходить перевал Турну-Рошу, а другой повернул в сторону перевала Вулкан. К полудню русские передовые части преодолели Турну-Рошу, прошли Сибиу и находились в 60 км от позиций венгерских войск. Й. Фриснер принял решение прекратить наступление венгерской 2-й армии и развернуть ее на выгодном оборонительном рубеже, укрепив оборону всеми имеющимися в его распоряжении немецкими противотанковыми средствами.

В немецкие 6-ю и 8-ю армии были отправлены приказы о том, что отступление должно было начаться той же ночью. Вечером того же дня оперативный отдел ОКХ от имени Гитлера передал приказ, запрещающий отступление. Когда из штаба группы армий ответили, что отступление уже началось, из оперативного отдела ОКХ пришло замечание, что Гитлер уведомлен об отходе на позиции в рамках первого этапа отступления, однако право принятия всех последующих решений оставляет за собой.

За пять дней до этого Гитлер лично проинструктировал Й. Фриснера быть готовым отойти еще на 60 км от предложенного им первоначально рубежа по реке Муреш. Теперь же он изменил свою точку зрения, поскольку, во-первых, Германии нужно было удержать последнего реально остававшегося у нее союзника (Венгрию) и, во-вторых, потому, что он нашел новое оригинальное объяснение русской стратегии.

Первая причина требовала принятия более срочных мер. Венгрия, которая никогда не была опорой коалиции с Германией, после капитуляции Румынии вошла в период острых политических потрясений. Хорти распустил все политические партии и провозгласил свою верность Германии. Казалось, что им движет в основном желание окончательно аннексировать румынскую Трансильванию, которую Гитлер всячески поощрял после того, как Румыния объявила войну Германии. Однако к 24 августа внутренняя обстановка в Венгрии стала настолько неопределенной, что по распоряжению ОКВ в район столицы были переброшены две дивизии СС, которые должны были находиться в готовности предотвратить попытку антигерманского переворота.

Однако события последующих нескольких дней оказались гораздо более обнадеживающими. Венгерские военные, которые особенно

стремились продемонстрировать свою лояльность альянсу, с удивительной в тех обстоятельствах энергичностью приступили к мобилизации сил для войны со своим старинным врагом Румынией. 30 августа министром-президентом был назначен генерал-полковник Геза Лакатош, который сменил на этом посту заболевшего Стои. Произведенные замены в составе кабинета министров позволили избежать нежелательных для Германии событий. Созданное при участии немцев весной правительство удалось сохранить. В то же время Хорти отстранил от власти праворадикальную, фанатично преданную Германии партию «Скрещенные стрелы» (во главе с Салаши. — *Ред.*).

Первые явные признаки опасности обнаружили 7 сентября, когда вымышленное известие о том, что русские заняли Арад, находящийся на незащищенном южном участке границы, в 200 км от Будапешта, породило молниеносное распространение паники. В тот день состоялась секретная встреча венгерского Коронного совета и начальника штаба армии. Был подготовлен ультиматум ОКХ: если в течение 24 часов в Венгрию не будут введены пять танковых немецких дивизий, страна сохраняет за собой право действовать так, как потребуют ее интересы. Г. Гудериан назвал такое требование «вымогательством», однако дал слово защищать территорию Венгрии так, как будто это часть Германии. Кроме того, Г. Гудериан обещал направить туда управление танкового корпуса и одну танковую дивизию. Позже в Венгрию должны были прибыть еще две танковые бригады и две танковые дивизии СС. Таким образом, общая численность переброшенных в Венгрию танковых частей составит примерно пять дивизий, как и запрашивала венгерская сторона. Поскольку обстановка в Венгрии была настолько нестабильной, Гитлер запретил войскам оставлять район Шеклер в Трансильвании даже после того, как Й. Фриснер и полномочный представитель немецких вооруженных сил в Будапеште заверили его, что венгерские войска все равно будут вынуждены оставить эти территории.

9 сентября Й. Фриснер отправился в Будапешт, где ему удалось убедить Хорти отдать письменное распоряжение на отступление. Беседы с Хорти, Г. Лакатошем и другими венгерскими руководителями оставили у него настолько тревожное впечатление, что он решил на следующий же день доложить об этом Гитлеру. В ставке фюрера Й. Фриснеру стала известна вторая причина, почему Гитлер так не хотел оставлять Шеклер. Гитлер пришел к выводу, что, вторгшись на Балканы (8 сентября войска 3-го Украинского фронта вошли в Болгарию), Советский Союз попытается воплотить старые амбиции России: политическая гегемония в Юго-Восточной Европе и контроль над Босфором и Дарданеллами. Это отодвинет на второй план наступление с целью вторжения на территорию Германии. Однако эти амбиции обязательно затронут интересы англичан, и ход войны должен будет измениться в пользу Германии, так как в Ан-

глии поймут, что Германия необходима им в качестве буфера между ними и Советским Союзом<sup>1</sup>.

Поскольку отступление уже началось, в конце разговора Гитлер согласился разрешить группе армий отвести свои войска на рубеж по реке Муреш с тем условием, чтобы месторождения марганца Ватра-Дорней оставались в руках немцев и чтобы войска продолжали оборонять этот рубеж и зимой. Кроме того, выслушав доклад Й. Фриснера, Гитлер решил на следующий день пригласить к себе для беседы начальника венгерского Генерального штаба.

10 сентября в Будапеште Хорти провел совещание с рядом видных политиков, а на следующий день он проинформировал правительство, что почти готов просить противника о перемирии и хотел бы знать, кто из министров готов разделить с ним ответственность за такой шаг. Все, кроме одного из членов кабинета министров, проголосовали против Хорти. (Он сам позже утверждал, что таких было трое.) Немцы узнали о результатах вскоре после того, как голосование завершилось. Кабинет потребовал, чтобы Хорти ушел в отставку. Он отказался, или, как Хорти написал в своих мемуарах, он принял решение не распускать кабинет.

Как бы то ни было, 12 сентября, когда начальник венгерского Генерального штаба прибыл в ставку фюрера, он прибыл туда как союзник. Опоздание на один день не могло не возбудить у Гитлера подозрений, и он заявил венгерскому военному атташе, что больше не верит венгерскому правительству. Визит начальника Генерального штаба, точно так же как встреча с Й. Антонеску в августе, прошел в обстановке взаимных упреков и обвинений, которые позже сторонам удалось замаскировать плотной завесой ничего не значивших обещаний. Перед отъездом Г. Гудериан вручил венгерскому генералу новый лимузин марки «Мерседес», которым тот успел попользоваться несколько недель, прежде чем он перешел к русским.

Отход войск группы армий «Южная Украина» на рубеж реки Муреш завершился 15 сентября. Армии Ф.И. Толбухина на какое-то время были заняты в Болгарии, а наступление фронта Р.Я. Малиновского развивалось не так стремительно, как ожидалось. Большое количество танков и грузовых автомобилей после преодоления перевалов в горах нуждалось в ремонте. В то же время новая угроза возникла на северном фланге, где 9 сентября попытался перейти в наступление и прорвать оборону немецкой 1-й танковой армии

---

<sup>1</sup> В то время разрыв между Советским Союзом и западными союзниками, какой бы отдаленной ни была его перспектива, являлся для Германии самым желанным развитием событий. Поэтому от подобной логики было трудно отказаться. После войны Й. Фриснер отмечал, что Гитлер говорил так, как будто точно знал дальнейшие события, а не выдвигал очередную теорию.

4-й Украинский фронт. Далее русские планировали развивать наступление в сторону Дукельского перевала в Бескидах, в Восточной Чехословакии, а также в направлении на Ужгород. На этом участке в тылу немецких войск в то время началось восстание в Словакии, во время которого на сторону восставших перешли военный министр и одна из дивизий словацкой армии.

Во время нахождения в ставке фюрера Й. Фриснер получил от Гитлера указание использовать направленные к нему новые дивизии в наступлении. Гитлер хотел, чтобы свежие силы были сосредоточены в районе города Клуж для нанесения удара в южном направлении с целью разгромить советские 6-ю танковую и 27-ю общевойсковую армии и вновь захватить перевалы Предял и Турну-Рошу. Й. Фриснер отдал соответствующий приказ 15 сентября, однако перспективы такого преждевременного начала не были благоприятными. Некоторые из предназначенных для наступления сил были задержаны в районе Будапешта в ожидании политических осложнений в Венгрии.

На фронте венгры, которые неплохо проявили себя в боях с румынскими войсками, были совсем не расположены вступать в прямые боевые столкновения с русскими. Для того чтобы как-то укрепить своих союзников, командование группы армий приняло решение объединить венгерские войска с немецкой 6-й армией в армейскую группу «Фреттер-Пико» по имени командующего 6-й армией генерала М. Фреттер-Пико. 17-го числа М. Фреттер-Пико доложил, что 2-я (венгерская) армия находится в катастрофическом положении и что одна из горнострелковых бригад попросту разбежалась.

В середине месяца советская Ставка также отдавала войскам новые приказы. Ф.И. Толбухин, который все еще был занят оккупацией Болгарии, должен был передать 46-ю армию Р.Я. Малиновскому. В свою очередь, фронту Ф.И. Толбухина передавалась конно-механизированная группа Плиева. Р.Я. Малиновский получил указания нанести главный удар от Клужа на северо-запад, в направлении на Дебрецен, реку Тиса и Мишкольц. Таким образом, фронт Р.Я. Малиновского одновременно оказывал содействие наступлению 4-го Украинского фронта на Ужгород и сам получал выгоду от этого наступления. Начиная с 16 сентября в течение недели 6-я танковая и 27-я армии безуспешно пытались овладеть Клужем, которому, по замыслу Гитлера, пришлось стать ключевым пунктом обороны группы армий «Южная Украина»<sup>1</sup>.

У Й. Фриснера было явно недостаточно сил для того, чтобы одновременно вести бои в районе Клужа и создавать фронт западнее.

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 282—283.

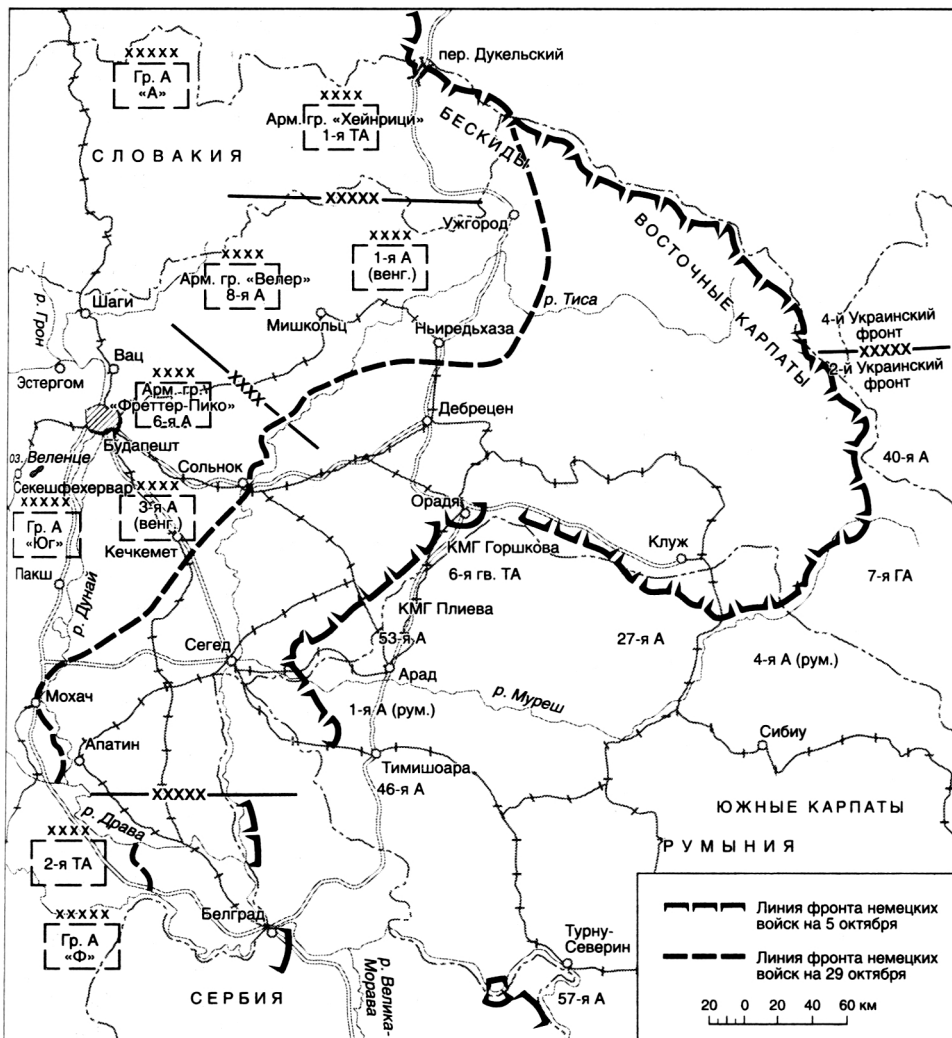
20 сентября в результате атаки незначительных сил русских венгерские войска, оборонявшие западный фланг группы армий, отошли к Араду. На следующий день венгры без боя оставили город. В то же время по приказу венгерского Генерального штаба была создана новая 3-я армия, состоявшая в основном из вновь призванной молодежи и резервистов, которые должны были удерживать фронт по обе стороны от Арада. С неохотой венгры передали новую армию в подчинение группы армий «Южная Украина».

Потеря Арада вызвала очередную волну паники, которая докатилась до Будапешта, несмотря на то что в штабе группы армий (с 23 сентября переименованной в группу армий «Юг») были уверены, что у Р.Я. Малиновского все еще было недостаточно сил в районе Арада для того, чтобы нанести удар на Будапешт. Немецкий военный представитель в Будапеште 23 сентября доложил, что венгерское командование полностью потеряло самообладание. Оно оттянуло 1-ю армию обратно к границе и планировало перебросить на запад две дивизии из состава 2-й армии, а 3-ю армию предполагалось отвести на реку Тиса. Но ОКХ вовремя остановило венгров и отменило их приказы. «В связи с обстановкой в Венгрии» Г. Гудериан направил несколько сильных немецких танковых частей в район Будапешта «на отдых и переформирование».

Нервозность венгров если и была преждевременной, то ненадолго. Р.Я. Малиновский в это время перебрасывал свои главные силы на запад, в район Арад—Орадя, а у немцев было слишком мало сил для того, чтобы успевать реагировать на действия противника. 24 сентября Й. Фриснер обратился в ОКХ за подкреплениями, но из оперативного отдела поступил ответ, что там понимают его нужды, однако фюрер все еще убежден, что Советский Союз в первую очередь попытается добиться самого выгодного для себя решения балканского вопроса.

25 сентября части 6-й танковой армии, переброшенные из Клужа на запад, начали продвижение в район Орадя. Й. Фриснер проинформировал Гитлера, что следующий удар противник нанесет по рубежу Сегед—Орадя в направлении либо на северо-запад, на Будапешт, либо на север, вдоль реки Тиса, на соединение с войсками 4-го Украинского фронта, наступавшими через Бескиды. Не имея достаточно танков и пехоты, Й. Фриснер не мог остановить русских. Оперативный отдел ОКХ проинформировал его, что Гитлер приказал создать ударную группировку в составе четырех танковых дивизий в районе Дебрецена. Силами этой группировки предполагалось нанести удар в южном направлении, но это не могло быть сделано до 10 октября. До этого момента Й. Фриснеру придется собрать все имевшиеся у него силы и попытаться остановить русских в районе Сегед—Орадя.

К концу месяца Гитлер начал реализовывать свой план создания ударной группировки. Наступление должно было осуществляться в



Карта 31. Группа армий «Юг». 5 октября — 29 октября 1944 г.

южном направлении через район Орадя и далее развиваться в западном направлении вдоль Южных Карпат. В результате в ловушке должны были оказаться все русские войска, находившиеся севернее гор. Покончив с противником, группа армий «Юг» смогла бы организовать в горах зимний оборонительный рубеж, который была бы в состоянии легко удерживать. Захватив город Орадя 26 сентября и потеряв его через два дня после контратаки немецких войск, наступление 2-го Украинского фронта сменилось бесцельными перестрелками.



Советская Ставка также находилась в поиске быстрых и радикальных решений (см. карту 31). По ее приказу Р.Я. Малиновский развернул на широком фронте севернее и южнее Арада 46-ю и 53-ю армии и конно-механизованную группу Плиева, которые должны были наносить удар вдоль реки Тиса на Будапешт. На правом фланге получившая звание гвардейской 6-я танковая армия должна была наступать через Орадя в направлении на Дебрецен, Тису и Мишкольц навстречу войскам 4-го Украинского фронта, наступавшим через Дукельский перевал и в направлении на Ужгород. Когда эти клещи сомкнутся, в них окажутся группа армий «Юг», а также 1-я танковая и 1-я венгерская армии. 27-я армия, 1-я румынская армия и конно-механизованная группа Горшкова должны были наступать в направлении на Дебрецен из района Клуза. Координатором действий фронтов от имени Ставки был С.К. Тимошенко<sup>1</sup>.

План был грандиозным, даже чересчур. На этом этапе боев русские уже не обладали необходимым количеством людей и техники для создания наступательных группировок достаточной мощности. К концу лета на обоих фронтах сказывались результаты долгих боев и продолжительных маршей. Линии снабжения были перенапряжены. Из-за разницы в ширине колеи русские могли еще меньше надеяться на румынские железные дороги, чем немцы. Поэтому войска 2-го Украинского фронта при осуществлении любых операций западнее Днестра могли рассчитывать в основном на автомобильный транспорт. Армии Р.Я. Малиновского были разбросаны так широко, что могли получать лишь половину того, что было необходимо советским войскам в наступлении<sup>2</sup>.

Не внушало оптимизма и продвижение 4-го Украинского фронта через Дукельский перевал, который рассматривался в качестве предпосылки к крупной наступательной операции: с самого начала наступление продвигалось медленно, а к концу месяца войска практически встали. К началу следующего месяца советское наступление в районе Дукельского перевала стало приносить результаты. Частично сказалось то, что Гитлер приказал забрать из этого района танковую дивизию, которую рассчитывал использовать при создании контратакующей группировки. 6 октября перевал был захвачен советскими войсками. В то же утро перешли в наступление армии Р.Я. Малиновского. Венгерская 3-я армия поспешила отступить. Однако в районе Орадя советская 6-я гвардейская танковая армия была остановлена немецкими войсками.

8 октября, когда войска Р.Я. Малиновского левым флангом выходили к Тисе, он приказал конно-механизованной группе Плие-

---

<sup>1</sup> Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. П.А. Жулина. Т. 4. С. 382.

<sup>2</sup> Там же. С. 383.

ва развернуться и нанести удар в юго-восточном направлении, в тыл немецкой группировке в районе города Орадя. Немецкая оборона была прорвана<sup>1</sup>.

К исходу дня советские танковый и кавалерийский корпуса находились западнее Дебрецена. Й. Фриснер вопреки протестам фюрера приказал армейской группе «Велер» начать отход с рубежа реки Муреш<sup>2</sup>.

В распоряжении группы армий все еще имелась одна танковая дивизия в районе Будапешта и еще одна, которая должна была войти в создаваемую ударную группировку в районе Дебрецена. 10 октября эти дивизии нанесли удары в восточном и западном направлениях, во фланги наступающим советским войскам. Ночью того же дня немецкие клинья встретились. В результате три советских корпуса оказались отрезанными. Командование группы армий уже предвкушало «очередные Канны». Гитлер приказал О. Вёлеру остановить свои войска на следующем промежуточном рубеже.

На следующий день, когда советская 6-я гвардейская танковая армия, пытаясь выручить свои окруженные корпуса, навязала немцам тяжелейшие бои, было уже не так понятно, кто же из противников все-таки сумел загнать соперника в ловушку. На широкой венгерской равнине разыгралось одно из самых ожесточенных танковых сражений войны. Р.Я. Малиновский остановил наступление остальных своих армий. К 12 октября попавшие в котел русские войска прорвали кольцо окружения, и Й. Фриснер отдал приказ армейской группе «Велер» снова начать отход. 14-го числа русские зачищали котел, и группа армий «Юг» приступила к сосредоточению войск с целью не допустить нового советского наступления на север. В районе южнее Дукельского перевала 4-й Украинский фронт снова начал медленно продвигаться вперед. Кроме того, русские пытались воспользоваться несколькими меньшими перевалами, расположенными восточнее.

Во время сражения в районе Дебрецена немцы понимали, что они, по выражению одного из офицеров ОКХ, «совершают танец на вулкане». Они сознавали, что кризис в Будапеште может разразиться в любой день и даже в любой час. Эти подозрения имели под собой почву. В конце сентября Хорти направил в Москву своих представителей, которые должны были начать переговоры о перемирии. К 11 октября стороны подготовили и подписали проект соглашения о прекращении боевых действий без указания точной

---

<sup>1</sup> Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. П.А. Жилина. Т. 4. С. 383.

<sup>2</sup> После того как была сформирована армейская группа «Фреттер-Пико», в нее вошла венгерская 3-я армия. Венгерская 2-я армия была передана в 8-ю армию. За счет этих войск была создана армейская группа «Велер».

даты. Для того чтобы быть готовым к любым неожиданностям, Гитлер направил в Венгрию двух своих «специалистов», генерала СС фон дем Бах-Зелевски и полковника СС Отто Скорцени. Фон дем Бах-Зелевски к тому времени уже имел большой опыт подавления восстаний, последнее из которых только что произошло в Варшаве. О. Скорцени командовал группой отчаянных головорезов, которым удалось освободить Б. Муссолини.

Кризис в Венгрии удалось разрешить с гораздо меньшим кровопролитием, чем этого ожидали в Германии. Как пожизненный венгерский глава государства, Хорти пользовался большим личным авторитетом, однако власть постепенно ускользала у него из рук, а политические позиции в стране были серьезно подорваны. В самом начале октября партии, входившие в парламентское правое крыло, создали направленную против Хорти провоенную, прогерманскую коалицию, которой удалось заручиться поддержкой большинства депутатов. Армия оказалась расколотой; некоторые генералы и многие старшие штабные офицеры выступали за продолжение войны. 8 октября гестапо был арестован начальник столичного гарнизона, один из наиболее преданных сторонников Хорти, который мог бы оказать ему самую серьезную поддержку. 15 октября гестапо арестовало сына Хорти, игравшего ключевую роль в попытках договориться с русскими о перемирии.

Советский Союз потребовал от Венгрии выполнения положений соглашения о перемирии до 16 октября. Во второй половине 15-го числа по радио было передано заявление Хорти, в котором он принимал эти условия. К тому времени он остался совершенно один. Правительство Лакатоша подало в отставку под предлогом, что оно не могло принять условий перемирия, а парламент вообще не был поставлен в известность о введшихся переговорах.

На следующее утро под аккомпанемент редких выстрелов немецкие войска захватили королевский дворец и убедили Хорти «попросить» политического убежища в Германии. В своем последнем официальном документе, составленном при «содействии» немецкой стороны, Хорти назначил своим преемником Ференца Салаши, лидера партии «Скрещенные стрелы». Ф. Салаши, которого до этого все отличали только по характерной для него бессвязности в речи и письме, присвоил себе титул Nador (вождь) и объявил, что принимает все права и обязанности принца-регента.

17 октября Г. Гудериан в приказе, провозглашавшем выигрыш в политической битве за Венгрию, объявил, что следующим шагом должно стать обеспечение отправки как можно большего количества немецких и венгерских войск на фронт. О том, как этого добиться на практике, он не сказал. С военной точки зрения немцы действительно выиграли, так как в случае успеха Хорти заключить перемирие с русскими этот участок фронта немедленно развалился бы.

Но этим весь выигрыш исчерпывался. Моральный дух в венгерской армии был низок, как никогда прежде. Некоторые офицеры, в том числе начальник штаба венгерской армии, иногда целые подразделения и очень часто отдельные группы солдат дезертировали к русским. Потом дезертиры подбивали к тому же остальных венгерских солдат, обещая им, что, когда они попадут на территорию, занятую советскими войсками, их сразу же отпустят по домам.

Вечером 16 октября Гитлер приказал группе армий «Юг» довести до конца сражение в районе Дебрецена. Одновременно он приказал армейской группе «Велер» отступить к Тисе. В то же время Р.Я. Малиновский перегруппировал южнее Дебрецена свои подвижные соединения в составе дивизий 6-й гвардейской танковой армии и двух конно-механизированных групп. 20 октября конно-механизированная группа Плиева прорвала оборону немцев и вышла за Дебрецен, а еще через два дня она заняла город Ньиредьхазу, оседлав главную линий коммуникаций армейской группы «Велер»<sup>1</sup>.

Армейская группа, в состав которой к тому времени вошла венгерская 1-я армия, ее сосед слева, удерживала оборонительный рубеж в виде арки, центр которой находился в 120 км восточнее города Ньиредьхазу. Первой мыслью Й. Фриснера было оттянуть войска армейской группы на север и на запад с тем, чтобы обойти Ньиредьхазу. Но начальник штаба группы армий сумел убедить его попытаться совершить более смелый маневр, а именно развернуть правый фланг войск О. Вёлера кругом и нанести удар в западном направлении на Дебрецен и Ньиредьхазу. В то же время танковые дивизии 6-й армии, находящиеся между Тисой и Ньиредьхазой, нанесут удар в восточном направлении, во фланг русским.

Этот маневр был подготовлен с талантом и точностью, характерными для дней блицкрига. 23 октября две наступающие немецкие группировки встретились, отрезав в районе Ньиредьхазы три советских корпуса. Прежде чем русским удалось прорвать кольцо окружения, против них были брошены с востока практически все силы армейской группы «Велер» (т. е. двух армий — 8-й и 1-й венгерской. — *Ред.*). Через три дня немецкие войска снова заняли Ньиредьхазу. 27 октября оставшиеся в живых солдаты окруженных корпусов, потеряв в боях почти всю тяжелую технику, прорвались на юг (29 октября советские войска после ожесточенных боев снова заняли Ньиредьхазу. — *Ред.*).

В тот день впервые за последние два месяца группе армий «Юг» удалось создать сплошной фронт. На севере линия фронта восточнее Тисы огибала город Ньиредьхазу, далее следовала вдоль среднего

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 384.

течения Тисы до района ниже Сольнока, где под углом уходила от реки через Кечкемет к Дунаю в районе городов Байя и Мохач. Там она примыкала к фронту группы армий «Ф» в районе устья реки Драва. Но такой фронт невозможно было удерживать длительное время. Река Тиса протекала по равнинной местности и не давала преимуществ оборонявшемуся. Русские ранее легко выбили венгерскую 3-ю армию с гораздо более выгодных позиций, чем та открытая местность между Тисой и Дунаем, которую ей теперь приходилось удерживать.

## **Глава 17**

### **ОТСТУПЛЕНИЕ И ОКРУЖЕНИЕ**

#### **Балканский полуостров**

Немецкий Юго-Восточный театр чисто в балканских традициях не имел никакой системы (см. карту 32). Ему достались по наследству многочисленные характерные для этого региона проблемы, к которым добавились новые, появившиеся после вторжения стран оси: оккупация тремя государствами (Германия, Италия, Болгария), безжалостное расчленение Югославии Гитлером, клубок интересов и противоречий — немецких, итальянских, болгарских, националистов, находящихся у власти, националистов-сепаратистов, коммунистов. Сюда же следует отнести попытки западных союзников и Советского Союза создать антинемецкое сопротивление, которое смогло бы сыграть решающую роль тогда, когда будет решаться послевоенное будущее региона. Весной 1943 г. союзники сделали серьезную заявку на участие в будущем обустройстве Балкан, высадив на Юго-Восточном театре (в Италии) морской десант. В 1944 г. русские прорвались сюда с востока.

До августа 1943 г. большую часть территории театра удерживала Италия, которая захватила западную треть Хорватии, Черногорию, выросшую в размерах Албанию и две трети Греции. Германии отошла северная часть Словении, она оккупировала Сербию, часть Македонии в районе Салоник, полосу греческих земель вдоль границы с Турцией, город Пирей, острова в Эгейском море и Крит. Болгария получила западную часть Фракии и югославскую Македонию. Венгрия также получила часть югославских территорий севернее Дуная. Хорватия (включая Боснию и Герцеговину) образовала полусамостоятельное государство во главе с доктором Анте Павеличем и движением уставшей. После того как Италия сдалась союзникам, Германия оккупировала и итальянскую часть оккупированных территорий. Кроме того, несколько увеличилась болгарская часть. В Албании и



Карта 32. Юго-Восточный театр. Сентябрь 1944 — январь 1945 г.

Черногории, как и в урезанных Сербии и Греции, были созданы марионеточные правительства.

После капитуляции Италии полномочия германской администрации на Балканах значительно расширились. Нехватку в войсках удалось ликвидировать лишь частично, в основном за счет формирования коллаборационистов. Некомплект в командных кадрах ликвидировался более щедро. Гитлер назначил главнокомандующим на Юго-Восточном театре (Oberbefehlshaber Suedost) фельдмаршала М. Вейхса. Одновременно фюрер сделал его собственным подчиненным, назначив на должность командующего группой армий «Ф». В качестве первого М. Вейхс являлся главным военным начальником на театре; в качестве второго он осуществлял оперативное руководство войсками в Югославии и Албании. Для того чтобы была обеспечена оборона Адриатического побережья, М. Вейхсу было передано управление 2-й танковой армией. Оперативное управление в Греции и на островах перешло к командующему войсками группы армий «Е» генерал-полковнику Александру Леру. На ступень ниже командования войсками на театре стояло организованное ОКВ Военное командование на Юго-Востоке, которому подчинялись территориальные военные формирования и которое отвечало за взаимодействие с марионеточными режимами в регионе.

Командование на Юго-Восточном театре выполняло две основные военные задачи: оборона побережья Балканского полуострова и борьба с повстанческими формированиями на его территории. Из-за гористой местности, а также в связи с тем, что Германия не могла себе позволить держать на второстепенном участке достаточное количество подвижных сил, оборона побережья была статичной. М. Вейхс был вынужден расположить свои силы равномерно, тонкой линией, на обширной территории. Некоторые наиболее боеготовые части находились на Крите и на островах Эгейского моря. К весне 1944 г. они оказались абсолютно изолированными; сообщение с ними поддерживалось с помощью авиации и небольших судов. Войск для проведения эффективных антипартизанских операций было недостаточно. С другой стороны, немцам удавалось использовать в своих интересах вражду между различными повстанческими движениями. Первое повстанческое движение на Балканах было организовано еще до кампании 1941 г. полковником Д. Михайловичем. Повстанцы называли себя четниками и прекратили борьбу после оккупации Югославии. Но после того, как в стране активизировались партизаны под командованием Иосипа Броз Тито, четники стали действовать в основном против партизан. Занимавший до мая 1944 г. пост военного министра правительства Югославии в изгнании Д. Михайлович думал только о том, как обеспечить после войны восстановление монархии и доминирование в Югославии Сербии.

Партизаны Тито были самой многочисленной и эффективной повстанческой силой на Балканах.

Их силы еще более выросли после того, как им удалось завладеть рядом складов с оружием (в том числе танками и артиллерией), оставленными итальянцами. Кроме того, после конференции, прошедшей 28 ноября — 1 декабря 1943 г. в Тегеране, партизаны получили статус национально-освободительных сил, и им стала оказываться всесторонняя поддержка со стороны западных союзников и Советского Союза. И все же до осени 1944 г. немцам при поддержке четников и других националистов (прежде всего усташей) удавалось держать отряды Тито блокированными в горных районах в западной части Югославии, относившихся к итальянской зоне оккупации, где партизаны и прежде имели свои многочисленные опорные пункты.

В Греции партизанское движение, как коммунистического, так и националистического толка, развивалось медленнее и не шло ни в какое сравнение с борьбой югославских партизан. Несмотря на все усилия англичан объединить партизан в борьбе против немецких войск, они воевали в основном друг против друга. Когда коммунисты начали одерживать верх над националистами, последние договорились с немцами о перемирии, которое соблюдали до августа 1944 г.

Согласно немецкой стратегии, Юго-Восточный театр должен был в первую очередь создавать угрозу британским линиям коммуникаций в Восточном Средиземноморье. Кроме того, он должен был представлять собой противовес активности союзников в нейтральной Турции. К середине 1944 г. немцы уже не могли решать здесь ни одну из этих задач. С военной точки зрения, в том, что касалось активных боевых действий, театр стал, скорее, представлять собой обузу. Однако вывод войск из этого региона давал бы союзникам возможность создания новых плацдармов на Европейском континенте. Кроме того, после этого Турция, возможно, решила бы отказаться от нейтралитета. И наконец, это усилило бы и без того мрачные настроения, царившие в правительствах союзников Германии, таких как Болгария, Румыния и Венгрия.

Таким образом, немецкие силы на Юго-Восточном театре были связаны без особой пользы. Немецкие солдаты ожидали нападения с моря, в то время как главная угроза находилась как раз у них за спиной. Некоторые понимали, что такой удар возможен и что он принес бы с собой самые суровые военные и политические последствия. Однако никто не считал, что эту возможность следует рассматривать всерьез. Причина заключалась в той стратегической роли, которая отводилась Юго-Восточному театру Гитлером и командованием ОКВ. М. Вейхс мог догадываться, что в результате очередных тактических неудач на Восточном фронте и его войска



окажутся втянутыми в активные боевые действия. Однако прежде, чем такое могло случиться, связь между его театром и Восточным фронтом относилась к области большой стратегии, и ее оценка должна была осуществляться только на уровне Верховного командования. Кроме того, командуя театром, подчинявшимся ОКВ, М. Вейхс не имел прямого отношения к событиям на Восточном фронте. Его солдаты вели совершенно другую войну.

Первые явные изменения в положении на Юго-Восточном театре произошли в начале августа 1944 г. Разрыв Турцией отношений с Германией, о котором было объявлено 2 августа, дал возможность войскам союзников высадиться на островах Эгейского моря. Кроме того, болгарское правительство получило дополнительный толчок, в котором так нуждалось, для того чтобы наконец-то взять курс на выход из войны. В течение двух последующих недель Болгария восстановила консульские отношения с Советским Союзом и объявила об ограничении передвижения германских войск через свою территорию. Немцы никак не могли переломить ситуацию в свою пользу военным путем, поскольку все, чем они располагали в Болгарии, была небольшая военная миссия. М. Вейхс был не в состоянии выделить войска для этой страны, а болгарская армия, несмотря на ту незначительную роль, которую она сыграла в войне, была хорошо оснащена и имела на вооружении танки и самолеты немецкого производства.

17 августа премьер-министр Болгарии заявил в парламенте, что он «полон решимости устранить все препятствия на пути достижения мира»<sup>1</sup>.

М. Вейхс понял, что после того, как Болгария дезертирует, ему придется отвести свои войска из Греции обратно к югославской границе, поскольку фланги на востоке и со стороны морской границы с Фракией в этом случае окажутся безнадежно открытыми. Он не знал о тех сомнениях, которые испытывал его коллега Й. Фриснер на Восточном фронте относительно Румынии, и, в свою очередь, Й. Фриснер до самого последнего момента ничего не знал о событиях в Болгарии. Каждый генерал принимал за данность то, что у его коллеги все в порядке, и конечно же оба были уверены в том, что Гитлер твердо контролирует политическую обстановку.

23 августа М. Вейхс находился в ставке фюрера, где его застигло известие о том, что Румыния выходит из войны. В связи с событиями в Румынии и Болгарии Гитлер принял решение о том, что фронт в Греции, в особенности на Пелопоннесе, следует считать передовым рубежом, откуда войска будут эвакуированы в случае наступле-

---

<sup>1</sup> Нью-Йорк таймс. 1944. 19 августа.

ния американцев и англичан. Отныне краеугольным камнем обороны должен был стать район, находящийся севернее, в Югославии. Наметила тенденция к отводу войск группы армий «Е» на север, где они должны были сосредоточиться вокруг железной дороги Афины—Салоники—Белград<sup>1</sup>.

25 августа Гитлер отдал приказ об эвакуации с территорий, которые грозили неожиданно превратиться в районы боевых действий, всех гражданских лиц, а также военнослужащих тыловых служб. Необходимость такого приказа была продиктована той паникой и неразберихой, которая возникла на территории Румынии при срочной эвакуации оттуда германских войск. Наличие такого своевременно отданного указания давало М. Вейхсу возможность не проявлять чрезмерную заботу об имуществе эвакуируемых лиц и сбросить с плеч бремя излишнего административного надзора. Эти проблемы особенно сказывались в Греции, где женщины, ученые и все те, кто намеревался внести свой личный вклад в дело «окончательной победы» в благополучные времена, теперь оказались в окружении памятников старины в полной уверенности в том, что именно их миссия была самой главной.

После того как Румыния капитулировала, Гитлер, М. Вейхс и ОКВ все еще намеревались выждать дальнейшего развития событий, даже несмотря на то что чувство благоразумия, состояние войск и исход сражения в Румынии, казалось, требовали принятия срочных решений.

Развернутые на Юго-Восточном театре силы нельзя было назвать ни очень гибким, ни надежным инструментом ведения войны. Численность войск на театре составляла 900 тыс. солдат и офицеров, включая контингенты ВМС и ВВС, а также то, что в Германии называлось *Wehrmachtsgefolge*, куда относились военнослужащие технических родов войск, военной администрации, полиции и прочие «иждивенцы», сопровождавшие армию на оккупированных территориях. Численность сухопутных войск составляла примерно 600 тыс. солдат и офицеров, которые были сведены в 38 дивизий и бригад, в том числе 7 болгарских дивизий и 9 дивизий, укомплектованных иностранными добровольцами, русскими, итальянцами, арабами и националистами из всех Балканских государств. К тому же 15 немецких дивизий и 7 крепостных бригад были далеко не первоклассными соединениями, большинство из них было недоукомплектовано, а личный состав недостаточно подготовлен. Часть личного состава дивизий и почти весь личный состав крепостных батальонов был набран из числа лиц старших возрастов, имевших ограничения для службы в вооруженных силах. Из примерно 300 тыс. солдат группы армий «Е» примерно 90 тыс. находились на островах. Здесь процент немецких

---

<sup>1</sup> *Вейхс М.* Дневник. Запись от 23 августа 1944 г.

солдат по отношению к иностранцам был несколько выше, чем на всем театре в целом. Именно там была развернута половина немецких дивизий и единственный немецкий крепостной батальон. Мобильность войск театра колебалась от низкой до нулевой. Линии коммуникаций были редкими и примитивно организованными. В распоряжении группы армий «Е» имелась одна-единственная железная дорога Афины—Салоники—Белград. Еще одна или две относительно нормальные дороги вели в Грецию через оккупированную болгарскими войсками Македонию.

26 августа М. Вейхс отдал приказ горнострелковой дивизии выдвинуться из Греции в Южную Сербию, развернувшись по соседству с болгарской оккупационной зоной. 30-го числа, будучи к тому времени уверенным в том, что выход Болгарии из войны является вопросом нескольких дней, он приказал горнострелковой дивизии остановиться в районе Ниша, а дивизии СС и авиаполевой дивизии ВВС — выдвинуться из Греции в болгарскую зону оккупации и закрепиться в районе Скопье, который являлся важным узлом шоссе и железной дорог<sup>1</sup>.

Командование ОКВ так же неспешно, как и М. Вейхс, подготовило «Приказ об обороне на Юго-Востоке», который был отправлен в войска 29 августа. Приказ предписывал М. Вейхсу развернуть резервы в районе Белград—Ниш—Салоники и начинать подготовку к отводу войск в Греции на рубеж остров Корфу — гора Олимп. Были установлены ограничения на отпуска с целью начать подготовку эвакуации войск с островов. Однако на тот период главной заботой ОКВ было скрыть от противника факт подготовки эвакуации.

В Болгарии, которая не находилась в состоянии войны с Советским Союзом, надеялись на то, что условия перемирия позволят им сохранить нейтралитет и не будут предусматривать оккупацию страны советскими войсками. Для того чтобы придать своей позиции больший вес, болгарские представители предложили Турции помощь в отражении попытки (к тому времени, можно прямо сказать, иллюзорной) вторжения со стороны Германии. Они потребовали вывода с территории Болгарии немецкой военной миссии. Немецкие военнослужащие, которые пытались укрыться в Болгарии, перейдя границу с Румынией, были интернированы. Но переговоры, которые болгарская сторона вела с советскими представителями в Турции, зашли в тупик.

2 сентября, в день, когда русские вышли к болгарской границе в районе Джурджу на Дунае, в стране было сформировано новое правительство. Еще через два дня Болгария в одностороннем порядке

---

<sup>1</sup> *Вейхс М.* Дневник. Запись от 30 августа 1944 г.

объявила о прекращении состояния войны с союзниками и возврату к политике полного нейтралитета. Но для русских этого было недостаточно. Под предлогом того, что нейтральная Болгария может стать убежищем для отступающих немецких войск, Советский Союз 5 сентября объявил этой стране войну.

Вечером 8 сентября, после того как днем того же дня войска 3-го Украинского фронта перешли границу, Болгария объявила войну Германии. К тому времени перегруппировка немецких войск уже шла полным ходом. Германская военная миссия покинула территорию страны. В Македонии немцы без особого труда разоружили и интернировали болгарский оккупационный корпус. В районе Скопье солдаты трех болгарских дивизий, побросав оружие и технику, скрылись в горах. В районе Прилепа несколько полков болгарской армии вступили с немцами в бои, которые продолжались и на четвертой неделе месяца.

После капитуляции Румынии и предательства Болгарии в Восточном фронте образовалась брешь шириной до 700 км от венгерской границы до Эгейского моря. Немецкое командование на Юго-Восточном театре должно было организовать на этом участке хоть какую-то оборону. На тот момент наиболее опасное положение сложилось на юге, где, в случае если группе армий «Е» удастся вывести свои войска с территории Греции, было необходимо создать фронт восточнее рубежа Салоники—Скопье—Ниш. 9 сентября М. Вейхс перенес разграничительную линию группы армий «Е» к району севернее Клисурь и добавил в зону ответственности группы армий территорию Албании. В результате генералу Лееру достался наиболее уязвимый узкий маршрут отступления. Часть войск группы армий «Е» уже находилась в Македонии. Другие продолжали прибывать в Салоники с островов. К середине месяца группе армий удалось перекрыть перевалы на довоенной границе с Болгарией и обустроить оборонительный рубеж по реке Стримон. Озабоченность вызывала нехватка транспорта, а также необходимость полностью укомплектовывать подразделения, прибывавшие с островов.

В зоне ответственности группы армий «Е», в районе между Клисурой и перевалом Железные Ворота, передовые части советской 6-й гвардейской танковой армии вышли 5 сентября к Турну-Северину. В то же время отправленная на восток для обороны прохода Железные Ворота немецкая моторизованная бригада из-за разрушенных в результате воздушных ударов мостов была задержана в районе Белграда. После того как 6 сентября русская 6-я танковая армия повернула на север, командующий немецкими войсками на Юго-Восточном театре организовал слабый фронт, который проходил через югославскую границу и пересекал реку Дунай западнее

Железных Ворот. В середине месяца М. Вейхс направил часть сил дивизии и два батальона полиции в зону ответственности группы армий «Южная Украина» с задачей попытаться занять и удерживать Тимишоару, южный проход на равнинную местность в Венгрию и Банат. Немецкая 2-я танковая армия получила задачу на какое-то время оставаться на прежних позициях и обеспечивать оборону Хорватии в том случае, если Венгрия (и Хорватия по ее примеру) попытается капитулировать.

То, что группа армий «Е» не может больше оставаться на территории Греции и что задача своевременного вывода оттуда войск становится все более сложной, а может быть, и невыполнимой, понимали на всех уровнях командования германскими вооруженными силами. Но М. Вейхс не позволял себе действовать в спешке, что, по-видимому, устраивало Гитлера и ОКВ. 10 сентября он заявил, что все еще не готов принять решение. Он сообщил Лееру, что решение будет зависеть от развития событий в Македонии, и командование войсками на театре должно будет отдать приказ, когда наступит подходящий момент.

В то же время, к немалому удивлению немцев, их войска покидали острова по воздуху, иногда морем, и никто не пытался им помешать. Как выразился М. Вейхс, ему казалось, что союзники дали его солдатам «зеленый свет». И его, и остальных представителей немецкого командования, и в особенности Гитлера, поражало то, что англичане и американцы, уничтожая маршруты отступления немецких войск из Греции, в то же время позволяют немецким солдатам беспрепятственно покидать острова.

1 сентября военно-воздушные силы союзников на Балканах начали операцию Ratweek. Ее целью было отрезать пути отступления немцев из Греции и Югославии, а также помочь повстанцам Тито прорваться на восток, в Сербию, навстречу советским войскам, наступающим с территории Румынии. В результате мощных авиаударов 3 сентября были парализованы все транспортные артерии, ведущие через Ниш, и практически выведены из строя все мосты через реки Дунай и Сава в районе Белграда. Эти удары, а также атаки на шоссейные и железные дороги, возможно, не настолько помогли партизанам, как ожидалось. Однако до того, как немцам удалось устранить повреждения, они расстроили переброски немецких войск в Восточной Югославии. В ряде случаев это привело к фатальным последствиям, как, например, с переброской моторизованной бригады в район прохода Железные Ворота. Кроме того, было парализовано все транспортное сообщение, за исключением полетов авиации, с Грецией.

Необъяснимая, по мнению представителей Германии, тактика союзников заставила Гитлера и его окружение в ОКВ поверить в то, что англичане хотели бы, чтобы немецкие войска были выведены с островов, но оставались в Греции как политический фактор в каче-

стве противовеса русским. 15 сентября Гитлер утвердил приказ о полной эвакуации войск с островов и одновременно отдал указание М. Вейхсу «использовать в своих интересах сложившуюся в отношениях между Советским Союзом и союзниками ситуацию в связи с явно пассивной позицией последних в отношении вывода германских войск».

Это намерение не удалось воплотить в жизнь. В тот же день в результате внезапного налета бомбардировочной авиации английских и американских союзников были выведены из строя немецкие аэродромы в районе Афин. При этом было уничтожено и повреждено значительное количество немецких транспортных самолетов Ju-52. Еще через несколько дней британские военные корабли, в том числе авианосцы, имевшие ночные истребители, вошли в Эгейское море. После этого потери немцев при осуществлении перелетов с континента на острова и обратно значительно возросли.

Гитлер тем не менее продолжал видеть в отсутствии попыток высадки войск союзников в континентальной Греции все более растущие противоречия в стане своих врагов и намеревался этим воспользоваться. Похоже, что до него так и не дошло, что англичане и американцы могли быть полностью заняты событиями на других театрах, а также то, что в тот момент ни западные державы, ни Советский Союз не желали рисковать и идти на возможный конфликт на Балканах, что нашло отражение в подписанном в октябре того года в Москве У. Черчиллем и И.В. Сталиным соглашении по Балканам<sup>1</sup>.

На третьей неделе сентября командование на Юго-Восточном театре получило данные о начале подготовки советского наступления на восточном участке фронта. В Румынии, севернее Южных Карпат, 2-й Украинский фронт выдвинул 53-ю армию в район Арад—Тимишоара. Южнее горных районов передовые части 46-й армии, продвигавшиеся на север через Дунай с территории Болгарии, вышли в район Турну-Северина. Еще одна армия 3-го Украинского фронта — 57-я, по полученным данным, продвигалась из района южнее Дуная на запад, в сторону границы между Югославией и Болгарией. Наиболее опасным было внезапное увеличение количества советских военных самолетов на аэродромах Западной Болгарии и Румынии. Данные аэрофотосъемки, выполненной 19 сентября, подтвердили наличие на двух аэродромах в окрестностях Софии 372 русских самолетов.

Болгары также разворачивали свои вооруженные силы вдоль границы. 22 сентября в стране была объявлена общая мобилизация. Даже если реальные возможности армии Болгарии вызывали сомне-

---

<sup>1</sup> Эрман Д. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945 гг. Лондон, 1956. Т. 6. С. 41—43; Черчилль У. Вторая мировая война. Триумф и трагедия. Бостон, 1953. С. 226—238.

ния, как и то, примет ли она участие в боевых действиях вообще, — все это явилось для германской стороны неприятным сюрпризом. Немцы были уверены в том, что болгарские вооруженные силы после капитуляции подвергнутся разложению.

18 сентября М. Вейхс получил от ОКВ разрешение на эвакуацию о. Корфу и начало отвода войск в Западной Греции с побережья. Через два дня он направил «в качестве рабочего материала для решения фюрера» свою оценку обстановки, где обращал внимание на перемещения советских и болгарских войск, а также на возможность того, что в результате Гитлер «вскоре внезапно окажется перед лицом необходимости принятия фундаментального решения в отношении Греции». В своем дневнике он пишет, что 21 сентября у него еще не было окончательной позиции по этому вопросу. М. Вейхс считал, что вскоре должно было начаться наступление войск противника на важнейшем участке Скопье—Ниш, в результате которого войска группы армий «Е» могут оказаться отрезанными. Кроме того, приближался момент, когда ему придется отказаться от полетов авиации на острова в Эгейском море, так как самолеты понадобятся для усиления войск на Македонском фронте. Когда следует принять такое решение? А. Лер настаивал на том, чтобы оно было принято немедленно. Однако М. Вейхс рассудил, что помимо усиления авиации противника ничто больше не указывало на то, что русские намерены что-либо предпринять. Если бы они действительно хотели этого, то это наступление было бы осуществлено столь стремительными темпами, что никакое решение не смогло бы спасти войска Лера. Тем не менее Вейс считал, что в жизни все возможно, и все события в Македонии диктуют лишь то, чтобы он эвакуировал своих солдат с островов. Очевидно, в тот момент М. Вейхсу не приходила в голову мысль о том, что придется эвакуировать войска со всей территории Греции.

Противник никак не хотел помочь генералу найти выход из затруднительного положения, в котором он оказался. Русские продолжали продвигаться вперед, но совсем не так стремительно и настойчиво, как можно было от них ожидать. Несмотря на потери, полеты германской авиации к островам продолжались с двойной интенсивностью; к началу следующего месяца их число ежедневно составляло 44. Даже несмотря на то что А. Лер отвел все свои войска на Пелопоннесском полуострове на два северных плацдарма, один из которых находился в районе города Патры, а второй — на Коринфском перешейке, единственным признаком того, что союзники обратили на это внимание, стала высадка британских войска 21 сентября на южной оконечности полуострова, в районе острова Китира.

Пока русские, как казалось, дают ему время, немецкое командование на Юго-Восточном театре отчаянно пыталось собрать все свои

силы в кулак. Фронт на востоке был слишком слабым. Линии коммуникаций к фронту и на флангах постоянно выводились из строя в результате налетов авиации и действий партизан.

Командование войсками на театре собиралось вести боевые действия, имея пестрый даже для немецкой армии того времени состав частей и соединений. Кроме того, в тылу находились партизаны Тито, жаждущие захватить самый ценный для них приз — территорию Сербии со столицей Белградом. В Греции командование группы армий «Е» располагало несколькими дивизиями, которые перебрасывались или были готовы к переброске на север. В то же время некоторые из частей, особенно прибывавших с островов, не имели соответствующего вооружения и не обладали мобильностью, из-за чего их переброска осуществлялась слишком медленно.

22 сентября войска 3-го Украинского фронта, не дожидаясь, пока противник закончит развертывание своего фронта, форсировали Дунай в районе излучины к западу от Турну-Северина. На первом этапе у русских едва хватало сил для борьбы с передовыми немецкими частями, из-за чего их продвижение было незначительным. Однако к 25 сентября М. Вейхс начал проявлять беспокойство. Он принял решение бросить в бой 1-ю горнострелковую дивизию с задачей очистить от противника излучину Дуная. К тому времени одна из дивизий Ф.И. Толбухина уже находилась на противоположном берегу реки, и еще четыре готовились к переправе.

Рано утром 27 сентября в штаб М. Вейхса в Белграде поступило донесение о том, что войска 2-го Украинского фронта левым флангом продвигаются в западном направлении между городом Тимишоары и Дунаем. В распоряжении немецкого командования имелись части двух дивизий СС в районе Тимишоара и одна моторизованная бригада севернее прохода Железные Ворота. Однако между ними немецких войск не было совсем. Немцы предположили, что, скорее всего, русские предпочтут наступление через Тимишоару на северо-запад, в Венгрию. Но уже тогда М. Вейхс заподозрил, что должно было произойти: два удара с востока, по обе стороны от Дуная в направлении на Белград; при этом советские войска получают поддержку партизан Тито. Но он все равно не стал ничего предпринимать<sup>1</sup>.

Несмотря на то что моторизованная бригада в районе севернее Дуная находилась в сложном положении и к 28-му числу была почти окружена, контрудар южнее реки развивался успешно.

29 сентября в штабе М. Вейхса постепенно пришли к единодушному мнению, что, по крайней мере, «не следует упускать из виду» вероятность того, что главной целью развернутых между Тимишоарой и Дунаем советских 46-й армии и 75-го корпуса является Бел-

---

<sup>1</sup> Вейхс М. Дневники. Запись от 27 сентября 1944 г.



град. В тот день М. Вейхс принял решение о переброске из Греции помимо егерской дивизии, которая уже находилась в пути, двух полков, одного воздухом, а второго — по железной дороге.

30 сентября М. Вейхс и его штаб впервые встревожились понастоящему. Севернее Дуная против трех русских корпусов немцы имели всего 7 с половиной батальонов неполного состава; южнее реки немецкая 1-я горнострелковая дивизия была вынуждена вести бои против четырех или даже пяти дивизий противника. И там и здесь русские имели, по крайней мере, такое же количество войск в резерве. М. Вейхс снова и снова задавал себе вопрос: что должно предпринять группа армий «Е»; он понимал, что срочно необходимо принимать решение<sup>1</sup>.

К 2 октября командование немецкими войсками на театре полнотью сознавало, что обстановка была практически безнадежной. Из-за плохих метеоусловий предназначенный к переброске по воздуху полк оставался в Греции. Никто не мог предсказать, когда по железной дороге прибудет второй полк. Первые эшелоны с частями егерской дивизии только начали прибывать в Белград; путь до югославской столицы занял 14 дней.

2 октября оперативный штаб ОКВ начал поторапливать М. Вейхса с назначением даты эвакуации войск из Греции. Тот пообещал дать ответ через 24 часа. На следующий день М. Вейхс и А. Лер приняли решение о том, что подготовка к эвакуации должна завершиться до 10 октября. Командование войсками на Юго-Восточном театре приказало группе армий «Е» эвакуировать войска из Албании, Южной Македонии и Греции. Полеты немецкой авиации на острова должны были продолжаться до тех пор, пока в Греции оставались запасы топлива, а аэродромы находились в руках немцев. Гитлер утвердил это решение.

В Сербии битва за Белград была немцами наполовину проиграна, не успев еще начаться. 4 октября русские вышли к Панчево, расположенном на северном берегу Дуная в 15 км ниже по течению от Белграда. Еще через два дня они захватили Панчево и вынудили немцев отойти на небольшой плацдарм, расположенный на противоположном от Белграда берегу реки. Для того чтобы спасти средства связи, М. Вейхс 5 октября перенес свой штаб из Белграда в Вуковар. В тот же день немецкое военное командование на Юго-Восточном театре было переименовано в армейскую группу «Сербия». М. Вейхс обратился в ОКВ за разрешением отвести 2-ю танковую армию с побережья на оборонительный рубеж в горах. Тем самым по инициативе М. Вейхса бывшее немецкое командование на театре было освобождено от административных функций, а 2-я танковая армия, на тот момент представлявшая собой

---

<sup>1</sup> *Вейхс М.* Дневники. Запись от 30 сентября 1944 г.

аморфную структуру, состоявшую из отдельных групп обороны побережья, должна была превратиться в тактическое объединение. Далее произошли два очень благоприятных для немецкой стороны события. К 3 октября были отремонтированы два железнодорожных моста в районе Кралево и Митровица, выведенные из строя в начале сентября, и теперь эшелоны с войсками могли следовать напрямую из Греции в Белград. Кроме того, к тому времени советская 46-я армия, левый фланг которой навис над Белградом, развернулась своими главными силами на северо-запад с целью принять участие в наступлении через Тису на территорию Венгрии.

Но все же М. Вейхс имел столько проблем, что был просто не в состоянии с ними справиться. К тому же время работало против него. В попытке очистить от противника излучину Дуная западнее Турну-Северина 1-я горнострелковая дивизия была вынуждена растянуть свой фронт вдоль границы с Болгарией. Сразу же после 1 октября русские пересекли границу за южным флангом дивизии, а партизаны, находившиеся в ее тылах, перерезали линии коммуникаций. Дивизия СС попыталась восстановить контакт с горнострелковой дивизией с юга, но войска 57-й советской армии продолжали прибывать с другой стороны границы, занимая все свободные участки на фронте от Бела-Паланки до района севернее Дуная.

Одному из русских механизированных корпусов удалось незамеченным продвинуться за Бор. 8 октября его части появились на реке Велика-Морава, в 80 км за линией фронта. Там до наступления темноты корпус переправился через реку и перерезал железную дорогу, ведущую в Белград с юга. В то же время партизаны вошли на территорию Сербии юго-западнее Белграда и западнее Ниша. 9 октября болгарская 1-я армия начала наступление через Белу-Паланку в направлении на Ниш.

М. Вейхс отдал команду войскам, прибывавшим по железной дороге с юга, выгрузиться в районе Крагуеваца и нанести удар в северном направлении с целью вернуть долину реки Морава (здесь, после слияния Западной и Южной Моравы, — Велика-Морава. — *Ред.*). Кроме того, 2-я танковая армия получила приказ о переброске своих войск на Тису и на Дунай, в район южнее Белграда.

2-я танковая армия, которая практически завершила отвод своих войск с побережья, могла перебросить на восток до двух дивизий, но это могло занять несколько недель. Пока же все, что можно было сделать, — это сосредоточить усилия командования армейской группы «Сербия» на обороне Белграда. Было принято решение собрать все силы, высвободившиеся в результате сокращения рубежа обороны югославской столицы (около одной дивизии), и нанести удар на восток, в район устья реки Велика-Морава, и соединиться там с 1-й горнострелковой дивизией. Далее планировалось начать продви-

жение вверх по течению этой реки навстречу противнику, наступающему с юга.

Наступление из Белграда на Велику-Мораву было успешным. 12 октября немцы вышли вверх по течению реки к Велике-Плане, в район переправы советских войск. Но было уже поздно. На этом берегу реки русские успели сосредоточить полнокровный механизированный корпус из состава 57-й армии. К полудню 13 октября советские пехота и танки развернулись в 10 км южнее Белграда для штурма города. В то же время 1-я горнострелковая дивизия нанесла контрудар на запад, в направлении реки Велика-Морава, где соединилась с войсками, контратаковавшими из района Белграда. Однако немцы оказались отрезанными группировкой советских войск в районе Белграда. По приказу М. Вейкса все войска в районе долины реки Велика-Морава перешли в подчинение командира 1-й горнострелковой дивизии генерал-лейтенанта В. Штеттнера фон Грабенхофена. Армейская группа «Сербия» должна была удерживать Белград до тех пор, пока эти войска не прорвутся через реку Сава. 2-я танковая армия должна была сосредоточить часть сил в районе южнее верхнего течения Савы на случай, если войскам В. Штеттнера придется двигаться далее на запад.

Вечером 14 октября советские войска (танки 4-го гвардейского танкового корпуса) и югославские партизаны (на броне русских танков) ворвались в Белград. К полудню следующего дня они заняли центр города. Армейская группа «Сербия» сосредоточила все войска, которые смогла собрать, в том числе батальон штурмовых орудий из состава 2-й танковой армии, на плацдарме вокруг моста через Саву. В течение дня 15 октября группа В. Штеттнера начала продвижение на запад. Его передовые подразделения вышли к Гроцке, в 25 км к юго-востоку от Белграда. На следующий день немцам удалось продвинуться на этом участке еще примерно на 15 км, но попытка выйти к городу 17-го числа провалилась. В. Штеттнер по радио заверил командование армейской группы «Сербия», что повторит попытку 18-го числа, после чего связь с ним по радио неожиданно прервалась, и с тех пор о нем не было никаких сведений. Через два дня с другого берега Савы прибыл офицер, из доклада которого следовало, что группа В. Штеттнера, потеряв всю тяжелую технику, стала отступать на запад, в направлении Савы.

19 октября по приказу командования армейской группы «Сербия» были эвакуированы войска с белградского плацдарма. 21 октября несколько тысяч солдат из состава группы В. Штеттнера переправились через Саву в районе Шабаца. В журнале группы армий «Ф» было зафиксировано 12 тыс. военнослужащих, но сделанные позднее записи свидетельствуют о том, что на самом деле их было значительно меньше. (В уличных боях в Белграде немцы и коллаборационисты потеряли с 14 по 20 октября 15 тысяч убитыми и 9 тысяч пленными. — *Ред.*)

После того как 15 октября немцы потеряли Ниш, М. Вейхс вообще не имел сплошного фронта на протяжении 200 км от Ниша до Белграда и не мог ничего с этим поделать. Он отдал приказ 2-й танковой армии двигаться от Белграда на север и остановить русских на рубеже, проходившем по рекам Тиса, Дунай, Сава, Дрина. Командование группы армий «Е», штаб которого располагался севернее Кралево, получило возможность продолжить отход по маршруту Скопье—Кралево—Вишеград. 2-я танковая армия должна была обеспечить возможность движения на участке Сараево—Вишеград. Прежнее решение командования группы армий «Е» предусматривало организацию обороны на рубеже Скутари—Скопье—Клисура. Теперь же ему предстояло отвести свои войска еще дальше на север и запад, в район Сараево—Мостар<sup>1</sup>.

Даже после потери Белграда и Ниша, а вместе с ними возможности организовать наиболее короткий маршрут эвакуации войск из Греции длительная нерешительность М. Вейхса по поводу судьбы группы армий «Е» все больше стала напоминать «осмотрительность мастера». А. Лер, которому была предоставлена более чем месячная отсрочка, успел за это время организовать эвакуацию гражданских лиц, тыловых служб и не нужной войскам техники. Кроме того, ему удалось обеспечить войска достаточным количеством гражданских транспортных средств для обеспечения минимального уровня мобильности. К назначенной дате 10 октября все части и соединения были готовы действовать. Были уточнены графики движения. Британская сторона, войска которой осторожно продвигались в глубь Пелопоннесского полуострова, ничего не предпринимала для того, чтобы воспрепятствовать отходу противника. Как раз в тот момент, когда группа армий «Е» начала движение, командование ВВС союзников на Балканах бросило большую часть авиации на поддержку действий англичан в Греции, почти перестав уделять внимание Югославии. Таким образом, немцы получили передышку на севере. При этом давление противника на юге усилилось совсем незначительно.

13 октября последние немецкие части оставили Афины. После короткой остановки на рубеже перевал Зигос (Мецовон) — Лариса 21 октября они возобновили движение в северном направлении. 31 октября были эвакуированы Салоники, а в ночь на 1 ноября немецкие арьергарды пересекли границу с Грецией. На островах оставалось еще 45 тыс. солдат и офицеров, одну треть из которых составляли итальянцы. Кому-то пришел в голову эвфемизм *Kernfestung* (основной опорный пункт) для того, чтобы создать видимость того, что пребывание немецкого контингента на островах все еще имеет какой-то смысл.

---

<sup>1</sup> *Вейхс М.* Дневники. Записи от 14—18 октября 1944 г.

На последней неделе октября советские и болгарские войска предпринимали значительные усилия для того, чтобы овладеть Кралево и Скопье. А. Лер, который имел в своем распоряжении и необходимые войска, и железную дорогу для их доставки, мог бы воспрепятствовать этому, но не одновременно и через какое-то время. 2 ноября войскам группы армий «Е» удалось остановить русских в районе Кралево, а еще через несколько дней — болгар в районе восточнее Скопье. Затем была доказана целесообразность дальнейшего отвода войск через Македонию. Севернее Скопье войскам придется двигаться по расходящимся направлениям по имеющимся немногим дорогам на запад. Но это в любом случае будет лучше, чем грозивший катастрофой зимний марш через прибрежные горы.

Во второй половине октября 2-й танковой армии пришлось отступать. Ее лучшие части были разгромлены, а в оставшихся царила полная неразбериха. Сил было так мало, что приходилось направлять без предоставления отдыха обратно на фронт сломленных морально солдат группы В. Штеттнера. Их наскоро вооружали за счет прекрасно оснащенной, но ненадежной дивизии СС «Хандшар» (т. е. ятаган — в эмблеме дивизии — над свастикой. — *Ред.*), сформированной из боснийских мусульман (эта дивизия «прославилась» только зверской резней православных сербов — стариков, женщин и детей. В остальном ее бойцы, по оценкам командовавших ими немецких офицеров, были на редкость бестолковы. — *Ред.*). На северном фланге армии русские уже находились на другом берегу Тисы и продвигались на запад к Дунаю.

Руководя группой армий «Ф», М. Вейхс попытался организовать фронт на востоке. Однако как командующему войсками на Юго-Восточном театре ему не удалось найти решение, которое позволило бы ему сделать это; так, сражение за Белград он вел по частям и всегда отставал от противника на несколько шагов. Тем не менее уже после потери Белграда, на исходе октября, начало создаваться впечатление, что как на северном, так и на южном участке фронта он продемонстрировал великолепное чувство времени и талант знатока классического маневра в отступлении. Ф.И. Толбухин предоставил преследование противника западнее Белграда партизанам. До конца месяца советская 57-я армия повернула свои корпуса на север от Дуная. Это позволило 2-й танковой армии поэтапно провести отвод своих войск в районе между Дунаем и Савой в условиях, когда немецкие войска не имели водной преграды, за которой могли бы организовать рубеж обороны. Отступление закончилось 2 ноября. Фронт армии теперь проходил по Дунаю от венгерской границы до Вуковара. Далее фронт уходил от Дуная к устью Дрины и

проходил на юг вдоль русла этой реки. На следующий день из группы армий «Ф» поступили сведения, подтверждающие уход главных сил советской 57-й армии на север, в Венгрию, где они должны были принять участие в штурме Будапешта.

## Будапешт

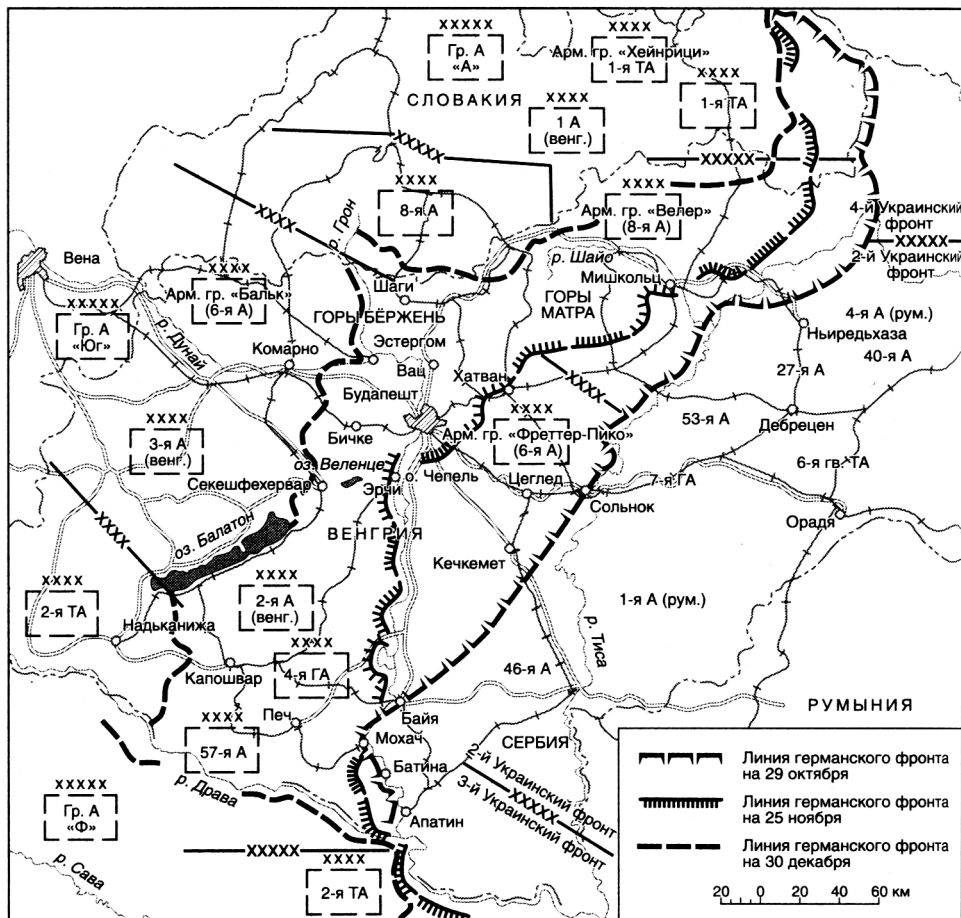
29 октября советская 46-я армия, усиленная гвардейским механизированным корпусом, перешла в наступление в районе западнее Кечкемета, в секторе группы армий «Юг», примерно на полпути от Дуная до Тисы (см. карту 33). Р.Я. Малиновский попытался начать наступление на Будапешт с ходу, без предварительного перестроения войск. Наступление 4-го Украинского фронта с севера захлебнулось, а его армии, и в первую очередь танковые соединения, находились не в лучшем состоянии.

По замыслу Р.Я. Малиновского, удар 46-й армии должен был облегчить переправу 7-й гвардейской армии через Тису. В его распоряжении находились его два механизированных корпуса в готовности к решительному штурму Будапешта<sup>1</sup>.

Войскам 46-й армии удалось прорвать оборону немцев на второй день наступления. 31-го числа они заняли Кечкемет. К тому времени командование всеми немецкими и венгерскими войсками между Дунаем и Тисой были переданы армейской группе «Фреттер-Пико», созданной на базе немецкой 6-й армии. Командование группы перебрасывало войска с участка фронта на Тисе, однако оно располагало всего одной танковой дивизией. 2 ноября острие советского наступления находилось примерно в 10 км южнее Будапешта. Венгерская 3-я армия под ударами русских войск в прямом смысле этого слова испарилась. На следующий день передовая колонна советской бронетехники ворвалась во внешнее кольцо обороны города в предместье Будапешта, представлявшее собой полукольцо укреплений, которое немцы создали восточнее Дуная на подступах к городу. Однако к тому времени в составе армейской группы «Фреттер-Пико» уже имелись две дивизии СС и еще одна танковая дивизия на внешнем кольце обороны. На восточном фланге 46-й армии на рубеже Будапешт—Цеглед—Сольнок выстроились пять немецких танковых дивизий. Они должны были нанести удар на запад, в направлении на Кечкемет, с целью отрезать русских. Однако к тому времени 7-я гвардейская армия уже переправилась через Тису, заняла как Цеглед, так и Сольнок и готовилась ночью перейти в наступление.

4 и 5 ноября, в то время как советские и немецкие танкисты вели бои на подступах к Будапешту, сам город, как отмечалось в военном

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 390.



Карта 33. Группа армий «Юг». 29 октября — 30 декабря 1944 г.

дневнике группы армий «Юг», «совершенно потерял голову». Паника в той же степени была вызвана незначительными инцидентами в городе, как и приближением советских войск. Немецкие саперы при установке зарядов взрывчатки под мостами через Дунай в результате несчастного случая подорвали один из них, что привело к разрушению нескольких опор моста Маргариты. Этот случай всколыхнул находящиеся глубоко в сознании жителей города опасения, что немцы перед уходом подвергнут город жесточайшим разрушениям. Город был готов на многое, но вовсе не желал жертвовать собой в последние минуты режима. Население было готово поверить заверениям о том, что русские совсем не так плохи, как их рисовали немцы.

5 ноября из перехваченных радиопереговоров между советскими частями стало ясно, что войска, которые должны были штурмовать город, испытывали недостаток в боеприпасах. Р.Я. Малиновский, который хотел захватить венгерскую столицу к годовщине большевистской революции 7 ноября, обратился к войскам. В своем приказе командирам он писал: «Товарищи! Необходимо приложить все силы для того, чтобы положить венгерскую столицу к ногам великого Сталина. В случае неудачи я боюсь того, что может нас ожидать». Однако 6 ноября 46-я армия вывела свои танки и пехоту с плацдарма на рубеж, проходивший в нескольких километрах южнее города. Нехватка боеприпасов и наступление незначительными силами армейской группы «Фреттер-Пико» на правом фланге, намного более скромное, чем предусматривалось замыслом Гитлера, заставило командование армии насторожиться. Возможно, советское командование вспомнило об опыте боев в Дебрецене и Ньиредьхазе.

В Будапеште жители города, как это казалось немцам, беспечно игнорируя будущее, воспользовались случаем вернуться к нормальной жизни. Немецкая и венгерская жандармерия прочесывала город в поисках солдат 3-й венгерской армии. Все, кого удалось обнаружить, направлялись обратно на фронт. Этот путь не занимал много времени, всего небольшая поездка на автомобиле. Многие венгерские офицеры воспользовались случаем для того, чтобы провести несколько ночей дома.

К тому времени, когда 46-я армия отказалась от попытки штурмовать город, Р.Я. Малиновский, видимо, уже понял, что Будапешт не удастся захватить с ходу. Соглашаясь с ним, Ставка приказала сосредоточить 7-ю гвардейскую, 53-ю, 27-ю и 40-ю армии для наступления на город на широком фронте из района западнее Тисы. В последующие недели Малиновский заставил эти армии совершить ряд маневров, которые, как казалось, были направлены только на то, чтобы еще более усложнить им задачу.

В то же время Й. Фриснер попытался отговорить Гитлера и Г. Гудериана от намерения защищать Будапешт в уличных боях. Он принял решение, что, если ему не удастся удержать противника на подступах к городу, войска будут отведены за Дунай, а мосты разрушены. Он заявил, что у группы армий недостаточно сил для того, чтобы вести бои с русскими и одновременно контролировать большой город «от вылазок сброда». Гитлер оставался непоколебим. И тем не менее он не отдал ясного приказа на ведение уличных боев вплоть до 26 ноября. До этой даты группа армий не создавала укреплений внутри городской черты, боясь спровоцировать недовольство населения.

11 ноября войска Р.Я. Малиновского начали обходными путями продвигаться к Будапешту. Удары его армий из района Тисы были



направлены на северо-запад; при этом полоса наступления на крайнем левом фланге проходила через укрепления в окрестностях города. На пятый день наступления советские войска вышли к Хатвану и Мишкольцу. Находившийся южнее гор Матра Хатван контролировал расположенный ниже коридор, ведущий на северо-запад к излучине Дуная над Будапештом. Мишкольц, расположенный в долине реки Шайо, в 40 км юго-восточнее границы с Чехословакией, представлял собой центр сталелитейного производства и производства оружия, который находился по обе стороны от самого простого пути в Словакию. Советское наступление было остановлено примерно на линии внешнего оборонительного рубежа Будапешт — Хатван — Мишкольц. Немецкий фронт прогибался, но прорвать его не удалось. В районе Мишкольца армейской группе «Велер» одновременно с наступлением русских пришлось усмирять восстание: рабочие завода забаррикадировались внутри цехов, чтобы не дать немцам их разрушить.

22 ноября несколько дивизий из состава 46-й армии были направлены через Дунай на остров Чепель (Чепель-Сигет), протянувшийся на юг от Будапешта. Й. Фриснер предполагал, что этот шаг предпринят с целью начать штурм города, однако русские остановились после того, как захватили южную половину острова. 25 ноября они начали отводить свои части из района Хатвана и перебрасывать их на юг, к Дунаю. Какими бы кровопролитными ни были бои в районе Хатвана и Мишкольца, в группе армий «Юг» считали, что им повезло. Если бы 2-й Украинский фронт бросил все имевшиеся у него силы на прямой удар по Будапешту, последствия его могли бы быть гораздо более серьезными.

Во второй половине ноября войска 3-го Украинского фронта совершили поворот. После того как его главные силы ушли в северном направлении, Ф.И. Толбухин перенес свой штаб из Белграда в город Байя, расположенный на Дунае, в Южной Венгрии. 7 ноября его войскам удалось захватить небольшой плацдарм на Дунае напротив Апатина, в 15 км севернее разграничительной линии между группами армий «Ф» и «Юг».

10 ноября по решению ОКВ зона ответственности группы армий «Ф» была расширена к северу до Байи. Это было сделано для того, чтобы М. Вейхс мог собственными силами организовать защиту фланга своих войск, поскольку войска группы армий «Юг» были слишком заняты северо-восточнее Будапешта, где им приходилось обеспечивать круговую оборону венгерской 2-й армии на Дунае. В тот вечер русские создали еще один плацдарм в районе Батины, в 25 км севернее Апатина. Он был тоже небольшим, но вскоре русские начали разгружать здесь мостоукладочное оборудование, верный признак того, что они затевают что-то серьезное. 2-я танковая

армия должна была получить еще одну дивизию из Италии. Кроме того, М. Вейхс распорядился, чтобы группа армий «Е» перебросила сюда с юга несколько дивизий сразу же, как это станет возможно. Но никто не мог сказать, когда они смогут прибыть на этот участок. В тот момент 2-я танковая армия, которой приходилось вести борьбу с партизанами за линии коммуникаций, вряд ли обладала достаточными силами для того, чтобы самостоятельно справиться с русскими на плацдармах.

22 ноября 4-я гвардейская и 57-я армии начали наступление с плацдармов. Еще через несколько дней им удалось очистить от противника южную оконечность треугольника Драва — Дунай. 26 ноября советские войска заняли Мохач. Несомненно, на очереди было более крупное наступление на запад из района Дуная. 57-я армия нанесла удар в западном направлении на Печ и Капошвар. 4-я гвардейская армия повернула на северо-запад в направлении северо-восточной окраины озера Балатон.

И снова, как и прежде, медлительность М. Вейхса сыграла ему на руку. У него были необходимые резервы, но не было времени на их доставку. Отступление войск группы армий «Е» без всяких помех завершилось к середине ноября. Затем, 18 ноября, началось крупное наступление болгарской 2-й армии севернее Скопье. На следующий день авиация союзников уничтожила мост через реку Дрина в Вишеграде. Теперь колонны техники приходилось отправлять в обход, что заставляло войска делать дополнительно 140 км крюка и переправляться через реку восточнее Кралева. В Албании мощные партизанские силы со всех сторон окружили XXI горнострелковый корпус, когда он попытался начать отступление. Группе армий «Е» пришлось вернуть на собственный фронт некоторые из предназначенных к переброске на другие участки частей и соединений. Остальные войска располагались в Центральной Югославии, примерно в 300 км и более от любого участка, где они могли принести пользу.

Воспользовавшись восстанием шахтеров, 29 ноября русские захватили Печ. Они подошли очень близко к гряде холмов между Дравой и Дунаем, за которой темпы их наступления могли значительно ускориться. А немцы все еще не могли определиться, где именно им следует сосредоточить основные усилия в обороне. Й. Фриснер пребывал в уверенности, что Ф.И. Толбухин совершит два последовательных броска на северо-запад: левым флангом его войска нанесут удар в направлении южного берега озера Балатон, где попытаются захватить предприятия по добыче и очистке нефти в районе города Надьканижа, а правый фланг пройдет мимо озера для того, чтобы совершить охватывающий маневр вокруг Будапешта с юга и запада. М. Вейхс был склонен согласиться с этой оценкой, однако, когда речь шла о том, где следует использовать 2-ю танковую армию, он

начинал думать, что противник нанесет прямой удар на запад, в направлении на Загреб, с целью перерезать основные линии коммуникаций на Балканах. По замыслу Й. Фриснера, 2-я танковая армия должна была сосредоточить основные усилия в районе севернее Дравы. Здесь она должна была оставаться. М. Вейхс предпочел бы позволить армии отвести свои войска на другой берег реки. При этом группа армий «Юг» сама должна была изыскивать силы и средства, чтобы защитить район между рекой и озером Балатон.

30 ноября — 1 декабря войска Ф.И. Толбухина ясно продемонстрировали, на что способны: 57-я армия совершила стремительный бросок на северо-запад из района Печа к Капошвару, а 4-я гвардейская армия перешла в наступление вдоль берега Дуная. В ту ночь Гитлер передал 2-ю танковую армию в подчинение группы армий «Юг». На следующий день Й. Фриснер приказал армии разорвать контакт с группой армий «Ф» и сосредоточить основные усилия на создании и удержании фронта между южной оконечностью озера Балатон и рекой Драва в районе юго-западнее Надьканижы.

Для отражения удара войск Ф.И. Толбухина в северном направлении командованию группы армий «Юг» пришлось снова перетасовать имевшиеся в его распоряжении части и соединения, большинство из которых находилось в настолько плачевном состоянии с точки зрения укомплектованности личным составом и техникой, что наступление русских могло бы стать для них фатальным, если бы противник сам не находился далеко не в лучшей форме. Венгерская 2-я армия практически исчезла. Для того чтобы закрыть образовавшуюся во фронте между озером Балатон и Дунаем брешь, М. Фреттеру-Пико пришлось бросить на этот участок немецкие дивизии из района Будапешт—Хатван. Переброска танковой дивизии из района Мишкольца привела к потере этого города немцами 3 декабря.

5 декабря, в то время, когда 4-я гвардейская армия приближалась к северному краю озера Балатон, 2-й и 3-й Украинские фронты вновь начали охватывающий маневр вокруг Будапешта. Входившая в состав 3-го Украинского фронта 46-я армия наступала с острова Чепель через западный канал, идущий к Эрчи. 7-я гвардейская и 6-я гвардейская танковая армии прорвали фронт у Хатвана. 8 декабря войска Р.Я. Малиновского вышли к населенному пункту Вац на излучине Дуная севернее Будапешта. В тот же день войска Ф.И. Толбухина достигли рубежа озеро Балатон — озеро Веленце юго-западнее венгерской столицы.

В ОКХ было принято решение усилить армии Й. Фриснера двумя танковыми дивизиями и тремя батальонами танков «Тигр» по 60 машин в каждом с целью организации контрудара. Оставалось

определить направление контрудара: север или юг? Й. Фриснеру представлялось, что главная опасность исходит с юга, с рубежа, расположенного между двумя озерами. По мнению Г. Гудериана, более серьезная обстановка сложилась на севере. В конце концов Гитлер принял решение направить усиление туда, куда просил Й. Фриснер. Отчасти это было вызвано тактическими соображениями, отчасти тем, что фюрер был обеспокоен перспективой потери месторождений бокситов, расположенных между озерами в окрестностях Сешфехервара.

После того как решение было принято, Й. Фриснер стал ждать прибытия танковых частей и изменения погоды. Дожди и державшаяся температура выше нуля превратили равнину к юго-западу от Будапешта в болото; на некоторых участках дороги и траншеи были залиты водой. Погодные условия и необходимость дать отдых войскам и, очевидно, непонятное чувство беспокойства, которое русские уже не раз демонстрировали в прошлом, на этот раз заставили их задержаться на рубеже озеро Балатон — озеро Веленце. Если бы они продолжили наступление до подхода немецких танков, это могло бы серьезно осложнить обстановку для Й. Фриснера; ведь в этом случае русские могли бы наступать силами одной пехоты. Армейская группа «Фреттер-Пико» удерживала фронт протяженностью 30 км между озером Веленце и будапештским плацдармом силами одной дивизии фольксгренадеров (900 пехотинцев), 800 полицейских, по большей части не немцев, и венгерских гусар — всего 2,5 тыс. человек.

Севернее Будапешта, захватив Вац, 6-я гвардейская танковая армия и 7-я гвардейская армия больше не пытались форсировать Дунай; вместо этого они стали наступать на северо-запад, к невысоким горам Бёржён, в направлении Шаги, северные ворота на равнинную часть венгерской равнины (и, соответственно, из Венгрии на юг Словакии. — *Ред.*). Для обороны Шаги Й. Фриснеру пришлось снять с будапештского плацдарма одну танковую дивизию и перебросить на этот участок бригаду О. Дирлевангера, которая после подавления варшавского восстания была направлена для борьбы с партизанами в Словакию. В составе бригады О. Дирлевангера насчитывалось шесть батальонов полного состава. Она имела практически неиссякаемый запас пополнения за счет заключенных концентрационных лагерей. Но использовать этих бойцов на фронте было рискованно. Часть людей О. Дирлевангера были из числа немецких коммунистов, и почти никого из них нельзя было считать преданными солдатами рейха. Офицеры были жестокими садистами, скорее палачами, чем воинами. 14 декабря, после того как командир одного из батальонов О. Дирлевангера направил на ослабленный участок фронта лишь небольшой авангард, вместо того чтобы организовать там опорный пункт всего батальона, русские заняли Шаги.

Возможно, этот офицер был и прав, не отправив своих людей на передовую, так как на следующий день дезертировала целая рота, укомплектованная бывшими коммунистами. А еще через несколько дней в бригаде произошло то, что в любой армии принято называть мятежом: некоторые солдаты убивали своих офицеров, некоторые дезертировали, прочие совершали и то и другое.

После того как был захвачен Шаги, 6-я гвардейская танковая армия не делала ни малейших попыток прорваться на равнинную местность за Будапешт, но, как предсказывал Г. Гудериан, они должны будут сделать это в самое ближайшее время. К тому времени в район южнее Будапешта прибыли немецкие танковые дивизии, которые должны были организовать контрудар. Но дожди все еще продолжались. Погода стала холоднее, но пока ненастолько для того, чтобы грунт стал достаточно твердым для использования танков. Слой грязи на дорогах стал еще толще. Г. Гудериан все больше нервничал и 17 декабря потребовал от Й. Фриснера начать наступление. Он заявлял, что армия не может позволить себе держать крупные массы танков без действия. Й. Фриснер настаивал, что хочет дожидаться морозов, иначе, если что-нибудь пойдет не так, он потеряет все танки. И даже если наступление будет развиваться успешно, большая часть техники выйдет из строя в первый же день. 18 декабря, после разговора с Й. Фриснером с глазу на глаз, Г. Гудериан согласился подождать при том условии, что штабы и пехота двух танковых дивизий будут на время направлены на север, где помогут удерживать фронт западнее Шаги.

20 декабря войска Р.Я. Малиновского начали наступление из района гор Бёржён южнее Шаги, а фронт Ф.И. Толбухина нанес удар по обеим сторонам озера Веленце. В течение дня колонна танков, наступавшая на северо-запад из района Шаги, вышла к реке Грон, но южнее города у немцев было достаточно свежих сил, пехоты двух танковых дивизий, переброшенных туда по приказу Й. Фриснера, для того, чтобы не допустить прорыва советских войск к реке Дунай. На следующий день две немецкие танковые дивизии без пехоты и вспомогательных войск перешли в контрнаступление западнее озера Веленце, но танкистам приходилось действовать на всей ширине фронта. Пока немецкие танки маневрировали по фронту, сжигая горючее, пехота Ф.И. Толбухина, действуя вне дорог, наступала через лесистую местность и незамерзшие болота, вне досягаемости для танков противника. Многие из немецких офицеров не успевали даже понять, что происходит, пока не приходило время для дозаправки танков и им не приходилось с боем пробиваться к складам горючего, где русские зачастую оказывались раньше их. Г. Гудериан был твердо уверен в том, что, имея в своем распоряжении «армаду танков, равной которой никогда прежде не было на Восточном фронте», группа армий вполне способна остановить рус-

ское наступление. Й. Фриснер возражал, что без поддержки пехоты танки беспомощны.

К 22 декабря стало ясно, что русские пытались осуществить то, что немцы называли «малым решением», а именно окружение Будапешта. Помимо вспомогательного удара на северо-запад, на Сешешехервар, войска Ф.И. Толбухина наступали из района озера Веленце на север в направлении на Эстергом. Когда Й. Фриснер предложил отвести войска с будапештского плацдарма к внутреннему кольцу обороны города, что позволило бы высвободить одну дивизию для обороны венгерской столицы, ему ответили из ОКХ, что Гитлер по политическим соображениям не может подвергать город опасности. Тогда Й. Фриснер заявил, что в этом случае Будапешт будет окружен. Вечером 22 декабря из оперативного отдела ОКХ поступил приказ об отстранении от командования Й. Фриснера и М. Фреттера-Пико. Группу армий возглавил О. Вёлер, а на место М. Фреттера-Пико был назначен генерал танковых войск Г. Бальк.

Г. Гудериан напутствовал вновь назначенных генералов, что отныне они должны руководствоваться только одной командой: «Вперед!», как в действиях авангардов, так и в боях местного значения и широкомасштабных операциях. Он заявил, что Германия не может позволить себе отступления в Венгрии, которое заставило бы отвлечь силы от успешно развивающегося наступления на Западе. Речь шла о судьбе рейха.

В иллюзорной стратегии немецкого военного командования оборона Будапешта увязывалась с наступлением в Арденнах. Гитлер считал, что потеря Будапешта снизит эффект победы на Западе на 50%. Более того, в глазах фюрера Будапешт приобрел большее значение для будущего, чем когда-то Сталинград. Не могло быть и речи о сдаче города; как правильно заметил Г. Гудериан, это привело бы к отвлечению сил, участвовавших в операции в Арденнах.

С точки зрения тактики, как это вскоре выяснилось, О. Вёлер был полностью согласен с Й. Фриснером. В первом же телефонном разговоре с Г. Гудерианом в качестве командующего группой армий он попросил разрешения на отвод дивизии с будапештского плацдарма. Г. Гудериан ответил, что решение, которое передали Й. Фриснеру о том, что войска останутся на плацдарме, не подлежит обсуждению. В полосе группы армий «Юг», продолжал он, сосредоточено больше танков, чем на любом другом участке фронта. Этого достаточно для того, чтобы восстановить положение на рубеже озеро Балатон — озеро Веленце — Будапешт. По словам Г. Гудериана, он намеревался направить в группу армий «Юг» офицера, который должен был провести расследование причин неправильного применения танков.

В Будапеште удалось провести серьезные мероприятия для подготовки города к обороне. Первая линия обороны протянулась от

столицы Венгрии на запад. В городе были возведены баррикады и противотанковые заграждения, каждое здание было оборудовано как огневая позиция. В состав IX горнострелкового корпуса СС под командованием обергруппенфюрера (генерал-лейтенанта) Карла Пфедфера Вильденбруха были переданы четыре немецкие и две венгерские дивизии и ряд более мелких частей и подразделений, которые должны были стать гарнизоном на плацдарме. В то же время для гражданского населения не было сделано практически ничего. Салаш, который сначала не хотел защищать Будапешт, позднее, после беседы с Гитлером, изменил свою точку зрения. Более того, хотя он и сохранил за собой свой чисто номинальный пост, он не имел практически никакой власти в городе. Жители, не желая расставаться со своими домами и имуществом, игнорировали его лицемерные приказы, в которых их призывали эвакуироваться. Немцы же не хотели настаивать на эвакуации населения города, поскольку та небольшая часть Венгрии, которая пока еще находилась в их распоряжении, и так была переполнена беженцами, и последующие потоки эвакуированных пришлось бы направлять в Австрию или саму Германию. Будапешт в то время выглядел празднично: люди заполнили улицы города, делая покупки к Рождеству. В то же время начали поступать сведения о первых случаях смерти от голода. Начальник штаба группы армий предупредил Г. Гудериана, что группа армий против развертывания войск в самом городе, так как в этом случае солдатам пришлось бы держать оборону среди миллионов страдающих от голода жителей. Г. Гудериан ответил, что данная проблема является «несущественной».

В течение 23 декабря 4-я гвардейская армия заняла Бичке и перерезала шоссе и железную дорогу на запад от Будапешта. Теперь в распоряжении обороняющихся оставалась только дорога в город через холмы с северо-запада, проходившая через Эстергом. Во второй половине дня 24 декабря О. Вёлер снова позвонил Г. Гудериану и заявил, что исторически сложилось так, что оборона Будапешта всегда была прочной только на западном берегу Дуная (т. е. в Буде, а не в Пеште). Настроение Г. Гудериана сразу же изменилось: он заявил, что видит несколько возможностей, в том числе и предусматривающую сдачу Будапешта. Но сначала ему необходимо было переговорить с Гитлером, так как здесь затрагивались вопросы большой стратегии. Через три часа он передал О. Вёлеру решение Гитлера: Будапешт, включая и плацдарм, необходимо удерживать. Группа армий может снять с плацдарма до двух дивизий. ОКХ намерен направить на этот участок управление IV танкового корпуса СС и перебросить туда дивизии СС «Мертвая голова» и «Викинг» из группы армий «Центр». В течение трех или четырех дней до прибытия подкреплений на защиту Будапешта необходимо отправить «каждого способного носить оружие».

К 24 декабря было уже слишком поздно отводить дивизии из Будапешта. Первые дивизии, которые О. Вёлер приказал перебросить, должны были занять оборону на рубеже вокруг западных окраин города. Теперь у группы армий «Юг» не оставалось шансов остановить наступавшие на север передовые части фронта Ф.И. Толбухина. 26 декабря они вышли к Эстергому и замкнули кольцо окружения. На следующий день русские вынудили будапештский гарнизон отступить на внутренний оборонительный рубеж вокруг венгерской столицы. В тот же день в результате неожиданного удара в западном направлении им почти удалось выйти к Комарно, району, в котором было бы наиболее выгодно провести операцию по деблокированию города. 28 декабря советские войска неожиданно остановились. К тому времени по приказу Гитлера в группу армий «Юг» перебрасывались еще несколько дивизий; одновременно планировалась операция по деблокированию венгерской столицы.

## **Глава 18**

### **РАЗГРОМ НА СЕВЕРЕ**

#### **Финляндия заключает перемирие**

В течение двух последних недель июля финская армия начала стабилизировать положение на своем участке фронта. По приказу советской Ставки Ленинградский фронт перешел к обороне на Карельском перешейке<sup>1</sup>.

В Восточной Карелии лишь 32-я армия продолжала наступать на правом фланге 7-й армии, в районе восточнее Иломантси. Однако это наступление не имело явно выраженного стратегического направления. Очевидно, в Ставке решили, что победа в войне с Финляндией потребует от Советского Союза больше войск и техники, чем он мог выделить без ущерба для наступательных операций против групп армий «Центр» и «Север».

Для финнов судьба группы армий «Север» была почти так же важна, как и судьба их собственной армии. Как только побережье Балтийского моря перейдет в руки русских, морской путь в Германию, по которому осуществлялись поставки в Финляндию продовольствия и большей части вооружения и другого военного имущества, будет перерезан. Потеря Пскова 23 июля и Нарвы четыре дня спустя стала для финнов ошеломляющим ударом. Шок еще более усилился после того, как еще через два дня после потери Нарвы приказом Гитлера 122-я пехотная дивизия возвращалась из-под Вы-

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 143.



борга в состав группы армий «Север». К. Маннергейм попросил, чтобы отправка дивизии осуществлялась не через Хельсинки, а через Ханко — с тем, чтобы избежать паники среди населения. Представители ОКВ пытались убедить финнов, что переброска дивизии осуществляется только потому, что обстановка на финском фронте относительно спокойна. К. Маннергейма заверили, что в случае нового осложнения обстановки ему будет немедленно предоставлена помощь. Но с учетом сложившихся обстоятельств эти объяснения звучали неубедительно.

28 июля на секретном совещании в резиденции К. Маннергейма в Саирала (ныне — Бородинское. — *Ред.*) лидеры страны приняли решение о том, что Рюти должен уйти в отставку с поста президента Финляндии (что тот и сделал 1 августа). 5 августа финский парламент, не тратя время на официальные выборы, назначил президентом К. Маннергейма. Таким образом, подготавливалась почва для расторжения соглашения Рюти—Риббентроп, что позволяло снова вступить в переговоры с Советским Союзом.

Немецкая сторона подозревала, что смена главы государства не несла для Германии ничего хорошего. Вместо того чтобы попытаться организовать национальное сопротивление, К. Маннергейм вполне мог примерить тогу миротворца. Не имея возможности существенно повлиять на финскую политику, немцы предприняли еще одну отчаянную попытку убедить К. Маннергейма остаться на их стороне. 3 августа в ответ на запрос финской стороны о военной обстановке в странах Прибалтики ОКВ направило с личным докладом К. Маннергейму Ф. Шернера. Кроме того, было объявлено, что через несколько дней Финляндию планирует посетить В. Кейтель.

Нарисовать оптимистичную картину на основе данных о положении на фронте группы армий «Север» был способен только человек, обладавший рвением и решительностью Ф. Шернера. Как раз в тот момент танки 5-й гвардейской танковой армии стояли на линиях тыловых коммуникаций его группы армий западнее Риги. Отголоски этого дошли и до Финляндии: авиакомпания «Люфтганза» прекратила коммерческое воздушное сообщение между Германией и Финляндией; была прервана прямая телефонная связь между двумя странами. Ничуть не смущенный этими обстоятельствами, Ф. Шернер пообещал, что побережье Балтийского моря будет удержано, а снабжение группы армий «Север» будет осуществляться по воздуху и морем до тех пор, пока танковые соединения не деблокируют наземные коммуникации ударом из Восточной Пруссии. По иронии судьбы его обещания будут выполнены, и Финляндия будет продолжать участвовать в войне до тех пор, пока не окажется полностью изолированной.

В августе военное положение Финляндии, разумеется только на время, оставалось настолько благоприятным, насколько об этом все-

го месяц назад могли только мечтать самые смелые оптимисты. 3-й танковой армии удалось пробить коридор к группе армий «Север». В период с середины июля до середины августа русские сократили свои войска на Карельском перешейке до десяти стрелковых дивизий и пяти танковых бригад. 9 августа победно завершилась последняя крупная операция финских войск в Восточной Карелии за время Второй мировой войны. Советские 14-я дивизия, 21-я бригада и кавалерийская бригада оказались в окружении. Две дивизии 32-й армии были разгромлены в котле восточнее Иломанси (они вырвались из окружения. — *Ред.*). Казалось, что повторяются события зимней войны 1939—1940 гг., когда, несмотря на победу Советского Союза, его успехи были далеки от запланированных по тем же причинам: недооценка способности финнов к сопротивлению и отсутствие гибкости и тактического мастерства советского военного командования. (Просто советское руководство, показав силу, выжидало, понимая, что финнам деваться некуда, а лишние потери не нужны обеим сторонам. — *Ред.*)

В. Кейтель прибыл в Хельсинки 17 августа. Он привез дубовые листья к Рыцарскому кресту К. Маннергейма и Рыцарский крест для начальника штаба финской армии. Даже всегда присущего В. Кейтелю оптимизма не хватило для того, чтобы представить положение, в котором к тому времени оказалась Германия, в светлых тонах. Успешно завершился прорыв войск союзников в Нормандии; потеря немцами Парижа была вопросом лишь нескольких дней. В Южной Франции успешно развивалось еще одно наступление союзных войск. В Италии немецкие войска быстро отступали за Готский рубеж, а на Восточном фронте советские войска стояли в пригородах Варшавы. Неожиданно стало ясно, что конец Германии гораздо ближе, чем это могло показаться.

К. Маннергейм воспользовался визитом В. Кейтеля для того, чтобы обеспечить себе возможность не для того, чтобы продолжить борьбу на стороне Германии, а для возобновления контактов с русскими. Он заявил, что 60 тыс. солдат и офицеров, потерянных в ходе летних боев, удалось компенсировать. (Советские войска в ходе Выборгско-Петрозаводской операции, 10 июня — 9 августа, прорывая подготовленные оборонительные рубежи врага, потеряли 23 674 человека убитыми и пропавшими без вести и 72 701 человека ранеными. — *Ред.*) Но страна просто не в состоянии выдержать «еще одно кровопускание подобных масштабов». Подводя разговор к теме, которая, конечно, больше всего интересовала и В. Кейтеля, а именно договору, заключенному Рюти с Риббентропом, Маннергейм отметил, что Рюти заключил этот пакт в очень неподходящий момент, что этот договор крайне непопулярен среди населения. В Финляндии считают, что после отставки Рюти договор можно считать аннулированным. В ответ В. Кейтель неуверенно заметил,

что не может принять этого заявления, поскольку не уполномочен вести переговоры по политическим вопросам. Это явно продемонстрировало бессилие немецкой стороны хоть как-то повлиять на ход событий.

После середины августа в Финляндии антивоенные настроения с каждым днем набирали силу. Среди населения ходили самые разные слухи. Весть о том, что Румыния заключила перемирие, еще более подстегнула финнов срочно искать пути к миру. 25 августа Финляндия через свое посольство в Швеции запросила, готов ли Советский Союз принять ее делегацию для ведения переговоров о перемирии. В сопроводительном письме до сведения советской стороны доводилось, что К. Маннергейм проинформировал В. Кейтеля, что больше не считает себя связанным обязательствами, взятыми по договору, заключенному Рюти и Риббентропом. На следующий день в Германию была направлена соответствующая нота, аннулирувавшая договор.

В своем ответе, данном 29 августа, советская сторона информировала, что готова в любой момент принять делегацию после того, как будут выполнены два условия: немедленный разрыв отношений с Германией и требование ко всем немецким войскам покинуть территорию страны в течение двух недель, до 15 сентября. В случае несогласия немцев с этими условиями финская сторона должна принять меры к тому, чтобы заставить их выполнить их. 2 сентября финский парламент принял условия советской стороны и одновременно обязал правительство предпринять шаги к разрыву отношений с Германией.

Такое решение стало неприятным сюрпризом для немцев. Несмотря на то что немецкий посол в Хельсинки еще 31 августа проинформировал руководство о начале переговоров с противником, в Германии были почти уверены, что условия русских будут отвергнуты. На первый взгляд поставленные советской стороной условия были лучшим средством для того, чтобы погасить в Финляндии все устремления к миру. 2 сентября, предпринимая отчаянную попытку повтора событий, которые уже имели место в прошлом, сменивший Э. Дитля на посту командующего 20-й горной армией после его гибели 23 июня в автокатастрофе генерал-полковник Лотар Рендулич позвонил К. Маннергейму. Он подчеркнул, что попытка выполнить требования русских может спровоцировать конфликт между немецкими и финскими войсками, в результате которого может погибнуть до 90% личного состава обеих сторон, поскольку речь пойдет «о противостоянии лучших солдат Европы».

К тому времени финское руководство полностью отдавало себе отчет о тех угрозах, с которыми сопряжено ухудшение отношений с

Германией. Одной из них является опасность экономической катастрофы после прекращения получения помощи из Германии. Эту опасность удалось преодолеть после того, как в августе Швеция согласилась взять на себя обеспечение Финляндии зерном и некоторыми другими видами продовольствия в течение шести месяцев. Еще одной угрозой была возможность того, что некоторые из финнов, что особенно касалось военных, могут отказаться признать условия перемирия и капитулировать, а вместо этого уйдут к немцам. Именно поэтому Л. Рендулич видел в возможном финско-немецком конфликте гражданскую войну.

Летом 1944 г. в Германии проигрывали варианты удержания Финляндии в состоянии войны с Советским Союзом путем применения незаконных методов. В июне, когда И. фон Риббентроп приезжал в Хельсинки, он предложил послу совершенно дикий проект свержения финского правительства с помощью «тысячи верных людей в стране», найти которых должен был посол. Незадолго до гибели Э. Дитля Гитлер предложил ему переманивать финских солдат в 20-ю армию в случае заключения сепаратного мира. Позже Л. Рендулич предложил использовать в качестве ядра, вокруг которого соберутся представители финского сопротивления, 122-ю пехотную дивизию. Кроме того, он же предложил найти финского генерала, который возглавил бы такое сопротивление. Ни один из этих проектов не вышел за рамки разговоров. Предложение попытаться воссоздать после выхода Финляндии из войны финский 27-й егерский батальон (немецкое подразделение времен Первой мировой войны, откуда вышел почти весь офицерский корпус финской армии) смогло привлечь лишь небольшое количество добровольцев. Подавляющее большинство населения решило следовать курсом своего правительства; в свою очередь, в правительстве внимательно следили за тем, чтобы в Финляндии не появились свои Квислинги.

После того как было принято решение о выполнении требований советской стороны, финны сформировали делегацию по перемирию. Эта делегация во главе с министром-президентом Анти Хакцелем должна была обсудить условия заключения мира. К. Маннергейм попытался объяснить позицию Финляндии в своем личном письме к Гитлеру. В частности, он писал, что Германию никогда не удастся уничтожить полностью, чего нельзя сказать о такой маленькой нации, как финны. Поэтому Финляндия вынуждена пойти на заключение мира для того, чтобы сохранить себя. Во втором письме, направленном в адрес И.В. Сталина, К. Маннергейм предложил прекратить огонь во избежание дальнейшего кровопролития еще на стадии переговоров. Обе стороны согласились прекратить огонь в 7.00 4 сентября. Финны вовремя выполнили это условие, в то время как русские либо по ошибке, либо для того, чтобы еще

более закрепить свои успехи, продолжали наступление в течение еще 24 часов<sup>1</sup>.

7 сентября финская делегация прибыла в Москву, но советское правительство целую неделю тянуло время, прежде чем условия мира были выдвинуты. Обязательным условием было восстановление границы 1940 г. Кроме того, Советский Союз потребовал себе весь район Печенги и право на аренду в течение 50 лет района Порккала-Удд, откуда контролировались шоссейные и железные дороги на юго-западе Финляндии и откуда финская столица находилась в пределах дальности ведения артиллерийского огня. В течение пяти лет страна должна была выплатить репарации товарами в размере 300 млн долларов<sup>2</sup>.

Финская армия должна была быть выведена к границам 1940 г. в течение пяти дней. В течение двух с половиной месяцев она подлежала сокращению до штатов мирного времени. Советскому Союзу предоставлялось право использования финских портов и аэродромов, а также финского гражданского морского флота на весь период войны с Германией. За соблюдением правил перемирия, которое считалось вступившим в силу в день подписания, должна была наблюдать советская комиссия<sup>3</sup>.

18 сентября правительство Финляндии официально рассматривало условия перемирия, но так и не смогло их утвердить. Советский Союз потребовал, чтобы соглашение было подписано до второй половины следующего дня. Рано утром 19 сентября парламент подписал соглашение после того, как его члены были проинформированы, что даже при самых благоприятных обстоятельствах страна не в состоянии продолжать войну дольше чем в течение трех месяцев. Соглашение о перемирии было подписано в Москве незадолго перед полуднем<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Маннергейм К. Воспоминания. С. 525, 529, 530.

<sup>2</sup> Установленная весной 1944 г. сумма 600 млн долларов была уменьшена отчасти, возможно, усилиями финской пропаганды, которая со ссылкой на шведских экономистов утверждала, что репарации в таком размере Финляндия была просто не в состоянии выплатить. Отчасти это было вызвано протестом американских и британских представителей против выплаты репараций. Позже финские представители утверждали, что уступчивость Советского Союза была лишь притворством. Советская сторона настояла на том, чтобы товары поставлялись по ценам 1938 г. Кроме того, были введены жесткие ограничения на качество изделий из дерева. В результате размер репараций был почти удвоен. В 1945 г. доля Советского Союза увеличилась еще на 60 млн долларов за счет компенсации за немецкую собственность в Финляндии и имущества, доставшегося русским на вновь полученных территориях. Позже бремя репарации было несколько облегчено, отчасти по настоянию британских представителей увеличить срок их выплаты сначала до шести, а затем и до восьми лет. (Ущерб от действий финнов в ходе совместной с немцами агрессии многократно превысил указанную сумму репараций. — *Ред.*)

<sup>3</sup> Маннергейм К. Воспоминания. С. 531, 543.

<sup>4</sup> Там же. С. 532, 533.

## Отступление из Северной Финляндии

Стремление Финляндии поскорее заключить мир поставило немцев перед тяжелой необходимостью срочно принимать решение относительно дальнейшей судьбы 20-й горной армии. Каждый из рассмотренных возможных вариантов позволял лишь надеяться на то, что немцам удастся избежать катастрофы. Несмотря на то что армия все еще была задействована в операции *Viike*, предусматривавшей отвод линии фронта на самый север Финляндии, где она должна была обеспечить оборону месторождений никеля, не было никакой уверенности, что удастся создать там устойчивый фронт. Кроме того, грозившая рано или поздно потеря морских коммуникаций делала неизбежной потерю и этих территорий. В то же время осуществление отвода войск через арктические районы Финляндии в Норвегию в условиях, когда до наступления зимы оставалось всего несколько недель, был не менее велик.

Операция *Tanne*, предусматривавшая захват финских Аландских островов и Сурсари (о. Гогланд. — *Ред.*), также была чревата рядом недостатков. Вариант *Tanne West* вызывал сомнения еще с момента планирования, так как затрагивал интересы Швеции на Аландских островах. А Германия стремилась избегать любых конфликтов со Швецией, так как нуждалась в шведской железной руде и подшипниках. 3 сентября Гитлер принял решение отказаться от *Tanne West*, поскольку назначенные для этой операции не могли быть переброшены из Дании. В то же время командование германского военного флота, отвечавшее за операцию *Tanne Ost*, докладывало, что операция не может быть осуществлена из-за отсутствия подготовленного личного состава.

Операция *Viike* началась 6 сентября (см. карту 34). Финны не были поставлены в известность о намерении немцев удержать Печенгу и близлежащие территории в Северной Финляндии. Операция должна была осуществляться поэтапно, что обеспечивало достаточно времени для переброски тыловых частей армии, а также давало возможность развернутым южнее XXXVI и XVIII горнострелковым корпусам избежать преследования советских и финских войск.

Серьезные опасения вызывал открытый правый фланг армии. Но угрозы на этом участке удалось избежать после того, как финская 14-я дивизия взяла на себя обеспечение контакта с правым флангом немецких войск до тех пор, пока XVIII горнострелковый корпус не будет выведен из страны. Взгляды немецкой и финской сторон на дальнейшее развитие событий резко отличались. Финны считали, что советские войска не станут переходить границу 1940 г. Они считали, что после того, как немцы окажутся по другую сторону границы, от-



ступление превратится в обычный марш, и единственное, о чем придется думать, — это о тыловом снабжении войск на марше.

Л. Рендулич считал, что финны либо потеряли связь с реальностью, либо сознательно лгут. По его мнению, было крайне маловероятно, что русские станут обращать внимание на границы. Гораздо более возможным было то, что они пытаются найти или создать предлог для оккупации всей территории Финляндии к северу от линии Торнио—Суомуссалми и особенно района, являвшегося зоной ответственности 20-й горной армии. Он ошибался, но, как опытный командир, не мог не думать о такой возможности.

XVIII горнострелковый корпус беспрепятственно совершил марш, отводя свои войска с территории Финляндии. Части советской 26-й армии проследовали за ним до границы, где остановились. При отступлении XXXVI корпуса немцам было преподнесено два сюрприза: во-первых, советская 19-я армия, воспользовавшись выступом, образовавшимся после того, как ее северный фланг был растянут весной 1944 г., перерезала основной путь отхода корпуса. Во-вторых, русским удалось каким-то образом пройти на своих танках Т-34 через лесисто-болотистую местность глубоко во фланг корпусу. Но немцы уже давно построили еще одну дорогу южнее, обеспечив себе резервный путь отхода. Но эффективность применения танков на той местности далеко не соответствовала психологическому эффекту от их появления.

По мере приближения 15 сентября — срока, до которого по условиям перемирия немцы могли беспрепятственно эвакуировать свои войска с территории Финляндии, — отношения между солдатами 20-й горной армии и финнами оставались самыми дружескими. Л. Рендулич требовал от своих подчиненных уважительного отношения к финским солдатам. В свою очередь, финский офицер связи при штабе армии сообщил, что его командование готово идти на компромисс, но хочет, чтобы внешне все выглядело так, будто отношения с Германией полностью прерваны. 13 сентября финны проинформировали командование 20-й горной армии о том, что начиная с 14 сентября они должны задерживать все железнодорожные эшелоны, осуществляющие перевозки техники и имущества в район западнее Рованиеми. Однако финская сторона не будет чинить немцам препятствий, если они намерены забрать это имущество. В ответ представители 20-й горной армии пообещали к 15 сентября вернуть под контроль финнов порт Оулу.

Первые шаги к ухудшению в отношениях между бывшими союзниками последовали с немецкой стороны. На второй неделе сентября, после того, как представитель немецкого военного флота на острове Гогланд (Сурсари) доложил, что финский комендант заверил его, что никогда не откроет огня по немецким солдатам, командование ВМФ Германии неожиданно изменило свой взгляд на план



Tanne Ost. Ободренный поддержкой финской стороны, адмирал К. Дёниц заявил, что такой важный в стратегическом отношении пункт нельзя отдавать Советскому Союзу без борьбы. После того как немецкий офицер связи несколько раз доложил по команде, что до 12-го числа финны могут эвакуировать свои войска с острова, 11 сентября Гитлер отдал приказ о высадке на остров немецких войск, которая должна была состояться в течение недели.

Один пехотный полк был погружен в Ревельском (Таллинском. — *Ред.*) порту на военные корабли, и 15 сентября началась высадка десанта на остров. После высадки первой волны, примерно 1400 солдат, финский гарнизон неожиданно открыл огонь. Вскоре после наступления сумерек русские начали бомбить конвой с воздуха. Вторую волну десанта не удалось высадить, часть первой волны пришлось бросить на берегу. По финским данным, им удалось захватить в плен 700 немецких солдат.

В отместку К. Маннергейм потребовал от 20-й горной армии немедленно освободить территорию к югу от рубежа Оулу—Суомиссалми, а также побережье Балтийского моря от Оулу до шведской границы. Л. Рендулич отверг это предложение и предложил провести переговоры по поэтапному выводу войск. Это устраивало К. Маннергейма, который одновременно демонстрировал свою добрую волю по вопросу о Сурсари (о. Гогланд) советскому руководству. К тому же, очевидно, он не хотел больше иметь ничего общего с немцами. К 17 сентября представители К. Маннергейма и Л. Рендулича разработали то, что финский начальник Генерального штаба назвал планом «осенних маневров». Этот документ предусматривал, с одной стороны, постепенный вывод немецких войск с финских территорий по их собственным графикам. Кроме того, он позволял избежать прямого боевого столкновения войск двух армий. С другой же стороны, русские получали «наглядную картину», свидетельствовавшую об «успешном наступлении» финских войск. Но немецкую сторону очень беспокоил вопрос о том, как долго их финские коллеги смогут выполнять это соглашение. Л. Рендулич знал, что хотя финны и не хотели воевать с немцами, но были готовы любой ценой добиться мира и выполнить все требования советской стороны.

В течение десяти дней «осенние маневры» осуществлялись согласно плану. 26 сентября командование 20-й горной армии доложило, что финская армия поэтапно продвигается от одного промежуточного рубежа к другому, как это и предусматривалось планом. Между наступающими и отступавшими оставлялся достаточный разрыв для того, чтобы исключить вероятность боевого столкновения. Финская танковая дивизия продвигалась вперед по дороге Оулу—Кеми. Худшего маршрута для танкового наступления быть не могло, поскольку войскам приходилось преодолевать многочисленные

реки. Отступая, немцы взрывали мосты и паромные переправы, а финны спокойно наблюдали за этим, ничего не предпринимая.

28 сентября картина неожиданно изменилась. В районе Пудасъярви финский батальон открыл огонь по отступавшим немцам и в течение дня отверг несколько предложений немецкого командования снова заключить перемирие. В полночь Л. Рендулич направил командованию финских войск в Лапландии ультиматум, в котором потребовал либо подтвердить соблюдение соглашения, либо взять на себя ответственность за возможные жертвы с обеих сторон. 1 октября начались боестолкновения в районе портов Кеми и Торнио. Там финские войска, охранявшие ряд промышленных предприятий, захватили несколько железнодорожных и шоссейных мостов. Днем прибывшая морем из Оулу финская 3-я дивизия начала высадку в Торнио. Произшедший инцидент с захватом мостов вызвал обмен энергичными посланиями между Гитлером и ОКВ. Здесь просматривалась очевидная параллель с состоявшимся двумя неделями ранее наступлением союзников, в ходе которого имел место штурм мостов через Рейн в районе Арнема в Голландии. Л. Рендулич не считал, что мосты в районе Кеми и Торнио имели такое же значение, однако для того, чтобы успокоить Гитлера, а также для того, чтобы как можно дольше исключить доступ финнов к портам, он отдал приказ о контр наступлении.

2 октября финская сторона отвергла ультиматум Л. Рендулича на том основании, что соглашение противоречило условиям перемирия с Советским Союзом, а любые частные договоренности между отдельными лицами не могли служить основанием для их выполнения всеми финскими войсками. На следующий день Л. Рендулич объявил, что отныне 20-я горная армия должна вести боевые действия против финских войск «без всяких ограничений». Немцы также отказались и от тактики выборочного уничтожения шоссейных и железных дорог и мостов. Вместо этого по приказу генерала «все объекты и сооружения, которыми мог воспользоваться противник, подлежали уничтожению».

Бои в районе Кеми и Торнио продолжались до 8 октября. У дивизии неполного состава, направленной в этот район по приказу Л. Рендулича, с самого начала было мало шансов на успех. После 6 октября, когда финские войска высадили в районе Кеми 11-ю дивизию, шансов у немцев не осталось совсем. Два последующих дня немцы занимались исключительно тем, что пытались вывести из окружения остатки своей дивизии. 8 октября немецкие войска отошли к северу. К тому времени главные силы XXXVI и XVIII горнострелковых корпусов проследовали через Рованиеми. Удовлетворенные успехом в районе Торнио и Кеми, куда для того, чтобы засвидетельствовать факт боев, были приглашены иностранные журналисты, финские войска продолжали преследовать немцев, но в бои больше не ввязывались.

К тому времени оперативный отдел ОКВ пересматривал стратегическое положение Германии в странах Скандинавии и Финляндии. Это касалось в основном вопроса о том, должна ли 20-я горная армия и далее оставаться в Северной Финляндии. Кроме того, вопрос об изменении стратегического положения рассматривался в условиях ухудшения отношений со Швецией и повышении роли баз подводных лодок в Норвегии после потери баз во Франции. Предполагалось, что Германия готова вскоре возобновить полномасштабную подводную войну с использованием подводных лодок новых типов. По прогнозам оперативного штаба ОКВ, действовавшие ранее против баз немецких подводных лодок английские корабли и самолеты будут в ближайшее время перенацелены на Норвегию. Их задачей станет дальнейшее ослабление морских коммуникаций, по которым осуществлялось снабжение 20-й горной армии; кроме того, англичане пытались не допустить создания плацдарма советских войск в северной части Скандинавского полуострова. В ОКВ к тому времени стали полагать, что не следовало далее рисковать и продолжать удерживать Северную Финляндию, поскольку, по мнению возглавлявшего промышленность рейха А. Шпеера, Германии должно было хватить имевшихся у нее запасов никеля. В то же время отвод 20-й горной армии на территорию Норвегии позволял укрепить оборону этой страны на случай высадки войск союзников или нападения со стороны Швеции. 3 октября, ознакомившись с заключением оперативного штаба, Гитлер утвердил решение об отступлении в Норвегию, на рубеж Люнген. Оборона, организованная на этом коротком рубеже, пересекавшем территорию Северной Норвегии от Люнген-фьорда до северной оконечности Швеции, была бы практически непреодолимой. Через два дня в 20-ю горную армию поступил предварительный приказ о начале операции под кодовым названием Nordlicht («Северное сияние»).

С тактической точки зрения операция представляла собой расширенный вариант операции Birke с добавлением проблем по эвакуации XIX горнострелкового корпуса, занимавшего позиции восточнее Печенги, а также вывоз имущества с тыловых армейских складов, которого должно было хватить на восемь месяцев. Операция не знала аналогов в мировой военной истории, так как представляла собой переход через Арктику в зимнее время армии численностью 200 тыс. человек со всей техникой и тыловым имуществом. А зима была уже в полном разгаре. Построенная немцами вдоль побережья Северной Норвегии дорога Рейхштрассе 50 считалась непроходимой на участке от Киркенеса до Лаксэльва в период с начала октября до начала июня из-за снежных заносов. Поэтому, несмотря даже на то, что осень 1944 г. выдалась необычно мягкой, XIX горнострелковому корпусу было необходимо выйти в район западнее Лаксэльва не позднее 15 ноября — цель, которой можно

было добиться только при очень большой удаче. XXXVI горнострелковый корпус имел возможность воспользоваться дорогой, ведущей в Лаксэльв от Ивало, проходимой при любой погоде. Дорога, назначенная для передвижения XVIII горнострелкового корпуса, была не достроена на участке от Шиботна до Муонио и не отремонтирована на участке между Муонио и Рованиеми. Однако неудовлетворительное состояние, в котором она находилась, отчасти компенсировалось тем фактом, что этот маршрут проходил по самому южному участку и представлял собой наиболее короткий путь к Люнген-фьорду.

Одновременно с беспрецедентно сложными проблемами, обусловленными состоянием дорог и погодой, тактическая обстановка для немецких войск была достаточно серьезной и в любой момент могла стать катастрофической. Потенциально финская армия была в состоянии бросить в наступление против XXXVI и XVIII горнострелковых корпусов превосходящие силы. Можно было быть уверенными, что русские собирались приложить все усилия, чтобы не позволить XIX горнострелковому корпусу отступить без боя. Помимо этого они располагали самыми разнообразными вариантами противодействия противнику. Советские войска могли попробовать устроить ловушку против XXXVI горнострелкового корпуса в районе Ивало. Кроме того, русские могли нанести удар через Ботнический залив через северную часть Швеции с целью отрезать армию от Нарвика. Для этого пришлось бы потребовать от шведов предоставить советским войскам право воспользоваться железной дорогой Лулео—Нарвик в качестве *qui pro quo* («одно вместо другого») за право использования шведских железных дорог, предоставленное Германии в 1941 г. Наконец, русские могли просто преследовать отступающие немецкие войска в Северной Финляндии и Норвегии.

И наконец, высадившиеся в Европе британские и американские войска могли доставить немцам на Севере ненамного меньше проблем, чем русские.

Дорога Рейхштрассе 50 имела многочисленные паромные переправы; кроме того, она была проложена вдоль побережья и на некоторых достаточно больших участках подходила вплотную к берегу, что делало войска уязвимыми от ударов с моря и воздуха. Не следовало также упускать из виду возможность нападения противника с территории Швеции, которая расторгла торговый договор с Германией и, похоже, была близка к полному разрыву отношений. 20-я армия уже была связана приказом избегать любых инцидентов, которые могут быть расценены как провокация. Это было сложной задачей, поскольку часть маршрута XVIII горнострелкового корпуса протяженностью несколько сот километров проходила непосредственно вдоль границы со Швецией.

Первый этап операции Nordlicht должен был начаться исходя из действий русских. После того как примерно с середины сентября намерения немецкой стороны стали просматриваться довольно явно, 7 октября советские войска начали наступление против XIX горнострелкового корпуса (см. карту 35). XIX горнострелковый корпус находился на тех же позициях, которые он занимал в конце лета 1941 г. На левом фланге 6-я горнострелковая дивизия удерживала укрепленный рубеж на реке Западная Лица. На правом фланге 2-я горнострелковая дивизия занимала линию опорных пунктов, ведущую на юго-запад, в направлении на Ивало. Дивизионная группа «Ван дер Хооп» обороняла участок фронта, проходящий через перешеек полуострова Рыбачий, а 210-я пехотная дивизия держала оборону на рубеже между бухтой Петсамо (Печенгской губы) и Киркенесом.

Против XIX горнострелкового корпуса численностью 53 тыс. человек советская 14-я армия сосредоточила пять стрелковых корпусов, насчитывавших 97 тыс. солдат и офицеров. На полуострове Рыбачий в Северном оборонительном районе находились две бригады ВМФ<sup>1</sup>.

Тем не менее немцам приходилось удерживать оборону на этом участке, для того чтобы обеспечить отвод войск с южного участка и эвакуацию огромных складов техники и военного имущества<sup>2</sup>.

Утром 7 октября советский 131-й стрелковый корпус нанес удар на оборонительном рубеже 2-й горнострелковой дивизии на стыке с соседним соединением в районе южнее озера Чапр. На правом фланге в наступление перешел 99-й стрелковый корпус. Два корпуса при поддержке артиллерии, авиации и, что явилось для немцев неожиданностью, танков уничтожили несколько немецких опорных пунктов и к полудню практически вышли к реке Титовка на границе с Финляндией. Понеся большие потери, 2-я горнострелковая дивизия отошла по дороге Лан к Луостари. Тем самым создавалась угроза арктическому шоссе, главной дорожной артерии армии. Л. Рендулич приказал 6-й горнострелковой дивизии эвакуировать участок фронта в районе Лица и высвободившиеся силы направить на защиту шоссе.

9 октября 126-й легкий стрелковый корпус нанес удар в обход южного фланга 2-й горнострелковой дивизии в направлении на ар-

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 368.

<sup>2</sup> Предвидя возможность того, что 20-й горной армии придется вести бои в отрыве от основных сил, в 1942 г. Гитлер приказал создать для нее значительные запасы на армейских складах. Ко времени начала операции Nordlicht многое из того, что имелось на этих складах, стало, по выражению одного из офицеров, «настоящей роскошью» в самой Германии. Поэтому не приходилось рассчитывать на то, что армия сможет получить достаточное снабжение после перехода в Норвегию.



ктическое шоссе. При этом был смят северный фланг в районе дороги Лан и образовалась брешь между этим участком и флангом 6-й горнострелковой дивизии. Для ее ликвидации Л. Рендулич направил туда один полк и два батальона из состава XXXVI горнострелкового корпуса.

10 октября стал кризисным днем. В полночь 12-я бригада ВМФ высадила десант на континентальное побережье к западу от полуострова Рыбачий и в течение дня вышла во фланг дивизионной группе «Ван дер Хооп», вынудив немцев оставить занимаемый ими перешеек на полуострове Средний. 131-й стрелковый корпус бросил два полка в наступление в северном направлении через брешь, образовавшуюся между участками обороны 2-й и 6-й горнострелковых дивизий, с целью отрезать Русскую дорогу — главный путь отступления 6-й горнострелковой дивизии на запад. На правом фланге 2-й горнострелковой дивизии русский 126-й легкий стрелковый корпус, перерезав арктическое шоссе в 8 км западнее Луостари, создал еще более угрожающую обстановку на этом участке. Л. Рендулич отдал приказ 6-й горнострелковой дивизии ликвидировать прорыв противника на Русской дороге и затем отступить на рубеж Печенга—Луостари. Кроме того, по его приказу 163-я пехотная дивизия форсированным маршем отправилась из района Рованиemi на север. Предварительно немцы должны были уничтожить предприятия по добыче никеля в Колосйоки (Никель. — *Ред.*), что требовало проведения взрывных работ колоссальной интенсивности<sup>1</sup>.

В течение двух последующих дней 6-й горнострелковой дивизии удалось частично восстановить контроль над Русской дорогой. После этого дивизия вместе с дивизионной группой «Ван дер Хооп» отошла к Печенге. 2-й горнострелковой дивизии удалось удержать дорожный узел в районе Луостари. К тому времени советские войска контролировали уже примерно 8 км арктического шоссе. Для того чтобы воспрепятствовать их дальнейшему продвижению в западном направлении, боевой группе «Рубель» в составе двух полков 163-й пехотной дивизии под командованием командира дивизии генерал-лейтенанта Карла Рубеля была поставлена задача создать в районе шоссе дополнительный оборонительный рубеж.

13 октября, в то время как боевая группа «Рубель» и 2-я горнострелковая дивизия совершали безуспешные атаки с севера и юга с

---

<sup>1</sup> Предприятие Колосйоки (Никель) было полностью защищено от бомбовых ударов. Некоторые участки находились в глубоких подземных бункерах; остальные, выходявшие к поверхности, были оборудованы массивными бетонными «колоколами». По общему мнению, здешние рудники имели более сильную противовоздушную оборону, чем любой другой участок на Восточном фронте (в свою очередь, русский Мурманск, игравший особую роль как незамерзающий порт, куда приходили конвои с техникой и снаряжением, поставляемым в СССР по ленд-лизу, обладал мощной ПВО, которая, по мнению германских летчиков, была страшнее лондонской. — *Ред.*)

целью сбить противника с шоссе, 126-й легкий стрелковый корпус нанес удар им в стык в северном направлении, отрезав дорогу на Тарнет. В результате отрезанными оказались 2-я и 6-я горнострелковые дивизии, а также дивизионная группа «Ван дер Хооп», поскольку в условиях гористой местности и тундры соединения не могут двигаться вне дорог. В течение одной недели советской 14-й армии удалось разрушить фронт, который немцы создавали в течение трех лет. Л. Рендулич отдал дивизиям приказ оставить Петсамо (Печенгу) и Луостари и отступить к границе с Норвегией.

Даже советские войска, большая часть которых была специально подготовлена к этому, не могли выдержать длительных наступательных боев в условиях тундры. 14 октября они остановились для перегруппировки. В течение нескольких дней три немецкие дивизии с боями пробили себе путь по дороге на Тарнет, но к тому времени, когда им удалось прорваться, 2-я горнострелковая дивизия была настолько потрепана, что ее пришлось отвести для отдыха и пополнения в южном направлении, за боевые порядки боевой группы «Рубель».

18 октября, предполагая, что русские должны вот-вот возобновить наступление, Л. Рендулич приказал боевой группе «Рубель» в течение трех дней отойти к Салмиярви. Поскольку в результате русские получали доступ к дороге между Колосйоки (Никель) и Киркенесом, по которой транспортировалась никелевая руда, 6-я горнострелковая дивизия получила приказ оборонять южные подступы к Киркенесу. В результате выполнения этого маневра XIX горнострелковый корпус и боевая группа «Рубель» оказывались отделенными друг от друга с участками фронта, развернутыми в противоположных направлениях.

18 октября советская 14-я армия возобновила наступление. Четыре ее корпуса атаковали участок фронта боевой группы «Рубель». Группа отошла назад вдоль арктического шоссе, тем самым избежав фронтального удара. Но на следующий день ее положение осложнилось, так как 127-й легкий стрелковый корпус атаковал в обход ее фланга, создав угрозу отрезать участок шоссе за немецкими войсками. Для того чтобы сохранить путь отхода, группе пришлось отступить к узкой долине в районе озера Каскама. По мере того как группа продолжала отходить к Ивало, натиск советских войск постепенно ослабевал.

131-й корпус перешел в наступление и нанес удар по обороне 6-й горнострелковой дивизии в районе Киркенеса в общем направлении на Тарнет, где находилась гидроэлектростанция, снабжавшая Киркенес электроэнергией. К 22 октября русские начали обстреливать гидроэлектростанцию. В связи с этим Л. Рендулич проинформировал ОКВ, что без подачи тока в доки суда не смогут заходить в Киркенес. Он попросил разрешения приостановить эвакуацию тыловых запасов и предоставления ему права действовать исходя из обстановки. Соответствующее разрешение было получено через несколько часов. 24 октября немецкие войска восточнее Киркенеса



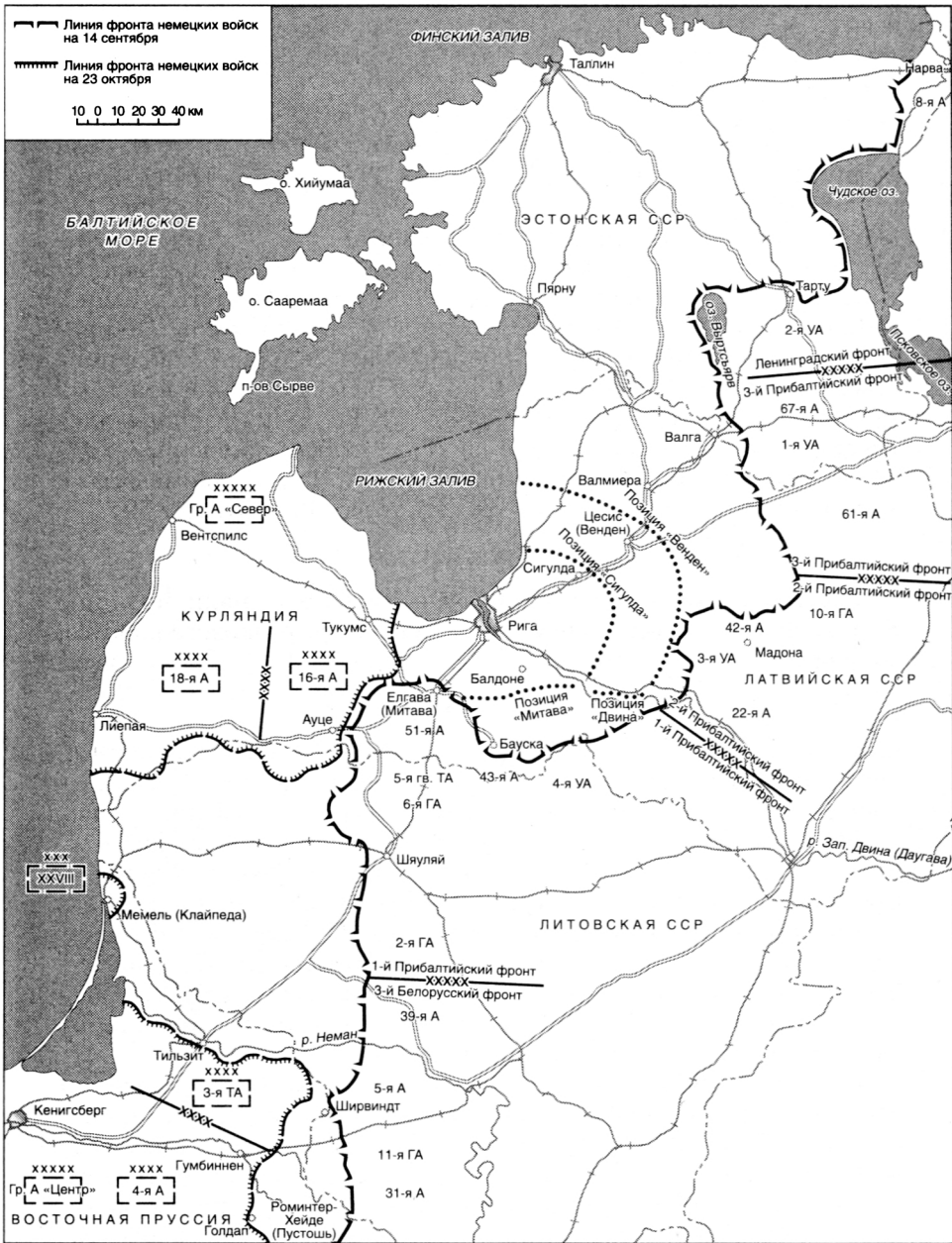
начали быстро отходить на запад, на Рейхштрассе 50. 27 и 28 октября они вели арьергардные бои с советскими войсками, после чего темпы наступления русских снизились. Немцам удалось спасти примерно одну треть своих запасов с тыловых складов (45 тыс. тонн).

26 октября началось отступление с полуострова Варангер. На этом участке русским удалось продвинуться до Тана-фьорда. На пути движения XIX горнострелкового корпуса две дивизии из состава норвежской армии (марионеточного режима Квислинга. — *Ред.*) были переброшены на участок между Шиботном и Лаксэльвом для защиты наиболее уязвимых участков дороги Рейхштрассе 50 до того момента, пока они не будут пройдены войсками 20-й горной армии. По приказу Гитлера, который пытался не допустить создания плацдармов севернее Люнген-фьорда как советскими войсками, так и войсками правительства «свободной Норвегии», Л. Рендулич распорядился перейти к тактике выжженной земли. Гражданское население (около 43 тыс. человек) было эвакуировано, в основном небольшими судами морем — для того чтобы не перегружать трассу Рейхштрассе 50.

В середине октября войска 169-й дивизии заняли позицию Schutzwall в зоне ответственности XXXVI горнострелкового корпуса, созданную южнее Ивало в рамках операции Birke. Она представляла собой дополнительный оборонительный рубеж, протянувшийся в восточном направлении на реки Лотта и Ристикент. 21 октября командованию корпуса пришлось испытать здесь кратковременный шок, когда радиоразведка сообщила, что в долине реки Лотта дислоцировался штаб советской 19-й армии и три ее дивизии.

30 октября, после того как войска бывшей боевой группы «Рубель» прошли через Ивало в направлении на Лаксэльв, участок фронта в районе реки Лотта был оставлен. На следующий день началась эвакуация войск с позиции Schutzwall. 2 ноября 2-я горнострелковая дивизия вышла на шоссе Рейхштрассе 50, что означало начало заключительного этапа отхода войск XIX и XXXVI горнострелковых корпусов. На следующий день войска тылового прикрытия 169-й пехотной дивизии оставили Ивало.

29 октября XVIII горнострелковый корпус, который удерживал Муонио до завершения эвакуации всех крупных складов боеприпасов, начал отступать к позиции Sturmbock, расположенной к западу от Кааресуванто. Здесь оборонительные укрепления, построенные в рамках операции Birke, продолжала оборонять 7-я горнострелковая дивизия. Она защищала узкую полосу финской земли, протянувшуюся на северо-запад между Швецией и Норвегией, обеспечивая фланговое прикрытие позиции «Люнген», а также войск, отходящих на запад по трассе Рейхштрассе 50. 18 декабря войска тылового обеспечения на шоссе Рейхштрассе 50 прошли Билле-фьорд. 7-я гор-



Карта 36. Отступление группы армий «Север» в Курляндию. 14 сентября — 23 октября 1944 г.

нострелковая дивизия продолжала удерживать рубеж Sturmbock до 12 января 1945 г., после чего начала медленно отходить на позицию «Люнген», которую к тому времени занимала 6-я горнострелковая дивизия.

В конце января операция Nordlicht была завершена. На северо-западной оконечности Финляндии небольшой участок финской территории, куда входила позиция «Люнген», находился в руках немцев до последних чисел апреля 1945 г. На участке восточнее Люнгенфьорда до полуострова Варангер район границы Норвегии и Финляндии оставался пустынным. Исключение составляли небольшие немецкие группы, действовавшие в районе Хаммерфеста и Алты, которые продолжали эвакуацию тыловых складов до февраля 1945 г. В январе правительство Норвегии направило сюда символический полицейский контингент из Великобритании и Швеции. После этого советские войска начали постепенно отходить из этого района, оставив только небольшой контингент в районе Киркенеса.

Несмотря на то что операция Nordlicht явилась образцом высоко-го боевого искусства и стойкости немецких войск, немаловажным фактором при ее выполнении была и изрядная толика удачи, выпавшая на долю немецкого командования. Противник не воспользовался ни одной из серьезных опасностей и даже угрожающих ситуаций, в которых не раз оказывались немцы. Погода также была максимально благоприятной для Арктики, а зима пришла в тот год необычайно поздно. Но самой большой удачей для 20-й горной армии при выполнении операции Nordlicht стало то, что она осуществлялась как раз в тот момент, когда ресурсы как Советского Союза, так и западных союзников оказались задействованы до предела на основных фронтах. Поэтому Советский Союз смог лишь предпринять скромную попытку воспрепятствовать немцам, а союзники не смогли ничего противопоставить им вообще. (В ходе Петсамо-Киркенесской операции 19-й горнострелковый корпус потерял только убитыми около 30 тыс. человек (из 53 тыс.). Было потоплено 156 кораблей и судов. Потери советских войск составили 6084 человека убитыми и пропавшими без вести и 15 149 человек ранеными и больными — так выглядит «скромная попытка». — *Ред.*)

### **Отступление группы армий «Север» в Курляндию**

Перемирие с финнами, отступление 20-й горной армии и неудачная попытка захватить остров Сурсари (о. Гогланд) сделали для Гитлера необходимость удерживать северную оконечность Восточного фронта почти бессмысленной. С точки зрения тактики к середине сентября 1944 г. в наиболее опасном положении оказалась группа

армий «Север» (см. карту 36). Фронт, который на севере проходил на широте Кенигсберга, сократился до узкой извилистой полосы от 120 до 140 км вдоль побережья. Его длина составляла примерно 600 км. На центральном участке немецкая оборона была прорвана в районе Тукумс—Рига. В конце июля на участке менее 30 км к побережью Балтийского моря выходили советские танки (позже отступили) 3-го гвардейского механизированного корпуса. Как следствие, войска группы армий «Север» и немецкой 3-й танковой армии обороняли удлинённый извилистый плацдарм на побережье, уязвимый практически на любом направлении и сузившийся до опасных пределов.

В августе А.М. Василевский взял на себя координацию действий трех Прибалтийских фронтов. Ленинградский фронт под командованием Л.А. Говорова подчинялся напрямую Ставке; его левый фланг несколько сместился на юг и теперь включал в себя Тарту, расположенный между Чудским озером и озером Выртсъярв. В сентябре Л.А. Говоров перебросил 2-ю ударную армию, развернутую близ Нарвы, в район южнее Тарту для нанесения удара в северном направлении, в тыл армейской группы «Нарва». Прибалтийские фронты разворачивались для нанесения ударов по сходящимся направлениям на Ригу. Предполагалось, что на направлении главного удара каждого из фронтов первоначально будут действовать по две армии. Армии 3-го Прибалтийского фронта под командованием генерала армии И.И. Масленникова должны были продвигаться в юго-западном направлении через Валгу и Валмиеру. 2-му Прибалтийскому фронту под командованием К.И. Еременко предстояло наступать строго на запад из района Мадоны. 1-му Прибалтийскому фронту И.Х. Баграмяна был назначен кратчайший путь, всего примерно 50 км, которые предстояло пройти с боями от Бауски до Риги<sup>1</sup>.

По соображениям высшего советского командования было решено отказаться от возможности нанести еще один сокрушительный удар к балтийскому побережью через коридор Тукумс—Рига. Тем не менее данные немецкой разведки за тот период свидетельствовали, что помимо 4-й ударной и 43-й армий, развернутых в районе Бауски, в распоряжении И.Х. Баграмяна имелись гораздо более серьезные силы, а именно 5-я гвардейская танковая, 6-я гвардейская и 51-я армии, сосредоточенные в районе Елгавы. Со стороны немцев было бы большим тактическим упущением не предусмотреть возможность того, что И.Х. Баграмян и А.М. Василевский могут использовать эти войска в районе коридора Тукумс—Рига.

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 345, 346; *Платонов С.П.* Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 618.

Сосредоточение советских войск осуществлялось достаточно медленно для того, чтобы дать немцам полностью отследить его. Проблема, вставшая перед группой армий «Север», была ужасающе проста. Естественным и правильным решением было бы отвести войска группы армий из Прибалтики до того, как полностью закроется коридор Тукумс—Рига. Но, поскольку было очевидно и то, что немецкое командование не желает принимать такое решение, группа армий построила сеть тыловых позиций. Самыми важными из них были те, на которых немецкие войска действительно имели реальные шансы удержаться: рубеж «Венден», представлявший собой четверть окружности на радиусе 10 км от Риги, рубеж «Сигулда», проходивший в 15 км внутри рубежа «Венден», а также рубежи «Митава—Восток» и «Двина», соединявшиеся с рубежами «Венден» и «Сигулда» на восточных участках.

Даже Ф. Шернер не мог серьезно полагать, что сумеет удержать Эстонию и Северную Латвию в случае, если противник предпримет здесь серьезное наступление. Русские находились в 50 км южнее Риги и в 80 км от побережья в районе озера Выртсъярв. В то же время левый фланг армейской группы «Нарва» проходил в 200 км, а правый фланг — примерно в 350 км от Риги. Командование группы армий подготовило командно-штабную игру Aster («Астра»). В ней заранее прорабатывались варианты отхода войск армейской группы «Нарва» и 18-й армии на рубеж «Венден».

В то же время в ОКХ намеревались удержать коридор Тукумс—Рига. 12 сентября 3-я танковая армия получила приказ усилить свой левый фланг для удара из района Ауце в тыл сосредоточения войск 3-го Прибалтийского фронта — в район города Буска. Шансы на то, что армия сумеет справиться с этой задачей, свелись к нулю к утру 14 сентября, когда войска 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов перешли в наступление. 1-му Прибалтийскому фронту удалось сразу же вклиниться в немецкую оборону на глубину до 7 км. Двум другим фронтам ни в первый, ни на второй день наступления не удалось добиться столь впечатляющего успеха. Но 15 сентября войска И.Х. Баграмяна, воспользовавшись плацдармом, пробитым в немецкой обороне, который они сумели создать в первый же день наступления, бросили свои передовые части на рубеж «Митава—Восток», в 40 км южнее Риги<sup>1</sup>.

Ф. Шернер попросил разрешения на эвакуацию войск из Эстонии, заметив, что «именно сейчас настал последний момент, когда такое решение еще выполнимо». На следующий день он вылетел в ставку фюрера для личного доклада Гитлеру.

Гитлер, как всегда, был настроен против любого отступления. Следуя своей своеобразной логике, он в ответ заявил, что при лю-

---

<sup>1</sup> Платонов С.П. Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 619.

бом развитию обстановки III танковый корпус СС, занимающий оборону на внешнем фланге войск Ф. Шернера, между Чудским озером и Финским заливом, не успеет вовремя отойти. Он также заметил, что в связи с наметившейся тенденцией к поиску мира со стороны Советского Союза (? — *Ред.*) он не хочет терять территорию Прибалтики, которая может понадобиться для торговли с русскими. Затем фюрер в очередной раз посетовал на то, что потеря Прибалтики означает для германского военного флота потерю тренировочных баз. Наконец, Гитлер утвердил решение Ф. Шернера после того, как его удалось убедить в том, что отступление в рамках операции «Астра» начнется не ранее чем через двое суток, в течение которых оно может быть отменено.

В течение дня 16 сентября немецкая 3-я танковая армия перешла в наступление (немцы ввели в дело 380 танков и штурмовых орудий. — *Ред.*). Ни одной из трех дивизий, наносящих контрудар, не удалось нащупать слабого места в обороне советских войск; к концу дня немцы были вытеснены на исходные позиции в тех участках, где им удалось несколько продвинуться вперед. Вечером Г. Гудериан намекнул Г. Рейнгардту, что в связи с «великими событиями, которые происходят во внешней политике» (вероятно, речь шла о предполагаемых мирных инициативах с советской стороны) Гитлеру «необходим абсолютный успех либо на участке 3-й танковой армии, либо на фронте группы армий «Север»». Поскольку Г. Рейнгардт уже в тот момент понимал, что об успехе наступления на его участке не может быть и речи, он намеревался доложить об этом Гитлеру и был готов передать свои дивизии группе армий «Север».

17 сентября 2-я ударная армия нанесла удар в северном направлении на Тарту, прорвав оборону армейской группы «Нарва» на участке между озером Вуртсъярв и Чудским озером. В тот вечер Ф. Шернеру пришлось резко менять план операции «Астра». Он отдал приказ III танковому корпусу СС до 20-го числа совершить 200-километровый марш от реки Нарва до Пярну, к Рижскому заливу. Грузы и тыловое имущество должны были эвакуироваться через Таллин или быть переправлены через проливы на острова в Балтийском море. Таким образом, отступление удалось превратить в более или менее контролируемое мероприятие, но с весьма призрачными надеждами на успех. Корпусу предстояло попытаться избежать одного окружения, чтобы сразу же попасть в другое, поскольку из 18-й армии поступил доклад, что ее войска более не могут удерживать фронт у южной оконечности озера Вуртсъярв.

В течение нескольких критических дней судьба группы армий «Север» висела на волоске, который чудесным образом так и не оборвался. Ф. Шернер передал 18-й армии подразделения зенитных и противотанковых орудий, небольшие группы самоходных артиллерийских орудий из армейской группы «Нарва» и приказал ни в коем

случае не сдавать фронт у озера Вуртсъярв. В результате оборона армии прогнулась, но не была прорвана.

17 и 18 сентября наступление 3-й танковой армии достигло своего пика: немцам удалось вклиниться во фланг войск И.Х. Баграмяна на глубину до 15 км. Однако к 18 сентября армия не могла продолжать наступать, так как группа армий «Север» нуждалась в подкреплениях. В то же время немцы не могли полностью прекратить наступление, поскольку это позволило бы советской стороне высвободить слишком большое количество войск. Г. Рейнгардт считал, что, несмотря ни на что, он должен воспрепятствовать переброске резервов фронта И.Х. Баграмяна на участок советского наступления севернее города Бауска, а также не позволить русским нанести второй удар через коридор Тукумс—Рига.

19 сентября передовые части 1-го Прибалтийского фронта продвинулись через Балдоне почти к реке Западная Двина (Даугава) и находились в 15 км южнее Риги. Но русские не располагали достаточными силами для продолжения наступления. 20 сентября III танковый корпус СС с необычайной легкостью оторвался от русских в районе Нарвы и вышел к Пярну. Одновременно II армейский корпус, который также входил в состав армейской группы «Нарва», совершил поворот на 180 градусов, развернувшись у северной оконечности озера Вуртсъярв.

Гитлер все еще ждал от своих войск победы хоть на каком-то участке. 20 сентября он отдал приказ о передаче 3-й танковой армии в состав группы армий «Север». Кроме того, он разрешил Ф. Шернеру продолжать отвод войск с позиции «Венден» на рубеж «Сигулда» в рамках операции «Астра». Высвободившиеся в результате сокращения участков фронта 18-й армии и армейской группы «Нарва» пехотные дивизии должны были заменить несколько танковых дивизий в коридоре Тукумс—Рига. Ф. Шернеру было поручено подготовить контрудар по сходящимся направлениям силами танковых дивизий из района западнее Шяуляя и пехотных дивизий из района севернее Бауски. Его задачей было разгромить войска 1-го Прибалтийского фронта на выступе южнее Риги и создать прямую линию фронта между позицией «Сигулда» и Шяуляем.

В период с 20 по 24 сентября А.М. Василевский снова попытался воплотить свой первоначальный замысел: отрезать и разгромить группу армий «Север». Силами шести дивизий, которым теперь не нужно было отражать наступление немецкой 3-й танковой армии, остановленное 19 сентября, 43-я армия перешла в наступление и еще ближе подошла к Риге. 22 сентября войска 2-го Прибалтийского фронта крупными силами танков и пехоты разгромили западнее Мадоны X армейский корпус, а 3-му Прибалтийскому фронту удалось прорвать немецкую оборону в районе Валги.

Моторизованная дивизия СС «Нордланд» после четырехдневного форсированного марша протяженностью 400 км из района внешнего фланга немецкой обороны в районе Финского залива к 22 сентября прибыла в район южнее Риги, тем самым предотвратив катастрофу на этом участке фронта. А.И. Еременко не сумел вовремя ввести на участке X армейского корпуса свой мобильный резерв и развить наступление. 3-й Прибалтийский фронт нанес удар в направлении на Валмиеру, однако он был недостаточно глубоким и в результате лишь несколько осложнил немецкое отступление. 25 сентября из немецкой 16-й армии поступили донесения о том, что 1-й Прибалтийский фронт отказался от попыток выхода к Риге и «пожертвовал» некоторыми своими частями, которые вырвались слишком далеко вперед. Эти войска были отрезаны и уничтожены. К утру 27 сентября немцы заняли рубеж «Сигулда». Советские 2-й и 3-й Прибалтийские фронты также перешли к обороне.

С оперативной точки зрения сентябрьское наступление советских войск против группы армий «Север» привело к эффекту, прямо противоположному поставленным задачам. Вместо того чтобы привести к расколу обороны группы армий, русские позволили противнику на участке севернее рубежа Рига—Мадона сократить линию фронта более чем на две трети, с 380 до 110 км. Армейская группа «Нарва», 18-я и 16-я немецкие армии были несколько потрепаны, но сумели сохранить себя как войсковые объединения. Им удалось создать плотную оборону вокруг Риги. Для советской стороны прорыв к Риге стал задачей, сулившей больше проблем, чем выгод. 27 сентября из 16-й армии поступили донесения об автоколоннах крупных сил советской пехоты, отходившей с этого участка фронта на юго-запад.

24 сентября советская Ставка приняла решение начать все сначала. В последнюю неделю месяца И.Х. Баграмян прекратил концентрацию своих войск южнее и юго-восточнее Риги и перебросил 4-ю ударную, 43-ю, 51-ю и 5-ю гвардейскую танковую армии в район Шяуляя для нанесения удара в западном направлении на Мемель (Клайпеду). 2-й и 3-й Прибалтийские фронты, продолжая наступление на широком фронте в направлении на Ригу, по мере развития операции должны были осуществлять преследование немецких войск в направлении Курляндии<sup>1</sup>.

Ленинградскому фронту была поставлена задача захватить в Балтийском море острова Муху, Сааремаа и Хийумаа. На левом фланге

---

<sup>1</sup> Курляндия, являющаяся самой западной исторической областью Латвии, в прошлом носила название Великого герцогства Курляндского. На западе она упирается в Балтийское море, на северо-востоке — в Рижский залив, а на юге граничит с территорией Литвы.



1-го Прибалтийского фронта одна из армий 3-го Белорусского фронта готовилась к наступлению в направлении на Тильзит<sup>1</sup>.

В конце месяца Гитлер более, чем когда-либо, был полон решимости заставить группу армий «Север» наступать. Во время совещания с Ф. Шернером 28-го числа он назначил исходным рубежом для 3-й танковой армии район южнее Шяуляя, а для 16-й армии — район западнее Риги. Через два дня Ф. Шернер доложил Гитлеру, что сначала группе армий необходимо отвести назад свой фронт восточнее Риги, сосредоточив войска в непосредственной близости от города. Затем в качестве меры предосторожности следовало начать эвакуацию города, получить примерно 30 тыс. человек пополнения (которые еще нужно было отправить на этот участок) и провести общую перегруппировку войск. По его расчетам, самым ранним сроком начала наступления было 3 ноября.

30 сентября начальник штаба группы армий «Север» заявил в беседе с начальником оперативного отдела 3-й танковой армии, что лучше всего было бы совсем не начинать наступление, поскольку русские все равно нанесут удар первыми. Однако, по его мнению, немецким войскам вовсе не была поставлена «неблагодарная задача», так как она позволяла им провести ряд важных подготовительных мероприятий. За день до этого из 3-й танковой армии доложили о том, что в районе северо-западнее Шяуляя выявлен штаб 4-й ударной армии. Советская сторона внезапно прекратила в этом районе радиообмен.

Несмотря на то что все признаки (подготовки наступления) были налицо, в штабе группы армий «Север» до 5 октября не могли поверить в то, что 1-й Прибалтийский фронт сумел выполнить перегруппировку своих армий в течение менее чем 10 дней. В группе армий «Север» были склонны привязывать перегруппировку советских войск к графику подготовки собственного наступления и пребывали в полной уверенности, что в состоянии вовремя перебросить резервы на нужный участок и остановить русских. К 5 октября несколько немецких танковых дивизий были перебросены в район между Шяуляем и Расейняем, однако 3-я танковая армия по-прежнему остро нуждалась в пехоте. 40-километровый участок западнее Шяуляя обороняла 551-я гренадерская дивизия, у которой хватило сил только на организацию очаговой обороны. Предполагалось, что первые пополнения пехотой армия получит не ранее 16 октября.

5 октября 1-й Прибалтийский фронт перешел в наступление из района западнее Шяуляя на Мемель. На следующий день И.Х. Баграмян ввел в бой 5-ю гвардейскую танковую армию, которая должна была совершить рывок к Балтийскому морю. Правифланговая 39-я армия 3-го Белорусского фронта начала наступление на Тиль-

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 354.

зит. В тот же день Ленинградский фронт, который несколько дней назад легко захватил слабо обороняемые острова Хийумаа и Муху, начал высадку десанта на остров Сааремаа.

В течение полутора дней русские захватили почти весь остров, за исключением полуострова Сырве на юго-западной оконечности.

Что было гораздо более серьезным, 7 октября был прорван фронт 3-й танковой армии. 5-я гвардейская танковая и 43-я армии вышли на оперативный простор и через два дня вышли к побережью Балтийского моря южнее и севернее Мемеля. Советские войска обошли командный пункт 3-й танковой армии, и ее штабу пришлось с боями прорываться из Мемеля. В районе Мемеля XXVIII танковый корпус попал в тиски между двумя советскими армиями и был вынужден обороняться на участке побережья вокруг порта.

Помня об ожиданиях фюрера, Ф. Шернер объявил, что намерен нанести контрудар в направлении на Мемель. Для того чтобы высвободить достаточное количество дивизий для обороны севера Курляндии, от которого Ленинградский фронт после захвата полуострова Сырве отделяло бы менее 30 км водного пространства, Ф. Шернер предложил оставить Ригу. Советские подводные лодки уже находились в Рижском заливе. Порт простреливался советской артиллерией. Последний конвой вышел из Риги 10 октября. Теперь вряд ли имело смысл пытаться удержать город. Тем не менее Гитлер согласился с этим решением только на следующий день. Группа армий «Север» обладала достаточными силами для того, чтобы держать оборону в Курляндии, и, возможно, могла собрать необходимые силы для мощного контрудара, но решение о дальнейших действиях принималось не ею. 10 октября распоряжением ОКХ 3-я танковая армия передавалась в группу армий «Центр». Силами всего одного корпуса, так как один корпус находился в районе Мемеля и еще один был отрезан вместе с войсками группы армий «Север», армии предстояло оборонять фланг группы армий «Центр» против мощной 39-й армии, наступавшей на Тильзит. То, что происходило с группой армий «Север», стало еще одной военной катастрофой в череде многих. (Из 59 дивизий группы армий «Север» подверглись разгрому 26, 3 дивизии были уничтожены полностью, остальные оказались прижатыми к морю в Курляндии и в Мемеле. — *Ред.*) Важнее стала угроза на участке фронта группы армий «Центр», поскольку русское наступление на Восточную Пруссию угрожало всей концепции Германии на характер войны. Советская Ставка сумела хорошо подготовиться ловушке для противника, в одну из которых он вот-вот должен был угодить.

16 октября две, а позднее — три советские армии перешли границу с Восточной Пруссией между Ширвиндтом и Роминтером-Хейде и начали продвигаться в направлении на Гумбиннен. На третий день наступления Гитлер был вынужден забрать из 3-й танковой

армии все танки и разрешить армии отступить за Неман. 21 октября, испытывая шок, во-первых, от потери первого немецкого города Ахена, захваченного войсками союзников, и, во-вторых, от донесения из 4-й армии о том, что на следующий день может быть потеряян Гумбиннен, Гитлер приказал группе армий «Север» перейти к обороне в Курляндии.

Попытка советских войск совершить глубокий прорыв в Восточной Пруссии, как стало ясным через два дня, оказалась неудачной. Поэтому, несмотря на то что без 3-й танковой армии шансы на успех были значительно ниже, командование группы армий «Север» снова запросило разрешения на проведение контрудара с целью восстановления контакта с группой армий «Центр». В конце месяца Гитлер отверг это предложение как не имевшее шансов на успех и отдал приказ начать вывод дивизий из Курляндии.

## **Глава 19**

### **ЯНВАРСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ**

#### **Война на два фронта, воля фюрера и ресурсы Германии**

В канун Рождества 1944 г. Г. Гудериан провел в ставке фюрера в Адлерхорсте в горах Таунус, в 15 км к северо-западу от Бад-Наухайма. В начале месяца Гитлер оставил свою ставку в Растенбурге в Восточной Пруссии и после короткой остановки в Берлине до начала наступления в Арденнах переехал в ставку, откуда он руководил победоносной кампанией против Франции в 1940 г. К утру туда же прибыл на своем поезде Г. Гудериан. Ночью он переехал из ставки ОКХ в Майбахлагер в Цоссене, к югу от Берлина. Он намеревался просить Гитлера остановить наступление на Западе и отправить дополнительные силы на Восточный фронт. В течение последних сорока восьми часов стало очевидным, что в ходе операции в Арденнах не удастся достичь поставленных целей. В то же время на Восточном фронте, в районе севернее Карпатских гор, русские сосредоточили самую крупную группировку своих войск за все время войны.

Гитлер отказался выпустить из рук инициативу, которой, как он полагал, его войска владели на Западе. Оценка советских сил, развернутых против групп армий «А» и «Центр», данная ОКХ, вызвала у него лишь насмешку. Сосредоточение советских войск здесь он назвал «самым большим блефом со времен Чингисхана». Он отказался от создания резервов на Востоке за счет войск, развернутых как на Западе, в Норвегии, так и в Курляндии. Восточному фронту предстояло полагаться только на собственные силы. Во время со-

стоявшегося в тот же вечер ужина Г. Гиммлер, который в последнее время сделал и военную карьеру, став командующим группой армий на Западе, посоветовал Г. Гудериану не беспокоиться. По его словам, русские не собрались наступать; они готовили «гигантскую дезинформацию». Все, чего Г. Гудериану удалось добиться своим визитом в ставку фюрера, было то, что, когда начальник Генерального штаба находился на пути обратно в Цоссен и в течение нескольких часов связь с ним отсутствовала, фюрер отдал приказ о переброске управления IV танкового корпуса СС и двух моторизованных дивизий в группу армий «Юг» для деблокирования Будапешта<sup>1</sup>.

Для Германии положение, сложившееся к концу 1944 г., не выглядело столь катастрофичным, как это было, например, летом того же года. Общие клещи, которыми грозили союзники и Советский Союз, все еще не сомкнулись. И хотя наступление в Арденнах не превратилось в стратегический удар против сил союзников и не дало Германии полностью освободить силы для Восточного фронта, немцы перехватили инициативу на Западе, и союзникам понадобилось какое-то время, прежде чем они смогли возобновить свое движение в глубь рейха. В районе к северу от Карпат русские в течение вот уже двух с половиной месяцев не предпринимали крупного наступления. Это позволило почти разгромленной в августе группе армий «Юг» настолько укрепить свои позиции в Венгрии, что деблокирование Будапешта уже не казалось невозможным. Группа армий «Е» предпринимала последний этап вывода своих войск из Греции, Албании и Южной Югославии. В Италии группа армий «Ц» остановила наступление британских и американских войск на Готской линии (название, данное союзниками; немцы называли этот рубеж Зеленой линией. — *Ред.*).

И все же стратегия Гитлера потерпела банкротство. Он продолжал упрямо пытаться удержать все захваченные территории. Свои последние скудные военные резервы он решил потратить на то, чтобы освободить себе руки на Западе, но не смог этого добиться. Фюреру оставалось лишь пытаться оттянуть неизбежное поражение, и он знал об этом. В конце декабря он заявил одному из своих генералов: «Эта война больше не будет длиться столько, сколько она длилась раньше. Это абсолютно точно. Никто больше не сможет выдержать этого: ни мы, ни противник. Единственный вопрос в том, кто сумеет продержаться дольше? Это удастся только тому, кто поставит на карту все». Но едва ли он понимал, что на самом деле у него гораздо меньше времени, чем он мог предположить. Способность немецкой стороны продолжать ведение войны падала по стремительной спирали.

---

<sup>1</sup> Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 345—349.

Как на Востоке, так и на Западе противники Германии имели неоспоримое преимущество в ресурсах. Выпуск промышленной продукции в Германии приходилось осуществлять в условиях опустошительных бомбардировок авиации противника. Стране удавалось успешно противостоять рейдам вражеской авиации, но с каждым разом восстановление занимало все больше времени. В сентябре 1944 г. немецкие авиационные предприятия выпустили 3 тыс. истребителей, самое большое количество за все время войны. В октябре началось производство реактивных истребителей. В декабре все еще удавалось поддерживать уровень производства более высокий, чем в любом месяце до мая 1944 г.<sup>1</sup>

Производство бронетехники, прежде всего танков, штурмовых орудий, достигло пика в военное время. В декабре 1944 г. было произведено 1854 единицы бронетехники, однако главным образом за счет заблаговременной подготовки большого количества основных комплектующих, которые были поставлены на конвейеры за несколько месяцев до начала производства. В то же время производственная база постепенно разрушалась. Мощные бомбардировки Рурского района в декабре 1944 г. привели к сокращению производства чугуна, незакаленной стали и проката в этом месяце до уровня 50% по сравнению с сентябрем того же года и примерно 30% по сравнению с январем 1944 г.<sup>2</sup>

По данным стратегического авиационного командования США, воздушные бомбардировки союзников к концу 1944 г. настолько разрушили немецкую железнодорожную сеть, что «страна не могла рассчитывать в течение длительного периода времени поддерживать высокие темпы промышленного производства»<sup>3</sup>.

Предприятия с коротким сроком производства уже успели ощутить влияние этих неблагоприятных факторов. Автомобильное производство ощутимо пострадало как от бомбовых ударов, так и от разрушения железнодорожной сети. В октябре и ноябре 1944 г. сборочные предприятия выпустили 12 тыс. грузовых автомобилей. Этого удалось добиться путем восстановления всех вышедших из строя автомашин, которых удалось обнаружить на территории Германии. В декабре удалось произвести всего 3300 грузовых автомобилей при потребности 6 тыс. новых автомашин. 70% из них Гитлер бросил для обеспечения наступления на Западе. В январе оснащенность танковых и моторизованных дивизий автотранспортом пришлось сокра-

---

<sup>1</sup> Рост и падение германских ВВС // Сборник министерства ВВС Великобритании. № 248 С. 309.

<sup>2</sup> Влияние стратегических бомбардировок на немецкую военную экономику // Сборник стратегического авиационного командования США. 1945. 31 октября. С. 249, 257, 263 и 279.

<sup>3</sup> Общий отчет (о ведении войны в Европе) // Сборник стратегического авиационного командования США. 1945. 30 сентября. С. 64.

тить на 25%. Часть личного состава моторизованных дивизий пришлось пересадить на велосипеды. Гитлер попытался утешить себя мыслями о том, что в танковых дивизиях в любом случае было слишком много автотранспорта, что времена стремительного маневра отошли в прошлое и что во многих случаях пехотные дивизии двигались быстрее, чем так называемые мобильные соединения, которые только создавали пробки на дорогах.

С военной точки зрения самым опасным было катастрофическое падение производства горючего, начавшееся в мае 1944 г. Несмотря на имевшую высший приоритет так называемую программу Гейленберга, предусматривавшую ремонт и рассредоточение имевшихся и создание новых предприятий по производству синтетического горючего, в течение лета его производство сократилось. В сентябре заводы искусственного топлива не работали из-за действий бомбардировочной авиации союзников. В конце августа были потеряны нефтяные промыслы на территории Румынии. В октябре и ноябре производство синтетического горючего возобновилось, но его выпуск был незначительным. Но к концу декабря в результате новых бомбардировок были выведены из строя все крупные предприятия по производству горючего, кроме одного, и 20% более мелких заводов<sup>1</sup>.

Группа армий «Юг» удерживала месторождения нефти в районе города Надьканижа в Венгрии, но в результате потери нефтеперерабатывающих предприятий в Будапеште и саботажа рабочих производство горючего не обеспечивало даже потребностей самой группы армий. В июне 1944 г. немецкие ВВС израсходовали 180 тыс. тонн авиационного бензина. За все оставшееся время войны объем поставок авиационного топлива составил не более 197 тыс. тонн<sup>2</sup>.

Несмотря на то что до конца года в стране удавалось поддерживать высокие темпы производства боевых самолетов, в ВВС не хватало горючего для должной подготовки летного состава и для эффективного использования имевшихся самолетов. Почти такой же острой была нехватка горючего для наземной техники, и у армии были схожие проблемы с возможностями применения бронетехники.

Немецкие сухопутные войска сначала стали испытывать нехватку личного состава, и уже потом наступил спад в производстве боевой техники. Но несмотря на то что до конца 1944 г. были опробованы множество способов поддержания необходимой численности армии, некоторые из которых давали результат, а другие нет, немцы не смогли обеспечить для армии достаточного количества пополнения

---

<sup>1</sup> Рост и падение германских ВВС // Сборник министерства ВВС Великобритании. № 248. С. 352.

<sup>2</sup> Влияние стратегических бомбардировок на немецкую военную экономику // Сборник стратегического авиационного командования США. С. 81.

для того, чтобы ее ряды перестали стремительно таять. В период с июня по ноябрь 1944 г. общие безвозвратные потери немцев на всех фронтах составили 1 млн 457 тыс. человек, из которых 903 тыс. солдат и офицеров приходилось на Восточный фронт<sup>1</sup>.

По состоянию на 1 октября 1944 г. численность личного состава на Восточном фронте составляла 1 790 138 человек (всего на Восточном фронте к началу 1945 г. немцы имели, включая венгерские формирования и прочие части, 3,7 млн человек, 56,2 тыс. орудий и минометов, 8,1 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,1 тыс. самолетов (История Второй мировой войны. Т. 10. С. 37), в том числе около 150 тыс. Hiwis (вспомогательных войск из состава советских граждан)<sup>2</sup>.

Это было на 400 тыс. меньше, чем в июне, и почти на 700 тыс. меньше, чем в январе 1944 г., когда Западный театр можно было рассматривать как нечто вроде источника пополнений для Восточного фронта.

Наиболее сильно нехватка личного состава сказывалась в старых дивизиях, имевших большой опыт ведения боевых действий. В период с 1 сентября по 31 декабря 1944 г. одна треть пополнений для всех фронтов, до 500 тыс. человек, была направлена для создания новых соединений или переформирования старых. К концу этого периода некомплект личного состава в старых дивизиях составил более 800 тыс. человек, и это с учетом проведенного в 1944 г. сокращения штатов на 700 тыс. человек.

В августе 1944 г. Гитлер поставил задачу перед Й. Геббельсом как уполномоченным по тотальной войне изыскать через партийные каналы 1 млн мужчин в качестве пополнения для армии. Их предполагалось использовать для создания новых соединений. Данный призыв был внеплановым, без учета ранее проведенных призывов. К концу года Й. Геббельсу удалось обеспечить призыв до 300 тыс. рекрутов. Еще примерно 200 тыс. мужчин были отправлены на фронт из тыловых армейских служб. В октябре Гитлер отдал приказ о фольксштурме — военизированных отрядах из числа гражданских лиц по месту их проживания под руководством партийных функционеров. Туда входили мужчины в возрасте от 16 до 60 лет, по каким-либо причинам не подлежавшие призыву в действующую армию. Члены фольксштурма должны были, по возможности, снаб-

---

<sup>1</sup> Немецкие потери распределялись следующим образом: Западный театр — 440 тыс.; Юго-Западный театр (Италия) — 97 тыс.; Юго-Восточный театр (Балканы) — 17 тыс.; группа армий «Север» — 94 тыс.; группа армий «Центр» — 435 тыс.; группа армий «А» — 117 тыс.; группа армий «Юг» — 243 тыс.; 20-я горная армия — 14 тыс.

<sup>2</sup> Численность войск по группам армий по состоянию на 1 октября 1944 г. распределялась следующим образом: группа армий «Север» — 420 844; группа армий «Центр» — 694 812; группа армий «А» — 457 679; группа армий «Юг» — 216 803.

жаться военным обмундированием. При отсутствии такой возможности они носили либо партийную форму, либо гражданскую одежду. Кроме того, Гитлер одобрил программы «Гнейзенау» и «Блюхер», согласно которым примерно 200 тыс. мужчин должны были войти в состав территориальных дивизий в восточных военных округах. В ноябре он впервые согласился с идеей использования на Восточном фронте воинских формирований из числа русских коллаборационистов, тем самым узаконив длительные разговоры о создании Русской освободительной армии под командованием генерала Власова<sup>1</sup>.

В попытке поддерживать уровень укомплектованности армейских частей личным составом Гитлер смотрел сквозь пальцы на некоторые подтасовки в штатной организации и численности. Он санкционировал создание артиллерийских корпусов, реальная мощь которых была равна одной бригаде, танковых бригад двухбатальонного состава и танковых «егерских» бригад однобатальонного состава. В период с августа по декабрь количество призванных в армию (1 млн 569 тыс. человек) лишь ненамного превышало ее потери на полях сражений. К тому же при более внимательном рассмотрении выяснилось, что примерно 956 тыс. призывников не попадут на фронт ранее 1 января 1945 г.

В октябре и ноябре 1944 г. организационный отдел ОКХ потребовал от армий и групп армий отчетов о состоянии войск. Как и ожидалось, после рассмотрения этих отчетов выяснилось, что наиболее остро войска нуждались в пополнении. Кроме того, в отчетах указывалось на падение морального духа солдат в результате понесенных потерь и в связи с вступлением противника на довоенную немецкую территорию на Западе и в Восточную Пруссию на Востоке. Сказывались и «воздушные рейды устрашения», которые устраивали союзники. В общем, в войсках все еще верили в победу, но по большей части такая вера была основана исключительно на надеждах на получение в скором будущем нового оружия, которое позволит остановить атаки вражеской авиации и покончить с превосходством противника на земле.

Насколько серьезным стало положение Германии, Гитлер представлял себе гораздо лучше, чем бедняги ополченцы и солдаты-гренадеры, продолжавшие серьезно верить в секретное чудо-оружие. Кроме того, он точно знал то, что собирался предпринять в дальнейшем. На самом деле об этом знали и многие вокруг. В прошлом немецкий фюрер часто приходил в состояние нервного потрясения, близкого к срыву, даже в дни, когда фортуна была на его стороне.

---

<sup>1</sup> 10 февраля 1945 г., когда Власов получил под свое командование только что сформированную первую дивизию, в новом соединении нехватка обмундирования составляла 55%, а техники и автотранспорта — 85%.



Но Гитлер не испытывал никаких колебаний в момент, когда она от него отвернулась. 28 декабря 1944 г. в Адмхорсте (Орлиное гнездо) в обращении к командирам дивизий, которые должны были в новогодние дни начать наступление в Северном Эльзасе, он признал, что наступление в Арденнах провалилось, что отныне Германии придется бороться за сам факт своего существования. Далее фюрер продолжал:

«Мне хотелось бы прямо отметить, господа, что я не хочу, чтобы вы хоть в малейшей мере делали заключение о том, что я допускаю мысль о том, что война проиграна. Никогда в жизни я не делал попыток узнать о том, что означает слово «капитуляция». Я принадлежу к тем людям, которые пробивали себе дорогу в жизнь из ничего. Таким образом, обстоятельства, в которых мы сейчас оказались, не представляют собой для меня ничего нового. Мне приходилось бывать в различных жизненных ситуациях, иногда и гораздо более худших. Я заявляю, что только так вы сможете судить, отчего я добиваюсь своих целей с таким фанатизмом и почему ничто не может помешать мне. Тем не менее меня тоже могут преследовать беспокойные мысли, и, насколько я могу судить, мое здоровье может быть в результате этого серьезно подорвано. Но это никак не скажется на моей решимости бороться до конца до тех пор, пока чаша весов вновь не качнется в нашу сторону».

Это была все та же старая песня, но в прежние времена даже в такой же речи к генералам перед наступлением в Арденнах эти слова имели под собой основу в политическом и стратегическом смысле. Тогда Гитлер все еще говорил как государственный деятель и стратег, и его воля использовалась для достижения конкретных, ясно выраженных целей. Теперь же его воля стала чем-то таким, что должно было восприниматься как отдельный фактор; только она имела значение. Армии и сражения становились чем-то вторичным. Важно было лишь то, что его воля и он сам не ослабели. Он продолжал говорить генералам о том, что история опровергает мнение о том, что надвигающееся поражение следует рассматривать лишь с чисто военной точки зрения. При внимательном анализе оказывалось, что исход войн решали сила и решительность руководства. Он привел пример Канн, а также «чуда Бранденбургского дома», когда Фридрих Великий, потерпевший поражение в Семилетней войне, сумел добиться Губертусбургского мира и вернул все потерянные территории и даже более после развала коалиции победителей. Сотням тысяч (миллионам. Только потери Германии убитыми оценочно (поскольку с декабря 1944 г. точный счет уже не велся) за январь—май 1945 г. составляют, по мнению разных исследователей, от 2 до 3 млн (только в боях!). — *Ред.*) людей предстояло умереть в то время, когда Гитлер намеревался дожидаться такого же чуда.

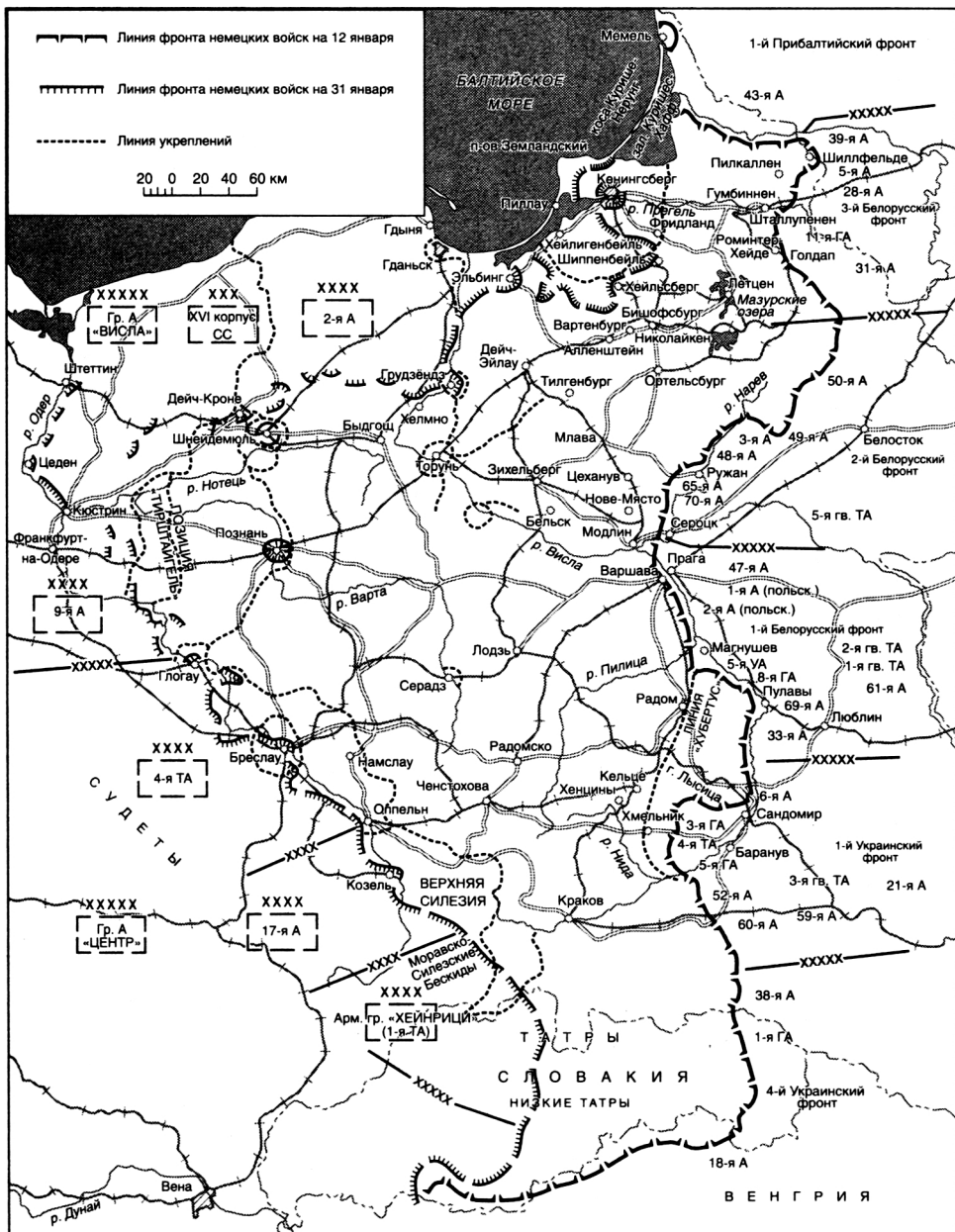
5 января 1945 г. Г. Гудериан посетил штаб группы армий «Юг» в Эстерхазе. Следующей ночью он поездом проехал через Чехословакию в штаб группы армий «Юг» в Краков. Это не было просто инспекционной поездкой. Г. Гудериан пребывал в глубокой озабоченности. Операция по деблокированию Будапешта занимала больше времени, чем немцы могли себе позволить. В середине месяца на участках групп армий «А» и «Центр» ожидалось небывалое по мощи наступление противника.

С конца лета обстановка на Восточном фронте, в районе к северу от Карпат, не претерпела значительных изменений (см. карту 37). В период между Рождеством и Новым годом группе армий «Север» в Курляндии удалось отразить третью за три месяца попытку советских войск прорыва фронта.

С начала ноября на всем фронте установилось затишье. Это произошло после того, как в результате контрудара немецкой 4-й армии восточнее Гумбиннена советские войска в Восточной Пруссии сумели удержаться здесь лишь на участке 25 км на 80 км.

Наиболее характерным для участков фронта групп армий «А» и «Центр» было наличие на них пяти советских плацдармов: Ружанского и Сероцкого на Нареве, Магнушевского, Пулавского и Баранувского на Висле. Подобно огромным занозам, они вклинивались в немецкую оборону. В ноябре в группу армий «А» была передана 9-я армия; участок фронта группы армий проходил от Модлина до северной границы Венгрии. Ее армии — 9-я, 4-я танковая, 17-я и армейская группа «Хейнрици» (1-я танковая армия и венгерская 1-я армия) — преграждали противнику путь на территорию Германии. Группа армий «Центр» в составе 3-й танковой, 4-й и 2-й армий была развернута на рубеже, прикрывавшем Восточную Пруссию и район Данцига (Гданьска). Месяцы затишья дали группам армий время для того, чтобы построить сложную сеть оборонительных сооружений, протянувшихся от Нарева и Вислы в тыл — к Одру. Основные дорожные узлы были связаны в систему обороны и обозначены как «крепости».

В отделе «Иностранные армии Востока» ОКХ первоначально предполагали, что целью следующего советского наступления станет овладение Восточной Пруссией и охват в огромные клещи Верхней Силезии и района Вены, включая территорию Чехословакии. В декабре эти оценки изменились: теперь офицеры отдела считали, что советская сторона сосредоточит основные усилия на участках 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов против группы армий «А»; наступление будет развиваться в западном и северо-западном направлении. Кроме того, ожидалось, что русские одновременно нанесут удар против группы армий «Центр», возможно, с более ограниченными целями, чем захват всей территории Восточной Пруссии, поскольку задача разгрома группы армий «Север» (в



Карта 37. Советское наступление на фронте группы армий «А» (с 26 января «Центр») и группы армий «Центр» (с 26 января «Север»). 15—31 января 1945 г.

Курляндии) все еще не была выполнена. К началу января казалось, что русские, возможно, склонятся к варианту «большого решения» на участке группы армий «Центр», которое предусматривало наступление в нижнем течении Вислы. А на фронте группы армий «А» они нанесут более глубокий удар, может быть, до самого Берлина.

Сравнение сил сторон показало, что против 160 немецких соединений, дивизий и бригад, действовавших на Восточном фронте (к началу 1945 г. на Восточном фронте находилось 169 немецких дивизий (из них 22 танковые и 9 моторизованных) и 20 бригад. Кроме того, здесь было 16 венгерских дивизий (в том числе 2 танковые). Всего — 3,7 млн человек, 56,2 тыс. орудий и минометов, 8,1 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,1 тыс. самолетов. — *Ред.*), русские сосредоточили 414 соединений в первом эшелоне, 261 соединение во фронтовых резервах и 219 — в стратегическом резерве<sup>1</sup>.

Соединения в 1-м эшелоне		Фронтовые резервы		Стратегические резервы	
Всего	414	Всего	261	Всего	219
Стрелковые дивизии	253	Стрелковые дивизии	119	Стрелковые дивизии	67
Стрелковые бригады	30	Стрелковые бригады	14	Стрелковые бригады	13
Кавалерийские дивизии	13	Кавалерийские дивизии	3	Кавалерийские дивизии	6
Танковые бригады	29	Танковые бригады	44	Танковые бригады	42
Танковые полки	46	Танковые полки	31	Танковые полки	47
Полки САУ	43	Полки САУ	50	Полки САУ	44

Даже с учетом того, что средняя численность советской дивизии была на 30% меньше немецкой, и принимая во внимание недоукомплектованность советских соединений до штатной на 40% (не делая того же допущения для немецких войск), превосходство советской стороны выражалось соотношением более чем 2,3 к 1 (в личном составе 1,8 к 1; в орудиях и минометах 1,9 к 1; в танках и САУ 1,5 к 1; в боевых самолетах 3,6 к 1. — *Ред.*). В действительности такое соотношение могло быть еще выше, а на участках главных ударов русские имели подавляющее превосходство.

Против группы армий «Центр» советские 2-й и 3-й Белорусские фронты сосредоточили 1 млн 669 тыс. солдат и офицеров, 25 426 ар-

<sup>1</sup> На советско-германском фронте Красная армия имела 6,7 млн человек, 107,3 тыс. орудий и минометов, 12,1 тыс. танков и САУ, 14,7 тыс. боевых самолетов. Кроме того, в резерве Ставки находилось 501,1 тыс. человек, 6883 орудия и миномета, 520 танков и САУ, 464 боевых самолета (История Второй мировой войны. Т. 10. С. 37—38).

тиллерийских орудий и минометов, 3859 танков и САУ, что давало им превосходство в живой силе 2,1 к 1, в артиллерии — 3,1 к 1, в бронетехнике — 5,5 к 1<sup>1</sup>.

Противостоявшие группе армий «А» 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты имели в своем составе 2 млн 200 тыс. солдат и офицеров, 6400 танков и САУ, 46 тыс. артиллерийских орудий, включая тяжелые минометы и системы реактивной артиллерии. Против них немецкие 9-я, 4-я танковая и 17-я армии могли выставить около 400 тыс. солдат и офицеров, 4100 орудий и 1150 танков<sup>2</sup>.

На участках прорыва и на плацдармах 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты превосходили немцев в живой силе в соотношении 9 к 1, в артиллерии — 9—10 к 1, в танках и САУ — 10 к 1. На Магнушевском плацдарме только 1-й Белорусский фронт сосредоточил 400 тыс. солдат и офицеров, 8700 орудий и минометов и 1700 танков<sup>3</sup>.

К 1 января 1945 г. немцы могли поднять в воздух 1900 самолетов на Западном фронте и 1875 самолетов на Восточном фронте. Основные усилия они все еще предпринимали на Западе. Севернее Карпат немецкие 1-й и 6-й воздушный флот имели в своем составе около 1300 самолетов. Советская сторона имела более 10 тыс. машин<sup>4</sup>.

По прибытии Г. Гудериана в Краков штаб группы армий «А» был готов вручить ему свой план. Оценка офицеров штаба, вне зависимости от того, что предпримет группа армий, была неблагоприятной. В декабре, сразу же после передачи двух дивизий из резерва в группу армий «Юг», начальник штаба группы армий провел военную игру. Ее результаты показали, что русские способны прорвать фронт и выйти к границе с Силезией в течение шести дней наступления; при этом ничто не гарантировало, что их удастся остановить даже на Одере. Последующее изучение вопроса показало, что максимум, на что была способна группа армий, — это обеспечить себе то, что называлось возможностью сражаться. Первый крупный промежуточный рубеж, так называемая линия «Хубертус», проходил параллельно западному фасу Баранувского плацдарма примерно в 8 км за передним краем. Далее он почти по прямой линии шел на север, к западной оконечности Магнушевского плацдарма. Группа армий предложила за два дня до начала наступления отвести войска к рубежу «Хубертус». Это позволило бы 4-й танковой и 9-й армиям избежать угрозы окружения на внутренних флангах. Кроме того, 4-я танковая армия смогла бы отвести свой правый

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 5. С. 97.

<sup>2</sup> Висло-одерская операция в цифрах // Военно-исторический журнал. 1965. Февраль.

<sup>3</sup> ИВОВ. Т. 5. С. 61.

<sup>4</sup> Рост и падение германских ВВС // Сборник министерства ВВС Великобритании. № 248. С. 386.

фланг с переднего края на Баранувском (Сандомирском) плацдарме до начала артиллерийской подготовки советских войск, линия фронта была бы сокращена, а группа армий за счет этого смогла бы создать некоторый резерв. Г. Гудериан рассмотрел план и 8 января одобрил его, но вряд ли стоило надеяться на то, что и Гитлер поступит так же.

9 января, получив и от командования группы армий «Центр» предложение об отводе войск с реки Нарев на рубеж, проходивший вдоль линии границы с Восточной Пруссией, Г. Гудериан отправился с докладом в ставку фюрера «Орлиное гнездо». Как вспоминал впоследствии Г. Гудериан, Гитлер отказался верить данным разведки о предполагаемых силах русских. Он заявил, что их автор, кто бы он ни был, заслужил того, чтобы отправиться в заключение. Кроме того, фюрер отверг оба предложения, исходившие из штабов групп армий<sup>1</sup>.

Сохранившиеся стенографические записи того совещания зафиксировали язвительные замечания Гитлера по поводу того, как глупо было бы сразу же оставлять территорию русским. Кроме того, он советовал тем, кто «начал скулить», почаще вспоминать о том, как долго русские прорывали блокаду Ленинграда.

В тот вечер Гитлер продолжал поиск аргументов, опровергающих данные разведки, даже после ухода Г. Гудериана. Он заявил, что для наступления русским понадобится как минимум трехкратное превосходство в танках, что у противника не может быть такое количество орудий, о котором говорил Г. Гудериан. Русские не могли иметь столько артиллерии, а даже если у них и были пушки, то сколько выстрелов они были способны сделать? Не больше 10—12 на орудие. Говоря (очевидно, о плане штаба группы армий «А»), фюрер выкрикнул: «Этот оперативный план отступления на этом участке (и он показал на карте) ведет к созданию двух групп. Дальнейший переход этими силами в наступление станет вдвойне опасным».

Хотел ли этого Гитлер или нет, но передышка закончилась. 3 января фюрер официально отказался от целей операции в Арденнах. 8-го числа он отдал приказ об отступлении 6-й армии СС, наступавшей в первом эшелоне. Армия становилась резервом на случай контр наступления союзников. Немецкое наступление в Северном Эльзасе все еще продолжалось, но оно превратилось, скорее, в помеху. 7 января группа армий «А» засекла движение свежих советских сил к фронту на западном фланге Баранувского (Сандомирского) плацдарма. На Пулавском и Магнушевском плацдармах русские наращивали силы своей артиллерии. Очевидно, осуществлялись последние приготовления к наступлению.

---

<sup>1</sup> Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 351.

Советская Ставка подготовила наступление на двух участках, отделенных один от другого с географической точки зрения течением Вислы западнее Варшавы. Более крупное должны были начать между Варшавой и Карпатами 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты при поддержке правого крыла 4-го Украинского фронта. 1-й Белорусский фронт под командованием Г.К. Жукова должен был наносить удар с Пулавского плацдарма в направлении на Лодзь и с Магнушевского плацдарма на Кутно. При этом предусматривалось окружение Варшавы силами правого крыла фронта. 1-й Украинский фронт под командованием И.С. Конева должен был прорваться с Баранувского (Сандомирского) плацдарма в западном направлении на Радомско, развернувшись частью сил на северо-запад с целью уничтожить во взаимодействии с левым флангом 1-го Белорусского фронта группировку немецких войск в районе городов Кельце и Радом. Другая группировка фронта должна была продолжать наступление в юго-западном направлении на Краков и промышленный район в Верхней Силезии. В последующем планировалось одновременное наступление обеих фронтов в западном и северо-западном направлении на Одер. Севернее излучины Вислы 2-й Белорусский фронт под командованием К.К. Рокоссовского должен был наступать с Сероцкого и Ружанского плацдармов на северо-запад, к побережью Балтийского моря, отрезать Восточную Пруссию и очистить от противника район нижнего течения Вислы. Справа от войск К.К. Рокоссовского 3-й Белорусский фронт под командованием И.Д. Черняховского должен был наступать строго на запад южнее реки Прегель (Преголя) в направлении на Кенигсберг, отрезать немецкую 3-ю танковую армию от главных сил группы армий «Центр» и окружить 4-ю армию в районе к западу от Мазурских озер<sup>1</sup>.

С точки зрения стратегии Ставка планировала никак не меньше как завершить войну в ходе последовательных операций, на осуществление которых, по ее расчетам, потребовалось 45 суток. По тогдашней стандартной практике Генерального штаба подробно был запланирован лишь начальный этап наступления. Его успех считался неоспоримым, и на его выполнение отводилось 15 дней. Выполнение задач второго этапа могло потребовать дополнительных сил и времени, но не слишком значительных. Ставке было известно, что центральный участок Восточного фронта в зоне ответственности группы армий «А» был опасно ослаблен. Немецкие войска на ее флангах, особенно группа армий «Центр», оборонявшая Восточную Пруссию, как казалось, были несколько мощнее, но при малейших благоприятных условиях они оказывались парализованы. Поэтому на втором этапе, на выполнение задач которого отводилось 30 суток и который должен

---

<sup>1</sup> Важнейшие операции Отечественной войны / Под ред. П.А. Жилина. С. 466, 486.

был последовать за первым без оперативной паузы, Ставка надеялась осуществить силами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов фронтальное наступление на Берлин и на Эльбу<sup>1</sup>.

В течение четырех месяцев с сентября 1944 по январь 1945 г. советское Верховное командование обеспечивало ширококомасштабные мероприятия по тыловому обеспечению запланированного наступления. Железнодорожная колея в Восточной Польше была переширита под русский стандарт, а в районе висленских плацдармов железнодорожные пути были проложены через реку. 1-й Белорусский фронт получил 68 тыс. вагонов грузов, что было всего на 10% меньше, чем получили все четыре фронта, участвовавшие в летнем наступлении 1944 г. против группы армий «Центр». Более 64 тыс. вагонов грузов было направлено на 1-й Украинский фронт. На Магнушевском плацдарме войска 1-го Белорусского фронта складировали 2,5 млн выстрелов для артиллерии и минометов; еще 1,3 млн снарядов было складировано на Пулавском плацдарме. Для сравнения: за все время Сталинградской операции Донской фронт израсходовал менее чем 1 млн артиллерийских и минометных снарядов. Общие запасы бензина и дизельного топлива на складах 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов составляли более 115 тыс. тонн. 2-му и 3-му Белорусским фронтам, которые должны были действовать вне основных железных и шоссейных дорог и перед которыми ставились менее значительные задачи, предстояло несколько экономить на горючем и продовольствии, но не на боеприпасах. На складах этих двух фронтов было накоплено до 9 млн артиллерийских и минометных выстрелов, две пятых из которых предполагалось израсходовать для создания подвижного огневого вала на начальном этапе наступления<sup>2</sup>.

При подготовке наступления советское командование пересмотрело политические лозунги, которые ставились перед войсками. В течение более чем последнего года и прежде главным призывом было освобождение советской территории. Но с этого момента советским армиям предстояло вести бои на чужих землях. Новый лозунг можно было выразить одним словом: возмездие! Это слово повторялось на митингах, в призывах, на плакатах, которые вывешивались вдоль дорог, в статьях и листовках, авторами которых были известные советские литераторы. Офицеры-политработники вновь и вновь повторяли рассказы о преступлениях, которые немцы совершали в отношении русских женщин и детей, о грабежах и разрушениях на территории Советского Союза. Солдаты и офицеры рассказывали о том, что происходило с их собственными семьями.

---

<sup>1</sup> Штеменко С.М. Как планировалась последняя кампания по разгрому гитлеровской Германии // Военно-исторический журнал 1965. Май.

<sup>2</sup> ИВОВ. Т. 5. С. 64, 102.



Целью этого было внушить каждому советскому военнослужащему, что и у него был свой личный счет к врагу<sup>1</sup>.

По данным советских источников, первоначально наступление было назначено на 20 января. Но после того, как 6 января У. Черчилль обратился к И.В. Сталину с личной просьбой сделать все возможное для того, чтобы оттянуть часть немецких войск на Восток и ослабить давление на союзников, было решено начать наступление 12 января, за восемь дней до ранее назначенного срока<sup>2</sup>.

С точки зрения западных союзников, в декабре на всех участках Восточного фронта, за исключением второстепенных событий в районе Будапешта, обстановка была на удивление спокойной. В середине месяца И.В. Сталин поставил в известность американского посла в Москве А. Гарримана о планирующемся зимнем наступлении, но не дал ему никакой более точной информации. 15 января И.В. Сталин провел беседу с главным маршалом авиации Артуром В. Теддером, возглавлявшим делегацию Верховного штаба экспедиционных сил союзников, направленную в Москву для ознакомления с намерениями советской стороны. Он объяснил, что наступление было задержано из-за погодных условий, но все равно началось раньше запланированного срока в связи с трудностями союзников на Западе. Целью наступления является выход советских войск к Одеру<sup>3</sup>.

Данные немецкой разведки подтвердили, что после середины декабря советская Ставка, очевидно, ожидает перемены погоды. Зима выдалась более холодной, по сравнению с предыдущей, но снег, туман и облачность затрудняли действия авиации и артиллерийскую разведку. Русские, несомненно, жертвовали многим, начав наступление раньше запланированного срока. С другой стороны, в преддверии Ялтинской конференции для И.В. Сталина было совсем не лишним привести свои армии в движение и положить себе в карман Польшу, посадив в Варшаве созданное в Люблине при советской поддержке правительство. В то же время союзники должны были почувствовать себя обязанными за одолжение, сделанное советским вождем в трудное время.

## От Вислы к Одеру

На западном фланге Баранувского (Сандомирского) плацдарма, между рекой Висла и низкими Свентокшискими горами (высшая точка — гора Лысица, 612 м), в составе германского XXXXVIII танкового корпуса имелось три дивизии, то есть на одного человека

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 5. С. 67, 104.

<sup>2</sup> Черчилль У. Триумф и трагедия. С. 278—280.

<sup>3</sup> Гюг В. Верховное командование армии США во Второй мировой войне. Вашингтон, 1954. С. 405—407.

приходилось примерно 15 м фронта. В каждой дивизии имелось примерно по 12 самоходных штурмовых орудий. Еще примерно по 100 орудий находилось в составе корпусных резервов. Фронт представлял собой не более чем цепочку опорных пунктов. Примерно в 25 км к тылу развернулись две танковые дивизии резервного XXIV танкового корпуса. Еще две танковые дивизии корпус развернул напротив северного фаса плацдарма. Для осуществления прорыва 1-й Украинский фронт располагал на этом участке пятью общевойсковыми и двумя танковыми армиями, имея в своем составе более тысячи танков.

Рано утром 12 января температура воздуха была чуть выше точки замерзания. Дороги были покрыты льдом. Низкие облака и туман, как и несколько дней назад, практически сводили к нулю возможность применения авиации. Перед рассветом советская артиллерия, концентрация которой составляла до 300 орудий на километр фронта, обрушила шквал огня на северный участок (примерно две трети, или 30 км) обороны XXXXVIII танкового корпуса. Через три часа огонь советской артиллерии был перенесен на отдельные цели, и на прорыв пошла пехота. Немцы не успели отойти на основной оборонительный рубеж, так как они ожидали, что противник будет дожидаться улучшения погодных условий. Уже утром русской пехоте удалось глубоко вклиниться в немецкую оборону, а к полудню там были пробиты достаточно широкие бреши для введения в бой танков. Три дивизии XXXXVIII танкового корпуса были отрезаны и разгромлены. XXIV танковый корпус получил приказ контратаковать, но его две дивизии, расположенные к западу от плацдарма, противник обошел в районах их сосредоточения.

13-го числа советская 4-я танковая армия продолжала наступать на северо-запад, в направлении на Хенцины, а 52-я армия и 3-я гвардейская танковая армия наносили удар в западном направлении через Хмельник. В течение ночи некоторые передовые танковые части вышли к реке Нида. После переправы через нее русским был бы открыт путь на Верхнюю Силезию и Одер, до которых оставалось около 70 км. На северном участке XXIV танкового корпуса, вернее, оставшиеся его части окапывались в районе Кельце<sup>1</sup>.

Командование немецкой 9-й армии было готово к тому, что противник предпримет наступление из районов Магнушевского и Пулавского плацдармов, но это мало ему помогло, когда 14 января наступление действительно началось. Русским удалось прорваться на позиции немецкой артиллерии, в результате чего в первый же день оба оборонявшихся немецких корпуса потеряли половину своей огневой мощи. (Противник ожидал продолжительной артилле-

---

<sup>1</sup> Платонов С.П. Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 688.

рийской подготовки, а наша пехота после мощного 25-минутного огневого налета броском захватила немцев врасплох. — *Ред.*)

15 января развернутая на правом фланге 1-го Белорусского фронта 47-я армия совершила прорыв севернее Варшавы к Модлину, а находящаяся на правом фланге 4-го Украинского фронта 38-я армия перешла в наступление в западном направлении на Краков. В течение дня 13-я, 4-я танковая и 3-я гвардейская танковая армии выбили XXIV танковый корпус из Кельце, устранив тем самым и так не очень значительную угрозу на фланге 1-го Украинского фронта.

13 января Гитлер отдал приказ о переброске с Запада двух пехотных дивизий. На следующий день он предпринял шаг, который привел к ухудшению обстановки на фронте группы армий «Центр», которая также находилась под ударами противника, и не слишком пошел на пользу группе армий «А». Фюрер приказал группе армий «Центр» передать группе армий «А» танковый корпус «Великая Германия» в составе двух дивизий. 15 января приказ о передаче в группу армий «А» двух танковых дивизий получила и группа армий «Юг».

На второй и третий день сражения находившийся в Цоссене Г. Гудериан направил в ставку фюрера Адлерхост («Орлиное гнездо») свой анализ обстановки. Лейтмотив двух докладов был один и тот же: без усилений за счет Западного фронта оборону на Востоке удержать не удастся. В качестве минимальной меры предлагалось прекратить наступление на фронте группы армий «Юг» и перебросить оттуда танковые дивизии в распоряжение группы армий «А». Из разведывательных донесений на 15 января ясно следовало, что имевшимися на тот момент на Восточном фронте силами было невозможно остановить советское наступление на участке группы армий «А». Но Гитлер отказался как остановить наступление группы армий «Юг», так и перебросить на угрожаемые участки дивизии с Запада.

Вечером 15 января Гитлер перенес свою ставку из «Орлиного гнезда» в рейхсканцелярию в Берлин. За несколько минут до переезда ему позвонил Г. Гудериан и, как отметил в своих записях А. Йодль, «потребовал срочно перебросить все, что нужно, на Восток»<sup>1</sup>.

На следующий день, беседуя с Г. Гудерианом в Берлине, Гитлер заявил, что намерен перебросить на Восточный фронт наиболее готовые к переброске соединения с Запада, а именно два корпуса 6-й танковой армии СС. Однако эти резервы предназначались к отправке в Венгрию, в группу армий «Юг», а не в группу армий «А». Фюрер убедил себя, что исход войны зависит от того, удастся ли удержать венгерские нефтяные месторождения<sup>2</sup>.

Вернувшись в Берлин, Гитлер решил взять под свой контроль события на Восточном фронте. 16 января он отдал приказ об от-

---

<sup>1</sup> *Йодль А.* Дневник. Запись от 15 января 1945 г.

<sup>2</sup> *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. С. 357.

странении от командования войсками группы армий «А» генерал-полковника Й. Гарпе, заменив его на Ф. Шернера. Л. Рендулич был отозван из Норвегии для того, чтобы принять командование группой армий «Север». В течение дня, очевидно еще до того, как Гитлер вернулся в Берлин, ОКХ подготовило директиву, предоставляющую командованию группой армий «А» свободу принятия действий в районе большой излучины Вислы, включая право на эвакуацию Варшавы. Когда Гитлер увидел эту директиву, он сразу же потребовал подготовить новую, отменявшую ее. Как всегда, следуя своей привычке вести войну по карте, он потребовал от группы армий «А» как минимум остановить наступление противника или восстановить положение, организовав оборону на рубеже район восточнее Кракова — район западнее Радомско и далее вдоль реки Пилица к Варшаве. Варшаву и район Вислы до Модлина необходимо удержать. Группа армий должна быть в курсе, что переданные ей две танковые дивизии из группы армий «Юг» — это последнее, что она получит в течение двух недель. В качестве уступки фюрер соизволил дать разрешение 17-й армии и армейской группе «Хейнрици» отступить в Карпатах с целью высвободить одну или две дивизии.

17 января советские войска в своей наступательной операции завершили этап прорыва. Войска I-го Белорусского и I-го Украинского фронтов полностью очистили от противника район Вислы от участка восточнее Кракова до территории западнее Модлина. В тот же день зажтому между двумя советскими фронтами XXIV танковому корпусу, представлявшему собой последний очаг сопротивления немцев в этом районе, удалось прорваться на северо-запад из района Кельце. Не имея четко определенного направления движения, корпус с боями смещался на запад, в сторону реки Пилица. В то же время передовые части фронта И.С. Конева уже переправились через Пилицу к Ченстохове и Радомско. Войска I-го Белорусского фронта заняли Варшаву. Советская Ставка приказала Г.К. Жукову и И.С. Коневу форсированными темпами наступать на Одер. Кроме того, И.С. Коневу передала приказа о том, что войска второго эшелона его фронта, в основном пехотные соединения, которые до сих пор не принимали участия в боях, совместно с левым флангом фронта должны были занять Краков и Верхнесилезский промышленный район<sup>1</sup>.

Неудача с попыткой удержать Варшаву вызвала в Берлине взрыв гнева. Из группы армий «А» доложили, что новый вариант пресловутой директивы был принят слишком поздно. К тому времени, как

---

<sup>1</sup> Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. П.А. Жилина. С. 474; ИВОВ. Т. 6. С. 80.

она была получена, войска Варшавского гарнизона уже покидали город, уничтожив тыловое имущество, которое не могли взять с собой. Гитлер заподозрил саботаж, и не без оснований: прежний вариант директивы ОКХ был таким документом, что любой из высших командиров, знавший Гитлера, был бы уверен, что тот его никогда не утвердит. 18 января Гитлер отдал приказ об аресте трех старших офицеров оперативного отдела ОКХ. На следующий день он подписал приказ, окончательно положивший конец какой бы то ни было самостоятельности в действиях полевых командиров. Отныне любой командующий группой армий или армией, командир корпуса или дивизии нес личную ответственность за то, чтобы принятое им решение на оперативный маневр, будь то наступление или отход, своевременно докладывалось наверх, обеспечивая тем самым возможность его оперативной отмены. Основной обязанностью во время боев стало следить за сохранностью средств связи, и все попытки оправдать свои действия ее отсутствием отныне влекли за собой драконовские меры наказания<sup>1</sup>.

Ф. Шернер, как обычно, с самого начала дал подчиненным почувствовать свое присутствие. Одним из его первых распоряжений был приказ об отстранении командующего 9-й армией генерала танковых войск барона Смило фон Люттвица под тем предлогом, что в день, когда была оставлена Варшава, его распоряжения были «недостаточно ясны и категоричны»<sup>2</sup>.

Командование армией принял генерал пехоты Теодор Буссе. Тем самым Ф. Шернер сразу же давал подчиненным почувствовать свою безжалостность, о которой и так хорошо знали в немецкой армии. Это должно было послужить предупреждением для офицеров всех звеньев еще до того, как сражение закончилось.

Так же в духе Ф. Шернера теперь составлялись и все донесения из штаба группы армий. В частности, в ежедневном докладе от 18 января отмечалось, что задачу о обороне Верхнесилезского промышленного района удастся выполнить в том случае, если вовремя придут две танковые дивизии, которые должны быть переброшены из группы армий «Юг». Советское наступление на Познань, в стык между немецкими 4-й танковой и 9-й армиями, можно остановить. Противнику можно будет даже нанести фланговые удары. Но для этого потребуется «срочное развертывание новых сил». В до-

---

<sup>1</sup> 23 января ОКХ выпустило дополнительную директиву, в соответствии с которой при штабах армий и корпусов будут находиться особые группы радиостов. Через них командование должно четыре раза в день отправлять наверх регулярные доклады, которые должны были «содержать все необходимые данные для подготовки решений вышестоящего командования». Кроме того, обо всех чрезвычайных событиях следовало докладывать немедленно.

<sup>2</sup> Запись в личном деле С. фон Люттвица, сделанная Ф. Шернером 2 февраля 1945 г.

несениях умалчивалось о том, откуда командование группой армий намерено получить эти самые «новые силы».

На следующий день Ф. Шернер отдал приказ 17-й армии оборонять район Верхней Силезии. 4-я танковая армия должна была остановить русских, наступавших на Бреслау, западнее Ченстоховы. Войска 9-й армии должны были удерживать рубеж между Лодзью и рекой Висла и одновременно нанести контрудар в южном направлении на правом фланге. Если задачи, поставленные перед 17-й и 9-й армиями, хотя бы теоретически имели смысл, то цели, которых должна была достичь 4-я танковая армия, имели мало общего с грубой действительностью. Все, чем располагала армия, была часть сил двух дивизий, а также одна или две бригада, так как XXIV танковый корпус и остатки левофланговых дивизий армии все еще находились в окружении и с боями пробивали себе путь на северо-запад, к участку обороны 9-й армии.

К 19 января советское наступление на фронте групп армий «А» и «Центр» развернулось в полную силу. Группы армий утратили контакт друг с другом, на фронте группы армий «А» образовались широкие разрывы между 9-й и 4-й танковыми армиями, а также между 4-й танковой и 17-й армиями. Южнее Лодзи входивший в состав 9-й армии XXXX танковый корпус и танковый корпус «Великая Германия» пытались организовать оборону на узком рубеже до тех пор, пока войска XXIV танкового корпуса (группа «Неринг») не переправятся через реку Пилица. Восточнее Бреслау 4-я танковая армия была отброшена к границе с Германией, в районе Намслау и восточнее Оппельна русским удалось перейти границу<sup>1</sup>.

У 17-й армии осталось менее 65 км сплошного фронта на восточной границе Верхнесилезского промышленного района. 19-го числа был потерян Краков. (Краков, колыбель польской государственности и средоточие польских святынь, был заминирован и подготовлен немцами к уничтожению. Советские войска и разведчики сорвали эти замыслы и спасли древнюю польскую столицу. — *Ред.*)

Советские армии двигались колоннами по дорогам. Танковые армии в день преодолевали по 40—50 км, пехотные — примерно по 30 км. 1-й Белорусский фронт главными силами нанес удар через Лодзь на Познань, а 1-й Украинский фронт — на Бреслау. В то же время его пехота начала совершать фланговый маневр в сторону Верхней Силезии. Погода прояснилась, и теперь к проблемам немцев прибавилось подавляющее превосходство в воздухе советской

---

<sup>1</sup> На бывшей территории Германии, восточнее рек Одер и Нейсе, а также в Восточной Пруссии после Второй мировой войны все немецкие названия изменены на польские и в некоторых случаях на русские. В то же время между 1939 и 1945 г. немцы изменяли названия населенных пунктов на польских территориях, которые были включены в состав рейха. В этих случаях в тексте используются названия, установленные в период до 1939 г.

авиации. После 14 января люфтваффе начало переброску истребительной и штурмовой авиации на Восточный фронт, но понесенные потери, в основном за счет самолетов, захваченных противником в ходе наступления на земле, намного превышали количество вновь поступавших сюда самолетов. Кроме того, в руки русских попали и разбросанные по Польше многочисленные предприятия по ремонту и сборке самолетов, рассредоточенные здесь из-за ударов бомбардировщиков союзников во территории Германии<sup>1</sup>.

За линией фронта с германской стороны все дороги были забиты разнообразной автомобильной техникой, пытавшейся вырваться в Германию. В большинстве случаев на запад уходили гражданские беженцы, немецкие партийные и административные функционеры, а также, бывало, и дезертиры из боевых частей. В группе армий «А» не было достаточных сил полиции для того, чтобы хотя бы попытаться их перехватывать. Колонны беженцев, столь привычные для Восточного фронта, впервые стали состоять из немцев. И впервые не было нужды эти колонны подгонять: люди и так старались двигаться как можно скорее, подгоняемые собственным страхом. Мечь русских по отношению к немецкому гражданскому населению была скорой, беспощадной и в большинстве случаев очень жестокой. Было бы бесполезно дискутировать здесь на тему о том, послужили ли горе и разрушение, которые принесли с собой немцы на половину европейской территории России, выполняя нацистскую оккупационную политику, оправданием тех массовых случаев изнасилований, поджогов, грабежей и бессмысленных убийств, которыми сопровождался приход русских солдат в Восточную Германию. Несомненно, миллионы и миллионы как русских, так и немцев жестоко пострадали. При этом большинство из них пострадало без всякой вины. Такой дикой массовой жестокости, какая была в ходе боевых действий на Восточном фронте во время Второй мировой войны, в войнах новейшей истории в Европе не было. (Нельзя даже сравнивать масштабы геноцида, учиненного немцами и их подручными (латышами, эстонцами, бандеровцами, румынами, венграми, русскими предателями и др.), и проявления мстительной ярости наступающих советских войск. Немцы и их слуги на оккупированных советских территориях преднамеренно истребили свыше 7 млн 420 тыс. человек. Кроме того, на принудительных работах в Германии погибло 2 млн 163 тыс., а от голода, эпидемий и отсутствия медпомощи — еще 4 млн 100 тыс. на оккупированных территориях. Итого более 13 млн 684 тыс. человек (Всероссийская книга памяти 1941—1945 гг. М., 1995. С. 406—407. — *Ред.*).

---

<sup>1</sup> Рост и падение немецких ВВС // Сборник министерства британских ВВС. № 248. С. 386.

Расположенные один близ другого промышленные города Верхней Силезии отчасти компенсировали немцам разбомбленный союзной авиацией Рур, представлявший собой одновременно центр немецкой угольной и металлургической промышленности. В конце третьей недели января предприятия и шахты Верхней Силезии все еще работали на полную мощность. На восточном фланге, подобно волнорезу, стояли войска левого крыла 17-й армии. Но северный участок оказался открытым. Там немецкая 4-я танковая армия с боями откатывалась на запад, к Одере. 21 января И.С. Конев развернул 3-ю гвардейскую танковую армию, дислоцированную в районе Намслау, и поставил ей задачу двигаться на юго-восток по обоим берегам Одера за флангом 17-й армии.

22 января XXIV танковый корпус вошел в контакт с танковым корпусом «Великая Германия» на реке Варта, в районе города Серадз. Попав в тиски советских войск, оба корпуса продолжали смещаться на запад. В тот же день 1-й Украинский фронт левым флангом вышел к реке Одер. В течение трех последующих дней армии И.С. Конева вышли навстречу друг другу на Одере на участке шириной 250 км между Козелем и Глогау. В районе Бреслау немецкая 4-я танковая армия продолжала удерживать плацдарм. Русские форсировали реку выше и ниже по течению от города на пяти-шести участках. Ф. Шернер отдал приказ о контрударе, но немецкие армии не могли его выполнить.

25 января главные силы 1-го Белорусского фронта, миновав Познань, устремились на запад, к городу Кюстрин на Одере. Теперь они наступали под прямым углом к войскам 2-го Белорусского фронта, развернувшимся на север восточнее Вислы. На этом удлинившемся участке фронта между Вислой и Одером Гитлер создал группу армий «Висла». Командование вновь сформированной группой армий было поручено Г. Гиммлеру.

Г. Гудериан предлагал поручить назначить командующим группой армий «Висла» М. Вейхса, которого вместе со штабом намеревался перебросить из Югославии, но Гитлеру не терпелось убедиться в настоящем военном таланте Г. Гиммлера, который, возможно, проявился несколько поздно — когда рейхсфюрер СС недавно командовал группой армий на Верхнем Рейне. Гитлер поставил Г. Гиммлеру задачу закрыть брешь между группами армий «Центр» и «А», не допустить прорыва противника к Данцигу и Познани и удерживать коридор в Восточной Пруссии.

23 января, когда Г. Гиммлер прибыл к месту событий, выполнение одной из задач было уже бесполезно. 2-я армия отступила на фланге группы армий «Центр», а русские вышли к побережью Балтийского моря в районе устья Вислы. Группа армий «Центр» оказа-



лась отрезанной. 2-я армия удерживала фронт в нижнем течении Вислы, но территории к западу от реки вплоть до Одера, по выражению Г. Гиммлера, представляли собой нечто иное, как огромную дыру. К 25 января стало невозможным выполнение еще одной задачи: в тот день русские миновали Познань.

Г. Гиммлер прибыл на Восточный фронт в своем необычайно длинном, шегольски оформленном личном поезде. Сначала эшелон разместился на станции Дейч-Кроне. В поезде располагался мобильный командный пункт, откуда Г. Гиммлер контролировал свою обширную «империю». Там разместился основной состав штабов, позволявших ему выполнять обязанности рейхсфюрера СС, министра внутренних дел, шефа полиции Германии и командующего армией резерва, не говоря уже о менее значительных постах. В каждом из штабов имелся свой персонал и велась отдельная документация. Поезд был оснащен радио-, телефонной и телеграфной связью, но аппаратура, полностью задействованная для решения административных проблем, не могла одновременно использоваться и для осуществления командования группой армий. Более того, Г. Гиммлер ни за что не пожертвовал бы своими интересами как политика ради нужд группы армий. Как командующий группой армий он не располагал ничем: у него не было связи с фронтовыми частями, не было отдельного военного штаба, отсутствовали личный состав и транспорт. В течение нескольких дней на этом острове роскоши, являвшем собой картину резкого контраста с колоннами беженцев, пробирающихся по снегу в мороз, Г. Гиммлер касался войны лишь изредка, получая время от времени донесения об обстановке, по большей части уже не соответствующие действительности. Первым офицером его военного штаба стал прибывший из Берлина на автомашине армейский полковник, назначенный на должность начальника оперативного отдела. Через несколько дней прибыл и начальник его штаба, генерал СС, не имевший опыта штабной работы.

26 января с необъяснимой целью, если не считать таковой желание запутать личный состав, проходивший обучение в военных учебных заведениях, группа армий «Север» была переименована в группу армий «Курляндия». В свою очередь, группа армий «Центр» стала группой армий «Север», а группа армий «А» превратилась в группу армий «Центр». На следующий день под командование группы армий «Висла» была передана 9-я армия. Тем самым фронт новой группы армий теперь еще более вырос, включив в себя район к югу почти до Глогау по Одере. Линия фронта, если ее вообще можно было считать таковой, протянулась по реке Висла от ее устья на юг к Хелмно (Кульму), затем сворачивала на запад севернее реки Нотец (Нетце), а потом снова поворачивала на юг, повторяя контуры отсечной позиции в районе Тирштайгель, проходившей через череду озер. Далее фронт проходил на севере примерно в 70 км от

Кюстрина, а на юге упирался в Одер в районе выше по течению от Глогау.

Несмотря на то что реки и озера в зоне ответственности группы армий были довольно полноводными, они не давали никаких преимуществ оборонявшейся стороне. Почти все они были в это время покрыты настолько толстым льдом, что давали возможность двигаться по ним даже тяжелым танкам. Для того чтобы защитить 250-километровый рубеж севернее реки Нотець (Нетце) и отсечную позицию в районе рубежа Тирштайгель, Г. Гиммлер к 27 января располагал двумя импровизированными корпусными управлениями СС, одним временным корпусным управлением, тремя дивизиями (в том числе вновь сформированной латвийской дивизией СС) и различными разношерстными частями, в том числе остатками 9-й армии, частями фольксштурма (ополчения) и всем тем, что еще удалось наскрести в этом районе или за Одером. Перед фронтом две дивизии сражались в окружении в крепости Торунь (Торн). Примерно такие же силы попали в окружение в районе Познани. Вместе со штабом 9-й армии прибыли одно корпусное управление и несколько больше, чем три дивизионных штаба. Все еще пробивающие себе путь на запад XXIV танковый корпус и танковый корпус «Великая Германия» сместились в зону ответственности группы армий «Центр».

На Восточный фронт начали поступать подкрепления: боевые группы «Гнейзенау», созданные армией резерва, маршевые батальоны, укомплектованные курсантами учебных центров, унтер-офицерским составом и личным составом училищ родов войск. Гитлер отвечал отказом на неоднократные просьбы Г. Гудериана об эвакуации группы армий «Север» («Курляндия»). Тем не менее 17 января он отдал приказ об отправке из Курляндии одной танковой и двух пехотных дивизий, а через два дня — одного управления корпуса СС и двух дивизий СС. Корпусное управление и 5 дивизий предназначались для группы армий «Висла». К 25 января одна из дивизий прибыла в Гдыню. 22-го числа Гитлер приказал снять с Западного фронта 6-ю танковую армию СС и один танковый корпус, всего 6 танковых и одна фольксгренадерская дивизия, две бригады и несколько фольксartilлерийских корпусов. Очевидно, он все еще намеревался наиболее подготовленные из этих соединений, а именно I и II танковые корпуса СС, направить в группу армий «Юг».

К 27 января четыре армии 4-го Украинского фронта соединились в районе почти окруженного Верхнесилезского промышленного района. Наступавшая с северо-запада 3-я гвардейская танковая армия намеренно оставила открытым южный фланг образовавшегося котла, давая возможность немцам ускользнуть и тем самым избегая

долгих кровопролитных боев, которые могли привести к разрушению шахт и заводов<sup>1</sup>.

Между 28 и 30 января 17-я армия вырвалась из окружения. Пользуясь своей репутацией безжалостного служаки, Ф. Шернер иногда мог отдавать приказы об отступлении, которые Гитлер ни в коем случае не позволил бы другому генералу. В то же время армейская группа «Хейнрици» начала отвод своих войск в Чехословакию за Татры.

27 и 28 января через всю Центральную Европу пронеслась пурга. Она принесла глубокие заносы на дорогах в зонах ответственности групп армий «Висла» и «Центр». Затем, на исходе месяца, температура резко повысилась. Снег начал таять, а грунт, всего несколько дней назад твердый, как камень, начал оттаивать. 1 февраля Г. Гиммлер писал Г. Гудериану: «На данном этапе войны оттепель является для нас даром судьбы. Бог не забыл о храбром немецком народе». Немцы, продолжал он, воевали на своей собственной земле (здесь он добавил «к сожалению»), обладавшей прекрасной сетью шоссе-ных и железных дорог. Русским же теперь придется подвозить предметы тылового снабжения грузовиками по гораздо худшим дорогам или по воздуху. Г. Гиммлер полагал, что теплая погода позволит немецкой стороне подтянуть и развернуть свои резервы. Она же должна была замедлить темпы движения советских танков и сделать их более уязвимыми целями. Не исключено, что теперь немцы получают возможность «вновь отвоевать участки драгоценной немецкой земли».

Начавшаяся в то время оттепель действительно стала для немцев настоящим подарком судьбы.

Г.К. Жуков начал беспокоиться за свой слишком растянувшийся северный фланг (сказывалась традиционная боязнь советских генералов за свои фланги). К тому же его войска безостановочно прошли более 400 км. Правый фланг войск И.С. Конева испытывал почти те же трудности. На Одере Ф. Шернеру удалось сколотить какое-то подобие фронта. По мнению советских военачальников, участок между Одером и группой армий «Висла» в Померании становился слишком узким для нанесения стремительного удара по Берлину. 4 февраля в телеграмме на имя Гитлера Ф. Шернер писал: «Мой фюрер! Я могу доложить, что первый натиск советского большого наступления на фронте группы армий «Центр» удалось в основном остановить. Фронт все еще испытывает давление на многих участках, но на других мы предпринимаем контратаки местного значения». К тому времени наступивший фронт начал обретать твердость и на участке группы армий «Висла».

---

<sup>1</sup> Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. П.А. Жулина. С. 479; Платонов С.П. Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 695.

31 января, перебросив севернее большую часть своих войск из второго эшелона и резерва, 1-й Белорусский фронт вышел к Одеру в районе севернее Кюстрина. К 3 февраля он вышел к Одеру и из района Цедена, на левом фланге, где и остановился. В районе Кюстрина и Франкфурта русские находились в 60 км от Берлина. Немцы удерживали плацдармы на обоих участках. В свою очередь, русские имели плацдармы севернее Кюстрина и южнее Франкфурта<sup>1</sup>. (Висло-Одерская операция (12 января — 3 февраля 1945 г.) закончилась для немцев чудовищным разгромом («Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи», — писал немецкий генерал Ф. Меллентин). Было полностью уничтожено 35 дивизий, 25 дивизий потеряли от 50 до 70% состава. Только в плен было взято 147,7 тыс., число убитых точно не известно, но счет идет на сотни тысяч. Красная армия захватила 14 тысяч орудий, 1,4 тыс. танков и штурмовых орудий, огромные запасы военного имущества. — *Ред.*)

### **Восточная Пруссия**

В начале декабря 1944 г. группа армий «Центр» имела в своем составе 33 пехотные и 12 танковых и моторизованных дивизий. Три танковых соединения находились на фронте, остальные составляли резерв. Группа армий обороняла участок фронта шириной примерно 600 км. На одно соединение приходилось примерно 15 км фронта, обычная величина для немецкой стороны на тот период войны. В глубине территории Восточной Пруссии немцы располагали разветвленной системой полевых укреплений. На границе Восточной Пруссии и в районе Кенигсберга в их распоряжении были и долговременные бетонные укрепления, построенные еще до войны, которые должны были иметь еще большую ценность тогда, когда ураганным артиллерийским огнем противника будет уничтожен так называемый Атлантический вал. (Оборонительный рубеж на побережье на Западе от Дании до Испании. — *Ред.*)

В начале декабря группа армий «Центр» была бы в состоянии отразить наступление противника на своем фронте (автор предполагает, однако вряд ли. — *Ред.*). Но к концу месяца ее возможности значительно уменьшились. За короткий период она лишилась пяти танковых дивизий и двух кавалерийских бригад, перебросенных на другие участки. По оценкам Г. Рейнгардта, по состоянию на 4 января русские располагали пятью армиями на реке Нарев. Примерно столько же (50—60 дивизий) они имели южнее реки Неман в районе

---

<sup>1</sup> Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. П.А. Жилина. С. 476.

Голдап—Шиллфельде. Поскольку Г. Рейнгардт ожидал приказа об отправке на другой участок фронта еще одной танковой дивизии (такой приказ действительно поступит через несколько дней), он с очевидной долей иронии заключил, что в ОКХ считают Восточную Пруссию менее важным, по сравнению с прочими, участком фронта. По-видимому, там решили рискнуть возможностью потери значительной территории. Генерал запросил директивы, в которой бы разъяснялось, какую часть Восточной Пруссии он должен удерживать, с тем чтобы разместить там оставшиеся резервы. Однако ответа не последовало. (К началу Восточно-Прусской операции (13 января — 25 апреля 1945 г.) немцы здесь имели 780 тыс. личного состава (в том числе 200 тыс. фольксштурма), 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 775 боевых самолетов. Советские войска насчитывали 1 млн 669 тыс. личного состава (соотношение 2,1 к 1), 25 426 орудий и минометов (3,1 к 1), 3859 танков и САУ (5,5 к 1), 3097 боевых самолетов (4,0 к 1) (История Второй мировой войны. Т. 10. С. 92).

12 января, пытаясь ввести немцев в заблуждение и связать их резервы, русские атаковали позиции 4-й армии севернее и южнее Роминтер-Хейде (Пустоши). На следующий день, начиная наступление по-настоящему, войска 3-го Белорусского фронта нанесли удар по 3-й танковой армии в районе Шталлупенена и Пилкалена. 14 января 2-й Белорусский фронт атаковал оборону 2-й армии с плацдармов в районе Сероцка и Ружана. Обеим армиям удавалось удерживать занимаемые позиции первые два дня советского наступления. Немцы закрепились на основном оборонительном рубеже и быстро ликвидировали все участки прорыва. Густой туман затруднял применение советской стороной всей мощи своей авиации и танков. К несчастью для группы армий, этот кратковременный успех, особенно на фоне событий на фронте группы армий «А», выглядел почти как победа в оборонительном сражении. 14 января, после того как Г. Гудериан доложил Гитлеру, что, очевидно, группе армий «Центр» удалось предотвратить оперативный прорыв противника в районе Нарева в Восточную Пруссию, тот приказал перебросить на участок группы армий «А» танковый корпус «Великая Германия» в составе двух дивизий.

15 января 2-я армия была вынуждена отойти на первую отсечную позицию. На северном участке погода прояснилась, и теперь под напором мощных атак танков и авиации противника 3-я танковая армия начала отводить свои войска из района южнее Пилкалена для того, чтобы не допустить их окружения. На следующий день погода прояснилась и на фронте 2-й армии, и передовые танковые части русских сразу же совершили прорыв через Нове-Място. С Ружанского плацдарма начали наступление пять армий (в том числе одна танковая), а

также танковый, механизированный и кавалерийский корпуса, составлявшие главные силы 2-го Белорусского фронта. Из района Нове-Място русские нацелили свой удар на северо-восток, к устью реки Висла. Наступавшие с Сероцкого плацдарма две армии и танковый корпус обеспечивали левый фланг группировки, наносившей удар на Бельск и Быдгощ (Бромберг). Наступление осуществлялось без помех, так как войска на фланге группы армий «А» южнее Вислы были разгромлены. 3-й Белорусский фронт после относительной неудачи прорыва на широком фронте начал сосредоточивать усилия севернее района Пилкалена. В данных обстоятельствах логичным шагом для группы армий «Центр» было бы начать отводить войска к не подвергавшемуся ударам противника участку обороны 4-й армии, поставив дивизиям задачу закрыть брешь, образовавшуюся в обороне 2-й армии, и попытаться не допустить охвата своего правого фланга. 16 января Г. Рейнгардт внес такое предложение.

К 17 января 2-я армия практически исчерпала свои возможности в обороне. После того как во второй половине дня Г. Гудериан сообщил о том, что Гитлер запретил отступление 4-й армии, Г. Рейнгардт позвонил Гитлеру и выслушал от него лекцию относительно недопустимости несанкционированного отступления. Самое большое, на что был согласен Гитлер, — это разрешить перебросить на угрожаемый участок две дивизии 4-й армии, существенно ослабив тем самым ее оборону.

18 января оборона 2-й армии затрещала, по обе стороны от Млавы образовалась брешь. Г. Рейнгардт бросил сюда все свои резервы: семь дивизий и управление танкового корпуса. Однако он знал, что этого было явно недостаточно. На следующий день первые эшелоны наступавших советских танковых частей уже находились южнее Тилгенбурга. 5-я гвардейская танковая армия была готова к броску в сторону побережья. В тот же день была прорвана оборона немецкой 3-й танковой армии севернее реки Прегель (Преголя).

День 20 января прошел относительно спокойно. К.К. Рокоссовский и И.Д. Черняховский готовились к новому стремительному броску. Гитлер снова запретил отводить войска 4-й армии. Он обещал перебросить на ее участок танковую дивизию из группы армий «Север» и 20 батальонов резерва ВМФ из Дании.

Советское наступление снова набрало силу 21 января. На участке 2-й армии войска 2-го Белорусского фронта вышли к Дейч-Эйлау и развернулись на север, в направлении на Алленштейн. Войска 3-го Белорусского фронта захватили Гумбиннен, последнее препятствие на пути к Кенигсбергу по реке Прегель. Одновременно русские начали стремительное наступление к побережью, в результате которого группа армий оказалась бы отрезанной. Командование 2-й армии доложило, что может только задержать этот удар, но не способно его парировать. Еще более тревожным фактом было то,

что удары русских южнее реки Прегель и на Алленштейн могли преследовать цель оттеснить группу армий от побережья во внутренние районы Восточной Пруссии, где она окажется в окружении. 4-я армия уже находилась внутри расположенного под наклоном мешка примерно в 200 км от побережья.

После того как Г. Рейнгардт доложил, что подчиненные ему командиры настаивают на отступлении, а в войсках наблюдается полная потеря доверия к высшим эшелонам командования, Гитлер, наконец, согласился позволить 4-й армии отступить из района восточнее Мазурских озер. Это было кое-что, но таких мер было далеко не достаточно. В своем дневнике Г. Рейнгардт отмечал, что, в конце концов, группе армий придется отступить внутрь «Хейльсбергского треугольника», представлявшего собой систему оборонительных рубежей, созданную в 1920-х гг. на случай, если весь столичный рейхсвер должен будет обеспечивать оборону плацдарма в Восточной Пруссии (тогда Польша Пилсудского вела себя весьма агрессивно. — *Ред.*). В течение последних десяти лет никому и в голову не приходила мысль о том, что призрак той военной слабости когда-нибудь вновь будет диктовать военные замыслы.

К ночи 23 января войска 2-го Белорусского фронта перерезали все шоссейные и железнодорожные дороги, пересекавшие Вислу, за исключением дороги вдоль побережья через Эльбинг. После наступления темноты передовое танковое подразделение 5-й гвардейской танковой армии вышло к городу. Убедившись в отсутствии там признаков тревоги: по улицам ездили автомашины, а солдаты местной школы подготовки танкистов маршировали строем, русские экипажи зажгли фары и стремительно пронеслись по главным улицам, стреляя на ходу. До наступления дня и прибытия очередной волны советских танков немцы в Эльбинге достаточно пришли в себя для того, чтобы выбить русских из города и заставить их обойти город восточнее. Но все же за это время танки передовых подразделений советских войск успели выйти к побережью. Таким образом, группа армий «Центр» оказалась блокированной.

Г. Рейнгардт доложил, что для восстановления положения он намерен бросить в контрнаступление одновременно с востока и с запада все войска, которые сможет собрать. Гитлер, который предполагал, что для этого ему придется отвести войска на других участках, отдал приказ, запрещавший Г. Рейнгардту отводить 4-ю армию западнее линии Летцен—Ортельсбург. Он предложил использовать в качестве резервов две дивизии, развернутые в районе Мемеля (Клайпеды). Прежде фюрер настаивал на том, что эти войска следует оберегать как «трамплин к группе армий «Север». Дивизии предполагалось перебросить малыми судами или через Куршскую косу (Курише-Нерунг), узкую полосу песчаных дюн длиной около 100 км, запирающую Куршский залив (Куришес-Хафф).

В течение 9 дней 3-й танковой армии удавалось удерживать фронт, постепенно отводя войска к Кенигсбергу. Но 24 января русские прорвались южнее реки Прегель, создав тем самым угрозу отрезать Кенигсберг с юга. Командование группы армий металось между реальностью и иллюзиями Гитлера. Г. Рейнгардт знал, что не сможет удержать Кенигсберг и Земландский полуостров. Поэтому он позволил 4-й армии продолжать отводить фронт к Мазурским озерам, одновременно совершая контратаки. Но он не мог пойти на открытую конфронтацию с Гитлером и поэтому передал 3-й танковой армии две дивизии, которые 4-я армия планировала использовать для нанесения контрудара. Когда 24 января 4-я армия эвакуировала внешний оборонительный рубеж у Летцена (и по Мазурским озерам. — *Ред.*), не спросив на это разрешения командующего, Г. Рейнгардт никак на это не отреагировал. Он знал, что армии еще придется отступить гораздо дальше. Но он без всяких протестов согласился с приказом Гитлера провести тщательное расследование случившегося.

Во второй половине дня 24 января командующий немецкой 4-й армией генерал пехоты Фридрих Госбах по собственной инициативе вызвал трех подчиненных ему командиров корпусов. Он объявил, что наземное сообщение армии с Германией перерезано и изменений обстановки к лучшему ожидать не приходится. В связи с этим генерал принял решение прорываться на запад. Начало прорыва и отступления запланировано на вечер 26-го числа или на следующее утро. Ф. Госбах намеревался совершить прорыв силами всей армии, выводя войска с территории Восточной Пруссии. Гражданское население брать с собой не предполагалось. По словам самого генерала, как ни ужасно это звучало, но ничего нельзя было изменить: главной целью должно было стать сохранение боеспособности войск и отвод их на территорию Германии. При этом он не упомянул 3-ю танковую армию. Не исключено, что Ф. Госбах полагал, что, когда настанет момент, ее командование должно принимать решение о том, оставаться на отрезанной врагом территории или идти на прорыв самостоятельно. Он и Г. Рейнгардт уже пришли к, в общем, единому мнению по поводу необходимости нанесения удара в западном направлении. Летценский укрепленный район оставался (уже 24 января 4-я танковая армия заняла укрепленную позицию Хейльсберг-Дейме. — *Ред.*). При этом Г. Рейнгардт совсем не был уверен в том, что его войска должны были удерживать территории на востоке. Следовательно, делал вывод Ф. Госбах, вопрос был уже решен, и вновь поднимать его не было необходимости.

25 января войска И.Д. Черняховского приблизились к Кенигсбергу с юго-запада на расстоянии примерно 20 км. Очевидно, рус-



ские снова намеревались попытаться сжать горловину мешка, в который попал восточный фланг немецкой 3-й танковой армии в 150 км от побережья. 4-я и 3-я танковые армии немцев, обороняясь спиной друг к другу, удерживали к тому моменту не более 70 км побережья. В тот вечер Г. Рейнгардт, который днем получил ранение в результате воздушного налета, попытался убедить Г. Гудериана, что настало время выровнять выступ, образовавшийся в немецкой обороне. Г. Гудериан настаивал на том, чтобы линия фронта оставалась без изменений, он даже слушать не хотел о новом отступлении. В тот день группа армий была переименована в группу армий «Север», а 2-я армия была передана в группу армий «Висла».

К 26 января советская 5-я гвардейская танковая армия уже хорошо закрепилась на Балтийском побережье северо-западнее Эльбинга. На ее правом фланге дивизии немецкой 4-й армии изготовились для прорыва. Маневр и концентрация войск на западном участке привели к ослаблению немецкой обороны на юго-востоке и северо-востоке. Летцен был 26 января потерян, а русские, переправившись через замерзшие озера, пробili оборону немцев на многих участках. До наступления полудня из штаба группы армий сообщили, что они уже собирались отдать приказ 4-й армии отступить на 50 км на рубеж Вартенбург—Бишофсбург—Фридланд. Позже в беседе с Гитлером Г. Рейнгардт заявил, что далее он намерен прорываться на запад и отвести войска в треугольник в районе Хейльсберга. Гитлер ответил, что примет решение позже, и повесил трубку.

Поняв, что его поставили перед свершившимся фактом, Гитлер пришел в ярость. Он заявил Г. Гудериану, что планы Г. Рейнгардта являются не чем иным, как предательством, так как они прямо противоречат его, Гитлера, намерениям. Он потребовал немедленного отстранения от занимаемых должностей Г. Рейнгардта и Ф. Госбаха. В штаб группы армий он отправил приказ, категорически запрещающий отступление дальше рубежа Вартенбург—Николайкен. Это ничем не помогало оборонявшимся немецким войскам, так как позволяло выровнять лишь небольшой участок линии фронта в юго-восточной части выступа. Потом связь с ОКХ неожиданно прервалась, и в штабе группы армий не могли дозвониться до кого-либо из представителей высшего военного руководства. Наконец, в 19.15 Г. Рейнгардт на свой страх и риск принял решение отойти на ранее предложенный им рубеж. Он попытался «подсластить пилюлю», отправив наверх донесение о том, что войска группы армий попытаются организовать прочный фронт «не далее чем на рубеже Вартенбург—Бишофсбург—Шиппенбейль—Фридланд». Через два часа пришла телеграмма, в которой сообщалось о снятии с должности его и начальника штаба группы армий.

Утром следующего дня новым командующим группы армий стал Л. Рендулич. Он имел жесткий приказ от Гитлера оборонять Кенигсберг и то, что осталось от Восточной Пруссии. Контрудар в западном направлении начался ночью, несмотря на то что он уже не имел смысла. Можно было бы осуществить прорыв и отступление, как планировал Ф. Госбах, но под командованием Л. Рендулича, за которым стоял Гитлер, который теперь был всегда начеку, об этом не могло быть и речи.

В конце месяца Ф. Госбаха сменил на его посту генерал пехоты Фридрих Мюллер, который после отступления из Греции имел репутацию мастера импровизаций. Благодаря начатому еще при генерале Г. Рейнгардте отступлению удалось несколько ослабить давление на восточном участке обороны 4-й армии. В то же время на северном участке войска 1-го Прибалтийского фронта под командованием И.Х. Баграмяна усилили натиск на Кенигсберг и вытеснили немецкую 3-ю танковую армию на Земландский полуостров. На юге 4-й армии пока удавалось удерживать узкий коридор к Кенигсбергу. Основной угрозой было то, что русские могли преодолеть оставшиеся им на Земландском полуострове до Пиллау примерно 25 км по косе Фрише-Нерунг и отрезать линии снабжения группы армий по морю. (Пока машины с грузами могли направляться из Пиллау в Хейлигенбейль через замерзший залив.)

1 февраля 4-я армия сделала последнюю попытку прорыва на Эльбинг. Она была остановлена мощной контратакой противника.

В течение последующих дней поток беженцев из Восточной Пруссии достиг своего пика. Некоторые покидали эти места морем, большая же часть пешком, через косу Фрише-Нерунг и район дельты Вислы, направлялась в направлении на Данциг. К середине февраля было эвакуировано 1,3 млн из общего числа жителей 2,3 млн человек. Из тех же, кто остался, более половины вступили в ополчение (фольксштурм) или были призваны в вермахт.

Л. Рендуличу в те оставшиеся месяцы войны, очевидно, было уготовано место в истории, подобное Ф. Шернеру. Все его бывшие начальники позже отмечали его абсолютную безжалостность. Для Л. Рендулича, отвечавшего за оборону Восточной Пруссии, не возникало других вопросов, помимо того, как лучше выполнить задачу по удержанию этой территории. В одном из своих приказов он сделал командиров полкового и батальонного звена лично ответственными за удержание «каждой пяди земли». Он приводил пример некоего капитана, которого он лично приказал расстрелять за то, что тот отвел свой батальон назад примерно на 1,5 км после прорыва его обороны. Другим приказом Рендулич ввел у себя в войсках так называемые «летучие военные суды», которые прочесывали полевые районы. Любый военнослужащий, который, не будучи раненым, был пойман вне расположения своей части, подлежал суду и расстрелу на месте.

## Взятие Будапешта

В то время как советские армии наступали на Германию севернее Карпат, трагедия на Дунае, в районе Будапешта, подходила к своему логическому концу. По той обстановке ужаса, царившей в городе, с осадой Будапешта может сравниться лишь трагедия Сталинграда. Почти все население города, свыше 1 млн человек, оказалось в ловушке без малейших запасов продовольствия, необходимых для его существования и здоровья. Воздушные бомбежки и артиллерийские обстрелы загнали жителей в подвалы. В большинстве районов снабжение электричеством, газом и водой было нарушено уже в первые дни осады. Гарнизон города не имел даже того периодического снабжения и медицинского обслуживания, которые имела немецкая 6-я армия в Сталинграде. Из-за неудовлетворительной работы штаба IX горного корпуса СС, не сумевшего обеспечить эвакуацию своих складских запасов, в день, когда замкнулось кольцо блокады, в руки русских попало 450 тонн боеприпасов и 300 тыс. норм продовольствия. 31 декабря командование группы армий «Юг» направило вниз по течению Дуная речное судно с 400 тоннами груза на борту. Судно село на мель чуть выше по течению от Будапешта. Попытка организовать снабжение осажденных по воздуху была уже избитой историей. Зимняя погода, нехватка горючего и отсутствие взлетно-посадочных полос в осажденном городе свело его практически к нулю.

Как следствие, у немцев было очень мало времени на то, чтобы попытаться организовать операцию по прорыву блокады и эвакуации Будапешта. Кроме того, недостаток времени не давал командованию группы армий разнообразия в выборе маршрута движения войск к городу (см. карту 38). От участка фронта в районе Комарно до Будапешта было примерно 50 км, около половины из которых предстояло преодолеть по холмистой местности. К северо-востоку от Секешфехервара, несмотря на то что отсюда до Будапешта было примерно на 15 км больше, местность была удобной для использования танков. Но здесь приходилось потратить лишние пять дней на подготовку группировки, которая к тому же нуждалась бы в большем количестве горючего. В конце концов, после долгих сомнений был выбран вариант, требовавший меньше времени и горючего, и в конце декабря ОКХ и командование группы армий приняли решение о контрударе из района Комарно. В директиве ОКХ учитывалась вероятность прорыва из города «только в самом крайнем случае». К тому же право окончательного решения, как всегда, было за Гитлером.

Операция началась в первый день Нового года. В ночь на 2 января пехотная дивизия преодолела Дунай по льду и, ударив в тыл русским частям в районе южнее реки, обеспечила быстрое выдвижение IV танкового корпуса СС по шоссе Комарно—Будапешт. Но в горах одного старта оказалось недостаточно. На второй день ино-



гда все еще казалось, что контрудар имеет хорошие шансы на успех, но у русских всегда было достаточно пехоты и противотанковых орудий, которые в данном случае были использованы для того, чтобы связать IV танковый корпус боем.

В течение следующих суток русским удалось организовать на участке прорыва вязкую оборону, и к 5 января — времени прибытия Г. Гудериана в штаб группы армий «Юг» — советская 6-я гвардейская танковая армия сосредоточилась севернее Дуная для нанесения контрудара и последующего наступления на Комарно через реку Грон.

Тем не менее по прибытии Г. Гудериан поставил перед командованием группы армий несколько дополнительных задач, которые ставили операцию по деблокированию города, почти с самого начала протекавшую не очень гладко, в один ряд с крупными наступательными операциями. Сначала группе армий предстояло восстановить контроль над Будапештом и рубежом озеро Балатон — озеро Веленце — Эрчи, а затем, совершив маневр в южном направлении, разгромить противника в районе западнее Дуная. 6 января, в день отъезда Г. Гудериана, IV танковый корпус СС оказался перед хорошо укрепленной обороной противника. Наступление стало выдыхаться. В тот же день части советских 6-й гвардейской танковой и 7-й гвардейской армий перешли в наступление и вклинились в немецкую оборону примерно на 12 км. Теперь они угрожали нанести удар в тыл IV танковому корпусу СС из района севернее Дуная<sup>1</sup>.

7 января немецкий I кавалерийский корпус, пытаясь застать русских врасплох, вклинился в их оборону северо-западнее Секешфехервара. Но достигнутого кратковременного эффекта внезапности оказалось недостаточно: советская 4-я гвардейская армия отреагировала на этот рейд очень быстро, и к исходу суток положение было полностью восстановлено. Этот день стал черным для группы армий «Юг»: оба ее удара не принесли успеха.

К тому времени в районе Будапешта за прошедшую после Нового года неделю русским удалось ликвидировать участок фронта на плацдарме вокруг Пешта восточнее Дуная. Во время вспыхивавших тут и там в городских кварталах стремительных схваток не было времени заботиться о раненых, тушить пожары и хоронить убитых. Описывая события, немецкий военный корреспондент писал: «Удушливое зловоние разлагавшихся трупов, всполохи огня над руинами...» На многочисленных участках, где русским удавалось глубоко вклиниться в городскую оборону, они устанавливали громкоговорители, через которые в перерывах между артиллерийскими залпами и разрывами бомб призывали немцев и венгров сдаваться, пока еще не было поздно.

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 4. С. 399.

7 января Будапештский гарнизон, казалось, сражался из последних сил. Снегопад и низкая облачность не позволяли снабжать защитников города по воздуху. Снаряды и патроны подходили к концу. Население города было настроено враждебно. Венгерские солдаты массово дезертировали. По мнению генерала Г. Балька, приказ на прорыв следовало отдавать не позднее чем в течение суток. О. Вёлер решил попытаться счастья в районе севернее Дуная и, не прекращая операций IV танкового корпуса СС и I кавалерийского корпуса, попытаться нанести еще один стремительный удар силами пехоты на северном фланге IV танкового корпуса СС через низкие горы Пилиш. Это, по крайней мере, могло бы облегчить осажденным в городе попытку прорвать кольцо блокады.

На следующий день Гитлер отдал приказ, запрещавший войскам прорываться из города. Это не оставляло группе армий другого выбора, кроме как пытаться проломить себе путь через фронт. Тогда О. Вёлер начал готовить то, что сам назвал «гусарским рейдом», представлявшим собой стремительный прорыв к Будапешту силами моторизованного батальона. Такой рейд позволил бы на несколько часов организовать коридор, по которому можно было организовать снабжение осажденных, или, если бы Гитлер изменил свое первоначальное решение, вывести из города его гарнизон.

Первоначальной задачей стала организация встреч деблокирующих войск со стороны фронта и войск, прорывающихся из города. Для Гитлера же главной целью было, скорее всего, отбросить противника от Дуная. 9 января он упомянул о необходимости перенацелить IV танковый корпус СС южнее, в район между озерами Балатон и Веленце. На следующий день в результате контрудара севернее Дуная угроза наступления русских на Комарно была ликвидирована. Однако и «гусарский рейд», задуманный О. Вёлером, провалился. 11 января Гитлер наградил оберстгруппенфюрера Карла фон Пфедфер-Вильденбруха Рыцарским Железным крестом и повторил ему приказ удерживать Будапешт. На следующее утро он отдал приказ группе армий о переброске IV танкового корпуса СС южнее.

В течение пяти дней IV танковый корпус СС совершал 120-километровый марш по горным дорогам через глубокий снег к северной оконечности озера Балатон. 18 января он совершил стремительный рывок в восточном направлении (30 км за день), а к утру 20 января (действуя и ночью) корпус преодолел еще 40 км и вышел к Дунаю у Дунапентеле. Во время этого прорыва офицеры штаба корпуса пытались угадать, куда будет направлен следующий удар. Многие полагали, что командование планирует молниеносный удар на Будапешт, несмотря даже на то, что 3-й Украинский фронт сосредоточил там танковый корпус и держал в резерве два механизированных корпуса, доселе не принимавших участия в боях.

На других участках фронта картина складывалась не так оптимистично. Севернее Дуная последние части двух танковых дивизий, которые должны были перейти в подчинение группы армий «А», вышли к новым районам сосредоточения. Теперь участок фронта восточнее Комарно удерживала всего одна пехотная дивизия. В Будапештском котле по команде К. Пфедфера-Вильденбруха был эвакуирован Пешт. Этот шаг был явно запоздавшим, но соответствующее разрешение Гитлера было получено только за день до этого. При переходе мостов, которые находились под плотным огнем советской артиллерии, немцы понесли тяжелые потери (только в боях за Пешт немцы и венгры потеряли убитыми около 36 тыс. человек, а пленными до 63 тыс. человек, было подбито и захвачено около 300 танков и штурмовых орудий, 1044 орудия и миномета и др. (История Второй мировой войны. Т. 10. С. 174). Но, несмотря на это, мосты были переполнены людьми, мужчинами, женщинами и детьми, старыми и молодыми, ранеными, которые едва могли передвигаться, транспортными средствами всех размеров, от грузовых автомобилей до детских колясок. Это продолжалось до тех пор, пока там не были установлены взрывные заряды, разрушившие их элегантные пролеты, гордость горожан.

В течение следующих трех дней русские вели тяжелые бои, удерживая фронт на обоих флангах озера Веленце. Немецкие танковые дивизии медленно, но неуклонно шли вперед; они взяли Секешфехервар и 22 января вышли к реке Вали. Но к этому времени темп наступления был окончательно потерян. К тому же О. Вёлер и Г. Бальк, к своему неудовольствию, имели возможность убедиться в том, что, несмотря на отличные результаты наступления 18 января, командование IV танкового корпуса демонстрирует полную некомпетентность в управлении войсками в ходе крупномасштабного наступления. Командир корпуса обергруппенфюрер СС (генерал-лейтенант) Герберт Гилле имел непоседливый характер и все время проводил на переднем крае. Начальник штаба относился к бумажной работе настолько легкомысленно, что 22 января Г. Бальку пришлось самому пытаться определить, где находится передний край. Вёлер принял решение оставить на своем посту Г. Гилле, который своим поведением, по крайней мере, поддерживал в подчиненных высокий моральный дух, и избавиться от начальника штаба корпуса.

22 января Г. Гудериан призвал О. Вёлера обдумать вопрос о том, способны ли его войска очистить от противника всю территорию к западу от Дуная при условии, что они получают некоторую помощь и от командования на Юго-Восточном театре. Таким образом, достигнутые успехи возбудили аппетиты Гитлера на победу, и теперь Г. Гудериан явно опасался того, что придется отправлять на южное направление новые силы. Вопрос был очень серьезным и затрагивал, по выражению Г. Гудериана, «вопросы совести». Генерал умал-

чивал о том, что к тому времени ему уже были известны планы Гитлера направить во второй эшелон группы армий «Юг», в Австрию, два танковых корпуса из состава 6-й танковой армии СС.

День 23 января IV танковый корпус СС потратил на перегруппировку частей восточнее Секешфехервара. На следующий день корпус на широком фронте вышел к реке Вали, но форсировать ее с ходу не удалось. О. Вёлер предложил, чтобы 2-я танковая армия перешла в наступление на Капошвар в районе южнее озера Балатон, оттянув тем самым на себя часть сил русских от IV танкового корпуса СС. Но в ОКХ с этим не согласились под тем предлогом, что Гитлер очень переживал за нефтяные месторождения и не желал рисковать 2-й танковой армией.

После того как пробная атака вверх по течению реки Вали 25 января не дала результатов, О. Вёлер доложил на следующий день, что быстрый прорыв к Будапешту невозможен, поскольку русские укрепили свою оборону на всех возможных направлениях удара. Тогда Г. Гудериан предложил развернуть IV танковый корпус СС на юг, где он совместно со 2-й танковой армией перейдет в наступление в районе между озером Балатон и Дунаем. В группе армий запросили, не следует ли в связи с тем, что наступление на Будапешт остановлено, отдать осажденным войскам приказ о прорыве.

Ответ пришел 27 января. Гитлер в своем приказе снова призвал IX горнострелковый корпус СС (и другие части. — *Ред.*) держаться до тех пор, пока не подойдет помощь. К тому времени ширина котла составляла примерно 5 км, а длина — около 7 км. В этом районе скопились 34 тыс. немецких и венгерских солдат, 10 тыс. раненых и примерно 300 тыс. человек гражданского населения.

В свою очередь, за последние несколько дней 2-й и 3-й Украинские фронты произвели серьезную перегруппировку своих сил, создав новую угрозу для противника. Р.Я. Малиновский отвел 6-ю гвардейскую танковую армию с плацдарма на реке Грон. Вместо конно-механизированной группы И.А. Плиева, удерживавшей участок севернее, туда были направлены болгарские дивизии. Немецкая разведка не смогла установить, на какие участки были направлены танковая армия и конно-механизированная группа. Между тем Ф.И. Толбухин сосредоточил значительное количество танковых частей северо-восточнее Секешфехервара и северо-западнее Дунафёльдвара.

27 января примерно 12 стрелковых дивизий, имея во втором эшелоне сильную танковую группировку (18-й танковый корпус), нанесли удар по юго-восточному фасу выступа, на котором занимал оборону IV танковый корпус СС, между Дунапентеле и каналом Шарвиз (а с севера ударили 23-й танковый корпус, 104-й стрелковый корпус и 5-й гвардейский кавалерийский корпус. — *Ред.*). Когда во второй половине дня Г. Гудериан принес Гитлеру первые



донесения об этом, тот приказал свернуть операцию по деблокированию Будапешта. По его словам, это больше не имело смысла. (В IV танковом корпусе СС танков почти не осталось (из имевшихся на утро 18 января 550 танков и штурмовых орудий). — *Ред.*) Не обращая внимания на вопросы Г. Гудериана о судьбе гарнизона, он спросил, как проходит переброска двух корпусов из 6-й танковой армии СС, выходу которых из Арденн и доставке для погрузки на железную дорогу препятствовали снег и нехватка горючего. А. Йодль ответил, что один из корпусов должен прибыть в Вену в течение 14 дней, а второй — еще через четыре-пять дней. Со вздохом облегчения Гитлер заметил: «Они придут как раз вовремя, так как следующий кризис должен произойти здесь».

## **Глава 20**

### **ОБОРОНА РЕЙХА**

#### **Задачи**

Для немецкого народа первая неделя февраля стала самым черным временем за все время войны. Все последние месяцы несли с собой отчаяние и разрушение, но и они не могли сравниться с тем шоком, который вызвала у немцев весть о неожиданном выходе русских на реку Одер. Еще три недели назад фронт находился далеко в Польше, и противник нигде (почти. В Восточной Пруссии. — *Ред.*) еще не ступил на территорию Германии. Теперь была потеряна Верхняя Силезия, в Восточной Пруссии немецкая группировка была отрезана и рассечена. Западную Пруссию и Померанию обороняла группа армий, от которой, по существу, ничего не осталось и которой командовал дилетант (рейхсфюрер СС Гиммлер. — *Ред.*). А оборона Одера ложилась на плечи армий, которые уже были разгромлены на Висле и которые бежали, преследуемые противником через всю Польшу (от тех армий фактически ничего не осталось, оборона на этом направлении создавалась практически новым составом войск. — *Ред.*). Если русским удастся сохранить темпы наступления, а пока ничего не говорило об обратном, то через три недели они должны были выйти к Рейну.

В ситуациях глубокого кризиса Гитлеру всегда помогали ничем не ограниченная свобода принятия решений, а также иллюзия того, что он обладает даром предвидения и может найти верный выход из создавшегося трудного положения. Он, как обычно, воспользовался этим в начале февраля. Гитлер поставил перед группой армий «Висла» под командованием Г. Гиммлера четыре задачи: создать прочную оборону в верхнем течении Одера от Шведта; остановить русское

наступление южнее и западнее Штаргарда и подготовиться к нанесению удара из этого района во фланг наступавшей на Одере в первом эшелоне 2-й гвардейской танковой армии; использовать Вислу как опору на востоке обороны своих войск. И наконец, не допустить наступления русских в северном направлении, в Померанию и Западную Пруссию. В качестве послесловия Гитлер добавил, что после того, как от противника была очищена дорога в районе Эльбинга, 2-я армия намерена «возобновить» наступление навстречу группе армий «Север». В своих приказах, адресованных группе армий «Север», он тем не менее не ставил задачи соединения со 2-й армией. Л. Рендуличу Гитлер поручил сосредоточить основные усилия на севере, в районе Кенигсберга, и на юго-западе с задачей удерживать рубеж Браунсберг—Вормдитт и не допустить оттеснения 4-й армии с побережья.

Директива, адресованная группе армий «Курляндия», поступившая туда 3 февраля, когда уже была в полном разгаре так называемая «четвертая битва за Курляндию», предписывала командованию группы армий ускорить передачу двух пехотных дивизий в группу армий «Висла» и одной дивизии — в группу армий «Север» (согласно приказу от 1 февраля), а также подготовить к переброске на другой участок фронта еще одну дивизию. Генерал-полковник Генрих Готфрид фон Фитингоф-Шеель, сменивший на посту командующего Л. Рендулича, ответил, что истончение фронта группы армий после передачи еще одной дивизии вызывает у него опасения. В то же время он убедился, что группировка в Курляндии не в состоянии связать соответствующее количество советских войск, следовательно, удержание Курляндии с военной точки зрения было бессмысленным. Генерал намекал на необходимость эвакуации войск до прихода весны и удлинения светлого времени суток.

На южном крыле Восточного фронта задача группы армий «Центр» удерживать оборону по Одере была очевидной без всяких дополнительных директив. В зоне ответственности группы армий «Юг», несмотря на то что Гитлер назвал район нефтяных месторождений Надьканижа самым важным на Восточном фронте с точки зрения стратегии, было ясно, что уже очень скоро инициатива здесь перейдет в руки русских. Операция по деблокированию Будапешта провалилась, и Гитлер не испытывал больше никакого интереса к судьбе гарнизона города, за исключением, быть может, того, чтобы его солдаты попытались продержаться как можно дольше. 5 февраля фюрер в очередной раз запретил попытку прорыва из города под тем предлогом, что из этого все равно ничего не выйдет.

I и II танковые корпуса СС находились на пути в Австрию, но переброска войск по железной дороге через территорию Германии занимала теперь больше времени, чем когда-то требовалось для того, чтобы добраться до центральных районов европейской части

СССР. Командование на Западном театре докладывало, что зачастую станции оказывались разбомбленными еще до прибытия туда войск. Приходилось формировать эшелоны и осуществлять погрузку в темное время суток, без освещения. Подвижной состав находился в неудовлетворительном состоянии: иногда танки и грузовые автомашины проваливались на платформах, до одной трети вагонов были непригодны к использованию. Времена, когда военным эшелоном обеспечивался зеленый свет, прошли: иногда по прошествии очередного часа уже нельзя было быть уверенным в целостности того или иного участка дороги.

6 февраля Гитлер приказал О. Вёлеру развернуть четыре дивизии СС в районе Дьёра, а пятую — за Надьканижа. Дивизии должны были прибыть в районы развертывания скрытно, отныне они переходили под контроль ОКХ. Гитлер полагал, что русские готовятся начать наступление на Вену. Группе армий была поставлена задача удержать Надьканижа, Секешфехервар и Комарно и не допустить прорыва противника к Вене.

В течение трех недель Советская армия одержала одну из самых больших побед в войне. И.В. Сталин мог отправляться в Ялту, имея Польшу у себя в кармане. В то время как его армии стояли едва ли дальше чем в одном дневном переходе от Берлина, войска союзников все еще пытались вновь отвоевать территории, потерянные в ходе Арденнского контрнаступления немцев. 26 января Г.К. Жуков докладывал, что, если ему дадут четверо суток на пополнение войсками и техникой и на тыловое обеспечение, он готов 1 или 2 февраля начать наступление на Берлин. И.С. Конев заявлял, что на два-три дня позже и его войска будут готовы перейти на своем участке в наступление через Одер.

Таким образом, русские были готовы начать наступать практически с ходу. Советская танковая и другая техника, несомненно, требовала ремонта и пополнения<sup>1</sup>.

В то же время пехота, особенно на участках фронтов Г.К. Жукова и И.С. Конева, практически не участвовала в тяжелых боях. По подсчетам немецкой стороны, советские потери в январе 1945 г. были примерно на 20% меньше среднемесячных потерь в ходе летнего наступления 1944 г. В связи с относительно низкими потерями русских, а также с тем, что в результате значительные силы немцев оказались отрезанными, немецкая разведка сделала вывод, что это наступление «гораздо более ослабило наши силы, чем силы противника» (потери немцев были в несколько раз больше. — *Ред.*). Ян-

---

<sup>1</sup> Жуков Г.К. На берлинском направлении // Военно-исторический журнал. 1965. Июнь.

варское потепление, которое, как впоследствии вспоминал о нем бывший советский военный корреспондент, привело к появлению подснежников и пурпурных крокусов в заброшенных садах, явилось самым неприятным стечением обстоятельств в ходе русского зимнего наступления. Начавшийся на Одере ледоход сделал реку более значительным препятствием для войск, чем когда-либо. Распутица замедлила движение советских танков и, наверное, облегчила действия немецких истребителей танков, передвигавшихся на велосипедах. Но все это были лишь досадные помехи.

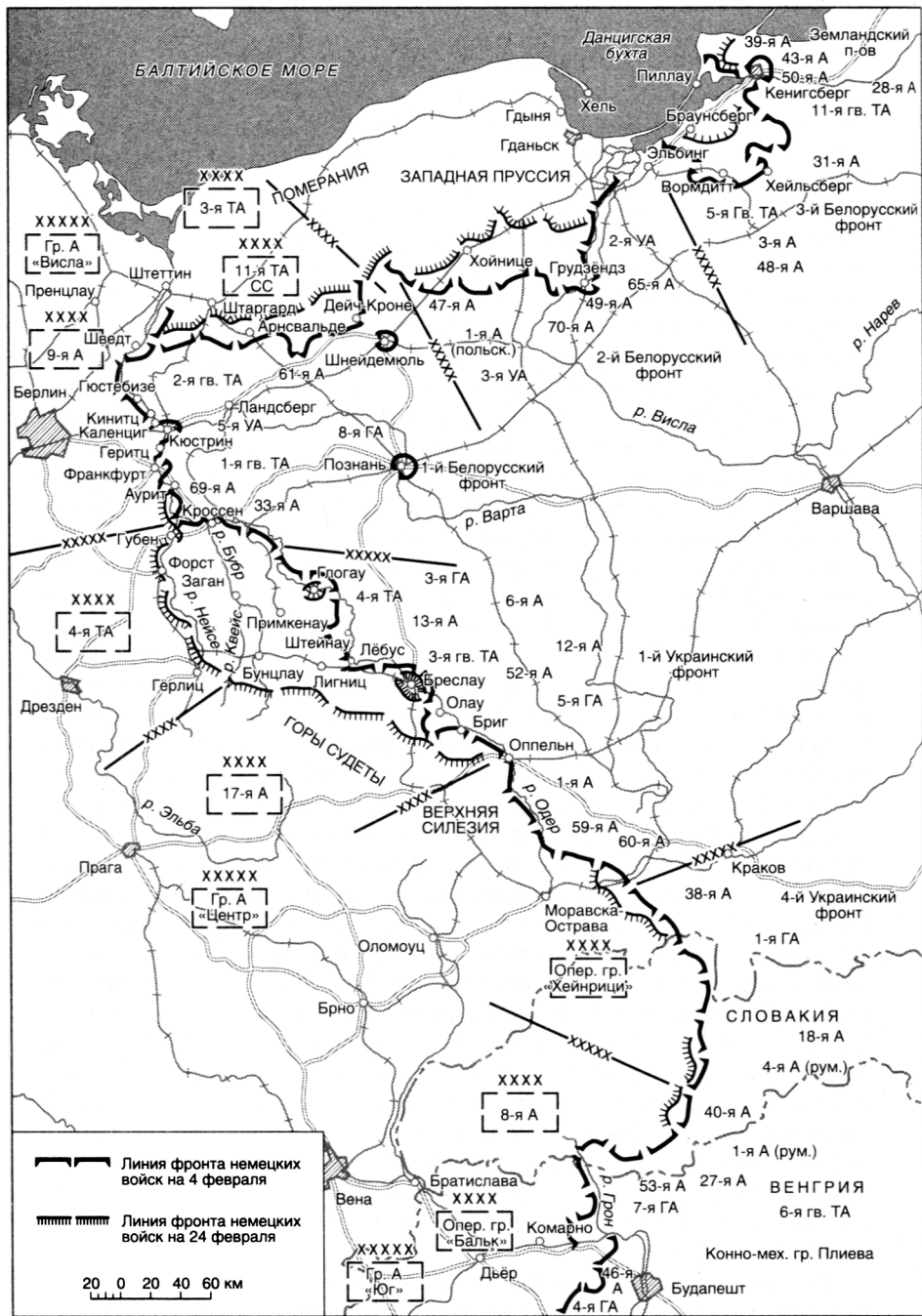
В ответ на предложение Г.К. Жукова нанести удар по Берлину в первые дни февраля И.В. Сталин выдвинул всего одно возражение. В разговоре с Г.К. Жуковым он заметил, что у него вызывает озабоченность удерживаемый лишь тонкой линией войск 150-километровый участок между флангами 1-го и 2-го Белорусского фронтов. Он приказал Г.К. Жукову дожидаться подхода войск К.К. Рокоссовского, на что, по мнению И.В. Сталина, должно было потребоваться от 10 дней до двух недель. В связи с этим Ставка приказала Г.К. Жукову после подхода войск К.К. Рокоссовского возобновить наступление в западном направлении, сосредоточив основные усилия на расширении плацдармов, охватывающих с флангов город Кюстрин.

В то же время все остальные фронты должны были продолжать наступление. По распоряжению Ставки три армии на правом фланге фронта К.К. Рокоссовского были переданы 3-му Белорусскому фронту. Тем самым с фронта К.К. Рокоссовского было снято выполнение задачи по очистке от противника территории Восточной Пруссии. Оставшиеся армии, а также еще одну армию, полученную из резерва, он должен был использовать для захвата Западной Пруссии и Померании от Данцига (Гданьска) до Штеттина.

И.С. Конев, получивший приказ наступать на Дрезден, в течение семи дней перебросил три армии, в том числе 3-ю гвардейскую танковую армию, из Верхней Силезии на плацдарм в районе Штейнау, к северу от Бреслау.

### **Передышка в советском наступлении**

8 февраля 1-й Украинский фронт перешел в наступление из Штейнауского плацдарма между Глогау и Бреслау силами пяти армий, в том числе двух танковых (см. карту 39). Немецкой разведке удалось своевременно засечь переброску советских войск из Верхней Силезии, и ОКХ передало в распоряжение Ф. Шернера три дивизии, две из которых все еще находились в стадии переформирования. Озабоченность Ф. Шернера вызывал и советский плацдарм в районе городов Бриг и Олау, к югу от Бреслау. Сосредоточенные там две общевойсковые армии и два танковых корпуса вот уже несколько



Карта 39. Советское наступление приостановлено. 4—24 февраля 1945 г.

дней угрожали прорвать немецкую оборону и перерезать линии коммуникаций к северу от Судет.

Он передвинул разграничительную линию между 4-й танковой и 17-й армиями таким образом, чтобы 4-я танковая армия отвечала за оборону перед русским плацдармом в районе Штейнау, а 17-я армия — за блокирование плацдарма противника в районе Бриг—Обау.

В первый день наступления 3-я гвардейская танковая армия пробила себе путь с плацдарма у Штейнау и примыкавшего к нему другого небольшого плацдарма. До наступления темноты советские войска вышли к окраинам Лигница и за Бреслау начали разворачиваться на юго-запад. 10-го числа армия, миновав Лигниц, вышла к реке Бобер (Бубр) ниже по течению от Бунцлау. Севернее 4-я танковая армия пробила позиции танкового корпуса «Великая Германия» и заняла Примкенау, в 10 км восточнее реки Бобер. Для того чтобы сорвать попытки немецких 4-й танковой и 17-й армий парировать советские удары с плацдармов по сходящимся направлениям на Бреслау, И.С. Конев вновь обратился к приему, которым уже воспользовался в январе в ходе наступления восточнее Одера. Он развернул 3-ю гвардейскую танковую армию на юг, и после трех дней тяжелых боев город Бреслау был окружен. В городе осталось 35 тыс. солдат и офицеров (до 40 тыс., по советским данным. — *Ред.*) и 116 тыс. гражданского населения. Главные удары наносились в западном направлении, через реку Квейс, и в северо-западном направлении, через реку Бобер в нижнем течении, севернее города Заган. В результате была окружена и крепость Глогау, где оборонялись 4100 солдат и офицеров и 7800 ополченцев (по советским данным, всего 18 тыс.).

14 и 15 февраля немецкая 4-я танковая армия, давление на которую после маневра советской 3-й гвардейской танковой армии на юг временно ослабло, нанесла контрудар вдоль реки Бобер, севернее Загана. Тем самым были перерезаны коммуникации советской 4-й танковой армии, наступавшей в направлении реки Нейсе. К 16 февраля 3-я гвардейская танковая армия вновь развернулась на запад и находилась в готовности нанести удар через реку Квейс в направлении на Герлиц. По приказу Ф. Шернера одна из немецких танковых дивизий попыталась нанести советской танковой армии фланговый удар с юга, но не смогла даже замедлить наступления русских. До 18-го числа советская 4-я танковая армия восстановила положение на своих тыловых коммуникациях, после чего пять советских армий вышли к реке Нейсе на участке от ее слияния с Одером на севере до района в 8 км севернее Гёрлица на юге. Отсюда фронт под углом уходил на восток и несколько на юг и проходил почти под прямым углом к Одеру в районе Оппельна.

21 февраля из ОКХ сообщили в группы армий «Висла» и «Центр», что советские войска намерены сосредоточить основные усилия на

рубеже Одер—Нейсе между Шведтом (на правом фланге обороны группы армий «Висла» на Одере) и Герлицем. Помимо главных ударов на Берлин и Дрезден русские, возможно, нанесут вспомогательные удары в Померании и в направлении на Моравску-Оставу. За пять дней до этого в отделе «Иностранные армии Востока» ОКХ пришли к выводу, что после успешных наступательных операций в Нижней Силезии и Померании Ставка решила, что можно больше не беспокоиться за фланги и войска могут продолжить наступление в Центральную Германию.

По агентурным данным от 15 февраля, 1-й Белорусский фронт отводил из Померании свои пехотные соединения для замены стоявших на Одере 1-й и 2-й гвардейских танковых армий. К 17-му числу обе армии были отведены с Одера во второй эшелон — для отдыха и пополнения перед дальнейшим наступлением на запад.

Немецкая агентурная и авиационная разведка, проведя сбор информации в районах вдоль реки, собрала многочисленные свидетельства подготовки наступления: передвижение тяжелой артиллерии и зенитных батарей, расчистка минных полей, изменение режима радиообмена, пополнение войск бронетанковой и автомобильной техникой.

В зоне ответственности группы армий «Центр» стремительные маневры 3-й гвардейской танковой армии на участке фронта западнее Бреслау явно указывали на то, что она стремится к Нейсе. Данные авиаразведки показали, что на польской территории восточнее Познани (крепость Познань немцы удерживали до 23 февраля) и восточнее Бреслау были заново проложены железнодорожные пути. В Нижней Силезии советские саперы спешно наводили мосты через недавно форсированные реки, что свидетельствовало о намерении 1-го Украинского фронта продолжать наступление. В одном из советских танковых корпусов немцам удалось добыть карты с указанными на них районами между Эльбой и Нейсе.

Форсирование Нейсе на участке, который обороняли шесть дивизий немецкой 4-й танковой армии, не было сложной задачей. Тем не менее И.С. Конев остановил свои войска на этом рубеже. Возможно, это было вызвано более низкими, чем ожидалось, темпами наступления. Немцам дважды или трижды удавалось ставить русских в неприятную ситуацию, танковые армии пока так и не смогли выйти на оперативный простор. Наиболее вероятным, однако, представляется то, что решение остановить войска 1-го Украинского фронта перед Нейсе было частью изменений в общей стратегии советской стороны, вызванных событиями, в которых операции в Нижней Силезии были лишь частью.

В то время, когда 1-й Украинский фронт вел бои в районе между Одером и Нейсе, 1-й и 2-й Белорусские фронты боролись за территории в зоне ответственности группы армий «Висла». Г.К. Жуков

бросил свои общевойсковые армии на правом фланге для того, чтобы очистить от противника плацдармы в районах Арнсвальде, Шнейдемюля и Дейч-Кроне. Кроме того, войска первых эшелонов получили задачу расширить плацдармы на Одере<sup>1</sup>.

Немецкая 9-я армия, бросив в бой четыре недоукомплектованные необученные дивизии — «Дебериц», «Курмарк», «Берлин» и 606-ю, а также две танковые дивизии, переброшенные с Западного фронта, — втянулась в упорные бои в районе Кюстрина.

В первую неделю месяца русские объединили три небольших плацдарма в районе Гюстебизе, Кинитца и Каленцига к северу от Кюстрина. Кроме того, они расширили плацдарм в районе Аурита, южнее Франкфурта, и, захватив еще один в районе Геритца, ударами с него в северном и западном направлении отрезали крепость Кюстрин. Однако 9 февраля контратакой 9-й армии удалось пробить к Кюстрину коридор. Даже несмотря на то что армия и близко не располагала силами, достаточными для выполнения отданного Гитлером приказа в течение 48 часов уничтожить все плацдармы противника на Одере, она прочно удерживала свои позиции, а на некоторых участках даже несколько продвинулась вперед. Наверное, армия могла бы действовать еще успешнее, если бы ей не пришлось передать одну танковую дивизию группе армий «Центр».

10 февраля 2-й Белорусский фронт перешел в наступление западнее Грудзёндза. Продвижение по лесисто-болотистой местности Западной Пруссии еще более осложнялось из-за оттепели. К тому же войска немецкой 2-й армии сражались с мужеством обреченных, чтобы избежать печальной судьбы своего соседа на востоке. Медленно продвигаясь вперед, 14 февраля русские вышли к Хойнице. В случае удачного прорыва русских на этом направлении 2-я армия оказалась бы отрезанной. Центр ее обороны теперь сместился в район юго-восточнее Грудзёндза. Когда В. Вейс попросил разрешение на эвакуацию Грудзёндза, объясняя эту необходимость тем, что его войска могут либо поддерживать контакт с соседом справа, либо оборонять Западную Пруссию и порты Данциг и Гдыню, но никак не то и другое вместе, Гиммлер ответил, что перед 2-й армией поставлены три задачи. Армия должна поддерживать надежный контакт с соседом справа, защищать порты и удерживать Грудзёндз. В данном случае нужно было лишь следовать «великому примеру» Курбье. К тому времени в

---

<sup>1</sup> Г. Гиммлер, который далеко не всегда мог разобраться в военных вопросах, быстро понял все недостатки развертывания своего штаба в Дейч-Кроне. Он перенес свою ставку за Одер на резервный командный пункт СС, находившийся в лесах южнее Пренцлау. Здесь, имея между собой и противником реку, он держал всю свою свиту, как это, по его мнению, и подобало рейхсфюреру СС, включая массажиста и личного врача. Отсюда он легко мог поддерживать связь с Берлином, до которого оставалось 70 км по автобану. Теперь, наконец, ему удавалось хоть часть своего времени посвящать командованию группой армий.



гитлеровском окружении стало модным цитировать примеры Семилетней войны и Наполеоновских войн. И к несчастью для многих немецких солдат, все они якобы свидетельствовали о том, что почти все прусские города успешно выдержали осады и в той и в другой войне. 15 февраля 2-й Белорусский фронт нанес удар на север и восток на участке между Хойнице и Грудзёндзом. Но 19 февраля К.К. Рокоссовский приостановил (ненадолго. — *Ред.*) наступление, в ходе которого русские продвинулись на 8 км на западном фланге и примерно на 30 км на восточном, но так и не смогли взломать немецкую оборону.

В Восточной Пруссии к 13 февраля войска 3-го Белорусского фронта вытеснили немецкую 4-ю армию из треугольника в районе Хейльсберга. 1-й Прибалтийский фронт снова запер остатки 3-й танковой армии, которая теперь называлась оперативной группой «Земланд», на оконечности Земландского полуострова. Вместе два советских фронта отрезали Кенигсберг. На следующей неделе 3-й Белорусский фронт сжал 4-ю армию на прибрежном клочке земли 50 × 25 км в районе Хейлигенбейля. В ходе боев на этом участке погиб командующий фронтом И.Д. Черняховский, которого сменил А.М. Василевский. Несмотря на то что положение немцев было безнадежным, русским тоже не повезло. Сильные снегопады в начале месяца сменились внезапной оттепелью, затруднявшей тыловое снабжение и препятствующей применению авиации. 1-й Прибалтийский фронт, с самого начала испытывавший недостаток техники и боеприпасов, не обладал также лучшими войсками и командованием. К тому же наличие двух фронтовых командований, действовавших на ограниченной местности против трех разрозненных группировок противника, привело к тому, что советские командиры невольно начали «отталкивать» друг друга.

В конце третьей недели месяца советская Ставка после нескольких случаев взаимных жалоб приказала И.Х. Баграмяну на время оставить Кенигсберг в покое и сосредоточить свои силы против немецкой группировки в Земландском котле. Войскам А.М. Василевского предстояло сделать то же самое против противника, окруженного в районе Хейлигенбейля. Но 20 февраля, за два дня до начала наступления войск И.Х. Баграмяна, армейская группа «Земланд» нанесла контрудар, заставший русских врасплох, и пробила себе путь в Кенигсберг. До конца битвы за Восточную Пруссию, которая была для русских «цитаделью германского милитаризма», было еще далеко. По приказу Ставки 1-й Прибалтийский фронт был расформирован, а его войска в качестве «земландской группы» были переданы 3-му Белорусскому фронту. А.М. Василевский получил распоряжение в течение месяца провести перегруппировку и покончить с окруженными группировками немецких войск<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 5. С. 165—171.

К концу третьей недели февраля большое советское наступление зимы 1945 г. полностью остановилось. Очевидно, взяли верх соображения осторожности. По-видимому, в Ставке решили, что время для нанесения противнику смертельного удара еще не пришло. Решение Ставки совпало с двумя эпизодами, один из которых произошел в районе Штаргарда в Померании, а второй — на реке Грон в Венгрии.

Принято считать, что наступление в районе Штаргарда явилось одним из тех событий, которые приблизили военное фиаско рейха. Идея контрнаступления двумя клиньями в районе восточнее Одера с целью срезать острие советских войск, нацеленное на Берлин, принадлежала Г. Гудериану. Это была разновидность любимой формулы Гитлера — удерживать краеугольные камни обороны и контратаковать на флангах. Однако, уклоняясь от неодолимой логики Г. Гудериана, согласно которой на одном из направлений должна была действовать 6-я танковая армия СС, Гитлер остановился на варианте удара на одном участке одним клином из района Штаргарда<sup>1</sup>.

Потеряв южную половину наступающей группировки, Г. Гудериан тем не менее был полон решимости выполнить задачу силами оставшейся половины. Он требовал от войск размаха (три атакующие группировки на 50-километровом фронте), глубины удара и высокого темпа наступления. И прежде всего темпа. Он настаивал на том, что наступление должно было быть подготовлено и проведено «подобно молнии», прежде чем русские успеют надежно закрепиться на Одере. Поначалу Г. Гиммлер, увидевший в наступлении шанс на блестящую победу, был полон энтузиазма.

Что само по себе уже было чем-то выдающимся для того времени, для контрнаступления в районе Штаргарда ОКХ сумело собрать два корпусных управления и десять дивизий, в том числе семь танковых. Собрать такую мощную группировку и перебросить ее по железным дорогам, которые если и функционировали вообще, то работали на 40% заданной нагрузки из-за использования в двигателях паровозов бурого угля, было абсолютно невозможно. То же самое относится и к выполнению задач по снабжению войск в условиях катастрофической нехватки техники, боеприпасов и го-

---

<sup>1</sup> В первую неделю февраля часть 6-й танковой армии СС срочно была перебросена в тыл 9-й армии. Ее командир оберстgruppenфюрер Йозеф (Зепп) Дитрих подготовил предварительный план наступления из района Губен—Кроссен навстречу Штаргардской группировке, с которой предполагалось соединиться на реке Варта в районе Ландсберга, восточнее Кюстрина. До этого танковые дивизии армии были нацелены на Венгрию. Широко обсуждавшийся «отдельный приказ», предусматривавший передачу под командование Й. Дитриха дивизий с Западного фронта, так и не был отдан.

рючего. К 10 февраля, на восьмой день погрузки в эшелоны, удалось доставить менее половины запланированного количества людей и техники.

Командование наступающей группировкой предполагалось передать отозванному с Земландского полуострова штабу 3-й танковой армии, однако, поскольку это распоряжение запоздало, управление войсками фактически перешло в руки недавно сформированной 11-й армии. Несмотря на строжайший запрет преждевременно бросать в бой части, предназначенные для наступления, командование группы армий не желало долго удерживать их в районах сосредоточения, и в конце концов некоторые из вновь прибывших соединений были отправлены на фронт. В результате всего вышперечисленного в штабе группы армий и ОКХ возникли серьезные разногласия по вопросу о том, когда может начаться наступление.

9 февраля в разговоре с Г. Гиммлером Г. Гудериан в той бесцеремонной манере, к которой он иногда прибегал, настойчиво потребовал скорейшего принятия решения, подчеркнув при этом, что он считает необходимым начать наступление 16-го числа. Г. Гиммлер ответил, что пока не может брать на себя обязательств по определению конкретной даты и настаивает на том, чтобы выждать развития событий в течение нескольких дней перед тем, как принимать решение. К несчастью для Г. Гиммлера, отсутствие у него необходимых знаний для командующего группой армий делало его оценки предметом для обсуждения даже после того, как они были высказаны вслух. В лице Г. Гудериана он встретил соперника в споре, чье мнение с военной точки зрения, в свою очередь, тоже было далеко не безупречным. Очевидно, генерал успел убедить себя в том, что Г. Гиммлер пытается увильнуть от принятия конкретного решения в силу своей некомпетентности<sup>1</sup>.

Было немудрено, что Г. Гудериан пришел к такому выводу, поскольку Г. Гиммлер, в полную противоположность тому воинственному тону, который он взял в своих устных и письменных приказах, отодвинув свой командный пункт за Одер и отказавшись от посещения прифронтовых районов, тем самым продемонстрировал явное отсутствие боевого духа.

13 февраля Г. Гудериан решил выяснить отношения и в присутствии Гитлера потребовал наделения своего заместителя, генерала танковых войск Вальтера Венка, особыми полномочиями и назначения его командующим группой армий «Висла»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 375.

<sup>2</sup> В. Венк, который долгое время был начальником штаба 6-й армии, а затем одним из высших генералов Генерального штаба, официально возглавлял так называемую Командную группу (Fuehrungsgruppe) ОКХ. Эта должность была создана Г. Гудерианом после его назначения начальником Генерального штаба ОКХ.

Наконец Гитлер согласился направить В. Венка в группу армий «Висла» с особыми полномочиями, однако так и не уточнил, какими именно. В результате рейхсфюрер СС лишился права принятия окончательного решения, которое, впрочем, не переходило и к В. Венку. Г. Гудериан это вполне устраивало, так как, по-видимому, В. Венк был ему нужен лишь для того, чтобы служить в группе армий проводником его, Г. Гудериана, собственных замыслов.

Прибыв в группу армий «Висла» и засвидетельствовав свое уважение Г. Гиммлеру, В. Венк направился на правый берег Одера в 11-ю армию, чтобы лично проследить за подготовкой наступления. Поступок был явно своевременным, поскольку сам Г. Гиммлер никогда не брал для себя за труд заниматься этим, а штаб 11-й армии, выросший из бывшего корпусного управления под командованием обергруппенфюрера СС Феликса Штейнера, был далеко не идеальным инструментом для подготовки крупного наступления. Убедившись в том, что не все части прибыли и были должным образом оснащены для наступления, В. Венк, желая угодить Г. Гудериану, был вынужден прибегнуть к малообещающей альтернативе, а именно начинать наступление по частям, по мере прибытия войск. Вечером 14 февраля из штаба 11-й армии доложили, что в связи с общей обстановкой на Восточном фронте, как ее обрисовал В. Венк, в армии понимают необходимость срочного проведения наступления, пусть даже на очень ограниченном участке. Штаб планировал нанесение удара в направлении на Арнсвальде (где в 10 км от линии фронта находился в окружении немецкий гарнизон) уже на следующее утро.

Наступление на Арнсвальде силами одной дивизии стало для русских неожиданностью, и вскоре после полудня дивизия на острие наступления вышла к городу. Пристально следившие за ходом наступления командование группы армий «Висла» и ОКХ не могли не воспользоваться столь многообещающим началом. Штаб группы армий отдал приказ о начале полномасштабной наступательной операции под кодовым названием *Sonnenwende* («Солнцестояние») уже на следующий день.

Не имевшие должной подготовки и опыта войска 11-й армии, пытаясь нащупать слабое место в обороне противника, не смогли эффективно использовать день 16 февраля. Русские ничем себя не проявляли до второй половины дня 16-го числа. В это время в штабе армии скрупулезно решали задачу по определению направления сосредоточения основных усилий. К тому времени наступление выдохлось, несмотря на заверения Ф. Штейнера о том, что войска могли бы продолжать наступать через двое суток. В тот вечер, возвращаясь с совещания у Гитлера, В. Венк серьезно пострадал в автомобильной аварии. То, что, как позже отмечал Г. Гудериан, он мог бы спасти операцию «Солнцестояние», вызывает сомнение.

Дожди и размытые дороги затрудняли передвижение танков. Приказ Г. Гимmlера продолжить наступление ночью 17 февраля ничего не мог изменить. На следующий день минные заграждения и организованная противником сильная противотанковая оборона привели операцию к бесславному концу. До исхода дня 18 февраля войскам 11-й армии удалось вклиниться в оборону русских всего на 3—4 км. Вечером того же дня Г. Гимmlер распорядился прекратить наступление.

По данным немецкой стороны, это наступление никак не повлияло на обстановку в тылу советского фронта. 19-го числа из 9-й армии доложили, что на ее участке, на Одере, обстановка «подозрительно спокойна». Все говорило о том, что 1-й Белорусский фронт готов нанести удар на Берлин через несколько дней. Кроме того, в 9-й армии считали, что 1-й Украинский фронт в тот же день форсирует реку Нейсе на правом фланге немецкой обороны. 21 февраля директивой, направленной в тот день в группы армий «Висла» и «Центр», Гитлер официально объявил о прекращении операции «Солнцестояние». Он приказал Г. Гимmlеру передать одно корпусное управление и три дивизии в группу армий «Центр». Командование оставшимися дивизиями было передано штабу 3-й танковой армии, а Ф. Штейнер со своими людьми, которые больше не пользовались расположением Г. Гимmlера, были переправлены на другой берег Одера, где стали действовать как штаб сбора отставших военнослужащих.

Для немцев прошло незамеченным то, что операция «Солнцестояние» все-таки сыграла свою роль. Вместе с известной долей окружавшей ее с самого начала атмосферы неизвестности ее проведение сыграло известную роль и отразилось на дальнейших решениях советского командования. Несмотря на то что в реальности операция закончилась полным провалом, ее проведение повлияло на самую хрупкую составляющую советских планов, а именно на требование инициативы и смелости на втором этапе наступления. В середине февраля, если только немцы не были полностью дезориентированы и введены в заблуждение, что является маловероятным, поскольку в этом не было никакого смысла, 1-й Белорусский и 1-й Украинский советские фронты были полностью развернуты для наступления на Берлин. Операция «Солнцестояние», как отметила немецкая сторона, никак не отразилась на этих приготовлениях. Но 17 февраля Ставка неожиданно приказала Г.К. Жукову развернуть свой фронт на север, чтобы совместно с войсками К.К. Рокоссовского разгромить группу армий «Висла»<sup>1</sup>.

Спустя еще четыре дня остановились на реке Нейсе и войска И.С. Конева.

---

<sup>1</sup> *Платонов С.П.* Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 703, 704. Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. *П.А. Жилина.* С. 490.

Еще до того, как операция «Солнцестояние» пришла к своему скорому печальному для немцев концу, группа армий «Юг» попыталась создать еще одно препятствие на пути к советской победе. 10 февраля О. Вёлер возвратился из ставки Гитлера, имея разрешение на использование I танкового корпуса СС для нанесения удара по плацдарму на реке Грон, с целью не допустить советского наступления с того плацдарма на Братиславу и Вену. Шанс казался слишком очевидным, чтобы его упустить, поскольку на тот момент почти все советские танковые соединения были отведены с переднего края для пополнения.

В то же время в руках Гитлера все еще находился всеми забытый Будапешт. Осажденная в Буде группировка использовала правительственные здания, королевский замок, а также естественное препятствие в виде водной преграды на востоке. Она сумела превратить свои оборонительные позиции в мощный укрепленный район. Мирное население вело себя пассивно, и источником для беспокойства стали вооруженные банды, состоявшие из членов партии «Скрещенные стрелы», которые предпочитали избегать боевых действий с противником и занимались в основном убийствами и мародерством. Моральный дух в войсках оставался на сравнительно высоком уровне до тех пор, пока оставались малейшие шансы на спасение извне. Во фронтовых подразделениях пайки пришлось урезать до порции супа из конины и примерно 150 г хлеба в день. Многочисленные раненые, находившиеся в глубоких подвалах королевского замка, получали лишь жидкую похлебку. 29 января, в день празднования в Германии прихода Гитлера к власти, Г. Гиммлер с помощью авиации отправил осажденным так называемые усиленные пайки. В сброшенных с воздуха контейнерах находились консервированная конина, печенье и сигареты.

10 февраля по приказу Гитлера К. Пфеффер-Вильденбрух был награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. Этот символический жест, направленный на то, чтобы в последние минуты поддержать моральный дух командующего, вряд ли оказал намного больший эффект, чем аналогичная попытка поддержать Ф. Паулюса в Сталинграде. У гарнизона подходили к концу боеприпасы, осажденные были расколоты на две отрезанные друг от друга группировки; обороняемые ими территории были настолько малы, что не позволяли осуществлять эффективное снабжение по воздуху. 11 февраля К. Пфеффер-Вильденбрух отдал приказ прорываться на запад. В ту ночь осажденные попытались с боем прорваться по Итальянскому бульвару (позже переименованному в бульвар Малиновского). Штабы двигались параллельно по подземному канализационному каналу. Многие были убиты еще при попытке вырваться с территории замка, немногим удалось выйти к окраинам города. Из группировки численностью 30 тыс. немецких и венгерских солдат примерно 10 600 раненых были

оставлены в городе. К немецкой линии обороны сумели пробиться менее 700 человек (по советским данным, 785. Оставшиеся в Буде разрозненные группы к 10 часам утра 13 февраля были уничтожены или пленены, в том числе и К. Пфедфер-Вильденбрух со штабом. Всего в боях в Будапеште было пленено 133 тыс. и уничтожено 55 тыс. солдат и офицеров противника. — *Ред.*).

Наступление на плацдарм на реке Грон началось 17 февраля. При этом была достигнута полная внезапность. В течение одной недели немцам удалось отодвинуть линию фронта на восток к реке. Одним из возможных объяснений такой легкости продвижения было то, что застигнутые поначалу врасплох русские решили, что будет лучше пожертвовать плацдармом, чем останавливать пополнение своих подвижных войск. Тем не менее вдохновленный первыми успехами О. Вёлер решил вновь вернуться к планам крупного наступления в районе треугольника Балатон—Драва—Дунай.

Согласно первоначальному замыслу советской Ставки, планировалось пойти на небольшой риск на флангах и начать наступление силами 2-го Украинского фронта в направлении на Брно и Вену вслед за началом основного наступления фронтов Г.К. Жукова и И.С. Конева<sup>1</sup>.

17 февраля, в день, когда был отменен удар на Берлин и когда немцы перешли в наступление против плацдарма, С.К. Тимошенко получил приказ спланировать и скоординировать частное наступление силами двух фронтов на южном фланге германского фронта<sup>2</sup>.

После того как немцы показали зубы, советская сторона решила какое-то время выждать.

Для немецкой стороны приостановка советского зимнего наступления могла означать не более чем временную передышку. К середине февраля армия резерва уже не располагала достаточным количеством стрелкового вооружения для оснащения новых соединений. Производство пороха упало ниже уровня, достаточного для поддержания производства необходимого количества боеприпасов. При месячной потребности 1,5 млн выстрелов для танковых и противотанковых пушек выпуск данных типов снарядов в январе 1945 г. составил 367 тыс. штук. В связи с острой нехваткой авиационного бензина ОКВ было вынуждено отдать приказ о резком сокращении боевого применения самолетов: они должны были использоваться только на главных направлениях и только в случаях острой необходимости. На Западе оборона Рейнской области начинала разрушаться.

<sup>1</sup> *Штеменко С.М.* Как планировалась последняя кампания по разгрому гитлеровской Германии // Военно-исторический журнал. 1965. Май.

<sup>2</sup> ИВОВ. Т. 5. С. 192; *Платонов С.П.* Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 707.

## Контрудар немцев и новое советское наступление — на Вену

22 февраля О. Вёлер представил на рассмотрение Гитлера четыре наброска планов наступательных операций под романтическим кодовым названием Fruehlingserwachen («Пробуждение весны») (см. карту 40). Очевидно, целью наступления было создать более внушительную преграду между русскими и нефтяными месторождениями в районе Надьканижа. Главный удар планировался в юго-восточном направлении, из района между озерами Балатон и Веленце. Однако русские сосредоточили мощную группировку западнее Будапешта, на фланге и в тылу предполагаемого направления наступления немцев. Из-за недостатка времени и сил О. Вёлеру пришлось отказаться от диктуемой тактическими соображениями необходимости перед началом наступления в секторе озеро Балатон—Дунай очистить от противника район Будапешт — озеро Веленце — горы Вертеш. Он рекомендовал компромиссное решение: на кратковременном начальном этапе наступления создать прочную оборону фасом на север на участке озеро Веленце—Дунай. Затем там предполагался переход в наступление после поворота войск на юг. 25 февраля на совещании в Берлине Гитлер принял решение с самого начала сосредоточить основные усилия на юго-восточном направлении, на участке между каналом Шарвиз и Дунаем, поскольку именно там ему виделась перспектива скорейшего достижения значительного успеха.

Пожалуй, никто, кроме русских, прилежно учившихся извлекать уроки из прошлого, не обратил внимания на то, что речь, по сути, шла о повторении операции «Цитадель». Как и тогда, после неудачной зимы давление на противника неожиданно ослабло, и Гитлер вдруг обнаружил в своем распоряжении свободные резервы. Снова Гитлер решил попытаться одержать победу престижа, и снова советская Ставка предоставила ему возможность сделать ход первому.

Немцы играли свою партию с беззаботностью сомнамбулы. О. Вёлер справедливо предупредил об опасном положении на северном фланге и о недостаточном количестве пехоты в 6-й танковой армии СС. Но при этом никто и не думал опротестовать решение о крупном наступлении с целью захватить территории, которые в дальнейшем невозможно будет удержать. Оперативный отдел ОКВ в свете угрожающего положения на участке 6-й танковой армии СС вполне обоснованно высказал мнение, что она может оказаться связанной в Венгрии до середины апреля. Но далее последовало ошибочное предложение провести наступление в усеченном виде, которое ничего не давало немецкой стороне, помимо возможности получить кратковременный выигрыш во времени. И это предложе-



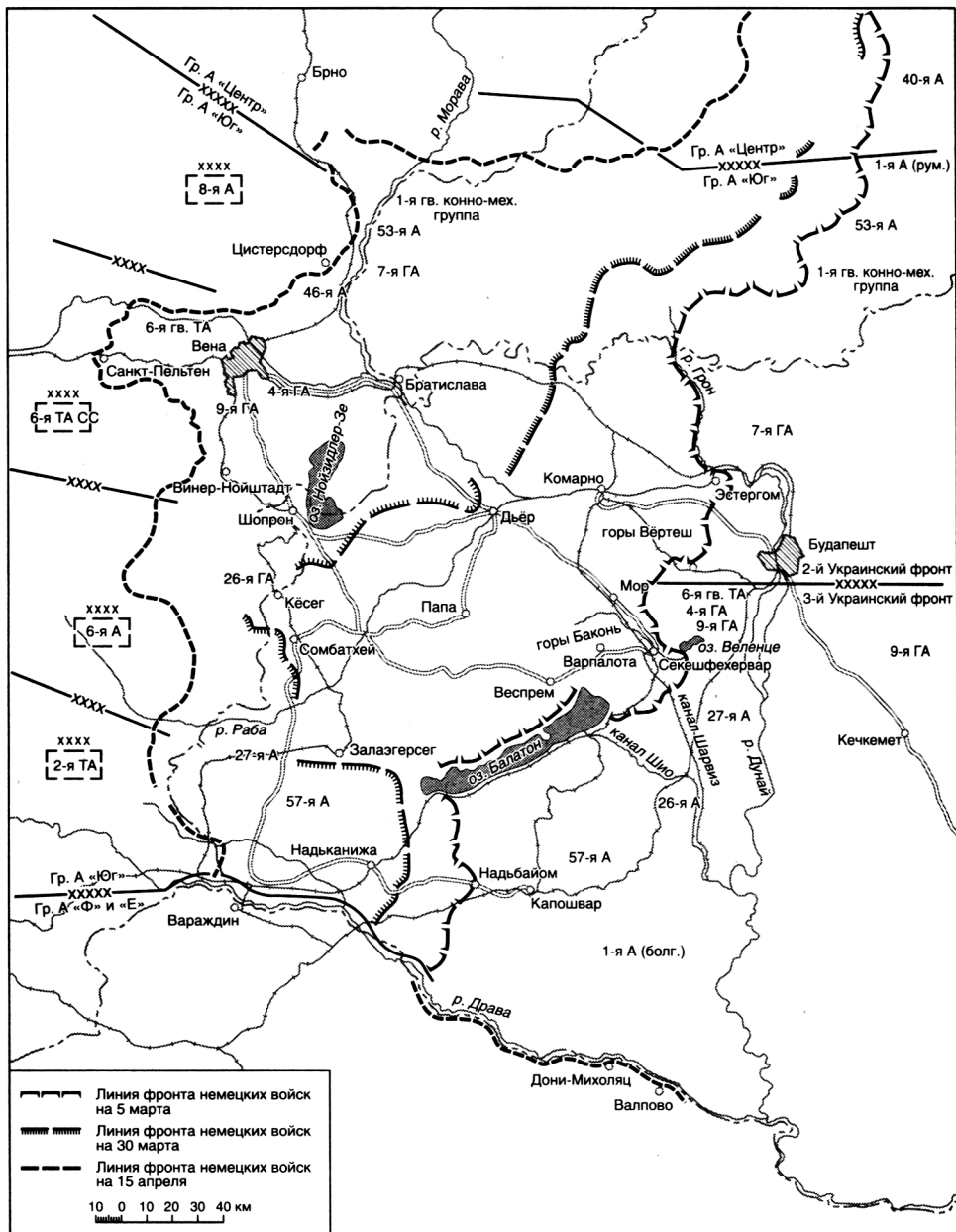
ние было одобрено. (Для проведения наступления немцы сосредоточили, включая 6-ю танковую армию СС, армейскую группу «Бальк», части соединения 2-й танковой армии и войск группы армий «Е» на реке Драве, свыше 430 тыс. человек, более 5600 орудий и минометов, около 900 танков и штурмовых орудий (среди них много тяжелых, «Пантера» и «Королевский тигр»), 850 самолетов. Противостоявшие им войска 3-го Украинского фронта насчитывали более 400 тыс. человек (в том числе в болгарских пехотных дивизиях), 7 тыс. орудий и минометов, 400 танков и САУ. Таким образом, у немцев было более чем вдвое больше танков, причем новейших и даже оснащенных приборами ночного видения. Автор об этом, естественно, молчит. — *Ред.*)

Операция «Пробуждение весны» началась в ночь на 6 марта захватом войсками группой армий «Ф» плацдармов на реке Драва напротив Дони-Михоляц и Валпово. Утром 6 марта 2-я танковая армия перешла в наступление на центральной участке своей обороны в направлении на Капошвар. 6-я танковая армия СС, которая проводила сосредоточение в условиях мокрого снега и распутицы, доложила о готовности начать наступление тем же утром. Однако, как это не раз случалось в войсках СС, в тот день оказался готовым выступить с западного берега канала Шарвиз лишь I танковый корпус СС. II танковый корпус СС, ответственный за важнейший сектор восточнее канала, так и не смог начать наступления до следующего утра.

Держалась теплая погода, снег таял, вне дорог все оказалось во власти распутицы. А сами дороги были заминированы и находились под плотным огнем советской противотанковой артиллерии. Советская сторона успела принять меры предосторожности, так как на развертывание наступательной группировки немцам понадобилось более месяца. За исключением авиационных частей, советская Ставка не стала вносить изменений в ход подготовки собственного наступления на участке 2-го Украинского фронта. 3-й Украинский фронт, получивший значительные подкрепления авиацией, артиллерией, в том числе зенитной, построил в районе между озером Балатон и Дунаем широкий пояс обороны с минными полями и мощным артиллерийским прикрытием. В декабре, когда ледоход сделал опасным движение речных судов, саперы 3-го Украинского фронта, используя опоры разрушенного моста в районе города Байя, построили канатную дорогу, по которой осуществлялась переброска до 600 тонн грузов в сутки. После того как лед на реке достаточно окреп, саперы построили переправу и трубопровод для доставки через реку по льду топлива<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. П.А. Жилина. С. 508; ИВОВ. Т. 4. С. 406.



Карта 40. Наступление на Вену. Март—апрель 1945 г.

7 и 8 марта I танковому корпусу СС удалось прорвать несколько последовательных линий обороны советских войск на западной стороне канала Шарвиз и продвинуться примерно на 30 км. После этого Ф.И. Толбухин ввел в бой 2-й эшелон — 27-ю армию и почти все свои резервы — три стрелковых, один танковый, один механизированный и один гвардейский кавалерийский корпус<sup>1</sup>.

Поскольку он расположил свои танки по фронту тонкой линией (у Толбухина их было сравнительно немного. — *Ред.*), ему не удавалось перехватить инициативу ни на одном участке. На четвертый день немецкого наступления Ф.И. Толбухин запросил у командования стратегический резерв, 9-ю гвардейскую армию, которая только что прибыла в район Кечкемета. Но Ставка приняла решение не трогать армию, сохранив ее для возможного наступления<sup>2</sup>.

10 марта, в условиях мокрого снега с дождем, I танковому корпусу СС удалось выйти к каналу Шио. Следующим вечером на канале было захвачено два небольших плацдарма. В ходе наступления выяснилось, насколько хорошо русские зарылись в землю. Наступавший восточнее канала Шарвиз II танковый корпус СС до 12 марта смог вклиниться в их оборону не более чем на 8 км.

13-го числа, собрав свои танки в кулак, Ф.И. Толбухин нанес контрудар по обе стороны канала Шарвиз. Для того чтобы сохранить инициативу, О. Вёлер предложил отвести назад II танковый корпус СС, против которого противник атаковал особенно яростно, и использовать оба корпуса в наступлении восточнее канала, где песчаная почва позволяла более эффективно применять танки. Гитлер медлил с принятием решения до вечера 15-го: он подозревал, как позже выяснилось, справедливо, что II танковому корпусу СС придется в дальнейшем принять на себя удар советского наступления. (В ходе Балатонской оборонительной операции советских войск противник потерял свыше 40 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 300 орудий, около 500 танков и штурмовых орудий, свыше 200 самолетов и, главное, уверенность в себе и последние надежды. Советские войска потеряли 8492 человека убитыми и пропавшими без вести и 24 407 человек ранеными. — *Ред.*)

Во второй половине дня 16 марта в условиях снега и тумана, без существенной поддержки авиацией и танками началось советское наступление на участке IV танкового корпуса СС и на южном фланге венгерской 3-й армии между озерами Веленце и Бичке. Согласно первоначальному плану, готовился бросок 2-го Украинского фронта

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 5. С. 200

<sup>2</sup> Там же. С. 200; Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. П.А. Жилина. С. 511.

на Вену по обеим сторонам реки Дунай. Однако для того, чтобы использовать возможность запереть 6-ю танковую армию СС восточнее озера Балатон, главный удар было решено наносить южнее, на правом фланге 3-го Украинского фронта. Наступление было нацелено на запад и северо-запад в направлении Секешфехервар—Варпалота—Папа—Шопрон—Вена. Одновременно силами 2-го Украинского фронта наносился удар вдоль Дуная на Дьёр<sup>1</sup>. (Надо отметить, что наступление проводилось весьма ограниченным числом танков и САУ — 197 в составе 3-го Украинского фронта и 165 в составе 2-го Украинского фронта. — *Ред.*)

На второй день наступления фланг венгерской 3-й армии был разгромлен, и русские продолжили наступление через низкие горы Вёртеш в район севернее Мора. Ни одна из мощных мобильных группировок, а именно 6-я гвардейская танковая армия и 1-я гвардейская конно-механизированная группа, ранее называвшаяся «конно-механизированной группой Плиева», пока еще не вводились в бой на участках прорыва. Командование групп армий «Юг» приняло решение «временно приостановить» наступление восточнее канала Шарвиз и перебросить I танковый корпус СС в район к юго-западу от Секешфехервара для нанесения контрудара. К концу дня II танковый корпус СС получил приказ быть готовым развернуться для нанесения контрудара в северном направлении.

18 марта Р.Я. Малиновский начал разворачивать свою левофланговую армию на север, в направлении Комарно, в тыл венгерской 3-й армии. В тот же день 9-я и 4-я гвардейские армии фронта Ф.И. Толбухина прорвали оборону IV танкового корпуса СС на участке между Мором и озером Веленце. Но командующий не торопился воспользоваться преимуществами последнего прорыва, так как 6-я гвардейская армия еще не была готова наступать. В связи с изменением планов ей пришлось срочно перегруппировывать свои силы и совершать поворот на юг<sup>2</sup>.

В тот же день О. Вёлер решил на спешный маневр: оба корпуса 6-й танковой армии СС получили приказ сместиться севернее, в район между озером Веленце и Дунаем. Все силы на территории между озерами Веленце и Балатон переходили в подчинение 6-й танковой армии СС. Армии удалось успешно перебросить свои силы в заданный район, но I танковый корпус СС не смог организовать прочную оборону на новом участке по кромке лесного массива в низких горах Баконь западнее Варпалоты.

20 марта 6-я гвардейская танковая армия перешла в наступление в районе между Варпалотой и Секешфехерваром в направлении к

---

<sup>1</sup> Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. П.А. Жулина. С. 533.

<sup>2</sup> Там же. С. 535.

оконечности озера Балатон. Гитлер потребовал удерживать Секешфехервар, что на практике означало оставить 6-ю армию восточнее озера Балатон. 21-го числа армия оказалась повсюду окруженной, за исключением узкого коридора вдоль берега озера. Но и тогда Гитлер запретил отходить от Секешфехервара. В ОКХ пояснили, что фюрер опасается, что, если он даст разрешение на это, весь фронт начнет «сползать назад», что на самом деле произошло бы в любом случае. О. Вёлер заявил в ответ, что не пойдет на риск еще одного окружения, так как память о Будапеште была слишком свежа, и армию успел поразить психоз боязни окружения. Во второй половине дня была оставлена Варпалота, а к вечеру, несмотря на протесты Гитлера, пал Секешфехервар. В течение следующих суток немецкая 6-я армия буквально пролетела сквозь узкий коридор между советскими войсками и озером. Никто не мог предугадать, как долго еще петля окружения останется сомкнутой не полностью. Командование армии на время потеряло IV танковый корпус СС. То, что армии удалось вообще выжить, можно было объяснить в основном запоздалым и неуверенным началом наступления советской 6-й танковой армии.

К 23 марта 6-я армия вышла в район западнее озера, но все еще находилась под угрозой. В тот день войска Ф.И. Толбухина заняли Веспрем, ключевой пункт и основной узел шоссейных дорог в районе горно-лесного массива Баконь. Тогда же войска фронта Р.Я. Малиновского рассекли оборону венгерской 3-й армии, оборонявшей плацдарм западнее Эстергома, и вынудили венгров отступить к реке. Южнее группа армий «Е» эвакуировала оба свои плацдарма на Драве. Все еще продолжавшей наступление южнее озера Балатон немецкой 2-й танковой армии удалось продвинуться примерно на 10 км — совершенно напрасный труд. В конце дня Гитлер разрешил О. Вёлеру забрать из 2-й танковой армии одну дивизию, но не более. В тот день Ставка подготовила приказ о продолжении наступления. 9-я гвардейская и 6-я гвардейская танковая армии должны были наносить удар в направлении на Кёсег, 26-я армия — на Сомбатхей, а 37-я армия — на Залаэгерсег<sup>1</sup>.

От командующего 6-й армией генерала Г. Балька поступило тревожное донесение. По его словам, солдаты прекратили сражаться в полную силу. Некоторые говорили, что война все равно проиграна, и они не хотели быть последними ее жертвами. Все как один боялись окружения. Среди офицеров росли настроения недоверия к командованию.

25 марта завершился прорыв советскими войсками немецкой обороны на всю глубину. 6-я гвардейская танковая армия миновала горно-лесной район Баконь и вышла к району восточнее Папа. Вой-

---

<sup>1</sup> ИВОВ. Т. 5. С. 207.

ска 6-й танковой армии СС удерживали фронт от Папа до участка на север по Дунаю в районе Комарно. Но, несмотря на то что по численности армия была довольно мощной, ее части демонстрировали ряд серьезных недостатков. Эсэсовцы, как солдаты, так и офицеры, так и не смогли приспособиться к тем условиям, воевать в которых они не были готовы и для которых не имели соответствующей техники и вооружения. Кроме того, им требовалась масса времени для планирования любого маневра. 6-й армии поставили невозможную задачу удерживать правый фланг своей обороны по озеру Балатон с целью прикрыть 2-ю танковую армию и сохранить контакт с 6-й танковой армией СС на левом фланге. Южнее города Папа разрыв между флангами армий составлял примерно 15 км, и, как заявил Г. Гудериану О. Вёлер, он не мог и помыслить о том, чтобы прикрыть эту брешь. В ответ на требование Г. Гудериана остановить бегство 6-й армии Г. Бальк заявил, что тактический кризис можно переломить только там, где его причины не лежат в явных промахах командования, как это было под Сталинградом и в районе Будапешта. В противном случае войска просто не в силах держаться. Вдобавок ко всем бедам немецкой стороны в тот день войска 2-го Украинского фронта, начав форсирование реки Грон, тоже перешли в наступление.

На следующий день 2-й и 3-й Украинские фронты начали то, что в советских источниках позже стали называть преследованием, термином достаточно точным, за тем исключением, что он предполагает планомерный отвод войск противника по намеченному маршруту. Но Гитлер запрещал второе, а русским никогда не удавалось первое. Более точным определением было бы назвать те события попыткой немецкой стороны организовать активную оборону при полном отсутствии у нее необходимых для этого средств, а у русских — четко определенных целей. (Главной целью русских была Вена, а сейчас — бить и не давать опомниться. — *Ред.*)

27 марта советские 6-я гвардейская танковая, а также 4-я и 9-я гвардейские армии форсировали реку Раба на широком фронте западнее Кёсега. Прибывавшие в группу армий «Юг» скудные резервы из-за беспокойства Гитлера за нефтяные месторождения предназначались для флангов. Две дивизии направлялись во 2-ю танковую армию и еще одна — в 8-ю армию. Услышав в очередной раз о том, что Гитлер настаивает на продолжении обороны Комарно, где располагались нефтеперегонные предприятия, начальник штаба группы армий попросил коллег в ОКХ показать ему аэрофотоснимки. В тех местах не осталось ничего, кроме бомбовых воронок. Из 2-й танковой армии, которая пока еще сохраняла достаточно сил, сообщали о скором начале на ее участке русского наступления. Венгерские солдаты дезертировали «целыми стадами». Командование армии просило разрешения на отход на основной оборонительный рубеж между Дравой и озером Балатон. Когда штаб группы армий

отправил соответствующий рапорт по команде, Г. Гудериан ответил, что ставить подобный вопрос перед Гитлером бесполезно, так как для него слова «нефтяные месторождения» всегда «писались заглавными буквами».

Еще через два дня 6-я гвардейская танковая армия форсировала реку Раба на стыке немецких 6-й армии и 6-й танковой армии СС и в районе Кёсег—Сомбатхей вышла к австрийской границе. Гитлер разрешил двум армиям отойти для обороны границы с Австрией, но одновременно запретил делать это двум армиям на флангах. Ночью 29 марта 8-я армия все еще продолжала упорно оборонять Комарно. 2-я танковая армия, которая в тот день в первый раз подверглась атакам противника, оставила Надьбайом на центральном участке своей обороны южнее озера Балатон и приняла под свое командование правофланговый корпус 6-й армии, оборонявшийся на южной оконечности озера, с целью обеспечить свой фланг и тыл.

30 марта 6-я гвардейская танковая армия пересекла австрийскую границу и повернула на север в направлении на коридор между горной цепью западнее Винер-Нойштадта и озером Нойзидлер-Зе. Справа 9-я гвардейская армия начала продвижение в северо-западном направлении на Вену. Гитлер потребовал проведения контрудара с целью закрыть разрыв в тылу танковой армии. Однако О. Вёлер в ответ заявил, что ни немецкая 6-я, ни 6-я танковая армия СС не имеют ни малейшей возможности даже для начала контратаки. Командование группы армий считало бы для себя большой удачей, если 6-й танковой армии СС удастся создать перед наступающими русскими некое подобие фронта в районе между Винер-Нойштадтом и озером. О. Вёлер направил в войска офицеров своего штаба. По их единодушному мнению, солдаты были измотаны, а моральный дух находился на очень низком уровне. Было бы напрасно ожидать от таких войск успешного проведения контрудара. К тому же в 6-й армии одинаково серьезная обстановка сложилась как на правом, так и на левом флангах. 6-я армия оторвалась от фланга 2-й танковой армии и испытывала серьезное давление со стороны советской 27-й армии, наносившей удар на юге.

В конце месяца фронты Ф.И. Толбухина и Р.Я. Малиновского соединились в районе Вены. К северу от Дуная 2-й Украинский фронт наступал на Братиславу. Правый фланг 3-го Украинского фронта продвигался в направлении теснин между Дунаем в районе Братиславы и озером Нойзидлер-Зе. 2 апреля 6-я гвардейская танковая армия совершила бросок через Винер-Нойштадт на Вену. В то же время немецкая 2-я танковая армия отошла западнее Надьканижи на рубеж, проходивший через высоты в районе, где вряд ли что-то осталось от нефтяных полей.

Для обороны Вены Гитлер направил в этот район 25-ю танковую дивизию и гренадерскую дивизию «Фюрер». 3-го числа он отдал рас-

поражение О. Вёлеру «наконец перейти в наступление на флангах прорвавшегося противника» и прекратить попытки фронтальной обороны против прорвавшихся советских танковых частей. После того как О. Вёлер в ответ заявил, что войска группы армий не в состоянии контратаковать, что ему приходится просто бросать что-то на пути атакующего противника, чтобы не дать ему «прорваться в бесконечность», Гитлер отозвал из Курляндии Л. Рендулича и поручил ему командование группой армий «Юг». Когда в полночь 7 апреля Л. Рендулич прибыл в штаб группы армий, расположенный в Альпах, к юго-западу от Санкт-Пельтена (к тому времени даже командующие немецкими группами армий потеряли возможность быстрого перемещения по стране), русские уже вошли в Вену до Гертельштрассе. Кроме того, они находились западнее города по Дунаю. 46-я армия 3-го Украинского фронта переправилась на северный берег Дуная и стала наступать через возвышенности Вайнфиртеля, обходя Вену с севера.

В те последние дни О. Скорцени, получив специальное задание от Гитлера, появился в Вене, где на мосту Флоридсдорф повесил трех офицеров. По его словам, обстановка в городе была «тягостной», никаких приказов не отдавалось, в войсках царили уныние, и налицо были все прочие признаки разложения. Л. Рендулич, который, несмотря ни на что, никак не ассоциировал себя с угрюмыми фанатиками из СС, в ответ заявил, что Вена ничем не отличается от прочих больших городов, где идут уличные бои, что не может не вызвать недовольства населения, и выгнал О. Скорцени вон. Бои в городе продолжались до второй половины дня 13 апреля. При этом никто не делал попыток превратить город во «второй Будапешт».

В конце второй недели апреля 6-й танковой армии СС, 6-й армии и 2-й танковой армии удалось создать на отрогах Альп почти сплошную линию фронта, которая проходила западнее Санкт-Пельтена к реке Драва, восточнее Вараждина. При том ажиотаже, который вызвало падение Вены, потеря нефтяных районов в Венгрии прошла почти незамеченной. После пересечения венгерской границы русские несколько ослабили свое давление на две немецкие армии группы армий «Юг».

Во второй половине месяца основной акцент наступления сместился в район севернее Дуная. 1-я гвардейская конно-механизированная группа, преодолев Малые Карпаты, перешла в наступление через реку Морава и далее на Брно. 4-й Украинский фронт нанес удар на Оломоуи по выступу, образовавшемуся на правом фланге обороны группы армий «Центр». Гитлер отдал приказ группе армий «Юг» вновь вернуть небольшие месторождения нефти в Австрии, в районе Цистерсдорфа, в 40 км севернее Вены. Такая попытка так и не была осуществлена.



## Скоро конец?

Прекращенная операция в районе Штаргарда дала немецкой стороне неожиданную и никак не заслуженную продолжительную отсрочку по времени, которая, хотя, как казалось, должна была лишь несколько продлить агонию, в то же время могла бы принести глубокие изменения в будущее страны. Испытывая опасения после событий середины февраля, советская Ставка временно отказалась от подготовки наступления на Берлин и севернее, в Центральную Германию, и бросила все силы на несущественные, ничего не дающие операции по зачистке территорий на флангах в Померании и Силезии. Почти на полтора месяца Берлин и немецкая территория к западу от Одера, казалось, выпали из поля зрения даже Ставки. Несомненно, что, наблюдая за тем, как союзники все еще находятся западнее Рейна и до конца первой недели марта нигде не могут форсировать реку, советское командование заключило, что в его распоряжении времени более чем достаточно. В этом случае очистка от противника территорий на флангах в преддверии более глубокого, чем первоначально замышлялось, удара на территорию Германии была бы оправданной. К тому же одновременно союзникам предоставлялась возможность истекать кровью, ведя бои без поддержки советских войск. (Незадолго до этих событий советские войска буквально истекали кровью, сражаясь с Германией и ее союзниками практически в одиночку. — *Ред.*) Однако последующие события в марте указывают на то, что, помимо вышеперечисленного, имели место и вызванная опасениями нерешительность и неспособность принятия четкого и ясного стратегического решения (американцы в гораздо более благоприятных условиях надолго застряли перед Рейном в 1944—1945 гг., подтягивая тылы. — *Ред.*).

На представленном Гитлеру 26 февраля большим аналитическом обзоре немецкой разведки, составленном отделом «Иностранные армии Востока» ОКХ, делалось предположение, что советская сторона сосредоточит основные усилия «исключительно на решающем западном направлении». Казалось очевидным, что русские должны были стремиться еще более усугубить общий кризис, который испытывала Германия, с целью достичь решительных целей в войне. Немецкие военные аналитики просто не могли себе представить, что Ставка позволит отвлечь себя от решения главной задачи иллюзорными угрозами на флангах наступающих войск, особенно после того, как провалилась попытка немецкого контрудара в районе Штаргарда. Более того, при сложившемся на тот момент соотношении сил, когда против 2 млн немцев советская сторона могла выставить 6 млн солдат и офицеров, русские могли бы легко предот-

вратить любое противодействие противника, не отвлекаясь от наступления на главном направлении<sup>1</sup>.

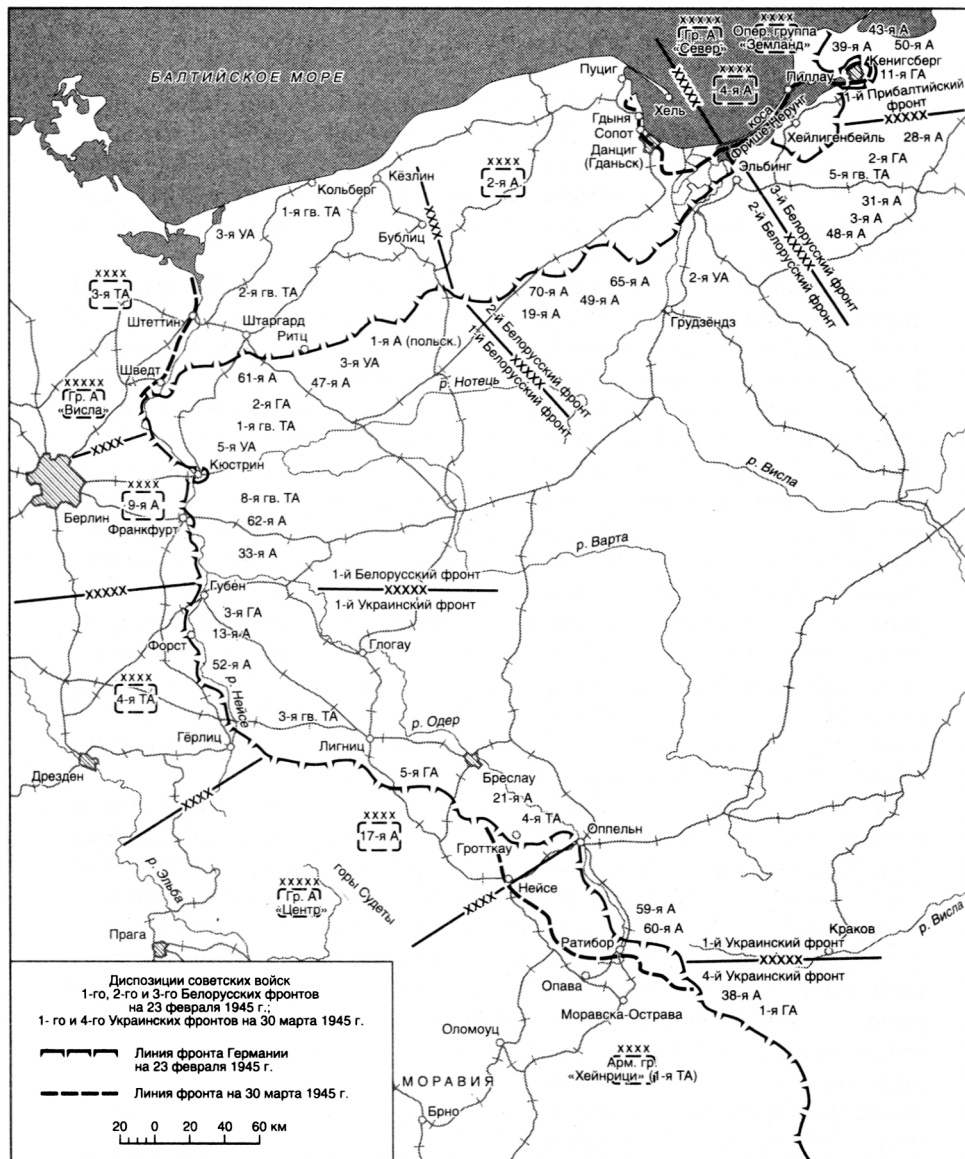
Советские войска находились в высокой степени боевой готовности: в январских и февральских боях они потеряли примерно 680 тыс. человек, что было меньше, чем русские теряли в любом из предыдущих крупных наступлений. (Есть точные данные. За весь 1-й квартал 1945 г. Красная армия потеряла 557 521 человек убитыми и пропавшими без вести. — *Ред.*) Немецкий прогноз оказался неверен, однако логика, на которой он основывался, была убедительной для обеих сторон, и для немецкой стороны предсказанный ход событий был неумолим.

Развертывание четырех танковых армий 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов по состоянию на 25 февраля свидетельствует о том, что войска обоих фронтов были нацелены на запад (см. карту 41). 1-я и 2-я гвардейские танковые армии 1-го Белорусского фронта были выведены с переднего края, и, несмотря на то что обе они находились севернее Варты, ни одна из них не была задействована в боях в районе Штаргарда. 4-я танковая армия находилась на Нейсе, между Губеном и Форстом, а 3-я танковая армия была сосредоточена западнее Гёрлица.

Между 24 и 26 февраля немцы уловили первые признаки перемены в намерениях противника. 24-го числа войска 2-го Белорусского фронта на всем протяжении фронта западнее Вислы вели ожесточенные бои, пытаясь прощупать немецкую оборону. На крайнем левом фланге, в стык между немецкими 3-й танковой и 2-й армиями, нанесла удар только что прибывшая с финского фронта советская 19-я армия. Нашупав слабое место в обороне противника, она в первый же день наступления прорвала фронт, а к 26-му числу заняла Бублиц, преодолев половину расстояния до побережья Балтийского моря. Данные агентурной разведки от 26 февраля из полосы 1-го Украинского фронта подтвердили то, что 4-я танковая армия вышла из района Губен—Форст и продвигается на юг, в направлении на Лигниц. Немецкая сторона сделала вывод, что гото-

---

<sup>1</sup> Таким образом, достигнув 2 млн, численность германских вооруженных сил несколько превысила данные на 1 января 1945 г. Рост был достигнут за счет формирования новых дивизий и переброски соединений с других театров. В то же время удалось восполнить менее половины 660 тыс. немецких солдат и офицеров, потерянных в боях в январе и феврале. (Уже говорилось, что точный учет потерь с декабря 1944 г. не велся. Мюллер—Гильдебранд даст ориентировочную цифру только убитых за декабрь 1944 — 1 мая 1945 г. 1 млн 900 тыс., но сам пишет, что, возможно, гораздо больше (Сухопутная армия Германии. Т. III. С. 328, 329, 339, 340). Непонятно, сколько polegло ополченцев из фольксштурма (сотни тысяч). И еще сотни тысяч пленных. — *Ред.*) Это означало, что «старые» дивизии Восточного фронта продолжали выбиваться противником. Одна четвертая часть общей численности немецких войск на Восточном фронте (примерно 556 тыс. человек) была заперта в Курляндии и Восточной Пруссии.



Карта 41. Конец все ближе. 24 февраля — 30 марта 1945 г.

вась к решительному наступлению, Ставка решила покончить даже с намеком на возможность угрозы фланговых ударов.

В ОКХ ожидали, что в Померании русские удовлетворятся тем, что войска немецких 3-й танковой и 2-й армий были рассечены, а наземные коммуникации с Данцигом и Гдыней нарушены. Предполагалось, что в Силезии противник совершит попытку выдавить немецкую 17-ю армию и армейскую группу «Хейнрици» в Судетские горы. При этом в качестве скорых дивидендов русские получали бы Моравско-Остравский промышленный район.

Из захваченной в феврале карты стало ясно, что 2-й Белорусский фронт действительно намерен выйти к побережью восточнее Кёзлина с целью рассечь оборону немецких 3-й танковой и 2-й армий. Командование группы армий «Висла» приказало нанести контрудар по флангам русских восточнее и западнее Бублица, однако во 2-й армии нехватка артиллерийских боеприпасов и горючего стала угрожающей. В группе армий испытывали сложности с обеспечением горючим танковых частей, перебрасываемых на западное направление. В течение двух последних дней месяца К.К. Рокоссовский приостановил наступление танковых соединений и бросил вперед пехоту с задачей расширить участки прорыва на флангах. 1 марта, в день, когда немцы осуществляли не принесший значительного успеха контрудар в районе восточнее Бублица, войска 3-го гвардейского танкового корпуса овладели районом шоссе и железной дороги восточнее Кёзлина, тем самым перерезав коммуникации ко 2-й армии, а также к Данцигу и Гдыне, основным базам снабжения групп армий «Север» и «Курляндия».

1 марта, очевидно выждав какое-то время, не повторят ли немцы попытки контрудара, как это было в районе Штаргарда, войска 1-го Белорусского фронта перешли в наступление на центральном участке обороны 3-й танковой армии в районе Ритца. Прорыв осуществляла 3-я ударная армия. Во втором эшелоне наступали 1-я и 2-я гвардейские танковые армии: 1-я танковая армия — в северном направлении на Кольберг, 2-я танковая армия — на северо-запад, в район нижнего течения Одера. Всего несколько недель назад пропагандистами Й. Геббельса был выпущен фильм «Кольберг», самая дорогостоящая цветная кинокартина нацистской Германии, где в эпической манере описывалась успешная оборона города от французов генералом А. Гнейзенау в 1807 г.

4 марта 1-я гвардейская танковая армия вышла к побережью Балтийского моря, отрезала Кольберг и установила контакт с войсками левого фланга 2-го Белорусского фронта, которые в тот день заняли Кёзлин. Левый фланг немецкой 3-й танковой армии оказался в ловушке; затем он рассыпался на несколько мелких котлов окружения. Гитлер отдал приказ армии контратаковать и «ликвидировать прорыв». Генерал Кинцель, одно время занимавший должность началь-

ника штаба группы армий «Север» и недавно назначенный «вторым командующим» к Гиммлеру вместо В. Венка, попросил заместителя Г. Гудериана объяснить фюреру, что тот ведет «бумажную войну», не обращая внимания на реальность. Положение было безнадежным, и единственным выходом было спасти от армии то, что можно, для будущей битвы за Одер.

На следующий день 1-я гвардейская танковая армия вошла в состав 2-го Белорусского фронта для оказания помощи против немецкой 2-й армии. Г.К. Жуков повернул фланг своих войск на запад, к Одру<sup>1</sup>.

В последующие дни, в то время как Гитлер не переставал рассуждать о контрударах, 3-я танковая армия была вытеснена на плацдарм восточнее Штеттина. После того как день 12 марта прошел относительно спокойно, Гитлер отдал распоряжение группе армий «Висла» рассмотреть возможности по расширению плацдарма с целью открыть движение морем из порта Штеттин в Данциг и Гдыню.

15-го числа, после того как русские возобновили наступление на плацдарм, Гитлер приказал 3-й танковой армии стойко обороняться и высвободить несколько дивизий в качестве резерва для 9-й армии. Поздно вечером 19 марта генерал танковых войск Хассо-Экард фон Мантейфель, которого Гитлер, внезапно разочаровавшись в Э. Раусе, несколько дней назад назначил командующим 3-й танковой армией, доложил, что бои за плацдарм так или иначе близятся к концу. Гитлер либо до конца дня должен отдать приказ оставить плацдарм, либо «уже завтра он потеряет все». Через час Гитлер разрешил отвести войска с плацдарма.

Вряд ли причиной бед, выпавших на долю 3-й танковой армии, стала пропагандистская картина Й. Геббельса. Старинный город на Балтийском побережье трижды подвергался вражеской осаде и всего один раз сдался в руки врага. Во времена Семилетней войны его осаждали русские (5 декабря 1761 г. гарнизон Кольберга капитулировал перед войсками генерала П. Румянцева (с суши) и Балтийским флотом под командованием вице-адмирала Полянского. — *Ред.*), затем он выдержал нашествие Наполеона и хотя, в конце концов, был потерян, но не капитулировал. Сейчас же гарнизон города держался до 18 марта. К тому времени 80 тыс. жителей и беженцев были эвакуированы морем, а последние несколько сотен защитников покинули Кольберг на борту эсминца.

Операция фронта К.К. Рокоссовского против немецкой 2-й армии заняла больше времени и не стала просто зачисткой территории. К 11 марта 2-й Белорусский фронт вышел на рубеж, огибающий западную половину Данцигской бухты примерно в 15 км от

---

<sup>1</sup> Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. Л.А. Жулина. С. 494.

побережья. На следующий день 1-я гвардейская танковая армия прорвалась на побережье в районе Пуцига и отрезала оборонявший самый северный участок обороны немецкий корпус, который в результате отошел на косу Хель.

13 марта в результате очередной перестановки в командном составе немецких войск на Западе и в Италии в Италию вернулся генерал Генрих фон Фитингофф. Генерала Л. фон Рендулича вернули в Курляндию, а Вальтер Вейс был назначен командующим группой армий «Север». Одновременно в группу армий «Север» был переведен и командующий 2-й армией генерал танковых войск Дитрих фон Заукен. Гитлер приказал В. Вейсу удерживать косу Хель, Гдыню, Данциг, Пиллау, косу Фрише-Нерунг, а также достаточные территории в Восточной Пруссии для поддержания контакта с Кенигсбергом. Гитлер и К. Дёниц до сих пор считали, что порты в Балтийском море имеют ключевое значение для Германии.

В течение еще десяти дней 2-я армия собственными силами отбивала атаки войск фронта К.К. Рокоссовского. 23 марта русские, наконец, вышли к побережью в районе Сопота, отрезав от Гдыни немецкие войска в районе Данцига и восточнее. Это событие послужило переломным моментом: 28-го числа русские захватили Гдыню, а еще через два дня и Данциг. Остатки войск 2-й армии отступили восточнее, в район дельты Вислы.

После 13 марта войска 3-го Белорусского фронта вытеснили немецкую 4-ю армию на полоску земли в районе Хейлигенбейла размером 15 на 3 км еще прежде, чем Гитлер 29-го числа, наконец, дал разрешение отвести армию через залив Фрише-Хафф на косу Фрише-Нерунг.

К тому времени в составе армии насчитывалось 60 тыс. здоровых и 70 тыс. раненых солдат и офицеров. Гитлер приказал всех держать в строю с той оговоркой, что тяжелораненые должны были использоваться в качестве пополнения после выздоровления. В конце марта группа армий «Север» еле удерживала обе стороны Данцигской бухты от Земланда и Кенигсберга до устья Вислы. Остатки двух немецких корпусов удерживали небольшие плацдармы севернее Гдыни и на косе Хель.

Советское наступление от Вислы до Одера, как это ни странно, на удивление мало отразилось на Берлине. Жизнь в немецкой столице и ее окрестностях, где располагалось правительство страны и Верховное командование вермахта с его основными узлами связи, продолжала течь в установившемся ритме, в который давно уже были включены и частые воздушные налеты американской и британской авиации. Массовый отъезд из города правительственных чиновников, подготовка к осаде и паника, которыми сопровожда-

лось приближение германских войск к Москве в октябре 1941 г., здесь полностью отсутствовали. Русские танки стояли на Одере, едва ли не в одном дневном переходе до Берлина, однако во всем, что касалось мероприятий, которые следовало провести, все должны были полностью полагаться на фюрера. Даже вопросы о том, когда и как будет осуществляться эвакуация жителей и оборона города, не могли подниматься без предварительного получения разрешения Гитлера. А он сейчас думал о том, как отвоевать Будапешт, а не о том, как защитить Берлин. В конце января немцы сделали очень мало для подготовки обороны своих территорий к западу от Одера. По политическим и психологическим соображениям Гитлер настоял на том, что территория страны должна перейти под контроль военных как можно позднее. В связи с этим в ОКВ выжидали до 14 января, прежде чем ОКХ было предоставлено право принимать директивы, касающиеся проведения фортификационных работ и других мероприятий, направленных на укрепление обороны в 3-м военном округе, куда относился Берлин и широкая полоса территорий по обе стороны от немецкой столицы к востоку от Одера.

2 февраля В. Кейтель издал первый письменный приказ, касающийся Берлина. В нем он назначил ответственным за оборону города командующего 3-м военным округом. Военный округ в нацистской Германии представлял собой хозяйственно-административную единицу и не имел в постоянном подчинении никаких войск. Приказ В. Кейтеля несколько увеличивал полномочия командующего округом в отношении войск, которые были развернуты на его территории, и давал ему право «командовать наземными боями» 1-й дивизии ПВО, к которой относилась зенитная артиллерия Берлина. По всем тактическим вопросам командующий теперь должен был отчитываться лично перед Гитлером на ежедневных совещаниях.

К концу третьей недели февраля Гитлер все еще не озвучил своего решения в отношении Берлина. На запрос ОКВ в рейхсканцелярию по вопросу «планирования деятельности высших правительственных учреждений на случай сражения за Берлин» поступил ответ, что в таком случае единственное указание для них — оставаться в Берлине. То, что в городе могут начаться бои, что он может быть окружен, даже не обсуждалось. Женщинам и детям позволялось уезжать, однако никаких официальных сообщений по этому поводу делать не следовало.

В начале марта, после того как командующим 3-м военным округом и одновременно командующим Берлинским оборонительным районом был назначен генерал-лейтенант Хельмут Рейман, планирование обороны города стало приобретать более конкретный характер. Эта должность говорила о том, как мало было сделано предшественниками Х. Реймана на этом посту: термин «оборонительный район» обычно применялся «в исключительных случаях, когда речь

шла о крепостях, оборудование обороны которых все еще не было завершено».

9 марта Х. Рейман подписал Основной приказ о подготовке обороны столицы. В некоторых его частях явно прослеживается риторика Гитлера. Ставилась задача защищать город «до последнего солдата и последнего патрона». Бои должны были вестись «с полной отдачей и изобретательностью, с применением всего умения, сообразительности и военной хитрости... на земле, в воздухе и под землей». Следовало «оборонять до последнего каждый квартал, каждый дом, каждый этаж, каждый двор и каждый подвал». При этом больше внимания уделялось тому, что каждого защитника города «должно переполнять фанатичное желание сражаться и сознание того, что весь мир затаив дыхание наблюдает за этим сражением, которое может решить исход войны», чем необходимости должным образом обучить этих защитников владению оружием и приемам ведения боя.

Берлин должен был стать последней крепостью в длинной череде тех, что протянулись на запад от Сталинграда. Внешний периметр обороны был намечен примерно в 40 км от центра города. Внутри него было еще два оборонительных кольца, радиус первого из которых составлял примерно 15 км от центра, а второе следовало по маршруту С-бана, пригородной кольцевой железной дороги. Во главе каждого из восьми секторов обороны, нарезанных подобно кускам пирога, был назначен комендант. Малое внутреннее кольцо вокруг правительственного квартала получило название «сектор Z» (от немецкого Zitadelle). В то же время расположение войск свидетельствовало о том, что Гитлер рассчитывал оборонять «крепость» лишь в самом крайнем случае. Помимо 1-й дивизии ПВО, которая должна была обеспечивать зенитное прикрытие города вплоть до начала в нем наземных боев, в резерве у Х. Реймана было шесть батальонов, в том числе два батальона фольксштурма, один охранный батальон, а также остатки войск СС и сил полиции. Коменданты секторов не должны были вступать в командование войсками до тех пор, пока не будет передано кодовое слово «Клаузевиц», извещающее о приближении врага. После этого они должны были принять командование подразделениями фольксштурма и любыми другими войсками, уже находившимися в назначенном секторе или прибывшими туда из другого сектора либо извне.

Несомненно, Гитлер полностью сознавал, что германскую столицу и внутренние области страны можно оборонять на рубеже Одер—Нейсе и что такая оборона, если она возможна вообще, никак не возможна на рубеже берлинского С-бана. Воображая, что он все еще имеет возможность стратегического выбора, как, например, это было недавно в случае со Штаргардом и Будапештом, он вообще игнорировал вопросы обороны берлинского сектора. Как следствие, оборона на Одере и Нейсе была почти такой же эфемерной, как и



так называемая крепость Берлин. (Три мощных полосы обороны общей глубиной 20—40 км. Каждая из полос представляла собой мощные узлы сопротивления, соединенные одной-двумя траншеями и ходами сообщений. Средняя плотность минирования — до 2 тыс. мин на 1 км. Мощная противотанковая оборона (артиллерия, в том числе зенитная, и истребители танков с фаустпатронами; штурмовые орудия и танки). — *Ред.*)

К началу марта как Гитлер, так и остальные представители германского командования понимали, что прорыв советских войск к Берлину был самой большой угрозой, с которой им пришлось бы столкнуться. Отчасти это было вызвано намного более высокими темпами продвижения русских, по сравнению с американцами и англичанами. Главной же причиной было то, что германское руководство не могло даже представить себе большего кошмара, чем возможный приход русских в Центральную Германию. В то же время Гитлер убедил себя в том, что русские не придавали Берлину и Центральной Германии такого значения, как достижению последующих целей. Он полагал, что Берлин был основной целью 1-го Белорусского фронта Г.К. Жукова. И.В. Сталин же, по его мнению, считал важнейшим наступление по двум направлениям в Западную Чехословакию через Моравскую Оставу и перевалы на севере и на Братиславу—Брно на юге, которое должно было осуществляться либо перед Берлинской операцией, либо одновременно с ней.

Поэтому вопросы обороны рубежа на Одере—Нейсе почти игнорировались до 15 марта, когда Гитлер во время очередного «озарения» не осознал, что русские могли отдать предпочтение Берлинской операции, с тем чтобы покончить с возможной угрозой правому флангу своих войск и начать ее в любой день. В ту ночь он провел совещание с Г. Гиммлером, Г. Гудерианом и Т. Буссе. Гитлер намеревался по возможности опередить русских и силами 9-й армии нанести удар с плацдарма, который немцы удерживали в районе Франкфурта, уничтожив советские войска, сосредоточенные южнее Кюстрина<sup>1</sup>.

На следующий день он приказал Г. Гиммлеру подготовиться к сражению на нижнем Одере, обратив особое внимание на усиление участка Кюстрин—Франкфурт—Губен. Неотвратимость решающего сражения заставила нервничать немецкое командование. Г. Гудериан и А. Шпеер, опасаясь того, что к возможному военному поражению Германии может добавиться и полная разруха, приказали, чтобы отныне отступавшие войска не уничтожали полностью, а лишь на время выводили из строя мосты, шоссейные и железные дороги. Очевидно, немецкие руководители надеялись вновь отвоевать потерянные территории и быстро восстановить выведенные из строя

---

<sup>1</sup> *Йодль А.* Дневник. Запись от 15 мая 1945 г.

объекты. Но 19 марта Гитлер объявил «ошибочной» идею временного разрушения коммуникаций. Он приказал перейти к тактике «выжженной земли» и отменил все директивы, противоречащие этому. Тем не менее через четыре дня, когда Й. Геббельс, пользуясь своими полномочиями гаулейтера Берлина, предложил превратить шоссе Шарлоттенбургер во взлетно-посадочную полосу, Гитлер, демонстрируя свой очередной каприз, запретил вырубку деревьев на бульваре Тиргартен.

Когда Г. Гудериан, заручившись вялой поддержкой К. Дёница, попытался убедить Гитлера эвакуировать войска из Курляндии в Германию, тот отказал под тем предлогом, что это не только приведет к тяжелым потерям немецкой стороны, но и позволит русским высвободить значительное количество своих дивизий. Возвращение в Курляндию Л. Рендулича только укрепило решимость Гитлера удерживать эту территорию. 13 марта завершилась так называемая пятая битва за Курляндию, начавшаяся 27 февраля. Генерал Г. фон Фитингоф докладывал, что группа армий «Курляндия» вряд ли способна выдержать еще один решительный штурм.

На другом направлении, а именно в попытке удалить Г. Гиммлера с поста командующего группой армий «Висла», Г. Гудериану сопутствовала удача. В середине месяца Г. Гиммлер почти с удовольствием выполнил просьбу Г. Гудериана попросить о своей отставке с этого поста. После фиаско в районе Штаргарда и, как следствие, потери расположения Гитлера рейхсфюрер СС избегал прямого руководства группой армий. В конце концов Г. Гиммлер оказался в своем имении в Гогенлихене под наблюдением личного врача, который якобы лечил его от стенокардии. 20 марта командование группой армий «Висла» принял генерал-полковник Г. Хейнрици. Еще через два дня Гитлер дал разрешение на замену большей части штаба Г. Гиммлера офицерами штаба группы армий «Ф».

В то же время близилось к концу и пребывание на своей должности Г. Гудериана. Гитлер решил предоставить ему длительный отпуск «по состоянию здоровья» и с нетерпением ждал, когда В. Венк достаточно восстановится для выполнения обязанностей начальника Генерального штаба ОКХ. Позже Гитлер заявил, что намерен одновременно избавиться от традиционной военной организации и командования. По его словам, ему были нужны люди, подобные тем, что создавали когда-то, после Первой мировой войны, добровольную организацию *Freikorps*. Он считал, что такие личности сами собой могут сплотить людей. К числу лучших офицеров из их числа он относил представителей СС Э. фон дем Баха, О. Скорцени и Г. Рейнефарта. Два армейских генерала, которых он ценил выше других, не могли быть привлечены к командованию, так как к тому времени оба находились в заключении за незаконное присвоение имущества.

22 марта, еще до того, как 9-я армия смогла подготовить свой контрудар с плацдарма в районе Франкфурта, 1-й Белорусский фронт начал наступление с плацдармов вокруг Кюстрина. Проведенная 24 марта контратака силами двух танковых дивизий, предназначенных для нанесения контрудара из района Франкфурта, успеха не имела. После этого Г. Хейнрици и Т. Буссе намеревались прекратить попытки наступления, предпочитая сохранить силы, но Гитлер прочел Г. Хейнрици лекцию о том, что «нельзя все время отставать в своих действиях от противника». Он потребовал возобновления контрнаступления с целью разгромить советские войска, прежде чем они успеют завершить сосредоточение для наступления.

27 марта была совершена еще одна неудачная попытка деблокировать Кюстрин. После состоявшейся на следующий день раздраженной беседы с Т. Буссе и Г. Гудерианом Гитлер предоставил последнему шесть дней «для лечения» и назначил исполняющим обязанности начальника Генерального штаба генерала пехоты Ганса Кребса, заместителя В. Венка. Г. Кребс, который прежде был начальником у Э. Буша, а затем у В. Моделя, был известен своим неутомимым оптимизмом и способностью, подобно хамелеону, приспосабливаться к мнению стоящих выше. 30 марта комендант Кюстрина Г. Рейнефарт, отказавшись от мысли героически погибнуть, отдал приказ на прорыв из города.

Начавшееся в конце марта наступление советских войск в Верхней Силезии, казалось, подтверждало догадку Гитлера о том, что, перед тем как нанести удар на Берлин и Центральную Германию, русские планируют провести крупную наступательную операцию в Чехословакии. И в самом деле, трудно найти другое объяснение причин советского наступления в Верхней Силезии. Сейчас советские официальные представители настаивают на том, что не планировалось ничего выходящего за рамки достигнутых результатов, а именно оттеснение войск группы армий «Центр» от Одера к Судетским горам в районе Оппельна. Несмотря на то что в результате этой операции удалось покончить с возможной, пусть и весьма слабой угрозой на самом левом фланге войск И.С. Конева, а также несколько сократить линию фронта, ее выполнение все же не привело к значительному улучшению на южном участке, как этого удалось достигнуть в Померании и Западной Пруссии. К такому результату мог бы привести только глубокий прорыв на территорию Чехословакии, в район Оломоуца, Брно и Праги, в тыл группе армий «Центр».

Войска 1-го Украинского фронта медленно готовились к наступлению. Очевидно, танковые соединения нуждались в пополнении. 14 марта все они были отведены с переднего края. Но к тому вре-

мени вот уже почти три недели находившаяся в тылу для отдыха и пополнения 4-я танковая армия вместе с 21-й армией сосредоточилась для наступления в районе Гротткау, западнее Оппельна. 59-я и 60-я армии также были готовы наступать с Одерского плацдарма севернее Ратибора. 10 марта усиленный правый фланг 4-го Украинского фронта в течение трех дней вел разведку боем восточнее города Моравска-Острава. Наблюдая за этими приготовлениями, немцы, несомненно, были озабочены тем, что они могут противопоставить противнику, особенно после быстрого успеха русских восточнее Одера на участке группы армий «Висла», создавшего впечатление, что враг вот-вот начнет наступление через Одер и Нейсе.

15 марта войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление в районе Гротткау в южном и западном направлении с плацдарма севернее Ратибора. 4-й Украинский фронт вновь нанес удар в направлении города Моравска-Острава. Наступление войск 4-го Украинского фронта потеряло темп в течение одних-двух суток.

Имея подавляющее превосходство в людях и технике (в людях небольшое. Но на участках прорыва (3% фронта) Конев сосредоточил 57% пехоты и 90% танков! — *Ред.*), армии И.С. Конева с самого начала успешно продвигались вперед, однако, по мнению командования группы армий «Центр», так и не смогли добиться впечатляющих успехов вплоть до 17 марта. Во второй половине того дня один из корпусов 4-й танковой армии пробил небольшую брешь восточнее города Нейсе и, соединившись с войсками, наступавшими в западном направлении с плацдарма в районе Ратибора, замкнул кольцо окружения вокруг LVI танкового корпуса юго-западнее Оппельна. То, что командующий немецкой 17-й армией генерал пехоты Фридрих Вильгельм Шульц повел войска на прорыв через горы и почти до наступления темноты пытался состязаться в скорости с советскими танкистами, совсем не повлияло на скорость немецких танков (авторская болтовня. — *Ред.*). 20 марта LVI танковому корпусу с большими потерями удалось вырваться из окружения. (Окруженная к юго-западу от Оппельна группировка (5 дивизий) была практически полностью уничтожена. Было взято в плен 14 тыс. человек, уничтожено 280 танков и штурмовых орудий. Всего в ходе Верхне-Силезской операции немцы потеряли более 40 тыс. убитыми. Потери наших войск: 15 876 человек убитыми и 50 925 ранеными. — *Ред.*)

22 марта по приказу И.С. Конева русские перенацелили наступление южнее, в направлении на Опаву. Одновременно 4-й Украинский фронт стал наступать на запад, на Ратибор. Немцам казалось, что советское наступление только-только вступило в свою основную фазу. Сила ударов в обоих направлениях постепенно наращивалась, и к 26-му числу по приказу И.С. Конева сюда была переброшена из района Нейсе 4-я танковая армия.

30 марта Ф. Шернер был вынужден отдать приказ оставить Ра-тибор, с тем чтобы не допустить прорыва противника к городу Моравска-Острава. По его оценкам, советские войска пытались пробиться через Опаву и Моравску-Остраву к Моравскому бассейну. На участке группы армий «Юг» 1-я гвардейская конно-механизи-рованная группа наступала через территорию Словакии на северо-запад, в Моравию. И вдруг на следующий день 1-й и 4-й Украин-ские фронты без всяких видимых причин остановили наступление.

## **Глава 21**

### **БЕРЛИН**

#### **Накануне битвы**

В то время, когда русские решали свои отнюдь не главные за-дачи в Померании, Западной Пруссии и Силезии, войска союзников основные усилия сосредоточили на центральном участке фронта. В результате к концу марта стратегическое положение Германии полностью изменилось. Войска союзников вышли на Рейн практи-чески по всему протяжению этой реки, создали значительные плац-дармы на противоположном берегу и стремительно завершали окру-жение немцев в районе Рурского бассейна. В результате группа армий «Б» оказывалась выведенной из войны, и перед войсками со-юзников открывался ничем не прикрытый широкий путь на восток, к Эльбе. В Швейцарии начались секретные переговоры с целью до-биться капитуляции немецких войск в Италии. Русские, хотя и зна-ли об этих переговорах, не были к ним допущены.

Вечером 31 марта в Москве представители союзников вручили И.В. Сталину послание от генерала Д. Эйзенхауэра. В нем излага-лись планы союзников по проведению операций в Центральной Германии. Д. Эйзенхауэр отмечал, что после окружения и разгрома немецких войск в районе Рура очередной целью союзных войск является соединение с советскими союзниками, в результате чего войска противника окажутся расколотыми. По мнению американ-ского главнокомандующего, эта цель может быть достигнута в ре-зультате удара вдоль линии Эрфурт—Лейпциг—Дрезден. При этом по мере возможности планировалось организовать вспомога-тельный удар навстречу русским, в результате которого союзники долж-ны были соединиться в районе городов Регенсбург и Линц. Тем самым немцы лишались возможности закрепиться в Южной Гер-мании.

В неожиданно скором ответе, отправленном на следующий же день, И.В. Сталин соглашался с тем, что встреча союзников должна была состояться в предложенных Д. Эйзенхауэром районах Эрфурт—Лейпциг—Дрезден и Регенсбург—Линц. Далее он писал, что Берлин потерял свое стратегическое значение, в связи с чем советское командование не намерено выделить для его взятия свои лучшие войска. И.В. Сталин заявлял, что общее наступление советских войск начнется, вероятно, во второй половине мая<sup>1</sup>.

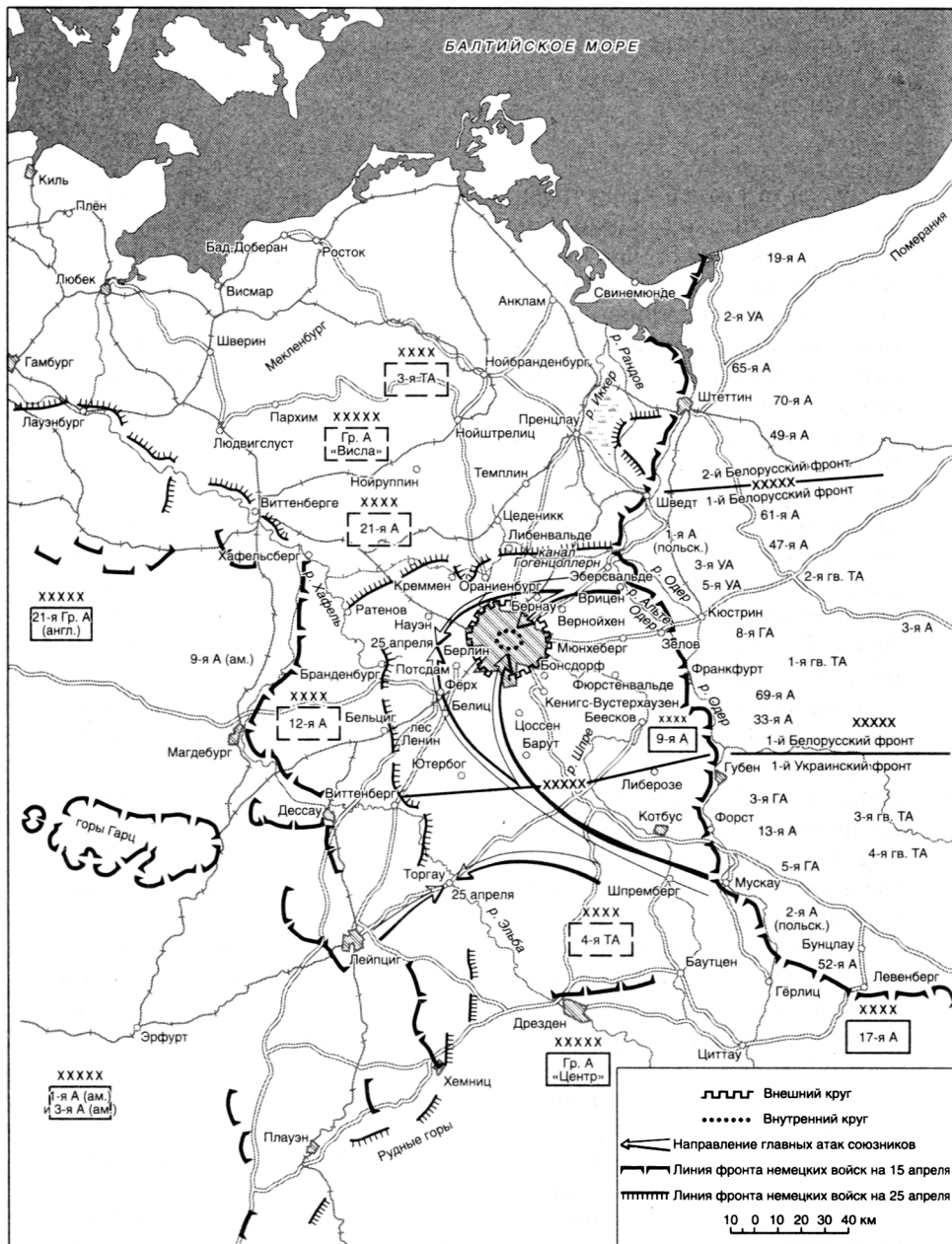
Возможно, не успел он дописать этих строк, как советские фронты в лихорадочной спешке начали подготовку к наступлению, главной задачей которого являлось взятие Берлина. В Верхней Силезии, где, как уже было сказано выше, наступление 1-го Украинского фронта 31 марта внезапно остановилось, 4-я танковая армия, 17 марта получившая звание «гвардейской», отводила свои части с фронта, готовя их к переброске на север, к Нейсе. Авиационные части, выполнявшие задачи по поддержке левого фланга 1-го Украинского фронта, также передислоцировались севернее. В том же направлении из района Бреслау перебрасывалась и 5-я гвардейская армия.

2-й Белорусский фронт, которому пока еще была придана 1-я гвардейская танковая армия, был сосредоточен против остатков немецкой 2-й армии в Данцигской бухте. Но 30 марта он начал быстро разворачиваться кругом, одновременно перебрасывая свои части к нижнему течению Одера. (30 марта был взят Гданьск (Данциг), а остатки немецкой группировки были заперты восточнее на приморском пятачке земли, где и капитулировали после 9 мая. — *Ред.*)

Истинное настроение советского командования прорвалось сквозь небрежный тон, взятый И.В. Сталиным в письме Д. Эйзенхауэру 3 апреля. В тот день, протестуя против переговоров с немцами в Швейцарии, он писал президенту Ф.Д. Рузвельту: «Что касается моих военных коллег, то, в соответствии с информацией, которой они располагают, они уверены в том, что эти переговоры имели место и что они окончились соглашением с немцами. Согласно этому соглашению командующий немецкими войсками на Западном фронте маршал Кессельринг (генерал-фельдмаршал А. Кессельринг) намерен открыть фронт перед англо-американскими войсками и позволить им беспрепятственно продвигаться на восток. В обмен англичане и американцы пообещали добиться для Германии более мягких условий перемирия». Далее тоном человека, который вдруг обнаружил, что уже довольно длительное время заблуждался, и делая неожиданные выводы из первоначального заявления И.В. Сталин почти напрямик добавил: «Я понимаю, что англо-американские войска получили ряд

---

<sup>1</sup> *Фейс Г.* Черчилль, Рузвельт, Сталин. Принстон, 1957. С. 604—605; *Эрман.* Большая стратегия. Т. 6. С. 132, 142.



Карта 42. Битва за Берлин. 16 апреля — 7 мая 1945 г.

дополнительных преимуществ... позволяющих им почти беспрепятственно продвигаться к сердцу Германии. Но почему это скрывалось от русских? И почему русские, их союзники, не были заранее предупреждены?»<sup>1</sup>

30 марта Гитлер предупредил командование группы армий «Висла» о том, что ход событий на Западном фронте может вынудить русских начать наступление через Одер, не дожидаясь переброски дополнительных сил из Восточной и Западной Пруссии (см. карту 42). Он отдал приказ командованию группы армий построить главную линию обороны в 3—5 км от переднего края и расположить артиллерию таким образом, чтобы она могла вести заградительный огонь между двумя линиями обороны. Но он, по-видимому, все еще не был уверен в том, что решающее сражение развернется в районе Берлина. По приказу Гитлера 10-я танковая дивизия СС была передана из группы армий «Висла» в группу армий «Центр» и развернута в районе Герлица. Дивизия получила задачу не допустить прорыва советской 3-й гвардейской танковой армии к Праге. В течение 2 и 3 апреля гренадерская дивизия «Фюрер» и 25-я танковая дивизия были переброшены на участок группы армий «Юг» для обороны Вены. В результате группа армий «Висла» лишилась половины своих подвижных войск.

В приказах, адресованных группам армий «Север» и «Курляндия», Гитлер вновь подчеркнул, что их задачей является связывать войска противника и не допустить выхода русских к портам Балтийского моря. 30 марта он отдал приказ о прорыве из крепости Глогау, слишком поздно для спасения гарнизона и тем более мирных жителей. Гитлер потребовал стойкой обороны Бреслау «в качестве примера для всего немецкого народа», который «должен вселить в него уверенность в изменении обстановки на Востоке».

2 апреля командование группы армий «Север» было отозвано, в результате чего 2-я и 4-я армии поступили в прямое подчинение ОКХ. После того как войска 2-го Белорусского фронта повернули на запад, сила советских ударов против 2-й армии (вышеупомянутого приморского пятачка. — *Ред.*) быстро слабела. Ко второй неделе месяца русские имели на этом участке примерно 9 дивизий против шести немецких.

3 апреля завершилось шестое и последнее по счету сражение за Курляндию (начатое 17 марта). Несмотря на то что группа армий «Курляндия» была значительно ослаблена, Гитлер распорядился

---

<sup>1</sup> Министерство иностранных дел СССР. Переписка между Председателем Совета министров СССР, президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1957. Т. 2. С. 160.



удерживать фронт на этом участке, с тем чтобы оттянуть на себя максимальное количество вражеских войск, не допустив их переброску на участки фронта на территории Германии.

Кенигсберг стал как для Гитлера, так и для русских вопросом престижа. 6 апреля четыре армии по приказу маршала А.М. Василевского перешли в наступление на сходящихся направлениях, и 9-го числа город пал. С 10 февраля по 29 марта была ликвидирована 140-тысячная группировка немцев юго-западнее Кенигсберга. В плен сдалось 93 тыс. человек. 6 апреля начался беспрецедентный штурм мощнейшей крепости — Кенигсберга, гарнизон которой насчитывал 134 тыс. человек. Штурмующие советские войска имели 137 тыс. и подавляющее превосходство в артиллерии, танках, самолетах. Перед наступлением советская артиллерия 4 дня долбила Кенигсберг ураганным огнем. Пригодились даже сверхмощные орудия царской армии образца 1915—1916 гг. (280-мм мортиры и 305-мм гаубицы), крушившие форты Кенигсберга. 9 апреля советские подразделения вышли к центру города. Немецкий гарнизон, потерявший к этому времени уже треть своего состава, капитулировал. Сдалось 92 тысячи человек. — *Ред.*) Гитлер заочно приговорил коменданта города генерала пехоты Отто Лаша к смерти через повешение. После падения Кенигсберга Гитлер, частично в знак выражения неудовольствия и частично оттого, что больше не было нужды держать здесь два армейских управления, отозвал из Восточной Пруссии штаб 4-й армии, объединив ее остатки со 2-й армией. Новое формирование получило название «армия Восточной Пруссии». (Всего в Восточной Пруссии немцы потеряли свыше 300 тыс. (из них две трети пленными). В боях за Восточную Пруссию пало 127 тыс. советских воинов. — *Ред.*)

За первые две недели апреля русские осуществили в кратчайшие сроки развертывание самой крупной группировки за все время войны. 1-й Белорусский фронт продлил свой фронт в сторону Балтийского побережья до Шведта, где его соседом справа был 2-й Белорусский фронт (фронт от Шведта до Балтики). 1-й Украинский фронт перебросил свои главные силы с левого фланга и центра на правый фланг. Всего в составе трех советских фронтов насчитывалось 2,5 млн солдат и офицеров, 6250 танков и САУ, 7500 самолетов, 41 600 артиллерийских орудий и минометов, 3255 реактивных ракетных установок залпового огня и 95 383 единицы транспортной техники. (Немцы здесь имели около 1 млн человек (1 к 2,5), 10 400 орудий и минометов (1 к 4), 1500 танков и штурмовых орудий (1 к 4,1) и 3300 боевых самолетов (1 к 2,3), 3 млн фаустпатронов. — *Ред.*)

В свете подозрений, вызванных недавними успехами союзников на западе, целью сосредоточения войск и наступления было как

можно скорее захватить возможно большие территории Германии восточнее Эльбы, которые должны были войти в будущую советскую зону оккупации. Для этого, даже если исключить вероятность того, что союзники сами ставили задачу оккупации Берлина, во что русские просто отказывались верить, все равно следовало сосредоточить на Берлинском направлении основные усилия, так как независимо от того, являлся ли город стратегической целью или нет, будущая советская зона оккупации не могла быть быстро расширена до тех пор, пока он не будет взят.

План наступления представлял собой тройной компромисс: основная мощь наступления сосредоточивалась на германской столице, однако одновременно предусматривался глубокий прорыв на максимальную ширину и глубину. Для того чтобы обеспечить возможно более раннее начало наступления, допускалось то, что наступление 2-го Белорусского фронта начнется на несколько дней позже. Кроме того, советский план предусматривал возможность быстрого маневра левым флангом на юг, на территорию Чехословакии.

1-й Белорусский фронт расположил свои главные силы в составе пяти армий, в том числе 1-й и 2-й гвардейских танковых армий, для фронтального удара на Берлин с Кюстринского плацдарма. На восточной окраине города танковые соединения должны были веером разойтись вокруг города в северном и южном направлении, обеспечивая окружение города с севера и юга. Войска 2-го Белорусского фронта должны были форсировать Одер севернее Шведта и наступать в направлении на Нойштрелиц. В ходе этого наступления немецкая 3-я танковая армия оттеснялась к побережью. Кроме того, обеспечивалась поддержка наступления на Берлин с севера. Но поскольку войска К.К. Рокоссовского могли начать наступление только через четыре дня, командование 1-го Белорусского фронта выделило две армии для прикрытия флангов с севера. Армии должны были наступать южнее канала Гогенцоллерн в направлении на Фербеллин. Вторая группировка в составе двух армий должна была наступать с плацдарма севернее Франкфурта в направлении на Бранденбург, обеспечивая прикрытия основной группировки с юга, поддерживая южную часть войск, проводивших окружение Берлина. Кроме того, во взаимодействии с войсками 1-го Украинского фронта она должна была осуществить охват остатков 9-й и 4-й немецкой танковой армий на Одере и нижней Нейсе.

Силами 1-го Украинского фронта планировалось нанесение двух ударов. 3-я и 4-я гвардейские танковые армии, а также три общевойсковые армии должны были форсировать Нейсе между Форстом и Мускау и продвигаться через Шпремберг на запад и северо-запад. Еще одна группировка в составе двух армий должна была наступать из района севернее Гёрлица на Дрезден. Основной задачей фронта

И.С. Конева было выйти к Эльбе на участке между Дрезденом и Виттенбергом, где советские войска должны были встретиться с американцами. Командование фронта намеревалось наступать в северном и западном направлении до Бельцига. Оттуда предполагалось направить часть сил для обеспечения левого фланга 1-го Белорусского фронта в районе Берлина и южнее. Таким маневром предполагалось свести к минимуму часть сил 1-го Украинского фронта, которые будут связаны боями в районе Берлина, что позволило бы быстро перегруппировать войска на южном участке для наступления через Дрезден на Прагу. В то же время танковые армии, сосредоточенные на северном фланге, действовали бы на подстраховке или, согласно другому варианту плана, могли быть развернуты строго на север, на Берлин<sup>1</sup>.

У Германии больше не оставалось людских ресурсов, промышленности и транспорта для того, чтобы построить полноценную оборону на рубеже Одер—Нейсе. Для обороны участка восточнее Берлина 9-я армия располагала 14 дивизиями (т. е. только против Кюстринского плацдарма, всего против 1-го Белорусского фронта занимали оборону 23 немецкие дивизии. — *Ред.*). Противостоящий 1-й Белорусский фронт имел в своем составе 18 армий или 77 стрелковых дивизий, 7 танковых и механизированных корпусов, 8 артиллерийских дивизий, а также большое количество бригад и полков ствольной и реактивной артиллерии. Слева от 9-й армии оборонялась немецкая 3-я танковая армия в составе 11 дивизий. 2-й Белорусский фронт мог выставить против нее 8 армий в составе 33 стрелковых дивизий, 4 танковых и механизированных корпусов, 3 артиллерийских дивизий, бригад и полков ствольной и реактивной артиллерии. Группировка 1-го Белорусского фронта включала 3155 танков и САУ; во 2-м Белорусском фронте насчитывалась 951 единица бронетанковой техники. В немецких 9-й армии и 3-й танковой армии было соответственно 512 и 242 танков и штурмовых орудий. Имевшимся в составе 1-го Белорусского фронта 16 934 орудиям немецкая 9-я армия могла противопоставить 344 полевых орудия плюс от 300 до 400 единиц зенитной артиллерии. В 3-й танковой армии немцев вообще не было никакой артиллерии, кроме 600—700 зениток. В то же время в составе 2-го Белорусского фронта насчитывалось 6642 орудия<sup>2</sup>. (Кроме того, 1-й Украинский фронт, в полосе которого находилось 25 немецких дивизий, из них 7 в оперативном резерве. — *Ред.*)

---

<sup>1</sup> *Платонов С.П.* Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 720—723; Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. *П.А. Жилина.* С. 554.

<sup>2</sup> Берлинская операция в цифрах // Военно-исторический журнал. 1965. Апрель.

Несмотря на жесточайший режим экономии, немцам не удалось своевременно создать достаточных для проведения крупных операций запасов боеприпасов и горючего. По состоянию на 11 апреля запасы боеприпасов в войсках группы армий «Висла» составляли около 0,9 боекомплекта. В то же время только к началу операции 1-й и 2-й Белорусские фронты не только располагали несравненно большим количеством артиллерийских орудий, но и имели для них 3,2 и 1,9 боекомплектов соответственно.

Гитлер сделал очень немного для того, чтобы попытаться устранить эти проблемы. Он приказал развернуть зенитные орудия, большая часть которых была передана из берлинских войск ПВО таким образом, чтобы они обеспечивали ведение огня по наземным целям. Оборона армий была углублена после того, как в тылу был построен рубеж «Вотан» глубиной от 15 до 20 км. На замену отправленных в группы армий «Юг» и «Центр» танковых дивизий Гитлер пообещал Г. Хейнрици 100 тыс. человек пополнения, из которых тот получил лишь около 35 тыс. человек необученных новобранцев ВВС и ВМФ.

Общее положение Германии было слишком неопределенным для осуществления должного планирования на случай неудачи в сражении на речных оборонительных рубежах. Единственной самой главной задачей было во что бы то ни стало продолжить войну. Как никогда прежде, Гитлер твердо пытался удержать в своих руках всю полноту военного командования. И пока он был жив, у страны не было другого выхода, как ждать либо полного поражения на поле боя, либо появления того самого чуда, которое он предсказывал. Предугадывая то, что в результате встречи советских войск с армиями союзников страна будет расколота, Гитлер с 10 по 14 апреля отдал приказы о назначении К. Дёница главнокомандующим войсками на севере, а А. Кессельринга — на юге. Новые назначения должны были вступить в силу после того, как будет нарушена связь с этими территориями. При этом Гитлер планировал позже вновь принять командование войсками одного из вышеназванных районов.

15 апреля Гитлер передал командование обороной Берлина, которое прежде осуществлял лично, группе армий «Висла». В тот вечер комендант Берлина Х. Рейман принял участие в совещании, на котором обсуждался очень болезненный для него вопрос. Присутствовавший там же по собственной инициативе с целью сорвать провозглашенную Гитлером политику «выжженной земли» А. Шпеер заявил ему, что разрушение мостов и промышленных объектов в городе вряд ли поможет решить значительные военные задачи. В то же время оборотной стороной выполнения такого приказа станут голод, эпидемии и экономическая катастрофа, на преодоление последствий которой потребуются годы. А. Шпеера поддержал Г. Хейн-

рици, заявивший, что, по мнению командования группы армий, город вообще не следовало оборонять: 9-я армия должна была просто отступить, обойдя его с двух сторон.

К середине месяца немцам было точно известно лишь о концентрации к востоку от Берлина войск 1-го Белорусского фронта. Обо всех остальных аспектах подготовки противника к наступлению они имели лишь смутные, а зачастую и обманчивые представления. Гитлер и под его влиянием Ф. Шернер к концу марта пришли к твердому убеждению, что русские попытаются осуществить наступление на Берлин и взятие Праги. В апреле немецкая разведка потеряла местонахождение советской 3-й гвардейской танковой армии. По ее предположениям, армия была развернута восточнее Бунцлау якобы для нанесения удара в южном направлении на Циттау, между Рудными горами и Судетами, а оттуда — на Прагу. 10 апреля Ф. Шернер, которому приказом фюрера было присвоено звание генерал-фельдмаршала, заявил Гитлеру: «Следует считать, что противник будет наступать между Гёрлицем и Левенбергом (этот населенный пункт расположен к югу от Бунцлау). В отделе «Иностранные армии Востока» долго размышляли над вопросом о том, где будет нанесен главный удар, но в своем докладе от 13 апреля его офицеры пришли в основном к тому же выводу. В частности, там также упоминалось о том, что главный удар 1-го Украинского фронта будет нанесен северо-восточнее Гёрлица—Левенберга. В результате к моменту начала советского наступления Ф. Шернер держал половину своих резервов (две танковые дивизии) примерно в 80 км от района сосредоточения основных усилий русских.

11 апреля Гитлер распорядился, что Г. Хейнрици должен отдать приказ группе армий быть готовой к своей главной битве, которая начнется уже в эту или в следующую ночь. Он пояснил, что в тот день американцы вышли к Эльбе в районе Магдебурга. Поэтому русским, если они намерены получить свою долю территории Центральной Германии, должны начать наступление, даже если они не успели к нему изготавиться. (Передовые части американской 9-й армии 11 апреля вышли к Магдебургу и после того, как они переправились через Эльбу к вечеру следующего дня, находились в 80 км от Берлина).

12 апреля Г. Кребс передал начальнику оперативного отдела штаба группы армий «Висла» мнение фюрера о том, что группа армий должна одержать «колоссальную победу», так как нигде более в Германии фронт не был так прочно укреплен и нигде больше армии не имели такого снабжения боеприпасами. В ответ офицер заявил, что фюрер должен учитывать численность противника, а также то, что группе армий вряд ли будет достаточно имеющихся запасов боеприпасов для ожидающегося длительного сражения, а запасов горючего в войсках уже сейчас недостаточно.

14 апреля пять советских дивизий при поддержке 200 танков предприняли неудачную попытку штурма Зеловских высот, к западу от Кюстрина (это была разведка боем, они вклинились в оборону немцев на глубину до 5 км. — *Ред.*). На следующий день русские больше не пытались наступать, и Г. Хейнрици решил, что противник, вероятно, решил выждать. Сначала он собирался отвести войска с передового оборонительного рубежа, но отказался от этой мысли, поскольку предыдущие атаки русских продемонстрировали, что солдаты буквально «цеплялись» за линию обороны. И командующий принял решение оказывать им всю возможную поддержку. В своем приказе от 14 апреля Гитлер предался разглагольствованиям о немецких офицерах-предателях, находившихся на содержании у русских, о немецких женщинах, превратившихся в проституток. Он предпочел увидеть милость Божью «в смерти величайшего военного преступника всех времен» (Ф. Рузвельта). Далее он подчеркнул, что начиная с января он сделал очень много для того, чтобы укрепить фронт, для того, чтобы «большевиков и на этот раз постигла участь всех азиатских орд. Они изойдут кровью, прежде чем дойдут до германской столицы». Он призвал защищать не пустые слова об Отечестве, а драться за свои дома, своих женщин и детей и, следовательно, за будущее немцев.

### **Окружение**

Наступление войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов началось 16 апреля перед рассветом. Более мощному 1-му Белорусскому фронту была поставлена и более серьезная задача. Его главные силы, развернутые на 30-километровой полосе между Вришеном и Зеловом, должны были пересечь болотистую пойму рек Одер и Альте-Одер и занять Зеловские высоты. Русские нанесли удар после наступления темноты. Они попытались добиться эффекта внезапности. Кроме того, для освещения переднего края немецкой обороны и ослепления противника русские использовали множество мощных прожекторов. Пехота пошла вперед после мощнейшей артиллерийской подготовки. Однако свет прожекторов не дал ожидаемого эффекта. В пыли, дыму и темноте цепи пехоты сталкивались друг с другом. К наступлению утра неразбериха была полной. Русским повезло, что в этой нервной обстановке занятые собой немцы не смогли воспользоваться этой путаницей и предоставили русским самим разбираться со своими проблемами. (Автор плохо понимает, что происходило, — американцы подобных боев никогда не вели. — *Ред.*)

В течение дня Жуков ввел в бой 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии, что являлось неграмотным с тактической точки зрения, так как немецкая оборона все еще не была прорвана ни на одном участ-

ке. Это привело еще к большей путанице по мере того, как танки пытались пробить себе дорогу вперед. С наступлением темноты соединения, брошенные в бой утром с развернутыми знаменами, все еще находились перед немецким передним краем (происходили жесточайшие бои — наши войска вклинивались в оборону немцев, те контратаковали. Обе стороны сражались героически. — *Ред.*). К исходу дня ни одной из двух фланговых группировок 1-го Белорусского фронта не удалось добиться решающего успеха.

Но русские могли себе позволить допускать ошибки, чего ни в коем случае нельзя было делать немцам. В это время на левом фланге войск Ф. Шернера, на участке немецкой 4-й танковой армии, пехота И.С. Конева форсировала реку Нейсе между Мускау и Ферстом, а также севернее Гёрлица, и прорвала немецкую оборону на глубину до 10 км.

После того как утром следующего дня 3-я и 5-я ударные армии, а также 8-я гвардейская армия снова не смогли продвинуться вперед, Жуков ввел в бой резервную 47-ю армию, а также обе танковые армии. Но даже теперь ему не удалось добиться успеха на двух небольших участках юго-восточнее Врицена и в районе Зелова. Впрочем прибывшие туда две немецкие танковые дивизии сумели свести все усилия русских практически на нет. (На самом деле Зелов был взят 17 апреля, а к исходу этого дня войска ударной группировки прорвали вторую оборонительную полосу и две промежуточные позиции. Контрудары 4 немецких дивизий из резерва успеха не имели. — *Ред.*)

18 апреля В.Д. Соколовский сосредоточил свои танки на еще более узких участках. Его войска прорвали немецкую оборону на участке шириной 15—20 км западнее Врицена и юго-западнее Зелова. 9-й армии в течение целого дня удавалось удерживать фронт (в глубине обороны. — *Ред.*). Г. Хейнрици докладывал, что сражение приближается к своей кульминации и вскоре должен определиться его исход.

Русские отчаянно пытались достичь своих целей. В бой были брошены солдаты войск тыла. Ставка потребовала от командующего 1-м Белорусским фронтом Г.К. Жукова более энергичного наступления подчиненных ему войск. Одновременно она дала указания командующим 1-м Украинским и 2-м Белорусским фронтами содействовать наступлению 1-го Белорусского фронта<sup>1</sup>.

В конце третьего дня наступления северная группировка 1-го Украинского фронта вышла к реке Шпре севернее и южнее Шпремберга и форсировала эту реку южнее города. Южная группировка фронта продвигалась к Баутцену. Как докладывал Ф. Шернер, на его участке сражение также достигло своего пика. Он считал, что понесенные

---

<sup>1</sup> История Второй мировой войны. Т. 10. С. 328.

советской стороной чрезвычайно тяжелые потери сведут на нет способность русских наступать. На следующий день он планировал бросить в контратаку свои последние резервы, выдав войскам остатки боеприпасов.

18 апреля в ставке Гитлера царил атмосфера оптимизма. Во время краткого утреннего совещания Гитлер выразил уверенность в том, что наступление на участке 4-й танковой армии «в значительной степени выдохлось». По свидетельству адъютанта К. Дёница, «слышались голоса надежды». Однако, как ему потом сообщили, весь оптимизм был основан на изобретенном В. Кейтелем сомнительном правиле, что наступление обязательно застопорится, если на третий день оборона противника все еще не прорвана. Гитлер передал командующему группой армии в Курляндии генерал-полковнику К. Гильперту, что его войскам придется продержаться до того момента, «когда в этой войне, как и в любой другой, наступит перелом».

К 19 апреля южная наступающая группировка 1-го Белорусского фронта вышла к Мюнхебергу. Северная группировка, имея на острие 2-ю гвардейскую танковую армию, прорвалась к району восточнее Врицена. Она могла бы продолжать наступать, но войска, осуществлявшие фланговое прикрытие, к тому моменту не смогли прорваться с плацдарма. Гитлер, который был полон решимости выиграть битву за Берлин за счет победы на участке 9-й армии, разрешил Г. Хейнрици забрать из берлинского оборонительного района все боеспособные войска, которые тот сможет собрать.

В то же время танки 1-го Украинского фронта переправлялись через Шпре севернее и южнее Шпремберга. К югу от Шпремберга немецкой 4-й танковой армии все еще удавалось сохранять подобие обороны. Севернее города почти вся 3-я гвардейская танковая армия была уже на другом берегу Шпре. Ф. Шернер заявил, что надеется остановить войска И.С. Конева, когда они будут наносить удар на юг, в направлении на Баутцен. Он вновь попытался закрыть фронт на севере, но, как заметил сам генерал, «тщательно организованная глубокая оборона только на нескольких участках оправдала те надежды, которые на нее возлагались».

20 апреля, в день рождения Гитлера, стало ясно, что битва за Берлин проиграна. 3-я и 4-я гвардейские танковые армии накатывались с флангов группы армий «Центр». К концу дня их мощные танковые клинья наносили удар в северном направлении на Ютербог, где располагались крупнейшие армейские склады боеприпасов, смыкаясь в районе промежуточного оборонительного рубежа немцев в 15 км южнее Цоссена. 2-й Белорусский фронт наступал через Одер от Шведта до Штеттина. Используя дымовую завесу, советские войска смогли на некоторых участках создать плацдармы. Севернее Берлина 2-я гвардейская танковая армия вышла к Бернау. Южная



группировка наступающего 1-го Белорусского фронта все еще испытывала трудности в организации удара на Берлин, однако первые эшелоны ее танковых соединений сумели прорваться в тыл 9-й армии через Мюнхеберг на юго-запад, к Фюрстенвальде.

Командующий 9-й армией Т. Буссе утром доложил, что единственным способом, который позволит ему создать прочный фронт восточнее Берлина, является отвод фронта от Одера, а также из района южнее Франкфурта. Из ставки фюрера не поступило никакого ответа на это предложение до вечера, когда Г. Кребс позвонил Г. Хейнрици и заявил, что Гитлер выразил сомнение в том, что войска, в особенности тяжелые зенитные орудия, можно будет доставить из района Одера. Фюрер хотел переговорить с Г. Хейнрици, прежде чем принимать окончательное решение. Начальник штаба группы армий доложил, что Г. Хейнрици находится в войсках. При этом он добавил, что, если решение не будет принято в самое ближайшее время, никто не сможет предсказать последствий такого промедления.

К тому времени русские находились на подступах к Фюрстенвальде. В начале ночи, отдавая команды по телефону, через Г. Кребса и оперативный отдел ОКХ, Гитлер попытался провести перегруппировку своих дивизий с целью остановить наступление русских в районе Бернау и Фюрстенвальде. Через полчаса после полуночи, по возвращении Г. Хейнрици в свой штаб, ему позвонил Г. Кребс и заявил, что теперь он должен удерживаться на занятых позициях, одновременно снимая с фронта часть войск для отражения глубокого прорыва противника на флангах. Он был убежден, что такая задача не может быть выполнена и «не может увенчаться успехом». Он предложил отправиться к фюреру и сообщить ему об этом. Кроме того, он просил освободить его от занимаемой должности и позволить «взять в руки автомат и встретить врага лицом к лицу».

Обстановка, сложившаяся в ставке фюрера в день его рождения к полудню, подавляла. Начальник штаба ОКЛ генерал-полковник К. Коллер коротко обронил, что дороги, ведущие на юг, вот-вот будут перекрыты, и те, кто желает отправиться туда, должны срочно покинуть город на автомобилях, так как в распоряжении ВВС не было самолетов для того, чтобы эвакуировать их.

Вечером заместитель А. Йодля генерал горнострелковых войск А. Винтер, который должен был принять должность начальника штаба командования «Б» (южный командный пункт), отбыл к новому месту службы с большим количеством офицеров оперативного штаба ОКВ и оперативного отдела ОКХ. После полуночи город срочно покинул Г. Геринг, которому пришлось наверстывать несколько часов, проведенных в берлинском общественном бомбо-

убежище. Там ему представилась последняя возможность выдавить из себя улыбку в ответ на старую шутку, родившуюся в ответ на одну из его речей периода начала войны. Он тогда заявил: «Можете считать меня лжецом, если хотя бы одна бомба союзников упадет на Берлин». Ожидалось, что Берлин покинет и Гитлер, возможно, в южном направлении, так как из ставки в столице он не мог руководить войсками, а после потери центра связи в Цоссене, что могло произойти с минуты на минуту, командование войсками из Берлина становилось просто невозможным. В тот день Гитлер предоставил К. Дёницу права распоряжаться всеми людскими и материальными ресурсами севера страны.

21 апреля, в день, когда на город упали первые снаряды артиллерии русских, в столицу поступили, как казалось, и хорошие новости: наносившая контрудар в районе северо-западнее Гёрлица 4-я танковая армия добилась некоторых успехов. Гитлер увидел в этом предвестник новых ударов, в результате которых удастся закрыть 60-километровую брешь, образовавшуюся между флангами групп армий «Висла» и «Центр». Исходя из этого он подготовил «главный приказ», который в полдень Г. Кребс по телефону передал в штаб групп армий. В результате успешного контрудара на участке группы армий «Центр» фронт в районе Шпремберга вскоре будет стабилизирован. В связи с этим «абсолютно необходимо» удерживать укрепленный район в районе Котбуса. (Днем раньше командование левофланговым корпусом 4-й танковой армии, занимавшим позиции севернее и в самом Котбусе, было передано в 9-ю армию.) 9-й армии предстояло создать фронт фасом на запад между Кенигс-Вустерхаузенем и Котбусом и нанести удар в западном направлении во фланг русским, наступающим на Берлин с юга. Ф. Штейнер возглавит проведение операции по созданию сплошного фронта севернее Берлина по рубежу, проходящему по шоссе Берлин—Штеттин. Задачей 3-й танковой армии станет ликвидация «всех плацдармов на Одере до последнего» и подготовка к нанесению контрудара в южном направлении. Х. Рейман был освобожден от должности команданта Берлина. Теперь ему предстояло взять на себя командование обороной на участке к югу от города. Г. Хейнрици поручил штабу III танкового корпуса СС Ф. Штейнера, у которого не было собственных войск, организацию оборонительного рубежа на фланге немецкой 3-й танковой армии по каналу Гогенцоллерн силами развернутых в этом районе частей. В отданном во второй половине дня приказе Гитлер повышал уровень командования Ф. Штейнера, превращая его войска в армейскую группу. Ей передавались 4-я полицейская дивизия СС и 5-я егерская дивизия, а также 25-я моторизованная дивизия, развернутые севернее канала. Сюда же должен был войти LVI танковый корпус, занимавший оборону восточнее Берлина, северный фланг которого проходил в районе Вернойхена.

Ф. Штейнер должен был организовать наступление силами трех дивизий в южном направлении от Эберсвальде по каналу, в сторону фланга LVI танкового корпуса, и замкнуть фронт. После постановки задач войскам Гитлер добавил, что «офицеры, которые без удовлетворительной причины не выполняют этот приказ, должны быть немедленно арестованы и расстреляны. Сами вы отвечаете за его выполнение головой».

Сразу же после получения приказа Ф. Штейнер позвонил в штаб группы армий и заявил, что он не может быть выполнен. Из 4-й полицейской дивизии СС он получил всего два батальона, которые не имели соответствующего вооружения. 5-я егерская и 25-я танково-гренадерская дивизии были связаны боем и не могли принимать участия в контрударе до того, как на смену им не прибудет 3-я дивизия ВМФ.

Когда Г. Кребс передал по телефону Г. Хейнрици содержание разговора с Ф. Штейнером по поводу приказа группе армий, тот попросил передать Гитлеру его мнение о необходимости отвести 9-ю армию. Строго говоря, находившаяся почти в окружении армия уже не могла просто отступить к Берлину; ей предстояло совершить маневр вокруг сети озер южнее города. Если же Гитлер станет настаивать на соблюдении отданных ранее распоряжений, то Г. Хейнрици обратится к нему с просьбой об отставке, так как эти приказы невыполнимы и не соответствуют его, Г. Хейнрици, понятиям о чести и ответственности перед вверенными ему войсками. В ответ Г. Кребс заявил, что фюрер берет на себя всю ответственность за собственные приказы.

21 апреля 2-я гвардейская танковая армия преодолела отделявшие ее от Берлина с северо-востока 50 км и в результате наступления юго-западнее Вернойхена вышла к внешнему оборонительному кольцу немецкой столицы. В районе севернее озера Гросер-Мюггелъзе 1-я гвардейская танковая и 8-я гвардейская армии также вышли к внешнему кольцу обороны. По данным немецкой 9-й армии, противник стал сосредоточивать свои войска на рубеже между озером Гросер-Мюггелъзе и Фюрстенвальде. Однако русские не стали продолжать наступление на юго-запад с целью отрезать 9-ю армию немцев от Берлина. В тылу 9-й армии передовые части советской 3-й гвардейской танковой армии достигли Кенигс-Вустерхаузена.

21 апреля действия советского командования были направлены, во-первых, на достижение полного окружения Берлина и, во-вторых, на окружение немецкой 9-й армии. Двум армиям, получившим приказ нанести фланговые удары севернее города, наконец удалось развить достаточный темп наступления, что позволило обеспечить прикрытие флангов наступающих войск фронта Г.К. Жукова. В результате он мог приказать 2-й гвардейской танковой и 47-й армиям полностью сосредоточить усилия на завершении окружения Берли-

на. Наступавшие на город 1-я гвардейская танковая и 8-я гвардейская армии перед внешним кольцом обороны города снизили темп наступления и практически остановились, что привело к задержке окружения 9-й армии юго-западнее рубежа озеро Гросер-Мюггельзе—Фюрстенвальде. Действовавшая на плацдарме в районе Франкфурта группировка 1-го Белорусского фронта в составе двух армий оказалась без дела: поставленная ей первоначально задача была отменена, и было решено бросить группировку в помощь войскам, осуществлявшим окружение 9-й армии. В результате быстрого наступления 3-й гвардейской танковой и 13-й армий фронт окружения в тылу немецкой 9-й армии истончился, из-за чего пришлось перебросить восточнее еще две армии. 21-го числа по приказу И.С. Конева на участке немецкой 9-й армии была введена в бой из резерва 28-я армия. Эта армия должна была высвободить соединения 3-й гвардейской танковой и 13-й армий, силами которых предполагалось сомкнуть кольцо окружения вокруг Берлина с юга одновременно с ударом 4-й гвардейской танковой армии на Потсдам<sup>1</sup>.

На послеобеденном совещании 22 апреля Гитлер потерял самообладание. С утра он с нетерпением ждал новостей от Ф. Штейнера и когда к полудню узнал, что наступление не состоялось, то впал в истерику отчаяния. Гитлер кричал, что война проиграна, что он останется в Берлине до самого конца и покончит с собой, не дав русским захватить себя в плен. В. Кейтель и А. Йодль отказались отправиться на южный командный пункт, уверяя, что намерены остаться рядом с фюрером до конца.

Как это уже случалось много раз, буря эмоций быстро миновала. А. Йодль напомнил фюреру о недавно созданной 12-й армии под командованием только что оправившегося после автомобильной катастрофы В. Венка. Армия была развернута в западном направлении юго-восточнее Магдебурга и пока еще не была втянута в серьезные бои<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Платонов С.П. Вторая мировая война. 1939—1945 гг. С. 725; Важнейшие операции Великой Отечественной войны / Под ред. П.А. Жилина. С. 561.

<sup>2</sup> 12-я армия была сформирована в начале апреля 1945 г. В ее составе было семь дивизий, в том числе одна танковая и одна моторизованная. Все соединения были только что сформированы за счет личного состава танковых курсов и офицерских училищ в Центральной Германии. Первоначальной задачей армии было сосредоточение в горах Гарца и нанесение удара в западном направлении с целью деблокировать группировку группы армий «Б» (окруженную в Руре. — *Ред.*). До 12 апреля, когда штаб армии смог полностью приступить к выполнению своих обязанностей, это наступление стало невозможным. В последующие дни 12-я армия осуществляла перегруппировку своих соединений с целью организовать оборону на рубеже по рекам Эльба и Мульда на участке от района севернее Магдебурга до района южнее Лейпцига. Единственным, пусть и очень значительным достоинством для армии к тому моменту были молодость и высокий моральный дух ее солдат (*Рейхсхеима Г.* Последний сбор. Бои немецкой 12-й армии в самом сердце Германии).

Сначала Гитлер отверг план, предусматривавший разворот армии и нанесение ее силами удара в восточном направлении, назвав его потерей времени. Но спустя несколько минут он ухватился за эту мысль и стал высказывать собственные идеи относительно дальнейших действий 12-й армии.

Во время своего срыва Гитлер наконец признал, что его режим находится на грани полного банкротства. Все, что оставалось ему и его ближайшему окружению, — это утешение от той мысли, что они пока еще могли управлять немецкой военной машиной, хотя это не давало никаких результатов. Типичным примером этому являлся В. Кейтель. Переполняемый чувством бесполезной преданности, он взял на себя роль фельдмаршала-курьера, возложив на свои плечи задачу доставки в штаб В. Венка приказа о развороте армии. В сущности, все это можно было гораздо быстрее и надежнее выполнить по телефону, что, в конце концов, и было сделано.

Еще до конца совещания Г. Кребс позвонил Г. Хейнрици и сообщил ему, что фюрер принял решение. Ф. Шернеру и В. Венку будут поставлены соответствующие задачи. Войска В. Венка нанесут удар в восточном направлении, а затем войска Ф. Шернера также перейдут в наступление восточнее Баутцена. Задачей 9-й армии будет удерживать Котбус, а также рубеж по Одере южнее Франкфурта. Одним словом, Гитлер намеревался заново создать фронт к востоку от Берлина.

Поступавшие с передовой данные показывали, насколько призрачными были шансы на это. Ночью позвонил Ф. Штейнер и доложил, что он не может атаковать, так как ему не удалось сосредоточить войска для нанесения удара. Г. Хейнрици приказал ему перейти в наступление той же ночью, независимо от того, будут войска готовы к этому или нет. До наступления ночи войска 2-го Белорусского фронта захватили на участке немецкой 3-й танковой армии в районе Штеттина плацдарм шириной примерно 15 км. 9-я армия оставила Котбус и была отброшена в район южнее Франкфурта. Севернее Берлина русские танки находились уже на реке Хафель, а на одном из участков восточнее города русские прорвали внутреннее кольцо обороны.

Но когда в девять часов Г. Кребс снова позвонил Г. Хейнрици, он был полон оптимизма. Он заявил, что обстановка стабилизируется после того, как армия В. Венка нанесет свой удар. Г. Хейнрици не был согласен с ним. Войска В. Венка были слишком далеко. Г. Хейнрици намеревался отвести 9-ю армию с выступа в верхнем течении Одера в районе Франкфурта на 30 км. «Передайте фюреру, — добавил он, — что я прошу об этом, потому что я с ним, а не против него». Наконец в полночь Г. Хейнрици получил разрешение на отход 9-й армии на рубеж район севернее Котбуса—Либерозе—Беесков—Шпре. В результате этого маневра Т. Буссе надеялся высвободить дивизии для нанесения удара навстречу войскам 12-й армии.

На следующий день, 23 апреля, операция по окружению Берлина вступила в свою завершающую фазу. 1-й Белорусский фронт ввел в бой находившуюся во втором эшелоне 3-ю армию с задачей перерезать узкий коридор, соединявший 9-ю армию с Берлином. На юге 3-я гвардейская танковая и 13-я армии вышли к внешнему кольцу обороны, а 4-я гвардейская танковая армия — к Потсдаму. Севернее Берлина 2-я гвардейская танковая армия форсировала реку Хафель ниже по течению от Ораниенбурга и стала разворачиваться на юг. В тот день Гитлер провел свое последнее совещание. По его окончании В. Кейтель отправился в 12-ю армию, чтобы «лично проследить за ходом событий». А. Йодль уехал в северном направлении в Нойруппин, в тыл 3-й танковой армии со штабом ОКВ.

Во второй половине дня Гитлер приказал командиру LVI танкового корпуса генералу артиллерии Гельмуту Вейдлингу направить войска корпуса, которые Т. Буссе планировал использовать для обеспечения северного фланга 9-й армии, на оборону восточного и юго-восточного районов Берлина. Позже Гитлер назначил Г. Вейдлинга, которого всего день тому назад хотел расстрелять, комендантом обороны всего Берлина. Когда Г. Кребс сообщил ему об этом назначении, Г. Вейдлинг заявил, что лучше бы его расстреляли<sup>1</sup>.

После совещания Г. Хейнрици получил по телефону приказ «немедленно» остановить наступление войск Ф. Штейнера, оставить плацдарм в районе Эберсвальде и перенацелить штаб Ф. Штейнера и все его войска, какие только удастся собрать западнее Ораниенбурга, на нанесение флангового удара русским, форсирующим реку Хафель. В приказе также предусматривалось нанесение удара силами XXXXI танкового корпуса 12-й армии во фланг русским с запада. В начале дня войскам Ф. Штейнера удалось добиться некоторых успехов южнее Эберсвальде, но этого было далеко не достаточно для того, чтобы как-то повлиять на дальнейший ход событий.

К концу дня Гитлер своим приказом об отводе LVI танкового корпуса в Берлин сделал почти стопроцентной вероятностью того, что войска 9-й армии вскоре будут отрезаны и окружены. Когда к вечеру была восстановлена не работавшая целый день телефонная связь и Г. Хейнрици наконец удалось связаться с Т. Буссе, последний заявил, что намерен отдать войскам приказ бросить тяжелое вооружение, к которому все равно нет боеприпасов, и прорываться на запад. Потеряв поддержку из Берлина, северный участок фронта армии стал разваливаться. Буссе суммировал то положение, в котором оказался, одной фразой: «Меня слишком долго гнали вперед». В ответ Г. Хейнрици заметил: «Это было преступно». По окончании

---

<sup>1</sup> Агония фашистской клики в Берлине // Военно-исторический журнал. 1961. Октябрь—ноябрь.

разговора Г. Хейнрици позвонил В. Венку и заявил, что тот должен спасти «своего старого друга Буссе».

24 апреля русские систематически работали над созданием вокруг Берлина сплошного кольца огня и стали. Битва была проиграна. Необходимо было ее остановить, но один человек, преждевременно состарившийся и почти парализованный, погребенный под 6 метрами земли и бетона, где не было видно и слышно прокатившейся сверху волны разрушения, требовал от окружающих абсолютного повиновения. И ему подчинялись. Берлин не был Сталинградом. Фанатизмом и террором его можно было удерживать не более нескольких дней. На севере и востоке русские вышли к оборонительному кольцу, проходившему по маршруту внутренней городской железной дороги. В тот же день войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов соединились в районе Бонсдорфа и сомкнули кольцо окружения с юго-востока, полностью отрезав от города 9-ю армию. 4-я гвардейская танковая армия вышла к озерам в окрестностях Потсдама, а наступавшая с севера 2-я гвардейская танковая армия продвинулась до Науэна и южнее, почти до Шпандау. В Берлине LVI танковый корпус занял оборону в юго-восточной части города; остальные районы немецкой столицы обороняли части СС, фольксштурма и гитлерюгенда. Четыре хорошо укрепленных опорных пункта зенитных орудий стояли подобно выброшенным на мель бетонным линкорам, мощным, но почти беспомощным. Г. Вейдлинг обнаружил, что его предшественники пытались осуществлять руководство обороной города по обычной городской телефонной сети<sup>1</sup>.

Оставшись почти полностью без своего штаба, Гитлер тем не менее указал в своем приказе: «Командование будет осуществлять ОКВ в соответствии с моими директивами, которые я буду передавать через начальника Генерального штаба ОКХ, который находится со мной». Он отменил командные функции ОКХ. Теперь командование войсками на севере страны осуществлялось оперативным штабом ОКВ, а на юге — еще проще, непосредственно через командный центр «Б» и штабы групп армий. Войскам на юге страны Гитлер отдал вялый приказ создавать по мере возможности Альпийский редут. Однако его идеи по поводу того, как этого добиться, не выходили за рамки общих рассуждений, что данная крепость «будет представлять собой последний оплот самоотверженного сопротивления и должна быть соответственно подготовлена». Для самого фюрера война теперь ограничилась рамками Берлина. Он определил как главную задачу ОКВ организацию контрударов с северо-запада, юго-запада и юга с целью деблокаживания Берлина и «победоносного завершения битвы за столицу».

---

<sup>1</sup> Агония фашистской клики в Берлине // Военно-исторический журнал. 1961. Октябрь—ноябрь.

В лице В. Кейтеля и А. Йодля Гитлер имел идеальных помощников, занятых безнадежно проигранным делом. Ни одному из них ни разу даже не пришлось в голову обратиться к своему фюреру с вопросом: а зачем? До конца дня А. Йодль изменил направления контрударов для 9-й и 12-й армий: первая из них должна была атаковать в северо-западном, вторая — в северо-восточном направлении, на Берлин.

25 апреля передовые части советских войск соединились северо-западнее Потсдама. На Эльбе, в районе Торгау, произошла встреча солдат 1-й американской и 5-й гвардейской советской армий. В приказе К. Дёницу Гитлер назвал сражение в Берлине и в окрестностях города «битвой за судьбу Германии». При этом он заявил, что все остальные направления являются второстепенными. Он приказал адмиралу направить в Берлин воздухом резервы. Усиление войск на фронте в районах близ Берлина должно было осуществляться по суше и морем. Штаб ОКВ уже направил командующим войсками директиву, в которой предписывалось считать советско-германский фронт основным и «быть готовыми пойти на более значительные потери территорий на фронте против англо-американцев» с целью освобождения войск для борьбы с русскими.

Что касается реального участка фронта, на котором решалась судьба Германии, в тот день самые важные события происходили не в районе Берлина и не на Эльбе, а на Одере. Здесь 2-й Белорусский фронт, развивая прорыв, совершенный днем ранее с плацдарма южнее Штеттина, форсировал реку Рандов и болота за ней и вышел к Пренцлау.

### **Последний акт**

Через полчаса после полуночи в ночь с 25 апреля в штаб ОКВ в Нойруппине прибыла директива Гитлера, написанная им накануне вечером. В ней он требовал «скорейшего осуществления всех контрударов, направленных на деблокирование Берлина, которые должны были выполняться независимо от обстановки на флангах и на соседних участках». Несмотря на то что Гитлер, вероятно, сознавал, что в его распоряжении остается прискорбно мало времени, он упорно продолжал требовать ни больше ни меньше как восстановления сплошного устойчивого фронта на востоке. 12-я армия должна была нанести удар на северо-восток из района Бельцига на Фёрх, в район оконечности двух озер южнее Потсдама. Навстречу ей, в западном направлении, должна была наступать 9-я армия. Предполагалось, что, соединившись, обе армии начнут наступать на Берлин «широким фронтом». Одновременно 9-й армии предписывалось удерживать восточный фланг — для того чтобы соединиться с на-



ступавшей с юга группой армий «Центр». Группировка в составе 25-й моторизованной дивизии, 3-й дивизии ВМФ и 7-й танковой дивизии под командованием Ф. Штейнера должна была нанести удар на Берлин из района северо-западнее Ораниенбурга. Перед 3-й танковой армией ставилась задача «не допустить расширения плацдармов на Одере».

В ответ А. Йодль доложил, что все запланированные контрудары уже проводятся или войска вот-вот приступят к их осуществлению. Кроме того, он обратил внимание на угрозу, создавшуюся в результате прорыва войск 2-го Белорусского фронта восточнее Пренцлау и сосредоточения группировки 2-й британской армии в районе юго-восточнее Гамбурга, которое свидетельствовало о намерениях англичан нанести удар в направлении на Любек. Для того чтобы воспрепятствовать этому, Йодль предложил отвести немецкие войска с побережья западнее Эльбы.

26 апреля Г. Вейдлинг вспоминал как «день надежд»: Г. Креб несколько раз звонил ему на командный пункт на Бендлерштрассе, сообщая хорошие новости<sup>1</sup>.

В утреннем докладе офицера связи ВМФ К. Дёницу излагалось то же видение обстановки, как ее оценивали в ставке фюрера после получения доклада А. Йодля: 9-я и 12-я армии добились «впечатляющих успехов», войска Ф. Штейнера также «действовали успешно», а удар войск Ф. Шернера в районе Баутцена свидетельствовал о том, что «там, где наличествует воля, враг может быть разгромлен даже сегодня». В ответном послании А. Йодлю Гитлер демонстрирует воскресший оптимизм. Он настаивает на том, чтобы рубеж на Эльбе был удержан, а противник на плацдарме в районе Пренцлау был не просто остановлен — сам плацдарм должен быть ликвидирован. Гитлер не возражал против того, чтобы оставить районы на побережье к западу от Эльбы. Однако при этом не следовало оставлять порты Эмден, Вильгельмсхафен и Везермюнде (в составе города Бремерхафен. — *Ред.*). Кроме того, в руках немцев должен был остаться Канал кайзера Вильгельма (Кильский).

Вечером телефонная связь с Берлином была прервана. Теперь связь с осажденным городом сводилась к коротковолновым передачам из штаба ОКВ. В порыве самопожертвования А. Йодль и В. Кейтель намеревались отправиться в Берлин на самолете для участия в очередном совещании, однако взлетно-посадочная полоса в Тиргартене была окутана дымом. Кроме того, посадка самолета была невозможна из-за многочисленных воронок от снарядов и останков немецких самолетов. Последними, кому удалось попасть в немецкую столицу в тот вечер, были генерал-полковник Р. фон Грейм и Ханна

---

<sup>1</sup> Агония фашистской клики в Берлине // Военно-исторический журнал. 1961. Октябрь—ноябрь.

Рейч, женщина с демоническим ореолом, которая была очень смелым летчиком-испытателем. Гитлер повысил фон Грейма в звании до генерал-фельдмаршала и назначил его главнокомандующим ОКЛ<sup>1</sup>.

26 апреля в течение дня немецкое командование пыталось выполнить две несоразмерные и, судя по состоянию вооруженных сил страны, взаимно исключаящие задачи: Г. Хейнрици пытался удерживать то, что осталось от его фронта, и оказать помощь 9-й армии, а В. Кейтель и А. Йодль полностью сосредоточились на деблокировании Берлина. Г. Хейнрици хотел спасти то, что еще можно было спасти. В. Кейтель и А. Йодль пытались подогнать действительность под волю фюрера. Для них в этом не было ничего нового. Они уже имели возможность наблюдать за тем, как Гитлер точно так же жертвовал армиями, совершая одну за другой бессмысленные попытки изменить исход сражения в свою пользу под Сталинградом. Это было основным принципом фюрера и главной формулой его побед, единственным недостатком которой было то, что она не работала (не всегда работала. — *Ред.*).

В ночное время суток войска Ф. Штейнера предприняли попытку наступления, и им удалось создать небольшой плацдарм на реке Хафель к западу от Ораниенбурга. Однако с наступлением дня немцам пришлось остановиться. Вся группировка Ф. Штейнера состояла из 25-й моторизованной дивизии. 3-я дивизия ВМФ застряла на железной дороге между побережьем и Ораниенбургом. 7-я танковая дивизия, всего несколько дней назад переброшенная в Свинемюнде из Данцига морем, не имела транспорта для доставки к месту сосредоточения в район западнее Нойбранденбурга. Еще до полудня Г. Хейнрици предложил прекратить наступление войск Ф. Штейнера, которое не могло увенчаться успехом, а его дивизии использовать на участке прорыва восточнее Пренцлау. А. Йодль отказал<sup>2</sup>.

К вечеру 2-й Белорусский фронт проглотил последние резервы немецкой 3-й танковой армии. Теперь его войска снова начали продвигаться к Пренцлау. Х. Мантейфель стал перебрасывать войска с флангов для того, чтобы закрыть брешь, образовавшуюся в центре. Г. Хейнрици понял, что необходимо срочно принимать решение относительно группы Ф. Штейнера: ее наступление никак не могло повлиять на судьбу Берлина, и в то же время оно связывало единственную моторизованную дивизию в составе группы армий. Вопрос

---

<sup>1</sup> За два дня до этого Гитлер сместил Г. Геринга со всех его официальных постов (в том числе с поста главного охотника рейха, учрежденного М. Борманом) и отдал приказ об его аресте. До этого момента Г. Геринг считался официальным политическим наследником Гитлера. Введенный в заблуждение замечанием Гитлера о том, что он «предоставляет Герингу право вести дела», Геринг запросил фюрера о том, намерен ли он, приняв решение остаться в Берлине, сложить с себя все полномочия.

<sup>2</sup> *Йодль А.* Дневники. Запись от 26 апреля 1945 г.

заклучался в том, кто мог бы принять соответствующее решение? Своим прямым вмешательством А. Йодль и В. Кейтель практически вывели группу Ф. Штейнера из подчинения Г. Хейнрици.

12-я армия, на которую возлагались главные надежды при проведении операции по деблокированию Берлина, вряд ли могла сделать больше, чем пробиться к городу и позволить вывести оттуда гражданское население и гарнизон. После нескольких изменений в поставленных задачах армия должна была силами XXXXI танкового корпуса, который обеспечивал прикрытие рубежа на Эльбе и оборону Бранденбурга, оказать содействие наступающей группе Ф. Штейнера. Корпус должен был вклиниться между советскими и американскими войсками и наступать из района Бельцига на северо-восток. 26 апреля XX корпус, который должен был принять участие в операции по деблокированию Берлина, был брошен на оборону рубежа Бранденбург—Бельциг—Виттенберг.

9-я армия начала операцию прорыва ударом в западном направлении в сторону шоссе Барут—Цоссен. Ее численность быстро падала. (Первоначально окруженная группировка насчитывала около 200 тыс. человек, 2000 орудий, более 300 танков и штурмовых орудий. — *Ред.*) За день до этого все, что предназначалось для переброски по воздуху в распоряжение прорывавшихся войск, было отправлено в Берлин. После последнего разговора с Гитлером А. Йодль все еще твердо намеревался «ясно дать понять армии, что она должна резко повернуть [на север] для того, чтобы вместе с 12-й армией деблокировать Берлин»<sup>1</sup>.

А. Йодль и Г. Хейнрици вели ожесточенные споры по поводу того, куда должна поступать помощь, отправляемая по воздуху. Г. Хейнрици настаивал на том, что солдаты армии заслужили эту помощь, так как оказались в таком положении только благодаря решениям высшего командования. А. Йодль настаивал на том, что нельзя оставлять на произвол судьбы население Берлина и «главу государства», и всякое другое предложение должно рассматриваться как предательство. Что касается запланированного наступления Ф. Шернера навстречу южному флангу 9-й армии, то его войскам удалось пройти за шесть дней примерно 20 км. Далее они почти остановились (были остановлены в тяжелых боях войсками 1-го Украинского фронта. — *Ред.*), когда до намеченной цели оставалось еще более 60 км.

Вечером 26 апреля немецкая 3-я танковая армия отошла к реке Иккер и озерам южнее Пренцлау. Здесь армия имела последний шанс не допустить того, чтобы противник обогнал ее войска и вышел ей в тыл, но этот шанс был упущен. На следующее утро танки-

---

<sup>1</sup> Йодль А. Дневники. Запись от 26 апреля 1945 г.

сты К.К. Рокоссовского прорвали немецкую оборону за Пренцлау, и его пехота устремилась в образовавшуюся брешь. Во второй половине дня начальник штаба группы армий Г. Хейнрици прибыл в ставку К. Дёница в Плёне с докладом о том, что группа армий потерпела поражение и не смогла остановить русских. Теперь ее войска отступают на запад через Мекленбург.

Если Г. Хейнрици и ожидал, что К. Дёниц примет какое-то решение, то его ждало разочарование. За несколько часов до этого в штабе К. Дёница состоялось совещание, на котором недовольные друг другом К. Дёниц и Г. Гиммлер потребовали, чтобы впредь на таких совещаниях лично присутствовали В. Кейтель и А. Йодль, как это было принято при Гитлере. Было принято решение, что К. Дёниц не станет принимать на себя военное командование до тех пор, пока ОКВ в состоянии обеспечить выполнение распоряжений фюрера. В любом случае от К. Дёница не следовало ожидать слишком многого по военным вопросам. Совсем недавно он требовал любой ценой удерживать Штеттин и Свинемюнде, несмотря на угрозу полного окружения северного фланга 3-й танковой армии, мотивируя это необходимостью обеспечивать связь ВМФ с немецкой группировкой в Курляндии. Наверное, К. Дёницу следовало использовать всю свою власть на переговорах о капитуляции, но он был совсем неподходящей для этого фигурой: пусть и не так громогласно, как прочие, но он считал себя таким же паладином фюрера, как А. Йодль и В. Кейтель.

Начиная с 27 апреля приказы ОКВ поступили во все подчиненные группировки. Для того чтобы остановить прорыв русских в районе Пренцлау, планировалось бросить в бой управление 21-й армии (бывший штаб 4-й армии) под командованием К. фон Типпельскирха с двумя пехотными полками, ни одного из которых, правда, пока не было в наличии и прибытие которых предполагалось не ранее чем через сутки. Гитлер перестал доверять Ф. Штейнеру и распорядился, чтобы контрудар в районе Ораниенбурга возглавил командир XXXXI танкового корпуса. Однако штаб корпуса располагался слишком далеко для того, чтобы осуществлять эффективное управление войсками. Гитлер призывал, чтобы 9-я и 12-я армии выполнили свой долг и, объединив свои силы, нанесли удар на Берлин, обеспечив тем самым «решающий поворотный момент в войне».

В приказе войскам В. Кейтель добавил: «История и немецкий народ покроет презрением каждого, кто не делает всего возможного для того, чтобы спасти ситуацию и фюрера». В. Кейтель приказал Ф. Шернеру в случае потери связи с ОКВ продолжать атаковать в северном направлении из Баутцена навстречу 9-й и 12-й армиям.

К концу дня А. Йодль сделал заключение: «Противник явно прорвался через позиции 3-й танковой армии в районе Пренцлау». Он принял «очень тяжелое решение» прекратить наступление войск

Ф. Шернера, но он не мог даже в сложившейся обстановке полностью отказаться от этой идеи. В приказе Г. Хейнрици указывалось, что 25-я моторизованная и 7-я танковая дивизии могут быть использованы для нанесения контрудара во фланг русским с юго-запада. Предполагалось, что после этого дивизии снова будут нацелены на юг — на Берлин<sup>1</sup>.

За полтора часа до наступления полуночи в штаб группы армий позвонил Х. фон Мантейфель. Он доложил, что половина личного состава его дивизий и частей зенитной артиллерии вышли из боя. Примерно 100 тыс. человек пытались бежать на запад. Генерал добавил, что не видел ничего похожего даже в 1918 году: для того, чтобы остановить бегущих солдат, понадобятся сотни офицеров. Он добавил, что война окончена. Это ясно из поведения солдат. Некоторые офицеры еще попытаются держать фронт и будут убиты, но это ни на что уже не повлияет. Х. фон Мантейфель предложил А. Йодлю самому отправиться на передний край и убедиться в том, что говорить о деблокировании Берлина бессмысленно. Единственным выходом теперь является вступить в переговоры, желательно с западными союзниками, одновременно отводя войска как можно дальше на запад для того, чтобы сохранить остатки армии.

На следующее утро, 28 апреля, В. Кейтель выехал на фронт для того, чтобы попытаться своим присутствием повысить в войсках моральный дух при подготовке контрудара на фланге 3-й танковой армии. К своему удивлению и возмущению, в районе Цеденикка на реке Хафель он наткнулся на тыловую команду 5-й егерской дивизии, которая осматривала оборонительный рубеж на реке. Генерал-фельдмаршал был уверен, что фронт проходит на 30 км восточнее и что войска, выполняя его приказы, будут удерживать там оборону. Затем он узнал, что контрудара из района Темплина не последует. Прошедшим вечером генералы Г. Хейнрици и Х. Мантейфель пришли к выводу, что не сумеют вовремя сосредоточить в заданном районе части 7-й танковой и 25-й танково-гренадерской дивизии. Поэтому они приняли решение перебросить их севернее, в район восточнее Нойбранденбурга, для того, чтобы отразить фронтальный удар русских.

Во второй половине дня В. Кейтель встретился с Г. Хейнрици и Х. Мантейфелем. К тому времени А. Йодль уже успел связаться с Г. Хейнрици по телефону, обвинить его в предательстве и пригрозить «крайними мерами» в случае, если Г. Хейнрици не будет выполнять приказы в точности так, как они были отданы. Далее последовало то, что сам Г. Хейнрици позже назвал «бурной дискуссией» и «неприятным развитием событий»: В. Кейтель приказал войскам группы армий остановиться и перейти в контрнаступление юго-восточнее Нойштрелица.

---

<sup>1</sup> *Йодль А.* Дневники. Запись от 27 апреля 1945 г.

Приказ В. Кейтеля был отдан в условиях повсеместно разваливавшегося фронта. Г. Хейнрици потребовалось около трех часов на то, чтобы проделать путь примерно 30 км до своего штаба. Дороги были забиты беженцами и отступающими войсками. Нойбранденбург был полностью блокирован. А солдаты, по наблюдению Г. Хейнрици, «целыми колоннами отправлялись по домам».

После полуночи Г. Хейнрици позвонил В. Кейтелю и доложил, что на южном фланге 3-й танковой армии русские вышли к реке Хафель. В. Кейтель в ответ посетовал, что такое случается, когда кому-то приходит в голову мысль добровольно оставить занятые позиции. Г. Хейнрици заметил, что он лишен возможности руководить действиями даже подчиненных ему войск. На это В. Кейтель заявил, что такое решение было необходимо, так как приказы фюрера перестали выполняться. Он отстранил Г. Хейнрици от командования и назначил на его место Х. Мантейфеля как следующего по старшинству генерала<sup>1</sup>.

К концу дня обстановка в Берлине и вокруг него явно свидетельствовала о том, что конец был уже близко. В. Кейтель попытался вновь оживить фантастическую мысль о нанесении удара из района Ораниенбурга. Однако единственным, на кого теперь можно было рассчитывать при осуществлении операции по деблокированию Берлина, был В. Венк. Прорыв войск 9-й армии провалился. Танковый клин, продвигавшийся впереди, был отсечен противником; и теперь его судьба была неизвестна. Т. Буссе докладывал, что армия не в состоянии ни предпринять вторую организованную попытку прорыва, ни удержаться на занимаемых позициях. (Добивание 9-й армии, прорывавшейся на запад, продолжалось до 30 апреля включительно. К исходу этого дня была уничтожена последняя группа из 20 тыс. солдат, прорвавшаяся на запад до Белица. Всего при разгроме окруженной западнее Франкфурта группировки в 200 тыс. было убито свыше 60 тыс., взято в плен 120 тыс., захвачено свыше 300 танков и штурмовых орудий, свыше 1500 полевых орудий, 17 600 автомашин и др. — *Ред.*) С 26 апреля, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, проведенной в течение предыдущего дня и ночи, восемь советских армий начали наступление через линию городской железной дороги. До вечера 27 апреля русские отрезали войска Х. Реймана в Потсдаме, в результате чего оставшиеся защитники Берлина оказались загнаны в мешок длиной

---

<sup>1</sup> Причиной отстранения Г. Хейнрици послужили несколько событий. Некоторые утверждают, что сам Г. Хейнрици принял решение отступать на запад и сдаться там в плен американцам. Х. фон Мантейфель действительно предложил это ночью 27 апреля. Однако, как явствует из записей командования группой армий «Висла», в дальнейшем Г. Хейнрици действовал так, как требовала тактическая обстановка, а не в соответствии с предложенным Х. Мантейфелем планом. (Впрочем, результат все равно был бы одним и тем же.)

15 км с востока на запад и шириной от 2 до 5 км. На западе, по реке Хафель, казалось, сохранялся контакт с оборонявшейся группировкой, однако все переправы через реку были перекрыты русскими. На центральном участке советские армии конкурировали между собой за честь взятия рейхстага, который для русских являлся символом Третьего рейха, несмотря даже на то, что после 1933 г. это здание представляло собой не более чем обугленные руины. Сюда, к кварталам правительственных зданий, нацеливались их наступающие группировки.

Битва за Берлин была разыграна за пределами города, и то, что происходило в самой немецкой столице, вряд ли можно назвать как-то по-иному, чем состязание победителей за право зачистки территории. Проект превращения Берлина в крепость так никогда и не был осуществлен. Когда 24 апреля бригадфюрер СС (генерал-майор) Густав Крюкенберг прибыл в Берлин, чтобы принять командование дивизией СС «Нордланд», он заметил, что на мостах через Хафель в районе Шпандау были построены заграждения, но совсем не было войск. Оттуда он проехал в западном направлении через весь город и «нигде не обнаружил солдат или каких-либо фортификационных сооружений». В бункере фюрера Г. Кребс заявил ему, что он, Г. Крюкенберг, и 90 добровольцев из дивизии «Шарлемань» (французских эсэсовцев. — *Ред.*), которых он привез с собой, были единственными из всего бесчисленного количества солдат и офицеров, выполнивших приказ прибыть в город для его защиты. Затем Г. Крюкенберг обнаружил, что численность дивизии «Нордланд» равна примерно батальону. Через три дня, когда бригадфюрер возглавил оборону в центральном секторе Берлина, его командный пункт представлял собой простой вагон берлинской подземки без телефонной связи и освещения<sup>1</sup>.

Бои в городе продолжались так долго, поскольку огромный мегаполис, сильно выбомбленный и пусть любительски, но укрепленный, не может быть взят очень быстро, как бы неумело (? — *Ред.*) ни была организована его оборона, в особенности солдатами, создававшими, что война уже закончена, и надеявшимися снова увидеть свои дома. (Гарнизон Берлина, с учетом фольксштурма и отступивших сюда частей, насчитывал 300 тыс. бойцов, 250 танков, 3 тыс. орудий и минометов, сотни тысяч фаустпатронов (Архив МО. Ф. 233. Оп. 2317. Д. 90. Л. 68). — *Ред.*)

Берлин пал совсем не так, как воображал Гитлер, в стиле Вагнера, в огне славы. Он был удушен волной нервной усталости, разрушений и отчаяния (автор ошибается. И Сталинград, можно ска-

<sup>1</sup> Куби Э. Русские в Берлине. 1945 г. // Шпигель. 1965. 26 мая. С. 94—96.

зять, был подготовлен к обороне неважно. Но и в Сталинграде, и в Берлине немцы и русские сражались героически. Но мы немцев сломали — и на Волге, и здесь. Так что желаемая Гитлером «последняя битва богов» состоялась. — *Ред.*) Трупы, висевшие на улицах, были работой летучих судов военного трибунала в составе одного офицера, выносивших только смертные приговоры. Они ясно давали понять солдатам и гражданскому населению, чего те могли еще ожидать от своих правителей.

Но сами правители, которые пытались оттянуть окончательное решение своей судьбы, уже больше не могли внятно формулировать свои приказы, доставлять их подчиненным войскам и добиваться их выполнения. Можно было повесить отдельных людей, но целые подразделения спасались бегством (большинство, в том числе старики и подростки, бились до конца. — *Ред.*). Огнем реактивной и ствольной артиллерии русские, насколько им это удалось, попытались рассчитаться за Ленинград и Сталинград. Но в подвалах, куда в последние месяцы переместилась жизнь берлинского населения (начиная с 1 февраля и до 21 апреля город 83 раза подвергался ожесточенным бомбежкам), советские снаряды не могли причинить даже толики того ущерба, который нанесли немецкой столице бомбы союзников. И навряд ли советские снаряды могли нанести еще какой-либо существенный ущерб городским зданиям<sup>1</sup>.

Повсеместно происходили ужасные сцены. Однако самая известная из них, якобы намеренное затопление туннелей метро, заполненных ранеными и гражданскими лицами, скорее всего, была выдумана. Официальный представитель, отвечавший за откачку воды из туннелей в октябре 1945 г., заявил, что вода прибывала медленно и ни на одном из обнаруженных тел не было признаков утопления (интересно, какие признаки сохранились через 5 месяцев нахождения в воде? — *Ред.*). Очевидно, все они умерли от ран раньше<sup>2</sup>.

В попытке укрепить дух оборонявшихся берлинцев Й. Геббельс щедро приправлял новости рассказами беженцев о зверствах русских. В числе этих рассказов была драматическая история женщины, которая настаивала на том, что ее насиловали 24 часа подряд. То, что случалось в Восточной Пруссии, Померании и Силезии, конечно же случалось и в Берлине, но к тому времени русские отменили практику поощрения актов вседозволенности и личной мести. Свидетельством того, что этого, по крайней мере, пытались избежать, является назначение генерал-полковника Н.З. Берзарина комендантом Берлина 28 апреля.

С бытовой точки зрения бои в Берлине сказались лично на Гитлере не более чем во времена, когда линия фронта проходила дале-

---

<sup>1</sup> Куби Э. Русские в Берлине. 1945 г. // Шпигель. 1965. 5 мая. С. 84.

<sup>2</sup> Там же. 1965. 26 мая. С. 100.



ко в России. Бетонный бункер фюрера и ровный гул вентиляторов, приводившихся в движение дизельными двигателями, обеспечивал почти идеальную изоляцию от картин и звуков внешнего мира. И все же иногда снаряды разрывались в непосредственной близости от бункера, и тогда вентиляторы приносили с воздухом пыль и дым. Небольшие помещения бункера были переполнены, как никогда, в основном персоналом, который должен был ухаживать за фюрером и защищать его, а также обеспечивать связь вождя с внешним миром. Из представителей высшей нацистской иерархии внутри бункера оставались только Й. Геббельс и М. Борман, первый из личной преданности, а второй — намереваясь продвигать собственные интересы и нанести максимальный ущерб своим соперникам. Парад генералов практически прекратился. До 27 апреля Гитлер продолжал проводить регулярные совещания. Несмотря на попытки сохранить тон и манеры стратега, практические задачи фюрера свелись к принятию таких решений, как, например, назначение группы, которая должна была действовать в случае, если «русский танк по какому-то невероятному случаю сумеет откопать меня отсюда». Регулярно повторявшейся темой его несвязных речей теперь была правильность принятого решения остаться в Берлине. Это должно было стать объективным уроком для всех генералов, дававших приказы на отступление, а также средством достижения «моральной победы», которая должна будет убедить англичан и американцев в том, насколько он был бы им нужен в назревающем конфликте с русскими, в чем Гитлер был уверен.

Вечером 28 апреля Г. Вейдлинг представил фюреру план прорыва. Гитлер прочитал его с некоторым интересом, но затем заявил, что для него будет лучше оставаться там, где он есть, иначе ему просто придется ожидать своего конца «где-то под открытым небом или на ферме». Таким образом, Гитлер принял свое последнее военное решение. В полночь офицер связи со ставкой К. Дёница радировал: «Мы будем держаться до конца». В ту ночь на старом учебном самолете, который летчик люфтваффе умудрился каким-то образом посадить, а затем и поднять с берлинского аэродрома, из города вылетели Р. фон Грейм и Ханна Рейч (она и была этим летчиком. — *Ред.*). Р. Грейм получил приказ обеспечить авиационное прикрытие наступающим войскам В. Венка.

К вечеру до бункера дошли новости о попытках Г. Гимmlера через графа Ф. Бернадотта начать переговоры о перемирии. Рано утром М. Борман отправил в адрес К. Дёница радиogramму следующего содержания: «Зарубежная пресса сообщает о новом акте предательства. Фюрер ожидает, что вы на севере Германии будете действовать против предателей с быстротой молнии и суровостью металла. Ф. Шернер, В. Венк и все остальные без исключения должны доказать свою преданность скорейшим спасением фюрера».

С наступлением светлого времени суток 29 апреля XX корпус армии В. Венка перешел в наступление силами дивизий «Клаузевиц», «Шарнхорст» и «Теодор Кернер». Все эти так называемые «молодежные» дивизии были укомплектованы личным составом офицерских школ. Их мрачный порыв стал последним ярким свидетельством старого германского духа. Ко второй половине дня они прошли более 20 км и вышли к оконечности озера Швиловзе к юго-западу от Потсдама. Однако фланги наступающих немцев были открыты, а лесной массив Ленин (у одноименного населенного пункта. — *Ред.*) позади них был полон русскими, которые очень быстро оправались от вызванного неожиданным ударом первоначального шока. О том, чтобы продолжать наступление на Берлин, до которого оставалось всего 30 км, не могло быть и речи. После наступления темноты войска Потсдамского гарнизона установили контакт с наступающими и начали двигаться к ним на лодках по озерам. Позже ночью В. Кейтель разрешил В. Венку остановить наступление: «Если командующий 12-й армией, обладая полной информацией об обстановке на участке XX корпуса и несмотря на лежащую на нем высокую историческую и моральную ответственность, считает продолжение наступления на Берлин невозможным...»

Большую часть дня 29 апреля группа армий «Висла» оставалась, по сути, без эффективного командования. Г. Хейнрици отказывался отдавать приказы на отступление, что при сложившихся обстоятельствах означало отказ отдавать приказы вообще. К тому же в тот день Г. Хейнрици стало известно, что А. Йодль вмешивается во внутренние дела группы армий: он отдал команду в один из корпусов южного фланга немедленно доложить ему в случае получения из штаба группы армий приказа на отступление. Утром Х. фон Мантейфель отказался принять командование группой армий. В своем послании В. Кейтелю он заявил, что «очень просит в момент, когда и в подчиненной ему армии сложилось критическое положение, не обременять его обязанностями, которые действующий командующий, пользующийся полным доверием подчиненных, якобы не в состоянии выполнять». Еще до этого Х. Мантейфель и командующий 21-й армией (образована 30 апреля 1945 г. — *Ред.*) К. фон Типпельскирх, которому Ф. Штейнер передал свои обязанности на южном участке фронта, договорились, что они не позволят лишить Г. Хейнрици должности командующего группой армий.

Во второй половине дня, между 16.00 и 17.00, В. Кейтель и А. Йодль, которые знали, что и К. Типпельскирх откажется от бремени командования, отправились на командный пункт К. Типпельскирха и настояли на том, чтобы тот принял пост командующего группой армий до прибытия из Голландии генерал-полковника К. Штудента (которому в 1940 г. прострелили голову, — выжил и дожил до 1978 г., когда скончался в возрасте 88 лет. — *Ред.*). В. Кей-

тель «в очень настойчивой форме напомнил К. Типпельскирху о его долге». К. Типпельскирх, для которого, как и для большинства германских генералов, невозможно было даже представить себе мысль об отказе выполнить прямой приказ, тем не менее не был трусом. Он всегда выделялся самостоятельностью суждений, что особенно сказало во время событий 1944 г., в его бытность командующим 4-й армией, когда группа армий «Центр» оказалась на грани разгрома. (Была разгромлена и большей частью уничтожена или пленена. — *Ред.*) Очевидно, он отступился от Г. Хейнрици под влиянием аргумента А. Йодля, заявившего, что группа армий должна удерживать всю занимаемую ею на тот момент территорию не ради того, чтобы попытаться деблокировать Берлин, а для того, чтобы дать в руки политического руководства хоть что-то, позволяющее ему вести торговлю в переговорах с противником.

В тот день наступающие войска 2-го Белорусского фронта северным флангом прошли Анклам, в центре — миновали Нойбранденбург и Нойштрелиц и форсировали Хафель в районе Цеденик—Либенвальде на южном фланге наступления. Войскам командующего 21-й армейской группой фельдмаршала Б. Монтгомери удалось создать в тылу группы армий «Висла» плацдарм через Эльбу в районе Лауэнбурга выше по течению от Гамбурга. К. Дёниц, обеспокоенный угрозой прорыва из района Лауэнбурга на Гамбург и Любек, отдал приказ ввести в бой на Эльбе резервы, предназначенные для группы армий «Висла» и для 12-й армии. Вскоре после полудня воздушный шар, который использовался для обеспечения голосовой связи с Берлином, был сбит. Поскольку к тому времени штаб ОКВ находился уже практически на линии фронта, через несколько часов немцы приступили к его эвакуации из Нойруппина на север.

Для всех находившихся в бункере фюрера 29 апреля стало днем ожидания, в то время как снаружи повсюду царили ужас и разрушение. Прошлой ночью Гитлер женился на своей давней подруге Еве Браун, и теперь, в ранние утренние часы, написал свое личное и политическое завещание. В последнем он назвал своим преемником на посту рейхспрезидента и главы правительства адмирала К. Дёница. Таким образом, произошла официальная передача власти адмиралу. Пост канцлера передавался Й. Геббельсу, а министром партии был назначен М. Борман. Гитлер почти с точностью знал, сколько еще часов жизни оставалось в его распоряжении. Г. Вейдлинг доложил, что в ту ночь самолеты сбросили оборонявшим столицу войскам всего несколько тонн грузов. По его оценкам, эти грузы были последними. Это означало, что к ночи 30 апреля у защитников города должны были закончиться боеприпасы.

Незадолго до полуночи Гитлер отправил свое последнее послание. В пяти коротких вопросах он снова взывал к чуду:

Где находятся передовые части армии В. Венка?

Когда армия снова сможет атаковать?

Где находится 9-я армия?

На каком участке она намерена прорываться?

Где находятся войска Хольсте (XXXXI танковый корпус)?

Фюреру ответили, что чуда не произойдет. Сознывая свою ответственность перед историей, В. Кейтель брал ответственность за это на себя. Сухим казенным языком донесения он ставил окончательную точку в величайшей и самой разрушительной мировой войне всех времен.

По пункту 1. Войска В. Венка остановлены южнее озера Швилловзе. Советские войска атакуют крупными силами на восточном фланге.

По пункту 2. Как следствие, 12-я армия не в состоянии продолжить наступление на Берлин.

По пунктам 3 и 4. 9-я армия находится в окружении. Ее танковая группа прорвалась в западном направлении. Ее местонахождение неизвестно (уничтожена. — *Ред.*).

По пункту 5. Корпус Хольсте вынужден вести оборону на рубеже от Бранденбурга через Ратенов до Креммена.

Наступление на Берлин не удалось осуществить ни на одном участке, так как группа армий «Висла» также была вынуждена перейти к обороне на всем фронте от района севернее Ораниенбурга до Анклама через Нойбранденбург.

Между 15.00 и 15.30 30 апреля Гитлер и его супруга совершили самоубийство. Телохранители-эсэсовцы вынесли тела наружу и попытались их сжечь с помощью бензина. Когда бензин кончился и попытка не удалась, они похоронили останки в близлежащей воронке. Всего в полукилометре русские штурмовали рейхстаг. М. Борман направил К. Дёницу радиogramму, в которой уведомил его, что Гитлер назначил адмирала своим преемником, и поэтому тот уполномочен «немедленно принять все необходимые меры, которые диктует сложившаяся обстановка». В послании М. Борман опустил самую важную часть информации, а именно известие о том, что фюрер мертв. Этот козырь он не пожелал упустить из своих рук.

Как раз в тот момент, когда эсэсовцы хоронили тело Гитлера за грудой руин того, что раньше было рейхсканцелярией, В. Кейтель передал директиву в штаб группы армий «Б» ее командующему А. Винтеру. В первой фразе говорилось: «Попытка деблокировать Берлин провалилась». На севере, продолжал В. Кейтель, мы планировали, что 12-я армия с боем пробьется в северном направлении навстречу с войсками группы армий «Висла». Затем объединенные силы организуют рубеж обороны от устья Эльбы к Хафельбергу (на слиянии рек Хафель и Эльбы) и далее на север к Росток. На юге войскам была поставлена задача создать «большое кольцо». При этом особое внимание следовало обратить на восточное направ-

ление с целью «сохранить от большевиков как можно больше территорий». «Битва за политический выигрыш во времени должна продолжаться, — говорилось в заключении, — любые попытки военного или политического разложения должны безжалостно подавляться силой».

В распоряжении тех, кто оставался в бункере фюрера, оставалось три козыря, которые они намеревались использовать по собственному усмотрению: знание о смерти Гитлера, факт нахождения там правительства (вернее, его остатков), а также информация о двух самых мощных группировках в будущем правительстве. В 01.00 (3.00. — *Ред.*) 1 мая Г. Кребс доставил через линию фронта предназначенную исключительно для И.В. Сталина информацию о смерти Гитлера. Он попытался обсудить вопрос о перемирии, во время которого новое правительство могло бы начать функционировать в столице Германии. Генерала доставили на передовой командный пункт 8-й гвардейской армии, где он изложил свои предложения и сообщил о смерти Гитлера ее командующему генералу В.И. Чуйкову. Сообщение Кребса было доложено через Г.К. Жукова в Ставку. Ответ был краток: Берлинский гарнизон должен капитулировать<sup>1</sup>.

В 10.00, возможно, оттого, что немецкие руководители в бункере решили, что Г. Кребсу не удалось пробиться через линию фронта, М. Борман направил вторую радиограмму К. Дёницу. В такой же лаконичной форме, что и первое послание, в нем подтверждалось, что заявление, изложенное в первой радиограмме, остается в силе. Далее говорилось, что М. Борман намерен отправиться в Плён. Он просил до его прибытия не разглашать этот факт. В полдень Г. Кребс вернулся. Русские дали согласие на приезд К. Дёница и нового правительства Германии в Берлин. Однако они отказались обсуждать вопрос о перемирии, потребовав от немцев капитуляции. Й. Геббельс настаивал на том, что, согласно последней воле Гитлера, о капитуляции не могло быть и речи. Он снова повторил уже сделанное ранее заявление о том, что он решил разделить судьбу Гитлера.

Через сутки после смерти Гитлера, во второй половине дня, Й. Геббельс и М. Борман проинформировали К. Дёница об этом событии. Кроме того, они зачитали список важнейших назначений, сделанных фюрером в дополнение к тем, которые уже были сделаны ранее К. Дёнице<sup>2</sup>.

(Еще 29-го числа к К. Дёницу и Ф. Шернеру, который, согласно завещанию, наследовал от Гитлера пост главнокомандующего армией, из бункера были отправлены три курьера. Ни один из них не добрался до места назначения.)

---

<sup>1</sup> История Второй мировой войны. Т. 10. С. 342.

<sup>2</sup> ОКВ. Белая книга (папка 1892).

Й. Геббельс и его супруга, умертвив собственных детей, совершили самоубийство. М. Борман, очевидно, был убит (через много лет после появления слухов о его чудесном спасении факт смерти был установлен точно — по найденным останкам. — *Ред.*) при попытке прорваться на танках из Берлина для того, чтобы занять свой пост в правительстве К. Дёница. Г. Кребс и генерал-полковник Вильгельм Бургдорф заявили, что намерены покончить с собой; скорее того, они так и поступили.

Г. Вейдлинг намеревался организовать прорыв, но у него уже не оставалось для этого ни пространства для маневра, ни средств. В пять часов утра 2 мая он пересек линию фронта и сообщил о сдаче города<sup>1</sup>.

Но прошло еще два дня, прежде, чем бои в городе полностью заглохли. В Берлине капитулировало 135 тыс. немцев. Всего в ходе Берлинской операции 16 апреля — 8 мая было взято в плен около 480 тыс. немцев, убито не менее 250 тыс. (возможно, и больше — потери фольксштурма до конца неясны). 1-й и 2-й Белорусские и 1-й Украинский фронты потеряли 78 291 убитыми и пропавшими без вести (плюс 2825 поляков) и 274 184 ранеными (плюс 6067 поляков), 2126 танков, 629 самолетов. 1 мая К. Дёниц, когда ему еще не было известно о смерти Гитлера, публично заявил о «неизменной преданности фюреру» и о необходимости «довести войну до конца так, как этого требует героическая борьба немецкого народа». Но преданность К. Дёница была преданностью профессионала, в ней не было ничего сентиментального. На следующий день он пришел к выводу, что военное положение Германии безнадежно (которого прежде он под любыми предлогами избегал). В директивах того дня он провозгласил своей политикой продолжение войны против Советского Союза для того, чтобы спасти как можно больше немцев от русского плена.

На Западном фронте предполагалось продолжать вести боевые действия лишь в достаточной для достижения этой цели мере. Гросс-адмирал решил попытаться избежать безоговорочной капитуляции, заменив ее переговорами и перемирием «на уровне групп армий». В качестве первого шага для этого он назначил генерал-адмирала Ганса Георга фон Фридебурга главой делегации, уполномоченной вести переговоры с Монтгомери о сохранении за немецкой стороной Гамбурга. Кроме того, делегация должна была обсудить и «другие далеко идущие вопросы».

Конец группы армий «Висла» оказался более скорым и не таким страшным, как того ожидали немцы. 2 мая 21-й армии удалось вырваться с плацдарма на Эльбе и выйти к Балтийскому побережью в

---

<sup>1</sup> Агония фашистской клики в Берлине // Военно-исторический журнал. 1961. Октябрь—ноябрь.

районе Любека и Висмара. В тот момент части американской 9-й армии наступали в восточном направлении на Людвигслуст и Шверин (на Шверин наступала 2-я английская армия. — *Ред.*). В Шверине американские (английские. — *Ред.*) танкисты захватили в плен тыловые части группы армий «Висла». Генералу К. Штуденту, который только 1-го числа принял командование группой армий «Висла», едва удалось избежать плена, оторвавшись от американских (видимо, все же английских. — *Ред.*) танков. Войска 2-го Белорусского фронта вышли к Виттенберге, Пархиму и Бад-Доберану. Оказавшиеся между двух фронтов остатки немецких 3-й танковой и 21-й армии сумели проскользнуть через узкий коридор шириной 25—30 км из района Эльбы к побережью. В ту же ночь генералы Х. фон Мантейфель и К. фон Типпельскирх сдали остатки своих войск американцам. К тому времени А. Йодль уже подготовил приказ, разрешавший этот шаг, однако он так и не был передан и попал в архив с пометкой: «Невозможно довести до войск».

Вечером 1 мая XX корпус из состава 12-й армии начал откатываться от Потсдама в юго-западном направлении. Утром в него влилось еще примерно 30 тыс. солдат и офицеров 9-й армии (цифра преувеличена. Речь идет об отдельных группах, рассеявшихся по лесам в ходе добивания 30 апреля остатков 9-й армии. — *Ред.*), которые днем ранее установили с корпусом связь по радио. Немцы пытались обойти места крупных сосредоточений советских войск. Во второй половине дня 3 мая В. Венк направил генерала танковых войск барона Максимилиана фон Эдельсхейма на другой берег Эльбы в штаб американской 9-й армии для переговоров о сдаче. На следующее утро немцы получили разрешение самостоятельно переправиться на «американский» берег. Помощь со стороны американцев оказывалась только раненым. К исходу дня 7 мая большинство солдат В. Венка нашли убежище в американском тылу.

Группы армий «Центр» и «Курляндия», а также армия «Восточная Пруссия», этикие памятники стратегии Гитлера, оказались перед лицом куда более значительных проблем. Первым побуждением К. Дёница было отдать приказ группе армий «Центр» срочно отходить в западном направлении. Однако его отговорил от этого В. Кейтель, сделавший неверный вывод о том, что если группа армий оставит укрепленные оборонительные рубежи, то ей не удастся удерживать перед русскими устойчивый фронт. В группу армий «Курляндия» и в армии в Восточной Пруссии Дёниц направил обращение, где заявлял, что намерен обратиться к человеколюбию американцев и англичан с тем, чтобы те «при определенных обстоятельствах обеспечили поддержку» эвакуации, которая «в течение уже первых десяти дней» вернет Германии 50 тыс. солдат и офицеров из Курляндии и примерно в два раза больше людей из Восточной Пруссии.<sup>1</sup> (На самом деле море контролировалось со-

ветской авиацией и Балтфлотом. — *Ред.*) 4 мая, получив от Г. фон Фридебурга подтверждение готовности Монтгомери принять сдачу германских войск одновременно в Голландии, Дании и на севере Германии, К. Дёниц поручил ему войти в контакт с Д. Эйзенхауэром с целью провести переговоры о частичной капитуляции. Прежде всего Г. Фридебург должен был объяснить американцам позицию К. Дёница относительно невозможности полной капитуляции немцев на всех фронтах. 6 мая Г. фон Фридебург доложил гросс-адмиралу, что Д. Эйзенхауэр настаивает на немедленной и одновременной безоговорочной капитуляции.

Во второй половине дня 6 мая в штаб Объединенных экспедиционных войск союзников в Реймсе прибыл А. Йодль. К. Дёниц поручил ему снова попытаться «полно и открыто» изложить перед Д. Эйзенхауэром причины невозможности полной капитуляции. В случае неудачи А. Йодль должен был попытаться добиться согласия на поэтапную капитуляцию. При этом он должен был оговорить максимально возможный временной интервал между прекращением боевых действий и сдачей оружия и остановкой перемещений войск.

Через четверть часа после наступления полуночи К. Дёниц получил от А. Йодля радиограмму, в которой тот подтвердил, что Д. Эйзенхауэр настаивает на полной капитуляции, которая должна быть подписана в тот же день и вступить в силу в полночь 8 мая. В противном случае союзники намерены закрыть перед немцами все фронты и не допустить сдачи группами или поодиночке для немецких военнослужащих, прибывающих с востока. А. Йодль добавил: «Я не вижу другого выхода, кроме как подписать документ».

К. Дёниц пришел к заключению, что А. Йодль, который перед отъездом в штаб союзников громче всех выступал против полной капитуляции, убедился в том, что ему не удастся добиться лучших условий. Поэтому он уполномочил А. Йодля подписать документ, и в 12.45 новый министр иностранных дел Германии граф Л. Шверин фон Кросиг объявил о капитуляции Германии по радио. В 01.30 К. Дёниц отдал приказ Ф. Шернеру, Л. Рендуличу и А. Леру отвести свои войска как можно скорее на запад; при этом при необходимости они «должны были с боем проложить себе путь через позиции русских». Все боевые действия против союзников надлежало немедленно прекратить. В 01.41 А. Йодль поставил свою подпись на Акте военной капитуляции. 8 мая в 23.01 по центральноевропейскому времени все немецкие части должны были прекратить активные боевые действия, «оставаясь на занятых на этот момент позициях». Официальная ратификация этого документа состоялась в Берлине через полчаса после полуночи 8 мая. (Официально считается, что в



Реймсе был подписан предварительный протокол о безоговорочной капитуляции. Генеральный же акт о безоговорочной капитуляции по настоянию советского правительства был подписан в поверженном русском оружием Берлине — в его предместье Карлсборге. Его подписали: от СССР — маршал Г.К. Жуков, от Великобритании — главный маршал авиации А. Теддер, от США — генерал К. Спаатс, от Франции — генерал де Латр де Тассиньи, от Германии — генерал-фельдмаршал Кейтель, адмирал Фридебург и генерал-полковник Штумпф. — *Ред.*)

Подписав акт о сдаче, К. Дёниц и командование ОКВ не были уверены в том, что его условия будут приняты и на востоке. Несомненно, такая неуверенность частично была вызвана желанием добиться того, чтобы условия сдачи русским позволяли им максимально избежать репрессивных мер со стороны противника. А. Йодль заранее заручился обещанием начальника штаба Д. Эйзенхауэра генерал-лейтенанта Вальтера Б. Смита о том, что командование ОКВ не станет нести ответственность, если «отдельные солдаты или подразделения» не выполнят приказ и откажутся сдаваться русским.

Наибольшую озабоченность вызывала группа армий «Центр», до сих пор являвшаяся крупнейшей группировкой немецких войск на Восточном фронте. Ей пришлось бы преодолеть слишком большое расстояние до фронта западных союзников, если такие шансы вообще существовали. Кроме того, никто не знал, какотреагирует Ф. Шернер на приказ о сдаче. 2 мая Ф. Шернер доложил, что продолжает полностью контролировать подчиненные войска. Кроме того, он начал накапливать боеприпасы и горючее. В последнем поступившем от Ф. Шернера донесении говорилось, что его группа армий попытается до вступления в силу капитуляции прорваться через рубеж на Эльбе и Влтаве. 8 мая в штаб Ф. Шернера прибыл полковник из штаба ОКВ в сопровождении американских офицеров. Полковник доложил, что Ф. Шернер отдал приказ соблюдать условия сдачи. В то же время он сам заявляет, что не в состоянии обеспечить их безусловное повсеместное соблюдение. Полковник, в свою очередь, заверил Ф. Шернера, что «об этих трудностях будет доложено американскому командованию и руководству ОКВ». В штабе ОКВ не должны беспокоиться, что Ф. Шернер ввяжется в безнадежную битву с русскими, если не будет уверен, что сумеет вывести подчиненные ему войска. 8 мая генерал бросил своих солдат и в гражданской одежде на легком самолете вылетел с территории Чехословакии. Спустя 10 дней он был арестован на территории Австрии солдатами немецкой 1-й танковой армии и передан американцам. (Здесь следует вспомнить Пражскую операцию советских войск 6—11 мая. В ходе операции была ликвидирована группировка группы армий «Центр». До 40 тыс. немцев было убито, около 860 тыс. взято в плен. Советские войска потеряли 11 265 человек убитыми и пропавшими без вести (плюс 300 поляков,

320 румын и 112 чехов) и 38 083 ранеными (плюс 587 поляков, 1410 румын и 421 чех. — *Ред.*)

По расчетам ОКВ, на момент объявления капитуляции общая численность немецких войск на Восточном фронте (включая сухопутные войска, силы ВМФ, войск СС и люфтваффе) составляла:

Командование	Численность
Юго-Восточный театр	180 000
Группа армий «Остмарк» (ранее — «Юг»)	430 000
Группа армий «Центр»	600 000
Группировка в Восточной Пруссии	100 000
Группа армий «Курляндия»	200 000
Итого:	1 510 000

Только группе армий «Остмарк» удалось спасти большую часть своих солдат от советского или югославского плена. Примерно для одного миллиона с четвертью немецких военнослужащих (1284 тыс. — *Ред.*), попавших в плен на Восточном фронте после капитуляции, дорога домой стала очень долгой (всего в советском плену оказалось 3777,3 тыс., по другим данным, 3576,3 тыс. — *Ред.*).

## **Глава 22**

### **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

Самой отличительной чертой германо-советского конфликта во время Второй мировой войны являются его огромные масштабы. На этом фронте непрерывные бои шли в течение 3 лет 10 месяцев и 16 дней. С осени 1941 до осени 1943 г. протяженность советско-германского фронта никогда не была менее чем 3800 км, а в конце 1942 г. она достигала почти 5 тыс. км. Боями была охвачена территория Восточной и Центральной Европы от Волги до Эльбы, от Кавказа до Альп. Немецкие армии прошли по территории Советского Союза почти 2 тыс. км. В ответ советские войска преодолели на пути к Берлину почти 2,5 тыс. км. Общая численность постоянно участвовавших в боевых действиях военнослужащих составляла от 8 до 9 млн человек. Потери были колоссальными. Вермахт потерял убитыми в боях от 3 до 3,5 млн человек (по современному данным, Германия на советско-германском фронте потеряла 3604,8 тыс. убитыми и умершими от ран. Умерло в плену 442,1 тыс. (из 3576,3 тыс.). Итого демографические потери составили 4270,7 тыс. Кроме того, на Восточном фронте погибло и пропало без вести 668 163 солдата и офицера стран-союзников Германии (Венгрия — 295 300, Италия — 43 910, Румы-

ния — 245 388 (до объявления войны Германии), Финляндия — 82 000, Словакия — 1565), умерло в плену 137 753, демографические потери составили 806 тысяч. Итого  $4270,7 + 806,0 = 5076,7$  тыс. (Россия и СССР в войнах XX в. Потери вооруженных сил / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001). Военные потери советской стороны составили более чем 12 млн солдат и офицеров, около 47% военнослужащих всех армий, погибших во Второй мировой войне<sup>1</sup>. (Убито в боях и умерло от ран на этапах санэвакуации 5 226 800 чел., 1 102 800 умерло от ран в госпиталях, 555 500 — от болезней и в результате происшествий. 4 559 000 пропало без вести (военнопленные), из них 939 700 призвано в армию снова; из плена позже вернулись 1 836 000 чел. Общие демографические потери Вооруженных сил СССР — 8 668 400 чел. Россия и СССР в войнах XX в. Потери вооруженных сил / Под ред. Кривошеева. 2001.)

В результате войны и оккупации Советский Союз потерял около 7 млн гражданских лиц. (Из 73 млн человек на временно оккупированных территориях преднамеренно истреблено 7 420 135 человек, умерло также 2 164 313 человек из 5 269 513 вывезенных на работы в Германию, еще 4 100 000 умерло от преднамеренно жестоких условий оккупации (голод, инфекции, отсутствие медпомощи). Итого 13 млн 684,5 тыс. (Всероссийская книга памяти, 1995. С. 406—407.). — *Ред.*) Для немцев эта цифра составила 1,5 млн. С учетом военных и гражданских потерь Финляндии, стран Прибалтики, Восточной и Юго-Восточной Европы, к этим цифрам добавились еще миллионы.

Великая битва привела к полной дестабилизации традиционно сложившегося в Европе баланса сил. Новая линия разграничения приобрела все признаки линии фронта. Война привела к усилению советского (коммунистического. — *Ред.*) режима в России и позволила ему навязать коммунистическую систему своим соседям, за исключением Финляндии. Германия была частично оккупирована советскими войсками. Победа сделала Советский Союз второй по значению мировой державой.

Победа Советского Союза была победой людских ресурсов и промышленности, которые советский режим эксплуатировал с абсолют-

---

<sup>1</sup> В Бюллетене информационной службы ФРГ (1953. Т. 1. № 7. 25 июня) приводится общая цифра советских военных потерь 13,6 млн человек, в том числе 1,75 млн ставших калеками (на самом деле 2,576 млн. — *Ред.*). Однако исходя из чрезвычайно высоких потерь советской стороны в кампаниях 1941 и 1942 гг., менее эффективной медицинской службы в Советской армии, а также общей тактики советских войск, где было не принято дорожить человеческими жизнями, можно сделать вывод о том, что на самом деле потери русских могли быть значительно более высокими. В то же время немцы, несмотря на то что они зачастую также жертвовали большими массами солдат, следуя своей доктрине, более бережно относились к своим военнослужащим.

ной безжалостностью. Немецкая сторона могла бы в ответ выбрать два способа ведения войны: после провала попытки блицкрига немцы могли бы попытаться привести войну к патовой ситуации, как это было в Первой мировой войне. Другим способом было вести бескомпромиссную борьбу, не останавливаясь перед крайними мерами для достижения своих целей. Немцы предпочли пойти на огромные человеческие жертвы и материальные затраты. В то же время Германия не могла заплатить за победу более высокую цену, чем это сделал Советский Союз. Это гарантировало советскому руководству ряд практически непрерывных военных побед, без которых оно не могло бы заставить свой народ пойти на такие тяжелые жертвы. Избранный противником путь (расчистка «жизненного пространства» для немцев. — *Ред.*) не давал советским людям другой альтернативы, кроме выбора собственной тирании вместо чужеземной.

Самой большой ошибкой со стороны немцев было то, что они не могли предположить, что встретят со стороны советских людей подлинный героизм, самопожертвование и самоотверженный труд. Советская административная система доказала свою способность мобилизовывать человеческие ресурсы, промышленность и сельское хозяйство на военные нужды даже в условиях жесточайшего пресса первых месяцев войны, когда было потеряно почти две трети промышленных и половина сельскохозяйственных мощностей. Главным достижением были эвакуация и ввод в эксплуатацию имевшихся промышленных предприятий, строительство новых заводов и фабрик, освоение новых сельскохозяйственных площадей. Кроме того, далеко не последним фактором стал беспрецедентный, не имевший аналогов перевод экономики на военные рельсы. В самом деле, абсолютные показатели роста советской экономики были не так важны, как массовое сосредоточение предприятий на выпуске средств ведения войны, таких как стрелковое оружие, артиллерия, боеприпасы, танки, истребители и штурмовики.

Советский Союз, по сравнению с другими участниками военных действий, имел еще одно преимущество. Он вел боевые действия на одном фронте. За исключением Дальнего Востока, где угроза была не столь значительной (а также турецкой границы. — *Ред.*), русским не нужно было отвлекать средства на другие театры. Они вели практически исключительно наземную войну. Война шла на собственной или на смежных территориях, поэтому русским не нужно было думать о создании путей тылового снабжения большой протяженности, особенно по воде, или строительстве удаленных тыловых баз. Советские войска и население требовали меньших усилий экономики по сравнению с остальными участниками боевых действий. Кроме того, Советский Союз получил в основном от США помощь по ленд-лизу на сумму 10,2 млрд долларов. Несмотря на заверения русских о том, что они вели войну оружием собственного производства,

тем, что они смогли его произвести, они также в немалой степени обязаны поддержке, полученной в рамках поставок по ленд-лизу. В период с 22 июня 1941 г. по 20 сентября 1945 г. Советский Союз получил среди прочих поставок 409 526 джипов и грузовиков (477 785. — *Ред.*), 13 315 танков, 702 САУ и 6602 БТР, 325 784 тонны взрывчатых веществ, 13 041 паровозов и железнодорожных вагонов и 1 798 609 тонн продовольствия.

Советскому количественному превосходству в живой силе и технике Германия могла противопоставить общее качественное превосходство, особенно более высокий уровень подготовки командных кадров. Однако такое соотношение не было постоянным и постепенно смещалось в пользу советской стороны. По мере продолжения боевых действий качественное превосходство становилось все менее ощутимым и, наконец, совсем потеряло значение. В свою очередь, количественное превосходство русских становилось все более явным.

Превосходства немцев оказалось недостаточно для того, чтобы добиться победы в 1941 или 1942 гг., а к концу 1942 г. количественный фактор стал решающим. Немцам пришлось принять навязанные им условия, несмотря на то что они шли в прямое противоречие с провозглашенными Германией принципами ведения войны. Немецкое Верховное командование не предприняло попытки вновь сформулировать стратегические цели на основе превосходства своих офицерских кадров и тактики. (Гражданская война 1917—1922 гг. и последующая ликвидация русского офицерства в 1920-х гг. привели к тому, что офицерский корпус Красной армии к началу войны в массе резко уступал германскому. Репрессии же 1937—1940 гг. (более 12 тыс. расстреляно) коснулись в основном «красных командиров», а не русских офицеров, которых осталось мало.) Возможно, новая стратегия позволила бы немцам свести войну вничью. По ходу войны немецкая сторона все еще сохраняла преимущество в подготовке командных кадров среднего и низшего звена, где оно было значительным, но не решающим. Одновременно высшее командование перешло в руки генералов, которые просто пытались заменить качество количеством. К тому моменту у русских выдвинулись такие командиры, как Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, А.М. Василевский, И.С. Конев и многие другие. Кроме того, были созданы эффективные объединения войск, как, например, танковые армии, которые хотя и уступали немецким аналогам начального периода войны, но позволяли так же эффективно добиваться поставленных целей. Эти достижения, а также количественное превосходство более чем компенсировали прочие сохранявшиеся недостатки советских вооруженных сил.

При любой оценке заката Германии и ее поражения нельзя не учитывать и роли Гитлера, методов его руководства и той ответ-

ственности, которую он несет за постигшую его страну катастрофу. Будучи единоличным национальным лидером, он является выдающейся фигурой Второй мировой войны. Тенденция к слиянию военного и политического руководства во время войны не является чем-то новым. Необычным было то, что мнение народа склонялось к тому, чтобы доверить право принятия военных решений не военным, а политическим руководителям. Ф. Рузвельт старался не вмешиваться в ведение военных операций. У. Черчилль по мере своих возможностей пытался влиять на события на фронте и, возможно, хотел бы усиления такого влияния, если бы над ним не довели мнение британского штаба и объединенного штаба союзников, а также пример американского коллеги. И.В. Сталин оставил свой след в советской стратегии, однако после болезненных уроков, полученных в начале войны, решил удовлетвориться чисто символической ролью военного вождя. (Сталин, как и во всем остальном, быстро учился и играл решающую роль в принятии Ставкой планов и решений (внимательно выслушав информацию подчиненных военачальников). — *Ред.*) В то же время Гитлер с самого начала и до конца войны принимал решения по всем стратегическим вопросам, а после декабря 1941 г. принял на себя непосредственное командование сухопутными войсками Германии.

Гитлер несет основную ответственность за ошибки немецкой стороны, точно так же, как ему принадлежит значительная роль в достижении первоначальных военных успехов немцев. Несомненно, его вина гораздо очевиднее, чем его заслуги. Как личность, осуществлявшая руководство немецкой армией на самом высоком уровне, он несет ответственность за поражение своей страны. Если рассмотреть проблему еще глубже, Гитлера следует обвинить и в самых главных причинах поражения: попытке достичь неограниченных целей ограниченными средствами, а также создании политического режима, враждебного большинству стран мира.

Но Гитлер не был дилетантом, который по воле случая сумел подняться на самый верх пирамиды управления, откуда он саботировал деятельность профессионалов в военной области. Его манера ведения войны подчинялась убийственной логике, которая даже в самые страшные дни позволяла ему найти среди немецкого генералитета, по крайней мере, столько же преданных сторонников, сколько и противников. Фюрер пользовался доверием народа и сам, больше чем кто-либо еще, олицетворял собой волю нации. Он дал немцам тот тип руководителя, которого они хотели. Но ему оказалось не по силам добиться тех результатов, достичь которых он обещал. Некоторые поняли это раньше, другие позже, но все равно было уже слишком поздно.

С точки зрения статистики, а именно по количеству задействованных войск, ширине фронта, пройденным войсками расстояниям

и числу крупных сражений Восточный фронт являлся главным в войне против Германии. Основываясь на таких статистических данных и игнорируя то, что фактор расстояния и площади в Советском Союзе значил меньше, чем в Европе, русские стали заявлять о своем решающем вкладе в победу над Германией (совершенно естественно! — *Ред.*).

Для того чтобы определить действительный вклад советской стороны в общую победу, необходимо рассматривать этот театр с точки зрения стратегической перспективы. При этом сразу же можно определить четыре основные характеристики для Восточного фронта: военные действия на Востоке велись практически только на суше и на одном театре; Советский Союз не сделал ничего (не так много. — *Ред.*) для развертывания стратегического воздушного наступления на Германию; вклад советской стороны в войну на море был незначительным настолько, что до 1945 (1944 г. — *Ред.*) г. Балтийское море оставалось «немецким озером» и базой для подготовки кадров германского военного флота. Наконец, Советский Союз был избавлен от угрозы открытия второго фронта на Дальнем Востоке.

Кроме того, требует тщательного рассмотрения вопрос о том, как именно Германия была разгромлена на суше. Сталинград и кампания в Северной Африке продемонстрировали, что как западные союзники, так и Советский Союз достигли способности концентрировать на решающих направлениях превосходящие силы. (Масштабы этих операций несравнимы. — *Ред.*) После операции «Цитадель» Советский Союз окончательно захватил стратегическую инициативу на Восточном фронте. На Западе союзники также продемонстрировали владение стратегической инициативой, высадившись на Сицилии. После этого угроза немецкой стороне с востока и с запада стала практически одинаковой. Фактически угроза с запада расценивалась немцами как более значительная, так как отсюда было гораздо ближе до основных жизненных центров Германии. Вплоть до высадки союзных войск в Нормандии, несмотря на то что их войска были заняты боями лишь на второстепенном направлении в Италии, а все крупные сражения происходили на Восточном фронте, баланс стратегических достижений западных союзников и Советского Союза был почти одинаковым (? — *Ред.*). Силы немцев были поделены между Востоком и Западом практически поровну. (На Восточном фронте даже на 1 июня 1944 г. находилось 163,5 дивизии немцев (не считая румын, венгров и др.) против 54 дивизий на Западе и 27,5 дивизий в Италии; еще 12 были в Норвегии, 3 в Дании и 25 на Балканах. (*Мюллер—Гильдебранд. Сухопутная армия Германии. Т. III. С. 197.*) — *Ред.*)

До поздней весны 1944 г. как Советский Союз, так и союзники осуществляли подготовку к нанесению сокрушающих ударов. При этом они находились в разных положениях. Для союзников война приобрела глобальный характер, и им приходилось уделять значи-

тельные усилия действиям авиации и флота и вопросам тылового обеспечения. Перед ними стояла проблема осуществления гигантской по масштабам десантной операции, в которой западные союзники оказались в положении охотника с одним патроном и задачей победить или умереть. (Это преувеличение. При чудовищном численном превосходстве, подавляющей мощи авиации и артиллерии кораблей союзников именно немцы оказались в положении такого охотника, бились насмерть, но удержать «зверя» на плацдарме в Нормандии не смогли. — *Ред.*) Операция не оставила западным союзникам возможности ведения подготовительных боев; в то же время им не приходилось воевать по простому принципу «победа или смерть», которого все еще в значительной мере придерживалась советская сторона. Задачей русских было отвоевывать территории, которые все еще удерживали немцы (огромные территории, требовавшие миллионы жертв. — *Ред.*), и выйти на расстояние нанесения удара непосредственно по рейху. Советские войска освободили территорию Украины и Северной России и были развернуты по центру оси Варшава—Берлин. Они неуклонно шли к своей цели и заплатили за нее тяжелую цену кровью и материальными потерями. Со своей стороны западные союзники внесли в победу не столь впечатляющий на первый взгляд вклад. Но с технической и экономической точки зрения им пришлось провести грандиозные подготовительные мероприятия, а их операции против Германии в воздухе и на море достигли апогея. Высадка (в Нормандии и на юге Франции) прошла успешно. К концу лета союзные армии достигли границ Германии. В то же время советские войска вышли на Вислу и на границу с Восточной Пруссией. В декабре по приказу Гитлера было осуществлено последнее стратегическое наступление на западе. К тому моменту русские прорвались к Одеру. С середины февраля до середины апреля 1945 г. советские армии оставались на Одере, а западные союзники прошли две трети территории Германии к Эльбе. Теперь война поддерживалась лишь страхом, ненавистью и волей одного человека.

Советский вклад в победу в Европе был значительным, но не настолько уж подавляющим по сравнению с союзниками. Несмотря на послевоенные заявления советской стороны, война ни в коей мере не продемонстрировала превосходство теории Маркса. С самого начала германо-советский конфликт был лицемерно провозглашен в Германии как начало крестового похода против большевизма. Однако советская сторона решила не подвергать популярность своей системы прямому испытанию и предпочла назвать эту войну борьбой за выживание народа. Советский народ предпочел выбрать своих собственных диктаторов. Возможно, это было самым важным с точки зрения длительной перспективы решением, принятым во время Второй мировой войны. Впрочем, возможность выбора была



очень узкой. Немцы смогли предложить советским людям лишь набор иллюзорных приманок, и такое положение оставалось до тех пор, пока не померк последний слабый отблеск возможных перемен. Война явилась войной идеологий лишь в той мере, в которой советский режим сумел продемонстрировать свои величайшие возможности адаптации, слившись с русским национализмом (скорее патриотизмом. — *Ред.*).

Точно так же советская стратегия в годы войны не являлась убедительным признаком идеологического превосходства. Она была осторожной, методичной и явно политизированной. Ее основной отличительной чертой было то, что она была даже чересчур политизирована. Вне всякого сомнения, значительные потери советской армии в личном составе и технике были вызваны необходимостью отдать дань идеологии, помимо решения задачи по разгрому врага. Советское командование планировало свои операции таким образом, будто любое территориальное приобретение логически вытекало бы из требований достижения военной победы. Это стремление зашло так далеко, что в конце войны была сфальсифицирована якобы имевшая место битва за Чехословакию. (Эта «мнимая битва» стоила жизни 11 265 советским воинам и 732 их союзникам — столько Красная армия потеряла в августе 1945 г. в ходе разгрома миллионной японской армии в Маньчжурии, на Южном Сахалине и Курильских полуостровах. — *Ред.*) Точно так же произошло и с мнимым наступлением в Болгарии, которое состоялось уже после того, как страна капитулировала (не совсем так. Просто болгарская армия не оказала сопротивления. — *Ред.*). Советская стратегия была стратегией жадного захвата территорий по сравнению с немецкой стратегией все сметающей на своем пути агрессии. Она была закомплексованной, оборонительной с точки зрения психологии и безжалостной с точки зрения морали.

И все же разгром Германии явился выдающейся победой марксизма в том смысле, что он привел к прорыву карантина в Европе, в результате чего целое поколение приняло коммунизм в качестве господствующей системы в границах Советского Союза. Это изменило характер войны на ее последнем этапе и сделало невозможным достижение настоящего мира. В послевоенный период временами казалось, что любая альтернатива была бы предпочтительней. И все же вряд ли кто-либо хоть на минуту пожелал, чтобы Гитлер совершил хотя бы частично то чудо, о котором он так мечтал.

---

---

## **УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ**

XXXXX — группа армий

XXXX — армия

XXX — корпус

Арм. гр. — армейская группа.

ГА — гвардейская армия

Гор. А — горная армия

Гор. СА — горнострелковая армия

Гр. А — группа армий

Д — дивизия

К — корпус

СК — стрелковый корпус

ТА — танковая армия

ТД — танковая дивизия

ТК — танковый корпус

УА — ударная армия

Ю-З — юго-западный

Ю-В — юго-восточный

---

---

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1. ВТОРЖЕНИЕ</i> .....	5
Германское командование .....	7
План «Барбаросса» .....	14
Гитлер принимает на себя командование .....	18
Операция «Блау» .....	21
<i>Глава 2. ОТСТУПЛЕНИЕ</i> .....	30
Советское командование .....	31
1942 год. Отступление и новое наступление .....	43
<i>Глава 3. СТАЛИНГРАД. ОКРУЖЕНИЕ</i> .....	48
Наступление на Сталинград .....	49
Осада .....	53
Планы немецкой стороны .....	57
Планы советской стороны .....	60
Окружение 6-й армии .....	64
«Зимняя гроза» .....	74
<i>Глава 4. СТАЛИНГРАД. ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ</i>	
6-я армия в кольце .....	79
Разгром 6-й армии .....	91
<i>Глава 5. ПОВОРОТ НАЗАД</i>	
Бои за выживание .....	97
Немецкие танковые армии атакуют .....	111
<i>Глава 6. ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» И «СЕВЕР»</i>	
В конце лета 1942 г. ....	115
Партизанская война .....	121
Одновременно с наступлением под Сталинградом .....	124
Спокойный участок фронта .....	127
В обороне .....	128
<i>Глава 7. ОПЕРАЦИЯ «ЦИТАДЕЛЬ»</i>	
Затишье перед бурей .....	136
Ограниченное наступление .....	144
«Цитадель» .....	155

<b>Глава 8. ПЕРВОЕ СОВЕТСКОЕ ЛЕТНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ</b>	
Соотношение сил и тактика .....	166
Четвертая битва за Харьков .....	175
Фронт в огне .....	184
К Днепру .....	193
<b>Глава 9. БИТВА ЗА ДНЕПРОВСКИЙ РУБЕЖ</b>	
Группа армий «Юг» .....	202
Днепровский плацдарм. Группа армий «Центр» .....	219
<b>Глава 10. НАРАСТАЮЩИЙ НАТИСК</b>	
Прорыв у Невеля .....	227
Союзники Германии .....	240
Руководство, силы и средства, стратегия сторон .....	244
<b>Глава 11. НАСТУПЛЕНИЕ НА ФЛАНГАХ.</b>	
<b>ЮЖНЫЙ УЧАСТОК</b>	
Возобновление сражения западнее Киева .....	252
Окружение .....	264
Прорыв .....	271
Дубно—Луцк—Ковель .....	284
<b>Глава 12. НАСТУПЛЕНИЕ НА ФЛАНГАХ.</b>	
<b>СЕВЕРНЫЙ УЧАСТОК ФРОНТА</b>	
Операция «Блау» .....	288
«Эхо» в Финляндии .....	309
<b>Глава 13. ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ САМИМ СЕБЕ</b>	
Стратегия в период распутицы .....	314
Весеннее наступление советских войск .....	316
Крым .....	338
<b>Глава 14. ПРЕЛЮДИЯ К КАТАСТРОФЕ</b>	
Карелия .....	343
На пике партизанской войны .....	353
Запад и Восток .....	360
<b>Глава 15. КАТАСТРОФА НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ФРОНТЕ</b>	
Иллюзии и их крушение .....	364
Битва за Белоруссию .....	369
Битва смещается к флангам .....	385
Стабилизация обстановки .....	397
<b>Глава 16. НА ЮЖНОМ УЧАСТКЕ ФРОНТА</b>	
Бегство к Карпатам .....	404
Восстановление линии фронта .....	417
<b>Глава 17. ОТСТУПЛЕНИЕ И ОКРУЖЕНИЕ</b>	
Балканский полуостров .....	428
Будапешт .....	445
<b>Глава 18. РАЗГРОМ НА СЕВЕРЕ</b>	
Финляндия заключает перемирие .....	455
Отступление из Северной Финляндии .....	461
Отступление группы армий «Север» в Курляндию .....	474

<i>Глава 19. ЯНВАРСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ</i>	
Война на два фронта, воля фюрера и ресурсы Германии . . . . .	482
От Вислы к Одеру . . . . .	496
Восточная Пруссия . . . . .	507
Взятие Будапешта . . . . .	514
<i>Глава 20. ОБОРОНА РЕЙХА</i>	
Задачи . . . . .	520
Передышка в советском наступлении . . . . .	523
Контрудар немцев и новое советское наступление — на Вену . . . . .	535
Скоро конец? . . . . .	544
<i>Глава 21. БЕРЛИН</i>	
Накануне битвы . . . . .	556
Окружение . . . . .	565
Последний акт . . . . .	575
<i>Глава 22. ЗАКЛЮЧЕНИЕ</i>	593
Условные обозначения . . . . .	601

**Земке Эрл**  
**ОТ СТАЛИНГРАДА ДО БЕРЛИНА**  
**Операции советских войск и вермахта**  
**1942—1945**

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*  
Художественный редактор *И.А. Озеров*  
Технический редактор *Н.Н. Должикова*  
Корректоры *Т.В. Соловьева, А.В. Максименко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.03.2009.  
Формат 60×90<sup>1/8</sup>. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».  
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,0. Уч.-изд. л. 42,13.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 2327.

ЗАО «Центрполиграф»  
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15  
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

[WWW.CENTROPOLIGRAF.RU](http://WWW.CENTROPOLIGRAF.RU)

Отпечатано в ООО «Спектр-П»  
305025, г. Курск, ул. Строительная, 8

# Эрл Земке

# ОТ СТАЛИНГРАДА

# ДО БЕРЛИНА



Начальник отдела военно-исторической службы армии США Эрл Земке в своей книге рассказывает о важнейших сражениях Второй мировой войны и тех факторах, благодаря которым Советский Союз стал доминирующей державой Европы. Автор последовательно день за днем проследил ход важнейших боев между советскими войсками и немецкими армиями от Сталинграда до Берлина, осветил все аспекты партизанского движения, поведал об операциях, которые призваны были изменить ход войны.

В книге нашли отражение материалы из трофейных архивов германских сухопутных войск и военно-морских сил. Используются редкие дислокационные карты, карты боевых действий, мемуары и письменные свидетельства очевидцев, принимавших участие в боевых операциях на Востоке.

ISBN 978-5-9524-4271-9



ЦЕНТРОЛИГРАФ®